

ЛИТОВСКАЯ ЦЕРКОВНАЯ УНІЯ.

**ЛИТОВСКАЯ ЦЕРКОВНАЯ
УНІЯ.**

ИЗСЛѢДОВАНІЯ

М. Кояловича.

Томъ I.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

1859.

С 5160.9

HARVARD COLLEGE LIBRARY
OF
ARCHAEOLOGY AND ETHNOLOGY
JULY 1 1922

с

КОСІАЛОВИЧ
"ЛІТОВ. УНІІА"

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный
Комитетъ узаконенное число экземпляровъ, 14-го Ноября 1858 года.
С. Петербургъ.

Цензоръ Архимандритъ *Феодоръ*.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ВВЕДЕНІЕ	I—V.
I. МЫСЛЬ ОБЪ УНИИ И ПОПЫТКИ ВВЕСТИ ЕЕ, отъ перваго соединенія Литвы съ Поль- шею, при Ягеллѣ въ 1386 году, до по- слѣдняго, окончательнаго соединенія ихъ при Сигизмундѣ Августѣ въ 1569 году	1— 30.
II. НАЧАЛО ЦЕРКОВНОЙ УНИИ 1596 ГОДА.	31—168.
Замѣчанія объ источникахъ для Исторіи Литовской Церковной Уніи . .	169—239.
Примѣчанія	240—315.

ВВЕДЕНІЕ.

Литовская Церковная Унія всегда была спорнымъ предметомъ, какъ въ жизни, такъ и въ наукѣ. Объ Уніи высказано столько разнообразныхъ мнѣній, что въ настоящее время можно бы написать объ этомъ отдѣльное сочиненіе обширнаго объема. Не принимая на себя труда разбирать здѣсь всѣ эти мнѣнія, мы укажемъ только на два главныхъ изъ нихъ, появившіяся въ то самое время, какъ явилась въ Литвѣ и Унія.

Еще въ концѣ XVI-го столѣтія на Унію одни смотрѣли, какъ на событіе неожиданное, случайное, антиисторическое, которое насильно вторглось въ жизнь Литовско-Русскаго народа; другіе—какъ на событіе, давно приготовленное, сроднившееся съ этою жизнію и совершенно естественное.—Въ защиту того и другаго взгляда написано во времена Уніи въ Литвѣ чрезвычайно много сочиненій, одушевленныхъ самымъ пламеннымъ желаніемъ доказать ту или другую мысль (1). Такое усердіе къ защитѣ и опроверженію этихъ взглядовъ происходило отъ того, что тогда отъ рѣшенія

этого вопроса зависѣло — быть или небыть Уніи въ Литвѣ, принимать или отвергать ее, потому что, кто принималъ то или другое рѣшеніе, тотъ вмѣстѣ съ тѣмъ приходилъ и къ убѣжденію въ ложности или мнимой истинности Уніи. Вотъ, причина усердія къ рѣшенію вопроса объ историческомъ характерѣ Уніи и вмѣстѣ съ тѣмъ главная причина того, что его не рѣшили окончательно во все время, пока существовала Унія, и спорили до позднѣйшихъ временъ.

Теперь уже нѣтъ въ Литвѣ Уніи. Легче теперь рѣшить и вопросъ о характерѣ и историческомъ значеніи этого событія, потому что легче освободиться отъ тѣхъ побужденій, которыя до крайности затруднили рѣшеніе его даже для самыхъ добросовѣстныхъ людей: а рѣшеніе это важно, по нашему мнѣнію, и теперь, (хотя конечно по другой причинѣ), именно потому что отъ него зависитъ, такъ сказать, основной взглядъ на исторію Уніи. Какъ же рѣшить этотъ вопросъ? Совершенно справедливо, что не самъ народъ Западно-Русскій приготовилъ себѣ Унію и что онъ принялъ ее не какъ плодъ мыслей и дѣлъ своихъ предковъ и своихъ собственныхъ: но отсюда еще не слѣдуетъ, что до конца XVI-го столѣтія (когда появилась Унія) не готовилъ ему никогда Уніи народъ Польскій, съ которымъ связала его злополучная судьба. Изученіе исторіи Литовско-Польской приводитъ насъ напротивъ къ другому заключенію. Польша съ первыхъ дней своего соединенія съ Литвою поставила себѣ какъ-бы задачею всей своей исторической жизни объединить съ собою во всѣхъ отношеніяхъ Литовско-

русскій народъ и съ изумительною настойчивостію преслѣдовала эту цѣль во всѣ послѣдующія времена.—Къ этой цѣли она стрѣмилась двумя главными путями. Во первыхъ, объединяла съ собою Литовско-русскій народъ въ жизни общественной и частной посредствомъ многократныхъ соединеній Литвы съ Польшею, которыя всѣ извѣстны были подъ именемъ *Уній* и могутъ быть названы уніями гражданскими (2). Во вторыхъ, старалась уничтожить разность въ вѣрѣ между Литовскимъ и Польскимъ народомъ, что также называлось *Уніею* (3). Это послѣднее средство разнообразилось, смотря по обстоятельствамъ; но обыкновенное развитіе его было таково. Распространеніе римскаго Католичества въ Литвѣ, въ предѣлахъ западно-русской Церкви составляло первѣйшую заботу Польши. Но когда она убѣждалась, что эта мѣра встрѣчаетъ неодолимыя преграды и не обѣщаетъ богатаго и скорago успѣха, то обращалась къ Уніи, какъ средству, менѣе поразительному для православнаго Литовско-русскаго народа.—Но Унія никогда не отвлекала ее отъ главной цѣли—видѣть въ Литвѣ и Польшѣ строгое единство Вѣры—чистое Латинство: напротивъ, сама Унія должна была подчиняться этой цѣли—должна была вести народъ къ Латинству и для скорѣйшаго успѣха сама идти съ нимъ къ Латинству, т. е. постоянно видоизмѣняться,—удаляться отъ Православія и приближаться къ Латинству.

Такимъ образомъ Унія Литовская, при всемъ своемъ антиисторическомъ характерѣ, не есть событіе случайное (4); напротивъ, она подготовлена длиннымъ рядомъ событій, которыхъ начало скрывается въ пер-

вомъ соединеніи Литвы съ Польшею, а конецъ—въ послѣднихъ дняхъ существованія Польши, какъ государства самостоятельнаго—Литовско-Польскаго (5). Съ другой стороны, Литовская Унія не была собственно возобновленіемъ Уніи Флорентійской. Нѣтъ; это, можно сказать, чисто домашнее произведеніе Литвы, которое подготовлялось гораздо раньше Уніи Флорентійской, большею частію, независимо отъ Папы и въ полномъ своемъ развитіи существенно отличалось отъ Флорентійской Уніи, можно даже сказать—ничѣмъ на нее ни походило.

Примѣнительно къ этому взгляду на Унію, мы раздѣляемъ наше историческое обозрѣніе этаго событія на слѣдующія части:

1) Мысль объ Уніи въ Литвѣ и попытки ввести ее—отъ перваго и до послѣдняго соединенія Литвы съ Польшею, т. е. отъ 1386 до 1569 года.

2) Введеніе Уніи въ Литвѣ, съ 1569 по 1596 годъ

3) Распространеніе Уніи въ Литвѣ съ 1596 года до начала XVIII-го столѣтія, когда появилась мысль уничтожить унію и замѣнить ее настоящимъ Латинствомъ, и

4) Внутреннее развитіе Уніи,—переходъ ея отъ Православія къ Латинству,—съ 1386 года и до начала XIX-го столѣтія—т. е. до послѣдняго раздѣла Польши и изгнанія изъ предѣловъ ея Іезуитовъ.

Предлагаемъ теперь вниманію просвѣщенной публики не подробную и полную исторію Уніи, которая ждетъ еще многолѣтнихъ трудовъ, а—только основную нить событій Уніи. Пытаемъ въ себѣ при этомъ

приятную увѣренность, что знатоки Литовско-Польской исторіи не замѣдятъ уравнивать путь нашихъ изслѣдованій своими дѣльными замѣчаніями. Мы примемъ эти замѣчанія съ искреннею благодарностію, лишь бы въ нихъ не проглядывало то пристрастіе къ Уніи, которое, вызывая на поприще литературы Уніи сотни писателей и воодушевляя ихъ необычайнымъ усердіемъ къ труду, затѣмняло однако передъ ними истину и заставляло писать не исторію Уніи, а исторію возбуждаемыхъ въ нихъ этимъ событіемъ народныхъ и религіозныхъ чувствъ.

I.

МЫСЛЬ ОБЪ УНИИ ВЪ ЛИТВѢ И ПОПЫТКИ ВВЕСТИ ЕЕ.

ОТЪ ПЕРВАГО СОЕДИНЕНІЯ ЛИТВЫ СЪ ПОЛЬШЕЮ ПРИ ЯГЕЛЛѢ ВЪ 1386 ГОДУ, ДО ПОСЛѢДНЯГО, ОКОНЧАТЕЛЬНАГО СОЕДИНЕНІЯ ИХЪ ПРИ СИГИЗМУНДѢ АВГУСТѢ ВЪ 1569 ГОДУ.

Съ самаго начала монгольскаго ига надъ Россією, Литовское княжество, занимавшее до тѣхъ поръ (до половины XIII вѣка) незначительное пространство, быстро начало увеличиваться, распространяясь въ глубь Россіи, и къ тому самому времени, когда Россію озарила мысль о будущей свободѣ (во времена Димитрія Донскаго, въ концѣ XIV вѣка), Литовское княжество раскинулось на огромномъ ея пространствѣ и достигло высшаго своего могущества, какъ государство самостоятельное. Къ этому величію, народъ Литовскій немногочисленный, но окрѣпшій въ борьбѣ съ суровою природою и людьми, казалось, былъ призванъ для того, чтобы, облегчая зло монгольскаго ига для югозападной Россіи, сохранить ее отъ другихъ враговъ и самому слиться съ нею. въ

одинъ народъ, — русскій по языку и вѣрѣ. Въ то самое время, какъ югозападные русскія области испытывали на себѣ силу Литовскаго оружія и убѣждались въ необходимости подчиниться новымъ владыкамъ, въ то самое время они узнавали, что эти новые владыки жестокіе враги Монголовъ, Поляковъ и Ливонскихъ рыцарей и что ихъ оружіе счастливѣе всѣхъ въ борьбѣ съ врагами. И дѣйствительно, Литовскіе князья во все это время, (съ половины XIII до конца XIV вѣка.) какъ нельзя лучше, оправдывали такое мнѣніе о себѣ. Эрдзивилль (6), Миндовгъ (7), и особенно Витень (8), Гедиминъ (9) и Ольгердъ (10) были грозою Татаръ, Поляковъ и рыцарей. Одна уже эта сила Литвы болѣе страшная для враговъ югозападныхъ областей русскихъ, чѣмъ для нихъ самихъ, поставляла въ благопріятныя отношенія оба народа — Литовскій и Русскій. Правда, между этими народами было рѣзкое различіе въ вѣрѣ, языкѣ и нравахъ жизни; но литовскіе князья старались сгладить это различіе и во всякомъ случаѣ показывали, что они одинаково смотрятъ, какъ на Литовцевъ, такъ и на Русскихъ. Они оставляли въ русскихъ областяхъ неприкосновенными православную вѣру и гражданское устройство (11), и вѣроятно очень строго слѣдовали этому правилу даже въ самой Литвѣ, когда нѣкоторыя русскія области добровольно покорялись имъ и когда русскіе разсѣивались по всей Литвѣ на постоянное жительство. Такія дружественныя отношенія христіанскаго народа къ языческому не могли не вести къ большимъ успѣхамъ Христіанства въ Литвѣ: потому что извѣстна непререкаемая истина, что какъ скоро язычество, поставленное лицомъ къ лицу съ Христіанствомъ, не ограждается фанатизмомъ правителей и

народа, то не может не падать передъ нимъ. И дѣйствительно, съ самыхъ давнихъ временъ истина эта начала оправдываться въ Литвѣ. Православная Вѣра еще раньше монгольскаго ига начала проникать въ Литву и, — что всего замѣчательнѣе, — сами литовскіе князья подали литовскимъ язычникамъ примѣръ къ сближенію съ русскими не только въ жизни общественной, но и въ дѣлахъ Вѣры. Они постоянно роднились съ Русскими княжескими племенами и почти всѣ умирали православными христіанами (12). Этимъ путемъ Русскіе болѣе и болѣе сродняли съ собою Литовцевъ, вносили въ ихъ общество свои понятія, обычаи, свой языкъ. вмѣстѣ съ тѣмъ-мало по малу распространялась между ними православная Вѣра, распространялась, правда, мирно, незамѣтно, безъ громогласныхъ проповѣдей, вооруженныхъ иноческихъ орденовъ, но за то прочно и достойно. — Къ концу XIV-го столѣтія русская народность и Православная Вѣра проникли во всѣ слои Литовскаго общества, достигли почти повсемѣстнаго господства, (13), и немного уже нужно было времени, чтобы вся Литва сдѣлалась Государствомъ Христіанскимъ Восточнаго Вѣроисповѣданія. Одно особенно обстоятельство дѣлало весьма вѣроятнымъ такой исходъ. По сосѣдству съ Литвою поселились два ордена вооруженныхъ проповѣдниковъ Западнаго Христіанства, въ Пруссіи и Ливоніи и ознаменовывали потоками крови успѣхи Христовой Вѣры въ областяхъ Русскихъ и Литовскихъ. Россія и Литва одинаково ненавидѣли этихъ проповѣдниковъ. Въ Литвѣ эта ненависть къ прусскимъ и ливонскимъ рыцарямъ совершенно объединяла и Литовскихъ язычниковъ и литовскихъ Русскихъ, вооду-

шевяя ихъ одинаково къ борьбѣ съ этими врагами челоѳческихъ и Божескихъ законовъ (14). Но здѣсь собственно важно не это временное объединеніе Литвы и Западной Россіи, а то, что тутъ Литовець-язычникъ имѣлъ разительный случай сравнивать Латинство съ Восточнымъ Православіемъ и если въ его душу западало сомнѣніе въ истинѣ язычества, то нѣтъ нужды говорить, — какую изъ двухъ Христіанскихъ Вѣръ онъ рѣшался принять.

Такимъ образомъ, мы можемъ со всею справедливостію сказать, что для Россіи въ то время Ливонскій орденъ сдѣлалъ ту единственную и несомнѣнную пользу, что отталкивалъ отъ Латинства литовскихъ язычниковъ и располагалъ ихъ предпочитать ему Восточное-русское Православіе. Въ Литовской исторіи того времени мы находимъ разительные случаи такого предпочтенія. Въ то самое время, какъ одна вѣсть о приближеніи къ Литвѣ Латинскихъ проповѣдниковъ поднимала къ оружію всю Литву, вызывая въ пей весь остатокъ языческаго фанатизма, въ то самое время язычники литовскіе терпѣли въ средоточіи своего язычества, Вильнѣ, тысячи православныхъ русскихъ и между ними православныхъ священниковъ и даже православныя Церкви (15). И что еще поразительнѣе, въ то самое время, какъ проповѣдники Латинства въ Вильнѣ—францисканцы распяты на Виленскихъ горахъ, ни одинъ русскій священникъ, ни одинъ русскій купецъ не подвергались ни малѣйшему оскорбленію, хотя въ то время была война съ Москвою (16). Но не смотря на всѣ обстоятельства, которыя подавляли успѣхи Латинства въ Литвѣ и содѣйствовали распространенію

здѣсь русскаго Православія, вооруженные проповѣдники Западнаго Христіанства успѣли произвести въ Литвѣ величайшее зло, которое съ теченіемъ времени, какъ губительная язва, распространилось здѣсь и коснулось даже Литовско - русскихъ православныхъ. Заставляя силою цѣлыя сотни и тысячи Литовцевъ принимать Латинство и доводя до этой горькой необходимости нерѣдко даже князей литовскихъ, эти проповѣдники Христіанства приучили весьма многихъ Литовцевъ не уважать Христіанство и часто переменять вѣру по силѣ обстоятельствъ, по политическимъ видамъ по расчету (17). Это-то безразличіе въ дѣлѣ вѣры, неизмѣримо гибельное всегда, а тѣмъ болѣе, когда развивается въ народѣ при его переходѣ въ Христіанство, и измѣнило весь ходъ Литовской исторіи; оно-то и приготовило тотъ переворотъ, о которомъ мы теперь намѣрены говорить.

По смерти Ольгерда, вступилъ на великокняжескій Литовскій престолъ сынъ его Ягелло. Государь этотъ ничѣмъ не походилъ на своего знаменитаго, необычайно-даровитаго и дѣятельнаго отца, — и одно только развѣ наследовалъ онъ отъ него — особенную хитрость. Но хитрость въ Ягеллѣ не соединялась ни съ особеннымъ умомъ, ни съ энергіею; напротивъ, насколько Ягелло былъ хитеръ, настолько же недалководенъ и недѣтеленъ (18). Между тѣмъ, обстоятельства, среди которыхъ онъ вступилъ на престолъ, были очень трудныя. Татары и особенно Ливонцы не давали покоя Литвѣ. Мало того, въ самой Литвѣ, въ собственной родинѣ Ягелло имѣлъ опасныхъ людей. Дядя его Кеистуть былъ душою язычниковъ Жмудскихъ; двоюродный братъ Витовтъ

(сынъ Кейстута) любимцемъ всей Литвы. Даже родные братья Ягеллы не были къ нему расположены. Ягеллъ приходилось постоянно тревожиться за безопасность то той, то другой области и даже своего престола (19). Понятно, что такой человекъ, какъ Ягелло не способенъ былъ возвыситься надъ всѣми родичами и привязать къ себѣ народъ исполненіемъ его существенной потребности — спасти отъ враговъ и упрочить самостоятельность Литвы, за что народъ благословлялъ Гедимина и Ольгерда. Ему естественнѣе и сроднѣе было обезопасить себя ближайшимъ, первымъ попавшимся подъ руку сродствомъ. Такъ онъ и сдѣлалъ. Въ то время Поляки имѣли у себя молодую Королеву Ядвигу и пріискивали ей выгоднаго жениха. Никто не могъ быть для нихъ выгоднѣе Ягеллы и ничего не могло быть лучше для Ягеллы, какъ вступить въ этотъ бракъ и, соединившись съ Поляками, обезопасить себя отъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ (20). Временныя выгоды этого сближенія Литвы съ Польшею ослѣпили большую часть знаменитыхъ Литовцевъ. Витовтъ получилъ обѣщаніе управлять всею Литвою (21); того же надѣялись и другіе братья Ягеллы. Только Литовско-русскій народъ яснымъ славянскимъ смысломъ понялъ и оцѣнилъ всѣ послѣдствія этаго злосчастнаго союза. Въ Литовско-русскихъ областяхъ произошло возстаніе. Но неблагоразуміе главнаго дѣятеля въ этомъ возстаніи (22) и личные расчеты людей, считавшихъ для себя выгоднымъ соединеніе Литвы съ Польшею, дали совершиться злополучному союзу. Въ 1386 году Ягелло женился на Ядвигѣ, вступилъ на престолъ Польскій, не оставляя Литов-

скаго, и Литва такимъ образомъ соединилась съ Польшею въ одно государство.

Соединеніе это, повидному, было только гражданское и то не очень тѣсное. Постановлено было имѣть въ обоихъ государствахъ особые сенаты, управляться каждому своими собственными средствами и лицами, не смѣшиваясь нисколько, и только власть Короля и иногда Сеймы должны были быть общіе (23). Но Поляки съ перваго дня своего соединенія съ Литвою показали, что они ожидаютъ отъ этого событія гораздо бѣльшаго и понимаютъ соединеніе двухъ народовъ въ одно государство въ гораздо болѣе строгомъ смыслѣ. Ягелло, его братья и нѣсколько князей Литовскихъ, не смотря на то, что были уже всѣ Христіанами Восточнаго Вѣроисповѣданія, убѣждены были принять Латинство, — даже перекреститься (24). Такимъ образомъ, они стали изъ враговъ покровителями Латинства въ Литвѣ и въ первый разъ (25) сказали своему народу торжественно, что предпочитаютъ Латинство Грековосточному Вѣроисповѣданію. Уже одинъ этотъ переворотъ въ жизни лучшихъ Литовцевъ того времени долженъ былъ нанести чувствительный ударъ успѣхамъ Православной Вѣры въ Литвѣ. Но это былъ самый слабый ударъ въ сравненіи съ другими, которые началъ испытывать православный Литовско-русскій народъ съ первыхъ дней своего соединенія съ Польшею.

Поляки дали этому соединенію не только гражданскій, но и религіозный смыслъ (26).—Первымъ и главнѣйшимъ условіемъ соединенія Литвы съ Польшею постановлено господство и повсемѣстное распространеніе въ Литвѣ Латинства. — Въ грамотѣ, данной Ви-

ленскому Латинскому Епископу по случаю соединенія Литвы и Польши, мы находимъ такія требованія касательно Латинства, что исполненіе ихъ должно было необходимо сопровождаться истребленіемъ въ Литвѣ не только язычества, но и Западно-русскаго Православія. «Мы разсудили», говоритъ въ этой грамотѣ Ягелло, «постановили, обѣщали, обязались и по принятіи святыхъ таинъ дали клятву—всѣхъ людей народа Литовскаго обоего пола, въ какомъ бы они ни были званіи, состояніи и чинѣ, къ Вѣрѣ Католической (Латинской) и святому послушанію Римской Церкви привести, притянуть и всѣми способами присоединить, какой бы секты и различія они ни были» (27).

Исполняя такое обязательство, Ягелло немедленно приступилъ къ дѣлу. Обращая къ Христіанству Литовскихъ язычниковъ, онъ въ тоже время старался притянуть и присоединить, по его собственному выраженію, къ Латинской Церкви и Литовско-русскихъ Православныхъ. Онъ назвалъ ихъ торжественно схизматиками, и немедленно поставилъ всѣхъ въ самое стѣснительное положеніе (28): запретилъ имъ браки съ Латинянами и доступъ къ общественнымъ должностямъ (29). Такъ велика была его ревность къ распространенію Латинства въ Литвѣ и такъ широко было тогда у Поляковъ понятіе объ единеніи Литвы съ Польшей! Дѣйствительно, лучшіе польскіе писатели соглашаются, что цѣлю соединенія Литвы съ Польшею было намѣреніе объединить съ Поляками не только Литовцевъ язычниковъ, но и Литовско-русскихъ Православныхъ и образовать изъ всѣхъ ихъ одинъ народъ (27). Это была первая и самая строгая, по мыс-

ли Ягеллы или лучше Поляковъ, Унія Литвы съ Польшею. По этому понятію Литва должна была сдѣлаться Польскою по жизни и вѣрѣ.

Какимъ образомъ Польша, одноплеменная и до тѣхъ поръ самая дружественная съ Россіею держава, рѣшилась выполнять эту задачу, столь гибельную для Литовско-русскаго народа и для нее самой,—это объясняется главнымъ образомъ тогдашними отношеніями между Восточною и Западною Церквами и отношеніями Литовской Россіи къ Восточной. Отдѣленіе Западной церкви отъ Православной Восточной тогда уже вполне созрѣло и совершилось окончательно. Враждебныя чувства между христіанами, вызванныя этимъ раздѣленіемъ, отражались вездѣ, гдѣ только встрѣчались между собою послѣдователи Восточной и Западной Церкви. Такія чувства давно уже усвоилъ себѣ и Русскій и Польскій народъ: оба они издавна отличались примѣрною ревностію каждый къ своему Вѣроисповѣданію, поэтому не удивительно, что они высказывали эти чувства рѣзко и даже принесли имъ въ жертву давнюю свою дружбу и племенное родство. Вотъ, почему Польша съ первыхъ дней своего соединенія съ Литвою враждебно посмотрѣла на Литовско-русскихъ Православныхъ и, чувствуя свою силу, рѣшилась покорить своей власти ихъ совѣсть. По странному стеченію обстоятельствъ эта религіозная цѣль вызывалась и, по видимому, оправдывалась политическими видами Польши и Литвы.—Литовско-русскія области, при всемъ своемъ сближеніи съ Литвою не могли не сочувствовать родной странѣ—Восточной Россіи. Соединеніе Литвы съ Латинскою Польшею еще болѣе усилило это

сочувствіе и вызвало, какъ мы уже говорили, открытое возстаніе противъ Польши. Польское и Литовское правительства теперь поняли, какъ непрочно ихъ власть надъ этими областями и какъ ненадежны будутъ всѣ средства къ усиленію этой власти, если Литовско-русскій народъ будетъ исповѣдывать одно вѣру съ Восточною Россіею. Повсемѣстное распространеніе Латинства въ областяхъ Литовско-русскихъ казалось лучшимъ средствомъ къ тому, чтобы прервать связь Западной Россіи съ Восточною и связать ее навсегда съ Польшею. Вотъ, почему съ такимъ жаромъ Ягелло и многіе изъ его преемниковъ содѣйствовали успѣхамъ Латинства въ Западной Россіи, подвластной Литвѣ.

Посмотримъ теперь, насколько Поляки успѣвали въ своемъ намѣреніи слить въ одно Литву и Польшу?

Когда Ягелло, окруженный Латинскимъ духовенствомъ, сталъ проповѣдывать въ Литвѣ Латинство «съ Апостольскою, какъ говорятъ польскіе писатели, ревностію»; т. е. фанатическимъ жаромъ, то Литовскіе язычники, за исключеніемъ Жмуди, легко и скоро принимали новую вѣру (30), тѣмъ болѣе, что принимавшіе Латинство, кромѣ гражданскихъ преимуществъ, получали еще подарки. Но Православные Литовско-русскіе не обольщались никакими подарками; они противопоставляли ревности Ягеллы несокрушимую силу Православія (31) и не трудно было понять, что эта сила слишкомъ велика и выдержать самую упорную борьбу, если бороться съ нею прямо, открыто.— Поэтому Ягелло, или лучше сказать, Польское духовенство рѣшились сдѣлать Православнымъ уступку. Они требовали отъ нихъ не прямого перехода въ Ла-

тинство, а только признанія надъ собою власти Папы, не опредѣляя однако, въ чемъ должно выражаться подчиненіе Папѣ (33). По всему видно, что это, новое, требуемое отъ Православныхъ Вѣроисповѣданіе было что-то въ родѣ Уніи Флорентійской, явившейся въ послѣдствіи. Такимъ образомъ, мы видимъ, что въ Литвѣ мысль объ Уніи явилась гораздо раньше Уніи Флорентійской и совершенно особымъ путемъ, независимо отъ всѣхъ Уній между Восточною и Западною Церквами. Мысль объ Уніи появилась въ Литвѣ, какъ слѣдствіе первоначальной затѣи ввести здѣсь чистое Латинство и какъ неизбежная уступка твердости убѣжденій Литовско-русскихъ Православныхъ, т. е. послѣ того, какъ Литовско-русскіе Православные рѣшительно отказались принять Латинство, имъ предложили что то среднее между Латинствомъ и Восточнымъ Православіемъ—Унію. Но и въ этомъ случаѣ Православные Литовско-русскіе упорствовали и Ягелло часто долженъ былъ издавать противъ нихъ стѣснительныя постановленія (34).

Всѣ эти постановленія, какъ видно изъ самыхъ грамотъ, касались сначала частныхъ лицъ. Ягелло, какъ будто, не обращалъ никакого вниманія на Западно-русскую Церковь и, какъ будто, не хотѣлъ понять, что она-то и есть главная опора всей силы убѣжденій Литовско-русскихъ Православныхъ. Но не много нужно было ума и знанія дѣла, чтобы убѣдиться въ томъ, что дѣйствительно Православная Церковь согрѣваетъ и воспитываетъ въ сынахъ своихъ такую любовь къ Восточному Вѣроисповѣданію. Ягелло, наконецъ, обратилъ вниманіе на всю Западно-русскую Церковь и рѣ-

шился сокрушить эту преграду къ повсемѣстному распространенію въ Литвѣ Латинства, — рѣшился ввести Унію во всей Западно-русской Церкви.—Но для этого прежде нужно было еще отдѣлить Западно-русскую Митрополию отъ Восточно-русской, откуда одна грамота могла уничтожить всѣ попытки къ Уніи. Ягелло воспользовался честолюбіемъ Луцкаго Епископа Іоанна и общалъ ему въ 1398 году санъ Митрополита (35). Затѣя эта не состоялась; но Ягелло не потерялъ надежды и вскорѣ имѣлъ случай опять составить планъ Уніи, по видимому, очень прочный. Около 1414 года въ Литвѣ сильно были недовольны Московскимъ Митрополитомъ Фотіемъ. Витовтъ, управлявшій тогда Литвою, рѣшился отдѣлить Западно-русскую Митрополию и ввѣрить ее управленію особому, Литовскому Митрополиту. Насколько въ этомъ случаѣ дѣйствовалъ Ягелло—неизвѣстно; но несомнѣнно то, что онъ былъ весьма радъ отдѣленію Западно-русской Митрополіи отъ Восточной и ожидалъ отъ этого событія такихъ богатыхъ плодовъ для Латинства, что въ то самое время, какъ происходило въ Новогрудкѣ избраніе Литовскаго Митрополита, онъ далъ обѣщаніе Константскому Собору ввести Церковную Унію во всей Литвѣ (36). Но Ягелло совершенно ошибся въ своемъ расчетѣ. Витовтъ не способенъ былъ исполнять его планы (37). Правда, какъ государь, исповѣдывавшій Латинство и притомъ надѣявшійся получить королевскую корону изъ рукъ Папы, онъ покровительствовалъ Латинянамъ въ Литвѣ, но Витовтъ покровительствовалъ тоже и Жидамъ и Татарамъ и Православнымъ Христіанамъ (38). Онъ тогда уже задумывалъ образовать

изъ Литвы совершенно отдѣльное государство, и, желая крѣпче привязать къ себѣ всю Литву, давалъ свободное развитіе всѣмъ жизненнымъ ея силамъ, всѣмъ народамъ. — Короче сказать, Витовтъ задумалъ разорвать связь Литвы съ Польшею (39). Поэтому, хотя ему выгодно было ослабить тѣ узы, которыя связывали Литовско-русскія области съ Москвою, но не было никакой выгоды раздражать главную и самую крѣпкую массу Литовскаго народа какою-нибудь Уніею въ угоду Польшѣ (40). Поэтому, далѣе, мы видимъ, что хотя Витовтъ со всею настойчивостію требовалъ и у Патріарха Константинопольскаго и у Западно-русскихъ Епископовъ избранія Литвѣ особаго Митрополита (41); но онъ не мѣшалъ Западно-русскому Новогрудскому Собору избрать себѣ достойнѣйшаго Митрополита — Григорія Цимблака, — такого человѣка, который совершенно неспособенъ былъ вводить въ своей Митрополіи Унію (42). Мало того, Витовтъ настолько былъ равнодушенъ къ плану Ягеллы — объединить по вѣрѣ Литву съ Польшею, что когда ему понадобилось пріобрѣсть расположеніе Московскаго Князя, то онъ, по смерти Григорія Цимблака, возвратилъ Московскому Митрополиту управленіе Западно-русскою Митрополіею (43). Какъ однако мало способны были въ Польшѣ отказаться отъ любимой мысли ввести въ Литвѣ Унію, это видно изъ того, что объ ней опять заговорили въ 1427 году на торжественномъ Луцкомъ Сеймѣ, на которомъ присутствовали многіе вѣнценосцы. — Но замышляемая теперь Унія меньше чѣмъ когда нибудь могла имѣть успѣхъ. На этомъ Сеймѣ былъ сильный представитель и защитникъ Восточнаго Вѣроисповѣданія Царь Московскій.

Поэтому сами польскіе сенаторы признали Унію неудобноисполнимою, по той, какъ говорили они, причинѣ, что въ Литвѣ Православныя многочисленнѣе Римскихъ католиковъ. Дѣйствительная же причина, очевидно, была другая, именно та, что православное населеніе Литвы вовсе не расположено было къ Уніи и что теперь опасно было раздражать его. Зная очень хорошо эту причину и какъ бы невольно уважая ее, польскіе сенаторы даже прибавили, что въ святости догматовъ одна Вѣра не уступаетъ другой (44). Но не такъ они равнодушны были къ своей церкви и далеко не такъ смотрѣли на православную Литовско-русскую Церковь послѣ того, когда на Флорентійскомъ Соборѣ провозглашено было соединеніе Церквей и когда съ этою вѣстію проѣзжалъ черезъ Польшу и Литву Русскій Митрополитъ Исидоръ, принявшій это соединеніе.

Къ этому времени союзъ Литвы съ Польшею совершенно ослабѣлъ. Попытки Витовта короноваться королевскимъ вѣнцемъ обнаружили всю непрочность этого союза. Еще яснѣе обнаружилась она при Свидригеллѣ. Свидригелло пошелъ по слѣдамъ Витовта и явно покровительствовалъ Православнымъ, зная очень хорошо, что они всегда готовы поднять оружіе противъ Поляковъ. Поляки теперь, какъ и во времена Ягеллы, увидѣли, откуда грозитъ опасность Литовско-польскому союзу и, утвердивъ на мѣсто Свидригеллы Сигизмунда—горячаго Латинянина, излили весь свой гнѣвъ на Православныхъ; они разорили большію часть ихъ Церквей (45). Но поражая Православныхъ одною рукою, они очень рады были приласкать ихъ другою. По-

этому, когда Исидоръ прибылъ въ Польшу, то Поляки съ торжествомъ встрѣтили его, съ непритворною радостію приняли привезенную имъ вѣсть о соединеніи Церквей и дали ему всѣ средства огласить Литву этою вѣстію. Не стѣсняясь теперь присутствіемъ восточныхъ ревнителей Православія на Флорентійскомъ Соборѣ и многочисленной Русской свиты, которая почти вся оставила его, Исидоръ далъ теперь полную свободу своей ревности къ Латинству. Онъ громогласно проповѣдывалъ принятую Унію, писалъ посланія (46) и, если вѣрить Польскимъ Писателямъ, даже служилъ въ римскихъ костелахъ (47). Какъ Литовско-русскіе Православные смотрѣли на эти поступки Исидора и насколько они убѣдили его въ своей любви или ненависти къ проповѣдуемой имъ Уніи, — объ этомъ существуютъ различныя мнѣнія. Но не сомѣнно однако, что Исидоръ не много рассчитывалъ на то, что одна его проповѣдь въ Литвѣ объ Уніи будетъ имѣть прочный успѣхъ. Онъ считалъ еще необходимымъ расположить православныхъ къ Уніи выгодами житейскими. На возвратномъ пути изъ Россіи или, лучше, во время бѣгства оттуда, Исидоръ просилъ Польскаго Короля дать Православнымъ особенныя права (48). Владиславъ Варнскій, вѣроятно, также думалъ, что это самое лучшее средство устроить дѣло. Не спрашивая вовсе у Православныхъ согласны ли они на Унію, онъ издалъ грамоту, которою уравнялъ Православныхъ съ Римскими католиками во всѣхъ правахъ, потому что, какъ говорилось въ грамотѣ, теперь Восточная Церковь соединилась съ Западною (49). Но какъ при Ягеллѣ, такъ и теперь Православные Литовско-русскіе не обольщались никакими привилегіями

и не уступали даже преслѣдованіямъ. Какъ смотрѣть на Флорентійскую Унію, — признавать-ли ее дѣломъ законнымъ или нѣтъ, они не колебались. Черезъ нихъ же области спасался бѣгствомъ изъ Москвы проповѣдникъ Уніи въ Россіи. Они вполнѣ сочувствовали въ этомъ дѣлѣ Восточной Россіи и, когда политическія обстоятельства заставили преемника Владиславова Казимира вручить управление Западно-русскою Митрополіею Московскому Митрополиту Іонѣ; то они съ радостію покорились его власти не смотря на то, что Папа проклялъ этаго великаго Святителя. Но, повторяемъ опять, въ Польшѣ вовсе не намѣрены были отказываться отъ любимой мысли — скрѣпить узы Литвы съ Польшею посредствомъ Уніи Церковной. О необычайномъ поступкѣ Казимира немедленно сообщено было Папѣ. Папа сильно вознегодовалъ на безпечнаго Ягеллона; утвердилъ на Литовской митрополічей кафедрѣ ученика Исидора Григорія и прислалъ Казимиру суровую грамоту, въ которой приказывалъ какими бы то ни было средствами утвердить и поддерживать Григорія на Митрополічей кафедрѣ (50). Кромѣ того, Латиняне выхлопотали у тогдашняго Константинопольскаго Патріарха, тоже уніята, грамоту, которою онъ приказывалъ Литовцамъ повиноваться Митрополиту Григорію (51). Такимъ образомъ, теперь, повидимому, все было сдѣлано для утверженія Уніи въ Литвѣ. Предоставлены были особенныя права будущимъ уніятамъ, поставленъ Митрополитъ—уніять и власть его признана законною Константинопольскимъ Патріархомъ и Польскимъ Королемъ. Наконецъ, по счастливому для Уніи стеченію обстоятельствъ, этотъ Митрополитъ — уніять, столь прочно

утвержденный на своей кафедрѣ, живеть очень долго и около двадцати лѣтъ управляетъ Литовскою митрополіею.—Какіе же были плоды этихъ усиленныхъ хлопотъ и этаго многолѣтняго управления?—Исторія не сохранила намъ объ нихъ никакихъ прямыхъ свидѣтельствъ и, сколько мы знаемъ Западно-русскую полемическую литературу, самые жаркіе поборники Уніи ничего не придумали въ подтвержденіе этихъ успѣховъ, кромѣ того, что Митрополитъ Григорій былъ уніать и что онъ былъ Митрополитомъ, будтобы, *цѣлыхъ тридцать лѣтъ*, т. е. за неизмѣнимъ другихъ доказательствъ, они только увеличили число лѣтъ управленія Григорія (52).—Но небыло ни какой надобности прибавлять этихъ нѣсколькихъ годовъ. Еслибы Митрополитъ Григорій былъ на Литовской кафедрѣ даже меньше четырнадцати лѣтъ, (какъ это было на дѣлѣ), то и въ это время онъ очень могъ бы приобрести латинству нѣсколькихъ уніатовъ въ Литвѣ изъ людей близкихъ къ нему и способныхъ для житейскихъ выгодъ измѣнить Вѣрѣ отцовъ. Но если намъ на этомъ основаніи стануть утверждать, что Григорій дѣйствительно ввелъ Унію во всей Западно-русской Церкви; то мы должны будемъ со всею рѣшительностію отвергнуть такое заключеніе; потому что оно недается ни однимъ свидѣтельствомъ исторіи, а между тѣмъ изъ грамотъ Папы и Патріаршей мы ясно видимъ, что паства Григорія вовсе не расположена была принимать Уніи. И надобно думать, что это нерасположеніе было очень велико, когда Казиміръ запретилъ Православнымъ строить Церкви.—Эта грамота Казиміра поставила въ рѣшительное затрудненіе уніятскихъ

писателей, доказывавшихъ, что тогда Унія существовала въ Западно-русской Церкви. Они невольно должны были сознаться, что во многихъ мѣстахъ тогда не принимали Уніи (53). Мы напротивъ думаемъ, что не во многихъ мѣстахъ а во всѣхъ Епископіяхъ не приняли тогда Уніи. Извѣстно, что въ Литвѣ и послѣ, — Епископіи были почти совершенно независимы отъ Митрополита, а въ настоящее время, они были менѣе зависимы отъ него, чѣмъ когда либо. Они еще не сроднились теперь съ мыслию о раздѣленіи Митрополіи и, что всего важнѣе, теперь имъ присланъ былъ отъ Папы Митрополитъ-уніятъ на мѣсто всѣми любимаго Іоны, которому недавно повѣрена была Литовская Митрополія самимъ Королемъ, Далѣе, ни одного Собора не происходило въ это долгодѣтнее правленіе Григорія и ни одной грамоты не сохранилось отъ его имени, а возможно ли было бы такое молчаніе и недѣятельность Митрополита при введеніи Уніи, если бы онъ могъ что нибудь сдѣлать для нее? — По всему видно, что Митрополитъ Григорій очень смиренно сидѣлъ на своей кафедрѣ и довольствовался лишь тѣмъ, что могъ оставаться на ней и носить имя Литовскаго Митрополита. Единственно важнымъ и неоспоримымъ слѣдствіемъ пребыванія Григорія на Западно-русской Митрополической кафедрѣ было то, что въ долговременное его правленіе Литовско-польское Правительство привыкло видѣть въ Литвѣ особаго Митрополита и рѣшилось навсегда сохранить такой порядокъ. Послѣ Григорія, дѣйствительно, начался непрерывный рядъ особыхъ, Литовско-русскихъ Митрополитовъ.

Каковы были эти Митрополиты и какъ они поддерживали или разрушали планъ Польши ввести въ Литвѣ Унію, объ этомъ до начала XVII-го столѣтія неизвѣстно было почти ничего.—Осталось отъ этого времени одно дѣяніе соборное (1509 года), изъ котораго видно, что въ Западно-русской Церкви сохранялось Восточное Православіе (54). Лѣтописныя извѣстія о Западно-русскихъ Митрополитахъ и древніе каталоги ихъ сообщаютъ только перечень ихъ именъ, указаніе на время управленія паствою и помѣстамъ на то, что Митрополиты Западно-русскіе подчинялись Константинопольскимъ Патріархамъ (55). О папѣ и объ Уніи въ этихъ извѣстіяхъ ни слова. Но въ началѣ XVII-го столѣтія, именно въ 1605 г., сдѣлано было замѣчательное открытіе историческихъ памятниковъ объ этихъ Митрополитахъ. Въ то время, только что введена была въ Литвѣ Унія и очень трудно было рѣшить, удержится ли она, потому что православные вознегодовали на нее необычайно и Противились ей съ поразительною твердостью. Появилось нѣсколько сочиненій, въ которыхъ разоблачались дѣла виновниковъ Уніи и, между прочимъ, доказывалась мысль, что такого бѣдствія, какъ Унія 1596 г., Западно-русскій народъ никогда не зналъ, что это небывалое зло. Тогдашній уніятскій Митрополитъ Ипатій Поцѣй рѣшился опровергнуть эти сужденія и доказать, что Унія и прежде существовала въ Литвѣ. Въ 1605 году онъ обнаружилъ, что открылъ древній историческій памятникъ объ Уніи, именно,—соборную грамоту Митрополита Мисаила къ Папѣ Сиксту IV-му о готовности принять Унію.—Подъ грамотою

этою подписанъ, будтобы, Виленскій Архимандритъ Макарій и Брестскій Кастелянъ Юсифъ Салтанъ—оба въ послѣдствіи Западно-русскіе Митрополиты (56). Такимъ образомъ, выходило, что три Западно-русскіе Митрополита—Мисаилъ, Макарій и Юсифъ Салтанъ были уніятами. Объ Уніи послѣдняго нашли новое свидѣтельство—именно—грамоту къ нему Патріарха Нифонта, изъ которой будтобы видно, что Юсифъ желалъ принять Унію и просилъ объ этомъ совѣта у Константинопольскаго Патріарха. Открытіе Поцѣя повело къ подробнымъ изслѣдованіямъ этого предмета. Появилось нѣсколько сочиненій, въ которыхъ дѣлались уніятами то тѣ, то другіе Митрополиты, бывшіе послѣ Мисаила (57). Въ этихъ сочиненіяхъ обыкновенно употреблялся такой оборотъ рѣчи: «такой-то Митрополитъ былъ родомъ Литовець, человѣкъ образованный, держался Уніи, или—былъ ревнителемъ Уніи» Исключенія дѣлались для очень немногихъ Митрополитовъ, именно тѣхъ, о которыхъ несомнѣнно было извѣстно, что они были родомъ изъ Восточной Россіи. О такихъ обыкновенно дѣлалось замѣчаніе: «этотъ былъ родомъ Москвитянинъ, человѣкъ неученый, не принималъ Уніи.» Но если сравнить всѣ каталоги Митрополитовъ, составленные уніятскими писателями, то окажется, что уніятами и неуніятами дѣлаются въ нихъ не одни и тѣже Митрополиты,—въ одномъ такой-то Митрополитъ показанъ уніятомъ, въ другомъ—не уніятомъ и на оборотъ (58). Это разнорѣчіе подало поводъ позднѣйшимъ уніятскимъ писателямъ считать уніятами всѣхъ Митрополитовъ почти до самой Уніи (59). Но каждый согласится, что мы на этомъ же самомъ основаніи съ боль-

шею справедливостію можемъ всѣхъ этихъ Митрополитовъ считать неуніятами, имѣя въ сказанномъ достаточную причину признавать пристрастнымъ и ложнымъ мнѣніе объ ихъ Уніи Польскихъ писателей. Но не высказывая своего покажемъ прежде мнѣнія, ^{иногда} какъ на это дѣло смотрѣли Православные писатели, современные Поцѣю и позднѣйшимъ писателямъ уніятскимъ. Поцѣй, сдѣлавшій свое знаменитое открытіе, очень вѣрно рассчиталъ, что православные Литовско—русскіе не повѣрятъ ему наслово. Поэтому, онъ представилъ свой документъ въ Виленскій Магистратъ и Магистратъ засвидѣтельствовалъ его подлинность. Но понятно, что авторитетъ судебного мѣста и притомъ состоявшаго почти исключительно изъ Латинянъ или Уніятвъ не могъ имѣть значенія для Православныхъ въ дѣлѣ ученомъ. Они не повѣрили Поцѣю и смѣялись надъ его усердіемъ отыскивать «хламъ по угламъ». — Нѣкоторые даже прямо объявляли, что Поцѣй составилъ подложный памятникъ. Въ скоромъ времени Православные подвергли этотъ памятникъ ученымъ изслѣдованіямъ. Мелетій Смотрицкій въ своемъ *Θρηνοσ*, Мороховскій — въ *Παρηγορέια* разобрали его и доказывали его подложность. Въ новѣйшее время тоже доказывали — Пресвященный Георгій Конисскій и Митрополитъ Евгеній (60). Впрочемъ, во всѣхъ этихъ сочиненіяхъ подложность этого памятника доказывается далеко не съ такою рѣшительностію, что-бы не оставалось мѣста никакому сомнѣнію. Въ нихъ допускается мысль, что во времена Митрополита Мисаила и Иосифа Салтана, дѣйствительно, принуждали Православныхъ къ Уніи (61). Слѣдовательно, Поцѣй взялъ въ основу дѣйствительные факты

и только искажилъ ихъ. Сравнивая теперь всѣ извѣстія объ Уніи послѣ Митрополита Григорія и свѣряя ихъ съ исторіею Литвы того времени, мы представляемъ это дѣло слѣдующимъ образомъ, предупреждая однако читателя, что отнюдь не считаемъ нашихъ соображеній безусловно вѣрными.'

Очень вѣроятно, что Митрополитъ Григорій, во время долговременнаго своего пребыванія на Митрополичьей кафедрѣ, часто заводилъ рѣчь о Флорентійской Уніи и возбуждалъ споры о догматическихъ разностяхъ между Восточною и Западною Церковію (62). Споры эти особенно усилились по смерти Григорія, когда его приверженцы, лишившись теперь всякаго значенія, должны были чѣмъ нибудь защищать образъ своихъ мыслей и когда Православнымъ естественно было заботиться, чтобы на Митрополичьей кафедрѣ не былъ снова Уніятъ.—Нѣтъ далѣе, никакого сомнѣнія въ томъ что Литовско-Польскіе римскіе Католики не оставались равнодушными слушателями того, какъ опровергалось ученіе ихъ церкви. Они приняли участіе въ этихъ спорахъ и къ доказательствамъ научнымъ присоединяли преслѣдованія Православныхъ. Бернардинцы разсѣялись по Литвѣ съ проповѣдію объ Уніи и много производили смятенія въ народѣ (63). Между тѣмъ, въ это время (въ концѣ XV ст.) Папа объявилъ юбилей и, слѣдовательно, сборъ денегъ въ пользу Апостольскаго престола (64). Поляки, видно, не желали одни пользоваться плодами юбилея и старались принудить къ участію въ этомъ и Запдно-русскій народъ. Вопросъ объ Уніи теперь сталъ для нихъ вдвойнѣ важнымъ. Какъ Поляки успѣли склонить Православныхъ,

чтобы они обратились къ Папѣ и кого именно склонили,—этого мы незнаемъ, считая памятникъ Поцѣя искаженнымъ; но несомнѣнно то, что Поляки отправили (въ 1474) къ Папѣ съ своимъ посольствомъ Брестскаго Кастеляна Юсифа Салтана и внушили ему просить у Папы для Западно-русской Церкви разрѣшенія недоумѣній объ Уніи Флорентійской и—допустить къ участию въ юбилеѣ (65). Очень вѣроятно, что при этомъ Салтану вручена была къ Папѣ грамота, о которой мы можемъ сказать вѣрнаго лишь то, что ее могъ написать только изступленный Латинянинъ среднихъ вѣковъ, потому что въ этой грамотѣ къ Папѣ отнесены выраженія великаго Славословія, обращенныя тамъ къ Сыну Божію.

Каковъ былъ успѣхъ всей этой затѣи, это видно изъ послѣдующихъ событій.—Латиняне, какъ будто, убѣдились въ бесполезности Уніи и обратились къ давнему своему плану,—стали проповѣдывать въ Литвѣ Латинство и принуждать Православныхъ прямо къ Латинству. Ревность ихъ была такъ велика, что они взволновали всю Литву, не пощадили даже жены Короля Александра, дочери Московскаго князя и принуждали ее принять Латинство. Тогда Латиняне, какъ-бы, воскресили времена Ягеллы: они заставляли Православныхъ перекрещиваться. Притѣсненія были такъ велики, что цѣлыя области отпадали отъ Литвы, избѣгая гоненій за вѣру, и переходили подъ власть Московскаго князя (66). О страданіяхъ Православныхъ узналъ даже самъ Папа и счелъ нужнымъ ограничить ревность Польскихъ Латинянь: онъ запретилъ имъ перекрещивать Православныхъ и приказывалъ требовать отъ нихъ

только признанія власти Папы, но оставлять при обрядах Восточной Церкви (67), т. е, папа приказывалъ что-бы польскіе Латиняне обращали Западно-русскихъ Православныхъ не прямо въ Латинство, но въ Унію въ смыслѣ Уніи Флорентійской.—Покорные вельніамъ Папы Литовско-Польскіе Католики обращались часто и настойчиво съ этимъ требованіемъ къ тогдашнему (въ началѣ XVI-го ст.) Литовскому Митрополиту—Іосифу Салтану. Іосифъ Салтанъ, много обязанный Полякамъ и за свое возведеніе на Митрополичью кафедру и за особенныя преимущества въ санѣ Митрополита (управлялъ двумя кафедрами—Митрополичьею и Смоленскою Епископіею), дѣйствительно, показывалъ усердіе къ Уніи, такъ что Поляки называли его горячимъ Уніятюмъ (68), а Православные—Латинствующимъ (69). Но какъ мало Салтанъ успѣвалъ въ своей ревности къ дѣлу Уніи, это лучше всего видно изъ той самой грамоты, которую къ нему писалъ Константинопольскій Патріархъ и которую, по нашему мнѣнію, Уніаты гораздо меньше исказили, чѣмъ посланіе Мисаила къ Сиксту IV-му. Іосифъ, какъ видно, призналъ свое положеніе безвыходнымъ и рѣшился обратиться за совѣтомъ къ Константинопольскому Патріарху. Онъ жаловался ему на неотступныя требованія Латинянъ, что-бы въ Литвѣ введена была Унія, и спрашивалъ—какъ поступать ему въ этомъ случаѣ. Патріархъ отвѣчаетъ, что Іосифу лучше всего отговариваться тѣмъ, что безъ Патріарха онъ не можетъ самъ ввести Унію въ Литвѣ (70).—
Есть основаніе думать, что Салтанъ последовалъ совѣту Патріарха. До насъ дошло дѣяніе собора, бывшаго при немъ въ 1509 году, — здѣсь ни слова объ Уніи;

Ср. 11
Мат
См. 9

напротивъ подтверждаются всѣ правила Церкви Восточной.

Вскорѣ сами Поляки должны были ослабить свою нетерпимость къ православной Вѣрѣ. Война съ Московскимъ Княземъ, вызванная преслѣдованіями Западно-русскаго Православія, заставила ихъ быть осторожными. Стараясь успокоить Московскаго Князя и встревоженные умы въ Литовско-русскихъ областяхъ, они перестали, прежде всего, преслѣдовать людей, окружавшихъ Королеву Елену, и даже дали имъ возможность приобрести особенное значеніе въ Литовско — русскомъ обществѣ. — Два Митрополита — Іона II-й и Макарій II-й, управлявшіе Западно-русскою кафедрою почти преемственно и очень долго, были изъ числа людей, самыхъ приближенныхъ къ Королеви Еленѣ, и по сознанію даже Польскихъ писателей были жаркими поборниками Православія (71). Понятно, что такіе люди были рѣшительно недоступны никакимъ внушеніямъ объ Уніи. Въ ихъ-то время, обнимавшее почти половину XVI-го столѣтія, планъ Уніи былъ оставленъ. Правда, частныя лица не разъ еще терпѣли притѣсненія, но объ Уніи во всей Западно-русской Церкви Латиняне не смѣли думать (72), потому что теперь для Литовско-Польской Римско-католической Церкви настали самыя злополучныя времена. — Теперь нужно было думать уже не о распространеніи ея, а о томъ, чтобы спасти ее отъ совершенной гибели. Но объ этомъ скажемъ въ своемъ мѣстѣ, — а теперь сдѣлаемъ общее обзорѣніе состоянія Западно-русской Церкви въ разсмотрѣнное нами время.

Какое же составить общее понятіе объ Уніи въ Литовскомъ Княжествѣ, въ XV-мъ и началѣ XVI-го

столѣтія?—Литовско-Польскіе Римскіе Католики, поддерживаемые болѣе или менѣе своимъ правительствомъ, не видя возможности обратитъ Русиновъ прямо въ Римское Католичество, старались обратитъ ихъ, по крайней мѣрѣ, въ Унію и неоднократно дѣлали къ тому разныя попытки. Потому-то, даже самыя безпристрастные Польскіе историки говорятъ, что Унія тогда была. Была она, конечно, но, какъ любимая мысль Литовско-Польскихъ Римскихъ Католиковъ, какъ замысль и предметъ постоянныхъ заботъ и совѣщаній, что очень хорошо извѣстно Польскимъ историкамъ. Въ этомъ отношеніи, ихъ извѣстія совершенно справедливы и отвергать ихъ не возможно. По временамъ, конечно, удавалось Полякамъ склонить къ Уніи того или другого Митрополита, который, не будучи въ состояніи вести ея въ Западно-русскую Церковь на самомъ дѣлѣ, успокаивалъ однако, на нѣкоторое время, ревнителей Латинства тѣмъ, что самъ принималъ Унію. Но скоро они замѣчали, что на дѣлѣ нѣтъ никакой Уніи, что Западно-русская Церковь не знаетъ ея въ своей практикѣ, въ ученіи, богослуженіи и что Православный народъ еще болѣе чуждается Римско-католичества (73). Поэтому, попытки ввести Унію опять возобновлялись. Но такъ какъ они опять были безуспѣшны, такъ какъ Православные сокрушали ихъ своею твердостью въ вѣрѣ; то оказывалось нужнымъ давать полную силу постановленіямъ Ягеллы противъ непризнающихъ надъ собою власти Папской. Ихъ не допускали къ должностямъ государственнымъ, особенно въ Сенатъ, имъ запрещали строить церкви, была даже учреждена инквизиція (74). Но и эти усиленные мѣры

не приносили ожидаемаго плода, потому что (какъ показываютъ усилія Римскихъ Католиковъ ввести Унію и постановленія ихъ противъ Русиновъ) Православные сильно отставали свою вѣру и потому что наблюдать за дѣломъ Уніи и утверждать въ ней народъ не было тогда никакой возможности. Постоянныя, почти ежегодныя вторженія Татаръ, которые нерѣдко подходили къ самому Вильну (75), почти непрерывная война съ Россією препятствовали Римскимъ Католикамъ поддерживать и укрѣплять Унію въ Литовскомъ Княжествѣ. Усердіе приверженцевъ Папы находило затрудненіе еще въ томъ, что въ рассматриваемое нами время на Литовско-Польскомъ престолѣ были прямые потомки Ягеллы — Ягеллоны, природные Литовцы, преданные Литвѣ несравненно больше, нежели Польскому Королевству (76). По чувству любви къ родинѣ, въ которой они большею частію жили, они не скоро рѣшались возмущать народъ сильными мѣрами для распространенія Латинской вѣры. Наконецъ, всѣ мѣры для утвержденія Уніи въ Западно-Русской Церкви были совершенно прекращены, съ появленіемъ и распространеніемъ въ Литвѣ Протестантовъ и другихъ еретическихъ обществъ, къ концу первой половины XVI-го столѣтія. Унія тогда исчезла и забыта была народомъ, такъ что, когда возобновилась опять, къ концу XVI-го ст., то всѣ Православные называли ее дѣломъ неслыханнымъ, неизвѣстнымъ ихъ предкамъ (77).

Такъ, повидимому, кончились безъ всякаго успѣха слишкомъ вѣковыя усилія Литовско-Польскихъ Римскихъ Католиковъ поколебать Западно-русскую Церковь. Тѣмъ не менѣе, эти усилія произвели важную перемѣну

въ состояніи этой Церкви и подготовили тѣ бѣдствія которыя постигли ее въ концѣ XVI-го столѣтія, — когда въ послѣдній разъ появилась Унія. Въ слѣдствіе Уніи Ягеллы и потомъ разныхъ попытокъ ввести Унію Флорентійскую, Римская Церковь въ Литвѣ прочно основалась и получила права господства исключительнаго (78), — Православная, напротивъ, была только терпимою (въ самомъ ограниченномъ смыслѣ этого слова) и то не всегда; потому что на нее чаще смотрѣли, какъ на общество незаконное, вредное для союза Литвы съ Польшею (79). Слѣдствія такого положенія Западно-Русской Церкви были очень важны. При самомъ присоединеніи Литовскаго Княжества къ Польшѣ, многіе Православные Литовско-Русскіе Князья и бояре приняли Римское Католичество. Число такихъ людей увеличивалось послѣ каждой сильной попытки Римскихъ Католиковъ распространить свою вѣру и стѣснить или поколебать Восточное Вѣроисповѣданіе. Въ самой гражданской жизни Русины больше и больше имѣли случаевъ и побужденій сближаться съ Литовскими и Польскими — Римскими Католиками (80) и принимать ихъ вѣру, вмѣстѣ съ особенными правами, предоставленными членамъ господствующей Римско-Католической Церкви. Такимъ образомъ, подлѣ Западно-Русской Церкви, или лучше въ ея предѣлахъ, образовалась сильная и враждебная ей Церковь Римская, которая въ началѣ XVI-го столѣтія имѣла въ Литвѣ уже 700 приходовъ (81). Эту Церковь поддерживала и возвышала власть правительственная Литовско-Польская, — Король, по вѣрѣ Католикъ и, слѣдовательно, всегда болѣе или менѣе расположенный содѣйствовать благу

своей Церкви, какъ бы онъ ни любилъ Литовско-Русскій народъ, — далѣе представительная власть народная, въ которой самое важное мѣсто занимало Латинское духовенство. Чтобы правильно понимать все значеніе Литовско-Польскаго духовенства, его вліяніе на Короля и народъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ понимать и тотъ разладъ, который постоянно выражался въ правительственныхъ дѣйствіяхъ Польши и давалъ изслѣдователямъ Уніи основанія для какихъ угодно взглядовъ, — необходимо всегда имѣть въ виду образъ правленія Польши. Какъ государство почти республиканское, Польша всегда имѣла сильныя партіи, которыя попеременно торжествовали и въ частныхъ случаяхъ давали самое нелогическое теченіе дѣламъ, — самъ Король бывалъ игрою этихъ партій. — Отъ того мы видимъ, что иногда планъ Уніи совершенно оставляется, даже подвергается гласному поруганію и потомъ опять является во всей силѣ. Въ лабиринтѣ этихъ противорѣчій, дѣйствительно, трудно иногда найти путеводную нить, которая бы указала намъ непрерывное существованіе и развитіе этого плана. Но при внимательномъ изученіи исторіи Литовско-Польской, эта путеводная нить обозначена очень ясно. — Польша издавна отличалась приверженностію къ Папскому престолу; слѣдовательно, религиозныя дѣла могли въ ней всегда находить живое сочувствіе и ручательство въ успѣхѣ. Успѣхъ этотъ обезпечивался еще тѣмъ, что духовныя высшіе, какъ члены Сената, имѣли въ своей власти не мало голосовъ и ту еще выгоду, что были всегда природными Поляками, слѣдовательно, свободными отъ укора въ недостаткѣ любви къ родинѣ. Такимъ обра-

зомъ, духовенство составляло въ Польшѣ всегда могущественную партію, которая, развѣ на короткое время, уступала другой свое первенство. Эта-то партія, можно сказать, до сихъ поръ всегда юная и всегда вѣрная своимъ политическимъ убѣжденіямъ, понимала по своему благо народное и давала всей Польшѣ образецъ пониманія этого блага. Въ образцѣ этомъ, какъ само собою разумѣется, польза Литовско-Польской Латинской Церкви становилась первымъ условіемъ счастья Польши и каждый согласится, что Полякамъ, при ихъ религіозности, очень трудно было не вѣрить этому убѣжденію и еще труднѣе вооружаться противъ него. Отъ того-то мы видимъ, что какъ ни старались бла-
разумные люди разрушать это убѣжденіе и какъ ни возставали противъ Уніи, все было напрасно. Партія Церковная одерживала верхъ.—Противъ такой-то Церкви, всегда готовой вредить Литовско-Русскому, Восточному Вѣроисповѣданію и имѣвшей къ тому громадныя средства, Западно-Русская Церковь должна была защищаться одною внутреннею силою,—вѣрою сыновъ своихъ. Очевидно, что такое положеніе было очень опасно для послѣдней и грозило ей въ будущемъ гибельными послѣдствіями.

II.

НАЧАЛО ЦЕРКОВНОЙ УНИИ

1596-го года.

Вѣковыя усилія Литовско-Польскихъ Римскихъ Ка-
толиковъ — подавить въ Западной Россіи Восточное Вѣ-
роисповѣданіе, повидимому, навсегда были уничтожены
къ концу первой половины XVI-го столѣтія. Въ это
время быстрымъ потокомъ разлилось по всей Польшѣ
и Литвѣ Протестантство съ безчисленными своими отра-
слами (82). Литовско-Польскій народъ издавна имѣлъ
постоянныя сношенія съ Западною Европою (83). Выс-
шее дворянство считало, какъ бы, правиломъ получать
воспитаніе въ иностранныхъ университетахъ и путеше-
ствовать по Европѣ (84). Западно-европейскія понятія,
обычаи вторгались въ Литовско-Польское государство
съ необычайною силою (85), а вмѣстѣ съ этими поня-
тіями и обычаями переходили сюда и тѣ новые взгля-

ды на Римскую Церковь (86), которые сначала потребовали ея преобразованія, а потомъ произвели Реформацію. Поэтому, какъ только явились въ Польшу и Литву проповѣдники протестантства, то немедленно нашли себѣ большое число сильныхъ послѣдователей, подъ защитою которыхъ, съ громаднымъ успѣхомъ, распространяли свое ученіе (87). Литовско-Польское, Латинское духовенство, сильно занятое политическими и вообще житейскими дѣлами и притомъ издавна привыкшее къ спокойной жизни, сначала мало обратило вниманія на эту опасность, а потомъ увидѣло, что не можетъ бороться съ новыми врагами. Ученость протестантскихъ проповѣдниковъ совершенно обезоруживала блестящую, знатную, по мало-свѣдущую и мало нравственную Латинскую іерархію (88). Превосходство протестантскихъ проповѣдниковъ и необразованность и разслабленіе нравовъ Латинскаго духовенства были такъ велики, что даже Латинская іерархія начала переходить въ протестантство. Пустѣли монастыри, являлись протестантскими цѣлые приходы, вслѣдъ за своими пастырями (89). Даже одинъ Латинскій Епископъ (Кіевскій) принялъ протестантство и женился (90). Защитить Литовско-Польскую Римскую Церковь могла теперь не умственная и нравственная сила ея іерархіи, а развѣ гражданская сила. Но эта сила, съ самаго начала XVI-го столѣтія, отказалась дѣйствовать въ духѣ Ягеллы, Казимира и Александра. Она не преслѣдовала иновѣрцевъ, напротивъ, старалась показывать, по отношенію къ нимъ, неизмѣнную вѣротерпимость. Съ 1506-го и по 1572-й годъ царствовали въ Литовско-Польскомъ Государствѣ два благороднѣйшіе государи, которые, казалось, рѣшились

вознаградить Литву за всѣ прежнія религіозныя гоненія. Мы говоримъ о мудромъ, осторожномъ, строго-справедливомъ Сигизмундѣ II-мъ или Старомъ (91) и особенно о его сынѣ Сигизмундѣ Августѣ, благородная, мягкая душа котораго чужда была всякой мысли о преслѣдованіяхъ, стѣсненіяхъ. Сигизмундъ Августъ равнодушно смотрѣлъ на разливы протестантства, прислушивался самъ къ его ученію и дѣйствовалъ такъ, что трудно было рѣшить, кто онъ, Латинянинъ, или протестантъ. По крайней мѣрѣ, всѣ протестантскія секты также считали его своимъ покровителемъ, какъ и Латиняне (92). Всѣ эти обстоятельства привели къ тому, что въ Литвѣ развѣ только тысячная часть осталась Латинянь. Всѣ остальные перешли въ протестантскія секты (93).

Въ это-то время, повторяемъ, замысль Ягеллы — сдѣлать всѣхъ Русиновъ Латинянами, выполняемый съ большею или меньшею ревностію слишкомъ столѣтіе, ~~казалось, погибъ безвозвратно.~~ После Литовско-Польскихъ Королей Казиміра и Александра, Православные вздохнули свободно, приобрѣли гражданскія права, наполнили Магистраты, вступили твердою ногою въ Сенатъ, и снова, какъ во времена Литовскихъ князей, могли ожидать себѣ счастливой будущности. (94) Но вскорѣ оказалось, что это мирное состояніе западно-Русской Церкви въ то время, какъ Латинская Церковь въ Литвѣ и Польшѣ почти погибала, среди быстрого разлива протестантства, было только кратковременнымъ отдыхомъ Литовско-Русскаго народа, на пути его страданій въ злосчастномъ союзѣ съ Польшею. Богу угодно было испытать западно-Русскую Церковь новыми несчастіями.

Очнулась Польша отъ кратковременнаго усыпленія и снова заговорила о скрѣпленіи союза Литовско-Польскаго. Возстала, можно сказать, изъ развалинъ Литовско-Польская Латинская Церковь и цланъ Уніи явился въ новой силѣ и свѣжести, какъ-бы въ вознагражденіе за кратковременное его забвеніе.

Вмѣстѣ съ протестантствомъ быстро разлилось въ Польшѣ и Литвѣ сильное волненіе. Протестанство, какъ вездѣ, такъ и здѣсь, развило въ широкихъ размѣрахъ идею личнаго произвола, а едвали гдѣ была для этого лучшая почва, какъ въ Литовско-Польской Республнкѣ. Вражда партій превратилась теперь во вражду религиозную. Союзъ Литвы съ Польшею среди этихъ обстоятельствъ ослабѣлъ до крайности (95). Правительство Польское и всѣ ревностные Латиняне обратили теперь все вниманіе на такое разъединеніе народа и придумывали средства возстановить порядокъ и тишину.—Среди этаго раздумья чаще и чаще приходила имъ мысль—скрѣпить союзъ соединенныхъ государствъ (Литвы и Польши) и спасти отечественную Церковь отъ поражающаго ее бѣдствія. Единство вѣры и народности въ Литвѣ и Польшѣ сдѣлалось опять предметомъ самаго пламеннаго ихъ желанія (96). Подъ вліяніемъ такого настроенія Латинянь, Литва окончательно соединена съ Польшею въ 1569 году, при томъ же Сигизмундѣ-Августѣ, который во всю жизнь потворствовалъ разновѣрцамъ (Диссидентамъ), но къ концу ея замѣтно началъ склоняться на лоно Римской церкви и внушенія Римскихъ Католиковъ (97). И странное явленіе! Литва, которая столько страдала отъ своеволія Поляковъ и которая теперь же горько жаловалась

на нихъ за незаконное присвоеніе лучшихъ областей ея, Литва желала этого соединенія едвали не больше самой Польши. Но таковы ужъ были обстоятельства, что Литва не могла выпутаться изъ сѣтей, которыми опутала ее Польша. Сосѣдство съ Ливонією, Россією и Татарами дѣлало ее (Литву) театромъ непрерывныхъ войнъ, которыя падали на нее всею своею тяжестью, пока ея финансовыя средства и войско были отдѣлены отъ Польскихъ. Эта тягость заставляла Литву желать совершеннаго слитія съ Польшею, что-бы скорѣе и вѣрнѣе получить отъ нее помощь (98). Но Польша желала пользоваться только сладкими плодами союза съ Литвою, а не горькими. Забывая о томъ, что Литва заслоняла ее собою отъ самыхъ опасныхъ враговъ, она выставляла на видъ одни свои услуги Литвѣ и, когда пришлось признать эти услуги обязательными разъ навсегда, она призадумалась стоитъ-ли союзъ съ Литвою такой жертвы? (99). Но это раздумье было минутное. Польша позаботилась вознаградить себя за всѣ обязательства, по отношенію къ Литвѣ, присвоеніемъ себѣ, на особыхъ правахъ, лучшихъ областей Литовскихъ— княжества Кіевскаго, Волыни, Украины и части Пруссіи (100) и, какъ-бы, не довольствуясь еще этимъ, она на уніонномъ Люблинскомъ сеймѣ заговорила объ Уніи религіозной въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ (101). Эта Унія должна была состоять въ присоединеніи къ Латинству всѣхъ разновѣрцевъ (Диссидентовъ). Литовцамъ пришлось теперь горько раскаиваться въ своей недалекновидности. Многіе изъ нихъ уѣхали изъ сейма, но уже было поздно останавливать дѣло. Окончательное, послѣднее соединеніе Литвы съ Польшею совершилось.

Съ этого времени, Литва должна была составлять съ Польшею одно неразрывное цѣлое, одно государство, одинъ народъ. Сенатъ, финансовыя средства, войска соединялись въ одну массу народныхъ силъ (102). Это роковое событіе имѣло самыя гибельныя слѣдствія, какъ для еретиковъ различныхъ сектъ, т. е. для Лютеранъ, Кальвинистовъ, Социніанъ, такъ и для Православныхъ, которыхъ обыкновенно называли схизматиками. Польское вліяніе (а въ немъ сильно преобладало Римское Католичество) (103) на Литовско-русскій народъ начало теперь распространяться съ возрастающею быстротою (104). Послѣ окончательнаго соединенія Литвы съ Польшею, уже не одни высшіе Литовско-русскіе дворяне вступали въ постоянныя сношенія съ Поляками и заражались ихъ понятіями и своеволіемъ, но весь свободный классъ народа, недавно получившій право участвовать въ сеймахъ (105). Съ другой стороны, Поляки имѣли теперь возможность занимать въ Литвѣ различныя должности, владѣть цѣлыми областями (106) (что прежде не дозволялось) и при этомъ пользоваться правомъ-быть правителями народа не только въ мирскихъ, но и въ духовныхъ дѣлахъ (*tam in saecularibus, quam in spiritualibus rebus*-юридическое выраженіе (107)). Но это зло, при обыкновенномъ нерасположеніи Литовско-Русскаго народа къ Полякамъ, не было бы велико, если бы его не развили до ужасающихъ размѣровъ Іезуиты, призванные въ Литву въ томъ же 1569-мъ году.

Представитель Литовско-Латинскаго духовенства-Виленскій Епископъ Валеріанъ Протасевичъ не находилъ никакихъ средствъ спасти свою церковь отъ ко-

речной гибели. Поляки внушили ему мысль ввести въ Литву Иезуитовъ, по примѣру Польши (108). Въ Литвѣ тогда очень хорошо понимали цѣли и характеръ дѣйствій Иезуитовъ. Поэтому, какъ только узнали о намѣреніи Протасевича, то всѣ вооружились прогивъ него, не только разновѣрцы, но даже сами Латиняне. Опасность была такъ велика, что Иезуитовъ не иначе можно было ввести въ Вильно, какъ подъ прикрытіемъ военной силы (109). Иезуиты—Braciszki Iezusowe—постарались прежде всего утишить волненіе умовъ и заслужить расположеніе народа. Они являлись кроткими иноками, благотворителями несчастныхъ, среди народныхъ бѣдствій (моровой язвы) (110), ревностными проповѣдниками Слова Божія и безкорыстными наставниками юношества. Но зло, скрытое подъ личиною святости, начало обнаруживаться и приносить горькіе плоды. Иезуитская школа, мало по малу, наполнялась учениками; Иезуитскія проповѣди, диспуты, процессіи, театральныя представленія привлекали большія и большія толпы народа. Ученики слушали уроки Иезуитовъ, народъ внималъ ихъ проповѣдямъ, диспутамъ, услаждался ихъ зрѣлищами и едва ли многіе понимали, какое въ нихъ остается впечатлѣніе отъ всего этого, а между тѣмъ, всѣ, сколько нибудь повѣрившіе тому, что слышали и видѣли у Иезуитовъ, возвращались отъ нихъ совершенно другими людьми. Добрые, общежительные граждане приходили домой врагами своихъ ближнихъ и возмутителями общественнаго спокойствія. Каждое слово, каждое дѣйствіе Иезуитовъ разливало въ нихъ желчь противъ всѣхъ разновѣрцевъ. Подъ этимъ вліяніемъ Иезуитовъ развилась въ Литов-

скихъ Латинянахъ страшная нетерпимость въ дѣлахъ вѣры, которая сдѣлала ихъ жестокими гонителями всѣхъ разновѣрцевъ и самыми ревностными распространителями между ними Латинства (111).

Вскорѣ Іезуитамъ Литовскимъ открылась возможность дѣйствовать въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ, при участіи самаго правительства. Послѣ Сигизмунда Августа, т. е. съ 1572 года, начали вступать на Литовско-Польскій престолъ государи иноземные, избираемые собственно Польшею и ей преданные, а не Литвѣ, какъ это почти всегда бывало при Ягеллонахъ—природныхъ Литовцахъ. Съ самаго начала, Іезуиты сумѣли извлечь изъ этого порядка существенныя выгоды для себя и устранять всѣ преграды къ исполненію своихъ намѣреній. — Въ междоцарствіе по смерти Сигизмунда Августа, всѣ партіи пришли въ напряжение, стараясь каждая возвестъ на Польскій престолъ чело-вѣка, способнаго поддерживать и защищать ихъ интересы.—Латинская партія предложила избрать Генриха Анжуйскаго, брата іезуитскаго французскаго короля Карла IX, и даже успѣла было восторжествовать. Но Вореоломеевская рѣзня во Франціи взволновала въ Литвѣ умы всѣхъ разновѣрцевъ и Генрихъ, встревоженный этими волненіями, отказался отъ Польскаго престола (112). Послѣ того, три кандидата на Польскій престолъ—представители трехъ главныхъ партій—, Православной—сынъ Іоанна Грознаго, Римско-Католической—сынъ Императора Максимилиана и Протестантской Стефанъ Баторій, князь Седьмиградскій—возбуждали споры на избирательномъ сеймѣ.—Партія протестантская, какъ самая сильная и встревоженная теперь Генрихомъ, вос-

торжествовала надъ всѣми,—избранъ былъ Стефанъ Баторій (113). Но Латиняне уничтожили всѣ надежды разноречевъ, хотя и допустили избраніе Баторія. Хотя славный побѣдитель Турокъ и Царя Московскаго, покровительствовалъ протестантамъ въ Седьмиградскомъ княжествѣ, но въ душѣ его не было теплаго чувства ни къ одной вѣрѣ, слѣдовательно, онъ былъ такой государь, который болѣе всякаго способенъ былъ принять и защищать какую угодно вѣру, по политическимъ расчетамъ, (114,) а эти расчеты гласно говорили ему въ пользу Латинской Церкви. — Какъ только Баторій прибылъ въ Польшу, польскіе Латиняне немедленно потребовали, чтобы онъ принялъ и защищалъ Латинство и Баторій ни минуты не колебался. У него оспаривалъ Польскій престолъ Ракузскій Домъ, покровительствуемый Папою и Баторію необходимо было приобрести расположеніе Папы мнимымъ усердіемъ къ Латинству (115). Въ самомъ Литовско-Польскомъ Государствѣ, онъ находилъ много побужденій къ тому же. Литовско-Польской союзъ до крайности ослабѣлъ и, чтобы скрѣпить его, казалось лучше всего распространить въ Литвѣ Польское вліяніе, Польское образованіе и вѣру (116). Наконецъ, Баторію приходилось постоянно вести войну и, слѣдовательно, заслуживать расположеніе Поляковъ, а этого лучше всего можно было достигнуть покровительствомъ ихъ вѣрѣ и ихъ любимцамъ — Иезуитамъ. Иезуиты, дѣйствительно, явились лучшими посредниками между Баторіемъ, Папою и Польскимъ народомъ. Поэтому, они въ первые же годы правленія Баторія получили отъ него особенныя милости. Виленская ихъ Коллегія возведена на степень Ака-

117) деи́н съ приличнымъ обезпеченіемъ, колоніи Іезуитскія раскинулись по Литвѣ (117) и вмѣстѣ съ Академіею немедленно стали дѣйствовать въ громаднѣхъ размѣрахъ, выполняя вездѣ неизмѣнное свое правило и задачу существованія въ Литвѣ—истреблять всякое разномысліе въ вѣрѣ (118). Протестанты первые страдали отъ нихъ и сначала, какъ-бы, прикрывали собою Православныхъ отъ ихъ вліянія и козней. Но какъ скоро Іезуиты утвердились въ Литвѣ прочно и не много ослабили первыхъ враговъ своихъ, то незамедлили обратить свое оружіе и противъ Западнорусской Церкви (119). Въ ихъ проповѣдяхъ и диспутахъ чаще и чаще слышались обличенія и противъ Православныхъ; ихъ училища, по временамъ, посѣщало Православное юношество и, конечно, немногіе выходили оттуда православными. Задолго до Уніи Іезуиты совратили въ Латинство уже не мало вельможъ православныхъ (120).

«Но», скажемъ словами извѣстнаго Галицкаго ученаго Зубрицкаго, «жатва не отвѣчала ожиданіямъ» прибавимъ—и усилимъ «Латинскихъ ревнителей. Православные твердо стояли въ своей вѣрѣ и чуждались перехода въ Римское—Католичество. Непроходимая бездна раздѣляла оба Вѣроисповѣданія. Вѣруя, что только въ Православной Церкви возможно спасеніе, Русины не рѣшались играть своею совѣстію и переходить въ Латинство» (121). Іезуиты однако доказали, что умѣютъ переходить сами и заставлять другихъ переходить и непроходимыя бездны. Въ нихъ слишкомъ велико было желаніе видѣть окончательное торжество своей Церкви и они рѣшились достигнуть этой цѣли, по отношенію къ Православнымъ, другимъ путемъ, хотя

дальнимъ и непрямимъ, но зато съ большимъ успѣхомъ,—они обратились къ Уніи, при всей нетерпимости къ малѣйшему разногласію въ дѣлахъ Вѣры. Такимъ образомъ, теперь, какъ и во времена Ягеллы и Александра, Православные своею несокрушимою твердостью въ вѣрѣ отцевъ привели Латинянь къ необходимости обратиться къ Уніи, какъ менѣе поразительному переходу изъ Правословія въ Латинство.

Какимъ образомъ Іезуиты приводили въ исполненіе планъ Уніи, это долгое время оставалось непроницаемою тайною Іезуитскаго ордена. Сами Православные Литовско-Русскіе, слѣдившіе за появленіемъ Уніи съ необычнымъ напряженіемъ, ничего не знали объ участи въ ней Іезуитовъ, по крайней мѣрѣ, ни въ одномъ ихъ сочиненіи, современномъ началу Уніи, мы не находимъ прямого указанія на дѣйствія Іезуитовъ въ дѣлѣ Уніи до того времени, когда она была совершенно приготовлена, т. е. до конца 1595 года (122). Только уже въ послѣдствіи времени, въ XVII и XVIII столѣтіи, для всякаго было понятно, что Унія существуетъ и держится силою Іезуитовъ. И неудивительно такое незнаніе въ современникахъ дѣйствій первыхъ и главныхъ виновниковъ и двигателей Литовской Уніи. Іезуиты, по удачному выраженію одного Поляка на сеймѣ 1590 года,—«это такая губительная язва, которую не ранѣе можно примѣтить, какъ въ то время, когда уже весь организмъ (республики) придетъ въ воспалительное состояніе» (123). Даже теперь, при значительной разработкѣ памятниковъ Іезуитской Литовской исторіи, мы откровенно должны сознаться, что мало знаемъ объ участи Іезуитовъ въ дѣлѣ Уніи. Но, по крайней мѣрѣ,

теперь участие это не подлежит никакому сомнѣнію и, благодаря необычайно умнымъ и въ высшей степени добросовѣстнымъ изслѣдованіямъ современныхъ намъ ученыхъ, Познаньскаго—Лукашевича, Галицкаго—Зубрицкаго и Литовскаго—Ярошевича (124), намъ извѣстно нѣсколько дѣйствій, нѣсколько обмолвокъ и недосмотровъ со стороны Иезуитовъ, и по этимъ обломкамъ великаго, стройнаго зданія, мы можемъ уже составить нѣкоторое понятіе о самомъ зданіи, — знаменитомъ, единственномъ въ исторіи Церкви плацѣ Литовской Церковной Уніи.

Распространяясь въ Литвѣ, какъ губительная язва, и разрушая здѣсь высшее благо человѣка — спокойствіе совѣсти въ дѣлахъ вѣры, Иезуиты, какъ мы сказали, убѣдились, что это спокойствіе невозмутимо въ сынахъ Западно-Русской Церкви, если на него дѣйствовать прямо, проповѣдая Латинство. Но не могли они не замѣтить, при неоспоримой своей проникающей и многосторонней знаніи людей и жизни, что положеніе въ Литвѣ Западно-Русской Церкви представляетъ весьма много ручательствъ будущихъ успѣховъ Уніи. Не могли они не видѣть, что эта Церковь не имѣетъ у Польскаго Правительства прочнаго обезпеченія своей неприкосновенности. Напротивъ, и въ различіи вѣры этого Правительства и въ правахъ его утверждать іерарховъ въ этой Церкви и, наконецъ, въ прежнихъ стѣснительныхъ постановленіяхъ противъ Православныхъ, заключалось слишкомъ много средствъ нарушать и обходить тѣ немногія постановленія, которыя ограждали существованіе этой Церкви и личныя права ея членовъ (125). Вся внѣшняя сила Западно-Русской

Церкви заключалась въ такъ называсомомъ Патронатѣ надъ нею лучшихъ ея сыновъ, по которому Православное дворянство имѣло право наследственно благоустроить извѣстные монастыри и приходскія церкви, т. е. обеспечивать ихъ средства (jus donandi), избирать настоятелей, священниковъ (jus praebendi, jus praesentandi) и охранять отъ беспорядковъ, обидъ, притѣсненій (jus patronatū) (126). Но не могли не понять Іезуиты, что этотъ же самый Патронатъ, въ высшей степени благотворный для Западно-Русской Церкви, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, могъ сдѣлаться самымъ гибельнымъ для нее, если, не уничтожая его правъ, разрушить нравственную его основу, т. е. любовь Патроновъ къ Православной Церкви. Тогда тѣ же самые защитники ея были бы злѣйшими и опаснѣйшими ея врагами; потому что Патронатъ давалъ Патронамъ значительную власть въ дѣлахъ Церкви и эта власть могла обращаться къ добру ея или ко злу, смотря потому, каковы были Патроны. Вѣрность этого расчета могла представляться несомнѣнною самому недалекъовидному человѣку. Но Іезуитамъ не было надобности въ этомъ случаѣ взвѣшивать еще свой планъ и гадать объ его вѣрности. Онъ былъ уже на самомъ дѣлѣ, передъ ихъ глазами (127). Нѣкоторые изъ тогдашнихъ Патроновъ Православныхъ были уже заражены понятіями Латинскими и нерадѣли о благѣ своей Церкви; другіе совращены были самими Іезуитами и, какъ недостойные дѣти, наносили тяжелые удары своей родной матери. Были, далѣе, въ Литвѣ, въ Русскихъ областяхъ истые Поляки, которые служили сущимъ наказаніемъ для Православныхъ Литов-

цевъ. Наконецъ, кромѣ этихъ постоянныхъ враговъ Западно-Русской Церкви, Литва постоянно наводилась Поляками, во время войнъ Польши съ Россією. Судите, сколько вѣрныхъ слугъ могло явиться, по первому призыву Іезуитовъ, для исполненія плана Уніи и пораженія Западно-Русской Церкви! Вотъ, первыя наблюденія Іезуитовъ надъ Литвою! И, повторяемъ опять, наблюденія эти сами собою вызывались и могли быть слѣланы даже не столь умными людьми, какъ Іезуиты. Но какъ бы ни была очевидна возможность дѣла, исторія не имѣетъ права возможное обращать въ дѣйствительное. Мы должны еще доказать, дѣйствительно-ли теперь Іезуиты поняли это положеніе Западно-Русской Церкви и дѣйствительно-ли они составили теперь планъ Уніи?

Благодаря драгоцѣннымъ изслѣдованіямъ указанныхъ нами ученыхъ, мы можемъ отвѣчать на эти вопросы утвердительно. Наблюденія надъ Литвою, дѣйствительно, внушили Іезуитамъ планъ Уніи. Мало того, тогдашнія завоеванія Польши въ Россіи непомерно расширили этотъ планъ и дали ему такой громадный и заманчивый видъ, что передъ нимъ преклонился даже великій человекъ того времени, — славный Стефанъ Баторій. Ослѣпленный большими успѣхами въ войнѣ съ Іоанномъ IV, Баторій думалъ соединить подъ своимъ скипетромъ въ одно государство Польшу, Литву и Россію (128). Унія была самымъ подручнымъ средствомъ къ обезпеченію такого приобрѣтенія и, вотъ, по внушенію Іезуитовъ Баторій предполагалъ ввести Унію во всѣхъ этихъ государствахъ и даже представилъ Папѣ планъ ея (129), къ сожалѣнію, неизвѣстный

намъ. Правда, Баторій скоро увидѣлъ, что его честолюбивые виды на Россію разрушаются; но Иезуиты не смутились этимъ и задумали планъ Уніи еще болѣе смѣлый и еще болѣе окольнымъ путемъ устремились къ главной своей цѣли—ввести Латинство въ предѣлахъ Православной Церкви. Въ настоящемъ случаѣ, мы уже имѣемъ драгоценный памятникъ, — донесеніе Папѣ Поссевина и можемъ говорить о планѣ Уніи положительно, прибѣгая къ очень немногимъ соображеніямъ. Планъ этотъ составленъ по вызову слѣдующихъ обстоятельствъ.

Іоаннъ IV-й, стѣсненный до крайности Баторіемъ, обратился къ посредству Папы. Умный, хитрый Царь Московскій рѣшился дѣйствовать въ этомъ случаѣ оружіемъ, похожимъ на то, которое придавало въ глазахъ Папы особенную цѣну воинскимъ доблестямъ Баторія (130). Онъ далъ понять Папѣ, что отъ него Римская Церковь можетъ ожидать себѣ тѣхъ же выгодъ, какихъ ожидаетъ отъ Баторія, т. е. дружбы съ Папою и союза противъ невѣрныхъ Турокъ. Правда, Іоаннъ не обѣщалъ Папѣ Уніи, подобно Баторію, но въ Римѣ надѣялись преодолѣть «закоренѣлое упорство Іоанна». Іезуитъ Поссевинъ, Папскій Легатъ при Баторіѣ, получилъ приказаніе быть посредникомъ между Іоанномъ и Баторіемъ и вступить съ Іоанномъ въ переговоры объ Уніи (131). Но Іоанну нужна была не Унія, а миръ съ Баторіемъ. Совѣщанія съ Поссевиномъ длились и, наконецъ, кончились тѣмъ, что Поссевинъ совершенно убѣдился въ томъ, что этимъ путемъ Уніи никогда не бывать въ Россіи. Но Поссевинъ, какъ и всѣ Іезуиты, не скоро готовъ былъ отступить отъ разъ пред-

принятаго дѣла. Онъ задумалъ идти къ нему другимъ путемъ и во всякомъ случаѣ воспользоваться тѣмъ, что подготовлено для Уніи въ Литвѣ.

Зная родство Западной Россіи съ Восточною и историческую важность Кіева для всей Россіи, онъ думалъ, что введеніе Уніи въ Западной или, какъ онъ выражался, королевскѣй Россіи повлечетъ за собою или, по крайней мѣрѣ, облегчитъ подчиненіе Папѣ и всей Россіи. Далѣе, сношенія, бесѣды съ многими Западно-Русскими дворянами убѣдили его, что здѣсь не чуждаются Уніи. Поэтому, онъ усердно просилъ Папу, напоминая ему даже объ отвѣтственности передъ Богомъ, принять нужныя мѣры къ подчиненію Апостольскому престолу Западно-Русской Церкви, именно: онъ просилъ устроить въ Римѣ училище для Русиновъ, прислать Западно-Русскимъ Епископамъ милостивую грамоту и легата, способнаго расположить ихъ въ пользу Папы (132). Неизвѣстно, какъ этотъ планъ Уніи принять былъ въ Римѣ и какія оттуда послѣдовали распоряженія Литовскимъ Іезуитамъ; но несомнѣнно, что онъ не былъ оставленъ безъ вниманія. Хотя Папа былъ озабоченъ тогда болѣе важными дѣлами, чѣмъ Литовская Унія (распространеніемъ Протестантства); но мысль о соединеніи Церквей не оставляла его и въ это время. Въ Римѣ, дѣйствительно, открыто было Уніятское училище для юношества Восточной Церкви и въ немъ нѣсколько вакансій для Православныхъ Русиновъ (133). Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ донесенія Поссевина, въ Литву присланъ былъ Латинскій священникъ, который совершалъ здѣсь Латинскую Литургію на квасномъ хлѣбѣ, чтобы расположить Ру-

синовъ къ Латинской Церкви (134). Что дѣлала больше этого Римская Конгрегация для распространения вѣры (*congregatio propagandae fidei*), мы не знаемъ; но недостатокъ этихъ свѣдѣній въ настоящемъ случаѣ значительно вознаграждается свѣдѣніями о дѣйствіяхъ Іезуитовъ въ Литвѣ.

Здѣсь, они постоянно шли къ своей цѣли и развивали свои дѣйствія. Еще прежде 1581-го года, Поссевинъ просилъ Баторіа основать въ Вильнѣ училище для Русиновъ (135) и по нѣкоторымъ училище это дѣйствительно было открыто. — Вмѣстѣ съ тѣмъ, Поссевинъ заботился въ Вильнѣ объ изданіи книгъ противъ Православной Церкви. Дѣятельными сотрудниками Поссевина были всѣ Литовскіе Іезуиты, ибо невозможно и представить, чтобы въ такомъ важномъ дѣлѣ и такъ близко касающемся Литовскихъ Іезуитовъ, Поссевинъ дѣйствовалъ одинъ, независимо отъ нихъ; этого не допускали и правила Іезуитскаго ордена; но особенно дѣятельнымъ сотрудникомъ Поссевина былъ Скарга (136). Онъ писалъ разныя сочиненія противъ Восточной Церкви и эти сочиненія такъ сильно волновали Православныхъ, что въ 1592-мъ году Львовское Братство съ горечью писало объ этомъ Константинопольскому Патріарху (137). Въ 1582-мъ году, т. е. спустя годъ послѣ того, какъ Поссевинъ писалъ къ Папѣ объ Уніи, Іезуиты рѣшились дѣйствовать уже на всю Православную Церковь Западно-Русскую. Въ то время появился новый календарь, Григоріанскій. Іезуиты хлопотали у Баторіа универсалъ, которымъ повелѣвалось ввести новый календарь во всемъ Литовско-Польскомъ Государствѣ, и взялись съ такимъ жаромъ приводить

его въ исполненіе, что взволновали весь народъ. Они прерывали въ Православныхъ церквахъ Богослуженіе, заирали и запечатывали ихъ, заставляя Русиновъ силою слѣдовать новому календарю наравнѣ съ Латинянами (138). Ревность Іезуитовъ была такъ велика и они ожидали отъ введенія новаго календаря такой важной пользы для Уніи, что даже строгія приказанія Баторія, не любившаго волненій, не могли остановить ихъ (139). Нѣсколько лѣтъ Православные не имѣли покоя отъ новаго календаря. Протестаціи, универсалы (140), полемическія сочиненія по этому дѣлу (141) живо напоминаютъ намъ первые годы Уніи 1596-го года.

Какія убѣжденія вынесли Іезуиты изъ этой неудачной попытки сблизить Русиновъ съ Латинянами и этимъ облегчить дѣло Уніи, это со всею ясностію можно видѣть изъ тѣхъ обстоятельствъ, которыми они пользовались въ настоящемъ случаѣ, и изъ тѣхъ препятствій которыя помѣшали имъ ввести новый календарь. Принуждали Русиновъ къ новому календарю вездѣ и всегда Латиняне, воспитанные Іезуитами. Особенно страдала отъ нихъ Галицкая область, больше другихъ подверженная вліянію Польши и Іезуитовъ. Но въ другихъ областяхъ еще очень не много было такихъ людей между Латинянами и еще менѣе ихъ было между Православными мірянами, не говоримъ уже о Православной Іерархіи. Вотъ первое, въ чемъ должны были убѣдиться Іезуиты. Но еще болѣе убѣдились они въ томъ, что подчиненіе Западно-Русской Церкви Константинопольскому Патриарху служить первою преградой къ Уніи (142), что уваженіе

Патріарху въ Литвѣ такъ велико, что самыя дѣйствительныя мѣры, самыя ревностныя ихъ сотрудники между Латинянами и въ самой Западно-Русской Церкви ничего не сдѣлають для Уніи, пока въ Западно-Русскомъ народѣ не ослаблено будетъ это уваженіе, эта восторженная любовь къ Константинопольскому Іерарху. Словомъ, Іезуиты видѣли необходимость приготовить между Латинянами побольше людей способныхъ преслѣдовать разновѣрцевъ, а въ Западно-Русской Церкви людей недостойныхъ и предубѣжденныхъ противъ Константинопольскаго Патріарха.

Какимъ образомъ Іезуиты приготовляли такихъ людей между Латинянами и Православными мірянами, это со всею ясностію открываютъ намъ Гг. Ярошевичъ и Лукашевичъ, которыхъ сочиненія (указанныя нами) приводятъ читателя къ тому заключенію, что Іезуитскія школы были школами самаго лихорадочнаго, Латинскаго фанатизма, а всѣ Іезуитскія проповѣди, дружескія бесѣды, внушенія составляли необходимое и неизмѣнное дополненіе ихъ школьнаго образованія. Этимъ однимъ заключеніемъ мы и можемъ теперь ограничиться послѣ того, что сказали выше объ Іезуитахъ и о близкихъ отношеніяхъ Литовско-Русскихъ Православныхъ къ Латинянамъ. Что этими путями перѣдко проходило Іезуитское вліяніе въ убѣжденія даже лучшихъ людей того времени — это не можетъ подлежать никакому сомненію и нѣтъ надобности искать для этого частныхъ свѣдѣній. Тайна Іезуитская здѣсь стижкомъ очевидна. Но какимъ образомъ Іезуиты заготовляли такихъ людей, въ самой Іерархіи Западно-Русской, — это до сихъ поръ одинъ изъ самыхъ трудныхъ вопросовъ Уніи,

который, можно сказать, еще никѣмъ не раскрытъ такъ, чтобы рѣшеніе его выдержало строгую критику (143). И мы здѣсь откровенно сознаемся, что не можемъ рѣшить этого вопроса на основаніи ясныхъ свидѣтельствъ потому что не имѣемъ ихъ достаточно; но не можемъ отказаться отъ рѣшенія его, потому что имѣемъ нѣсколько данныхъ, которыя вполнѣ оправдываются исторіею того времени и имѣютъ неопровержимое подтвержденіе во всей послѣдующей исторіи Уніи.

Иезуиты, какъ мы сказали, рѣшились приготовить въ самой Западно-Русской Іерархіи побольше людей недостойныхъ и предубѣжденныхъ противъ Константинопольскаго Патріарха. Этого они, конечно, отчасти достигали сочиненіями противъ Восточной Церкви и льстивыми внушеніями этихъ мыслей разнымъ лицамъ Православной Іерархіи. Но все это было слишкомъ незначительно и могло погибнуть отъ самыхъ ничтожныхъ причинъ. Необходимо было, въ эту Іерархію ввести новыхъ недостойныхъ людей: это было вѣрнѣ всякихъ внушеній существующей Іерархіи, которая въ 1583 году показала слишкомъ мало расположенія къ Латинству.—Но вводить теперь такихъ людей въ Западно-Русскую Церковь прямымъ путемъ, т. е. открывъ свои мысли королю Баторію, было чрезвычайно трудно и едва-ли возможно. Баторій, послѣ вмѣшательства Папы и Іезуитовъ въ его войну съ Іоанномъ IV, остался крайне недоволенъ и Папою и Іезуитами. Пѣтъ надобности доказывать, что онъ теперь подобно Витовту не былъ расположенъ исполнять данное Папѣ обѣщаніе ввести Унію и, вѣроятно, очень охладѣлъ къ Іезуитамъ, когда въ 1585 году

запретилъ имъ принуждать Православныхъ къ новому календарю (144), и когда объ немъ современники составили такое мнѣніе, что онъ не потворствовалъ Іезуитамъ (145). Какъ увидимъ послѣ, Баторій по временамъ дѣлалъ даже добрыя дѣла для Западно-Русской Церкви. Легко-ли было теперь Іезуитамъ возводить на Епископіи и Архимандріи недостойныхъ людей посредствомъ внушеній королю? Очевидно не легко, скажемъ даже болѣе: дѣлать это имъ было очень трудно; но Іезуиты умѣли достигать своихъ цѣлей, разрушая или обходя и не такія преграды. Они воспользовались не усердіемъ Баторія къ Латинской Церкви, котораго теперь, дѣйствительно, не было, но его безвѣріемъ, пренебреженіемъ ко всякой вѣрѣ и, слѣдовательно, способностію дѣлать вредъ Западно-Русской Церкви не по особенному плану, а по одному неуваженію къ ней. Это неуваженіе, дѣйствительно, поражаетъ насъ, при первомъ взглядѣ на распоряженія Баторія, по отношенію къ Западно-Русской Церкви того времени.

Право утверждать избранныя іерархіею или народомъ лица на высшія іерархическія мѣста въ Западно-Русской Церкви издавна принадлежало Литовско-Польскимъ королямъ. Баторій распространилъ это право до того, что самъ избиралъ и назначалъ на эти мѣста, кого хотѣлъ. Какъ человекъ, котораго не согрѣвало теплое чувство вѣры, онъ нарушалъ въ этомъ случаѣ Церковныя правила самымъ недостойнымъ образомъ. Духовныя мѣста онъ вообще считалъ наградою за гражданскія заслуги (146), избиралъ на нихъ мірянъ и очень часто самыхъ недостойныхъ. Былъ даже слу-

чай, что онъ назначилъ на одну православную Архимандрію Латинянина (147). Пасколько Иезуиты участвовали во всѣхъ этихъ случаяхъ и черезъ кого именно, мы этого не знаемъ; но возведеніе на епископскія кафедръ такихъ людей, какъ Феодосій Лазовскій, сперва Хелмскій, а потомъ Брестскій Епископъ, предмѣстникъ Мелетія Хребтовича,—и Иона Красенскій, Епископъ Лупскій, предмѣстникъ Кирилла Терлецкаго (148), невольно заставляетъ думать, что какая-то адская сила дѣйствовала тогда на пагубу Западно-Русской Церкви!

Въ 1586 году, грозный, равнодушный къ вѣрѣ Баторій скончался и на Польскій престолъ вступилъ Шведскій королевичъ Сигизмундъ подъ именемъ III, человекъ слабого ума, но отъ колыбели воспитанный Иезуитовъ и покорный всѣмъ внушеніямъ ихъ до гроба (149). Иезуиты, истощившіе всѣ усилія, всѣ средства, чтобы увѣнчать Литовско-Польскою Короною своего любимца, немедленно окружили его престолъ, взяли въ свои руки всѣ важнѣйшія дѣла и уже въ 1589 году составили новый планъ истребленія всѣхъ разновѣрцевъ въ Литовско-Польскомъ Государствѣ (150) и въ частности планъ Уніи (151). Сигизмундъ утвердилъ этотъ планъ; оставалось только приводить его въ исполненіе. Но не легко было это сдѣлать, не смотря на всѣ прежнія приготовленія Иезуитовъ и на всю силу, какую они теперь получили изъ рукъ своего питомца. Много было обстоятельствъ, благоприятныхъ для Уніи; но въ тоже время много было и столь грозныхъ, что сами Иезуиты, мало знакомые съ страхомъ и раздумьемъ, не могли не призадуматься. Зло, подготовленное ими, начало созрѣвать; недостойные люди въ іерархіи Западно-

Русской, потерявшіе любовь къ своей Церкви и къ самой Вѣрѣ, какъ злыя тѣни, обозначались ясно на многихъ мѣстахъ духовныхъ; но въ тоже время въ Западно-Русской Церкви зараждался новый благотворный порядокъ вещей, который обѣщалъ въ ней искоренить всѣ беспорядки и приготовить ей самыя свѣтлыя, счастливыя времена. Взглянемъ на ту и другую картину.

Тогдашнее состояніе Западно-Русской Церкви, дѣйствительно, во многихъ отношеніяхъ было самое бѣдотворное и опасное. Извнѣ она терпѣла притѣсненія отъ мірскихъ властей, которыя вмѣшивались въ ея дѣла и отнимали ея имущества (152). Козни, происки Іезуитовъ и нетерпимость къ разновѣрцамъ воспитанныхъ ими Латинячь причиняли ей двойныя страданія—угнѣтали ея сыновъ и отторгали въ Латинство слабыхъ душою и вѣрою (153). Далѣе, внутри ея чаще и чаще обнаруживались беспорядки, какъ слѣдствіе вмѣшательства Баторія въ ея управленіе и еще болѣе, какъ плодъ тайныхъ козней Іезуитовъ. Въ это время, особенно распространился древній⁹ обычай Церкви возводить на духовныя мѣста мірянъ и такъ какъ теперь ему слѣдовали безъ строгаго разбора: то часто случалось, что священный санъ принимали люди вдовыя послѣ перваго, втораго и даже третьяго брака и такой порядокъ сдѣлался очень обыкновеннымъ. Такое нарушеніе Церковныхъ правилъ, очевидно, не могло не соблазнять народа, который видѣлъ, что въ сосѣдственной Россіи въ то время даже вдовство священнослужителей, послѣ перваго брака, лишало ихъ права священнодѣйствовать. Но соблазнъ еще болѣе увеличивался отъ даль-

нѣйшихъ послѣдствій, которыми часто сопровождался дурно понятый обычай древней Церкви—возводить въ священный санъ и мірянъ. Міряне, возводимые Баторіемъ безъ разбора на высшія духовныя мѣста, соединенныя съ принятіемъ монашества, не легко разставались съ міромъ и нерѣдко продолжали вести семейную жизнь и по занятіи этихъ мѣстъ. Не будемъ раскрывать этой мрачной и недостойной благороднаго взгляда картины, которая развертывалась тогда передъ глазами несчастнаго Западно-Русскаго народа и которую срисовать заставила Львовское Братство (154) лишь крайняя необходимость. Скажемъ только вообще, что въ тогдашнее, злополучное время Церковныя правила, касательно брака и чистоты жизни духовенства, нарушались самымъ святотатственнымъ образомъ. Всеобщій соблазнъ былъ ближайшимъ слѣдствіемъ этого зла, — ближайшимъ, но не единственнымъ. За нимъ слѣдовало немедленно другое слѣдствіе, столь же опасное, какъ и Унія. Протестантскіе проповѣдники, тѣснимые Іезуитами, чаще и чаще теперь вторгались въ беззащитныя предѣлы Западно-Русской Церкви и совращали Православныхъ, лишенныхъ вѣрнаго руководства хорошихъ пастырей. Не говоримъ уже о томъ, что Іезуиты не пропускали случая—пріобрѣтать здѣсь сыновъ для Латинской Церкви, недожидаясь Уніи. Паства недостойныхъ пастырей готова была разойтись въ разныя секты, по выраженію знаменитѣйшихъ защитниковъ Православія Князя Острожскаго и Львовскаго Братства (155), но не разошлась она потому, что въ тѣже бѣдственныя времена и рядомъ съ этими плеведами Западно-Русской Церкви созрѣвало въ ея нѣдрахъ чистое, пло-

дотворное зерно. Сила Западно-Русскаго Православія была не такъ мала, чтобы могла погнубнть отъ злоупотребленій и безпорядковъ, безъ упорной, продолжительной борьбы, безъ могучаго противоудйствія злу. Въ исторіи того времени мы, дйствительно, видимъ, что насколько тогда увеличивалось зло, настолько же возрастало противоудйствіе ему и очень ошибаются тѣ изслѣдователи Уніи, которые производятъ ее отъ однихъ безпорядковъ Западно-Русской Церкви. Мы увидимъ, что дѣло происходило иначе, но продолжимъ нашъ расказъ.

Вмѣшательство Латинской власти въ дѣла Западно-Русской Церкви, вторженіе въ ея предѣлы Іезуитовъ, Протестантовъ и собственное зло въ ней самой пробудили необычайную ревность въ лучшихъ сынахъ Западно-Русской Церкви, и теперь во всемъ блескѣ обнаружилась сила Западно-Русскаго, Православнаго Патроната. Онъ развернулъ теперь всѣ свои, могучія силы и оказалъ Западно-Русской Церкви такія услуги, подобныхъ которымъ мы не находимъ въ исторіи ни одной Церкви. Эти защитники Западно-Русскаго Православія равно сильные и ревностные къ ея благу, съ самаго начала царствованія Баторія, т. е. съ того самаго времени, когда усилилось зло въ Западно-Русской Церкви, рѣшились уничтожить въ ней чуждое вліяніе и возвысить ее до образца первобытной Церкви Христовой, по выраженію князя Острожскаго (156). Богатые, роскошные дворцы ихъ превращались въ ученые засѣданія и кабинеты, гдѣ скромные иноки, на ряду съ знаменитыми вельможами, трудились усердно для духовнаго просвѣщенія. (157). Вы-

ше всѣхъ, тогдашнихъ защитниковъ Православія стоялъ знаменитый князь, Константинъ Константиновичъ Острожскій. Онъ вступилъ въ ближайшія сношенія съ Востокомъ, собиралъ и издавалъ церковныя книги разнаго рода, заводилъ училища и разсылалъ по Литвѣ достойныхъ учителей, проповѣдниковъ. Его постоянная, неусыпная заботливость о благѣ Западно-Русской Церкви была извѣстна всѣмъ Полякамъ и они невольно преклонялись передъ нею. Самъ король Баторій почтилъ это благочестивое усердіе князя. Уважая въ немъ несомнѣнныя заслуги Литовско-Польскому государству, онъ въ награду за нихъ далъ князю то, что доблестный сынъ Западно-Русской Церкви считалъ выше всѣхъ наградъ. Онъ призналъ за княземъ право на высшій и самый обширный Патронатъ въ Западно-Русской Церкви—назвалъ его верховнымъ хранителемъ и защитникомъ ея (158). И такой титулъ не былъ однимъ почетомъ. Весь Православный народъ Западно-Русскій признавалъ за княземъ это названіе, независимо отъ всякихъ привилегій короля, и глубоко вѣрилъ, что князь Острожскій—главный столпъ (pillar) Западно-Русской Церкви (159). Но это еще не все: Патронатъ Литовскій принялъ еще болѣе широкіе размѣры и еще лучшее развитіе. До сихъ поръ, онъ былъ въ рукахъ отдѣльныхъ лицъ и только недавно князь Острожскій объединилъ его своимъ лицомъ и, какъ-бы, сосредоточилъ его въ себѣ. Теперь-же всѣ сословія, всѣ лучшіе сыны Западно-Русской Церкви примкнули къ этому Патронату и придали ему новую, небывалую до сихъ поръ силу и значеніе.—Скромные, незначительные ремесленные и купеческіе цехи, имѣвшіе издавна

благочестивый обычай освящать молитвою свои труды и совершать эти молитвы и хранить свои суммы въ определенныхъ церквахъ, соединились теперь крѣпче и дали своимъ обычаямъ смыслъ благотворительный, въ самомъ обширномъ значеніи. Они начали группироваться около извѣстныхъ церквей, монастырей, принимали ихъ въ свое вѣдомство, подобно знатымъ Патронамъ, благоустроили эти церкви, монастыри и отсюда щедрою рукою расточали благодѣянія своимъ ближнимъ — милостыню, пособія, книги, духовное образованіе. Определенный, точный уставъ и благословіе церковное упрочивали внутреннее ихъ благоустройство, а грамоты королевскія — внѣшнее, юридическое существованіе. Наконецъ, поступленіе въ эти общества высшихъ дворянъ, — Патроновъ частныхъ церквей, право ставропигіи, т. е. непосредственной зависимости отъ Константинопольскаго Патріарха, помимо мѣстной Церкви, и союзы самихъ Братствъ ставили эти общества выше всѣхъ мѣстныхъ властей, частныхъ интересовъ и открывали имъ путь къ вліянію на всю Западно-Русскую Церковь, при одномъ только условіи, — если Братства сдѣлаютъ на самомъ дѣлѣ поддержать и оправдать это вліяніе. Но залогъ такого вліянія лежалъ и въ основѣ уставовъ Братствъ и въ нравственномъ характерѣ ихъ членовъ. Богадѣльни, училища, типографіи Братскія были благомъ для всей Западно-Русской Церкви; пожертвовація, обязанности Братчиковъ были выраженіемъ всего лучшаго, что только могъ сдѣлать для своей Церкви вѣрный сынъ ея. — Прочный и высоконравственный залогъ обширнаго и всеобщаго вліянія Братствъ, въ настоящее время, обнаруживался уже тѣмъ, что Братства

быстро возникали по всей Литвѣ и возрастали, какъ-бы, по днямъ (160). Дальнѣйшія дѣйствія Братствъ и Патроновъ мы увидимъ послѣ; теперь же скажемъ только то, что эта громадная сила развернулась въ то самое время, когда въ Западно-Русской Церкви, по Іезуитскому плану Уніи, умножились беспорядки.—Вѣроятность и успѣхъ Уніи теперь зависѣли отъ того, какова будетъ борьба этихъ противоположныхъ началъ и на чью сторону склонится окончательная побѣда,—а борьба эта должна была возникнуть немедленно, какъ это и было дѣйствительно.

Когда Литовскій Патронатъ, возбужденный и развитый бѣдственнымъ состояніемъ Западно-Русской Церкви, началъ теперь дѣйствовать ко благу ея, то зло, произведенное въ ней Іезуитами, должно было все выйти наружу и подвергнуться сильнымъ его ударамъ. Торжество въ этой борьбѣ съ самаго начала было рѣшительно на сторонѣ ревностныхъ членовъ Литовскаго Патроната.—Общая, рѣшительная мѣра, употребленная ими противъ зла, казалось, должна была уничтожить навсегда всѣ приготовленія къ Уніи, сдѣланныя Іезуитами. Мы разумѣемъ призваніе въ Литву Константинопольскаго Патріарха, Іереміи II-го.

Беспорядки въ Западно-Русской Церкви, въ послѣдніе годы царствованія Баторія, говоримъ, сдѣлались очень явны и потребовали рѣшительныхъ мѣръ.—Князь Острожскій упросилъ Константинопольскаго Патріарха, Іеремію II-го, отъ котораго зависѣла Западно-Русская Церковь, посѣтить свою подвѣдомственную Митрополию и исправить ея дѣла (161). Въ 1589-мъ году Патріархъ исполнилъ желаніе ревностныхъ сы-

новъ Западно-Русской Церкви и прибылъ въ Лнтву, возвращаясь изъ Москвы (162). Чтобы власть Патріарха имѣла больше силы и успѣха, Константинъ Острожскій, вмѣстѣ съ другими поборниками чистоты вѣры, просилъ короля Сигизмунда уполномочить Святителя окружною грамотою. Сигизмундъ, тогда еще недавно вступившій на престолъ, не посмѣлъ отказать въ этой просьбѣ такимъ сильнымъ людямъ, какъ князь Острожскій (163), и какъ ни горько было Іезуитамъ допустить такой важный шагъ противъ замышляемой ими Уніи; но они должны были покориться обстоятельствамъ и Сигизмундъ окружною грамотою, дѣйствительно, подчинилъ Патріарху всѣ лица и дѣла Западно-Русской Церкви (164).

Патріархъ Іеремія, получивъ эту грамоту, рѣшился низложить всѣхъ двоеженцевъ и троюженцевъ въ Іерархіи, установить на будущее время обычай возводить на высшія Іерархическія мѣста монашествующихъ, произвести судъ надъ всѣми виновными въ нечистой жизни и дать силу новому движенію—Братствамъ.—Тогдашній Митрополитъ Онисифоръ, хотя православный и незазорной жизни пастырь, но вступившій въ духовный санъ послѣ второго брака, долженъ былъ оставить свою кафедру (165), потому что примѣръ его очевидно служилъ оправданіемъ для другихъ двоеженцевъ, болѣе его недостойныхъ духовнаго сана. Выборъ въ новаго Митрополита палъ на Минскаго Архимандрита Михаила Рогозу и по началу никакъ нельзя было сказать, что-бы выборъ этотъ былъ неудачный, хотя извѣстно и то, что Патріархъ сомнѣвался теперь во всякомъ, кого бы ни приходилось поставлять Митро-

политомъ въ такія времена. Михаилъ Рогоза былъ инокъ незазорной жизни, образованія чисто Русскаго, былъ задушевнымъ другомъ одного изъ лучшихъ людей того времени, Феодора Скумина—воеводы Новогрудскаго, извѣстенъ былъ самому князю Острожскому, по ходатайству котораго и поставленъ въ Митрополита. Словомъ, по воспитанію, образу жизни и связямъ, это былъ лучший человѣкъ того времени и, что еще замѣчательно, Михаилъ Рогоза сочувствовалъ новому движенію въ Западно-Русской Церкви—Братствамъ (166). Всѣ сужденія о Латинствѣ Михаила, объ его Іезуитскомъ образованіи и связяхъ съ Іезуитами до 1594-го года, мы считаемъ чистою клеветою на него (167). Мы увидимъ напротивъ, что новый Митрополитъ въ первые годы своего правленія, т. е. до 1594 года, неразъ передъ всѣми оправдывалъ свое избраніе въ Митрополита Западно-Русскаго. — Поставивъ новаго Митрополита, Патріархъ Іеремія потребовалъ низложенія всѣхъ двоюженцевъ, имѣвшихъ духовный санъ (168). Но поражая зло, мудрый Пастырь въ тоже время укрѣплялъ и добро: онъ утверждалъ духовныя Братства и нѣкоторымъ изъ нихъ давалъ право ставропигіи, т. е. непосредственной зависимости отъ себя (169).

Такъ успѣшно, повидимому, начались ревностныя труды Патріарха для блага Западно-Русской Церкви. Но скоро оказалось, что не легко исправить вдругъ безпорядки, укоренившіеся давностію времени, которымъ, кромѣ того, такъ явно потворствовала или, лучше сказать, покровительствовала иновѣрная власть, гражданская и которые Іезуиты могли вызвать на самую упорную борьбу съ новымъ порядкомъ вещей.—Зло было

очень сильно, его нужно было исторгать съ корнемъ, нещадя ни страстей, ни вкоренившихся обычаевъ, и главное, искореняя это зло, необходимо было разрушать планъ Иезуитовъ—вести Унію. Это не могло не раздражать недостойныхъ людей Западно-Русской Церкви и ихъ покровителей—Иезуитовъ.—Распоряженіями Патріарха, естественно, были недовольны и взволнованы тѣ и другіе и теперь легче и скорѣе, чѣмъ когда либо, могли сойтись ближе, дѣйствовать рѣшительно въ виду столь же рѣшительной опасности, и увлечь за собою даже такихъ людей, которые вовсе не знали ни Иезуитовъ, ни Уніи. Несчастныя обстоятельства такъ сложились, что вскорѣ послѣ посвященія новаго Митрополита всѣ усилія Патріарха исправить зло въ Западно-Русской Церкви оказывались безуспѣшными и даже производили слѣдствія, совершенно противоположныя намѣреніямъ Іереміи II-го. Патріархъ Іеремія, какъ мы говорили, требовалъ низложенія всѣхъ двоеженцевъ и троюженцевъ въ Іерархіи. Никакъ недумаемъ, чтобы никто изъ Епископовъ не исполнялъ этого требованія, но несомнѣнно и то, что немногіе изъ нихъ были ревностными исполнителями этой воли Патріарха,—и прежде всего потому, что они же недавно терпѣли двоеженца на Митрополичьей кафедрѣ и, вѣроятно, сами немало рукоположили такихъ людей въ священныи санъ.—Тѣмъ менѣе, были ревностны къ исполненію воли Патріарха Епископы нечистой жизни—Хелмскій Діонисій и Пинскій Леонтій. Послѣдній даже явился защитникомъ недостойныхъ священниковъ и укрывалъ ихъ въ своей епархіи. Патріархъ обличалъ его въ этомъ передъ всѣми—окружною грамотою (170);

но не могъ предпринять болѣе рѣшительной мѣры противъ него и подобныхъ ему людей, потому что дѣла его Восточной Паствы побуждали спѣшигъ въ Константинополь. Онъ успѣлъ сдѣлать въ Литвѣ только еще одно дѣло, необходимо вызванное тогдашними обстоятельствами Западно-Русской Церкви. Іеремія, какъ мы видѣли, поставилъ новаго Митрополита не изъ Епископовъ, а изъ Архимандритовъ, слѣдовательно, человѣка новаго, котораго, какъ естественно, не очень уважали тогдашніе Іерархи. Есть также извѣстіе, что и самъ Патріархъ, хотя поставилъ Михаила Митрополитомъ, уступая просьбѣ сильныхъ людей, но не довѣрялъ ему. Понятно послѣ этого, какъ необходимо было Патріарху имѣть въ Литвѣ кого-либо изъ Западно-Русскихъ Іерарховъ близкимъ къ себѣ и вполне довѣреннымъ. Выборъ его палъ на Луцкаго Епископа, Кирилла Терлецкаго. Читатели наши, вѣроятно, ожидаютъ, что мы, упомянувъ здѣсь имя всѣмъ извѣстнаго и прославленнаго виновника Уніи—Терлецкаго, начнемъ рисовать мрачную картину порочности этого человѣка и доказывать, что выборъ Патріарха былъ крайне ошибоченъ. Но, да простятъ они намъ, если мы не оправдаемъ ихъ ожиданій. Въ послѣдствіи мы, дѣйствительно, поставимъ Кирилла между недостойными людьми Западно-Русской Церкви; но говоря о настоящемъ времени, должны сказать, что выборъ Патріарха былъ вполне справедливый: тогда Кирилль былъ достойнѣйшимъ между Западно-Русскими Епископами. Познакомимся съ этимъ лицомъ.

Кирилль Терлецкій происходилъ изъ дворянскаго рода Пинской области (171), отличался за-

мѣчательнымъ умомъ, сильною дѣятельностію и получилъ значительное, по тому времени, образованіе (172). Его убѣжденій въ истинахъ Вѣры, до 1590 года, мы не знаемъ, потому что до этого времени онъ ничѣмъ не высказалъ ихъ намъ. Знаемъ только, что онъ не былъ изъ числа тогдашнихъ, такъ сказать, мгновенныхъ Іерарховъ. Онъ былъ сперва протоіереемъ въ Пивскѣ, потомъ Пинскимъ же владыкою и, наконецъ, съ 1585г. Луцкимъ Епископомъ (173). На этой послѣдней кафедрѣ онъ обнаружилъ необычайную въ то время ревность къ благу Церкви, а Церковь эта въ Луцкой Епископіи была тогда въ конецъ разстроена и разорена предмѣстникомъ Кирилла Іоною Красенскимъ — позорнѣйшимъ Епископомъ, осужденнымъ за свои дѣла на изгнаніе изъ Литвы (174). Испорченность духовенства и нищета Епископской кафедры, расхищенной Іоною и его родственниками, были первыми предметами, на которые Кириллъ долженъ былъ обратить вниманіе. Но не легко было Кириллу благоустроить свою Епископію. Онъ постоянно былъ въ судѣ, гдѣ ему приходилось не обвинять только, но и самому защищаться отъ самыхъ злостныхъ клеветъ, отъ которыхъ, по нашему мнѣнію, ведутъ свое начало всѣ важнѣйшія обвиненія Кирилла въ нечистой жизни. Теперь отъ этихъ клеветъ Кириллъ очищалъ себя нерѣдко самымъ торжественнымъ образомъ и заставлялъ своихъ враговъ (родственниковъ и друзей прежняго Епископа) открыто признаваться во лжи. Но не такъ легко было Кириллу защищать свою Церковь и себя отъ новаго врага—правителя города Луцка—Латинянина, недавно отпавшаго отъ Православія. Правитель этотъ открыто ругался

надъ Церковію, Православнымъ народомъ и Епископомъ. Но Кириллъ мужественно выносилъ и эту борьбу. Народъ, какъ видно, глубоко сочувствовалъ своему Іерарху. Это участіе показалъ къ нему и Князь Острожскій. Онъ приблизилъ къ себѣ Кирилла и обладалъ его своими милостями (175). Неутомимая борьба Кирилла съ беспорядками церковными и кознями Латинянъ, вѣроятно, сдѣлалась извѣстною и Патріарху Іереміи и Восточный Іерархъ почтилъ Кирилла особою честію. Будучи еще въ Брестѣ на соборѣ, онъ торжественно посвятилъ его въ санъ своего Экзарха въ Литвѣ и далъ ему право наблюдать за Епископами, даже за самимъ Митрополитомъ и въ случаѣ крайности судить ихъ соборомъ. (176). Но понятно, что такое раздѣленіе власти въ Церкви, хотя и вызванное необходимою стію, не могло привести къ добру.

Послѣ 6 Августа 1589 года, Патріархъ Іеремія удалился на рубежъ Литвы и Молдавіи и пребывалъ въ Замостьѣ, Красномъ Ставѣ, Тернополѣ. За Патріархомъ послѣдовали разновременно нѣкоторые Западно-Русскіе Іерархи (177). Въ Тернополѣ, въ присутствіи самаго Патріарха, и потомъ въ Каменцѣ-Подольскомъ, они составляли соборы. На этихъ соборахъ осуждены разныя беспорядки въ Церкви и утверждена независимость Львовскаго Братства отъ мѣстнаго Епископа Гедеона (179). Западно-Русская Церковь, повидимому, была благоустроена. Но на дѣлѣ, положеніе ея стало еще хуже. Между Патріархомъ и новопоставленнымъ Митрополитомъ возникли неудовольствія еще при самомъ постановленіи послѣдняго, когда Іеремія, понимая всю опасность положенія Западно-Русской Церкви

и не зная, дѣйствительно ли поставляемый имъ, первый Іерархъ этой Церкви способенъ управлять ею въ такія времена, высказалъ свое сомнѣніе открыто, при самомъ поставленіи Михаила. Вскорѣ это неудовольствіе, затаенное теперь Митрополитомъ, обнаружилось ясно. Онъ отказался вознаграждать убытки, понесенные Патріархомъ, во время его пребыванія въ Литвѣ (179). Такимъ образомъ, усердіе къ исполненію распоряженій Патріарха, столь необходимыхъ для Западно-Русской Церкви, было ослаблено въ первомъ Іерархѣ этой Церкви и въ самыя первыя времена его служенія. Но это несчастіе Западно-Русской Церкви было еще очень невелико, въ сравненіи съ другими.

Мы говорили, что Патріархъ Іеремія утверждалъ Братства и нѣкоторымъ изъ нихъ давалъ право ставропигіи, т. е. непосредственной зависимости отъ себя. Оцѣнивая всѣ труды Братствъ на пользу Западно-Русской Церкви, мы не можемъ не удивляться проницательной мудрости Восточнаго Іерарха, который понялъ всю благодѣтельность Братствъ и позаботился дать прочное обезпеченіе этимъ обществамъ. Мы даже скажемъ, что существованіе Братствъ, какъ нѣкоторой самостоятельной духовной власти въ рукахъ низшаго духовенства и мірянъ, не противорѣчило давнимъ обычаямъ Западно-Русской Церкви; потому что здѣсь издавна міряне принимали ближайшее участіе въ дѣлахъ Церкви и, вообще, вся Западно-Русская Митрополія издавна отвыкла отъ строгаго единства и средоточія духовной власти. Но не всѣ тогда понимали благодѣтельность Братствъ и естественность ихъ существованія въ Западно-Русской Церкви. Великое учрежденіе,

спасшее эту Церковь отъ конечной гибели, подверглось порицанію почти всѣхъ Западно-Русскихъ Іерарховъ. Противъ него возставалъ всѣми силами Львовскій Епископъ Гедeonъ; противъ него вопіяли всѣ Епископы, принявшіе Унію (180). Одинъ только Митрополитъ до послѣдняго времени не вооружался противъ Братствъ. Всѣ другіе Іерархи видѣли въ Братствахъ нарушеніе своей власти и негодовали на Патріарха за ихъ учрежденіе, особенно, за учрежденіе Братствъ ставропигіальныхъ. Негодованіе это, столь незаконное, во многихъ было усилено новымъ обстоятельствомъ, которое ясно показываетъ, что враги церковнаго мира въ Западно-Русской Церкви употребляли всѣ усилія, чтобы пребываніе Патріарха въ Литвѣ обратить на зло этой Церкви и на соблазнъ всѣмъ Православнымъ. Они разгласили, что Патріархъ Іеремія требуетъ отъ Западно-Русскаго Митрополита непомерной суммы денегъ — пятнадцать тысячъ червонцевъ, — тогда какъ онъ просилъ пятнадцать тысячъ аспръ, что на тогдашнія деньги составляло двѣсти пятьдесятъ талеровъ — сумма очень незначительная для Западно-Русскаго Митрополита (181). Далѣе, извѣстно, что въ Литовско-Польскомъ Государствѣ до крайности распространился обычай испрашивать разныя «привилеи» — грамоты. Вѣроятно за такими грамотами, по духовнымъ дѣламъ, многіе обращались и къ Патріарху. Люди злые воспользовались этимъ обстоятельствомъ на позоръ Православнымъ. Пользуясь тѣмъ, что Патріархъ не зналъ Славянскаго языка, они предлагали ему для подписи незаконныя грамоты. Въ Замостьѣ Патріархъ замѣтилъ этотъ обманъ и обличилъ въ немъ Львовскаго Еписко-

па Гедеона. Изъ жалобы Патріарха видно, что кромѣ грамотъ, подбрасываемыхъ для подписи Гедеономъ, были и другія (182). Много—ли между ними было однородныхъ съ грамотами Гедеоновыми,—не знаемъ; знаемъ только, что на нихъ жаловались не одни виновники Уніи, но и Православные (183). Одна изъ такихъ грамотъ, наполненная бранью противъ Митрополита прислана (въ 1591—2 году) была Львовскому Братству, съ повелѣніемъ изгнать Митрополита изъ Львовской области (онъ тогда здѣсь находился) и передать Братскій монастырь Гедеону. Братство въ смущеніи писало объ этомъ къ Патріарху (184): но если Львовское Братство, взлелѣванное Патріархомъ и самое преданное ему смутилось духомъ, то что думалъ самъ Митрополитъ, что думали другіе Православные, менѣе способные отличать ложь отъ истины? Какую, наконецъ, могли имѣть силу послѣ этого подлинныя грамоты Патріарха и, если онѣ мало имѣли силы, что несомнѣнно, то что должны были думать о Патріархѣ тѣ люди, которые ожидали отъ него величайшей пользы для Западно—Русской Церкви? Такъ искусно враги Западно—Русской Церкви разсѣвали и усиливали предубѣжденія и неудовольствія противъ Патріарха. Эти предубѣжденія и неудовольствія имъ очень нужны были, потому что необычайное благоговѣніе Западно—Русскаго народа къ Патріарху Константинопольскому и ревностныя заботы Іереміи II-го о благѣ Западно—Русской Церкви составляли, повидимому, неодолимую преграду для Уніи.—Но неужели, въ самомъ дѣлѣ, можно думать, что эти именно не евангельскіе труды враговъ Западно—Русской Церкви—неудовольствія и пред-

убѣжденія противъ Патріарха, подготовленныя ими, произвели Унію, какъ это утверждали всегда сами поборники Уніи? Не отвергаемъ того, что они действительно не мало подвинули къ концу заготовленное дѣло, но не въ нихъ однихъ, какъ утверждаютъ это Уніятскіе и Латинскіе писатели, Унія имѣла главную свою основу. Изъ неудовольствій и предубѣжденій противъ Патріарха Унія никогда не могла бы возникнуть, если бы ей не давали жизни другія причины, болѣе важныя и рѣшительныя.—Ближайшимъ, прямымъ слѣдствіемъ неудовольствія и предубѣжденія противъ Патріарха, положимъ даже (слѣдствіемъ) страха, котораго, впрочемъ, теперь мы невидимъ въ Западно-Русскихъ Іерархахъ, а ужъ менѣе всего въ тѣхъ изъ нихъ, которые поставлены послѣ отъѣзда Патріарха,—ближайшимъ, говоримъ, слѣдствіемъ всего этого должно было естественнѣе всего быть желаніе—прекратить зависимость Западно-Русской Церкви отъ Константинопольскаго Патріарха и сдѣлать ее самостоятельной. И это, повидимому, не должно было представляться чѣмъ либо необычайнымъ. Примѣръ былъ подлѣ и передъ глазами всѣхъ,—Восточно-Русская Церковь, которая тогда же получила права совершенной самостоятельности, правда, не по дурнымъ побужденіямъ, но за то и не столь сильнымъ. Но отъ желанія сдѣлать свою Церковь самостоятельной до желанія подчинить ее Папѣ—вести Унію еще очень далеко, какъ это очевидно само собою. Какимъ же образомъ совершился этотъ не малый, скажемъ лучше, неизмѣримо громадный переходъ—*отъ желанія уничтожить зависимость Западно-Русской Церкви отъ Кон-*

статимнопольской по какимъ бы то ни было побужденіямъ—къ желанію принять Унію? Гдѣ та необычайная сила, которая такъ неестественно повернула событія?

Много сдѣлано отвѣтовъ на эти вопросы; но разбирать—ли ихъ здѣсь?... Нѣтъ! Это повело бы насъ слишкомъ далеко, а между тѣмъ, въ заключеніи мы должны были бы сказать очень немногое, именно то, что въ настоящее время слишкомъ много произвольныхъ теорій Уніи. Обратимся лучше къ изложенію событій по древнимъ свидѣтельствамъ исторіи и пусть изложеніе самаго дѣла дастъ понятіе объ этихъ теоріяхъ.

Когда Патріархъ Іеремія удаленъ изъ Литвы; то дѣла Западно-Русской Церкви находились въ слѣдующемъ положеніи. Открыты были передъ всѣми сильныя и давніе недуги этой Церкви и указаны мѣры къ ихъ урочеванію. Но какъ эти недуги, такъ и ихъ урочеваніе для многихъ были слишкомъ тяжелы.—Злые и подготовленные Іезуитами для Уніи люди поняли, что ихъ положеніе опасно,—все равно, будутъ ли они держаться своей Церкви или нѣтъ. Люди добрые, оплотъ Западно-Русской Церкви, увидѣли, что имъ недостаетъ очень многого для успѣха ихъ дѣйствій. Тяжело стало жить и тѣмъ и другимъ.—Необходимость переменъ стали чувствовать всѣ, но какой перемены? Патроны, Братства и Митрополитъ усматривали ему перемену, вслѣдъ за Патріархомъ, въ исправленіи зла Западно-Русской Церкви по каноническимъ правиламъ и Литовско-Польскимъ гражданскимъ законамъ; но Іезуиты позаботились указать другое

средство къ улучшенію дѣлъ. Никто изъ современниковъ не оставилъ намъ этого Иезуитскаго поученія Православнымъ. Но мы имѣемъ одинъ очень важный, въ этомъ отношеніи, памятникъ, именно, разговоръ Кирилла Терлецкаго съ Поцѣмъ у знаменитаго поборника и друга Иезуитовъ, Латинскаго, Луцкаго Епископа, князя Бернарда Малѣвскаго,—разговоръ, переданный намъ Поцѣмъ и происходившій тогда, когда Терлецкій, побывавъ нѣсколько разъ у Иезуитовъ, принялъ уже Унію, (185).—Сопоставляя этотъ памятникъ съ грамотами Сигизмунда III-го къ Западно-Русскому народу (186), съ нѣкоторыми соборными грамотами объ Уніи (187) и съ событіями того времени, мы можемъ воспроизвести это Иезуитское поученіе Западно-Русской Церкви и народу.—Теперь были выставлены на видъ безуспѣшныя дѣйствія Патріарха въ Западно-Русской Церкви и особенно (подложныя) его грамоты, противорѣчившія одна другой. Проповѣдывалось, что онъ по произволу, несправедливо готовъ лишить кафедры всякаго Іерарха (188). Этимъ путемъ проводилось въ народъ убѣжденіе, что зависимость Западно-Русской Церкви отъ Патріарха бесполезна и даже вредна (189). Но этого убѣжденія для Иезуитовъ было слишкомъ мало,—оно даже могло быть опаснымъ для Уніи, потому что могло привести къ рѣшимости сдѣлать Западно-Русскую Церковь самостоятельною, подобно Восточно-Русской Церкви и вмѣстѣ съ тѣмъ увеличить въ Западно-Русскихъ Іерархахъ отвѣтственность за свою Церковь, что для плана Уніи, очевидно, могло быть весьма неудобно.—Поэтому, учрежденіе Братствъ, вполнѣ преданныхъ Патріарху, было представлено съ такой именно

стороны, что они, ослабляя власть Епископовъ и сносясь постоянно съ Патріархомъ, дѣлають безвыходнымъ положеніе Западно-Русскихъ Іерарховъ, если тѣ не соединятся съ Латинянами (190). Въ этомъ соединеніи представлялись на видъ всѣ житейскія и духовныя выгоды,—совершенная безопасность и награды людямъ недостойнымъ и своекорыстнымъ, людямъ благонамереннымъ—богатыя средства защищать Церковь отъ еретиковъ и буйныхъ мірянъ, всѣмъ, вообще, — спокойствіе жизни и совѣсти (191). Убѣжденіе это подкрѣплялось тѣмъ, что обѣ Церкви — Восточная и Западная прежде составляли одно, что Унія неизмѣнить Вѣры Православной и что сами Восточные Іерархи непременно соединились бы съ Римомъ, если бы имъ не мѣшали въ этомъ Турки, по политическимъ своимъ видамъ (192).—Нѣтъ никакой надобности представлять Западно-Русскихъ Іерарховъ того времени слишкомъ порочными и пользоваться для этого преувеличенными сужденіями людей ожесточенныхъ противъ нихъ, чтобы представить естественнѣе начало Уніи. Дѣло происходило гораздо проще и болѣе достойно Западно-Русской Церкви. Іерархія и народъ Западно-Русскіе уже два столѣтія приучаемы были къ союзу съ Латинскою Польшею. Этотъ долговременный путь страданій, стѣсненій, канечно, очищалъ многихъ изъ Православныхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ приготавлиалъ много и такихъ людей, которые чаще и чаще приходили къ мысли положить какимъ нибудь образомъ конецъ этой двухъ вѣковой враждѣ одноплеменныхъ народовъ. Въ настоящее время, эта мысль пробѣгала изъ конца въ конецъ всю Польшу и Литву.

Латиняне хлопотали о соединеніи въ одно всѣхъ разновѣрцевъ; протестанты то и дѣло составляли сошвы между собою и не разъ приходили къ мысли какъ нибудь примириться съ Латинянами. Даже лучшие люди между Православными, какъ на примѣръ Князь Острожскій, признавали, какъ мы видѣли, необходимымъ ближайшее соединеніе Литвы съ Польшею и, хотя съ добрыми для Православной Церкви цѣлями, бесѣдовали съ Папскимъ Легатомъ Поссевиномъ о соединеніи Церквей. Кто можетъ думать, что всѣ эти хлопоты о примиреніи разномыслящихъ въ Литовско-Польскомъ Государствѣ оставались кабинетною тайною и не превращались въ думу народную? Но предположимъ довольно невѣроятное дѣло, — что эту думу нѣсли только образованные люди и то не всѣ. Это нисколько не ослабитъ нашихъ мыслей; потому что мы находимъ подкрѣпленіе имъ въ другомъ ряду обстоятельствъ, на которыя очень недавно стали у насъ обращать вниманіе. Эту думу Иезуиты постарались сдѣлать ежедневною и общенародною. Приѣздъ Патриарха въ Литву, общавшій такъ много добра для Западно-Русской Церкви и такъ много зла для предполагаемой Уніи, былъ какъ бы знакомъ ко всеобщему гоненію на Православныхъ. Многіе буйные вельможи и шляхтичи Православные, потерявшіе уже любовь къ своей Церкви, многіе отступники отъ Православной Вѣры и Латиняне, воспитанные Иезуитами, устремились притѣснять Западно-Русскую Церковь и народъ, какъ бы по королевскому указу и новому долгу совѣсти (193). Путемъ страданій отъ этихъ притѣсненій приходилъ къ мысли объ Уніи и знатный Патронъ

Западно-Русской Церкви и Иерархъ ея и бѣдный мирянинъ и простой Священникъ: только Братства никогда не обольщались этою мыслью; но Братства Западно-Русскія составляли исключеніе не только въ Западно-Русской Церкви, но и во всемъ мирѣ Христіанскомъ.

Кто же прежде всѣхъ высказалъ эту мысль? Очевидно, ее скорѣе всего могли высказать тѣ люди, которые больше другихъ страдали отъ притѣсненій и которые вмѣстѣ съ тѣмъ имѣли несчастье прядти къ ложному убѣжденію, что новое движеніе въ Западно-Русской Церкви не только не избавитъ ихъ отъ этихъ страданій, но еще болѣе увеличитъ ихъ затру- днительное положеніе. Такъ, дѣйствительно и было. Въ настоящее время, по историческимъ памятникамъ оказывается, что первый высказалъ намѣреніе принять Унію несчастливѣйшій Иерархъ того времени Гедeonъ Болобанъ, Епископъ Львовскій (194). Какого рода было это несчастье—сейчасъ увидимъ.

Гедeonъ, въ мирѣ Григорій, происходилъ изъ дворянскаго рода Галицкой области—Болобановъ. Онъ былъ сынъ Львовскаго же Епископа Арсенія, въ мирѣ Марка, возведеннаго на эту кафедру въ 1549—55 году. Самъ Гедeonъ утвержденъ былъ на Львовской кафедрѣ въ 1569 году (195). Молодой Епископъ, получившій кафедру, какъ-бы по наслѣдству, и окруженный родственниками, смогъ на нее, какъ на свою неотъемлемую собственность, потому считалъ личною обидою и беззаконіемъ всякое ослабленіе своей власти и малѣйшій ущербъ епископскаго достоянія, а права свои на эту власть и на это достояніе измѣрлялъ онъ, какъ увидимъ, далеко не по каноническимъ правиламъ, а потому,

что получилъ ихъ отъ короля и отъ своего отца. Въ послѣдніе годы своей жизни Гедеонъ измѣнилъ эти понятія. Тяжкія испытанія очистили ихъ и сдѣлали Гедеона ревностнымъ и строго Православнымъ Епископомъ. Но до того времени, онъ заплатилъ тяжелую дань своимъ заблужденіямъ, которымъ, какъ нарочно, противопоставлялись постоянныя претыканія. И власть и достояніе Гедеона были предметомъ самаго горячаго спора и чуть ли не домашней войны. По необъяснимому для насъ стеченію обстоятельствъ, Львовскій, Латинскій Епископъ еще въ первой половинѣ XVI столѣтія выхлопоталъ себѣ у короля Сигизмунда II Патронатство надъ Львовскою, Православною Епископіею *jus praesentandi et constituendi*, т. е. право прежде всего избирать и представлять для посвященія мѣстнаго Православнаго Епископа (196). Нѣтъ нужды говорить, какъ тяжело и ненавистно было это право вообще для Православныхъ Галицкой области и въ особенности для ихъ Епископа. Гедеонъ, независимо отъ этого права, получилъ кафедру Львовскую; но оно не было уничтожено закономъ (197) и при первомъ удобномъ случаѣ обнаружило себя жестокими гоненіями на Православныхъ Галичанъ и ихъ Епископа. Случай этотъ—былъ введеніе новаго календаря (198). Но Гедеонъ не думалъ признавать незаконныхъ требованій незаконнаго Патрона и вступилъ въ борьбу съ Латинскимъ Епископомъ. Православные съ горячимъ усердіемъ поддерживали своего Иерарха. Начатый процессъ грозилъ Латинскому Епископу дурными послѣдствіями и, вотъ, онъ рѣшился прекратить его, пожертвовавъ незаконнымъ правомъ. Въ 1585 году устроена была

на этомъ основаніи мировая между нимъ и Гедеономъ (199). Гедeonъ такимъ образомъ, казалось, прекрасно устроилъ свои дѣла. Но онъ тогда же увидѣлъ передъ собою новыхъ враговъ, съ которыми цѣлыхъ десять лѣтъ никакъ не могъ примириться, — мы разумѣемъ Православное Львовское Братство. Въ Галиціи, больше другихъ Литовско — Польскихъ областей страдавшей отъ Латинянъ, мысль о Патронатствѣ надъ Православными церквями явилась очень давно и къ разсматриваемому времени соединила защитниковъ Церкви въ довольно прочное общество. Въ 1586 году Іерусалимскій Патріархъ Іоакимъ благоустроилъ это общество и подчинилъ его вѣдѣнію два монастыря Онуфріевскій въ самомъ Львовѣ и Унѣвскій, недалеко отъ Львова (200). Гедeonъ никакъ не хотѣлъ понять благодѣтельности учрежденія въ его епархіи Братства и немедленно возсталъ противъ него (201). Эта борьба привела его къ тому, что онъ сблизился съ Латинскимъ Епископомъ и уже въ 1588 году изъявилъ ему желаніе принять Унію (202). Между тѣмъ, дальнѣйшія обстоятельства такъ слагались, что Гедeону постоянно представлялись сильныя побужденія вести болѣе упорную борьбу съ Братствомъ и еще болѣе склоняться къ Уніи. Патріархъ Іеремія утвердилъ права Братства и далъ ему особенное преимущество — быть ставропигіальнымъ, а Гедeону грозилъ низложеніемъ за притѣсненія (203). Митрополиту и новопоставленному, Патріаршему Экзарху, Кириллу Терлецкому вмѣнено было въ обязанность наблюдать за Гедeономъ (204). Гедeонъ теперь сталъ во враждебныя отношенія не только къ Львовскому Братству, но

и къ Митрополиту и особенно къ Кириллу, который, какъ Патріаршій Экзархъ, скорѣ другихъ могъ донести Патріарху о притѣсненіяхъ его ставропігін (205). Между тѣмъ, тогда же въ 1589 или 1590 году появились въ Львовской области Иезуиты, которые распалили ненависть Латинянь къ Православнымъ и, безъ всякаго сомнѣнія, не преминули напомнить Гедеону, черезъ своего покровителя, Латинскаго Епископа Соликовскаго, объ его давнемъ желаніи принять Унію. Подъ вліяніемъ этихъ внушеній или и независимо отъ нихъ, Гедеонъ потомъ нѣсколько разъ высказывалъ это желаніе (206). Но не было никакого проку отъ этой готовности Гедеона принять Унію. Гедеонъ, какъ видно изъ всѣхъ его дѣйствій, не имѣлъ въ душѣ никакого уваженія къ Уніи, не вѣрилъ нисколько въ ея мнимую святость и смотрѣлъ на нее лишь какъ на средство—выйти изъ затруднительнаго положенія. Да, еслибы онъ и вѣрилъ въ Унію, ему очень трудно было бы принять на себя главное участіе въ этомъ замыслѣ, потому что онъ имѣлъ около себя самыхъ внимательныхъ наблюдателей его дѣйствій—Братство. Намѣреніе Гедеона взялся приводить въ исполненіе другой Епископъ, на котораго Иезуиты не могли не обратить вниманія, какъ на человѣка болѣе опытнаго и въ то время весьма для нихъ опаснаго, —разумѣемъ новопоставленнаго Патріаршаго Экзарха, Кирилла Терлецкаго, Епископа Луцкаго.

При первомъ взглядѣ на событія Уніи, представляется совершенно невѣроятною единодушная рѣшимость этихъ двухъ Епископовъ—принять Унію. Странное, въ самомъ дѣлѣ, явленіе! Сближаются между со-

бою въ замыслѣ на Унію два Епископа—враги Лати-
нянъ, испытавшіе на себѣ все неистовство Іезуитскаго
фанатизма?! Сближаются въ замыслѣ на Унію два луч-
шіе Епископа—одинъ другъ князя Острожскаго, бли-
жайшій Іерархъ къ Патріарху, почтенный отъ него
саномъ Экзарха, другой—непреклонно твердый въ Пра-
вославіи въ самыя трудныя годы своей жизни (послѣ
1596 года). И что еще страннѣе,—сближаются въ та-
комъ опасномъ замыслѣ два жестокіе врага другъ дру-
га и цѣлыхъ пять лѣтъ ведутъ дѣло Уніи съ безуко-
ризненною вѣрностію другъ другу?!—Но такъ было
дѣйствительно и потому—то Унія и имѣла успѣхъ, что
ее принимали такіе люди, отъ которыхъ трудно было
ожидать измѣны.

Въ 1589 году, еще во времена пребыванія Пат-
ріарха въ самой Литвѣ, между Гедеономъ и Кирил-
ломъ была вражда. Происходила ли она отъ того, что
Гедеонъ, навлекшій гнѣвъ Патріарха, увидѣлъ въ Ки-
риллѣ опаснаго для себя человѣка, когда тотъ полу-
чилъ санъ Патріаршаго Экзарха, или ее произвели дру-
гія причины,—не знаемъ навѣрное; но достовѣрно извѣ-
стно, что она была очень сильна и побудила Гедеона
вредить Экзарху.—Въ маѣ 1589 г., Гедеонъ поспѣ-
шилъ за Патріархомъ въ Замостье и представилъ ему
съ самой дурной стороны жизнь Кирилла. Патріархъ
написалъ грамоту къ Митрополиту Михаилу, въ кото-
рой приказывалъ судить Кирилла, и отправилъ ее съ
находившимся при немъ, Митрополитымъ Протонота-
ріемъ Григоріемъ.—Неосторожный Григорій, проѣзжая
черезъ Епархію Кирилла, проговорился о содержаніи
грамоты Патріаршей.—Это немедленно передано было

Кириллу. Тогда Экзархъ приказалъ своимъ слугамъ догнать Григорія и отнять грамоту, а самъ поспѣшилъ въ Замостье. — Здѣсь онъ узналъ, что эту неприятность устроилъ ему Гедeonъ (207). Какъ Кириллъ оправдалъ себя, — не знаемъ; но несомнѣнно, что онъ съ блистательнымъ успѣхомъ достигъ этого. Патріархъ написалъ окружную грамоту, въ которой расказалъ коварство Гедеопа мротивъ Кирилла, признавалъ послѣдняго достойнымъ Епископомъ и снова утвердилъ за нимъ санъ своего Экзарха съ правомъ наблюдать за Епископами и, въ случаѣ ихъ преступленій, наказывать соборно. — Мало того, Патріархъ призналъ въ этой грамотѣ недѣйствительными всѣ свои грамоты противъ Кирилла, еслибы такія оказались, а оказаться они очень могли, потому что Гедeonъ, какъ мы говорили, подбрасывалъ Патріарху въ Замостьѣ для подписи разныя грамоты (208). Вражда между Кирилломъ и Гедеономъ сдѣлалась теперь, повидимому, непримиримою. — Но на дѣлѣ вышло другое.

И блистательное торжество Кирилла и позорное униженіе Гедеопа представляли имъ обоимъ одинаково сильныя побужденія къ примиренію другъ съ другомъ. Гедeonъ, осужденный теперь — и не въ первый уже разъ — Патріархомъ и не думавшій однако никогда оставить въ покоѣ Львовское Братство, очень ясно видѣлъ, что Экзархъ Патріаршій не преминетъ воспользоваться своимъ правомъ наблюдать за Епископами, чтобы вредить ему при первомъ удобномъ случаѣ (209), а Кириллъ, ознаменовавшій первый шагъ къ своему торжеству преступленіемъ надъ Протонотаріемъ Григоріемъ, никакъ не могъ думать, что Гедeonъ не обра-

титъ на это вниманія, а нельзя было не обратить вниманія на это преступленіе Кирилла. Усердные слуги его, догнавъ Протонотарія Григорія около Пинска, жестоко избили (210) и слухъ объ ихъ разбойничьемъ нападеніи сильно началъ распространяться, о чемъ не могли не донести Кириллу его родственники и друзья Пинской Епархіи (211), Такимъ образомъ, оба Епископа ясно видѣли, что теперь имъ совсѣмъ не время враждовать другъ противъ друга. Между тѣмъ, ихъ характеры, образъ мыслей и обстоятельства представляли имъ совершенно готовые узы дружбы и, какъ-бы налагали ихъ на этихъ двухъ враговъ, равно убѣжденныхъ уже въ необходимости взаимнаго примиренія. Оба они, при одинаковой предприимчивости и рѣзкости характеровъ, до страсти заняты были благоустройствомъ своихъ Епископій, но благоустройствомъ не столько по каноническимъ правиламъ — а главнымъ образомъ, какъ своей неотъемлемой собственности, въ которую, по ихъ новятіямъ, никто не долженъ былъ вмѣшиваться (212). Но на этомъ пути оба они, какъ мы видѣли, встрѣчали сильныя преграды и опять совершенно одинаковыя. Гедеонъ былъ стѣсненъ ожесточенными Галицкими Латинянами и Львовскимъ Братствомъ, Кириллъ—еще болѣе жестокимъ Правителемъ города Луцка и самыми буйными мірянами и духовными своей Епархіи — родственниками и друзьями его предѣстника Красенскаго. — Путешествуя вмѣстѣ вслѣдъ за Патріархомъ, до самыхъ границъ Валахін, они не могли не присмотрѣться къ этому сходству своихъ взглядовъ и положеній и одна какая нибудь неважная случайность могла уничтожить слабую уже

преграду къ сближенію.—Одно теперь только раздѣляло ихъ: Кирилль пользовался милостію Патріарха, Гедеонъ постоянно ожидалъ отъ него суда.—Но на возвратномъ ихъ пути отъ Патріарха, случилось обстоятельство, которое уравнило ихъ и въ этомъ отношеніи. Когда разбойничье нападеніе слугъ Кирилла на Протонотарія Григорія сдѣлалось гласнымъ, Брестскій Епископъ Мелетій донесъ Патріарху объ этомъ происшествіи. Патріархъ отправилъ въ Литву своего Архіепископа Діонисія съ правами Экзарха и, не довѣряя теперь Митрополиту, написалъ грамоту къ Мелетію, въ которой приказывалъ Брестскому Епископу судить Кирилла на соборѣ, а для созванія собора послалъ черезъ Діонисія повелѣніе объ этомъ Митрополиту.—Діонисій засталъ Мелетія въ Кіевѣ, вручилъ ему Патріаршую грамоту и затѣмъ отправился къ Митрополиту требовать собора и, между прочимъ, вознагражденія Патріаршихъ убытковъ, понесенныхъ въ Литвѣ. Но Митрополитъ теперь вовсе не расположенъ былъ созывать собора. Онъ, безъ сомнѣнія, зналъ очень хорошо, что соборъ, прежде суда надъ Кирилломъ, заставитъ его самага удовлетворить просьбѣ Патріарха. Говорятъ, что и Кирилль просилъ Митрополита не созывать собора. Михайль отказалъ Діонисію въ томъ и другомъ требованіи (213).—Неудача явилась и съ другой стороны. Мелетій, возвращаясь изъ Кіева, встрѣтился съ Кирилломъ и съ добродушною откровенностію далъ ему понять угрожающую опасность. Кирилль скрылъ свое смущеніе и послѣдовалъ за Мелетіемъ. Во Владимірѣ, говорятъ, онъ похитилъ Патріаршую грамоту у добродушнаго и слабаго старика—Ме-

летія и пригласивъ его за тѣмъ въ близлежащее свое имѣніе, продержалъ здѣсь, пока Діонисій не уѣхалъ отъ Митрополита ни съ чѣмъ (214).

Но невозможно было, Кириллу послѣ этого, спокойно возвратиться къ своимъ обычнымъ дѣламъ—преслѣдованію неуживчивыхъ родственниковъ и друзей Красенскаго и къ борьбѣ съ Правителемъ города Луцка.—Поступокъ съ Григоріемъ, сдѣлавшійся, безъ сомнѣнія, извѣстнымъ Митрополиту и отъ самага Григорія и отъ Діонисія, побуждалъ Кирилла переговорить съ Митрополитомъ и онъ, дѣйствительно, поспѣшилъ къ нему. Прибылъ къ Михаилу также и Гедеонъ, которому Львовское Братство нанесло новый ударъ, выхлопотавъ у Патріарха снова подтвержденіе своихъ правъ и зависимость въ духовныхъ дѣлахъ отъ Митрополита а не отъ Гедеона (215). Здѣсь то Кирилла и Гедеонъ явились уже искренними друзьями.—Такъ какъ по навѣту Гедеона выдана была та грамота Патріарха противъ Кирилла, за которую слуги Экзарха избивали несчастнаго Григорія, то Гедеонъ счелъ своею обязанностию помочь Экзарху уладить это щекотливое дѣло и, вотъ, они вмѣстѣ задобрили Григорія, обѣщавъ ему доставить современемъ Епископскую каѳедру (216). Санъ Кирилла, какъ Экзарха, и особенно дружба съ княземъ Острожскимъ служили Григорію ручательствомъ, что ходатайство Кирилла передъ королемъ и соборомъ не будетъ безъуспѣшно.—Участвовалъ ли въ этомъ примиреніи самъ Митрополитъ? Очень можетъ быть. Предубѣжденный тоже противъ Патріарха, онъ не имѣлъ желанія строго исполнять его приказанія. Съ другой стороны, Кириллъ могъ

представить ему, что Григорію нанесены побои безъ его распоряженія.—Но неужели однимъ только замѣреніемъ Григорія ограничилось свиданіе этнхъ трехъ Іерарховъ, почти одинаково теперь предубѣжденныхъ противъ Патріарха? Безъ всякаго сомнѣнія, нѣтъ! Всѣ они, конечно, не стѣснялись подѣлиться теперь своими неудовольствіями противъ Іереміи. Но отъ личныхъ своихъ отношеній къ Патріарху, они не могли не перейти къ разсужденію объ его дѣлахъ, касавшихся всей Западно-Русской Церкви. Патріархъ слишкомъ много вызвалъ вопросовъ, которые должны были совершенно измѣнить бѣдственное положеніе этой Церкви,—они должны были сдѣлать ее чистою передъ совѣстію ея членовъ и сильною передъ врагами, — мы разумѣемъ исправленіе безпорядковъ въ Іерархіи и утверженіе Братствъ.—Но мы говорили, что для однихъ слишкомъ тяжело было это новое движеніе въ Западно-Русской Церкви, а для другихъ—еще тяжелѣе старое положеніе ея, при этомъ новомъ движеніи. Вотъ, объ чемъ нельзя было не поразмыслить собравшимся теперь Іерархамъ (217). Чѣмъ же они порѣшили? Они рѣшились составить соборъ. Но понятно, что ни Кириллъ, ни Геденонъ не желали, чтобы соборъ былъ открытый, при участіи мірянъ. Они желали составить частный съѣздъ въ Бельзѣ, въ Епархіи Хелмской и уговорили Митрополита, пріѣхать къ нимъ (218). Но трудно было уклониться теперь отъ открытаго собора. Міряне давно уже принимали дѣятельное участіе въ дѣлахъ Западно-Русской Церкви. Во время прибыванія Патріарха въ Литвѣ, участіе это обнаружилось въ полной силѣ и какъ бы узаконено было, съ утвержденіемъ Братствъ.

Понимали ли эти міряне необходимость собора и знали ли, что и Патриархъ требуетъ его,—въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Необходимо даже думать, что они прямо высказали Митрополиту это требованіе и вмѣстѣ съ нимъ рѣшили,—гдѣ и какъ быть собору. Митрополиту не было никакой возможности противиться ихъ требованію.—Но почему бы ему и противиться? Онъ во все время, до самаго начала Уніи былъ въ далекихъ отношеніяхъ къ Епископамъ, какъ человекъ, вступившій на Митрополичью кафедру не изъ Епископовъ и не при ихъ содѣйствіи, а по старанію Патроновъ. Въ настоящее время, онъ не имѣлъ другого побужденія сочувствовать личнымъ расчетамъ Епископовъ, кромѣ общаго съ ними предубѣжденія противъ Патриарха.—Но, вѣроятно, и это предубѣжденіе было не очень сильно.—Митрополитъ измѣнилъ прежнее свое рѣшеніе о соборѣ и, вмѣсто Бельзы, назначилъ соборъ въ Брестъ, на который получили приглашеніе и многіе знаменитые міряне (219).

Какъ же приняли это извѣстіе Кириллъ и Гедеонъ, которымъ открытый, торжественный соборъ не могъ обѣщать ничего добраго? Они затаили въ себѣ ненависть къ мірянамъ—поборникамъ Западно-Русской Церкви—и къ Патриарху, давшему имъ новую силу, и, не смотря на новое рѣшеніе Митрополита о соборѣ, собрались въ Бельзѣ. Къ нимъ присоединились еще два Епископа, которые еще менѣе ихъ ожидали себѣ добра отъ открытаго торжественнаго собора, при участіи мірянъ,—это Пинскій Епископъ Леонтій Пельчинскій и Хелмскій Діонисій Збируйскій (220). Они также замѣчательно были похожи другъ на друга, какъ Кириллъ и

Гедеонъ.—Оба они были представителями тѣхъ недостойныхъ людей въ Западно-Русской Иерархіи, которые вовсе не уважали и не исполняли церковныхъ правилъ, касательно чистоты жизни духовенства. Оба они, возведенные въ санъ Епископскій изъ женатыхъ мирянъ, не думали оставлять семейной жизни и жили съ своими женами (221), увлекшись, вѣроятно, учениемъ Протестантовъ, которые производили этотъ соблазнъ въ Латинской-Литовской Церкви.—Обличенія Патриарха противъ подобнаго беззаконія, раздававшіяся теперь изъ устъ лучшихъ людей Западно-Русской Церкви, сильно встревожили ихъ беззаботную жизнь и они поспѣшили соединиться съ Кирилломъ и Гедеономъ, въ которыхъ могли найти непритворное сочувствіе своему недовольству къ новому порядку вещей и—вмѣстѣ съ нами принять какое нибудь рѣшеніе для обезпеченія себя въ будущемъ.

Какое же именно рѣшеніе приняли всѣ эти четыре Епископа, собравшіеся въ Бельзѣ въ 1590 году, гораздо раньше Брестскаго Собора того-же года? — Въ соборной грамотѣ этого послѣдняго собора, т. е. Брестскаго 1590 года, утверждается постановленіе Епископовъ, «списавшихся» (222) въ Бельзѣ; но не говорится, какое это постановленіе. Сличая эту соборную грамоту (223) съ протестаціею Гедеона 1595 года противъ Кирилла, (224) открываемъ слѣдующее. Въ соборной грамотѣ упоминается о неслыханныхъ преслѣдованіяхъ Церкви, но не дѣлается никакого постановленія противъ этого зла; между тѣмъ, Гедеонъ въ указанной протестаціи говоритъ, что тогда слѣдано было такое постановленіе, именно,—постановлено жаловаться королю

на страданія Православной Церкви. Слѣдовательно, можно думать, что Епископы, собравшіеся въ Бельзѣ, представили собору это именно постановление, — жаловаться королю на страданія Церкви, чего собору нельзя было не одобрить, но не слѣдовало оглашать прежде времени изъ опасенія, чтобы Латиняне, преслѣдовавшіе Церковь, не устроили какнхънибудь козней при дворѣ Сигизмунда. Это предположеніе получаетъ значеніе неоспоримаго факта, при слѣдующемъ соображеніи. Гедеонъ говоритъ въ своей протестаціи, что на Брестскомъ соборѣ 1590 года всѣ постановили жаловаться королю; но каждого поразить одна странность въ его протестаціи. Онъ именовываетъ при этомъ *только* Кирилла, себя, Леонтія и Діонисія и явно даетъ понять, что *эти только* Епископы дали бланкеты, на которыхъ Кириллу поручено было написать жалобу королю, а онъ, вмѣсто ее, написалъ грамоту на Унію. Мы имѣемъ эту грамоту и въ ней, дѣйствительно, нѣтъ подписи ни Митрополита, ни Мелетія Брестскаго, несомнѣнно присутствовавшихъ на соборѣ 1590-го года и подписавшихся на соборной грамотѣ, а есть только подписи Кирилла, Гедеона, Леонтія и Діонисія. Почему же не всѣ дали Кириллу бланкеты, а только эти Епископы, когда вопросъ, о страданіи Церкви былъ общій и вызванъ былъ мірянами, слѣдовательно, при нихъ же и былъ бы рѣшенъ, если бы его тогда рѣшили окончательно? Ничѣмъ другимъ этого нельзя объяснить, какъ только тѣмъ, что бланкеты, о которыхъ говоритъ Гедеонъ въ первый разъ въ своей протестаціи, даны были прежде собора, именно въ Бельзѣ, (225), иначе

они и вовсе не были бы даны, потому что трудно предположить, чтобы соборъ не позаботился самъ написать жалобу королю, а предоставлялъ составленіе ея Кириллу (226). И мы дѣйствительно увидимъ, что Митрополитъ составилъ и послалъ къ королю такую грамоту отъ лица всѣхъ Епископовъ, только не теперь, а въ слѣдующемъ, 1591 году. Теперь же соборъ только одобрилъ намѣреніе Епископовъ, «списавшихся» въ Бельзѣ, но не сдѣлалъ никакого общаго и окончательнаго рѣшенія. Понятно, почему Гедeonъ не отнесъ этого дѣла къ Брестскому собору 1591 года. Онъ не былъ на этомъ соборѣ, какъ и на послѣдующихъ до 1596 года (227). Понятно далѣе, почему Гедeonъ не упомянулъ въ своей протестаціи о Бельзскомъ совѣщаніи. Ему въ этой же протестаціи приходилось говорить о выдачѣ бланкетовъ еще на одномъ частномъ и малоизвѣстномъ совѣщаніи Епископовъ — въ 1594 году, въ Сокалѣ (228): два частныя совѣщанія и двукратная выдача одинаковыхъ бланкетовъ, — подозрительное однообразіе!—Гедeonъ постарался избѣгнуть его, приурочивъ все дѣло къ Брестскому собору 1590 года, на которомъ, дѣйствительно, одобрено намѣреніе жаловаться королю, да и самъ Гедeonъ несомнѣнно присутствовалъ на этомъ соборѣ. Но у Гедeона было еще одно побужденіе — умолчать о Бельзскомъ совѣщаніи и отнести все дѣло къ Брестскому собору 1590 года. Справедливо онъ замѣтилъ въ своей протестаціи, что вопросъ о страданіяхъ Церкви отъ Латинянъ былъ поднятъ на этомъ послѣднемъ соборѣ знаменитыми мірянами (229). Дѣйствительно, только они, да еще Митрополитъ, могли искренно заботиться о прекращеніи этихъ страданій *во всей* Западно-Рус-

ской Церкви, а не указанные нами четыре Епископа. Последніе теперь вовсе не думали о *всей* Церкви. Они заботились теперь лишь о *своемъ* собственномъ положеніи, а положеніе это было таково, что никто изъ нихъ не могъ надѣяться выдти изъ него жалобою на страданія за Вѣру, да и какою бы то ни было законною жалобою. Въ самомъ дѣлѣ, посредствомъ какой законной жалобы могли избавиться Леонтій и Діонисій отъ своихъ страданій за недостойную жизнь? А эти-то страданія у нихъ теперь и были главными; страданій за Вѣру отъ Латинянъ у нихъ мы даже вовсе не видимъ. Далѣе, какая законная жалоба могла избавить Гедеона отъ борьбы съ Львовскимъ Братствомъ, а эта борьба и была теперь самою больною стороною жизни Гедеона? Даже Кирилль, дѣйствительно жестоко страдавшій отъ Латинянина—правителя города Луцка, занятъ былъ теперь не этимъ страданіемъ, а дурными отношеніями своими къ Патріарху и, если справедливо, что онъ постановилъ единодушное рѣшеніе съ тѣми Епископами, которые дали ему бланкеты, то нѣтъ никакого сомнѣненія въ томъ, что теперь онъ заботился не о прекращеніи своихъ страданій за Вѣру, а о томъ, чтобы избавиться отъ позора въ кругу своихъ же—Православныхъ. Православные теперь могли очень легко узнать требованіе Патріарха судить Кирилла и потребовать этого на соборѣ, а одна огласка объ этомъ подняла бы на ноги многочисленныхъ враговъ Кирилла и они не замедлили бы употребить всѣ шѣры къ низложенію или къ безславному униженію его. Такимъ образомъ, мы видимъ, что главныя страданія у всѣхъ этихъ Епископовъ,—страданія, о прекращеніи кото-

рыхъ они не могли не подумать прежде всего, не имѣли дѣйствительной связи съ намѣреніемъ Православныхъ жаловаться королю на преслѣдованія Церкви отъ враговъ ея.

Но неужели представленное Епископами Брестскому собору постановленіе—жаловаться королю на притѣснителей—было лишь коварнымъ прикрытіемъ тайныхъ ихъ совѣщаній въ Белзѣ? Дѣйствительно, оно было самымъ коварнымъ прикрытіемъ настоящихъ намѣреній этихъ Епископовъ; но неоспоримо также и то, что у нихъ была мысль жаловаться королю. Они рѣшились представить королю жалобу, но не на Латинянь, какъ говорить Гедеонъ, а на своихъ же—Православныхъ, которые теперь были для нихъ гораздо болѣе опасными врагами, чѣмъ Латиняне. Въ самомъ дѣлѣ, у Леонтія и Діонисія главными врагами были свои—обличители ихъ недостойной жизни, у Гедеона свои же—члены Львовскаго Братства, у Кирилла тоже первыми поджигателями его вражды съ правителемъ города Лудка и первыми распространителями дурныхъ о немъ слуховъ были свои,—родственники и друзья Красенскаго. Всѣ эти враги четырехъ Епископовъ объединялись у нихъ подъ именемъ мірянъ, вмѣшивавшихся въ дѣла Церковныя (230), а кто больше всѣхъ и чаще всѣхъ вмѣшивался въ эти дѣла, тѣмъ или другимъ образомъ? Патроны Православной Церкви, какъ отдѣльные ея члены и какъ цѣлыя общества,—Братства,—которые теперь уже покрывали густою и непрерывною сѣтью почти все пространство Западно-Русской Церкви и своимъ сочувствіемъ и ревностію къ исполненію всякаго распоряженія Патріарха грозили всѣмъ этимъ

Епископамъ большою опасностію. Вотъ, на что рѣшились жаловаться королю Епископы, собиравшіеся въ Бельзѣ и на что охотно дали Кириллу бланкеты!— Въ этомъ смыслѣ, показаніе Гедеона о бланкетахъ совершенно справедливо, но каждому очевидно, что оно не очень лестно для Гедеона. Оно открываетъ намъ составившееся тогда противодѣйствіе сильному развитію Православнаго, Литовскаго Патроната.—Чтобы понять характеръ и значеніе этого противодѣйствія, стоитъ только обратить вниманіе на то, какія побужденія въ немъ сосредоточивались. Въ этомъ противодѣйствіи Православному, Литовскому Патронату, какъ показываетъ исторія Уніи, сходились и завязывались самыя разнообразныя нити—шаткость вѣры, порочность жизни, страхъ суда, неудовольствія противъ Патріарха, честолюбіе и жажда выгодъ. Но таже исторія показываетъ, что какъ скоро завязывался этотъ узелъ, то всегда послѣднею и самою крѣпкою его нитью являлась Унія, которою Иезуиты весьма искусно умѣли переплетать всѣ указанные нами нити этого узла,—а теперь они имѣли весьма удобный случай и возможность влести эту нить.—Два главные члена Бельзскаго совѣщанія—Кириллъ и Гедеонъ имѣли сношенія съ двумя знаменитыми поборниками Иезуитовъ,—Кириллъ съ Луцкимъ Латинскимъ Епископомъ Мацѣвскимъ, Гедеонъ съ Львовскимъ Латинскимъ Епископомъ Соликовскимъ, и какъ о Гедеонѣ говорили Уніаты, что онъ высказывалъ свое желаніе принять Унію—Соликовскому (231), такъ и о Кириллѣ извѣстно, что его руководителемъ въ этомъ же дѣлѣ былъ Мацѣвскій (232).—Вотъ, объ чемъ собравшіеся въ Бельзѣ Епископы со-

вѣщались, по нашему мнѣнію, въ тоже самое время, какъ рѣшались жаловаться королю на вмѣшательство въ ихъ дѣла Православныхъ мірянъ.—И невозможно думать, чтобы они раздѣляли эти два дѣла.—Мы видѣли, что имъ нужна была не защита закона, потому что она была или невозможна, какъ для Гедена, Леонтія и Діонисія, или — бесполезна, какъ для Кирилла. Имъ нужна была милость короля и Латинянъ,—милость, которая бы поставила ихъ въ совершенно новое положеніе, потому что настоящее положеніе казалось имъ неисправимымъ, а какою Православною заслугою могли они приобрести такую милость у Иезуитскаго короля и Иезуитскаго Правительства? Вынуждаемся сказать, что никакою. Только замысль—принять Унію могъ доставить имъ эту милость.— Но едва ли нужно доказывать, что Епископы, «списавшіеся» въ Бельзѣ, скрыли передъ соборомъ Брестскимъ послѣднее свое рѣшеніе (замысль на Унію), а первое намѣреніе (жаловаться на Патроновъ) представили собору въ видѣ постановленія жаловаться на дѣйствительныя страданія всей Церкви, почему соборъ и одобрилъ такое постановленіе.

Но коварные жалобники, одушевленные, повидимому, такимъ искреннимъ усердіемъ къ благу Церкви, проговорились на Брестскомъ соборѣ 1590 года. Занятыя не дѣйствительными страданіями Церкви, а лишь своими,—отъ новаго движенія въ ней, съ которымъ никакъ не могли ужиться, они высказали всю свою досаду на Патріарха (233), который узаконилъ и освятилъ это движеніе,—разумѣемъ Братства и стремленіе исправить безпорядки въ іерархіи.—Говорятъ, теперь

даже высказана была кѣмъ—то изъ нихъ мысль, что лучше бы подчиниться Папѣ (234). Но эти козни не имѣли теперь никакого вліянія на дѣйствія собора. Власть Патріарха и честь его въ Западнорусской Церкви были оставлены неприкосновенными и рѣшено привести въ исполненіе всѣ его распоряженія.—Соборъ обязалъ всѣхъ членовъ внимательно наблюдать и искоренять всякое зло въ Церкви и сдѣлалъ не мало частныхъ постановленій по этому предмету.—Для прочнаго же успѣха въ этомъ дѣлѣ рѣшено, по мысли Патріарха, составлять соборъ ежегодно всѣмъ Іерархамъ съ лучшимъ духовенствомъ, подъ опасеніемъ строгой отвѣтственности за уклоненіе отъ этой обязанности (235).—Предположимъ, что всѣ эти постановленія приведены были въ исполненіе,—каково было бы положеніе Епископовъ, «списавшихся» въ Бельзѣ? Леонтіи и Діонисій, на которыхъ теперь почти явно указывали (236), были бы осуждены за дурную жизнь. Геденъ подвергся бы тому же за борьбу съ Львовскимъ Братствомъ, борьбу, которую по справедливости можно назвать войною.—Одинъ Кириллъ, повидимому, выигрывалъ бы этимъ путемъ свою неразрѣшимую тяжбу съ родственниками Красенскаго. Но былъ ли бы онъ свободенъ отъ разныхъ обличеній, которыя такъ ревностно разсѣвали его враги и въ числѣ которыхъ не могло же не быть чего-нибудь вѣрнаго, какъ на примѣръ, дѣло съ Протонотаріемъ Григоріемъ? Но главное, могъ ли Кириллъ посредствомъ этихъ распоряженій собора усмирить своего врага—правителя города Луцка? Не думаемъ; а если такъ, то у него не было побужденій радоваться этимъ распоряженіямъ. Не ожи-

дая отъ нихъ вѣрной пользы, онъ могъ ожидать вѣроятнаго вреда. — Завязанныя же сношенія по дѣлу Уніи съ Епископами, которымъ грозила бѣда и которые всегда могли его выдать, еще болѣе склоняли его къ послѣднему предположенію. Наконецъ, досада на Патріарха и на Патроновъ окончательно удерживала его на сторонѣ указанныхъ Епископовъ. — Словомъ, рѣшенія собора Брестскаго 1590 г. еще болѣе усилили въ Епископахъ, «списавшихся» въ Бельзѣ, побужденія приступить къ Уніи. Но едвали можно думать, что теперь, именно на самомъ Бресткомъ соборѣ, Кириллъ составилъ грамоту къ королю объ Уніи. До сихъ поръ, мы не видѣли, чтобы у Кирилла были рѣшительныя причины взяться за Унію съ тѣмъ усердіемъ, какое онъ показывалъ во все послѣдующее время. Скорѣе можно думать, что до сихъ поръ, онъ дѣйствовалъ болѣе по внушенію и просьбѣ другихъ Епископовъ, чѣмъ по своимъ, собственнымъ побужденіямъ. Но, вотъ, мы сейчасъ увидимъ, что возбудило въ Кириллѣ это горячее усердіе къ Уніи.

Густынская Лѣтопись говоритъ, что Кириллъ, послѣ собора поспѣшилъ съ бланкетами къ Лупкому, Латинскому Епископу, Мацѣвскому (237). Какое они дѣлали совѣщаніе и чѣмъ рѣшили, — не знаемъ; но извѣстно, что послѣ Брестскаго собора 1590 г., Кириллъ ѣздилъ въ Сандоміръ, по однимъ извѣстіямъ — подавать королю жалобу (238), по другимъ — для излеченія (239). — Очень можегь быть, что теперь же онъ рѣшился переговорить съ Іезуитами и счелъ нужнымъ устранить подозрѣніе Православныхъ, распустивъ слухъ, что ѣдетъ лечиться, но не теперь (1590 г.) онъ представилъ ко-

ролю свою грамоту (240).—Между тѣмъ, въ положеніи Епископовъ, «списавшихся» въ Бельзѣ, измѣнилось многое. Леонтій и Діонисій испытывали теперь горькія слѣдствія обличеній на соборѣ нечистой жизни духовенства: слухъ объ ихъ жизни разносился далѣе и далѣе (241). Гедеонъ приступилъ снова къ военнымъ, такъ сказать, дѣйствіямъ противъ Братства и подвергся заэтопреслѣдованіямъ отъ Митрополита (242). Наконецъ, въ жизни Кирилла случились два обстоятельства, имѣвшія рѣшительное вліяніе на всѣ его послѣдующія дѣйствія. Войскій Луцкій, Жданъ Броневскій расхитилъ имущество Кирилла, во время его отсутствія, и когда Кириллъ пожаловался на это князю Острожскому, то Броневскій такъ искусно оклеветалъ его передъ княземъ, что князь поѣбрилъ и совершенно измѣнилъ свои отношенія къ Кириллу (243). Порвалась теперь послѣдняя связь, удерживавшая Кирилла отъ Уніи! Но вскорѣ затѣмъ, явилось и сильнѣйшее побужденіе поспѣшить къ ней. — Въ слѣдующемъ 1591 году, въ праздникъ Пасхи, правитель города Луцка запретилъ Православное служеніе въ замкѣ, заключилъ самаго Кирилла и держалъ его два дня почти безъ пищи, неистовствуя въ тоже время надъ церковною святынею и Православными Христіанами, которые собирались у воротъ замка, ожидая своего Епископа и Богослуженія.—Кириллъ началъ процессъ съ своимъ мучителемъ, но процессъ не принесъ никакой пользы (244). Мы думаемъ, что теперь для Кирилла положеніе Православнаго Епископа было невыносимымъ и что у него уже готово было рѣшеніе оставить навсегда это невыносимое положеніе.

Между тѣмъ, наступило время собора 1591 г. Міряне по прежнему явились на этотъ соборъ, но уже не одни знатные Патроны. Къ этому времени и Братства выхлопотали дозволеніе являться на соборы Западно-Русской Церкви. При участіи этихъ новыхъ членовъ, на соборъ съ поразительною ясностію раскрыто было все зло, коренившееся въ Церкви. Соборъ пришелъ въ ужасъ, взглянувъ на открытыя язвы ея. Смятеніе было такъ велико, что нерѣшились врачевать этихъ язвъ прямо, т. е. низложеніемъ всѣхъ недостойныхъ лицъ въ Іерархію (245). Но была другая, болѣе важная причина этой недѣятельности собора. У Западно-Русской Церкви мало было силъ, чтобы врачевать это зло. И, вотъ, соборъ рѣшился принять прежде всего мѣры къ тому, чтобы упрочить власть Церкви для исправленія зла.—Патроны и Братства, смутившіе такъ сильно Іерархію указаніемъ на ея язвы, подали ей теперь оружіе и противъ себя.—Участіе мірянъ въ дѣлахъ Церкви, въ настоящее время, быстро развивалось и усиливалось. Естественнo, что не вездѣ и не всегда оно удерживалось въ должныхъ границахъ. Злые люди между самими Православными и особенно Латиняне воспользовались этимъ направлениемъ общества и самовластно распоряжались дѣлами и лицами духовными. Вотъ, противъ этого—то зла соборъ рѣшился теперь жаловаться королю (246).—Очевидное дѣло, что соборъ имѣлъ въ виду дѣйствительныя злоупотребленія мірянъ; но понятно, какъ легко было смѣшать ихъ съ участіемъ въ дѣлахъ Церкви всѣхъ вообще мірянъ, съ участіемъ Патроновъ и Братствъ. Кириллъ былъ на этомъ соборѣ и едвали не по

его внушеніямъ соборъ окончательно постановилъ жаловаться на буйныхъ и самовольныхъ мірянъ. Очень вѣроятно также, что ему же поручено было и представить эту жалобу; но никакъ нельзя думать, чтобы этой жалобы не написали теперь же, а дали Кириллу только бланкеты (247). Такимъ образомъ, мы видимъ что по странному стеченію обстоятельствъ Православный соборъ очень близко сошелся съ рѣшеніемъ Епископовъ, собиравшихся въ Бельзѣ — Для нихъ не могло быть болѣе удобнаго времени воспользоваться этимъ.

Въ томъ же 1591 году Кириллъ составилъ грамоту на Унію съ подписями: своею, Гедеона, Леонтія и Діонисія. Написалъ ли Кириллъ эту грамоту на бланкетахъ, данныхъ ему еще въ Бельзѣ, или составилъ ее при новомъ свиданіи съ Гедеономъ, Леонтіемъ и Діонисіемъ, это можетъ быть предметомъ развѣ самаго бесполезнаго спора; потому что, не смотря на всѣ протестаціи Гедеона, не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что Кириллъ велъ дѣло Уніи не безъ участія всѣхъ указанныхъ Епископовъ. Особенно въ настоящее время, когда положеніе его и безъ того было слишкомъ опасное, онъ никакъ не осмѣлился бы ввести обманомъ кого-либо изъ Епископовъ въ такое трудное и опасное дѣло, какъ Унія. Никто изъ современниковъ Кирилла между Православными не знаетъ достовѣрно, какъ происходили совѣщанія объ Уніи, кто первый высказалъ эту мысль рѣшительно, кто особенно желалъ Уніи; но всѣ потомъ достовѣрно узнали, что Кириллъ первый взялся приводить въ исполненіе этотъ замысль и, вотъ, они на него прежде всего излили все свое негодованіе и такъ легко вѣри-

ли слухамъ, что онъ одинъ началъ дѣло Уніи, а родственники и друзья предмѣстника Кириллова, Іоны Красенскаго, увидѣвшіе у Кирилла новое оружіе противъ нихъ, теперь-то и воспользовались удобнымъ случаемъ, чтобы порасказать объ немъ разныя преступленія, при взглядѣ на которыя вась невольно поражаетъ усиленный наборъ ихъ. Между тѣмъ, писатели объ Уніи приняли слѣдствіе за причину и до невѣроятности запутали этимъ весь ходъ событій Уніи. Вотъ, что налагаетъ на изслѣлователя Уніи обязанность провѣрять самую строгою критикою всѣ извѣстія о Кириллѣ и обращать на нихъ вездѣ самое осторожное вниманіе.

Въ составленной теперь Кирилломъ грамотѣ Епископы выражаютъ королю свое желаніе принять Унію, если имъ оставлены будутъ неприкосновенными обряды ихъ Церкви и если король обезпечитъ ихъ правами и преимуществами. Вести переговоры по этому дѣлу къ грамотѣ предоставляется старшему брату Епископовъ—Кириллу (248). Король прежде всего издалъ универсалъ, которымъ запрещалъ всѣмъ чинамъ Литовскаго Княжества самовольно распоряжаться дѣлами и лицами духовными, т. е. онъ далъ отвѣтъ на грамоту Митрополита, (249), а черезъ два мѣсяца съ небольшимъ,—привилей на имя Епископовъ, приславшихъ грамоту объ Уніи. Въ этомъ привилеѣ Сигизмундъ благодаритъ Епископовъ за доброе дѣло, даетъ имъ разныя преимущества, не упоминая, однако, ни слова о сенаторскихъ мѣстахъ, и увѣряетъ, что будетъ защищать ихъ отъ всякой опасности (250). Въ грамотѣ, между прочимъ, говорится, что всѣ изложенныя преимущества будутъ предоставлены всякому, кто подпишется на Унію.

Это заставляет думать, что Кириллу поручено было склонять къ Уніи и другихъ Іерарховъ. Къ этому, впрочемъ, обязывало Кирилла и самое дѣло и личныя выгоды. Время, повидимому, было самое благоприятное для проповѣдническихъ объ Уніи трудовъ. Кириллъ совершенно устроилъ свои дѣла, примирился съ своимъ врагомъ—правителемъ города Луцка (251) и спокойно могъ заняться дѣломъ Уніи. Между тѣмъ, во всей Западно-Русской Церкви происходило волненіе, отъ котораго приходили въ смущеніе самые ревностные поборники ея, а подобное смущеніе было дорогою находкою для проповѣдниковъ Уніи.

Каждый Соборъ послѣ 1590 года приходилъ къ убѣжденію, что Церковь Западно-Русская исполнена *зловѣрія* и *зложеланія*. Злые нравы коренились въ домахъ приходскихъ Священниковъ и въ монастыряхъ и тѣмъ труднѣе было искоренять ихъ, что нѣкоторые изъ Іерарховъ подавали самый дурной примѣръ своей паствѣ, на чтó указывали собору тѣ самые духовные, отъ которыхъ соборъ требовалъ исправленія жизни. Соблазнъ, такимъ образомъ, становился и побужденіемъ и препятствіемъ къ исправленію зла. Но зло, какъ это всегда бываетъ, не ограничивается однимъ соблазномъ. Дурные, упорные нравы Духовенства обнаруживались разнообразными внѣшними безпорядками, разрушавшими благоустройство и миръ Церкви. Недостойные Епископы, Архимандриты и Священники расхищали достояніе Церкви, раздавая его своимъ родственникамъ и друзьямъ, какъ свою собственность. Это еще болѣе внушало смѣлости недостойнымъ мірянамъ расхищать Церковныя имущества и притѣснять духовенство. Жалобы

на буйство всякаго рода приходили къ Митрополиту со всѣхъ сторонъ. Но что могъ сдѣлать этотъ Митрополитъ, недавно вступившій на свою кафедру и поставленный въ кругу такихъ Епископовъ, которые, по его собственному признанію, не обращали на его распоряженія никакого вниманія? Всѣ созываемые имъ Соборы оказывались бесполезными. Львовское Братство, въ своемъ посланіи къ Патріарху отъ того времени, отзываясь съ честію о Митрополитѣ, высказываетъ прямо, что всѣ соборы ничего не могли сдѣлать для блага Западно-Русской Церкви (252). Вотъ, обстоятельства, среди которыхъ предстояло Кириллу приобрѣтать послѣдователей для Уніи. Повидимому, его проповѣдь объ Уніи должна была бы сопровождаться теперь самымъ блистательнымъ успѣхомъ. Но по одной изъ тѣхъ загадочныхъ странностей, которыми полна исторія Уніи и которая, дѣйствительно, неразрѣшима при легкомъ взглядѣ на ея событія, Кириллъ и его единомышленники ничего не дѣлаютъ цѣлыхъ два года! Но неужели они стали такъ равнодушны къ Уніи? Или ихъ руководители—Иезуиты отложили планъ Уніи до другого времени? Дѣйствительно, Иезуиты должны были теперь отвлечь свое вниманіе отъ Уніи. Противъ нихъ въ Польшѣ и Литвѣ поднялось грозное волненіе. Сеймы оглашались криками противъ нихъ. Имя—народной язвы—сдѣлалось обыкновеннымъ названіемъ Иезуитовъ и лучшія люди того времени серьезно совѣтовали Польскому Правительству выгнать ихъ изъ Литовско-Польскаго Государства (253). Все это, говоримъ, дѣйствительно, не могло не отвлекать Иезуитовъ отъ Уніи. Но не эта одна причина замедлила дѣло Уніи.

Въ тоже самое время и въ Литвѣ, въ кругу Православныхъ поднялась противъ Уніи гроза и «списавшимся» на Унію Епископамъ пришлось сильно призадуматься и недоувѣрять никакимъ обѣщаніямъ и обезпеченіямъ короля, пока они будутъ дѣйствовать одни. Митрополитъ рѣшительно сталъ покровительствовать Братствамъ и подвергъ одного изъ подписавшихся на Унію Епископовъ, Гедеона Болобана сильнымъ преслѣдованіямъ за притѣсненія Братства Львовскаго, не предполагая, конечно, что эти преслѣдованія, вполне справедливыя, снова приведутъ Гедеона къ согласію на Унію (254). Почти одновременно съ этимъ, подписавшіеся на Унію получили ударъ, съ новой стороны и гораздо сильнѣе. Братство Львовское, зорко слѣдившее за всѣми дѣлами, узнало о спискѣ на Унію Епископовъ, не узнавъ, впрочемъ, —кто именно «списался,» и немедленно донесло объ этомъ Константинопольскому Патріарху (255). Оно перечисляло при этомъ всѣ бѣдствія народа отъ Латинянъ и—самаго Братства отъ нихъ же и отъ Епископа Гедеона и умоляло Патріарха со слезами прислать въ Литву Экзарха (256). Въ 1592 году, уже значительно разнеслась молва объ Уніи въ области Галицкой (257). «Списавшіеся» на Унію теперь больше, чѣмъ когда либо, боялись за свою будущность, потому что, дѣло Уніи не было еще устроено, они необъявили себя Уніятами и оставались въ Православной Церкви, слѣдовательно, подлежали еще полной ея власти и суду. Вотъ, когда, дѣйствительно, «списавшіеся» на Унію боялись суда Патріархаго, но очевидно, что это — слѣдствіе первой затѣи объ Уніи, а не причина ея, какъ это многие думаютъ.

Въ довершеніе всего «списавшіеся» на Унію увидѣли, что въ Западно-Русской Церкви являются новые Іерархи—Михаилъ Перемышльскій, Наѳанайль Полоцкій (въ 1592 году) (258) и Ипатій Поцѣй (въ 1593 году.) О двухъ первыхъ они еще не знали—будутъ ли это ихъ друзья или враги, а Поцѣй возбудилъ въ главномъ дѣятелѣ — Терлецкомъ опасеніе отнять у него пальму первенства въ будущей Уніятской Церкви.

Такъ неудачна была первая попытка къ Уніи и нѣтъ сомнѣнія, что она стоила большихъ тревогъ для каждаго изъ Епископовъ, приложившихъ къ указанной нами грамотѣ свидѣтельство своей измѣны клятвѣ Архіерейской. Но тяжесть грѣха ихъ пала и на Митрополита, какъ бы, въ наказаніе за его неумѣніе держать ихъ въ своей власти и для новаго испытанія его твердости въ Православіи. Въ народѣ Галицкой области разнеслась молва, что всѣ Епископы и самъ Митрополитъ намѣрены измѣнить Православію. Кто и какъ распространилъ эту молву,—не знаемъ; знаемъ только что подобное же средство употреблено было Іезуитами и противъ Патріарха Іеремиа, въ 1589 году, и что слухи эти ходили въ областяхъ, принадлежавшихъ Польшѣ, откуда Іезуиты, главнымъ образомъ, дѣйствовали во все послѣдующее время до 1596 года и гдѣ они теперь недавно поселились (259). Митрополитъ Михаилъ поручилъ недавно поставленному Епископу Перемышльскому, Михаилу Копыстенскому защищать передъ народомъ его равно какъ и себя, противъ этой клеветы (260). Надобно думать, что здѣсь, особенно при участіи Львовскаго Братства, Митрополитъ успѣлъ разрушить эту клевету, потому что никто потомъ не повторялъ ее до самаго

1595 года. Но не остались безъ важныхъ послѣдствій эти, повидимому, совершенно неудачныя попытки къ Уніи и все это волненіе умовъ. Иезуиты теперь убѣдились, что очень невѣренъ успѣхъ Уніи, если дѣйствовать безъ Митрополита. Между тѣмъ, Православный народъ, такъ долго и постоянно волнуемый разными слухами, то о Патріархѣ, то о своихъ Іерархахъ, мало по малу, терялъ любовь къ своей, опозоренной Церкви и, терпя при этомъ еще разнообразныя притѣсненія за любовь къ этой Церкви, нѣрѣдко приходилъ къ такому заключенію: такъ лучше подчиниться Папѣ и принять Унію (261)!—Львовское Братство поражено было этимъ настроеніемъ умовъ и въ ужасѣ писало объ этомъ Патріарху (262). И не напрасно такъ тревожилось доблестное Братство. Даже лучшіе люди того времени, какъ увидимъ, мало по малу, приходили этимъ путемъ къ Уніи. — Вотъ основа будущихъ событій начала Уніи! — Разовьемъ ее.

Въ 1593-мъ или 1592-мъ году, скончался Брестскій Епископъ Мелетій Хрептовичъ и на мѣсто его поставленъ Игнатій, въ мѣрѣ — Адамъ Поцѣй. Поцѣй происходилъ изъ знатнаго рода, получилъ обширное образованіе въ Краковской Академіи, служилъ при дворахъ знатныхъ вельможъ и потомъ занималъ самую важную должность Каштеляна въ Брестѣ (263). По женѣ, онъ былъ въ родствѣ съ Княземъ Острожскимъ и, какъ увидимъ сейчасъ, пользовался его дружбою. Но всѣ эти преимущества Поцѣя, конечно, еще не дѣлали его достойнымъ Епископскаго сана; по церковнымъ правиламъ онъ даже не могъ быть поставленъ въ Епископа (264). Въ Краковской Академіи, онъ

усвоилъ себѣ убѣжденія Латинянъ, а во время службы при дворахъ вельможъ — протестантовъ, увлекся ученіемъ Лютера (265). — Конечно, передъ поступленіемъ на Епископскую кафедру, онъ уже опять былъ Православнымъ, но Митрополитъ, вѣроятно, хорошо зналъ жизнь Поцѣя и не соглашался посвятить его въ Епископа. — Имѣли ли теперь Іезуиты сношеніе съ Поцѣемъ и начертили-ли ему теперь планъ Уніи, — мы не имѣемъ свѣдѣній, знаемъ только, что имъ очень нуженъ былъ такой человекъ, какъ Поцѣй воспитанникъ и другъ Скарги — и что они очень много ожидали отъ него, потому что Сигизмундъ, по чьему бы то ни было ходатайству, приказалъ Митрополиту посвятить Поцѣя въ Епископы, *неотговариваясь ничѣмъ* (266). Митрополитъ исполнилъ волю Короля, а Поцѣй, какъ будто, старался доказать, что опасенія Митрополита совершенно напрасны. Съ первыхъ дней своей новой жизни, онъ обнаружилъ необыкновенную тогда ревность къ Вѣрѣ. Онъ проводилъ время въ изученіи Слова Божія и подвигахъ благочестія (267). Православные полагали въ немъ богатая надежды (268). — Въ его знатности и связяхъ, въ его образованіи, въ его замѣчательномъ умѣ, твердости характера и строгой нравственности они видѣли прочный залогъ благосостоянія своей Церкви. — Но это былъ волкъ въ овчей кожѣ, какъ сознались потомъ Православные. Однако пока это сознаніе уяснилось, лицемерное православіе и благочестіе Поцѣя ввели въ гибельный обманъ не одного изъ Православныхъ. — Первый и больше другихъ заплатилъ эту тяжелую дань лучшей сынъ Западно-Русской Церкви — князь Острожскій Констан-

тинъ. Мы намѣрены говорить о сношеніяхъ князя Острожскаго съ Цоцѣмъ по дѣлу Уніи, и такъ какъ эти сношенія имѣли весьма важныя послѣдствія въ исторіи Уніи и подвергались самымъ разнообразнымъ толкованіямъ; то считаемъ необходимымъ поближе познакомиться съ ними и прежде всего съ самимъ лицомъ князя Острожскаго.

Князь Константинъ Острожскій—сынъ знаменитаго героя на полѣ брани и покровителя Западно-Русской Церкви—князя Константина Ивановича (269) наследовалъ отъ отца и любовь къ родинѣ и ревность къ Православію; но вмѣстѣ съ тѣмъ, къ сожалѣнію, наследовалъ и его нерасположеніе къ Государству Московскому (270). Желая всегда истиннаго (по его разумѣнію) добра своей родинѣ, онъ однако, подъ вліяніемъ этого нерасположенія къ Россіи, и по указаннымъ нами (стр. 35) видамъ, считалъ необходимымъ для Литвы тѣснѣйшее соединеніе ея съ Польшею; поэтому, на уніонномъ Люблинскомъ сеймѣ 1569 года, когда многіе изъ Литовскихъ представителей, не желая окончательнаго соединенія Литвы съ Польшею, противились Люблинской Уніи и даже удалились изъ сейма, князь Острожскій въ числѣ первыхъ подписалъ актъ соединенія (271) и такимъ образомъ допустилъ величайшее зло для Литвы. Но допустивъ окончательное соединеніе Литвы съ Польшею, въ гражданскомъ отношеніи, онъ принималъ всѣ мѣры къ тому, чтобы отстранить отъ Православнаго народонаселенія Литвы вліяніе Римскаго-Католичества и Протестантства. Мы видѣли, какія, именно, мѣры употреблялъ онъ вмѣстѣ съ другими ревнителями Православной Вѣры, чтобы достигнуть

этой цѣли. И нѣтъ сомнѣнія, что ревность благочестиваго князя, объединявшая собою благія стремленія всей Западно-Русской Церкви, принесла бы богатые плоды, если бы въ Литвѣ не поселились Іезуиты и своимъ вліяніемъ на гражданскія дѣла, на народъ и на самую Западно-Русскую Церковь не положили сильнѣйшихъ преградъ усиліямъ князя и его сотрудниковъ. Глубоко Православный, благочестивый и неутомимо ревностный князь пришелъ, подобно Львовскому Братству, къ тому убѣжденію, что самыя напряженныя его усилія для блага Западно-Русской Церкви сопровождаются постоянными неудачами, что какая то недовѣдомая, враждебная сила прилагаетъ къ нимъ новыя страданія Православному народу и, какъ этотъ бѣдный народъ, утомленный невыносимыми бѣдствіями, такъ и знаменитый князь началъ приходить къ мысли о необходимости Уніи!

Чрезвычайно важно въ исторіи Уніи прослѣдить этотъ переворотъ мыслей въ князѣ и знать его глубокую думу на краю могилы, и видѣть, — какъ въ этой думѣ, отъ начала до конца, выражалась таже несокрушимая любовь къ Вѣрѣ отцевъ, къ Вѣрѣ любимаго имъ и любящаго его народа, хотя неоспоримо и то, что слѣдствія этой думы были губительны для этой Вѣры и для этого народа, вопреки намѣреніямъ князя. — Человѣкъ, измѣнившій Вѣрѣ князя, родству и дружбѣ съ нимъ, сохранилъ эту исповѣдь князя (272) на позоръ ему, какъ думалъ этотъ человѣкъ — Поцѣй! Мы излагаемъ эту исповѣдь князя, поставляя его мысли въ логическую послѣдовательность и связь съ происходившими тогда событіями, чего самъ князь не дѣлалъ,

потому что писалъ дружеское письмо, а не ученое изложение дѣла.

«Народъ Русскій»,—говоритъ князь въ слѣдъ за Львовскимъ Братствомъ,—«терпитъ гоненіе преслѣдованіе, поруганіе и уничтоженіе въ порядкахъ, канонахъ и церемоніяхъ и отъ этого сталъ лѣнливъ въ благочестіи и многіе переходятъ въ различныя секты (273).» Размышляя объ этихъ бѣдствіяхъ Западно-Русской Церкви,—бѣдствіяхъ давнихъ и глубоко вкоренившихся, князь не разъ переносился мыслию къ Церкви Восточной, но и тамъ видѣлъ страданія ея отъ невѣрныхъ Турокъ. — Изъ письма князя къ Поцѣю, изъ котораго мы заимствуемъ всѣ эти мысли, вовсе невидно, чтобы онъ при этомъ обращалъ свои взоры на Православную Россію, чего очень естественно было бы ожидать, потому что она не разъ принимала подъ свою защиту Православныхъ Литовцевъ; но не безызвѣстны были ему страданія Россіи и Церкви въ послѣдніе годы царствованія Іоанна IV.—Все это заставляло его задумываться надъ страданіями святой соборной и Апостольской Церкви и изыскивать средства, при пособіи которыхъ можно было бы привести Церковь Христову всѣхъ Церквей начальнѣйшую (Православную т. е.) въ ея первоначальное состояніе (до перваго своего пункту, цѣлю и клюбы), когда еще не было раздѣленія Церквей. Въ этихъ размышленіяхъ князь пришелъ къ мысли о соединеніи Церквей и «не славы ради Богъ вѣсть, но оплакивая паденіе Церкви Христовой и поруганіе ея, ради еретикъ и тѣхъ самыхъ Римлянъ, которые нѣкогда были братьями» (Православныхъ) князь «осмѣлился чрезъ своихъ мѣстныхъ духовныхъ

лицъ совѣщаться о нѣкихъ нужныхъ рѣчахъ Писаніи святаго съ папскимъ Легатомъ Поссевиномъ» около 1582 года. Но тогда не было никакого успѣха «Богу не изволившу», какъ выражается князь, «нашея ли ради пользы и блага или зла не вѣмъ. Но теперъ сбылся», продолжаетъ князь, «яко годѣ Богу бѣ». Какимъ же образомъ сбылось, откуда видно, что соединеніе Церквей угодно Богу? Князь не говоритъ этого прямо,— потому что обстоятельства и назначеніе письма требовали осторожности (274). Но нельзя не видѣть, что здѣсь разумѣетъ князь. Выше онъ говоритъ, что хотя самъ онъ размышлялъ какимъ бы образомъ привести Церковь Христову въ состояніе до раздѣленія Церквей и хотя у него было постоянно желаніе этого соединенія, «но какъ видно», говоритъ князь «достойная достойными созыдаться и честная честными совершатися обыче и чрезъ годныхъ людей годныя рѣчи справованы бывають» (совершаемы, исполняемы). Затѣмъ, описываетъ неудачную бесѣду о соединеніи Церквей съ Поссевиномъ и наконецъ заключаетъ «и тако сбылся, яко годѣ Богу бѣ» и проситъ Поцѣя предложить на разсужденіе собора дѣло Уніи. Очевидно, князь хотѣлъ выразить ту мысль, что соединеніе Церквей могутъ устроить только предстоятели Церквей и ихъ только усилія благословить Богъ успѣхомъ. Но такъ какъ теперъ нѣкоторые Епископы уже думаютъ объ Уніи, то надобно полагать, разсуждалъ князь, что это угодно Богу. «И тако сбылся, яко годѣ Богу бѣ» конечно князь теперъ еще не зналъ, по чьему внушенію и по какимъ побужденіямъ Епископы замышляютъ Унію, какъ это узналъ послѣ, иначе

никогда бы не сказалъ, что это дѣло угодно Богу.— Поэтому и теперь князь «не можетъ оставить этого желанія» (видѣть соединеніе Церквей) и, имѣя намѣреніе вскорѣ отправиться для излеченія въ страны, близкія къ Папѣ, просить Поцѣя, какъ своего друга (вельцѣ ласковаго господина и пріятеля) и еще болѣе, какъ достойнаго святителя (паче же служителя теплаго въ любви вѣры Христовой), со всѣмъ усердіемъ приступить къ этому дѣлу и стараться, чтобы на предстоящемъ соборѣ всѣ духовные—Митрополитъ и Епископы—внимательно о томъ разсудили и совѣщались, нельзя ли положить начала, если не къ соединенію (згодѣ, съѣдноченію), что лучше всего, то, по крайней мѣрѣ, къ улучшенію положенія Православныхъ, а онъ (князь), съ своей стороны, не пощадитъ никакихъ заботъ для этого дѣла. Но какъ бы не довѣряя Западно-Русскимъ Святителямъ, онъ нѣсколько разъ напоминаетъ имъ, чтобы положено было «законное, справедливое начало соединенія, чтобы на соборѣ рѣшено было что нибудь хороше» и въ заключеніе поручаетъ Поцѣю пригласить къ участию въ этомъ дѣлѣ Іерарховъ Восточныхъ и Московскаго Патріарха.

Что князь Острожскій разумѣлъ подъ Унією, дѣйствительно, Православное соединеніе Церквей, это видно прежде всего изъ того, что онъ предпринималъ соединеніе съ Латинскою Церковію не одной Западно-Русской Церкви, но всей Восточной. — Самъ Поцѣй засвидѣтельствовалъ намъ, что князь имѣлъ Православный взглядъ на Унію,—Поцѣй, который, конечно, зналъ хорошо настоящій образъ мыслей князя. Желая въ послѣдствіи времени успѣшнѣе подѣйство-

вать на князя и склонить его къ своей Уніи, Поцѣй, въ одномъ письмѣ къ нему, даетъ объ Уніи такое понятіе: «я считаю эту Унію необходимою, но не такую Унію, чтобы намъ совершенно претвориться въ иной видъ, но оставаясь также и исправивъ только нѣкоторыя вещи (рѣчи—отъ Польскаго *gzesz*—вещь), въ чемъ мы больше упорствовали, нежели держались истины» (275). Очевидно, что Поцѣй старался подладить рѣчь свою подъ образъ мыслей князя и доказать, что принятая имъ (Поцѣемъ) Унія не противорѣчитъ Православію, которое, слѣдовательно, сильно защищалъ князь отъ всякихъ измѣненій въ Уніи, о чемъ, дѣйствительно, мы находимъ свидѣтельство у Поссевина, который писалъ Папѣ, что у князя питается схизма (276).
Еще яснѣе и опредѣленнѣе даетъ понятіе о своей Уніи самъ князь, въ отвѣтѣ на приглашеніе къ Уніи Поцѣя Папы Климента VIII-го, въ 1598 году. Я признаю необходимымъ, отвѣчаетъ Папѣ князь, чтобы о соединеніи Церквей судъ произносили Отцы Греческіе, а я, съ своей стороны, готовъ употребить всѣ усилія для достиженія высокой цѣли—соединить объ Церкви, но инаиначе, какъ двѣ дщери одного Господа, не отнимая ни у одной принадлежащей ей чести и славы (277).—Такъ думалъ князь объ Уніи и этимъ взглядомъ проникнуты, дѣйствительно, его условія Уніи, которыя онъ приложилъ къ своему письму къ Поцѣю и просилъ предложить собору на обсужденіе. Они не заключаютъ въ себѣ ничего противнаго Православію. Сущность ихъ въ первыхъ четырехъ пунктахъ:

1.) Мы должны остаться, говорятъ Князь, при всѣхъ обрядахъ (278), какъ содержитъ ихъ Восточная Церковь.

2.) Гг. Римляне не должны обращать нашихъ Церквей въ костелы,

3.) Не должны они приниматьъ въ Католичество Православныхъ, еслибы (даже) кто пожелалъ, а тѣмъ болѣе, не принуждать.

4.) Духовные наши должны быть въ такой же чести, какъ и Римскіе, особенно же стараться, чтобы Митрополитъ и Епископы въ сенатѣ и на сеймахъ имѣли мѣсто.—Все, что мы можемъ сказать не одобрительнаго объ этихъ условіяхъ Уніи князя и обо всей его попыткѣ къ соединенію Церквей—это то, что несчастныя обстоятельства Западно-Русской Церкви, при которыхъ высоко цѣнилось и не такое горячее усердіе къ ея благу, какъ усердіе князя, выдвинули знаменитаго мірянина на слишкомъ высокое мѣсто и побудили его принять въ дѣлахъ Вѣры такое участіе, которое было выше его силъ и внѣ Церковныхъ правилъ.—И это доказало самое дѣло гораздо даже лучше, чѣмъ искреннее сознание князя въ его немощи для такого труднаго и неназначеннаго ему Богомъ подвига.

Какъ Поцѣй привелъ въ исполненіе мысли князя объ Уніи,—это мы увидимъ послѣ. Теперь скажемъ лишь, что въ настоящее время онъ затаилъ въ душѣ своей слова князя, не сказалъ объ нихъ никому изъ Западно-Русскихъ Іерарховъ, прибывшихъ тогда уже на соборъ (279), и отвѣтилъ князю словесно, что это дѣло чрезвычайно трудное и что онъ боится взяться за него. — Какъ такъ? Поцѣй — лучшее орудіе Іезуитовъ боится взяться за Унію?! Возможно-ли повѣрить этому?—Дѣйствительно, онъ боялся взяться за ту Унію, которую предлагалъ ему князь Острожскій или,

лучше сказать, онъ не ожидалъ никакой пользы отъ такой Уніи. Возможная и самая лучшая по его убѣжденію Унія, для которой предназначили его Іезуиты, была та, изъ которой устранено было бы участіе Церкви Греческой, Русской (280) и участіе самаго князя; а что, дѣйствительно, удерживало Поцѣя на время и отъ этой послѣдней Уніи, такъ это то, что онъ еще не зналъ теперь навѣрно, кто и какъ «списался» на Унію, и то, что Митрополитъ, по его убѣжденію, былъ сильнымъ противникомъ Латинянь (281).

Дѣйствительно, Митрополитъ вовсе не участвовалъ въ замыслѣ Уніи и, какъ нельзя лучше, доказывалъ теперь свою ревность къ Церкви неутомимымъ преслѣдованіемъ одного изъ подписавшихся на Унію Епископовъ—Гедеона (282),—правда, не за Унію, а за притѣсненіе Львовскому Братству; но это въ то время было одно и то же. Защищать Львовское Братство—оплотъ Западно-Русскаго Православія, открывшее недавно Патріарху замыслъ Епископовъ на Унію, о чемъ не могъ не знать Митрополитъ,—значило, говоримъ, то же самое, что преслѣдовать виновниковъ Уніи и готовить имъ низложеніе.—Но и надъ самимъ Митрополитомъ снова собиралась теперь гроза, еще болѣе страшная, чѣмъ прежняя, отъ ударовъ которой онъ палъ духомъ и вѣрю Православною.

Западно-Русскую Церковь, какъ мы видѣли, волновали зловѣщія слухи и еще болѣе зловѣщія неурядицы, которые грозили расточить по разнымъ сектамъ Православное стадо, вслѣдъ за нѣкоторыми Архипастырями. Вѣсти обо всемъ этомъ доходили до Константинополя

и Патріархъ Іеремія увидѣлъ, что Западно-Русская Церковь находится теперь въ крайней опасности. Онъ не имѣлъ возможности разобрать и провѣрить всѣ эти извѣстія; но во всѣхъ ихъ для него было совершенно ясно и несомнѣнно одно, — что Западно-Русскій Митрополитъ дурно управляетъ своею Паствою. Дѣйствительно, эта вина падала на Михаила тяжкимъ бременемъ. Теперь въ пять лѣтъ своего правленія (1589—1593), онъ не счумѣлъ подчинить своей власти своевольныхъ Епископовъ и исправить или низложить недостойныхъ, какъ между ними, такъ и въ низшемъ духовенствѣ, не счумѣлъ устроить благочиніе церковное и обезпечить для Православнаго народа безпрепятственное (со стороны духовенства) пользованіе средствами спасенія. — Мы видѣли, какъ трудно и даже невозможно было Митрополиту сдѣлать все это; но онъ не раскрылъ этой трудности, этой невозможности передъ своимъ Патріархомъ, не обратился къ нему за советомъ и этимъ, значить, самъ призналъ себя виновнымъ во всемъ, что ни дѣлалось въ его Церкви. — Патріархъ прислалъ Митрополиту грамоту, которою за нерадѣніе о благѣ Западно-Русской Церкви и за потворство злу осуждалъ его на временное запрещеніе (283). — Въстѣ съ тѣмъ или около этого времени, Патріархъ непремѣнно требовалъ низложенія съ Епископской каѳедры Гедеона Болобана (284). Обѣ эти грамоты вызвали весь остатокъ ревности Михаила Рогозы ко благу Западно-Русской Церкви; но это было послѣднее и самое опасное возбужденіе дѣятельности челоуѣка, подавленнаго трудностями своего служенія.

Наступило время собора 1594-го года. Митрополитъ своевременно разослалъ пригласительныя грамоты и лучшіе люди Западно-Русской Церкви поспѣшили явиться въ Брестъ. Особенною ревностію отличились Братства. Они едвали не всѣ прислали на соборъ своихъ депутатовъ. Въ грамотѣ соборной упоминаются послы Братствъ — «Виленскаго, Львовскаго, Берестейскаго, Красноставскаго, Гольшанскаго, Городецкаго, Галицкаго, Бѣльскаго и многихъ другихъ» (285). Такое сосредоточеніе лучшихъ силъ Западно-Русской Церкви обѣщало много добрыхъ послѣдствій. Дѣйствительно, теперь ясно обнаружилось, куда направляются эти лучшія силы Западно-Русской Церкви, появившіяся на соборѣ едвали не въ первый разъ въ полномъ своемъ составѣ. Братство Львовское принесло новую жалобу на своего Епископа Гедеона и требовало, чтобы соборъ судилъ его (286). Братство Виленское для устранения всѣхъ подобныхъ столкновеній Братствъ съ Епископами, предложило, чтобы съ этого времени постоянно былъ въ Литвѣ Экзархъ Патриаршій (287). Всѣ Братства требовали чтобы соборъ точно опредѣлилъ ихъ отношенія къ мѣстнымъ духовнымъ властямъ и узаконилъ обычный кругъ Братскихъ дѣйствій (288). Но лишь только соборъ началъ свои совѣщанія объ этихъ дѣлахъ, какъ Латиняне противопоставили ему сильную преграду. Въ то время, не было въ Литовско-Польскомъ Государствѣ короля Сигизмунда: онъ ѣздилъ въ Швецію, чтобы получить по смерти отца Шведскую корону и соединить ее съ Литовско-Польскою. Латиняне воспользовались этимъ обстоятельствомъ и вооружились противъ Митрополита Михаила

за созваніе собора въ такое необычное время. Краковскій Архіепископъ (примасъ) написалъ къ Михаилу письмо, въ которомъ доказывалъ что, по опредѣленію сейма 1593 г., никто не имѣеть права составлять съѣздовъ въ отсутствіе короля (289). Вѣроятно, намѣреніе Латинянъ противодѣйствовать Православному собору еще прежде извѣстно было многимъ Епископамъ, потому что почти никто изъ нихъ не пріѣхалъ на соборъ. Изъ Іерарховъ на соборѣ были только—Митрополитъ, Ипатій Поцѣй, какъ мѣстный Епископъ Брестской Епархіи, и Кириллъ Терлецкій, прибывшій сюда, какъ сейчасъ увидимъ, для согляданія дѣйствій собора (290). Но Митрополитъ не смутился этою двойною неудачею. Теперь его сильно поддерживали лучшіе люди Западно-Русской Церкви и недавняя строгость Патріарха. Онъ отвѣтилъ примасу, что на основаніи же сейма 1593 г. имѣеть право рѣшать судныя дѣла и, не обращая вниманія на отсутствіе многихъ Епископовъ, приступилъ къ рѣшенію важнѣйшаго изъ этихъ дѣлъ (291). Рассмотрѣна жалоба Львовскаго Братства на Гедсона Болобана и постановлено лишить святительскаго сана и кathedры этого неискривимаго Епископа (292). Другія дѣла Братствъ не могли быть теперь рѣшены, потому что они выходили изъ круга дѣлъ судебныхъ. Но соборъ не желалъ оставить ихъ безъ вниманія и изложилъ въ видѣ проекта, имѣющаго получить утвержденіе на будущемъ соборѣ, слѣдующія постановленія: утверждены всѣ прежнія Братства и запрещено учреждать новыя въ угоду и для славы Епископовъ; духовенство Братское въ ставропигіальныхъ Братствахъ подчинено Митрополиту, а въ другихъ—мѣстнымъ Еписко-

памъ. Направляя дѣла Братствъ къ истинной пользѣ Церкви, соборъ утвердилъ за ними право имѣть школы, типографіи и проповѣдниковъ, но предупреждая въ тоже время зло, постановилъ, чтобы въ Братскихъ школахъ, типографіяхъ и на кафедрахъ не оглашалось ничего противнаго Вѣрѣ и Іерархіи (293).

Само собою разумѣется, что все это были дѣла самыя непріятныя для Кирилла и онъ, недожидаясь окончанія собора, удалился изъ Бреста подъ какимъ то предлогомъ и поспѣшилъ на свиданіе съ Гедеономъ въ Жидичинъ, гдѣ оба они, въ присутствіи генеральнаго вознаго, признали соборъ не дѣйствительнымъ (294). Здѣсь—то, безъ всякаго сомнѣнія, оба они согласились идти уже прямо къ Уніи. Авторъ Перестроги ясно даетъ понять, что здѣсь именно Кириллъ склонилъ Гедеона на Унію, склонилъ разумѣется, вторично (295). Съ этимъ замысломъ оба Епископа съ поспѣшностію поѣхали въ Сокаль, гдѣ нашли Діонисія Хелмскаго и Михаила Перемышльскаго, которые, вѣроятно, выжидали здѣсь извѣстій о дѣйствіяхъ собора. На этомъ совѣщаніи, по словамъ Гедеона, Епископы постановили отправить Кирилла къ Митрополиту съ просьбою о благословеніи и затѣмъ—къ королю съ жалобою на притѣсненія, для чего даны были Кириллу бланкеты за подписью всѣхъ присутствовавшихъ (296). Но это ложное свидѣтельство. Авторъ Перестроги говоритъ (297), что здѣсь Кириллъ склонилъ къ Уніи и Михаила Перемышльскаго, который подобно Гедеону находился въ немилости у Митрополита, — и Діонисія, котораго, впрочемъ, небыло большого труда склонить къ этому, потому что онъ еще въ 1591

году охотно далъ свое согласіе на Унію и имѣлъ тѣ же побужденія не отставать отъ нея. Сводя всѣ эти свидѣтельства, мы думаемъ, что дѣло происходило слѣдующимъ образомъ.—Епископы, собравшіеся въ Сокаль, согласились принять Унію; но они ясно видѣли, что безъ Митрополита ничего не могутъ сдѣлать. Поэтому, они отправили къ нему Кирилла съ порученіемъ склонить Михаила на свою сторону и, въ случаѣ успѣха,—представить королю дѣло объ Уніи, для чего и дали Кириллу мембраны. Чтоже побуждало теперь Кирилла такъ усердно хлопотать объ Уніи? Мы думаемъ, что его встревожило грозное движеніе всѣхъ Братствъ, явившихся на соборъ, и особенно ихъ требованіе, чтобы въ Литвѣ постоянно былъ Патріаршій Экзархъ, который, очевидно, скорѣе другихъ могъ разрушить весь замысль Кирилла, не говоримъ уже о томъ, что онъ лишилъ бы его самага чести быть Экзархомъ. Съ другой стороны, одно обстоятельство обѣщало теперь вѣрный успѣхъ Уніи. Митрополитъ былъ въ немилости у Патріарха и теперь подвергся гнѣву Латинянъ. Могло ли быть лучшее время для убѣжденій его къ Уніи? Но Кириллъ почему-то замедлилъ свою поѣздкою къ Митрополиту и дѣла будущихъ Уніатовъ пришли въ очень затруднительное положеніе.—Митрополитъ явно сталъ на сторонѣ Братствъ и рѣшился привести въ исполненіе соборное опредѣленіе противъ Гедсона. Онъ написалъ письмо къ гетману Польскому, Яну Замоискому, о которомъ зналъ, что онъ расположенъ къ Львовскому Братству, прося его позаботиться, чтобы король утвердилъ низложеніе Гедсона (298). Одно уже это обращеніе Митрополита къ Яну Замоискому

скому, непримиримому врагу Иезуитовъ (299), ясно показываетъ, что до сихъ поръ Митрополитъ вовсе не причастенъ былъ замыслу на Унію и не имѣлъ намѣренія преслѣдованіями склонить къ ней Гедеона, какъ это инымъ кажется.—Нововсякомъ случаѣ выборъ этотъ былъ неудаченъ. Замойскій ненавидѣлъ Иезуитовъ, но какъ Латинянинъ, не чуждъ былъ желанія видѣть въ Литвѣ Унію. Зная, конечно, о замыслѣ на Унію нѣкоторыхъ Епископовъ, какъ первый сановникъ, имѣвшій постоянныя сношенія съ дворомъ, онъ, вѣроятно, отвѣтилъ Митрополиту, что, вмѣсто преслѣдованій виновныхъ Епископовъ, лучше бы подумать объ Уніи.—По крайней мѣрѣ, можно думать, что онъ извѣстилъ Кирилла или Гедеона о письмѣ къ нему Митрополита. Кириллъ Терлецкій поспѣшилъ къ Митрополиту и плодомъ этого свиданія было совершенно неожиданное отъ Митрополита дѣло. Онъ собственноручно написалъ условія Уніи и вручилъ ихъ Кириллу для представленія королю черезъ того же гетмана Яна Замойскаго (300). Что привело Михаила къ такому необычайному шагу? Говорятъ—инструкція Иезуитская, которою Митрополитъ давно уже, такъ сказать, отъ юности руководствовался и по которой онъ долженъ былъ до послѣдняго времени скрывать свое участіе въ Уніи. Но это нелѣпность, которой никакъ нельзя принять, какъ это мы уже показали и не разъ еще будемъ имѣть случай показывать.—Мы видѣли, что Митрополитъ испытывалъ постоянныя неудачи въ исполненіи своихъ обязанностей и подвергся справедливому осужденію отъ Патріарха, какъ Іерархъ, не сѣумѣвшій исполнять своего долга.—Теперь же онъ вооружилъ противъ себя и

Польское Правительство за созваніе собора въ отсутствіе короля. Между тѣмъ, не могъ онъ не знать, что мысль объ Уніи волнуетъ народъ, что объ ней писалъ къ Поцѣю самъ князь Острожскій и что теперь Епископы начинаютъ уже это дѣло.—Вѣроятно Кириллъ, очень искусно раскрылъ теперь все это передъ Митрополитомъ: не даромъ Митрополитъ назвалъ его потомъ зміемъ райскимъ (301). Митрополитъ склонился на эти внушенія, но онъ предполагалъ ввести такую Унію, которая не измѣняла бы ни догматовъ, ни обрядовъ, ни учрежденій Православной Церкви, т. е. Митрополитъ въ этомъ случаѣ впадалъ въ тоже заблужденіе, какому подвергся было князь Острожскій и которое значительно распространилось въ народѣ, именно — будто въ Литвѣ возможна была Унія съ Латинскою Церковію, безъ нарушенія чистоты Вѣры Православной. Этотъ взглядъ на Унію Митрополитъ выдерживалъ, какъ увидимъ, до послѣдней крайности; но не такъ были щекотливы другіе поборники Уніи и въ особенности Кириллъ и Ипатій, которымъ теперь открылось обширное поприще самой недобросовѣстной дѣятельности.

Кириллу нужно было только согласіе Митрополита на Унію. Больше онъ не требовалъ отъ него ничего. Не спрашивая его совѣтовъ и наставленій, онъ сталъ самъ, самовластно устроить дѣло,—прокладывая себѣ, какъ думали многіе, путь не только къ Уніи, но и къ митрополичьей кафедрѣ.—Онъ отправилъ все дѣло къ Яну Замоискому и вскорѣ получилъ отъ него извѣстіе, что король хочетъ видѣться съ Митрополитомъ и съ нимъ самимъ (302). Кириллъ рѣшился устра-

нить до времени Михаила и просилъ черезъ гетмана, чтобы ему прежде самому видѣться съ королемъ (303). Но одно обстоятельство замедлило его поѣздки къ королю; ему пришлось устроить еще одно дѣло въ Литвѣ. До сихъ поръ онъ не имѣлъ рѣшительныхъ совѣщаній объ Уніи съ Поцѣмъ. Очень можетъ быть, что Кирилль, хотя увѣренъ былъ въ склонности Поцѣя къ Уніи, но боялся допускать его пока къ участию въ ней, думая, что Поцѣй, родственникъ и другъ князя Острожскаго легко можетъ выдать его грозному князю, а можетъ быть онъ боялся и того, чтобы Поцѣй своимъ усердіемъ къ Уніи не уменьшилъ его будущихъ наградъ. Но Поцѣй постарался вывести Кирилла изъ этой нерѣшительности и самъ поспѣшилъ къ нему. Пресловутые виновники Уніи сошлись у столь же знаменитаго поборника ея, Латинскаго Луцкаго Епископа, князя Бернарда Мацѣвскаго. Подозрительный, напуганный Кирилль съ боязнію открылъ Поцѣю свою затѣю, взявъ съ новаго сотрудника своего клятву, что тайна будетъ сохранена вѣрно. Умный Поцѣй, хотя заставилъ себя убѣждать къ Уніи, но вскорѣ, какъ увидимъ, показалъ, что привести ее въ исполненіе суждено не Кириллу, а ему. Онъ пересмотрѣлъ всѣ списки на Унію, узналъ о письмѣ гетмана (304) и теперь же или вскорѣ составилъ съ Терлецкимъ грамоту къ Папѣ, на которой оба они подписались, оставивъ мѣсто для будущихъ подписей Митрополита и другихъ Епископовъ (305). Очень вѣроятно, что тогда же, въ концѣ 1594 года, происходили совѣщанія съ другими Епископами и составлены условія Уніи (306).—Все шло по мысли Терлецкаго: въ одномъ только расходился съ нимъ Поцѣй.

Онъ считалъ необходимымъ переговорить еще съ Митрополитомъ, принималъ на себя эту обязанность и убѣждалъ Кирилла подождать общаго рѣшенія и тогда уже ѣхать въ Польшу (307). Но мы видѣли, что Кириллъ устранилъ Митрополита отъ главнаго участія въ Уніи, опасаясь стать позади. Теперь онъ еще болѣе опасался этого, потому что переговоры Поцѣя съ Митрополитомъ, безъ сомнѣнія, стѣснили бы его дѣйствія. Онъ видѣлъ теперь двухъ соперниковъ своей будущей чести и славы и рѣшился не уступать имъ первенства. Предоставивъ Поцѣю сноситься съ Митрополитомъ по его собственному усмотрѣнію, онъ послѣдшилъ въ Краковъ (308).

Поцѣй и Митрополитъ поставлены были теперь въ очень непріятное положеніе; но это непріятное положеніе, какъ сейчасъ увидимъ, вызывало въ томъ и другомъ совершенно различныя чувства и дѣйствія.— Не получая никакого отвѣта на свое предложеніе объ Уніи, Митрополитъ сильно беспокоился и не зналъ, что предпринять далѣе. Письмо Поцѣя отъ 16-го Генваря (1595г.) съ извѣстіемъ, что уже всѣ Епископы «списались» на Унію и что Кириллъ, какъ слышно, собирается въ Краковъ (309), еще болѣе встревожило его. Онъ увидѣлъ, что Епископы поступаютъ самовольно и злоупотребляютъ его довѣренностію. Теперь онъ пришелъ въ сильное раздумье и рѣшился открыть мученія своей совѣсти лучшему другу своему и покровителю, князю Теодору Скумину воеводѣ Новогрудскому. — Онъ послалъ ему копію съ письма Поцѣя, говорилъ, что боится Уніи, и просилъ Скумина защищать всѣми силами Православную Церковь на предстоящемъ сеймѣ. Но по скры-

тности и еще болѣе изъ страха, онъ не открылъ князю своей вины,—своего участія въ Уніи, напротивъ старался скрыть это и, предполагая, что Скуминъ узнаетъ обо всемъ на сеймѣ, просилъ не вѣрить никакимъ слухамъ (310). Но, какъ увидимъ, предосторожность эта оказалась совершенно напрасною и много повредила Михаилу, потому что лишила его довѣренности и помощи лучшихъ людей того времени.—Между тѣмъ, Поцѣй снова смутилъ Михаила новымъ письмомъ, въ которомъ извѣщалъ, что Кириллъ пользуется чрезвычайнымъ вниманіемъ Латинянь, что онъ неутомимо дѣйствуетъ въ пользу Уніи,—уѣхалъ уже въ Краковъ и, очень вѣроятно, что оставить всѣхъ позади (311). Досада, тревога Поцѣя едва ли были притворны и могли быть очень заразительными. Въ то же время, случилось обстоятельство, которое ввело Михаила въ новое заблужденіе и въ послѣдствіи должно было поколебать остатокъ его настоящей твердости въ Православной Вѣрѣ. Гедeonъ, Еп. Львовскій, стѣсненный до крайности Братствомъ, не утерпѣлъ дожидаться окончанія переговоровъ объ Уніи и, составивъ соборъ изъ единомышленныхъ духовныхъ своей Епархіи, принялъ ее, какъ видно, довольно открыто (312). Послѣ этого, онъ считалъ себя вправѣ получить особенныя милости отъ Митрополита противъ Братства Львовскаго и съ этою цѣлю пріѣхалъ къ Михаилу (въ Февралѣ 1595 г.) (313). Но, видно, разговаривая съ Митрополитомъ, онъ пораженъ былъ его незнаніемъ дѣла Уніи и нерасположеніемъ къ ней. Митрополитъ умолялъ Гедeона сообщить ему вѣрныя свѣдѣнія объ Уніи и даже заклиналъ Евангелиемъ сказать всю правду. Гедeонъ

понялъ, что дѣло идетъ совершенно иначе и перевернулъ весь планъ свой. Онъ увѣрилъ Митрополита, что ничего не знаетъ объ Уніи и самъ нисколько въ ней неповиненъ.—Митрополитъ повѣрилъ, далъ Гедeonу *поднесенный листъ*, т. е. грамоту, возстановляющую его на Епископской кафедрѣ, далъ право судиться съ Братствомъ и обязалъ слѣдить за Унією и доносить ему обо всемъ.—Ободренный этимъ, онъ немедленно написалъ къ князю Острожскому письмо, въ которомъ извѣщалъ его о своемъ разговорѣ съ Гедеономъ и просилъ также самого князя слѣдить за онымъ змиемъ райскимъ—Терлецкимъ (314). Но вдругъ ниспроверглись всѣ планы и надежды Митрополита. Онъ узналъ, что Гедeonъ жестоко обманулъ его, скрывъ свое участіе въ Уніи, между тѣмъ, какъ принялъ ее соборомъ.—Но этого мало: онъ увидѣлъ, что уступкою Гедеоу сильно вооружилъ противъ себя Львовское Братство, самое расположенное къ нему до сихъ поръ (315). Понятно, что послѣ всего этого и оба князя—Скуминъ и Острожскій не могли благопріятно смотрѣть на Митрополита, тѣмъ болѣе, что къ нимъ начали уже доходить темные слухи и объ его участіи въ Уніи. Поэтому, если они отвѣчали теперь же на его письма, то едва ли эти отвѣты были пріятнаго содержанія.

Между тѣмъ, возвратился изъ Кракова Терлецкій (въ Февралѣ или Мартѣ 1595 г.).—Вѣсти привезенныя имъ были очень пріятны для Поцѣя. Хотя мы никакъ не думаемъ, чтобы Терлецкій восхвалялъ въ Краковѣ усердіе Поцѣя къ Уніи; но здѣсь достовѣрно знали это усердіе другими путями.—Поэтому Сигизмундъ прислалъ Поцѣю черезъ Терлецкаго похвальную грамоту,

убѣждая его безостановочно идти къ Уніи. Остальное поручалось Терлецкому сказать словесно (316). Что именно приказано было сказать, это открывается изъ послѣдующихъ обстоятельствъ. Рѣшено было, что Митрополиту не нужно ѣхать въ Краковъ самому, а дать только письменное согласіе на Унію и препоручить все дѣло Терлецкому и Поцѣю, которымъ приказано послѣ этого пріѣхать снова въ Краковъ (317).

Какъ Поцѣй и Терлецкій убѣдили теперь Митрополита дать это согласіе, — не имѣемъ никакихъ свѣдѣній; знаемъ только, что Миханлъ, запутавшій свои отношенія къ людямъ новаго движенія въ Западно-Русской Церкви и не поддерживаемый никѣмъ изъ нихъ очень способенъ былъ снова склониться на внушенія виновниковъ Уніи. Носились потомъ слухи, что теперь онъ далъ Поцѣю и Терлецкому условія Уніи и письменную довѣренность вести переговоры по этому дѣлу (318). Съ этими бумагами и отправились въ Краковъ уже вмѣстѣ Поцѣй и Терлецкій (надобно полагать—въ Апрѣлѣ 1595 г.) и прибыли туда послѣ сейма (въ концѣ Апрѣля или въ первыхъ числахъ Мая.)—Король утвердилъ всѣ требованія будущихъ Уніатовъ (319); но, какъ гласила молва, Поцѣй и Терлецкій вели тайные переговоры съ Іезуитами и сдѣлали очень много уступокъ въ пользу Латинской Церкви и въ ущербъ своей.—Послѣдніе пункты Уніи король и отправилъ къ Папѣ, а Поцѣя и Терлецкаго возвратилъ въ Литву съ приказаніемъ составить приличную грамоту объ Уніи къ Папѣ и готовиться въ Римъ.—Условлено было, кажется напередъ, что въ недѣлю о Самаряннѣ, 18 Мая 1595 г., Митрополитъ и Поцѣй съ

Терлецкимъ съѣдутся въ Кобринѣ. Сюда и прибыли послѣдніе въ назначенный срокъ; но Митрополитъ неприѣхалъ. Поцѣй и Терлецкій узнали, что онъ опять колеблется. Они написали къ нему самое жесткое письмо, въ которомъ укоряли въ измѣнѣ, грозили гнѣвомъ короля и назначали ему явиться поскорѣе въ Брестъ (320). Объ этомъ прислано было и королевское повелѣніе (321). Но Митрополитъ и послѣ этого не поѣхалъ на совѣщаніе, а взялъ шесть недѣль на размышленіе (322). Что же смутило опять Митрополита? Въ Литву дошли извѣстія о совѣщаніяхъ Поцѣя и Терлецкаго съ Латинянами и распространился слухъ, что они совершенно передаютъ Латинянамъ свою Церковь.—Митрополитъ пришелъ въ ужасъ и снова поколебался въ замыслѣ на Унію.—Дѣйствительно, положеніе его сдѣлалось безвыходнымъ. Онъ склонялся на Унію, но, какъ показываютъ всѣ его письма и всѣ его дѣйствія до послѣдняго дня жизни, искренно любилъ свою церковь и не желалъ, чтобы Унія измѣнила въ ней что нибудь, кромѣ вѣшной зависимости отъ высшаго Іерарха въ Церкви.—Теперь же онъ увидѣлъ, что дѣло устроивается иначе и попалъ между двухъ огней,—съ одной стороны, страхъ за Вѣру, за паству и стыдъ за уклоненіе отъ своего первѣйшаго долга, съ другой,—стыдъ и страхъ передъ королемъ и Поцѣемъ и Терлецкимъ за уклоненіе отъ данныхъ обѣщаній и возбужденныхъ надежд!—Любопытно теперь знать, какъ вышелъ Михаилъ изъ этого, дѣйствительно, ужаснаго положенія? Выйти изъ него можно было какимъ нибудь рѣшительнымъ дѣйствіемъ въ пользу Православныхъ или будущихъ Уніатовъ; но на это не доставало ни умѣнья, ни рѣшимости у опутан-

наго сѣтями Уніи и смущеннаго до крайности Михаила. — У него теперъ не было ни яснаго пониманія слѣдствій настоящаго хода событій, ни рѣшимости неуклонно преслѣдовать ясно усмотрѣнныя вдали цѣли. Онъ способенъ былъ только отсрочить минуту послѣдняго рѣшенія и искать опоры у лучшихъ людей того времени, которымъ обязанъ былъ своимъ тяжелымъ служеніемъ въ Западно-Русской Церкви. Онъ написалъ письма опять къ князьямъ—Θеодору Скѣмину и Острожскому, извѣщая ихъ о дѣйствіяхъ Епископовъ, и спрашивалъ, что ему дѣлать: соглашаться ли на Унію или противодѣйствовать ей, не обращая вниманія ни на какія угрозы? Изъ смущенной души Митрополита исторглись теперъ и мысли добрыя, доказывавшія въ немъ любовь къ Церкви, и—мысли шаткія, обличавшія изнеможеніе души и голосъ своекорыстія. Онъ увѣряетъ князей, что не думаетъ измѣнять своему долгу, что только согласіе князей можетъ склонить его къ Уніи; но если не будетъ этого согласія, то онъ никакъ не посмѣетъ идти противъ вѣрныхъ сыновъ и готовъ пострадать за Церковь. Но какъ бы призадумавшись надъ тѣмъ, что будетъ съ этою Церковью, когда Терлецкій сдѣлается Митрополитомъ, какъ уже это обѣщано, и когда начнутъ преслѣдовать всѣхъ за противодѣйствіе Уніи, что также объявлено отъ имени короля, онъ высказываетъ такую мысль; «пусть такъ, пусть низложатъ меня, я добровольно оставлю кафедру; но я желалъ бы оставить (послѣ себя) Матерь нашу Церковь не подъ ярмомъ, а при правахъ и преимуществахъ, а этого можно было бы достигнуть, если-бы обезпечены были постановленіями тѣ

именно артыкулы (условія Уніи), которые я вамъ посылаю (323).

Но теперь прошло уже то время, когда предполагали возможнымъ осуществленіе Уніи, безобидной для Западно-Русской Церкви, и когда не считалось преступленіемъ разсуждать объ ней и даже дѣлать попытки къ открытому совѣщанію, какъ это дѣлалъ князь Острожскій. — Теперь дѣйствія Поцѣя и Терлецкаго убѣдили Православныхъ, что нечего распутывать этотъ неразрѣшимый узелъ, — его нужно разсѣчь въ своихъ убѣжденіяхъ и отвергнуть всякое помышленіе о какой бы то ни было Уніи. — Поэтому, колебаніе Митрополита между Православною Церковію и Уніею, хотя и вынужденное жестокимъ его положеніемъ, не вызвало въ князьяхъ — Острожскомъ и Скуминѣ сочувствія и желанія подкрѣпить Митрополита. Напротивъ, оно возбудило сомнѣніе въ его вѣрѣ и любви къ Церкви. — Одинъ безразсудный поступокъ со стороны Митрополита увеличилъ еще болѣе это сомнѣніе. — Дѣйствія Поцѣя и Терлецкаго вызвали всеобщее негодованіе и всѣ обращались къ Митрополиту съ вопросами: далъ ли онъ Епископамъ свое полномочіе (324)? Малѣйшая обмолвка съ его стороны подвергла бы и его такому же негодованію, чтò въ настоящее время было бы для него невыносимо, потому что онъ уже возбудилъ противъ себя гнѣвъ и поборниковъ Уніи. — Михаилъ рѣшился не раздражать вдругъ обѣихъ сторонъ и скрылъ опять свое участіе въ Уніи. Но онъ очень плохо рассчиталъ: теперь противъ него были явныя улики. Краковскіе слухи приносили извѣстіе, что и Митрополитъ участвуетъ въ Уніи. Особенно достовѣрно извѣстно бы-

ло это Скумину, которому прислали изъ Кракова даже всѣ списки на Унію.—Феодоръ Скуминъ въ своемъ отвѣтномъ письмѣ передалъ Михаилу всѣ эти извѣстія и вмѣсто совѣта и помощи заключилъ письмо жесткимъ укоромъ ему въ двоедушіи и измѣнѣ Церкви (325).—Понятно, что такой отвѣтъ не могъ поддержать Митрополита въ его рѣшимости противодѣйствовать Уніи. Но, что еще замѣчательнѣе,—князь Скуминъ въ этомъ же жесткомъ отвѣтѣ Михаилу обнаружилъ шаткость и собственнаго взгляда на Унію.—Онъ подобно Михаилу не отвергалъ возможности Уніи и говорилъ, что если это дѣло Божіе, то бесполезно будетъ сопротивление ему; а если нѣтъ, то погибнетъ само собою.—Такимъ образомъ, Скуминъ съ двухъ сторонъ ослаблялъ Митрополита и какъ бы говорилъ ему — дѣйствуй, какъ укажутъ обстоятельства.—Митрополитъ, какъ сейчасъ увидимъ, дѣйствительно послѣдовалъ этому указанію и съ изумительною безхарактерностію склонялся то на ту, то на другую сторону, явно подчиняя свои дѣйствія теченію обстоятельствъ.

Не знаемъ, что отвѣчалъ Михаилу князь Острожскій, но есть основаніе думать, что онъ еще не имѣлъ вѣрныхъ свѣдѣній объ его участіи въ Уніи и думалъ, что Митрополитъ останется на сторонѣ Православныхъ (326). Впрочемъ, обстоятельства самаго князя были далеко не таковы, чтобы жестоко осуждать въ Уніи Митрополита, еслибы онъ и зналъ его участіе въ ней. Князь самъ, какъ мы видѣли, участвовалъ въ Уніи и теперь, кажется, узналъ, что Поцѣй разглашаетъ объ этомъ въ народѣ. — Князь рѣшился выйти изъ этого двусмысленнаго положенія и, оставляя въ сторонѣ Ми-

трополита, старался показать всѣмъ, какъ нужно смотрѣть на дѣло Поцѣя и Терлецкаго. Онъ объявилъ въ окружной грамотѣ, что не участвуетъ вовсе въ замыслѣ Епископовъ и убѣждалъ всѣхъ стоять твердо въ Православіи и не обольщаться никакою Унією (327). Въ то же время, князь Острожскій приготовилъ и другой ударъ будущимъ Уніятамъ. Гедеонъ Болобанъ, недавно принявшій Унію соборомъ, пришелъ, наконецъ, къ убѣжденію, что она не приноситъ ему никакой пользы. Братство также, какъ и прежде, не уступаетъ ему ни въ чемъ, а между тѣмъ всѣ теперь возстаютъ противъ Уніи и, если придется кому пострадать отъ этого волненія, то конечно ему прежде всѣхъ. Очень вѣроятно, что и самоволіе Поцѣя и Терлецкаго, устроившихъ Унію по собственному усмотрѣнію къ явному вреду Церкви, сильно вооружало Гедеона, который едвали до сихъ поръ рѣшалъ вопросъ, какъ устроится Унія, не разрушить ли она въ самой основѣ Православную Церковь. Теперь, когда всѣ вопіяли противъ этой гибели, приготовляемой Унією, нельзя было не рѣшать подобнаго вопроса и рѣшать, именно не въ пользу Уніи. — Гедеонъ рѣшился оставить Поцѣя и Терлецкаго со всѣми благами будущей Уніи и идти на сторону Православныхъ. Съ этою цѣлію онъ еще въ началѣ Іюня 1595 года отправился къ князю Острожскому съ прозьбою примирить его съ Львовскимъ Братствомъ. — Князь съ полною готовностію обѣщалъ это посредничество, написалъ немедленно письмо къ Братству, а Гедеона убѣдилъ склонить на свою сторону и Михаила Перемышльскаго и дѣйствовать противъ Уніи открыто (328). Гедеонъ очень любилъ всякаго рода

борьбу, а тѣмъ болѣе такую, которую теперь могъ одобрить и поддерживать всякій Православный, не говоримъ уже о князѣ Острожскомъ. Но какъ начать ее? Какъ выпутаться изъ Уніи, смыть съ себя прошедшее пятно и приобрести довѣренность Православныхъ? Тогда очень не любили искренняго раскаянія въ своихъ грѣхахъ. Унія основалась на коварствѣ и обманѣ и этими своими свойствами заражала даже тѣхъ людей, которые рѣшались ей противодѣйствовать. Ими заразился и Гедeonъ и рѣшился употребить это оружіе противъ самой Уніи.—Еще въ Мартѣ 1595 года носились слухи, что Поцѣй и Терлецкій пользуются мембрами или бланкетными листами за подписью Епископовъ и на нихъ пишутъ грамоты объ Уніи (329). Въ настоящее время, какъ увидимъ, они дѣлали тоже самое дѣло, о чемъ едвали не зналъ Гедeonъ.—Гедeonъ рѣшился теперь воспользоваться этими обстоятельствами и 1-го Юля 1595 года въ судѣ Владимірскомъ подалъ извѣстную уже намъ протестацію, въ которой очищалъ себя совершенно отъ Уніи и объявлялъ, что если есть какія либо грамоты на Унію съ его подписей, какъ носятя объ этомъ слухи; то эти грамоты написаны обманомъ на бланкетахъ, данныхъ Кириллу Терлецкому для составленія жалобы къ королю на преслѣдованія Церкви. — Въ судѣ присутствовали князь Острожскій и другіе знаменитые люди,—поэтому нельзя было суду не принять этой протестаціи и нельзя было не повѣрить ей всякому, кто не зналъ хода событий (330). — Митрополитъ немедленно откликнулся на это противодѣйствіе Уніи и, какъ-бы подражая князю Острожскому и Гедeonу, написалъ грамоту въ ко-

торой говорилъ, что не думаетъ измѣнять Вѣрѣ, не думаетъ принимать Уніи и послалъ эту грамоту къ Виленскому Братству черезъ своего Протонотарія Григорія, которому приказывалъ прочитатъ ее въ общемъ собраніи членовъ Братства.—Но онъ и теперь сдѣлалъ одну ошибку, которая испортила все дѣло. Въ этой же грамотѣ онъ грозилъ судомъ духовнымъ членамъ Братства, особенно Стефану Зизанію за распространіе неблагопріятныхъ объ немъ слуховъ и сужденій (331). Братство Виленское взволновалось больше прежняго и немедленно отправило депутацію къ князьямъ Скумину и Острожскому съ документами несомнѣннаго участія Митрополита въ Уніи (332).

Раздались теперь со всѣхъ сторонъ требованія, чтобы поскорѣе созвать соборъ и порѣшить окончательно съ недостойными Пастырями.—Съ этою цѣлію Православные повторили свою прозбу, Константинопольскому Патріарху, чтобы поскорѣе пріѣхалъ его Экзархъ, и узнавъ, что уже ѣдетъ извѣстный многимъ Литовцамъ великій Протосинкелль Константинопольской Церкви Никифоръ, ожидали его съ величайшимъ нетерпѣніемъ (333).

Что же дѣлали въ это время два виновника всего этого волненія—Поцѣй и Терлецкій? Сначала они осуждены были на бездѣйствіе взятою Митрополитомъ отсрочкою.—Но такъ какъ можно было опасаться, что Митрополитъ просрочитъ на цѣлые годы и можетъ быть навсегда, а между тѣмъ изъ Кракова присылались постоянно понужденія и все было уже приготовлено къ поѣздкѣ въ Римъ, даже заложены церковныя имѣнія (334); то Поцѣй и Терлецкій рѣшились сами устроить

дѣло и еще 12-го Іюня 1595 г., написали грамоту на Унію, съѣхавшись вѣроятно у Діонисія Збируйскаго, Епископа Хелмскаго.—Грамота составлена легко,—на бланкетахъ (335); но въ ней сильно отразилось вліяніе тогдашнихъ обстоятельствъ и понятіе объ Уніи Митрополита, котораго теперь Поцѣй и Терлецкій старались чѣмъ нибудь задобрить.—Подробное содержаніе этой грамоты мы изложимъ послѣ, чтобы яснѣе видѣть, какъ Поцѣй и Терлецкій самовольно отступали отъ нея. Теперь же скажемъ только, что по этой грамотѣ Унія не должна была ничего измѣнять въ Западно-Русской Церкви и состоять въ одномъ почетномъ признаніи главенства Папы, т. е. въ этой грамотѣ уничтожалось то условіе Уніи, какое по признанію Латинянъ всѣхъ вѣковъ считалось необходимымъ для Уніи,—разумѣемъ безусловную власть Папы въ жизни, въ практикѣ Церкви.—Этою грамотою, несообразность которой съ Латинствомъ долженъ былъ признать каждый Латинянинъ, понимавшій ученіе своей Церкви о главенствѣ Папы, Поцѣй и Терлецкій, какъ будто, теперь хотѣли показать, что обвиненіе противъ нихъ въ конечной измѣнѣ своей Церкви несправедливо.—Кому же они думали показать это? Конечно, не Іезуитамъ, не Папѣ и даже не будущимъ родамъ, потому что всѣмъ имъ они доказали совершенно другое, но своимъ они желали показать это, своихъ старались увлечь въ этотъ двойной обманъ.—Очень можетъ быть, что они рекомендовали содержаніе этой грамоты Гедеону, Михаилу Перемышльскому, Митрополиту и, вѣроятно, имѣли въ виду познакомить съ нею и самого князя Острожскаго.—Но мы видѣли, какое разочарованіе подготавли-

лось имъ со всѣхъ сторонъ.—Никакъ имъ теперь нельзя было рассчитывать на дѣйствіе этой грамоты. Нужно было обратиться къ другимъ средствамъ, чтобы спасти себя и Унію отъ угрожавшей гибели.—Они напали было на Гедсона, и Кирилль Терлецкій поспѣшилъ подать противъ него антипротестацію, угрожая въ то же время судомъ самого короля (336). Но не время было теперь заводить процессъ.—Тяжело имъ было теперь оставаться въ Литвѣ, въ кругу грозныхъ враговъ, которымъ не доставало только Патріаршаго Экзарха, чтобы лишить возможности Поцѣя и Терлецкаго ѣхать въ Римъ въ санѣ Православныхъ Епископовъ, но и безъ Патріаршаго Экзарха Православные могли это сдѣлать, еслибы Митрополитъ окончательно склонился на ихъ сторону,—потому что, въ такомъ случаѣ, съ нимъ было бы еще два Епископа (Гедсонъ и Михаилъ)—условіе, очень достаточное по церковнымъ законамъ для низложенія виновныхъ Епископовъ.—Соображая всѣ эти обстоятельства, мы думаемъ, что Поцѣй и Терлецкій пришли теперь къ одной изъ величайшихъ нелѣпостей въ жизни человѣческой. Поѣздка въ Римъ и Унія представлялись теперь имъ самымъ горькимъ плодомъ ихъ дѣйствій и въ то же время самымъ желаннымъ, на который они должны были броситься съ поспѣшностію жаднаго дитяти, потому что рядомъ съ этимъ плодомъ висѣлъ плодъ еще болѣе горькій и вполне достойный Епископской измѣны—судъ и проклятіе Церкви и народа.—Но человѣкъ по свойственному ему чувству самосохраненія никогда не рѣшится броситься въ одну изъ такихъ крайностей, если видитъ малѣйшую средину между ними.—

Поцѣю и Терлецкому смутно представилась эта середина и они бросились отыскивать ее со всею предприимчивостію одного изъ нихъ (Терлецкаго) и проникательностію другого (Поцѣя), чѣмъ дѣйствительно они обладали въ немалой степени.—Они воспользовались всеобщимъ настроеніемъ умовъ,—раздавшимся со всѣхъ сторонъ требованіемъ собора и, какъ по всему видно, внушили Митрополиту, что склоняются на это требованіе и готовы просить короля, чтобы дѣло Уніи прежде рѣшено было на всеобщемъ соборѣ или съѣздѣ.—Нельзя было придумать лучшаго средства, чтобы склонить на свою сторону Митрополита. Мы видѣли, что этотъ несчастный Митрополитъ, запутанный въ Унію и сохранившій однако до сихъ поръ любовь къ своей Церкви, никакъ не могъ уяснить себѣ—къ какой сторонѣ пристать и въ своемъ изнеможеніи протягивалъ руки то къ той, то къ другой. Мысль о примиреніи этихъ двухъ сторонъ, мысль о томъ, что онъ по праву станетъ между ними въ серединѣ, какъ первый судья ихъ дѣйствій, должна была представляться ему самою счастливою.—Онъ сейчасъ же плѣнился этою мыслию и думая, что теперь же можетъ по праву стать въ этой серединѣ, объявилъ Поцѣю и Терлецкому и черезъ нихъ королю, что не чуждается Уніи, готовъ принять ее, если она прежде поѣздки депутатовъ въ Римъ рѣшена будетъ на общемъ соборѣ духовныхъ и мірянъ (337).

Нечего и говорить, какъ обрадовались Поцѣй и Терлецкій такому обороту дѣла и съ какою поспѣшностію должны были отправиться въ Краковъ.—Но на пути — въ Люблинѣ они имѣли самую неприятную

встрѣчу.—Въ то же самое время, какъ Поцѣй и Терлецкій коварно пользовались всеобщимъ желаніемъ собора, Православные старались привести въ исполненіе это желаніе. Князь Скуминъ написалъ къ князю Острожскому письмо, въ которомъ просилъ его похлопотать, чтобы король дозволилъ созваніе всеобщаго собора (338).—Въ слѣдствіе ли этого письма вли и независимо отъ него, князь Острожскій отправился въ Польшу и вотъ, въ Люблинѣ онъ встрѣтился съ Поцѣемъ и Терлецкимъ. Устроилъ эту встрѣчу князь Заславскій, и хотя Уніятскій писатель, горячій защитникъ Поцѣя, отзывается благосклонно объ этомъ вмѣшательствѣ князя Заславскаго, но мы думаемъ, что оно было крайне непріятно Епископамъ.—Это подтвердилось и на самомъ дѣлѣ.—Кириллъ Терлецкій держался въ отдаленіи отъ князя, котораго немилость такъ прекрасно оправдывалъ теперь, и хранилъ приличное настоящему случаю молчаніе. Но Поцѣй, родственникъ и очень недавній еще другъ князя, не могъ не высказаться и высказаться откровенно, потому что пойманъ былъ въ располхъ. Лицемерить, обманывать теперь было очень трудно, да и поздно уже.—Поцѣй открылъ князю все дѣло, показалъ всѣ грамоты, касавшіяся Уніи, со слезами умолялъ его самаго принять участіе и даже палъ передъ нимъ на колѣни, къ униженію своего сана. Князь теперь ясно понялъ, какъ искажена его православная мысль о соединеніи Церквей и какъ самовольно и далеко зашли въ этомъ дѣлѣ Западно-Русскіе Іерархи. Всѣ разсужденія съ ними и увѣщанія были бы теперь совершенно излишни. Мудрый князь терпѣливо выслушалъ все, не обнаруживъ гнѣва, и

только сказалъ, что безъ всеобщаго собора подобное дѣло невозможно. Уніятскій писатель, которому мы до сихъ поръ слѣдовали, говорить, что князь даже выразилъ благодарность Поцѣю (339). Но въ душѣ князя, какъ сейчасъ увидимъ, былъ уже готовъ судъ надъ недостойными Епископами и нѣтъ сомнѣнія, что проницательный Поцѣй теперь же понялъ мысли князя, иначе онъ и не падалъ бы передъ нимъ на колѣни со слезами. —Надобно думать, что послѣ этой встрѣчи дальнѣйшее путешествіе Поцѣя и Терлецкаго въ Краковъ было довольно грустное.

По пріѣздѣ своемъ въ Краковъ, они прежде всего обратили вниманіе своихъ покровителей на свое опасное и безвыходное положеніе. Они представили, что въ Западно-Русской Церкви сильно возстаютъ противъ нихъ міряне и ожидаютъ только прибытія Патріаршаго Экзарха, чтобы низложить ихъ съ Епископскихъ кафедръ, — что въ слѣдствіе этого два Епископа—Гедеонъ и Михайлъ Перемышльскій отстали отъ Уніи и еще болѣе волнуютъ народъ, самаго же главнаго, — что Митрополитъ колеблется и даже переходитъ на сторону Православныхъ, вовсе не сказали. — Они только обвинили Протонотарія Григорія, приписывали ему все волненіе въ Вильнѣ по случаю грамоты Митрополита и говорили, что онъ привозилъ туда подложныя грамоты (змышленія) (340).—Польское Правительство позаботилось прежде всего устранить всякую опасность отъ Поцѣя и Терлецкаго. Съ этою цѣлю Сигизмундъ издалъ универсалъ ко всѣмъ пограничнымъ чиновникамъ, которымъ приказывалъ не впускать въ предѣлы Литовско-Польскаго Государства

никого отъ Константинопольскаго Патріарха (341). Въ то же время Сигизмундъ потребовалъ Гедеона на судъ, (342) взявъ такъ же назадъ свое обѣщаніе сдѣлать Прото- нотарія Григорія Полоцкимъ Епископомъ и то же потре- бовалъ его къ себѣ. (343) Затѣмъ, онъ излилъ щедрыя милости на будущихъ Уніатовъ. Окружною грамотою Сигизмундъ уравниалъ будущую Уніатскую Іерархію во всѣхъ правахъ съ Латинскою; (344) но такъ какъ эта милость была довольно неопредѣленна и могла подавать поводъ къ недоразумѣніямъ; то король издалъ новую гра- моту, въ которой уже опредѣленно обозначаетъ разныя ихъ прѣимущества, на дѣлѣ далеко меньшія, чѣмъ тѣ, какими пользовались Латинскіе духовные (345).—По- видимому, довольно уже было написано жалованныхъ и запретительныхъ грамотъ: можно было бы, кажется, успокоиться Польскому Правительству и не обременять королевской канцеляріи лишнимъ дѣломъ. Но нѣтъ! Унія Литовская — это было такое больное дѣтище, которое нужно было лечить самыми разнообразными и самыми искусственными лекарствами. Сигизмундъ счелъ нужнымъ еще написать нѣсколько грамотъ. Онъ послалъ Митрополиту особую милостивую грамоту, въ которой то хвалитъ его за усердіе къ Уніи, то дока- зываетъ пользу и законность ея и поощряетъ Митро- полита мужественно вести это дѣло (346). — Въ то же время король счелъ нужнымъ обратиться къ другому знаменитому лицу, отъ котораго также много зависѣлъ успѣхъ Уніи — къ князю Острожскому. — Сигизмундъ и князя также, какъ Митрополита, убѣждаетъ къ Уніи, придавая очевидно весьма большое значеніе тому, на чьей сторонѣ будетъ князь. Но тутъ же старается и

уничтожить это значеніе. — Сигизмундъ отказывается въ открытомъ соборѣ при участіи мірянъ, доказывая, что такой соборъ не можетъ принести пользы, что міряне обязаны безпрекословно идти за своими Пастырями, а не вмѣшиваться въ дѣла Церкви (347). — Но изъ Литвы постоянно приходили новыя требованія собора. Князь Острожскій прямо и рѣшительно высказалъ эту просьбу. — Самъ Митрополитъ просилъ объ этомъ же. Уніятскій писатель говоритъ, что даже Поцѣй и Терлецкій искренно просили короля дозволить созваніе общаго собора или правильнѣе съѣзда (348) и въ грамотѣ Сигизмунда къ князю Острожскому, дѣйствительно, есть подтвержденіе словъ Уніятскаго писателя (349). — Но если въ самомъ дѣлѣ Поцѣй и Терлецкій просили короля допустить теперь общій съѣздъ, то мы должны сказать, что Господь смѣжилъ имъ очи, чтобы они не видѣли своей гибели, потому что всѣмъ было понятно, чего нужно ожидать отъ такого собора теперь, когда Унія еще не утверждена Папою, а Поцѣй и Терлецкій еще подъ властію Православной, Церкви, которая тогда со дня на день ожидала Патриаршаго Экзарха. — Но Польское правительство на этотъ разъ было далеко проникательнѣе Поцѣя и Терлецкаго. Сигизмундъ, правда, далъ согласіе на созваніе собора и приказалъ даже заготовить универсалъ, но удержалъ его въ канцеляріи и сталъ высматривать, каково въ Литвѣ настроеніе умовъ и есть ли хоть какая нибудь вѣроятность, что на предполагаемомъ соборѣ дѣло Уніи не погибнетъ. Съ этою, между прочимъ, цѣлію онъ отпустилъ Поцѣя и Терлецкаго назадъ въ Литву на четыре недѣли. Особенное вниманіе

Сигизмунда обращено было на князя Острожскаго. Онъ слѣдилъ за всѣми его дѣйствіями и искалъ въ нихъ или явнаго доказательства въ пользу Уніи или въ противномъ случаѣ—предлога къ рѣшительному отказу въ соборѣ. Согласія на Унію нечего было ожидать, потому что князь теперь же писалъ къ Поцѣю самое жесткое письмо (350). Поэтому, начали искать въ дѣйствіяхъ князя предлога къ рѣшительному отказу въ соборѣ. Усердіе шпионовъ увѣнчалось блистательнымъ успѣхомъ. Въ это время (въ Августѣ 1595 г.) происходилъ въ Торунѣ съѣздъ всѣхъ Литовско-Польскихъ Протестантовъ для примиренія въ дѣлахъ вѣры и взаимнаго содѣйствія въ борьбѣ съ Латинянами. Князь Острожскій отправилъ на этотъ съѣздъ своего посла съ предложеніемъ Протестантамъ заключить союзъ съ Православными для болѣе успѣшной борьбы съ общими врагами. Въ инструкціи, данной послу по этому случаю, употреблены были довольно рѣзкія выраженія противъ Папы, Латинянъ вообще и даже противъ короля. Инструкція эта была перехвачена и сношенія князя съ Протестантами представлены были Сигизмунду въ такомъ видѣ, что князь безславно поноситъ передъ еретиками Сына Божія, Папу, укоряетъ короля въ неудачной попыткѣ получить Шведскую корону и грозитъ выставить противъ него двадцать тысячъ войска.—Сигизмундъ и Іезуиты воспылали гнѣвомъ, поручили одному сенатору, родственнику князя написать ему строгій выговоръ, отказались рѣшительно дозволить созваніе собора и послали приказъ Поцѣю и Терлецкому ѣхать поскорѣе въ Краковъ, чтобы оттуда прямо отправиться въ Римъ (351).

Поцѣй и Терлецкій и безъ этого приказа ѣхали уже въ Краковъ (352). Срокъ, данный имъ, выходилъ, а жить въ Литвѣ, въ кругу взволнованнаго народа имъ было очень неудобно.—Но не думайте, что они это неприятное и опасное время провели смирно.—Мы говорили, что Кирилль задумалъ было вести процессъ съ Гедеономъ за его протестацію противъ грамоты на Унію, написанной на бланкетѣ. Говорили мы также, что тогда Кириллу не время было вести этотъ процессъ. Теперь еще менѣе было средствъ и времени къ этому дѣлу. Но нельзя же было оставить Гедеона въ покоѣ. Кирилль поступилъ такъ, какъ обыкновенно поступаютъ люди, когда чувствуютъ совершенное свое безсиліе вредить врагу, а между тѣмъ никакъ не могутъ отказаться отъ желанія сдѣлать ему хоть какойнибудь вредъ. Онъ снова обратился къ бланкетамъ и написалъ на одномъ изъ нихъ 27-го Августа 1595 г., грамоту слѣдующаго содержанія. Епископы, будто-бы, теперь собрались у Кирилла въ Луцкѣ и дали взаимное клятвенное обязательство ни въ какомъ случаѣ не отставать отъ Уніи и предавать анаемѣ всякаго мірянина, который будетъ противодѣйствовать Уніи.—Какъ видите,—придуманно было очень естественное дѣло.— Два Епископа — Кирилль и Ипатій, отправляясь въ далекій и такой необычный для Православныхъ Іерарховъ путь (въ Римъ), собираютъ къ себѣ своихъ единомышленныхъ братій, прощаются съ ними и берутъ съ нихъ обѣщаніе, что они не оставятъ ихъ въ такомъ трудномъ и опасномъ замыслѣ, какъ Унія (353). Но достовѣрность этого, повидимому самаго естественнаго факта подрывается тѣмъ, что въ этой прощаль-

ной грамотѣ находятся подписи только тѣхъ Епископовъ, которые были въ Сокалѣ, т. е. Кирилла, Михаила Перемышльскаго, Гедсона и Діонисія и точь въ точь въ такомъ порядкѣ, какъ въ подложной грамотѣ на Унію, составленной недавно передъ тѣмъ, но нѣтъ подписей ни Поцѣя, которому естественно было присутствовать при такомъ торжественномъ случаѣ, ни Іоны Гоголя, который любилъ даже два раза подписываться на одной и тойже грамотѣ,—разъ какъ Архимандритъ, другой—какъ нареченный Епископъ.—Цѣль у Кирилла при составленіи этой грамоты была та, чтобы смутить народъ Православный и поселить въ немъ недовѣрчивость къ Гедсону и Михаилу Перемышльскому.

На пути въ Краковъ теперь, какъ и въ предшествующее путешествіе, Поцѣю и Терлецкому случилась снова неприятность. Митрополитъ узналъ объ ихъ намѣреніи ѣхать прямо въ Римъ и послалъ за ними гонца—Протонотарія Григорія съ повелѣніемъ возвратиться въ Литву. Въ то же время онъ написалъ къ Θεодору Скумину письмо, въ которомъ объявлялъ, что Поцѣй и Терлецкій ѣдутъ въ Римъ противъ его воли (354). Объ этомъ же Митрополитъ приказалъ Григорію объявить въ судѣ во Владимірѣ,—области князя Острожскаго (355).—Но Поцѣй и Терлецкій теперь дошли уже до такого состоянія, что не могли обращать вниманія ни на приказанія Митрополита, какъ своего Архипастыря, ни на какое бы то ни было противодѣйствіе Уніи.—Теперь каждый день нужно было опасаться новыхъ неудачъ для Уніи. Медленность, раздумье, совѣстливость могли бы только вредить это-

му незаконному предпріятію. Поцѣй и Терлецкій рѣшились немедленно ѣхать въ Римъ и предложить Папѣ Унію отъ лица всей Западно-Русской Церкви, т. е. руководствоваться подложною грамотою — съ подписями всѣхъ Епископовъ (356), — не обращая никакого вниманія на то, что три Іерарха (Митрополитъ, Гедeonъ и Михаилъ Перемышльскій) и весь народъ не соглашались на Унію. — Вотъ сущность этой грамоты: Западно-Русскіе Іерархи просятъ Римскаго Первосвященника оставить ихъ при вѣрѣ, таинствахъ и обрядахъ Восточной Церкви, ни въ чемъ ненарушая ихъ, но оставляя такъ, какъ было въ древности, при единеніи Церквей, — утвердить за себя и за своихъ преемниковъ, что эти условія Уніи никогда не будутъ нарушены. Въ такомъ случаѣ, т. е. когда все это будетъ принято, мы поручили, говорятъ Западно-Русскіе святители, упомянутой братіи нашей (Поцѣю и Терлецкому) отъ имени всѣхъ насъ — Архіепископа и Епископовъ, всего духовенства и вѣренихъ намъ отъ Бога овецъ признать подчиненіе столицѣ св. Петра и поклониться твоей святынѣ, какъ верховному пастырю Церкви Христовой. И если получимъ то, чего просимъ, тогда тебѣ и твоимъ преемникамъ будемъ покорны и желаемъ всегда оставаться подъ властію твоей святыни, что и утверждаемъ своими подписями и печатями (257). — Въ дополненіи къ этой грамотѣ или собственно въ условіяхъ Уніи требовалось, чтобы Папа только утверждалъ, а не назначалъ Митрополита, и чтобы Іерархія Уніятская вообще была независима какъ отъ Папы, такъ и отъ Латинскаго духовенства (358).

Въ этой грамотѣ, какъ мы уже замѣчали и какъ это очевидно изъ ней самой, говорится объ Уніи съ особенною осторожностію и Православіе Западно-Русское во всемъ, кромѣ Римскаго догмата о главенствѣ Папы, ограждается такъ рѣшительно и точно, что произвольное толкованіе въ пользу Римской Церкви очень мало имѣло здѣсь мѣста. По этой грамотѣ, повторяемъ, Унія должна была состоять въ одномъ признаніи главенства Папы—и признаніи такомъ, которое Русская Церковь должна была выражать, напримѣръ, въ сношеніяхъ съ Папою, также при приглашеніяхъ во время Богослуженія, но не въ учрежденіяхъ своихъ и догматахъ, на которые здѣсь не дается Папѣ никакой власти. Но такой Уніи никогда не желали Іезуиты, и если грамота на такую Унію нужна была для успокоенія совѣсти такихъ людей, какъ Митрополитъ, Михаилъ Перемышльскій и Гедеонъ Львовскій, то для Папы и Латинянъ она была совершенно бесполезна и ее одну никакъ не могли Іезуиты посылать къ Папѣ.—Поэтому, мы принимаемъ съ полною довѣрчивостію извѣстіе Польскаго писателя, заимствованное имъ изъ какихъ-то старинныхъ рукописей, что Поцѣй и Терлецкій независимо отъ этой грамоты составили еще въ Краковѣ новыя условія Уніи,—условія, въ основѣ которыхъ лежатъ опредѣленія Флорентійскаго Собора, но съ такими измѣненіями и прибавленіями, которыя давали Литовской Уніи совершенно иной видъ. Вотъ эти условія:

- 1.) Духовенство и міряне Восточнаго Исповѣданія подчиняются Папѣ;—
- 2.) Принимаютъ *новый календарь*;

3.) Обряды, таинства и особенно Литургію будутъ совершать по древнему чину;

4.) Касательно ученія о Св. Духѣ будетъ признано, что какъ Греки, такъ и Римляне вѣруютъ православно, только не разрѣшили еще взаимныхъ недоразумѣній;

5.) Другіе предметы, какъ то; принятіе мірянами Евхаристіи подъ однимъ или двумя видами — будутъ предоставлены на судъ Папы.—При этомъ обѣ стороны увѣряли себя взаимно, что на будущее время не будутъ усматривать въ этомъ никакого различія и что, какъ теперь Владыка Русскій (который—Поцѣй или Терлецкій—неизвѣстно, вѣроятно Поцѣй) *принималъ Евхаристию подъ однимъ видомъ изъ рукъ Краковскаго Архіепископа, такъ и Латинскій Епископъ будетъ принимать это таинство подъ двумя (Православными) видами для утвержденія единства.*

6.) Король на ближайшемъ сеймѣ будетъ присутствовать при Литургіи, совершаемой Владыкою Русскимъ на Русскомъ (Славянскомъ) языкѣ.

7.) Владыкамъ Русскимъ можно совершать Богослуженіе въ костѣлахъ и на оборотъ—Епископамъ Римскимъ въ церквахъ.

Далѣе предоставляются права: Владыкамъ—мѣсто въ Сенатѣ, всему духовенству—свобода отъ налоговъ, народу по городамъ—права общія съ Латинянами. Весь этотъ договоръ для полной силы и прочности будетъ подтвержденъ на сеймахъ и внесенъ въ Конституцію (359).

Такимъ образомъ, Поцѣй и Терлецкій отступили не только отъ своей подложной и лицемерно благовид-

ной грамоты, но и отъ всѣхъ, когда-либо данныхъ имъ инструкцій; потому что никогда и нигдѣ не было поручено имъ предоставлять на будущее усмотрѣніе Папы рѣшеніе спорныхъ вопросовъ и вступать въ такое единеніе съ Латинянами въ практикѣ церковной, которое простиралось бы до совершеннаго безразличія въ исповѣданіи Вѣры. Но это было только преддверіе ихъ полной измѣны Православію. Вскорѣ самовластные вводители Уніи сдѣлали гораздо большія уступки въ пользу Латинства и въ ущербъ Восточному Вѣроисповѣданію. Они согласились принять весь составъ ученія Римской Церкви, согласились сблизить Западно-Русскую Церковь съ Латинскою до такой степени, что самое существованіе Уніи навсегда—дѣлалось невозможнымъ и только для народа и то на нѣкоторое время должны были остаться наружныя отличія. — Съ такими-то уступками, съ такою Уніею или, лучше сказать, съ такою то полною измѣною своему Вѣроисповѣданію отправились въ Римъ прославленные между Латинянами Епископы Западно-Русскіе—Ипатій Поцѣй и Кириллъ Терлецкій!

Въ послѣднихъ числахъ Сентября 1595 года Поцѣй и Терлецкій, обласканные и обезпеченные королемъ и Іезуитами, уѣхали изъ Кракова (360) и прибыли въ Римъ въ Ноябрь того же года (361). — Папа Климентъ VIII, напередъ уже извѣщенный объ Уніи Литовской и придавая этому событію значеніе обще-Русское (362), старался, какъ можно больше, выказать передъ Западно-Русскими Епископами свою благосклонность къ нимъ и величіе Папскаго престола. Послы сперва допущены были къ нему въ частной ау-

діенці для предварительныхъ совѣщаній по дѣлу Уніи, а потомъ — для утвержденія ея въ торжественномъ собраніи всѣхъ кардиналовъ и другихъ сановниковъ Папскаго двора. — Двукратное поклоненіе Папѣ, сперва при входѣ въ залу Ватикана, а потомъ у престола, на которомъ сидѣлъ Климентъ и, наконецъ, цѣлованіе ногъ Папы были первыми знаками подчиненія ему Западно-Русскихъ Святителей; но въ тоже время были и первымъ явнымъ уклоненіемъ Поцѣя и Терлецкаго отъ соборной грамоты, въ которой говорилось, что если Папа изъявитъ согласіе (очевидно не наединѣ, а торжественно) на предложенные пункты Уніи и обѣщаетъ (опять не наединѣ, а открыто, въ собраніи) за себя и за своихъ преемниковъ — никогда не нарушать ихъ; тогда любезная братія (Ипатій и Кириллъ) поклонятся ему. — Далѣе, для формы Поцѣй и Терлецкій прочитали соборную грамоту Западно-Русскихъ Іерарховъ и чтобы хотя сколько-нибудь сообразоваться съ ея предписаніями, просили Папу сохранить ненарушимо обряды Западно-Русской Церкви, но обрядамъ они дали самое частное значеніе; потому что при этомъ перечисляли частныя въ нихъ разности Восточной Церкви отъ Римской, не ограждая цѣлости всѣхъ обрядовъ и вовсе не говоря о сохраненіи вѣры вообще (363), о чемъ говорится въ грамотѣ, — это второе уклоненіе отъ собственнаго обязательства. Но Поцѣй и Терлецкій не остановились на этомъ. Они рѣшились дѣйствовать съ неограниченнымъ произволомъ и измѣнить своей Церкви отъ догмата до самаго несущественнаго обряда. Исповѣданіе вѣры, произнесенное ими въ присутствіи Папы и всего конклава съ клятвою —

сохранить его всегда, — заключаетъ въ себѣ краткое изложеніе всего ученія, обрядовъ и учреждений Римской Церкви, такъ что безъ всякаго преувеличенія можно сказать, что Поцѣй и Терлецкій приняли не Унію Фелорентійскую, какъ многіе ошибочно думаютъ до сихъ поръ, но чистое Латинство (364). — И такое исповѣданіе они произносили отъ имени всѣхъ Іерарховъ, духовенства и мірянъ Западно-Русской Церкви и еще болѣе, отъ всѣхъ Россіянъ! — Папскій секретарь привѣтствовалъ Поцѣя и Терлецкаго, какъ единовѣрныхъ отъ лица Папы и всей Римской Церкви. Въ память такого славнаго событія — воссоединенія, будтобы, всѣхъ Русскихъ выбита была медаль съ надписью: *Ruthenis gesertis* (на воссоединеніе Русскихъ) (365), а виновникамъ его — Поцѣю и Терлецкому учреждаемы были богатые празднества (366). Вскорѣ однако значительно уменьшилось въ Римѣ торжество по случаю Уніи. Поцѣй и Терлецкій получили изъ Литвы самыя дурныя вѣсти и принуждены были сообщить Папѣ имена виновниковъ ихъ (367). Они доложили, что Гедеонъ Львовскій и Михаиль Перемышльскій отказались отъ Уніи. Кто не былъ обманутъ теперь въ дѣлѣ Уніи, не можемъ никакъ доискаться, — развѣ только одни Литовскіе Іезуиты! За предѣлами гроба, передъ судомъ Божиимъ вся тяжесть этого обмана пала на Іезуитовъ и взлелѣянныхъ ими дѣтищъ — Поцѣя и Терлецкаго; но въ жизни, передъ судомъ человѣческимъ она легла и на многихъ неповинныхъ, а всю тяжесть этого обмана понесъ на своихъ плечахъ несчастный Западно-Русскій народъ, сначала съ рѣшительнымъ и необычайно — упорнымъ намѣреніемъ сбросить ее на

главу ея виновниковъ, но потомъ, мало по малу, ослабѣвая и покаяясь ея неотразимому гнету.

Въ Литвѣ, какъ мы уже замѣчали, событіе это вызывало самыя неблагопріятныя для Уніи чувства и дѣйствія. — Здѣсь поднялось грозное волненіе, которое готовилось подавить Унію прежде, чѣмъ она будетъ объявлена всенародно, на соборѣ. — Слухи объ измѣнѣ Вѣрѣ всѣхъ Владыкъ и о самовольныхъ уступкахъ Римскимъ Католикамъ Поцѣя и Терлецкаго въ Краковѣ и потомъ въ Римѣ быстро разносились въ Литвѣ и приводили въ ужасъ и негодованіе всѣхъ Православныхъ, дорожившихъ древнимъ Православіемъ, какъ завѣтною святынею предковъ и единственнымъ успокоеніемъ души среди гоненій и бѣдствій отъ Латинянъ (368). Переписывались знаменитые вельможи — Патроны Церкви (369), собирались и переписывались Братства (370), раздавалась съ церковныхъ кафедръ сильная проповѣдь на тексты объ Антихристѣ и послѣдней кончинѣ міра. Особенно сильно заговорили Братскіе проповѣдники, мржду которыми больше другихъ выдвигался скромный клирикъ Стефанъ Зизаній. Народъ съ жадностію слушалъ эти проповѣди и вѣрилъ каждому слову. Унія теперь менѣе, чѣмъ когда-либо, находила себѣ сочувствіе въ Литовско-Русскомъ народѣ. Распространилось убѣжденіе, что она влечетъ за собою ниспроверженіе всего Восточнаго Православія, что теперь вездѣ введено будетъ Латинство. Къ этому убѣженію присоединилось естественно и другое — что Іерархи Западно-Русской Церкви — предатели Православія, что они теперь недостойны своего сана и повинovenія со стороны Паствы (371). Нельзя

осуждать такого приговора народа Литовско-Русскаго. Всѣ пастыри Западно-Русскіе тогдашняго времени (1595 г.) болѣе или менѣе участвовали въ Уніи и были виновны въ ней, хотя, какъ мы видѣли, не въ одинаковой мѣрѣ и главное, почти всѣ они жестоко были обмануты. Но тогда было трудно и даже невозможно опредѣлять степень виновности каждаго изъ нихъ и, судя поэтому, осуждать одного болѣе, другого менѣе, третьему прощать все. Дѣло Уніи происходило скрытно и коварно; трудно было отличить вѣрныя слухи отъ ложныхъ, а улики явныя, несомнѣнныя были не у всѣхъ. Даже лучшіе люди того времени, отъ которыхъ не могло укрыться дѣло Уніи, многого не знали и многое смѣшивали (372). Неудивительно послѣ этого, что обличенія ревнителей Западно-Русской Церкви противъ Владыкъ не всегда были справедливы, а это по нашему убѣжденію и было главною причиною успѣха Уніи.

Среди этого волненія и приготовленій къ упорной борьбѣ съ врагами Вѣры, Митрополитъ Михаилъ Рогоза, какъ естественно было и ожидать, находился въ самомъ затруднительномъ положеніи, и если можно думать, что виновники Уніи навѣрное рассчитывали, что Митрополитъ будетъ приведенъ къ ней силою обстоятельствъ; то, поистинѣ, они не могли избрать лучшаго къ тому средства, какъ совершенно предоставить его силѣ этихъ обстоятельствъ—въ жертву отчаянія. Какъ высшій пастырь Западно-Русской Церкви, онъ первый долженъ былъ дать Православнымъ отчетъ въ дѣйствіяхъ подчиненныхъ ему Епископовъ и первый отвѣчать за весь ходъ Уніи.—Онъ теперь первый и подвергся нареканіямъ и обличеніямъ. Особенно сильно и не-

утомимо преслѣдовалъ его своими проповѣдями Стефанъ Зизаній (373). Но не съ этой стороны Митрополиту не было покоя. Къ нему отовсюду шли запросы отъ всѣхъ Братствъ, отъ Θεодора Скумина и князя Острожскаго, дѣлается ли съ его вѣдома и по его приказанію все то, что дѣлають Епископы (374). Митрополитъ, какъ мы видѣли, принималъ участіе въ Уніи, но не разъ отказывался отъ нея и старался было остановить поѣздку въ Римъ Поцѣя и Терлецкаго. Теперь онъ не желалъ и не думалъ вводить Уніи и мы не можемъ не раздѣлить такого убѣжденія съ умнѣйшимъ и самымъ свѣдущимъ человѣкомъ того времени Львовскимъ Братскимъ священникомъ—авторомъ Перестроги, который высказываетъ твердую увѣренность въ томъ, что теперь Митрополитъ чуждался Уніи (375).—Не желая Уніи и стараясь оправдаться передъ Православными, Митрополитъ написалъ окружную грамоту, въ которой слагалъ съ себя всякую отвѣтственность за дѣла Поцѣя и Терлецкаго, изъявлялъ готовность пострадать за Православную Вѣру и убѣждалъ всѣхъ стоять въ ней твердо, не обольщаясь ничѣмъ.—Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ писалъ и въ окружной грамотѣ и въ письмахъ къ Θεодору Скумину и князю Острожскому, что всѣ слухи объ его намѣреніи измѣнить Православію — ложны. Есть извѣстіе, что онъ даже донесъ Патріарху о самовольныхъ дѣйствіяхъ Поцѣя и Терлецкаго (376). Но всѣ его усилія оправдаться были напрасны. Однажды пробужденное подозрѣніе въ такомъ важномъ дѣлѣ—подозрѣніе въ измѣнѣ Вѣрѣ первыхъ ея защитниковъ и хранителей не легко могло уничтожиться. Обстоятельства, между тѣмъ, какъ нельзя болѣе, уся-

ливали и подтверждали это подозрѣніе. Православные мало знали или не обращали вниманія на то, что Митрополитъ, не смотря на всѣ убѣжденія короля принять Унію, взялъ отсрочку на раздуміе, просилъ совѣта Θεодора Скумина, князя Острожскаго и, не видя въ нихъ согласія, а въ Поцѣѣ и Терлецкомъ замѣчая готовность предать измѣннически Вѣру на произволь Латинянь, запретилъ виновникамъ Уніи ѣхать въ Римъ. Этого, говоримъ, Православный народъ не зналъ хорошо или не счелъ нужнымъ разслѣдовать, но теперь всѣ почти узнали, что есть какія—то грамоты на Унію самогó Митрополита, писанныя къ королю,—очевидно, пункты Уніи, посланные Сигизмунду черезъ Замойскаго и потомъ черезъ Поцѣя,—грамоты, о которыхъ, опять говоримъ, не разсуждали и не могли разсуждать,—когда они писаны и признаеть ли ихъ теперь Митрополитъ дѣйствительными; но всѣмъ было ясно, что и Митрополитъ причастенъ Уніи и что, какъ первый Пастырь, онъ во всемъ виновенъ. Поэтому, грамотѣ Митрополита защитительной не повѣрили, продолжали осуждать его и готовили ему судъ, ожидая съ величайшимъ нетерпѣніемъ Патріаршаго Экзарха, о которомъ писали многократно прозбы Патріарху (377). Никто не заговорилъ ни слова въ пользу Митрополита, ни князь Острожскій, ни даже другъ Михайла Θεодоръ Скуминъ: всѣ теперь, какъ и прежде, требовали отъ него одного—созвать соборъ (378). Цѣль этого собора была понятна. На немъ Митрополитъ долженъ былъ или осудить всѣхъ виновниковъ Уніи и рѣшительною мѣрою положить конецъ ей или, въ противномъ случаѣ, ожидать себѣ суда. Самому Митропо-

литу необходимо нуженъ былъ этотъ соборъ, если не для осужденія Уніи и ея виновниковъ, то для защищенія себя отъ сильныхъ нареканій, которыя возрастали со дня на день и грозили его безопасности.—Уступая этому всеобщему требованію и самъ надѣясь отыскать послѣднее убѣжище, Митрополитъ снова обратился къ Сигизмунду съ просьбою дозволить соборъ (379).

Посмотримъ теперь, какъ понималъ Сигизмундъ дѣла Литвы и какъ исполнялъ всеобщія требованія цѣлаго народа Литовско-Русскаго.—Онъ все зналъ, что дѣлалось въ Литвѣ и имѣлъ полную возможность видѣть со всею ясностію, что задуманная Іезуитами Унія не встрѣчаетъ никакого сочувствія въ томъ народѣ, для котораго, очевидно, должна была бы служить средствомъ къ вѣчному спасенію и мирной жизни съ Латинянами. Но не въ правилахъ Іезуитскихъ было обращать вниманіе на сочувствія и требованія народныя, какъ бы они нибыли законны. Какъ наука, такъ и жизнь по правиламъ Іезуитскимъ никогда не имѣли никакой связи съ сочувствіемъ и требованіями народовъ (380) и развѣ тогда только прикрѣплялись къ нимъ, когда Іезуитскими же кознями инстинкты и требованія народныя дѣлались нечистыми, порочными,—тогда только наука и жизнь Іезуитская сливались съ ними, т. е. когда между наукою, жизнію Іезуитскою и инстинктами и требованіями народными устанавливалась такая связь и такое единство, какое бываетъ между зломъ и зломъ. Этими началами, конечно, безсознательно руководствовался Сигизмундъ во всю свою жизнь: имъ онъ строго слѣдовалъ и въ настоящія вре-

мена.—Онъ, говоримъ, видѣлъ ясно всеобщее отвращеніе отъ Уніи и всеобщія нареканія на виновниковъ ея; но нисколько не обратилъ на это того вниманія, какое обращаютъ на голосъ народа Государи мудрые и благородные, обязанные къ этому и Богу и людямъ и собственной выгодною. Онъ, напротивъ, издавалъ универсалы то въ пользу того или другого участника въ Уніи, то въ пользу всѣхъ ихъ и каждого, кто согласится на Унію (381). Когда же это нечистое средство не производило ожидаемаго вліянія на народъ, напротивъ еще сильнѣе раздражало его; тогда Сигизмундъ обратился къ строгости и запрещалъ всѣмъ мірянамъ вмѣшиваться въ дѣло церковное, основывая это запрещеніе на томъ началѣ, что міряне не должны сами разсуждать о дѣлахъ Вѣры, а обязаны идти за своими Пастырями, куда тѣ укажутъ имъ (382). Но народъ очень ясно понималъ, что король святуго заповѣдь Церкви превращаетъ въ настоящемъ случаѣ въ пустой софизмъ, который теперь опровергали тѣже самыя лица, которымъ король повелѣвалъ повиноваться. Два Епископа отступились отъ Уніи и осуждали ее, какъ этимъ дѣйствіемъ своимъ, такъ и всѣмъ извѣстными протестами. Самъ Митрополитъ, подозрѣваемый въ Уніи всѣми, теперь говорилъ противъ нее.—Православные не обратили вниманія какъ на привилегіи, такъ и на запрещенія короля и на тѣ и другія отвѣчали многочисленными протестами противъ Уніи, которыми вездѣ наполнялись Магистраты (383). Народъ волновался больше прежняго и развѣ только глубоко сроднившаяся съ нимъ Славянская особенность — покорность предрержащей власти—избавила Литву отъ кро-

вопролитія изъ за Уніи раньше, чѣмъ введена была Унія.

Вѣроятно, сильная боязнь этого крововролитія побудила Сигизмунда исполнить всеобщее желаніе — созвать соборъ; но онъ исполнилъ его такъ, что Православные не имѣли никакой возможности воспользоваться этимъ соборомъ какъ желали; напротивъ соборъ этотъ, какъ увидимъ, нанесъ ударъ самымъ неутомимымъ обличителямъ Уніи и—ея виновниковъ. Недавній опытъ научилъ Сигизмунда недопускать всеобщаго собора или съѣзда—духовныхъ и мірскихъ лицъ. Поэтому, онъ дозволилъ Митрополиту составить соборъ въ Новогрудкѣ только изъ духовенства (384), и то не всего, а лишь своей Епархіи, почему Митрополитъ разослалъ не окружную грамоту во всѣ Епископіи отъ себя, непосредственно, а послалъ грамоту къ своему Протонотарію, который долженъ былъ повѣстить подвѣдомственное ему духовенство (385). Впрочемъ, король-ли, или самъ Митрополитъ сдѣлали исключеніе для двухъ Епископовъ—Гедеона Львовскаго, перешедшаго, какъ мы говорили, на сторону Православныхъ, и Германа или Григорія, Еп. Полоцкаго, бывшаго прежде Протонотаріемъ у Митрополита и, слѣдовательно, близкаго къ нему человѣка.—Время собора назначено на 25 Генваря 1596 года (386).—Предосторожности короля готовы были, однако, разрушиться. Такъ какъ грамота разослана была слишкомъ рано—въ Октябрѣ 1595 г., то о соборѣ узнали очень многіе духовные и свѣтскіе. Носились слухи, что на соборъ прибудетъ князь Острожскій и другіе знаменитые вельможи. Виленское Братство успѣшило также воспользоваться этими слу-

хами, хотя къ нему не была прислана грамота (387). Но и эти слухи и желаніе Братства быть на соборѣ не оправдались. Ни князь Острожскій, ни другіе вельможи не посмѣли возстать противъ короля, а Братство Виленское опоздало приѣхать на соборъ, хотя чрезвычайно спѣшило, имѣя побужденіе больше всѣхъ быть на этомъ соборѣ, какъ сейчасъ увидимъ.—Соборъ не многочисленный, стѣсненный королевскими распоряженіями, походилъ, какъ выражается Виленское Братство, не на соборъ, а на *нѣкое смятеніе* (388). Что же произвело это смятеніе? Не имѣемъ подробныхъ свѣдѣній о совѣщаніяхъ этого собора, но по соображенію нѣсколькихъ актовъ, объясняющихъ дѣйствія его, оказывается слѣдующее. Стефанъ Зизаній, какъ мы говорили, громче всѣхъ говорилъ объ измѣнѣ Владыкъ и коварствѣ Латинянъ. Молодой, смѣлый проповѣдникъ не щадилъ никого и безошадно обнажалъ истину.— Въ своихъ проповѣдяхъ онъ называлъ тогдашнее время временемъ антихриста, читалъ объ этомъ одно слово Св. Кирилла Іерусалимскаго (15-е огласительное) и поясняя его называлъ, по примѣру Протестантовъ, Папу—антихристомъ, а Латинянъ и своихъ Владыкъ—его слугами. Въ то же время онъ написалъ объясненіе Никейскаго собора, въ которомъ опровергалъ главенство Папы и другія нововведенія Римской Церкви. Проповѣди его и объясненіе Никейскаго собора въ томъ же 1595 году были напечатаны въ Вильнѣ и пущены въ народъ (389). Понятно, какое впечатлѣніе они должны были произвѣсти на Латинянъ (390), на Митрополита и на всѣхъ остальныхъ Владыкъ, не исключая самого Гедона Болобана, въ искренность обращенія котораго

Православные теперь не очень еще вѣрили (391).— Соборъ Новогрудскій и занялся разсмотрѣніемъ сочиненій Зизанія и отлучилъ его за неправославное ученіе, какъ сказано въ соборной грамотѣ (392).— Конечно, на основаніи этой грамоты и еще лучше—самаго дѣла Стефана Зизанія можно много строить теорій о Іезуитскомъ планѣ дѣйствій Михаила и объ его давнемъ, но скрытомъ усердіи къ Уніи; но при этомъ не слѣдуетъ забывать, что на соборной грамотѣ подписанъ и Гедeonъ, тогда уже отставшій отъ Уніатовъ.— Все, что мы можемъ сказать объ этомъ соборѣ—это то, что онъ дѣйствовалъ по своекорыстнымъ видамъ главныхъ лицъ, присутствовавшихъ на немъ и рѣшительно не оправдалъ возбужденныхъ ожиданій Православнаго народа.—Впрочемъ, и своекорыстные виды не много были удовлетворены. Виленское Братство подало протестъ противъ опредѣленій этого собора (393), и очень справедливый, потому что на немъ Стефанъ Зизаній и два священника Братскіе были осуждены заочно, вопреки правиламъ церковнымъ,—и когда этотъ протестъ не могъ имѣть силы, потому что послѣдовала королевская грамота, также осуждавшая отлученныхъ соборомъ (394); то Виленское Братство взяло своихъ проповѣдниковъ подъ свою сильную защиту и охраняло ихъ безопасность, не смотря ни на соборное опредѣленіе, ни даже на всеобщій, обращенный ко всей Литвѣ (?) универсалъ короля.—Сильное слово обвинителей измѣны виновниковъ Уніи и коварства Латинянъ раздавалось еще сильнѣе и теперь противъ Митрополита было не только общее всѣмъ негодованіе за гибель Церкви, но и личная вражда.—Положеніе его

сдѣлалось безвыходнымъ. Совѣсть говорила въ немъ противъ Уніи вообще и въ особенности противъ Уніи Поцѣя и Терлецкаго; онъ готовъ былъ отказаться отъ той и другой, а вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ всѣхъ личныхъ выгодъ, которыя такъ щедро расточалъ король передъ его сильнымъ самолюбіемъ; но недовѣрчивость и негодование Православныхъ преслѣдовали его на каждомъ шагу.—Такъ сильна была ненависть Православныхъ къ Уніи и къ людямъ, которыхъ они считали измѣнниками Православной Вѣры. Волненіе Литовско-Русскаго народа въ то время было такъ велико и такъ ясно предвѣщало всеобщее бѣдствіе, что даже многіе изъ Поляковъ—Латинянъ болѣе умные и добросовѣстные съ негодованіемъ смотрѣли на Унію и на Варшавскомъ коронномъ сеймѣ 1596 г. (раньше собора Брестскаго) много было распрей по этому случаю (395).

Въ этомъ волненіи Литовско-Русскаго народа, въ этихъ его усиліяхъ поразить виновниковъ Уніи нельзя не видѣть, повторяемъ, разительнаго доказательства его горячей любви къ Вѣрѣ отцовъ; но нельзя не замѣтить здѣсь и одной темной стороны, которая не замедлила отразиться въ ближайшихъ событіяхъ.—Разгоряченная ревность къ Вѣрѣ лишила защитниковъ Православія возможности спокойно и зрѣло обдумывать средства къ защитѣ этой Вѣры, а вмѣстѣ съ тѣмъ дала возможность врагамъ довести дѣло до конца и спасти Унію отъ гибели, которая по всѣмъ расчетамъ казалась неминуемою. Даемъ себѣ право также сказать, что эта же разгоряченная ревность лишила Православныхъ Митрополита, котораго одинъ санъ, одно имя слишкомъ много значили какъ для Православія, такъ и для Уніи.—

Все это отразилось ясно въ томъ неоспоримомъ и для каждаго убѣдительномъ фактѣ, что Православные упустили лучшій случай поразить Унію въ отсутствіе Поцѣя и Терлецкаго. Теперь же когда тѣ возвратились изъ Рима, было уже со всѣмъ другое. Всѣ враги теперь стали лицомъ къ лицу и правое дѣло цѣлаго Литовско-Русскаго народа должно было пасть; потому что обѣ стороны сражались неравнымъ оружіемъ,—Православные открыто, именемъ закона, совѣсти и только угрозою возстанія, а виновники и поборники Уніи—скрытною, коварствомъ и юридически—законною силою гражданскою.

Мы говорили, что еще въ Римъ пришли къ Поцѣю и Терлецкому дурныя вѣсти о ходѣ Уніи въ Литвѣ и возмутили ихъ радость среди пиршествъ въ кругу кардиналовъ. Поцѣй и Терлецкій обратили на эти вѣсти должное вниманіе и послали письмо къ Краковскому Архіепископу, котораго умоляли принять мѣры къ ихъ безопасности (396). — Какія были приняты новыя мѣры къ безопасности Поцѣя и Терлецкаго, не знаемъ. Очень можетъ быть, что по этому письму запрещено было мірянамъ являться на Новогрудскій соборъ, о которомъ мы уже говорили. — Но успѣха было мало и Поцѣй и Терлецкій, возвратившись изъ Рима, поражены были настроеніемъ умовъ (397) и въ особенности дѣйствіями Митрополита. Они теперь и приступили къ нему съ увѣщаніями и мольбою не отставать отъ Уніи (398) и видно не мало успѣли какъ въ этомъ, такъ и въ козняхъ противъ всѣхъ Православныхъ, когда согласились на вновь раздавшееся требованіе цѣлаго народа, чтобы непременно былъ

всеобщій соборъ какъ духовныхъ, такъ и мірскихъ людей или, какъ тогда выражались, — съѣздъ для примиренія обѣихъ сторонъ, т. е. Православныхъ и принявшихъ Унію, къ которымъ причислялись и Латиняне, — иначе невозможно и думать, чтобы король, Іезуиты и Поцѣй съ Терлецкимъ — рѣшились допустить такой съѣздъ, еслибы не рассчитали, что усмѣютъ въ своемъ дѣлѣ, — Уніи.

Не можемъ опять не остановиться на этихъ событіяхъ. — Они опять ясно показали, что Унія не находитъ себѣ сочувствія въ народѣ и можетъ быть введена только развѣ насиліемъ, ибо обманывать уже, казалось, было невозможно. Прежде, многіе изъ Православныхъ смотрѣли на Унію, какъ на неизбежное средство къ прекращенію невыносимыхъ притѣсненій, со стороны ожесточенныхъ Іезуитами Латинянь, надеясь при этомъ, что Унія будетъ состоять въ одномъ внѣшнемъ подчиненіи Папѣ. Теперь всѣ увидѣли, что ею прикрываются только низкіе виды Владыкъ, измѣнившихъ своему долгу, планы Польскаго Правительства и Римскаго духовенства враждебные Вѣрѣ и народности Литовско-Русскаго народа. — Всѣ убѣдились, что Унія — величайшее зло для Западно-Русской Церкви и влечетъ за собою неизчислимые бѣдствія для народа: потому-то Православные Русины и противодействовали этому злу съ такою горячію и такъ пламенно желали охранить святой Завѣтъ Востока, сроднившійся съ ихъ жизнію. Такъ смотрѣли на Унію Православные еще прежде, чѣмъ она была обнародована на соборѣ 1596 года (399) и мы скоро увидимъ всю справедливость этого взгляда, — увидимъ, какое

неизмѣримое зло внесла Унія не только въ Западно-Русскую Церковь, но и въ Литовско-Польское государство. Но не такъ смотрѣли на Унію первые ея виновники — Іезуиты. Для нихъ Унія въ настоящемъ своемъ видѣ, — въ томъ видѣ, въ какомъ ее приняли въ Краковѣ и въ Римѣ Поцѣй и Терлецкій, — была величайшимъ дѣломъ, достойнымъ самыхъ напряженныхъ усилій. Они останавливали свои взоры не на ближайшихъ событіяхъ — бѣдствіяхъ народа и государства, а на послѣдней цѣли, къ которой должна была вести Унія Литовско-Русскій народъ подъ ихъ руководствомъ. И нельзя не согласиться, что Іезуиты по ихъ понятіямъ и правиламъ имѣли вѣрный взглядъ на Литовскую Унію. Она сдѣлала чистыми Латинянами и Поляками тысячи душъ — Православныхъ по Вѣрѣ и Русскихъ по народности, а для такой цѣли чего не сдѣлаютъ Іезуиты! Взгляда Іезуитовъ держалась большая часть воспитанныхъ ими Поляковъ, которыхъ тогда уже было много и въ самой Литвѣ — и прежде всѣхъ такъ смотрѣлъ на Унію самъ король — лучший воспитанникъ и слуга Іезуитовъ. Какъ Государь, онъ долженъ былъ бы первый безпристрастно оцѣнить Унію и взвѣсить ея послѣдствія по крайней мѣрѣ теперь, когда приходилось принимать послѣднее рѣшеніе — вводить или не вводить ее. — Данныхъ для такихъ соображеній было слишкомъ много. Но, повторяемъ, Сигизмундъ не имѣлъ своего образа мыслей и своихъ дѣйствій: онъ думалъ и дѣйствовалъ, какъ думали и дѣйствовали Іезуиты. Поэтому, какъ ни грозно было волненіе народа, какъ ни ясно всѣ предвидѣли бѣдствія Уніи, Сигизмундъ рѣшился ввести ее, и какъ

только узнавъ, что Поцѣй подготовилъ дѣло, — дозволилъ (14 Іюня 1596 г.) общій съѣздъ Православныхъ, Уніатовъ и Латинянъ какъ духовнаго, такъ и мірскаго чина (400). Предосторожности взяты были слѣдующія: на соборъ запрещено являться Лютеранамъ и никто изъ вельможъ не долженъ былъ имѣть при себѣ вооруженной силы (401). По областямъ разосланы грамоты, чтобы никто не вмѣшивался въ дѣла, подлежащія духовной власти, чтобы не происходили нигдѣ мятежи и не предпринимались ни тайныя, ни явныя мѣры противъ Митрополита (402). Временемъ открытія собора грамотою Митрополита назначено 6-е Октября 1596 года (403).

Никогда въ Западно-Русской Церкви не было собора, который представлялъ бы собою такую торжественность и величіе, какъ соборъ 1596 года, въ Брестѣ Литовскомъ. На этотъ соборъ прибыли: Никифоръ-Экзархъ Константинопольскаго Патріарха въ Литвѣ и во всемъ Константинопольскомъ Патріархатѣ, человекъ известный многимъ даже Латинянамъ своею ученостію и сильными связями въ Константинополѣ (404); Кириллъ Лукарисъ-Экзархъ Александрійскаго Патріарха; Западно-Русскій Митрополитъ Михаилъ съ семью Епископами; Лука Митрополитъ Велиградскій; два Архимандрита съ Святой Горы — Макарій и Матѳей; множество Архимандритовъ, Игуменовъ, Священниковъ Западно-Русской Церкви; далѣе князь Острожскій съ сыномъ—Воеводою Волынскимъ и многочисленною свитою, — послы отъ всѣхъ областей и множество людей всякаго чина и званія (405). Представителями Латинянъ были: главнѣйшіе двигатели Уніи—Луцкій Епи-

скопъ Бернардь Мацѣвскій, Епископъ Львовскій Димитрій Соликовскій съ Іезуитами, Станиславъ Гомолинскій Епископъ Хелмскій; потомъ, Гетманъ Литовскій князь Николай Радзивиллъ, Канцлеръ Литовскій Левъ Сапѣга и Подскарбій Литовскій Димитрій Халецкій—тоже со свитами (406). Всѣ съѣхавшіеся на соборъ немедленно раздѣлились на двѣ половины. Латиняне соединились съ будущими Уніятами—Поцѣмъ и другими Епископами, неотказавшимися отъ Уніи и взяли чуть-ли не подъ стражу Михаила Рогозу (407).—Патріаршіе Экзархи и другіе представители Восточной Церкви соединились съ двумя Западно-Русскими Епископами—Гедеономъ Львовскимъ, Михаиломъ Перемышльскимъ, князьями Острожскими, послами областными; къ нимъ присоединились почти всѣ духовные и мірскіе представители Православной Западно-Русской Церкви (408). Обѣ половины представляли собою грозное ополченіе; шатры и пушки покрывали окрестности Бреста и когда обѣ стороны измѣрили взаимныя силы, то перевѣсъ на сторонѣ Православныхъ былъ такъ великъ во всѣхъ отношеніяхъ, что привелъ въ ужасъ Уніятскую половину и она обратилась съ тревожными вопросами къ князю Острожскому. Но благородный, благочестивый князь увѣрилъ ее, что спокойствіе не будетъ нарушено (409) и мы думаемъ, что слово князя было выраженіемъ мыслей большинства Православныхъ. Они такъ были увѣрены въ правотѣ своего дѣла и въ сочувствіи цѣлаго народа, что никакъ не думали обращаться къ силѣ безъ прямого вызова противной стороны и, какъ увидимъ сейчасъ, даже совершенно пренебрегли этою силою. Собираясь около Патріаршихъ Экзарховъ, двухъ

своихъ Епископовъ и всего духовенства, они, выжидали, пока Митрополитъ, согласно всегдашнему обычаю, назначить имъ мѣсто для собора (410). Но сейчасъ оказалось, что ихъ благородное обѣщаніе не нарушать спокойствія подало поводъ противной сторонѣ устроить противъ нихъ козни. Митрополита не пускали къ нимъ и укрывали отъ всѣхъ поисковъ. Православные узнали, что его даже окружаетъ военная сила. Мало того, они узнали, что Поцѣй, какъ мѣстный Епископъ, приказалъ запереть всѣ Церкви, чтобы лишить соборъ Православный приличнаго мѣста и будущія его дѣйствія церковнаго освященія (411).—Связанные благороднымъ словомъ князя они не посмѣли употребить силу и рѣшились избрать для собора частный домъ, какой можно было найти въ Брестѣ пообширнѣе. — Такой домъ предложили Протестанты (412). — Православные раздѣлились на двѣ половины — духовную и мірскую, установили порядокъ засѣданій въ обѣихъ половинахъ и, освятивъ залу духовнаго собора приличнымъ молитвословіемъ, приступили къ дѣлу (413).—Дѣйствія этого собора въ обѣихъ его половинахъ (духовной и мірской) поражаютъ насъ изумительно — вѣрнымъ знаніемъ церковныхъ и гражданскихъ—Литовско—Польскихъ законовъ и еще болѣе изумительно—строгимъ исполненіемъ ихъ. Всѣ увидѣли теперь, что Митрополитъ и окружавшіе его Епископы предають Латинянамъ свою Церковь и слѣдовательно, подлежатъ суду. Судъ этотъ Православные считали въ правѣ произвести надъ высшимъ своимъ Іерархомъ и Епископами теперь, потому что имѣли на сторонѣ своей представителей Восточныхъ Патриарховъ, уполномоченныхъ произвести этотъ судъ; —

слѣдовательно, на сторонѣ Православныхъ были судьи по власти выше Митрополита и всѣхъ Западно-Русскихъ Епископовъ, если бы даже съ Митрополитомъ дѣйствовали за одно всѣ Епископы—и Гедеоиъ и Михаилъ Перемышльскій.—Званіе Никифора Патріаршаго Экзарха не подлежало никакому сомнѣнію, потому что сами Православные просили Патріарха прислать его въ Литву (414) и теперь имъ представлена была грамота собора всѣхъ Іерарховъ Восточной Церкви, утверждавшая Никифора въ званіи Протосинкелла и Экзарха (415); были далѣе здѣсь лица съ Востока, [которые лично знали самага Никифора и видѣли его грамоту на этотъ санъ (416)]. Даже сами поборники Уніи совершенно были увѣрены въ дѣйствительности сана Никифора и высказывали сначала гласно такую увѣренность. Они расточали передъ нимъ почести и чувства дружескія, пока не убѣдились, что Никифора нельзя склонить къ Уніи (417).—Имѣя на своей сторонѣ такую строго-каноническую законность власти, Православные не колебались ни минуты ввѣрить этой власти судъ надъ дѣлами Церкви Западно-Русской и каждое дѣйствіе этой канонически-законной власти возвышало въ нихъ довѣріе къ собору.—Экзархъ Никифоръ черезъ пословъ позвалъ Митрополита на судъ, согласно съ церковными правилами судить виновнаго лично.. Посланные не находили его; соборъ продолжалъ посылать ихъ для новыхъ поисковъ. Послѣ нѣсколькихъ такихъ посольствъ, Митрополита, наконецъ, нашли въ кругу Латинянъ и получили отвѣтъ, что онъ не явится на соборъ Православныхъ (418). Соборъ теперь имѣлъ право судить виновнаго и заочно также по церковнымъ

правиламъ. Выбранный отъ собора прочиталъ грамоты Никифора къ Митрополиту съ убѣжденіемъ не приставать къ Уніи, писанныя—одна до прїѣзда на соборъ, другая—въ день самаго прїѣзда (419); затѣмъ прочитаны были всѣ «позвы» Митрополиту и послѣдній его отвѣтъ. Виновность егои единомышленныхъ съ нимъ Епископовъ не подлежала никакому сомнѣнію. Но такъ какъ осуждая Митрополита и единомышленныхъ съ нимъ Епископовъ нужно было вмѣстѣ съ тѣмъ и даже, главнымъ образомъ, осудить и Унію; то члены собора, оставивъ въ сторонѣ виновниковъ ея, занялись рѣшеніемъ вопроса объ Уніи. Сдѣлано было опроверженіе ея (420) и затѣмъ духовный соборъ обратился къ мірской половинѣ и потребовалъ ея мнѣній. Съѣздъ Православныхъ мірянъ прочиталъ посольскія инструкціи отъ всѣхъ областей и представилъ духовному собору единогласное мнѣніе, что Уніи не желаетъ весь Литовско-Русскій народъ (421). Тогда соборъ приступилъ къ окончательному рѣшенію: виновные въ Уніи—Митрополитъ и Епископы осуждены на низложеніе съ кафедръ (422). Опредѣленіе собора послано къ виновнымъ (423); затѣмъ, всѣ члены собора составили протестъ противъ Уніи и Владыкъ, принявшихъ ее (424), и отправили къ королю пословъ съ прозьбою назначить имъ новыхъ Іерарховъ (425).

Сторона Уніятская дѣлала какъ бы подражаніе Православному собору, но самое слабое и крайне-неудачное, несмотря на святость мѣста, въ которомъ производила свои дѣйствія (въ Кафедральной Церкви Св. Николая). Въ страхѣ отъ Православныхъ будущіе Уніаты окружили себя военною силою, и вопреки всѣмъ

правиламъ Церкви допустили въ качествѣ членовъ собора иновѣрцевъ—Латинянъ (426). Далѣе, подобно Православнымъ, они считали нужнымъ снестись съ непринявшими Уніи; но сносились частнымъ образомъ, не съ собора и не черезъ грамоту, а словесно, посредствомъ иновѣрцевъ—Латинянъ (427). На основаніи этихъ частныхъ и канонически незаконныхъ сношеній, они сочли неучаствовавшихъ въ Уніи виновными, руководствуясь при этомъ не обличеніемъ ихъ и ихъ формально — высказаннымъ отвѣтомъ, а тѣмъ убѣжденіемъ, что Уніи всѣ упорно противятся. Еще далѣе, Православный соборъ разсуждалъ объ Уніи и опровергалъ ее. Уніятскому собору нельзя было разсуждать объ ней и вести преній: Унія давно была рѣшена безъ собора и теперь утверждена была уже Папою; разсуждать было не объ чемъ и Уніятскій соборъ, ограничился чтеніемъ Папской утвердительной грамоты на Унію (428). Наконецъ, Православный соборъ, слѣдуя вполнѣ соборнымъ правиламъ (429), допустилъ совѣщательное участіе мірянъ, потому что дѣло касалось всего народа и его гражданскихъ отношеній къ Церкви. Уніятскому собору не кого было спрашивать о мнѣніи народа, потому что на немъ не было ни одного земскаго посла (430). Поэтому Уніятскій соборъ только объявилъ Унію, какъ дѣло рѣшенное, и представилъ отъ себя тоже протестъ королю противъ непринявшихъ Уніи, съ прозьбою низложить силою виновныхъ Епископовъ и принять мѣры противъ народа (431).

Такимъ образомъ мы видимъ, что общій съѣздъ разногласящихъ сторонъ, собравшійся для примиренія ихъ въ дѣлахъ Вѣры, какъ предполагалось въ универ-

салъ короля и въ грамотѣ Митрополита, вовсе не достигъ этой цѣли; онъ раздѣлился на двѣ половины — Православную и Латинствующую, которыя остались еще болѣе враждебными и каждая по своему рѣшила дѣло Уніи, — одна отвергла ее, другая приняла. Значитъ, произнести окончательный приговоръ о томъ и другомъ соборѣ и принять рѣшеніе того или другаго предоставлено было будущему времени, о которомъ и мы будемъ говорить послѣ. Теперь же скажемъ прежде всего, какъ рѣшали этотъ вопросъ въ настоящее время въ народѣ, когда расходился соборъ и какія были данныя для рѣшенія этого вопроса. Но много ли нужно сказать намъ и объ этомъ? Мы видѣли что весь Литовско-Русскій народъ и прежде и во время самаго собора осуждалъ Унію и виновниковъ ея и произносилъ этотъ судъ совершенно справедливо — и по мыслямъ своимъ и по церковнымъ правиламъ. Остается развѣ сказать то, какое значеніе могло имѣть опредѣленіе того и другаго собора по гражданскимъ законамъ Литовско-Польскимъ; но извѣстно, какое значеніе въ Литовско-Польской конституціи имѣло *Veto*, сказанное на общенародныхъ сѣздахъ—сеймахъ даже однимъ лицомъ. Оно получало силу закона противъ того рѣшенія, къ которому относилось.—Лица, измѣнившія Православію и принявшія новое рѣшеніе—вести Унію, услышали со всѣхъ сторонъ *Veto* отъ лица не только всѣхъ земскихъ пословъ, но и отъ представителей Церковной власти, слѣдовательно, ихъ рѣшеніе должно было для cadaго здравомыслящаго гражданина Литовско-Польскаго, какой—бы Вѣры онъ ни былъ, представляться незаконнымъ, а дѣло Православ-

ныхъ добросовѣстнымъ и юридически справедливымъ. — Но несмотря на всю очевидность и справедливость такого сужденія объ Уніи, — вопросъ объ ней рѣшали въ Литвѣ цѣлыя столѣтія и до тѣхъ поръ не рѣшили окончательно, пока не пала Польша и Іезуиты, запутывавшіе до невѣроятности всѣ средства высказать и осуществить очевидную истину.

Взглянемъ теперь на весь ходъ Уніи 1596 года и покажемъ связь ея съ ближайшими и отдаленными событіями. — Церковная Унія теперь, какъ во времена Ягеллы, Казимира и Александра, какъ во всей исторіи Церкви, была мыслию постороннею, чуждою самой Православной Церкви. — Но мысль эта, какъ мы видѣли, съ первыхъ дней соединенія Литвы съ Польшею вторгалась въ Литовско-Русскую Церковь путемъ сближенія Русиновъ съ Поляками, путемъ притѣсненій Православныхъ и путемъ намѣренныхъ безпорядковъ въ самой Западно-Русской Церкви. Окончательное соединеніе Литвы съ Польшею и дѣйствія вновь появившихся Іезуитовъ усилили это вліяніе Поляковъ на Русиновъ, — притѣсненія Православныхъ и безпорядки Западно-Русской Церкви. Въ слѣдствіе всего этого, явилось въ этой Церкви не мало людей, потерявшихъ любовь къ Вѣрѣ и Церкви Восточной и ту благородную и святую нетерпимость, которая, при всей христіанской любви къ иновѣрцамъ, никогда не допускаетъ проникнуть въ душу человѣка малѣйшему уравниенію истинъ иновѣрной религіи съ истинами исповѣдуемой имъ вѣры. Явилось не мало людей, для которыхъ Римская Церковь была равно свята, какъ и Восточная, и Унія представлялась дѣломъ вполне достойнымъ, а для боязли-

выхъ и порочныхъ людей даже спасительнымъ.—И не одна высшая Іерархія страдала такими людьми: они были и въ низшемъ духовенствѣ и между знатными дворянами и между рыцерствомъ, мѣщанами и крестьянами,—хотя, само собою разумѣется, нигдѣ они не могли составить большинства и получить перевѣсъ собственною силою. Вновь возникшее въ Западно-Русской Церкви движеніе къ улучшенію дѣлъ и исправленіе въ ней зла Патріархомъ Іереміею положили теперь рѣзкую черту различія между людьми, сохранившими чистоту Вѣры среди всѣхъ бѣдствій и соблазновъ, и людьми въ душѣ уже отторгшимися отъ своей Церкви. Борьба, возникшая между этими овцами и козлищами, направляемая кознями Іезуитовъ, сдѣлала Унію для многихъ изъ козлищъ необходимымъ, единственнымъ убѣжищемъ, но сознание этой необходимости было поддерживаемо столь разнообразными побужденіями и этими побужденіями Іезуиты такъ искусно опутали даже не думавшихъ никогда объ Уніи, что измѣняли Православію или дѣлали къ этому уже первый шагъ даже такіе люди, которыхъ никто не подозрѣвалъ способными къ этому. Такъ по нашему мнѣнію подготовилась Унія и этимъ только, какъ намъ кажется, и можно объяснить, какимъ образомъ случилось рѣдкое явленіе въ Церковной исторіи, что всѣ предстоятели помѣстной Церкви одного времени измѣняли первому своему долгу—блюсти цѣлость и чистоту ученія своей Церкви.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что дѣйствительныя причины Уніи были выше всѣхъ частныхъ побужденій, расчетовъ и дѣйствій того или другаго дѣятеля Уніи и лежали гораздо глубже въ исторіи Литовско-Русскаго

народа, нежели какъ представляютъ это многіе писатели Православные и неправославные, заинтересованные въ Уніи или неимѣвшіе возможности изучить ее.— Всѣ указываемыя ими причины Уніи были только вызовомъ этого событія, а не причинами, какъ это всегда и бываетъ при всѣхъ великихъ переворотахъ въ жизни народовъ.—Поэтому, напрасны всѣ попытки отыскать одну или нѣсколько ближайшихъ причинъ Уніи. Сколько бы ни трудились изслѣдователи Уніи Литовской придумывать такія причины, изъ этихъ причинъ будетъ слѣдовать Унія Терлецкаго — какъ его частный, личный поступокъ, Унія Михаила Рогозы, Унія Поцѣя и другихъ; но никакъ не будетъ слѣдовать Унія всѣхъ ихъ вмѣстѣ и тѣмъ менѣе — Унія въ Западно-Русской Церкви, какъ событіе, увлекшее тысячи душъ и лежавшее тяжелымъ бременемъ надъ Литовско-Русскимъ народомъ въ продолженіе цѣлыхъ столѣтій.

Конецъ перваго тома.

З А М Ъ Ч А Н І Я

ОБЪ ИСТОЧНИКАХЪ

ДЛЯ ИСТОРИИ ЛИТОВСКОЙ ЦЕРКОВНОЙ УНІИ.

—

Источники для Исторіи Церковной Уніи чрезвычайно богаты и разнообразны. Литовская Унія явилась въ такомъ государствѣ, въ которомъ важнѣйшія дѣла рѣшались приговоромъ представителей народа и гдѣ до крайности развилась охота и свобода высказывать публично все, что ни придетъ въ голову. Этимъ обстоятельствамъ, очень несчастнымъ для Литовско-Польскаго государства, мы обязаны необычайнымъ богатствомъ высказанныхъ объ Уніи мыслей. Объ Уніи говорилъ открыто цѣлый народъ, а подобный говоръ не можетъ не сохраниться во множествѣ памятниковъ, если этотъ народъ довольно знакомъ съ письменностію, а народъ Литовско-Польскій, дѣйствительно, находился на значительной степени умственнаго развитія съ

самого начала Унії и любилъ писать почти настолько же, насколько любилъ судить, да ридить обо всемъ.— Далѣе, Унія была такимъ событіемъ, на которое никто изъ мыслящихъ людей Литовско-Польскаго государства не могъ смотрѣть равнодушно. Объ Унії пѣли надъ колыбелью младенца и словомъ объ Унії напутствовали умирающаго. Событіе это обхватывало всѣ думы, желанія и цѣли жизни большинства народа. Понятно, сколько мыслей, чувствъ должно было излиться изъ души этихъ людей?!—Изучая внимательно всѣ эти обстоятельства, невольно приходишь къ заключенію, что весь Литовско-Польскій народъ писалъ исторію Унії и писалъ не по годамъ, а нерѣдко по днямъ и по часамъ. Но не краснорѣчивыя ли только это выраженія, не преувеличеніе ли? Загляните въ древніе архивы администраціи свѣтской и духовной или, если это вамъ не возможно, разузнайте, сколько тамъ матеріаловъ для Унії; спросите какого-нибудь библіофила Литовскаго или Польскаго, есть-ли у него какой-нибудь памятникъ Унії,—вы тогда убѣдитесь, что высказанное нами сужденіе объ источникахъ Унії можетъ имѣть буквальный и самый строгій смыслъ.—Конечно едвали есть между изслѣдователями Унії такой счастливецъ, который прочиталъ бы, не говоримъ уже, — все, что передано бумагъ объ этомъ событіи, но лишь все главное, потому что большая часть памятниковъ Унії разсѣяна по разнымъ, не близкимъ по разстоянію, Архивамъ (наприм. архивъ Святѣйшаго Синода, Львовскій Митрополичій, архивъ Виленской и Варшавской капитулъ, Библіотеки—Кіевская Университетская и Академическая, Могилевской, Полоцкой,

Виленской Семинаріи, вообще архивы Западно-Русскихъ Консистерій, монастырей) и даже по частнымъ рукамъ. Но не смотря на эту громадность не-общедоступнаго богатства памятниковъ Уніи, никакъ нельзя сказать, что поэтому и изслѣдованія Уніи не могутъ быть вполне удовлетворительны, пока не будетъ обнародовано все это рукописное богатство ея. До сихъ поръ уже обнародовано очень много изъ цѣлой массы источниковъ Уніи. Нашему Правительству мы обязаны громаднымъ трудомъ—изданіемъ 1) Актовъ Западной Россіи, 2) *Historica Russiae monumenta*, 3) *Supplementum ad historica Russiae monumenta*, 4) Актовъ Виленскихъ, 5) Актовъ Минскихъ; сюдаже отчасти можно причислить и 6) Памятники Кіевской Коммиссіи. —Въ этихъ изданіяхъ самый прочный и разнообразный матеріалъ для исторіи Уніи. Впрочемъ, мы должны замѣтить, что здѣсь отнюдь нельзя найти всего, что необходимо для основы исторіи Уніи. При внимательномъ изученіи всего этого богатства, дѣйствительно, чувствуется большой недочетъ того же богатства, т. е. такихъ памятниковъ, которые бы пополняли встрѣчаемые здѣсь пробѣлы. Гдѣ же найти пополненіе подобныхъ пробѣловъ?—Неопытный изслѣдователь непременно придетъ къ тому заключенію, что оно находится развѣ въ неизданныхъ еще рукописяхъ или совершенно утрачено. Мы и сами прежде такъ думали, потому что въ примѣчаніяхъ къ Актамъ Западной Россіи (самымъ главнымъ источникамъ для исторіи Уніи) сведены, повидимому, всѣ памятники этого событія, такъ что невольно приходишь къ заключенію: какой необходимый памятникъ здѣсь не указанъ, того уже вѣрно нигдѣ нѣтъ, и та-

кое заключеніе тѣмъ болѣе естественно и, повидимому, справедливо, что въ этихъ примѣчаніяхъ, особенно въ 4-мъ томѣ — самомъ важномъ, очень часто говорится что такой или другой напечатанный здѣсь памятникъ вовсе не былъ извѣстенъ ни нашимъ, ни Уніятскимъ писателямъ (прим. 12, 40, 60, 66, 79...), или что о такомъ или другомъ событіи нѣтъ свѣдѣній въ памятникахъ Уніи (37, 42....). Слѣдовательно, почтенный редакторъ Актовъ, составлявшій эти примѣчанія (покойный протоіерей Григоровичъ) пересмотрѣлъ всю Литературу Уніи. Но да не оскорбится память достоуважаемаго редактора первыхъ четырехъ томовъ Актовъ Западной Россіи. Подобныя примѣчанія его совершенно несправедливы. Рѣшительно всѣ, по мнѣнію его, неизвѣстные акты или событія были извѣстны Православнымъ или Уніятскимъ писателямъ и почти всѣ давнымъ давно напечатаны, и мало того, рядомъ съ ними напечатаны давнымъ давно такіе изъ важнѣйшихъ актовъ Уніи, которые были неизвѣстны редактору и изданіе которыхъ составляло бы теперь открытіе, по важности своей не уступающее изданію рукописей (какъ напримѣръ грамота на Унію 1591 года и универсалъ объ этомъ Сигизмунда 1592 года, далѣе грамоты Патріаршаго Экзарха Никифора къ Митрополиту Михаилу Рогозѣ и нѣсколько другихъ). И мы объявляемъ это не къ униженію неоспоримаго достоинства трудовъ почтеннаго редактора актовъ Западной Россіи, а для предохраненія другихъ отъ одного немаловажнаго заблужденія, которому мы сами было подверглись и которое уже повторилось въ статьѣ Православнаго Собесѣдника— «начало Уніи.»—Заблужденіе это состоитъ въ томъ,

будто нечего и искать памятниковъ, неизвѣстныхъ редактору актовъ Западной Россіи. Гдѣ же это драгоценное дополненіе Актовъ Уніи? Въ Западно-Русской полемиической Литературѣ Уніи, которая, къ сожалѣнію, не вполне была знакома почтенному редактору актовъ Западн. Россіи —

Извѣстно, что Литовская Церковная Уніа гораздо раньше излагалась на бумагѣ, нежели введена была на самомъ дѣлѣ. Еще гораздо раньше 1590 г., начали появляться въ Литвѣ разныя сочиненія, имѣвшія близкую связь съ Уніею или, яснѣе говоря, написанныя объ Уніи и для Уніи. Таковы сочиненія:

1, Посевина — *Moscovia (Wilna... 1586)*.

2, *O poprawie Kalendarza-Grodzickiego Soc. Ies: (w Wilnie 1587)*.

3, Его же—*O jednej osobie w używaniu Sacramentu ciała pańskiego (тамъ же 1589)*.

4, *O zgradzcie i iedności Kosciola Bożego pod jednym pasterzem—Скарги 1591 года—и какъ опроверженіе ихъ—*

5, *О единствѣ Вѣры—Василія и —*

6, *О флорентійскомъ соборѣ—Острожскаго клирика—вѣроятно того же Василія; далѣе, сочиненія Зизанія.*

7, *Объясненіе Никейскаго собора, 1595 г.*

8, *Собраніе словъ Кирилла Іерусалимскаго; —вполнѣ изд. 1599 г., но въ отрывкахъ печаталось еще въ 1595 г., — и какъ опроверженіе ихъ —*

9, *Kaokol, który rozsiewa Zyzanj (przez Żebrowskiego. 1595 г.) и другія.—Правда во всѣхъ этихъ сочиненіяхъ рѣшаются вопросы большею частію Богословскіе, исторіи почти нѣтъ; но едвали изслѣдова-*

тель Уніи оставить ихъ безъ вниманія. Они для него важны, потому что обличаютъ настроеніе умовъ передъ Унією, сильное желаніе ея въ однихъ и отвращеніе отъ нее въ другихъ, а по мѣстамъ—и проблески плана Уніи.

Далѣе началась,—какъ извѣстно уже очень многимъ, благодаря изданію Актовъ Западной Россіи,—самая дѣятельная переписка объ Уніи, какъ положительное или полемическое изложеніе дѣла. Разумѣемъ время, главнымъ образомъ, отъ 1590 до 1596 г.—Грамоты, универсалы, дружескія и враждебныя письма перелетали изъ Польши въ Литву и изъ одного конца Литвы въ другой.—Многое изъ этой переписки дѣлалось общеизвѣстнымъ тогда же или очень скоро, потому что тогда было время такой напряженной дѣятельности обѣихъ враждебныхъ сторонъ и такъ рѣзко и неожиданно измѣнялись отношенія переписывавшихся лицъ, что тайна Уніи не могла не обнаруживаться. Тогда прежніе друзья дѣлались врагами и старались обнародовать все, что могло вредить врагу въ мнѣніи народа и этимъ колебать Унію или Православіе.—Особенною способностію открывать тайну отличались Братства какъ Православныя, такъ потомъ и Уніятскія. Имѣя многочисленныя связи съ знаменитыми лицами и даже съ высшими, присутственными мѣстами, они узнавали самыя задушевыя тайны своихъ враговъ и пускали ихъ въ народъ. Мы не можемъ здѣсь показать,—гдѣ и что обнародовано изъ этихъ тайнъ; потому что пишемъ не библиографію Западно-Русскую, а только замѣчанія объ источникахъ Уніи. Впрочемъ, читатель найдетъ эти указанія въ примѣчаніяхъ къ нашему труду. Здѣсь

же мы покажемъ только характеристическія черты Западно-Русской полемики и важнѣйшія сочиненія этого рода.

Утвердилось у насъ почти всеобщее мнѣніе, что Литовская Унія введена лишь насиліемъ, преслѣдованіями Православныхъ. Подъ вліяніемъ этого взгляда Унія обыкновенно представляется, какъ картина страданій, мученій, казней,—что, разумѣется, дѣлаетъ исторію Уніи вовсе неинтересною для того, кто ищетъ въ событіи мысли, а не ужасныхъ и нерѣдко бессмысленныхъ сценъ, въ которыхъ представляется, съ одной стороны, буйство, звѣрство, а съ другой, возмутительное страданіе. Что сказать объ этомъ взглядѣ на Унію и объ этомъ способѣ излагать ее? Дѣйствительно, употреблялось тогда много варварскихъ мѣръ для утвержденія Уніи, которыя въ настоящее время способны возбуждать только отвращеніе, особенно если не знать—вездѣ ли эти мѣры могли быть приведены въ исполненіе и однимъ-ли терпѣніемъ и протестами отдѣльвались отъ нихъ Православные. Но мы полагаемъ, что видѣть въ Уніи одно внѣшнее насиліе, одни гоненія значить слишкомъ мало понимать страданія и твердость Литовско-Русскихъ Православныхъ во время Уніи и настойчивость поборниковъ Уніи.—Рядомъ съ этими варварскими мѣрами и магометанскими гоненіями употреблялись съ той и другой стороны мѣры чисто европейскія, цивилизованныя—убѣжденія, разсужденія, расказы въ пользу или противъ Уніи, въ формѣ проповѣдей, публикацій, брошюркъ, посланій и цѣлыхъ сочиненій.—Такимъ образомъ, подлѣ возмутительной картины гоненій и страданій развертывалась болѣе до-

стойная послѣдованій и болѣе важная по своимъ послѣдствіямъ картина словеснаго, ученаго спора—картина религіозной полемики. На эту обширную и самую заманчивую въ свое время арену выступали сотни борцовъ самыхъ разнообразныхъ званій, чиновъ, дарованій, образованія и добросовѣстности. Они вооружались самымъ разнообразнымъ оружіемъ, схватывали на лету и поражали или защищали каждое событіе, каждый случай, каждую мысль, если усматривали въ нихъ хоть малѣйшую опору для себя и поражение для противниковъ, а типографіи, разсѣяныя тогда по всей Литвѣ, даже по самымъ ничтожнымъ мѣстечкамъ въ родѣ Заблудовья (около Бѣлостока) воспроизводили и обнародовали этотъ горячій и непрерывный споръ. Этимъ то путемъ въ продолженіе слишкомъ двухъ столѣтій (съ конца XVI-го и до начала XIX-го столѣтія) явились въ Литвѣ и Польшѣ тысячи сочиненій объ Уніи на Польскомъ, Западно-Русскомъ и Латинскомъ языкахъ,—сочиненій, которыми теперь наполнены почти всѣ монастыри Литовскіе, Польскіе и Галицкіе, какъ Православные, такъ Уніятскіе и Латинскіе, и которыя еще недавно попадались у бродячихъ книгопродавцевъ, Литовскихъ Евреевъ, а можетъ быть, и теперь еще попадаютъ.—Конечно, во всѣхъ этихъ сочиненіяхъ слишкомъ много пустого для людей, мало знающихъ Унію и слишкомъ много старого, сто разъ повтореннаго—для специалистовъ по Уніи; но много между ними такихъ сочиненій, которыя неоспоримо важны и драгоцѣнны для всякаго, кто берется за Унію. Нѣтъ также сомнѣнія и въ томъ, что на первыхъ порахъ очень легко потерять вѣру въ достоинство даже

лучшихъ изъ этихъ сочиненій; потому что истина въ нихъ до такой степени представляется запутанною при самомъ легкомъ сличеніи одного сочиненія съ другимъ, что много нужно терпѣнія, чтобы рѣшиться разобрать всю эту путаницу.—Но отсюда, какъ само собою разумѣется, еще не слѣдуетъ, что въ этихъ сочиненіяхъ нельзя найти истины. Напротивъ, она въ нихъ нерѣдко пробивается слишкомъ ясно и рѣзко. Писались, можно сказать, въ попыхахъ апологій, критики Уніи или Православія и въ нихъ обнаруживалось все, что только можно было найти неблаговиднаго у противной стороны. Вслѣдъ за тѣмъ, также торопливо писались антикритики и новыя апологій, въ которыхъ писатели старались подмѣтить и выставить прежде всего обмолвки, недосмотры и вообще промахи своихъ противниковъ. Эти послѣдніе въ свою очередь писали вновь и уже съ большою осторожностію апологій и критики и наполняли ихъ также промахами своихъ соперниковъ. Въ этихъ то промахахъ, обмолвкахъ и недосмотрахъ изслѣдователь Уніи найдетъ самый богатый матеріалъ для своего предмета, не говоримъ уже о томъ, что тутъ же онъ найдетъ и такія данныя, которыя не могли быть предметомъ длинныхъ споровъ, какъ, напримѣръ, грамоты и для всѣхъ неоспоримые факты.—Но и это еще не составляетъ всего богатства этихъ сочиненій. Случалось иногда, что одна сторона совершенно утомлялась въ борьбѣ, а между тѣмъ, чувствовала, что молчаніе будетъ для нее ужаснымъ пораженіемъ. Въ такомъ случаѣ, она иногда рѣшалась на необычайное средство,—высказывала часть подноготной истины, не извѣстной противнику и этимъ по-

ражала такія изъ его обличеній, противъ которыхъ, повидимому, ничего нельзя было сказать.—Само собою разумѣется, что открывать все это не легко и возможно не иначе, какъ при изученіи всей Западно-Русской полемики въ связи со всею Литовско-Польскою исторією; но понятно каждому, какъ необходимо предпринимать такой трудъ и какъ важны при этомъ всѣ тѣ сочиненія, о которыхъ мы говоримъ. Перечислимъ важнѣйшія изъ такихъ сочиненій, поставляя ихъ въ связь между собою и съ исторією Уніи, насколько это позволяетъ намъ наше знаніе дѣла.

Первымъ открытымъ событіемъ Уніи и въ тоже время первымъ камнемъ преткновенія къ введенію ея въ жизнь Литовско-Русскаго народа былъ безспорно соборъ Брестскій 1596 года, на которомъ объявлена Унія одною половиною его членовъ и отвергнута другою. Двѣ эти половины собора или, лучше, два отдѣльные собора стали руководителями двухъ несоразмѣрно различныхъ по числу и нравственному характеру половинъ Литовско-Русскаго народа—Православной и Уніятской, Для каждой изъ этихъ сторонъ слишкомъ важно было имѣть твердыя убѣжденія въ законности своего собора и незаконности собора противной стороны и для этого имѣть печатное руководство.— Одновременно явилось два такихъ руководства съ той и другой стороны,

1.) О Бресткомъ Соборѣ—анонимъ (писалъ Іезуитъ Петръ Скарга.) Въ немъ излагается дѣяніе Уніятскаго собора Брестскаго, осуждается Соборъ Брестскій Православный (оборона Брестскаго Собора) и приложены Богословскія разсужденія объ Уніи. Издано 1597 го-

да—книга очень рѣдкая; печаталась отдѣльно и въ собраніи сочиненій Скарги. Мы не могли найти ея и должны были ограничиться изложеніемъ и опроверженіемъ ей содержанія въ Апокрисисѣ.

+ 2.) Въ томъ же 1597-мъ году появилось такое же сочиненіе отъ лица Православныхъ подъ заглавіемъ: *Ekthesis abo krótkie zebranie spraw, ktore się działy na partykularnym, to iest, pomiastnym Synodzie w Brzesciu Litewskim. W Krakowie roku od stworzenia swiata 7104, A od wcielenia Pana naszego Jesusa Chrystusa 1597.* Кто писалъ—неизвѣсто. Въ сочиненіи этомъ тоже очень рѣдко (есть въ Императорской Публичной Библіотекѣ) изложены дѣянія Православнаго Брестскаго Собора по порядку четырехдневныхъ его засѣданій; помѣщены двѣ грамоты къ Митрополиту Михаилу Рогозѣ Никифора—Патріаршаго экзарха; далѣе—изложены причины Уніи или частнѣе—причины отступленія Митрополита и единомышленныхъ ему владыкъ и соборное опредѣленіе противъ нихъ съ многочисленными подписями присутствовавшихъ на соборѣ духовныхъ лицъ,

Оба эти сочиненія написаны одновременно и потому не имѣютъ полемическаго характера по отношенію другъ къ другу.—Они составляютъ преддверіе къ полемикѣ по дѣлу Уніи и неопѣненны, какъ по своей древности, такъ еще болѣе потому, что весьма богаты историческимъ содержаніемъ. Они вызвали два собственно полемическія сочиненія, столь же замѣчательныя по богатству историческихъ данныхъ и по необычайнымъ усиліямъ авторовъ высказать все. Первое—

3.) Апокрисисъ, albo отвѣдъ на книжки (множественное число «книжки»), какъ видно изъ содержа-

нія Апокрисиса, не означаетъ нѣсколькихъ сочиненій, а главы—хіеги, книжки одного сочиненія) о съборѣ берестейскомъ именемъ людей старожитной релѣи греческой черезъ Христофора Филалета (псевдонимъ) врихлѣ дана.—Посвящено Яну Замоискому съ тою цѣлію, чтобы всѣми уважаемое имя Замоискаго спасло сочиненіе отъ сожженія Латинянами. Въ посвященіи обозначепъ 1597 мѣсяць Октябрь по старожитному, т. е. по старому стилю.—Содержаніе этой книги слѣдующее: Часть 1. О поступкѣ Синодальномъ въ берестью релѣи Греческой. Часть 2. О околичностяхъ поступку людей релѣи Греческой. Часть 3. О монархіи, албо единовластіи костельномъ папезовъ римскихъ, (разсужденія объ Іерархіи, ея отношеніяхъ къ мірянамъ и о соборахъ). Часть 4. О наганахъ (укоризнахъ) патріархіи царигородской и похвалахъ едноти (Уніи) а сполечности (соединенія) съ римскимъ костеломъ.—Крашевскій (Wilno т. 4 стр. 141—142) говоритъ, что писалъ это сочиненіе Мелетій Смотрицкій, но это совершенно несправедливо: и слогъ, и взглядъ здѣсь не Смотрицкаго. Другіе говорятъ, что писалъ это сочиненіе какой-то Христофоръ Бронскій. Уніятскіе и Латинскіе писатели утверждали, что написалъ эту книгу Протестантъ. Мнѣніе это настолько справедливо, что разсужденія Апокрисиса о Церкви и Соборахъ дѣйствительно неправославны.—Они изложены въ третьей части Апокрисиса и изслѣдователь Уніи могъ бы ихъ оставить безъ всякаго вниманія, еслибы ему не было извѣстно, что Уніаты разборомъ этихъ разсужденій третьей части Апокрисиса смутили не одного изъ Православныхъ христіанъ Западно-Русскихъ.—Но эти неправославныя раз-

сужденія третьей части Апокрисиса нисколько не унижаютъ историческаго достоинства первой, второй и четвертой части его.—Здѣсь все почти исторія и исторія необычайно дѣльная. Множество грамотъ, самыхъ повидимому недоступныхъ автору и множество очевиднѣйшихъ фактовъ дѣлають эту книгу настольною для изслѣдователя Уніи. Жаль только, что и она тоже довольно рѣдкая книга,—впрочемъ попадаетъ чаще прежнихъ, (есть въ Императорской Публичной Библіотекѣ и въ Библіотекѣ С.-Петербургской Духовной Академіи). Сочиненіе это, не смотря на неправославныя мысли третьей части, долгое время составляло гордость многихъ Западно-Русскихъ Православныхъ. Они прямо говорили Уніатамъ съ насмѣшкою, что противъ этой книги не написано ничего дѣльнаго. (Weryficiatia—предисловіе). Понятно, послѣ этого, какъ желательно и, въ то же время, какъ трудно было Уніатамъ найти дѣльнаго критика этой книги. Не скоро они нашли его, а между тѣмъ, предстоящій такому писателю трудъ еще болѣе увеличился. Появилось въ слѣдующемъ году сочиненіе подъ именемъ—

4.) Клирика Острожскаго о Флорентійскомъ Соборѣ изд. 1598 и въ слѣдующемъ, кажется, году—образцовое сочиненіе Львовскаго священника —

5.) Перестрога.—Сочиненіе это объясняетъ сношенія Западно-Русской Церкви съ Константинопольскимъ Патріархомъ,—тайныя дѣйствія виновниковъ Уніи (не вездѣ, впрочемъ, вѣрно), дѣйствія собора 1596 года,—далѣе, говоритъ о страданіяхъ и мученической кончинѣ Патріаршаго Экзарха Никифора и въ концѣ рассуждаетъ о главенствѣ Папы весьма рѣзко, но очень

дѣльно.—Съ этими то всѣми сочиненіями Эктезисомъ Анокрисисомъ и Перестрогою и пришлось бороться тому Уніятскому писателю, котораго, какъ мы сказали, искали Уніаты.—Этотъ трудъ принялъ на себя, какъ говорятъ (напр. Стебельскій) грекъ Аркудій, прибывшій изъ Рима съ Поцѣемъ. Онъ писалъ свое опроверженіе на Латинскомъ языкѣ. Даниль Ланчицкій издалъ его въ польскомъ переводѣ въ 1600 году. Заглавіе этого сочиненія таково:

6.) *Ἀντίρρησις* abo Apologia przeciwko Krzystofowi Philaletowi który niedawno wydał kziażki imieniem Starożytniej Rusi religij greckiej przeciwko książkom o Synodzie Brzeskim napisanym w roku pańskim 1597... Dla wiadomości wszystkim miłośnikom zgody i iedności i przeciwnikom jej na przestroгę niadawno wydaną... (въ предисловіи стр. 5.)—Задача автора, какъ мы сказали, была очень трудная и это онъ самъ созналъ. Въ началѣ своего сочиненія онъ говоритъ, что... podobnoy i sam diabeł z piekła wylazszy nie mógł gorzeу nieprawdy zmyslec и въ противоположность псевдониму автора Анокрисиса—Христофоръ Филалеть называетъ его Diawolofoг i Philosophopseudis. Съ этимъ то, такъ сказать, псевдонимнымъ Діаволофоромъ и Философопсевдомъ авторъ борется тѣмъ же оружіемъ, которое самъ осуждаетъ въ немъ, т. е. всевозможною ложью въ родѣ того, что виновники Уніи открыто составляли свой замысль на Унію, что на Унію сначала всѣ были согласны, что Никифоръ былъ самозваннымъ Экзархомъ и т. под. нелѣпостями.—Но все это оказывалось слабымъ и недостаточнымъ.—Поэтому авторъ прибѣгъ къ тому чрезвычайному средству, о которомъ мы преж-

де говорили. Онъ высказалъ значительную долю истины, описавъ ходъ совѣщаній на Унію Еписковъ, въ подтвержденіе чего напечаталъ нѣсколько неизвѣстныхъ до тѣхъ поръ актовъ, какъ напримѣръ, грамоту на Унію 1592 г., нѣкоторыя письма Поцѣя къ князю Острожскому, письмо объ Уніи князя Острожскаго къ Поцѣю и указалъ на собственноручные пункты Уніи Михаила Рогозы, писанные въ 1594 г.—Вообще признанію автора этого очень много чтó собственной дѣлаетъ его сочиненіе драгоценнымъ памятникомъ Уніятской полемики. — Въ Императорской Публичной Библиотекѣ есть и Русскій переводъ этой чрезвычайно рѣдкой книги.

Послѣ этой полемики, продолжавшейся непрерывно въ продолженіе четырехъ лѣтъ и необычайно оживленной, противники положили перья какъ бы для кратковременнаго отдыха или, лучше сказать,—для того, чтобы бороться въ судахъ именемъ закона и на площадяхъ въ шумныхъ и нерѣдко кулачныхъ спорахъ. Уніаты истощили свои усилія въ Антиррисисѣ, а Православные посмѣялись надъ этими усиліями и, кажется, ничего не написали въ отвѣтъ ему. Такъ по крайней было въ 1608 г. Уніаты написали только нѣсколько брошурокъ подъ заглавіемъ.

1.) *Heresiae, Ignorantiae, Polityka porow i mieszczan Bractwa Wilenskiego* и—

2.) *Harmonia albo concordantia wiary, Sacramentów i Ceremonij Cerkwi Orientalnej z Kosciółem Rzymskim.* Эти сочиненія вызвали на поприще полемики даровитѣйшаго и образованнѣйшаго человѣка, который слишкомъ двадцать лѣтъ волновалъ умы всѣхъ и который сдѣлалъ и для Православія и для Уніи столько добра

и зла, что заслужилъ у Православныхъ названіе оракула и потомъ отверженника, а у Латинянъ и Уніатовъ имя Савла и Павла. Говоримъ о Мелетіѣ Смотрицкомъ, плодовитѣйшемъ писателѣ и самомъ непостоянномъ человѣкѣ, который и учеными трудами и дѣлами равно доказалъ и любовь свою къ Православію и любовь къ Уніи и всею своею жизнію завѣщалъ потомству развѣ одну мысль разумную и не противорѣчивую, что въ тѣ времена необычайно трудно было сохранить невредимыми убѣжденія Православной Вѣры даже для лучшихъ людей по уму, образованію и жизни.—Мы намѣрены изложить въ особой статьѣ жизнь и труды этого человѣка, чрезвычайно замѣчательнаго и,—смѣемъ сказать,—до сихъ поръ мало понятаго, а теперь только вкороткѣ изложимъ его участіе въ полемикѣ Уніятской.

Противъ всѣхъ указанныхъ нами сочиненій появилась книга подъ заглавіемъ.

7.) Antygrafi albo odpowiedź na Script uszczypliwy przeciwko ludziom Starożytnej Religij Greekiej od Apostatow Cerkwie Wschodniej wydany, ktoremu tytuł Heresiae, Ignorantiae i Polityka Popow i Mieszczan Bractwa Wileńskiego tak i na хазкѣ rychło potym na objasnienie tegoż Scriptu wydaną nazwiskiem Harmonią W Wilnie r 1608 przez iedne go brata bractwa cerkiewnego Wilenskiego Religiej Sfarożytnej Greekiej w poruwczo wydana.—Мы думаемъ, что сочинилъ эту книгу Смотрицкій. Написана она поспѣшно и большею частію догматическаго содержанія, но въ ней пробивается замѣчательная способность писать и оцѣнивать мѣры Уніатовъ къ распространенію Уніи.—Болѣе дѣль-

ное и въ свое время чрезвычайно важное сочиненіе вышло изъ подъ пера Смотрицкаго въ 1610 году подъ заглавіемъ.

8.) *Θρήνος* то іест Lament jedynej powszechnej Apostolskiej Wschodniej Cerkwie z objaśnieniem dogmat wiary, — pierwiej z greckiego на Словіенскі, а teraz з Словіенскаго на Польскі przetłomaczony przez Theophila Orthologa, teyże Wschodniej Cerkwie syna, w Wilnie r. 1610 (Есть въ Императорской публичной Библиотецѣ и въ Литовской Семинарской).—Основною для этого сочиненія послужило изложеніе Вѣры Кирилла Лукариса (такъ думаетъ М. Евгеній) впрочемъ, не то, которое подъ его именемъ издано было въ послѣдствіи Протестантами, но которое Лукарисъ написалъ въ Литвѣ будучи ректоромъ Острожской школы и которое Мелетій перевелъ теперь на Польскій языкъ и приложилъ въ концѣ своей книги, какъ сокращеніе всѣхъ главныхъ мыслей, изложенныхъ въ самомъ *Θρήносі*.—Мысли эти изложены въ *Θρήносі* въ формѣ Элегіи, главные положенія которой могутъ быть представлены въ слѣдующемъ порядкѣ: чистое, святое ученіе Церкви искажается еретиками и схизматиками и Церковь терпитъ отъ нихъ жестокія страданія, но всегда готова принять ихъ.—Всѣ эти положенія примѣняются къ Церкви Константинопольской, Западно-Русской и обставляются обличеніями и увѣщаніями Уніятамъ.—Поэтому *Θρήносі* при своемъ элегическомъ и догматическомъ характерѣ заключаетъ въ себѣ по мѣстамъ историческія свѣдѣнія, объясняющія тогдашнее состояніе Западно-Русской Церкви.—Сочиненіе это въ томъ же году вызвало опроверженіе, написанное даровитѣй-

шимъ человѣкомъ того времени Петромъ Скоргою, котораго Латиняне и Уніаты называли вторымъ Златоустомъ.—Скарга обратилъ вниманіе въ своемъ сочиненіи на самую беззащитную часть Θриноса, т. е. на чувства и потому далъ даже такое названіе своей книгѣ, которое должно было вызывать улыбку въ каждомъ,—именно онъ такъ назвалъ свое опроверженіе Θриноса.

9.) *Na treny u Lamenty Theophila Orthologa do Rusi przestroga* г. 1610. Сочиненіе краснорѣчивое, но очень небогатое историческимъ содержаніемъ. Въ такомъ же родѣ написано было въ 1612 году и другое опроверженіе Θриноса Мороховскимъ подъ заглавіемъ—

10.) *Paręuoręia* albo utulenie uszczypliwego lamentu cerkwie Wschodniej zmyślonego Theophila Orthologa w Wilnie 1612 г. (есть въ Императорской Публичной Библиотецѣ и въ Литовской Семинаріи).—Оба эти сочиненія тѣмъ только и замѣчательны, что показываютъ, какъ сильно дѣйствовалъ на умы Θриносъ, который потому особенно нравился Православнымъ и возмущалъ Уніатовъ, что выставлялъ на видъ самую сильную опору Православныхъ и укоръ Уніи—неразрывную связь и согласіе Западно-Русской Церкви съ Церковію Вселенской. Уніаты приготовили опроверженіе этой мысли съ совершенно новой стороны.—Мы разумѣемъ высказанную Поцѣмъ мысль объ Уніи въ Западно-Русской Церкви въ древнія времена и объ разногласіи ея съ Греческою. Эту мысль, какъ видно изъ Перестроги (Акт. Западн. Росс. т. 4 № 149 стр. 229), Поцѣй высказывалъ еще въ 1598–9 году. Въ это вре-

мя онъ собиралъ древніе памятники Западно-Русской Церкви и издалъ книгу подъ заглавіемъ —

11.) *Księga przywilejow jedności*, — въ которой изложилъ королевскія грамоты прежнихъ временъ, представлявшія Русинамъ тѣ или другія права. Поцѣй всѣ эти грамоты относилъ только къ Уніятамъ. Между этими памятниками древности онъ нашелъ будто-бы грамоту о посольствѣ Русскихъ къ Папѣ Сиксту IV-му 1476 года. Въ 1605 году онъ засвидѣтельствовалъ свой памятникъ въ Магистратѣ и издалъ его (тогда же) подъ заглавіемъ —

12) *Poselstwo do Papierza Rzymskiego Syxta IV od duchowienstwa i od książąt i Panow Ruskich 1476 rok. Wilno 1605 rok.* (есть въ Литовской Семинаріи). Намѣшки Православныхъ надъ этимъ памятникомъ и еще болѣе ихъ протесты противъ Поцѣя разгорячили до крайности его ревность. Онъ ознаменовалъ свое пребываніе въ Вильнѣ въ 1604 — 8 году невыносимыми преслѣдованіями Православныхъ и чуть было самъ не сдѣлался жертвою ярости народной. — Тогда Уніаты подумали опять о мѣрахъ убѣжденія и старались было устроить открытое состязаніе съ Православными; но эта затѣя долго имъ не удавалась и наконецъ около 1617 года, хотя состоялась, но кончилась ничѣмъ. — Но нельзя же было Уніатамъ не высказать гласно заготовленныхъ доказательствъ Уніи и опроверженій Православія. Тогдашній Уніятскій Митрополитъ Вельяминъ Рутскій приказалъ одному изъ защитниковъ Уніи на неудачномъ преніи Льву-Креузѣ написать защиту Уніи (которую, слѣдовательно, сильно опровергли на состязаніи), —

Креуза издалъ въ 1617-мъ году такое сочиненіе подъ заглавіемъ —

+ 13) Obrona Jedności Cerkiewnej, або dowody którymi się pokazuje, iż Grecka Cerkiew z Lacińską ma być zjednoczona. Podane do druku za rozkazaniem przewielebnego w Bogu Oycy Jego M—sci Oycy Iozefa Wielamina Rutskiego... W Wilnie przez Oycy Leona Kreuze Archimandrytę Wilenskiego roku 1617 w drukarni Leona Mamonicza.—Въ этомъ сочиненіи авторъ старался доказать двѣ главныя мысли—1) что Унія всегда существовала въ Западно-Русской Церкви и 2) что теперь она введена законно и добросовѣстно. Съ этою цѣлю онъ излагаетъ каталогъ Западно-Русскихъ Митрополитовъ мнимыхъ Уніатовъ и исторію Уніи Брестской, затѣмъ помѣщаетъ длинный трактатъ о единствѣ Церквей, главенствѣ Папы и т. п.—Книга эта, очень рѣдкая, особенно замѣчательна, какъ первый Уніятскій каталогъ Митрополитовъ Западно-Русскихъ какъ и первое обстоятельное изложеніе доказательствъ мнимой древности Уніи.

Нѣтъ сомнѣнія, что Православные очень скоро отвѣтилибы на это сочиненіе, но неожиданныя обстоятельства уклонили на время, какъ Православныхъ, такъ и Уніатовъ отъ этого предмета. Прибытіе въ Литву Патріарха Теофана въ 1620 году, убіеніе Витебскаго Архіепископа Юсафата Кунцевича въ 1623 году, за тѣмъ путешествіе Мелетія на Востокъ и его измѣна Православію заняли умы всѣхъ и дали другое направленіе Уніятской полемикѣ.

Прибывшій въ Литву Патріархъ Теофанъ, поставилъ въ 1620-мъ году Митрополита и нѣсколькихъ Епископовъ для Западно-Русской Церкви. — За это.

какъ самъ Патріархъ, такъ и поставленные имъ Іерархи подверглись самымъ злостнымъ клеветамъ и преслѣдованіямъ, которыя распространены съ удвоенною силою и противъ всѣхъ Православныхъ. Въ полемикѣ того времени и занялись разборомъ этихъ вопросовъ.— Въ 1621 году Мелетій—одинъ изъ посвященныхъ тогда Епископовъ—написалъ сочиненіе подъ заглавіемъ —

14) Weryficatia niewinności: y omylnych po wszystkim Litwie i Białej Rusi rozsianych, żywot y uczciwe snego narodu Ruskiego o upad (sic) przyprawic zrzadzonych nowin, pod Miłościwą Pańską i Oycowską naywyższej i pierwszej po Panu Bogu narodu tego snego Zwierzchnosci i brzegu wszelkiej sprawiedliwości obronę podane. Chrześcianańskie uprzątnienie (*). Lipsius безъ означенія года изданія (1621 см. стр. 3 на оборотѣ). Цѣль сочиненія—защитить Православныхъ противъ клеветы, будто они измѣняютъ отечеству и готовы предаться Туркамъ. И такъ какъ эта клевета вызвана была прибытіемъ Патріарха Теофана въ Литву и рукоположеніемъ Іерарховъ Западно-Русской Церкви: то авторъ въ

(*) Примѣчаніе. Чтобы понять смыслъ этого запутаннаго заглавія, нужно читать его въ слѣдующемъ порядкѣ словъ: Weryficatianiewinności y Chrześcianańskie uprzątnienie omylnych nowin rozsianych po wszystkim Litwie i Białej Ruci, zrzadzonych przyprawic o upad (sic) żywot y uczciwe snego narodu Ruskiego podane (aprzątnienie) pod Miłościwą Pańską i Oycowską obronę naywyższej i pierwszej po Panu Bogu narodu tego snego zwierzchnosci i brzegu wszekiej sprawiedliwo:ci.

опроверженіе ея излагаетъ дѣйствія Патріарха въ Литвѣ и доказываетъ законность постановленія новыхъ Епископовъ. Сочиненіе это очень важно для исторіи того времени, но по языку своему, въ высшей степени темному и неправильному, едвали доступно мало знающимъ Польскій языкъ. Заглавіе—лучшее доказательство нашего сужденія. Второе изданіе этой книги, которымъ и мы пользовались, находится въ Библіотекѣ Литовской и С. П. Духовной Семіаріи.

Сочиненіе это вызвало самую горячую полемику между двумя Братскими монастырями Виленскими—Свято-Духовскимъ Православнымъ и Свято-Троицкимъ тогда Уніятскимъ.—Противъ перваго изданія Weryficatij написано —

15.) *Sowita wina...* 1621;—противъ втораго изданія —

16.) *List do zakonnikow Monastera Cerkwie Stego Ducha Wilenskiego na ich przedmowę w Waryficatij jakoby niewinności ich powtore wydanej położona odpisany W Wilnie 1621.*—Оба эти сочиненія вызвали. —

Обронę Weryficatij, изданную того же года Св. Духовскимъ Братствомъ. Противъ нея уніаты Троицкаго Братства написали—

18.) *Examen Obrony* въ томъ же 1621 году. Тогда же написано —

19. *Ἐλευχος* и

20. *Ἀντέλευχος.* —

Содержаніе всѣхъ этихъ сочиненій — мнимая виновность Православныхъ, не принимавшихъ Уніи, или защита невинности ихъ и обличенія козней Уніятвъ.—

Въ это время приготовленъ былъ отъ лица православныхъ громадный трудъ извѣстный подъ именемъ —

21.) Полинодія, составленный Захаріемъ Копыстепскимъ въ 1622 г.—Въ этомъ сочиненіи какъ бы собраны и рассмотрѣны всѣ прежніе вопросы Уніи, такъ что заглавіе сочиненія вполне оправдывается содержаніемъ его. По неизвѣстной намъ причинѣ трудъ этотъ не былъ напечатанъ (нѣкоторыя только главы изданы въ книгѣ о единой Вѣрѣ).

Новое случившееся тогда событіе представило новыя данныя для полемики въ этомъ же родѣ.—Витебскіе православные христіане, выведенныя изъ терпѣнія изувѣрнымъ фанатизмомъ тамошняго Уніятскаго Епископа Іоасафа (Józefata) Кунцевича, убили его (1623 г.) Отвѣтомъ на это со стороны поборниковъ Уніи была жестокая казнь виновныхъ и безвинныхъ въ этомъ преступленіи. Но едвали не тяжелѣе этихъ казней были для всѣхъ Православныхъ — жизнеописанія, некрологи Кунцевича, панегирики и стихотворенія ему, наконецъ— канонизація его, учрежденіе праздника и службы въ честь безспорно — искренняго и благочестиваго, но до крайности неистоваго и изувѣрнаго фанатика Іоасафа, котораго только Римская Церковь могла вѣнчать вѣнцемъ св. христіанскаго мученика, но не судъ Божій.— Даже лучшіе Латиняне въ Литвѣ, знавшіе Кунцевича, не могли по совѣсти признать справедливымъ этотъ вѣнецъ;— доказательствомъ служить превосходное письмо поборника Уніи Льва Сапѣги къ Кунцевичу, въ которомъ Гетманъ обличаетъ изувѣрнаго Епископа въ ложной его ревности и предсказываетъ ему смерть? (Истор. изв.

объ уніи Бант. Каменск. стр. 75—84). Чѣмъ однако отвѣчали Православные на всю эту святотатственную театральность? Не знаемъ другаго ихъ оружія противъ нея, кромѣ оружія Казаковъ. Прямаго отвѣта на всю манифестацію Уніатовъ, по случаю стерти Юсафата Кунцевича, нужно было, повидимому, ожидать отъ извѣстнаго уже намъ писателя, именно Мелетія Смотрицкаго и тѣмъ болѣе, что онъ самъ не мало содѣйствовалъ возстанію Витебскихъ христіанъ своими посланіями. Но онъ теперъ уѣхалъ изъ Литвы на Востокъ.—Зачѣмъ?—спросять, можетъ быть, насъ.—Чтобы избавиться отъ суда королевскаго за участіе въ возмущеніи Витебскомъ и убійствѣ Юсафата,—говорять одни, и для полнаго и всесторонняго изученія Восточной Вѣры и Церкви,—какъ говоритъ самъ Мелетій. Посмотримъ какъ было дѣйствительно. Рѣшаемъ этотъ вопросъ потому, что онъ имѣетъ неразрывную связь съ дальнѣйшимъ ходомъ Уніятской полемики.

Въ это путешествіе Мелетій отправился съ самыми дурными и недостойными его сана предначертаніями будущихъ занятій на Востокъ. Еще на пути въ Константинополь онъ высказывалъ передъ своими спутниками свое предубѣжденіе противъ Восточной Церкви и утверждалъ, что она заражена ученіемъ протестантскимъ.—Такой образъ мыслей въ Мелетіѣ, знаменитѣйшемъ до сихъ поръ защитникѣ Восточной Церкви, былъ бы для насъ совершенно непонятнымъ и даже невѣроятнымъ, если бы мы не знали изъ Уніятскихъ писателей (*Weryficiaty Obrony*) и Православныхъ (*Antidotum*), что Мелетій, будучи въ Вильнѣ, еще до 1620 года имѣлъ тайныя сношенія съ Іезуитами и по ночамъ, переодѣв-

шисъ ходилъ слушать ихъ уроки, за что однажды получилъ очень назидательный урокъ (палочный) отъ Православныхъ. (Случилось это, когда Мелетій былъ еще міряниномъ). Искреннее, повидимому, раскаяніе, принятіе монашества и славные труды показывали въ Мелетіѣ совершенную перемѣну: но на дѣлѣ она была очень нерѣшительная и тайныя посѣщенія Іезуитовъ повторялись только съ большею осторожностію. Не удивительно послѣ этого нисколько, что Мелетій, давно приготовленный Іезуитами къ измѣнѣ той Церкви, которую такъ горячо защищалъ, и теперь смущенный убійствомъ Кунцевича, сталъ усматривать въ Церкви Восточной дурное. Въ Константинополѣ и другихъ странахъ Востока онъ уже не способенъ былъ видѣть ни того величія, истины и святости, которыми недавно такъ восхищался въ своемъ Отечествѣ, ни даже мнимого, уже любимаго имъ Латинства, которое усматривали тамъ многіе Уніятскіе писатели.—То и другое согрѣвало бы его душу истинною или ложною любовію къ Восточной Церкви; но душа Мелетія согрѣта была теперь любовію къ Іезуитамъ, которая всегда была холоднымъ льдомъ по отношенію ко всему, что даетъ силу и самостоятельное существованіе Восточной Церкви.—Мелетій увидѣлъ вездѣ на Востокѣ какъ и въ Литвѣ то, что Іезуиты больше всего ненавидѣли—протестанство. Онъ ловилъ каждую фразу Патріарха Кирилла Лукариса, смотрѣлъ сквозь свою призму на всѣ обычаи и разсужденія Восточныхъ христіанъ и привезъ въ Литву убѣжденіе, что на Востокѣ, какъ и въ Западно-Русской Церкви нѣтъ истины православной.—Но какъ высказать это нечестивое убѣжденіе, за которое Право-

славные въ областяхъ Казацкихъ могли повторить надъ Мелетіемъ Витебскую исторію съ Кунцевичемъ? Мелетій высказалъ это убѣжденіе весьма хитро! Въ тѣ времена Католики и Уніаты необычайно лукаво смущали умы Православныхъ. Они то проповѣдывали, что на Востокѣ Церковь погибла отъ невѣрныхъ Турокъ и еретиковъ, то провозглашали, что истинное въ ней ученіе есть Латинское, то утверждали, что Западно-Русская Церковь не знаетъ вовсе ученія Восточной Церкви и сама наполнена заблужденіями протестантскими; въ заключеніе всегда и вездѣ предлагали Унію и теперь сильно хлопотали, чтобы устроить съѣздъ Православныхъ и Уніатовъ для совѣщаній по дѣлу Уніи. Изъ всего этого выходилъ необычайный хаосъ мнѣній, которыя могли смутить не одну православную душу, не одного Смотрицкаго. Теперь Православнымъ рѣшительно необходимо было имѣть краткое и ясное изложеніе своей Вѣры съ полемическимъ характеромъ, т. е. отчетливымъ изложеніемъ пунктовъ ея ученія сравнительно съ пунктами другихъ Вѣроисповѣданій, по преимуществу Уніатскаго, чтобы каждый Православный зналъ свою Вѣру и не смущался никакими навѣтами враговъ.—Въ Кіевѣ теперь (1624—1628.) сильно хлопотали объ изданіи такого руководства и вотъ, тогдашній Митрополитъ. Іовъ Борецкій поручилъ Мелетію написать такое руководство или, какъ тогда выражались, пункты различія Православной Вѣры отъ другихъ, по преимуществу Латинской.—Мелетій зналъ, что эти пункты будутъ служить прежде всего руководствомъ на предстоящемъ соборѣ 1628 г., на которомъ предполагали разсуждать объ Уніи. Онъ на-

писалъ Апологію своего путешествія на Востокъ, о которомъ его спутники разказали не мало дурнаго и за которое Православные сильно укоряли его; тутъ же онъ разобралъ въ пользу Латинства всѣ пункты различія отъ него ученія Восточной Церкви и послалъ въ печать подъ заглавіемъ—

22.) *Apologia peregrynacij do stron wschodnich. . . 1628 г.*— Въ этой Апологіи онъ высказываетъ свой взглядъ на Восточную и Западно-Русскую Церковь и предлагаетъ Православнымъ принять Унію. Не предполагая, что его сочиненіе сдѣлается извѣстнымъ раньше времени, онъ спокойно пріѣхалъ въ Кіевъ, надѣясь вѣроятно приготовить пока умы въ свою пользу. Но здѣсь уже были свѣжіе листы его печатной Апологіи—Соборъ 1628 года занялся разсмотрѣніемъ ихъ и судомъ надъ Мелетіемъ. Смотряцкому въ Кіевѣ, среди казаковъ ничего не оставалось дѣлать, какъ отказаться отъ своихъ мыслей и молить о прощеніи. Но какъ только онъ получилъ свободу (ушелъ отъ Православныхъ), то немедленно написалъ сочиненіе подъ заглавіемъ—

23.) *Protestatia przeciwko Soborowi w tym roku 1628 w dniu Augusta miesaca w Kijowie Monasteru Pieczarskim obchodzonemu uczyniona przez ukrzywdzonego na nim Meletiusza Smotrzyckiego nuncupowanego Archiepiskopa Polockiego, Episkopa Witepskiego i Mscislawskiego, Archimandrytę Wilenskiego; Dermańskiego: do przezacnego narodu Ruskiego... we Lwowie 1628 г.*—Въ этой книгѣ Смотряцкій доказываетъ искренность и основательность своихъ убѣжденій, изложенныхъ въ Апологіи, и то, что онъ по принужденію отказался отъ нихъ на соборѣ 1628 года. Съ тѣхъ поръ Смотряцкій сталъ та-

кимъ же горячимъ проповѣдникомъ Уніи и обличителемъ Православной Церкви, какъ прежде былъ защитникомъ Православія и обличителемъ Уніи — и какъ прежде, такъ и теперь онъ старался заслужить названіе оракула, думая, что противъ него не найдется равносильнаго борца, но совершенно неосновательно. Вскорѣ же появилось противъ него сочиненіе—

24.) *Antidotum albo warunek przeciw Apologii jadem napełnionej którą wydał Melety Smotrycki niesłusznie Cerkiew Rożą Prawosławną w niej pomawiając herezję i schizmą dla niektórych Scrybentów.* W porywczo przygotowany i podany: przez wielebnego w Chrystusie Ojca Andrzeja Mużyłowskiego protopopa X. Słuckiego i Kopylskiego; drukowano w roku 1629. Сочиненіе это написано собственно противъ Апологіи Смотрицкаго, какъ и видно изъ самаго заглавія; но когда оно отдано было въ печать, то появилась протестация Смотрицкаго. Авторъ *Antidotum* упомянулъ объ ней и сдѣлалъ краткое сужденіе въ приложенномъ къ своему труду тогда же *Appendix* (Appendix).—Авторъ здѣсь замѣчаетъ, что протестация не стоитъ отвѣта. Мелетій поспѣшилъ представить Православнымъ для опроверженія новыя сочиненія:

25.) *Exethesis* (не надобно смѣшивать съ *Ekthesis*), або *exposulatia* to jest rozprawa między Apologią i Antidotem o ostatek błędów, herezji i klanstw Zyzaniowych, Orthologowych i Klerykowych (Zyzania—объясненіе Никейскаго собора, Orthologa—*Θρήνος*—собственное—Смотрицкаго и о единой Вѣрѣ Кликрика Острожскаго) uczyniona przez.... Meletiusza Smotrzyckiego... 1629.—Тогда же

онъ издалъ и другое сочиненіе въ родѣ *Ἐρπῖνος*, только противоположныхъ мыслей подѣ заглавіемъ —

26) *Paraenesis* або напомненіе одъ въ Богу *Wielebnego Meteliusza Smotrzyckiego*.... до пржезачного Брацтва *Wilenskiego S. Ducha*; а въ особіе іего до *wszystkiego* теј стороны *narodu Ruskiego*; *uczynione anno 1628. W Krakowie*. Здѣсь *Meletij* излагаеть почти тѣже мысли, что и въ *Exethesis* и обставляетъ ихъ вездѣ оправданіемъ своей измѣны. На эти сочиненія и по преимуществу на протестацію *Смотрицкаго* отвѣтилъ *Геласій Диплицкій* сочиненіемъ подѣ заглавіемъ —

27.) *Апология*, иначе погйбель (отъ *ἀπολογία* погйбаю — каламбуръ, въ противоположность названію сочиненія *Meletija* *Апологии* — отъ *ἀπολογία* защищаю) изд. 1632 года. *Апологии* этой мы не могли найти и потому не можемъ изложить отчетливо главныхъ ея мыслей. Отвѣчалъ ли чѣмъ-нибудь на это сочиненіе *Смотрицкій*, — не знаемъ. Можно думать что онъ теперь успокоился отъ трудовъ бурной своей жизни и проводилъ остальныхъ нѣскольکو лѣтъ (ум. 1633 г.) въ уединеніи и тишинѣ въ своемъ *Дерманскомъ* монастырѣ. — Жизнь его описана въ рѣдкомъ сочиненіи *Suszy* —

28.) *Saulus et Paulus sive Meletius transformatus*, изданномъ въ Римѣ въ 1666 г. (Есть въ Императорской Публичной Библиотекѣ и въ Литовской Семинаріи.

Съ прекращеніемъ полемическихъ трудовъ *Meletija* совпадаетъ начало царствованія *Владислава IV* и начало новой, лучшей жизни для Литовско-Русскаго, Православнаго народа. Самъ король сознался тогда торжественно и открыто, что *Унія* — дѣло незаконное и

что Западно-Русская Церковь должна быть возстановлена и ограждена гражданскими правами. Вопросъ объ этихъ правахъ сталъ теперь самымъ главнымъ. Правильное рѣшеніе его было необходимо, какъ для цѣлаго Литовско-Русскаго народа, такъ въ особенности для возстановленной недавно Западно - Русской Иерархіи, которую жестоко преслѣдовалъ Сигизмундъ III-й. Православные успѣшили рѣшить этотъ вопросъ на основаніи исторіи и представили королю одно за другимъ два сочиненія по этому предмету; первое—

29.) *Synopsis, albo krótkie spisanie praw, przywilejow, swiebody (sic), wolności od najjaśniejszych królów Polskich.... przeznaczemu, starowiecznemu narodowi Ruskiemu nadanych.... nakształt rocznych dziejow Ruskich w osobie obywatelów koronnych i W. X. Litewskiego Religij Starożytnej Grekiej w Chistusie braci duchownych i świeckich Bractwa Cerkiewnego Wilenskiego uprzywilejowanego* изд. 1632 года.

Тогда же Братство Виленское издало и другое, дополнительное сочиненіе съ описаніемъ разсужденій на Generalnej Convocatij, на которой рѣшался вопросъ о правахъ Православныхъ и Уніатовъ. Заглавіе этого сочиненія таково:

30.) *Supplementum Synopsis, albo zupełniejsze objaśnienie krótkiego spisania praw, przywilejów.... то есть Синописа, tudzież manifestatio prawdziwa progressu sprawy na przeszłej Generalnej pod interregnum Convocatiej Warszawskiej ludzi Starożytnej Religiej Greckiej z niektórymi P.P. initami.... mianego, z revelacją nieomyłą inszych leszcze processow strony zuniowanej nie każdemu po te czasy wiadomych. Przez tych że oby-*

Watelow braci w Chrystusie Bractwa Wileńskiego na świat wydane.. — Въ обоихъ этихъ сочиненіяхъ двѣ главныя мысли: Уніи въ Западно-Русской Церкви въ прежнія времена не было и Православные съ древнихъ временъ имѣли въ Литовско-Польскомъ Государствѣ разныя права.—Особенно замѣчательно второе сочинение. Въ немъ излагается и исторія Уніи 1596 г. (оба на ходятся въ Императорской Публичной Библиотекѣ,— послѣднее безъ конца).

На оба эти сочиненія Уніаты отвѣтили тоже двумя сочиненіями. Первое дополненное сочинение Поцѣя—

31.) Prawa i przywileje od najjaśniejszych Królów Ich Mści Polskich i W. Xięstwa Litewsk. nadane obywatelom korony Polskiej i W. X. Litw: Religiej greckiej w Jedności z S. Kościołem Rzymskim będącym. Przez bractwo Wileńskie przenaysł: Troicy w jedności Cerkiewnej będące na świat wydane 1632.—

Второе сочинение видоизмѣненіе одноѣи Креузы.

32.) Jedność święta Cerkwie Wschodniej i Zachodniej od początku wiary Stej Kotolickiej obficie roskrzewiona. w ruskie kraje od przyięcia krztu s. szczęśliwie zawitała. Prawami i przywilejami od najiasniejszych Królów I. M. Polskich potężnie warowana przeciw Skryptowi Synopsis nazwanemu, rocznymi dziejami ruskimi otytułowanemu nowo wystawiona przez bractwo Wileńskie przen. Troicy w jedności z S. Kościołem Rzymskim będące. 1632 г.—Теперь Уніаты кажется въ первый разъ расширили свою мысль объ Уніи прежнихъ временъ и стали доказывать, что она существовала не только въ Западно-Русской Церкви, но и во всей Россіи со временъ Св. Владиміра. — Далѣе къ этимъ но-

вышѣ изслѣдованіямъ приложены старыя (Скарги)—о единствѣ всей Восточной Церкви съ Римскою. Въ такомъ же родѣ появилось у Уніатовъ черезъ двѣнадцать лѣтъ новое сочиненіе подъ заглавіемъ.—

33.) Hierarchia abo o Zwierzchności w Cerkwi Bożej od Wielbn: Oycsa Iana Dubowicza Archimandrytę Monastera Dermańskiego w druk za dozwoleciem Starszych podana. we Lwowie w drukarni, Coll: soc: Iesu 1644 г.—Сокращеніе—Оброны jedności Kreuzu i Jedności Stej—Виленскаго Уніатскаго Братства.

Что побуждало Уніатовъ такъ усиленно доказывать Унію путемъ историческихъ и догматическихъ изслѣдованій, когда она теперь уже полстолѣтія существовала на дѣлѣ и должна была бы кажется, сама себя доказывать и оправдывать? Ужели отвращеніе отъ нея Православныхъ требовало такихъ усиленныхъ мѣръ или сама Унія находилась тогда въ опасности и нуждалась въ такихъ изысканныхъ лекарствахъ?—То и другое совершенно справедливо; но не эти обстоятельства были главными причинами такой плодовитости Уніатскихъ писателей.—Имъ наскучила борьба съ отдѣльными лицами. Они старались теперь присоединить Православныхъ къ Уніи добровольно, цѣлою массою, на общемъ соборѣ. Къ этому—то они и подготовляли умы указанными нами сочиненіями объ Уніи и теперь не разъ уже дѣлали попытки составить общій съѣздъ Православныхъ и Уніатовъ.—Но всѣ эти попытки были напрасны и кончались только изданіемъ напыщенныхъ сочиненій о безуспѣшномъ дѣлѣ. Такъ мы имѣемъ высокопарное слово объ Уніи, промзнесенное предъ Уніатами (?) на Львовскомъ соборѣ 1629, на которомъ

предполагалось соединить Православныхъ съ Уніятами, произнесенное Іезуитомъ Vembus и—еще болѣе вычурное, смѣха достойное по тому обстоятельству, которымъ вызвано, сочиненіе Уніятскаго Митрополита Жоховскаго, подъ заглавіемъ ~~—~~

34.) Colloquium Lubelskie między zgodną, a niezgodną bracią narodu Ruskiego vigore Constituciej Warszawskiej, na dzień 24 Stycznia anno 1680 złożone, lubo stałością motum, podaje jednak te sprawie Boże, dobywszy głosu jedności Stej. X. Cyprian Żochowski... Metropolita Kijowski... do uwagi wiekom. Informaczej rzeczy Pospolitej. Deciziej I. K. M. P. N. Miłosciw: przypisując Coll. Societ. Sesu Leopoli.—

Въ этомъ сочиненіи, переполненномъ до безсмыслия Латинскими словами, Жоховскій описываетъ,—съ какою торжественностію собрались Уніаты въ Люблинѣ для примиренія съ Православными и какъ Виленское Православное Братство въ то самое время, когда всѣ Уніаты съѣхались въ Люблинѣ, выхлопотало у короля повелѣніе собору разойтись, потому что безъ сношенія съ Константинопольскимъ Патріархомъ Православные не могутъ разсуждать объ Уніи и принимать ее,—далѣе, какъ соборъ Уніятскій горевалъ объ этомъ и, не *поймавъ добычи*, долженъ былъ разѣхаться по навѣту схизматиковъ.—Но нельзя же было Уніатамъ теперъ, какъ во времена Креузы (1617 г.) не разразиться заготовленными доказательствами въ пользу Уніи. Жоховскій принялъ на себя этотъ трудъ и, вѣроятно, по особенной расположенности къ исторіи написалъ,—вмѣсто схоластическихъ преній объ Уніи, исторію ея. Изслѣдователь Уніи чрезвычайно долженъ

быть благодаренъ Жоховскому за это и особенно за изданіе разныхъ грамотъ изъ временъ начала Уніи.— Эти случайныя и совершенно неожиданныя обстоятельства и сдѣлали Colloquium Lubelskie очень важнымъ сочиненіемъ въ ряду источниковъ исторіи Уніи.— Отвѣчалъ-ли кто изъ Православныхъ Жоховскому какимъ-либо сочиненіемъ,—не знаемъ; но едва ли и нужно было отвѣчать: лучший отвѣтъ на Colloquium Lubelskie въ немъ самомъ,—въ его комическомъ содержаніи.—

Здѣсь мы должны остановиться въ нашемъ обзорѣ исторической части полемики Уніятской и ограничиться общими замѣчаніями о дальнѣйшемъ ея развитіи.—Съ половины XVII-го столѣтія Литовско-Польская полемика объ Уніи приняла такое направленіе, которое до крайности затрудняетъ общій обзоръ ея произведеній въ связи и порядкѣ.—Объ Уніи до сихъ поръ (до половины XVII ст.) переговаривали и переспорили очень много, а между тѣмъ, часто приходилось говорить и спорить съизнова, сначала, какъ бы съ азбуки, потому что постоянно встрѣчались старые и новые враги и друзья Уніи, которые не знали и не хотѣли знать прежней полемики. Потому-то въ то время такъ часто появлялись сочиненія, въ которыхъ повторялось одно и то же, что говорилось уже сто разъ, хотя конечно въ каждомъ почти изъ такихъ сочиненій есть что-нибудь свое, что-нибудь взятое изъ современнаго быта,—и зоркій, привычный глазъ увидить въ этомъ хаосѣ не мало объясненій исторіи Уніи. Вотъ, первая причина, почему мы затрудняемся перечислять эти сочиненія. Мы можемъ безъ всякаго намѣренія съ нашей стороны, разочаровать новыхъ изслѣдователей

Уніи,—можемъ перечислить такія сочиненія, которыя имъ покажутся пустыми и лишними. Пусть лучше они сами ищутъ ихъ, когда окажется нужнымъ, а найти ихъ очень не трудно, потому что они перѣдкія.—Далѣе. Съ половины XVII-го столѣтія по всей Литвѣ распространилось уже Іезуитское образованіе, — его получали даже многіе Православные, а извѣстно, къ чему ведетъ Іезуитское образованіе. Оно подавляетъ охоту и способность находить живую истину и располагаетъ довольствоваться одними формами, искусственностію,—словомъ схоластикомъ (Iarsz. Obr. Litw: т. 3. § 39: Hist. szkół w Koronie i w W Księst: Lit: Łukasz: т. 1 стр. 252–266). Отъ того-то полемика Уніи того времени чаще и чаще обращалась къ отвлеченнымъ схоластическимъ тонкостямъ и такъ сказать—ремесленной обработкѣ предмета, въ которой форма, условные приемы—главное и единственное дѣло.—Отрѣшенность отъ жизни и живой мысли составляетъ, дѣйствительно, отличительную черту сочиненій того времени, хотя опять мы должны сказать, что не обо всѣхъ ихъ можно сдѣлать такое сужденіе и даже иногда не обо всемъ содержаніи несомнѣнно пустого по основной мысли сочиненія; потому что не всѣ писатели подчинялись такому направленію и не всякій подчинившійся оставался ему вѣренъ.—Саковичъ писалъ, напримѣръ, пустое сочиненіе *Okulary staremu Kalendarzowi*, но писалъ также и *Επαυρόροισις* (1642 г.), въ которомъ наряду съ нелѣпостями помѣщаетъ и событія, стоящія всякаго вниманія.—Говоримъ мы это собственно объ исторической части полемики, потому что съ этой стороны только разсматриваемъ ее.—

Наконецъ, послѣднею и самую главною причиною историческаго оскудѣнія полемики было состояніе самой Уніятской Церкви. Она теперь—въ XVII и XVIII столѣтіи далеко уже ушла на пути къ указанной ей цѣли—далеко удалилась отъ Православія, отъ первоначальнаго даже своего вида и, какъ раба, одѣлась въ убранство своей госпожи—Латинской Церкви по ея волѣ, но безъ малѣйшаго вкуса.—Обращаться при такомъ порядкѣ вещей смѣло и добросовѣстно къ исторіи было очень неудобно Уніятамъ, потому что вездѣ, даже въ прошедшей жизни самой Уніи было слишкомъ много обличеній противъ нее.—Гораздо лучше было писать и спорить о Богословскихъ вопросахъ и то не отъ лица Уніи, а отъ лица Латинства, потому что въ Уніи тогда не было почти ничего своего, кромѣ Богослужебныхъ книгъ и то уже испорченныхъ. Что же касается до Православныхъ Литовско-Русскихъ, то они теперь, какъ и всегда, не любя словопреній, и имѣя на своей сторонѣ истину и правоту дѣла, тогда только спорили, когда заставляла крайность и спорили почти всегда о томъ, что необходимо было защищать или опровергать. Такимъ образомъ, и ихъ сочиненія невольно подчинялись схоластическому направленію Уніятскихъ и Латинскихъ сочиненій.—Но изслѣдователь Уніи впалъ бы въ самую грубую ошибку, еслибы на этомъ основаніи сталъ думать, что тогдашняя Литература Уніи не стоитъ вниманія и не вознаграждаетъ при изысканіяхъ его тяжелыхъ трудовъ. Напротивъ, она стоитъ этихъ трудовъ и имѣетъ не мало весьма замѣчательныхъ произведеній. Совѣстно теперь было мыслящимъ и благонамѣрен-

нымъ Уніятамъ обращаться къ своей исторіи; но не такъ смотрѣли на вещи Іезуиты и лучшіе ихъ воспитанники въ Уніятской Церкви. Они напротивъ думали, что теперь-то и есть самое лучшее время, когда въ опроверженіе схизмы (такъ они называли всегда Православное, Восточное Вѣроисповѣданіе) и въ пользу Уніи можно представить побольше данныхъ. Въ такомъ духѣ написалъ весьма богатое сочиненіе Кулеша —

35.) *Wiara Prawosławna pismem Stym, soborami, Oycami Słymi, mianowicie Greckiemі y Historyą Kościelną przez X. Jana Aloyzego Kuleszę Societatis Iesu Theologia objaŃniona. Od przyjętej unij(?) Boga z cłowiekiem roku 1704.*—Въ этомъ сочиненіи авторъ выставилъ до трехъ тысячъ пунктовъ, въ которыхъ по мысли его заключается осужденіе мнимой схизмы и оправданіе Уніи. Въ такомъ же духѣ и еще болѣе замѣчательное по неоспоримой учености автора сочиненіе.....

36.) *Specimen Ecclesiae Ruthenicae съ Appendix—Кульчинскаго, изданное въ Римѣ 1733 года.*—Съ нимъ имѣеть самую тѣсную связь трудъ общества издателей *Acta Sanctorum* (Болландистовъ), особенно второй томъ, въ которомъ изложена исторія Уніи. Наконецъ, съ этимъ же взглядомъ на вещи появилось въ Литвѣ, въ концѣ XVIII столѣтія сочиненіе Стебельскаго —

37.) *Zywoty SS. Eufrozyny i Parascewij z Genealogią Xiążąt Ostrożskich i Chronologią przez X. Stebel-skiego 1783 г.*—Wilno.—Сочиненіе это весьма богато источниками, тщательными изслѣдованіями и отличается хорошимъ изложеніемъ; но въ немъ видѣнъ воспитанникъ Іезуитовъ, который на все смотритъ по своему и вездѣ видитъ Унію.—«Поэтому-то», скажутъ памъ,

«это сочиненіе, какъ и всѣ прежнія, и не стоятъ вниманія; въ нихъ нельзя найти истины.»—Конечно нельзя, если руководствоваться только ими, а не поставлять ихъ въ связь съ другими произведеніями тогдашней полемики, въ которыхъ обнаруживается совершенно противоположное направленіе. — Уничженіе отъ Латинства Уніятской Церкви отзывалось горькимъ чувствомъ въ лучшихъ Уніятахъ. Они таили ненависть къ своей самоуправной госпожѣ—Латинской Церкви, съ любовью обращались къ послѣднимъ остаткамъ Православія въ своей Церкви и начали принимать мѣры къ огражденію ихъ отъ конечнаго разрушенія.—Подъ вліяніемъ такого настроенія умовъ составился соборъ Уніятвъ въ Замостьѣ въ 1720 году и на немъ Уніаты постарались хотъ какъ-нибудь опредѣлить свое ученіе. До насъ сохранилось не мало экземпляровъ дѣянія этого собора на Латинскомъ и Польскомъ языкахъ подъ заглавіемъ—

38.) *Synodus Provincialis Ruthenorum habita in civitate Zamoscia 1720; издано 1724 г., или Synod Prowincjalny....* Богатымъ дополненіемъ и объясненіемъ главной мысли этого собора служатъ —

39.) Описанія разныхъ конгрегацій Уніятвъ, которыя (конгрегаціи) очень часто составлялись во времена Уніи, нонемногія изданы въ свѣтъ, а тѣмъ менѣе въ подлинномъ видѣ. Послѣднія описанія конгрегацій большею частію въ рукописяхъ и хранятся въ разныхъ монастыряхъ Литовскихъ.—Этимъ мы и закончимъ обзоръ нашъ полемическихъ собственно сочиненій объ Уніи и обращаемся къ другимъ источникамъ ея.

Считаемъ совершенно излишнимъ дѣломъ доказывать ту мысль, что безъ основательнаго знанія всей

Литовско-Польской исторіи невозможно братья за исторію Уніи и что, слѣдовательно, историческія произведенія Литовско-Польскія необходимы для изслѣдователя Уніи.—Произведенія эти распадаются прежде всего на двѣ половины—на сочиненія собственно Польскихъ писателей и сочиненія природныхъ Литовцевъ. У насъ, какъ и въ Польшѣ, привыкли не допускать этого различія на томъ основаніи, что Литва и Польша до воссоединенія Уніатовъ будтобы были одно и тоже по настроенію мыслей. Но мы даемъ себѣ право назвать такое мнѣніе весьма неосновательнымъ.—Какъ ни долго продолжался союзъ Литвы съ Польшею и какъ ни тѣсно онъ завязывался безчисленными нитями и узлами; но въ настроеніи умовъ, въ чувствахъ и нравахъ жизни той и другой страны всегда было болѣе или менѣе рѣзкое различіе, котораго не могли сгладить никакія усилія заблужденій и страстей человѣческихъ.—Различіе это отразилось и во взглядахъ Литовскихъ и Польскихъ писателей на Литовско-Польскій союзъ—вопросъ безусловно-необходимый въ исторіи Уніи.—Польскіе писатели рассматривали его болѣе съ свѣтлой стороны, умалчивая о горькой истинѣ, Литовскіе легче и скорѣе выступали изъ этой очень пробитой колени и нерѣдко представляли истину въ самомъ чистомъ видѣ.—Конечно, мы не должны думать, что это различіе обнаруживалось всегда и вездѣ, что оно высказывается во всѣхъ Литовско-Польскихъ историческихъ сочиненіяхъ,—такое мнѣніе тоже былобы большимъ заблужденіемъ; но очень важно прослѣдить, когда и какъ оно пробивалось наружу въ исторической Литовско-Польской Литературѣ.

Было время—очень большое по пространству (съ начала VII и до конца XVIII-го стол.), когда объединение Литвы (Латинской ея части и только нѣкоторой Уніятской) и Польши достигало высшаго своего развитія. Тогда о Литовско-Польскомъ союзѣ почти совершенно одинаково писали какъ въ Польшѣ, такъ и въ Литвѣ. То было время повсемѣстнаго господства Іезуитовъ и ихъ взглядовъ на вещи,—взглядовъ, которые были одинаковы какъ въ Литвѣ, такъ и въ Польшѣ.—Въ такомъ духѣ отчасти написана известная —

40.) Kronika Strykowskiego, изданная въ первый разъ въ 1582 году. Впрочемъ, Стрыйковскій меньше другихъ подчинился взгляду на вещи Іезуитовъ. Онъ, кажется, не у нихъ получилъ воспитаніе (учился только въ небольшой школѣ въ Бжезинахъ), служилъ у разныхъ вельможъ, въ войскѣ Королевскомъ и путешествовалъ на Востокъ. Среди этихъ обстоятельствъ онъ имѣлъ случай приобрѣсть навыкъ къ независимо-му образу мыслей и безпристрастному взгляду на событія. Изученіе первоначальныхъ Литовскихъ и Русскихъ памятниковъ исторіи еще болѣе содѣйствовало этому. Поэтому—то въ Хроникѣ Стрыйковскаго пробивается наружу и безпристрастное сужденіе о Россіи, Православной Церкви и любовь къ Литовско-Русскому народу, хотя, конечно, будущій каноникъ Латинскій времянь Іезуитовъ принесъ въ своемъ трудѣ не малую дань и взглядамъ Латинской Литовско-Польской Церкви того времени.—Хроникую Стрыйковскаго, переведенною въ прошломъ столѣтіи на русскій языкъ, лучше всего пользоваться по изданію ея въ Zbiorze Dziejopisow polskich. Тамъ она издана съ примѣчаніями,

необходимыми при чтеніи такого неупорядоченнаго сочиненія.—

Съ гораздо ббольшою ученостю и отчетливостю сочиненіе—

41.) *Miscellanea rerum ecclesiasticarum in Magno Litvaniae Ducatu—Wilnā 1650. Alberti Wijuk Kojałowicz.*—Авторъ этотъ обладалъ знаніемъ дѣла и умѣньемъ писать,—но, къ сожалѣнію, принадлежалъ къ такому обществу, въ которомъ безпристрастная истина не имѣла надлежащей чести и мѣста,—принадлежалъ къ обществу Іезуитовъ.—Впрочемъ, мы много обязаны автору этому тѣмъ, что онъ смѣло и добросовѣстно высказываетъ, что Польша съ самаго начала соединенія съ нею Литвы имѣла твердое намѣреніе объединить ее съ собою и проводить эту мысль во всемъ сочиненіи также смѣло и искренно. Мы сходимся съ авторомъ въ этой части его взглядовъ также, какъ и въ нашихъ фамильныхъ названіяхъ.

Въ томъ же XVII столѣтіи, въ которомъ Іезуиты достигли повсемѣстнаго господства въ Литвѣ, началось и ихъ паданіе. Введеніе и дѣйствія въ Литвѣ ихъ враговъ Піаровъ, а потомъ усилія частныхъ людей въ родѣ Конарскаго, Тызенгауза и другихъ поколебали ихъ могущество и дали совершенно другое направленіе умамъ. Тогда образовалось немало людей, которые гораздо способнѣе были находить и высказывать истину.—Изъ числа этихъ людей явился знаменитый писатель Польской исторіи Нарушевичъ (родомъ Литовецъ), отъ котораго мы имѣемъ десять томовъ (по новѣйшему изданію—

42.) *Historyi narodu Polskiego.*—Для исторіи Литвы въ этомъ сочиненіи очень немного, но оно важно, какъ выраженіе взгляда тогдашняго Литовца на Россію и Польшу.—

Въ 1773 году, какъ извѣстно, Папа уничтожилъ Іезуитскій орденъ. Въ Польшѣ и Литвѣ скоро привели въ исполненіе опредѣленіе Папы и поручили народное воспитаніе училищной Коммиссіи. Краковская Академія ожила отъ долговременнаго омертвенія; вслѣдъ за нею начала получать жизнь и Виленская Академія, преобразованная въ послѣдствіи (1803 г.) въ Университетъ.—Это совершенно новое направленіе и особенно давнее уже отдѣленіе Литвы отъ Польши дали Литовскимъ ученымъ возможность взглянуть на свою родину своими глазами и сказать объ ней родное слово.—Въ нашемъ уже столѣтіи явилось нѣсколько такихъ сочиненій по исторіи Литвы изъ подъ пера природныхъ Литовцевъ,—сочиненій, которыя составляютъ неоцѣненное приобрѣтеніе для Литературы.—

42.) *Dzieje Starożytne narodu Litewskiego*—Narbutta девять том.—Изд. въ Вильнѣ 1835—1840 г. Это громадное сочиненіе возбудило въ Литвѣ и Польшѣ такія похвалы, которыя живо напоминаютъ тѣ чувства, съ какими принять былъ у насъ трудъ Карамзина.—И дѣйствительно, исторія Нарбутта похожа на исторію Карамзина и по взгляду на предметъ исторіи (излагаетъ болѣе внѣшнія событія) и по характеристикѣ событій и лицъ (особенно хорошо очерчены—Витовтъ и Александръ) и по изяществу слога.—Но мы не намѣрены воспроизводить похвалъ г. Нарбутту, а желаемъ произнести судъ объ его трудѣ по отно-

шенію его къ исторіи Уніи. Авторъ этого сочиненія въ своемъ взглядѣ на прошедшее Литвы выразилъ намѣренно или неволью два чувства очень трудно совмѣстимыя, — любовь къ родному Литовскому народу и теплое чувство къ Латинской Церкви. — Не наше дѣло судить за это почтеннаго автора *Dziejow Litwy*, но мы указываемъ на это обстоятельство съ тѣмъ, чтобы объяснить одинъ очень важный, ошибочный его взглядъ. — Любя равно и Литву и Латинство, онъ представилъ намъ почти вездѣ въ свѣтлыхъ краскахъ союзъ Литвы съ Латинскою Польшею и слишкомъ мало коснулся мрачной и самой главной стороны этого союза — судьбы Литовско-Русскаго народа и вообще внутреннихъ отношеній обоихъ народовъ, Литовско-Русскаго и Польскаго. Не потому ли авторъ и кончилъ свой трудъ временемъ смерти послѣдняго Ягеллона Сигизмунда Августа, (при которомъ Литва окончательно соединилась съ Польшею), чтобы избавить себя отъ необходимости изображать эту мрачную сторону, что въ дальнѣйшей исторіи Литвы уже рѣшительно неизбежно: ибо мы никакъ не думаемъ, что бы исторіи Литвы нельзя было также отдѣльно писать и по соединеніи ея съ Польшею. Самостоятельность Литвы до Сигизмунда Августа и несамостоятельность ея послѣ него такъ безразличны при взглядѣ на внѣшнія только событія (а съ этой — то стороны и смотритъ авторъ на жизнь Литвы), что здѣсь никакъ не слѣдовало назначать такого рубежа (а этотъ то рубежь и побудилъ автора, по его выраженію, сокрушить здѣсь свое перо см. т. 9, § 2196). Но мы не должны удивляться, что такой даровитый и около

тридцати лѣтъ посвятившій на изученіе своего предмета авторъ лишилъ насъ удовольствія получить изъ подъ его прекраснаго пера самую важную часть исторіи Литвы, каково—царствованіе Баторія, Сигизмунда III-го и Владислава IV. (Г. Нарбуттъ написалъ только конспектъ дальнѣйшей исторіи Литвы). Тогда въ Польшѣ и Литвѣ сильно распространено было мнѣніе, что лучше не обнаруживать домашняго зла.—Не будемъ доказывать ложности этого взгляда; скажемъ только, что на это мнѣніе не обратили никаго вниманія другіе даровитѣйшіе писатели, о которыхъ сейчасъ будемъ говорить.—

Вслѣдъ за Нарбуттомъ и даже одновременно съ его послѣдними трудами появилось на поприщѣ Литовской исторической Литературы два замѣчательныхъ писателя.—Первый—Крашевскій, извѣстный писатель Польскихъ романовъ. Онъ написалъ сечиненіе —

44) *Wilno od początkow jego do roku 1750*—четыре тома. *Wilno 1840*.—Трудолюбивый авторъ этой книги, испытавшій даже много непріятностей за то, что отрѣшался въ своемъ трудѣ отъ прежнихъ Польскихъ взглядовъ, какъ на это онъ самъ даетъ намѣкъ въ предисловіяхъ къ своему труду, не заслужилъ однако исторією Вильна того вниманія, какимъ пользуется за свои романы. И такой судъ можетъ не имѣть никакой связи съ обстоятельствами, причинившими ему непріятности при составленіи ея. Г. Крашевскій и не уяснилъ себѣ предмета сочиненія (написалъ собственно не исторію Вильна, а исторію Литвы) и не разработалъ тѣхъ матеріаловъ, которыми пользовался. Но богатство матеріаловъ, хотя и не точно указанныхъ, и стараніе гово-

рять прямо горькую правду дѣлають его трудъ очень важнымъ пособіемъ при изученіи Литовско-Польскаго союза и отчасти даже при изученіи собственно Уніи Церковной. —

Второй писатель, появившійся послѣ Нарбутта, а также и послѣ Крашевскаго, едвали не выше ихъ обоихъ по глубинѣ своего взгляда и разработкѣ исторіи внутренняго быта Литвы. Говоримъ о почтенномъ профессорѣ права въ бывшемъ Виленскомъ Университетѣ Г. Ярошевичѣ. Онъ издалъ въ 1844—5 году —

45. Obraz Litwy pod względem jej cywilizacji od czasów najdawniejszych do końca V ieku XVIII. Три тома. — Здѣсь мы находимъ именно то, чего нѣтъ или слабо раскрыто у Нарбутта и Крашевскаго. Авторъ наглядно рисуетъ намъ состояніе Литвы до соединенія ея съ Польшею и показываетъ взаимныя отношенія Литовцевъ и Русскихъ, — подвластныхъ Литвѣ — томъ первый. Далѣе изображаетъ соединеніе Литвы съ Польшею, религіозное значеніе его, судьбу Литовско-Русскаго населенія послѣ этого соединенія — томъ второй. Наконецъ, излагаетъ исторію могущественнѣйшихъ двигателей исторіи Литовской — Іезуитовъ и ихъ вліяніе на судьбу Литовскихъ Латинянъ, Протестантовъ и Православныхъ — томъ третій. — Богатство фактовъ, дѣльность изслѣдованій внутренней жизни Литовско-Русскаго народа дѣлають эту книгу рѣшительно необходимою при изслѣдованіяхъ Церковной Уніи. Авторъ этого образцоваго сочиненія больше всѣхъ писателей Литовско-Польскихъ отрѣшился отъ давнихъ, ложныхъ взглядовъ на Литву, образовавшихся подъ вліяніемъ Польши и Іезуитовъ, — больше всѣхъ, говоримъ, отрѣшился отъ та-

кихъ взглядовъ, но не вполнѣ. Онъ недостаточно изображаетъ вліяніе Русскихъ на Литовцевъ и ошибочно думаетъ, что Литва около времени соединенія съ Польшею одинаково расположена была принять, какъ Восточное Вѣроисповѣданіе, такъ и Латинское. Эта ошибка повела къ тому, что и въ дальнѣйшей картинѣ Литвы онъ не столько обратилъ вниманія на судьбу Православнаго народа и на Унію, какъ этого естественно было ожидать по началу втораго тома, гдѣ вдругъ онъ выставляетъ намъ громадную массу Литовско-Русскаго, Православнаго народа, полагавшаго сильнѣйшія преграды планамъ Ягеллы—навязать ему Латинство. Но эти недостатки, столь свойственные писателю Литвы Латинскаго Вѣроисповѣданія, почти совершенно искупаются исторіею Іезуитовъ, лучше которой никто не написалъ ничего объ этомъ предметѣ ни у насъ въ Россіи, ни въ Литвѣ, ни въ Польшѣ. Здѣсь разобраны всѣ нити, которыми опутывалъ Литву ненавистный Орденъ и указаны почти всѣ слѣдствія этой не Евангельской, а сатанинской ловли желающихъ спасенія.

Характеризуя всѣ эти сочиненія (г.г. Нарбутта, Крашевскаго и Ярошевича) ближе къ исторіи Уніи, мы должны сдѣлать еще слѣдующія замѣчанія. Во всѣхъ этихъ сочиненіяхъ нѣтъ вовсе или, если есть, то очень мало и то невѣрныхъ извѣстій объ Уніи Церковной; но въ нихъ разработанъ Литовско-Польскій союзъ, съ которымъ Церковная Унія имѣетъ неразрывную связь и безъ знанія котораго она рѣшительно непонятна. Далѣе, самая исторія Литовско-Польскаго союза въ этихъ сочиненіяхъ страдаетъ многими неправильными взглядами; но взгляды можно оставить въ сторонѣ, а взять факты,

провѣрить ихъ по первоначальнымъ источникамъ, слѣдить между собою и составить вѣрный взглядъ на событія. Словомъ,—всѣ эти сочиненія чрезвычайно богаты необходимыми для Уніи и очень разработанными здѣсь фактами,—вотъ, что въ нихъ дорого и, скажемъ даже, незамѣнимо никакими другими сочиненіями.

Но не здѣсь еще конецъ источниковъ, необходимыхъ для Уніи. Передъ нами съ недавняго времени открывается рядъ такихъ сочиненій, которыя лучше и выше всего изъ Литовско-Польской Литературы, о чемъ мы говорили до сихъ-поръ. По особенному стеченію обстоятельствъ, счастливое направленіе Литовскихъ историковъ (направленіе, проникнутое любовію къ родинѣ и безпристрастнымъ судомъ о Литовско-Польскомъ союзѣ) отразилось по ту сторону границъ Польши—въ Галиціи и Познанской области. Изъ родной намъ и долше всѣхъ Литовско-Польскихъ областей, борющихся съ Уніею, Галиціи откликнулся къ намъ достойнѣйшій корреспондентъ Московскаго Историческаго Общества и Археографической Коммиссіи г. Зубрицкій. Его—

46) Повѣсть о Галиціи, переведенная недавно и на Русскій языкъ, обличаетъ новый и самый безпристрастный взглядъ на отношенія Галицкихъ и отчасти Литовскихъ Славянъ къ Польшѣ, а его—

47) Лѣтопись Львовскаго Братства (Журн. Мин. Нар. Пров. 1849 г.) и

48) Начало Уніи (Чт. Моск. Общ. Ист. и Др. 1847—48 № 17)—служать указаніемъ новаго пути въ изслѣдованіяхъ Литовской Уніи,—пути, который проходитъ и развѣтвляется по всей Литовско-Польской

исторіи. Въ этихъ сочиненіяхъ вездѣ видна твердая, опытная рука даровитѣйшаго историка, хотя мы совершенно увѣрены въ томъ, что если этотъ историкъ дѣйствительно продолжитъ, какъ обѣщаетъ, свои изслѣдованія по Уніи, то и въ лѣтописи Львовскаго Братства и въ отрывкѣ исторіи Уніи самъ измѣнитъ и исправитъ очень многое, что въ настоящее время никакъ не мирится даже съ тѣми грамотами, которыя послѣ самъ г. Зубрицкій прислалъ въ Археографическую Коммиссію (слич. для примѣра лѣт. годъ 1596 г. и 92 № Акт. Запад. Россіи Т. 4).

Подобнымъ же безпристрастіемъ и самостоятельностью взглядовъ проникнуты и сочиненія сосѣда г. Зубрицкаго—Познаньскаго ученаго г. Лукашевича. Намъ извѣстны слѣдующія его сочиненія:

49) *Dzieje Kościołów wyznania Helweckiego w Litwie przez Józefa Łukaszewicza.*—Poznań 1842—1843 — два тома. Сюда же какъ дополненіе принадлежитъ его же сочиненіе:

50) *Dzieje Kościołów wyznania Helweckiego w dawnej małej Polsce.* Poznań, 1853 г. одинъ т.

Исторія Протестантства въ Литвѣ и Польшѣ и ихъ отношенія къ Латинянамъ и Православнымъ разработаны здѣсь превосходно. Съ этими вопросами въ трудѣ г. Лукашевича соединены другіе, особенно важные для насъ—объ Іезуитахъ и Уніи Церковной. Вопросъ объ Іезуитахъ также отлично развитъ, какъ и прежніе и можетъ служить подробнѣйшимъ раскрытіемъ изслѣдованій г. Ярошевича. Но вопросъ объ Уніи Церковной страдаетъ большими недостатками. Видно по всему,

что это у автора второстепенная часть изслѣдованій и развита несамостоятельно. Здѣсь много небывалыхъ, свѣтлыхъ сторонъ Уніи (начало Уніи представлено, какъ дѣло добровольное, незлонамѣренное и совершенно ослаблена живая картина противодѣйствія введенію Унію). Не можемъ не сдѣлать одного, очень важнаго преположенія объ этой части изслѣдованій г. Лукашевича. Мы думаемъ, что авторъ не совершенно освобожденъ здѣсь отъ вліянія своего предшественника по изслѣдованіямъ Уніи — Латинскаго священника Островскаго, который въ концѣ XVIII столѣтія написалъ:

51.) *Dzieje i prawa kościoła Polskiego przez X. Teodora Ostowskiego*—три тома. Первое изд. 1793,—второе, сдѣланное самимъ г. Лукашевичемъ, въ 1842 г.—*Rozwaj.*—Мы уважаемъ авторитетъ почтеннаго издателя этой книги; но не можемъ не сказать, что въ изданной имъ книгѣ Уніа изложена безъ зазрѣнія совѣсти. Она здѣсь представлена такимъ святымъ, доблестнымъ дѣломъ, что читателю, сколько—нибудь знакомому съ Уніею по другимъ источникамъ, сочиненіе это покажется невыносимо приторнымъ и коварнымъ.—Встрѣтивъ на этой книгѣ уважаемое нами имя издателя, мы искали въ самой книгѣ его примѣчаній, но нашли ихъ очень не много.—Жаль! Ихъ можно бы сдѣлать побольше, потому что вся книга проникнута ложью, а между тѣмъ написана очень завлекательно. Мы не можемъ здѣсь подробно разобрать этой книги, потому что въ такомъ случаѣ пришлось бы намъ рассказывать всю исторію Уніи. Оцѣнку главнѣйшихъ мыслей этого автора мы сдѣлаемъ въ другомъ трудѣ, а здѣсь только выразимъ еще сожалѣніе, что эта книга

имѣла вліяніе на изслѣдованія Уніи своего издателя.— Впрочемъ Г. Лукашевичъ вскорѣ вознаградилъ эту ошибку новымъ образцовымъ своимъ трудомъ—

52.) *Historya szkół w Koronie i w Wielkim Księstwie Litewskim od najwydanieyszych czasów aż do roku 1795.* Четыре тома. Poznań 1849—1851 г.— Въ этомъ сочиненіи авторъ довершилъ свои тяжелые удары Іезуитамъ и о самой Уніи высказалъ больше правды. Сочиненіе это совершенно необходимо при изслѣдованіяхъ исторіи Уніи.—

Этимъ сочиненіемъ мы и заключимъ нашъ обзоръ исторической Литературы Литовско-Польской; но не можемъ здѣсь не высказать, что мы обозрѣли только самыя главныя сочиненія, которыя въ сравненіи съ другими, — тоже очень важными для Уніи, составляютъ очень малую часть источниковъ или пособій исторіи Уніи. Сочиненія: Кромера, Radłubka, Kołłątaja, Opasewicza, Maciejowskiego, Niemcewicza, Czaśkiego, и особенно разныя собранія Папскихъ буллъ и—Seymowych Konstitucij Литовско-Польскихъ, безъ сомнѣнія, будутъ прочитаны всякимъ, кто захочетъ серіозно изучить исторію Уніи. Мы не перебираемъ ихъ здѣсь; потому что не имѣемъ ни столько времени, ни—главное, столько знанія дѣла, чтобы все разобрать и обо всемъ произнести собственный, добросовѣстный судъ.—Переходимъ къ источникамъ Уніи—Русскимъ.

Церковная Унія (понимаемая и какъ давняя мысль Литовско—Польскаго Правительства до конца XVI стол. и какъ самое событіе, появившееся съ этого времени) осуществлялась передъ лицомъ Восточной Россіи и не разъ пробуждала во всей свѣжести и си-

лѣ народное и религіозное сочувствіе между Восточною и Западною или Литовско-Польскою Россією.— Сочувствіе это выражалось очень замѣтно и почти постоянно съ древнѣйшихъ временъ.—Въ слѣдствіе такихъ обстоятельствъ въ Россіи много знали объ Уніи. Въ Москвѣ много получали жалобъ на Унію и не разъ писали объ этомъ грамоты Польшѣ. Архивъ Московскаго Посольскаго Приказа наполненъ тѣми и другими.—Многія изданы—

33.) Въ памятникахъ Дипломатическихъ сношеній Россіи съ иностранными державами (нынѣ изданъ уже V-й томъ), многія также напечатаны Бантышъ-Каменскимъ въ его Историческомъ извѣстіи объ Уніи.

Одновременно съ этими грамотами записывались извѣстія объ Уніи и въ лѣтописныхъ сказаніяхъ Русскихъ.

34.) Лѣтописи Псковскія, Воскресенская и особенно Софійскій Временникъ—богаты извѣстіями о состояніи Православія въ Литовско-Русскихъ областяхъ. Но не можемъ не замѣтить, что въ нихъ сильно отразилось нерасположеніе Русскихъ къ Польшѣ и даже къ Западно-Русскимъ Митрополитамъ. Поэтому тамъ нерѣдко совершенно смѣшивается Литва съ Польшею, Православные Литовцы называются Ляхами, Латинянами и признаются Уніятами такіе Митрополиты, какъ, напримѣръ, Григорій Цимблакъ. Гораздо лучше по безпристрастію и достовѣрности извѣстій—

35.) Статья объ юнитахъ (Уніятахъ) въ книгѣ.— О единой Вѣрѣ и—

36.) Гусынская—лѣтопись, хотя и объ нихъ мы должны замѣтить, что они составлены на основаніи

одной половины полемической литературы Унии (Православной), безъ вниманія къ сочиненіямъ Уніятскимъ, потому многое изъ исторіи Унии осталось неизвѣстнымъ составителю книги *Объ единой Вѣрѣ* и состав. Густынской лѣтописи.—

Что касается до отдѣльныхъ историческихъ сочиненій объ Унии: то само собою разумѣется, что ихъ въ Россіи не могло явиться много, потому что здѣсь и прежде и теперь знаніе Польскаго языка очень рѣдко,—знаніе рѣшительно необходимое при изученіи Литовской Церковной Унии. Это обстоятельство уже само собою показываетъ намъ, откуда въ Россіи могли появляться такія сочиненія. Мы ихъ имѣемъ отъ тѣхъ людей, которые или были родомъ изъ Западныхъ губерній или долго тамъ жили. На первомъ мѣстѣ по достоинству и времени мы должны поставить труды великаго Бѣлорусскаго Архипастыря, Георгія Конискаго.

57.) Извѣстны его проповѣди (изданныя отдѣльно), исторія Роксолянъ (въ Чт. М. Общ. Ист. и Древн.) и отрывки объ Унии, помѣщенные частію въ чтенія же Московскаго Общества исторіи и древностей (1847 № 8.), частію изданные отдѣльно Протоіереемъ Григоровичемъ. Всѣ эти сочиненія писаны съ большимъ знаніемъ дѣла; но не надобно никогда забывать, что они писаны во времена Унии и среди ожесточенныхъ Уніятвъ, поэтому Архипастырь нерѣдко долженъ былъ сильно защищать то, что само по себѣ не такъ важно, но тогда могло имѣть особенное значеніе. Такъ напримѣръ, онъ съ особеннымъ усиліемъ доказываетъ,

что до конца XVI-го столѣтія вовсе не было Уніи.— Впрочемъ, мы должны замѣтить, что этотъ взглядъ Преосвященнаго Георгія Конисскаго только при поверхностномъ чтеніи его записокъ объ Уніи можетъ приводить къ заключенію, что въ древнія времена дѣйствительно не было и мысли объ Уніи. На самомъ же дѣлѣ, главная мысль автора другая. Онъ доказываетъ, что въ древности не было Уніи,—доказываетъ противъ Уніатовъ, которые утверждали, что она была издавна на самомъ дѣлѣ, въ практикѣ Церкви, въ жизни народа, но онъ вовсе не говоритъ того, чтобы тогда не было въ Польшѣ желанія и попытокъ ввести Унію, т. е. Преосв. Георгій отвергаетъ преувеличеніе дѣла, а не самое дѣло.—Въ этомъ отношеніи взглядъ его на Унію совершенно одинаковъ съ взглядами древнихъ ея изслѣдователей Православныхъ, напримѣръ — сочинителя Синописа и его дополненія (1632 г.) и съ взглядомъ всего Литовско-Русскаго народа. Какъ тамъ, такъ и у Преосв. Георгія доказывается только, что на дѣлѣ во всей Западно-Русской Церкви Уніи не было; но никто не брался серьезно доказывать, что тогда не было и попытокъ ввести Унію; напротивъ, иные прямо высказывали эту мысль, какъ напримѣръ, тотъ же сочинитель Синописа, а если и есть въ Западно-Русской Православной полемикѣ указаніе на то, что короли Польскіе до конца XVI столѣтія не думали вводить Уніи: то это не болѣе, какъ недоразумѣніе и не отчетливое пониманіе дѣла. Мы распространились обо всемъ этомъ потому, что мысли Западно-Русскихъ Православныхъ о началѣ Уніи и изслѣдованія Преосвященнаго Георгія подали поводъ къ одному ошибочному и очень важно-

му по своимъ слѣдствіямъ взгляду. Подъ Литовскою Церковною Унією разумѣютъ обыкновенно только Унію 1596 года и исторію ея начинаютъ съ ближайшаго къ тому времени, отъ чего Унія дѣлается совершенно непонятною; потому что въ такомъ случаѣ она представляется или недостойнѣйшею лишь прихотью Западно-Русскихъ Іерарховъ, которые всѣ будто бы были такъ порочны, что единственно по внушенію страстей рѣшились предать Латинянамъ свою Церковь, или представляется она легкимъ и скорымъ замысломъ Іезуитовъ, которые будто бы въ то время,—время недавней и жестокой ихъ борьбы съ первыми врагами — Литовскими протестантами, были такъ всеильны, что только подумали объ уніи—неслыханномъ въ Литвѣ дѣлѣ, и она, въ три четыре года явилась къ ихъ услугамъ.— Тѣмъ и другимъ взглядомъ наносится жестокое оскорбленіе Православной Западно-Русской Церкви, которая будто бы сама, по своей собственной волѣ и произволу въ короткое время сдѣлалась такъ безжизненна и мёртва въ лицѣ своей Іерархіи, что вдругъ уступила кознямъ одного, двухъ недостойнѣйшихъ Епископовъ и Іезуитовъ. Но да удержимся прилагать новое безчестіе этой Церкви, умалчивая о давнемъ униженіи ея, начавшемся гораздо раньше конца XVI столѣтія. Будемъ лучше изслѣдовать и раскрывать это давнее, современное, по началу, первому соединенію Литвы съ Польшею, униженіе ея, чтобы понять всю тяжесть Уніи 1596 года и все величіе борьбы Западно-Русской Церкви съ этою Унією, борьбы, которая продолжалась нѣскольکو вѣковъ и живо напоминаетъ собою борьбу Церкви Христовой съ язычествомъ въ первые три вѣка.—Но

обратимся къ дальнѣйшему обзору Русскихъ сочиненій объ Уніи.—

Почти одновременно съ Преосвященнымъ Георгіемъ началъ трудиться для исторіи Уніи общеизвѣстный и незабвенный Бантышъ-Каменскій и издалъ

58.) Историческое извѣстіе о возникшей въ Польшѣ Уніи.—Онъ былъ родомъ изъ Литовско-Русскихъ областей, по Вѣрѣ—Православный и изъ духовнаго званія.—Основательное знаніе главнѣйшихъ событій Литовско-Польской исторіи и нелицемѣрная любовь къ Западно-Русской Церкви были главными камнями, которые Бантышъ-Каменскій положилъ въ основаніе своего труда. Но платя дань всеобщему и слишкомъ тогда важному по своимъ послѣдствіямъ мнѣнію, что Уніа новое изобрѣтеніе, не знакомое никогда до конца XVI столѣтія въ Западно-Русской Церкви (для Уніи, какъ и для всякаго ложнаго вѣроисповѣданія, очень оскорбительна была мысль объ ея недавности, новости), Бантышъ-Каменскій уклонился отъ тщательнаго изученія древней исторіи Западно-Русской Церкви и народа Православнаго въ Литвѣ.—Между тѣмъ, онъ очень хорошо видѣлъ, что Унію 1596 года невозможно объяснить событіями ближайшаго къ ней времени,—что ни мнимая, изворотливая порочность Терлецкаго, ни утонченная хитрость Поцѣя, ни даже всесильныя въ Литвѣ козни Іезуитовъ недостаточны для объясненія этого громаднаго и, повидимому, неожиданно обрушившагося на главу Православныхъ событія.—Для объясненія всего этого онъ обратился къ тому, тоже всеобщему, любимому Уніятами и даже до сихъ поръ сохранившемуся въ Литвѣ мнѣнію, что Литовская Уніа была лишь воспроизведе-

ніемъ Уніи Флорентійской.—Поэтому, въ своемъ историческомъ извѣстїи объ Уніи Бантышъ-Каменскій излагаетъ исторію важнѣйшихъ попытокъ Папъ къ соединенію Церквей. Дойдя до Уніи Флорентійской, слегка только касается вліянія ея на Западно-Русскую Церковь при Исидорѣ и ученикѣ его Григоріѣ,—и для пополненія изслѣдованій излагаетъ позднѣйшія попытки Папъ подчинить себѣ Православную, Восточную Церковь. Но уклонившись разъ отъ изученія древней исторіи Западно-Русской Церкви, онъ и здѣсь оставляетъ ее въ сторонѣ и далѣе обращается къ дѣйствіямъ Поссевина и другихъ слугъ Папы въ Литвѣ и Россіи, давая съ совершенною справедливостію общерусскій смыслъ Уніи, что еще болѣе удалило его отъ Уніи собственно Литовской; затѣмъ на двухъ страницахъ объясняетъ начало Уніи 1596 г. и переходитъ къ описанію введенія ея въ 1596 г. на соборѣ и принужденія Православныхъ къ принятію ея.—Понятно само собою, что трудности, предолѣваемые авторомъ въ объясненіи Уніи, были слишкомъ велики при его взглядѣ на вещи и не могли не утомить его. Онъ дѣйствительно утомился и послѣ нѣсколькихъ главъ, различно обработанныхъ, началъ писать лѣтопись страданій Православныхъ и только къ концу сочиненія изложилъ нѣсколько событій изъ исторіи собственно Уніи. — Но да не подумаетъ нашъ читатель, что указывая на эти уклоненія и неровности труда Бантышъ-Каменскаго, мы не отдаемъ ему должной справедливости. Задача его была необычайно трудна, однако онъ выполнилъ ее на столько удачно, что до сихъ поръ мы не имѣемъ другаго историческаго извѣстїя о

возникшей въ Польшѣ Уніи.—Скажемъ болѣе: книга Бантышъ—Каменскаго на долго еще останется любимую у каждаго изслѣдователя Уніи. Богатство матеріаловъ, особенно Русскихъ, изложенныхъ здѣсь съ большимъ знаніемъ дѣла—всегда будетъ хорошо и достойно вниманія,—не говоримъ уже о той тихой, доброй теплотѣ души, которая видна здѣсь рѣшительно вездѣ.—

Послѣ Бантышъ—Каменскаго прошло слишкомъ полстолѣтія и никто у насъ не восполнялъ его труда, хотя обстоятельства настоятельно этого требовали. Литовская Унія доживала послѣдніе дни свои и наконецъ кончила свою тяжелую жизнь въ 1839 г. Наше духовное Правительство позаботилось удовлетворить настоятельной потребности и издало краткое извѣстіе—

59.) О воссоединеніи Уніатовъ, гдѣ изложены свѣдѣнія и о самой Уніи.—

Главную причину того, что у насъ не появлялось сочиненія объ Уніи была, по нашему мнѣнію, необычайная трудность изучить этотъ многосложный и запутанный предметъ, требующій самыхъ многостороннихъ свѣдѣній и самой разборчивой критики. Трудность эта еще болѣе увеличивалась отъ недостатка обще доступныхъ источниковъ. Богатая полемическая литература Уніи сдѣлалась достояніемъ не многихъ библіотекъ и архивовъ—указанныхъ нами.—Объ Уніи могъ писать дѣло только тотъ, кому при другихъ условіяхъ доступно было хоть одно изъ указанныхъ нами хранилищъ источниковъ Уніи. Первый воспользовался такимъ положеніемъ Кіевской Іерархъ Митрополитъ Евгеній. Его—

60.) Описание Кіево - Софійскаго собора представляет намъ богатый плодъ долготѣлннхъ изслѣдованій Уніи.—Но авторъ, какъ извѣстно, не имѣлъ въ виду писать исторію Уніи, а исторію Кіевософійской Іерархіи и собора и приготовилъ только матеріалы съ оцѣнкою важнѣйшихъ событій и лицъ Уніи. Здѣсь мы уже встрѣчаемъ и акты Уніи и полемическія сочиненія объ ней и произведенія Польскихъ и Литовскихъ писателей. Трудъ Митрополита Евгенія очень ясно обозначилъ путь для будущихъ изслѣдованій: но современныя требованія науки заставляли каждого чувствовать на этомъ пути недостатокъ новыхъ данныхъ, новыхъ открытій.

61.) *де Мажкевид-ли?*
Г. Максимовичъ въ своей исторіи Малороссіи,

62.) Архим. Макарій въ исторіи Кіевской Академіи и—

63.) Г. Аскоченскій въ соч.—Кіевъ съ древнѣйшими училищами и Академіею—значительно пополнили этотъ недостатокъ.—Почти одновременно съ этими сочиненіями появилось немало статей по частнымъ вопросамъ изъ исторіи Уніи.

64.) Въ Чтеніяхъ Московскаго Общества исторіи и древностей и въ—

65.) Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія (сороковыхъ годовъ). Последнія принадлежатъ болѣею частию г. Боричевскому, напечатавшему въ 1851 г. и въ Христіанскомъ Чтеніи статью—

66.) Православіе и Русская народность въ Литвѣ. Съ послѣдняго года т. е. 1851, началось изданіе Актовъ Западной Россіи. Изслѣдованія частныхъ вопро-

совъ Уніи сдѣлались еще доступнѣе. Въ такомъ родѣ появились у насъ сочиненія—

1.) Исторія Христіанства на Воьльни. Проф. С. П. Д. Семинаріи П. Карашевича.—Свѣтская критика осуждала это сочиненіе за то, что въ немъ излагаются общіе вопросы изъ исторіи Русской Церкви; но она не обратила никакого вниманія на то, что здѣсь обнародовано не мало данныхъ, извлеченныхъ изъ Архивовъ Воьльнской Епархіи, Архивовъ, которыхъ богатство вскорѣ будетъ обнародовано въ издающемся уже Архивѣ Югозападной Россіи и, по нашему мнѣнію, ниспровергнетъ большую часть ложныхъ взглядовъ на Унію.

2.) Далѣе, мы имѣемъ изслѣдованія о Церковныхъ Братствахъ Югозападной Церкви Свящ. Флерова.—

3.) Въ самое недавнее время появилось не всѣмъ извѣстное сочиненіе—О зловредныхъ дѣйствіяхъ Іезуитовъ—Ст. Казанской Академіи Лилова и вслѣдъ затѣмъ —

4.) Въ Православномъ Собесѣдникѣ 1858 г. статьи объ Уніи подъ заглавіемъ «Начало Уніи.»—

Всѣ эти изслѣдованія Уніи—Св. Флерова, г. Лилова и статьи Правосл. Собесѣдника писаны на основаніи всѣхъ изданныхъ актовъ Уніи и прежнихъ Русскихъ сочиненій объ этомъ предметѣ, но безъ всякаго знанія Западно-Русской полемики и Литовско-Польской исторіи: поэтому при своей современной отдѣлкѣ они страдаютъ важными недостатками, которые мы указываемъ въ нашихъ примѣчаніяхъ.—Не упоминаемъ о недавнихъ трудахъ Гг. Костомарева, Кулиша, Иванішева и другихъ новѣйшихъ писателей,—трудахъ,

которые общають много, но разборъ ихъ повель бы насъ слишкомъ далеко.—Общее заключеніе изъ всего этого обзора источниковъ для исторіи Уніи мы даемъ себѣ право вывести такое: едвали есть въ нашей Церковной исторіи такое событіе, которое имѣло бы столько богатыхъ, разнообразныхъ и нерѣдко превосходно разработанныхъ матеріаловъ и пособій, какъ Литовская Церковная Унія.—

ПРИМЪЧАНІЯ.

1.) Важнѣйшія объ этомъ сочиненія: Synopsis (въ замѣчаніяхъ объ источникахъ № 29) Supplementum Synopsis (№ 30); O poselstwie.... do Papierza Syxta IV (№ 12); Prawa i przywileje obywatelom.... w jednoŝci z Kościołem Rz. będącym (№ 32) Obrona jednoŝci (№ 13) Jednoŝć Sta (№ 31); Colloquium Lubelskie (№ 33). Также мысль доказывается по мѣстамъ въ *Αποκρισις* (№ 3), *Ekthesis* (№ 2) *Θρήνος* (№ 8). *Παρηγορέϊα* (№ 10).

2.) Въ Литовско-Польской исторіи извѣстно нѣсколько такихъ Уній. Они возобновлялись на общихъ сеймахъ и скрѣплялись особыми актами.—Такъ извѣстна Унія Городельская 1413 года—Dz. str. pr. Litw. Narbutta т. 6 § 1592; Пётрковская 1499 г.—Тамъ же т. 8 § 1940; Люблинская 1569 г. тамъ же т. 9 § 2185.—

3.) Такимъ образомъ, Унія религіозная была двухъ родовъ: *Унія вѣры* въ строгомъ смыслѣ или *единство вѣры*—*unitas religionis*—*jednoŝć wiary*, и *Унія Церквей, Воровисповѣданій*—*unio ecclesiarum, unio rituum*—*jednoŝć Kościołow, jednoŝć wyznań, obrządkow.*—Въ переводѣ

на Русскій языкъ статьи Г. Зубрицкаго: Начало Уніи (Чт. Моск. Общ. Ист. и Др. г. 1847—8 № 7), эта послѣдняя Унія названа *Въроисповѣдною*. Мы сочли за лучшее назвать ее *Унією Церковною*, въ отличіе и отъ Уніи гражданской и отъ Уніи Вѣры.—

4.) Мы не можемъ здѣсь распространяться, какимъ образомъ составилось мнѣніе, которое и теперь повторяютъ (Прав. Собесѣдн. 1858 г. м. Май стр. 55-56), что Унія—событіе случайное.—Въ замѣчаніяхъ объ источникахъ Уніи (стр. 315-318) мы отчасти раскрыли его происхожденіе. Здѣсь скажемъ только-то, что лучший у насъ изслѣдователь Уніи—Митроп. Евгений совершенно иначе смотритъ на Унію и самымъ тѣснымъ образомъ связываетъ Унію 1596 г., съ исторією Западно-Русской Церкви прежнихъ временъ.

5.) Литовская Церковная Унія, по нашему мнѣнію, имѣетъ такую связь со всею Литовско-Польскою исторією не только новѣйшаго, но и древняго времени, что разсматривать ее внѣ этой связи значитъ исторгать Унію изъ такой почвы, гдѣ она прикрѣплялась самыми главными корнями и получала самые жизненные соки. Мы даже думаемъ, что Папы не сдѣлали для Литовской Уніи больше того, что сдѣлало одно уже соединеніе Литвы съ Польшею и историческія обстоятельства Литовско-Польскаго народа во всѣ послѣдующія времена, и наше мнѣніе совершенно подтверждаетъ Поссевинъ, который въ своихъ запискахъ о Россіи осуждаетъ Папъ за невниманіе къ дѣлу Уніи въ областяхъ Русскихъ и Литовскихъ. Supplement. ad Hist. Russ. monum. стр. 35, 1.—

- 6.) Dz. pr. Litw. Narb. т 4, стр. 95—99.—
- 7.) Тамъ же 118—122.—
- 8.) Тамъ же 454—455.—
- 9.) Тамъ же 624—626.—
- 10.) Тамъ же т. 5, стр. 232—238.—
- 11.) Тамъ же т. 6, стр. 339—340.—
- 12.) Случай родства Литовскихъ князей съ Русскимъ княжескимъ родомъ и—принятія ими христіанской, Православной Вѣры собраны съ рѣдкою тщательностію въ статьѣ Г. Боричевскаго—«Православіе и русская народность, въ Литвѣ» напечат: въ Христ. Чт. за 1851 г. и отдѣльно.—
- 13.) Тамъ же стр. 3—70.—
- 14.) Dz. str. pr. Litw: Narb. т. 3, стр. 414—439; 577—578; 593; т. 4 стр. 27.
- 15.) Тамъ же т. 5 стр. 235.—
- 16.) Тамъ же стр. 157—164.—Единственный случай, гоненія Православной Вѣры въ Литвѣ въ 1342 или 1347 г. когда преданы мученической казни за исповѣданіе этой Вѣры три знатные Литовцы—Круглецъ, Кумецъ и Нѣжило—въ Христіанствѣ—Антоній, Іоаннъ и Евстафій, нисколько не ослабляетъ нашихъ мыслей. Напротивъ, изъ древняго расказа о мученической кончинѣ этихъ святыхъ видно, что ихъ страданія вызвали всеобщее удивленіе и сочувствіе Литовцевъ. Толпа народа окружала темницу страдальцевъ, внимала съ благоговѣніемъ каждому ихъ слову и сотни язычниковъ обращались ко Христу.—Какимъ же однако образомъ Ольгердъ, государь мудрый, родившійся два раза съ Русскими князьями и самъ потомъ принявшій Христіанство, рѣшился такъ идти наперекоръ настроенію свое

го народа? Тоже сказаніе древнее разрѣшаетъ намъ и это недоумѣніе. Жрецы языческіе были главными судьями и мучителями этихъ святыхъ. Они требовали и суда надъ ними и выпросили ихъ въ свое распоряженіе, когда Ольгердъ заключилъ смѣлыхъ исповѣдниковъ Христіанской Вѣры въ темницу. (Narb. т. 5, прибавл. 10).—Зная, какое значеніе имѣлъ въ Литвѣ главный жрецъ — Кривекривейта, мы нисколько не должны удивляться, что Ольгердъ, тогда самъ еще язычникъ склонился на его внушенія.—Замѣтимъ еще, что Ольгердъ, вообще человѣкъ строгій, въ то время сильно преслѣдовалъ въ Литвѣ всякое самоуправство, подавляя феодальныя въ ней остатки. Понятно при этомъ, какъ долженъ былъ раздражить его смѣлый отвѣтъ знатныхъ царедворцевъ, что они не исполнять его воли, не откажутся отъ вновь принятой Вѣры—Православной.—

17.) Миндовгъ и Витовтъ нѣсколько разъ перемѣняли Вѣру по требованію обстоятельствъ.—

18.) Ягелло совершенно случайно и совершенно незаслуженно попалъ въ великіе люди.—Онъ соединилъ Литву съ Польшею безъ всякихъ глубокихъ соображеній, какъ сейчасъ увидимъ. Но для Польши это событіе, дѣйствительно, было необычайно важно. По этому-то, Польскіе писатели и возвеличили Ягеллу и у большей части изъ нихъ онъ величайшій человѣкъ; но г. Ярошевичъ, глубокій и безпристрастный критикъ историческихъ лицъ и событій, очень много убавилъ Ягеллѣ величія. Obr. Litwy т. 1 § § 27, 29.—

19.) Тамъ же.—

20.) Dz. nr. polsk. Narusz. т. 10 стр. 202 изд. 1837 г.; Obr. Litw. Jarosz. т. 2 стр. 30; Dz. i praw. Kosciół. Polsk. Ostrowsk. т. 2 стр. 197.—

21.) Kron. Stryk. т. 2 стр. 83 издан. 1846 г.—
Неудивительно также, что на Волковыскомъ сеймѣ многіе съ радостію изъявили готовность соединить Литву съ Польшею. O prawach Kr. P. i W. X. Litw. Czakiego т. 1 przymis 1168.—

22.) Возстаніе произошло въ области Полоцкой и Смоленской.—Руководителемъ его былъ братъ Ягеллы Православный Вингольдъ—Андрей Ольгердовичъ, управлявшій прежде Полоцкимъ княжествомъ. Вингольдъ объявилъ, что Ягелло теперъ, какъ отступникъ отъ Вѣры (Православной), недостойнъ быть великимъ княземъ Литовскимъ, и для болѣе успѣшнаго противодѣйствія ему соединился съ Ливонскими рыцарями и Смоленскимъ княземъ Святославомъ Ивановичемъ. Союзники наводнили область Полоцкую и дѣйствуя, повидимому, для блага ея, въ конецъ разорали ее. Это совершенно измѣнило настроеніе умовъ въ областяхъ Литовско-Русскихъ. Между тѣмъ, Андрей объявилъ себя великимъ княземъ Литовскимъ. Это еще болѣе раздражило и уже не одного Ягеллу. Поляки и Литовцы успѣшили въ область Полоцкую, прогнали союзниковъ Андрея, взяли въ плѣнъ его самага и въ довершеніе всего предали область Полоцкую огню и мечу. Послѣ того, Ягелло въ слухъ всей Литвы, Польши и Папы объявилъ Литовско-Русскихъ Православныхъ мятежниками и схизматиками. Narb т. 5 стр. 387-395.—

23.) Obr. Litw. Jaroszew. т. 2 стр. 75.—

24.) Wilno Krasz. т. 1 стр. 73.—

25.) Намъ могутъ возразить на это и указать на примѣръ Миндовга и Витовта, которые гораздо прежде этого времени принимали Латинскую Вѣру. Но нѣтъ нужды доказывать, что Литовцы очень хорошо понимали, что тогда ихъ князья не искренно принимали Латинскую Вѣру, слѣдовательно, съ увѣренностію можно сказать, что эти случаи немогли располагать язычниковъ къ Латинству и отчуждать отъ Православныхъ тѣмъ болѣе, что оба князья вскорѣ отказывались отъ Латинской Вѣры. Но теперь, при Ягеллѣ дѣло было совсѣмъ другаго рода. Не только князь, но и лучшие Литовцы того времени принимали теперь Латинскую Вѣру и уже не отъ ненавистныхъ Ливонцевъ, а отъ Польши, съ которою теперь роднились. Теперь добровольно, явно и торжественно совершалась измѣна Восточному Вѣроисповѣданію.—

26.) Jagello secum universum Magn. Lituaniae Ducatum, cui imperabat, non regno tantum, sed et Christi Ecclesiae inseruit. Miscelln. rer. Eccles. Alb. Wi. Kojalowicz стр. 38.—

27.) Draw. i przywil od nayjasn. Kr. .. nadane... стр. 6, изд. 1632 г.—

28.).... Per Russiam Polonis aut Lituanis subjectam a Graeco schismate ad suscipiendam cum Romana Ecclesia unionem accedere cogeretur.... Тамъ же у Alb. W. Kojalowicz.—

29.) Тамъ же стр. 38–39.—Авторъ этотъ объясняетъ намъ и причину этихъ стѣснительныхъ мѣръ: duas ob causas maxime id fecit (т. е. издалъ стѣснительныя постановленія) Jagello: ne Hussitae finitima

Bohemià suam haeresim per propinquiora loca; tum ne Graeci suam schisma per provintias M. Litu: Ducatus propagarent. стр. 39.—

30.) Obr. Litw: Jarosz: т. 2 стр. 71; Wilno Krasz: т. 1 стр. 281, 293.—

31.) Obr. Litw. Jarosz. т. 2 стр. 31–32.—

32.) Тамъ же § 10.—

33.) На эту Унію до сихъ поръ вовсе не обращали вниманія, между тѣмъ она имѣетъ большую важность въ исторіи Литовской Церковной Уніи.—Мы изслѣдовали ее на основаніи слѣдующихъ данныхъ. Ягелло и нѣкоторые изъ его братьевъ и вельможъ приняли въ Краковѣ прямо Латинство. Къ Латинству же прямо принуждалъ Ягелло двухъ Православныхъ вельможъ и казнилъ ихъ, когда они рѣшительно отказались измѣнить своей Вѣрѣ. (Соф. врем. ч. 1 стр. 381).—Между тѣмъ, въ грамотѣ Ягеллы Виленскому Латинскому Епископу отъ 1387 г. (см. Краш. Wilno. т. 2 стр. 514–515), мы находимъ намѣкъ на то, что отъ Православныхъ нужно требовать лишь Уніи, именно, здѣсь какъ-будто различаются, — хотя очень неявно, — *принятіе Латинской Вѣры и признаніе власти Папы* — послушаніе, повиновеніе Латинской Церкви. Мы не обратили бы вниманія на это повтореніе, повидимому, одной и тойже мысли и сочли бы послѣднюю фразу плеоназмомъ, очень часто употребительнымъ въ этой грамотѣ; но въ актѣ Городельскаго сейма 1413 года (у Narbutta т. 6 стр. 302 указаны всѣ сочиненія, гдѣ можно найти этотъ актъ въ копіяхъ Латинскихъ и въ Польскомъ переводѣ, — тамъ же и содержаніе его) находимъ уже ясное различіе между *Латинянами* и *тѣми*,

которые признавали надъ собою власть Папы.—Прямое заключеніе отсюда таково: Ягелло сначала хотѣлъ всѣхъ Православныхъ сдѣлать Латинянами; но когда увидѣлъ, что это невозможно, то сталъ отъ нихъ требовать Уніи или,—какъ тогда выражались, послушанія Римской Церкви, Папѣ—*obedientiae*. Отъ того-то и вышло, что одни писатели Латинскіе говорятъ, что Ягелло вводилъ между Русскими Латинство (наприм. Стрыйковскій т. 2 стр. 149), другіе (наприм. Alb. W. Kojałowicz стр. 38–39), что онъ вводилъ только Унію.—Ягелло дѣлалъ то и другое; только Польскимъ писателямъ неудобно было объяснять, какую связь имѣло одно дѣло съ другимъ.—Мы даже думаемъ, что на первыхъ порахъ Ягелло или вовсе не имѣлъ мысли вводить Унію, или—онъ отложилъ ее до другаго времени изъ опасенія, чтобы язычники не перешли въ эту Унію вмѣсто Латинства. Этимъ только предположеніемъ я можно объяснить странное явленіе, что вмѣстѣ съ Ягелломъ, которому, какъ Польскому королю, положимъ, необходимо было принять Латинство, убѣждены были принять его, даже перекреститься многіе знаменитые Православные изъ Литвы. Подобное явленіе вовсе не могло бы имѣть мѣста, если бы Поляки съ самаго начала соединенія Литвы съ Польшею имѣли намѣреніе ввести въ Литвѣ Унію.—Тогда бы никакъ не слѣдовало посрамлять Восточнаго Вѣроисповѣданія перекрещиваніемъ его послѣдователей, напротивъ тогда-то и нужно бы было почтить чѣмъ—нибудь это Вѣроисповѣданіе, чтобы придать въ глазахъ народа значеніе и святость предполагаемой Уніи. Но этого-то предположенія тогда вовсе и не было.—Оно

вызвано было уже спустя нѣсколько лѣтъ послѣ соединенія Литвы съ Польшею.

34.) Dz. pr. Litw. Narbutt: т. 5 стр. 406; Vol. Leg. 1 стр. 67.—

35.) Акт. Запад. Росс. т. 1 № 12 слич. прим. 10.—

36.) Obr, Litw. Jarosz. т. 2 стр. 31-32.—

37.) Мнѣнія объ отношеніи Витовта къ Латинянамъ и Западно-Русскимъ Православнымъ до крайности противорѣчивы.—Мы не станемъ разбирать ихъ здѣсь, довольствуясь самымъ изложеніемъ дѣла по нашему пониманію его. Скажемъ только, что этотъ знаменитѣйшій Государь еще ждетъ своей исторіи.—

38.) Акт. Запад. Росс. т. 1. примѣч. 22; Dz. pr. Litw. Narb. т. 5 стр. 551, 556; Obr. Litw. Jarosz. т. 2. стр. 80 — 84.

39.) Dz. pr. Litw. Narb. т. 5. стр. 501—547.

40.) Указываютъ въ доказательство ревности Витовта къ Латинской Церкви на то, что онъ принудилъ Митрополита Григорія ѣхать къ Папѣ по дѣлу Уніи. Основываются въ этомъ случаѣ, какъ извѣстно, прежде всего на свидѣтельствѣ древняго Литовско-Русскаго Лѣтописца (Latorisiec Ruski изданный Даниловичемъ стр. 240 — 241), который говоритъ, что Митрополитъ Григорій убѣждалъ Витовта возвратиться къ Восточной Вѣрѣ, что Витовтъ соглашался на это, если Митрополитъ переспоритъ Папу и даже заставилъ Григорія ѣхать на это состязаніе, угрожая обратить въ Латинство всѣхъ Западно-Русскихъ Православныхъ, если Григорій не переспоритъ Папы.—Мы думаемъ, что на основаніи этого свидѣтельства никакъ нельзя приписывать Витовту ревности къ Латинской Церкви и тѣмъ

менѣ—намѣренія ввести Унію, потому что въ такомъ случаѣ въ этомъ свидѣтельствѣ одна половина будетъ рѣшительно противорѣчить другой.—Митрополитъ Православный рѣшается убѣждать Витовта, принявшаго Латинство, возвратиться къ Православной Вѣрѣ и—не напрасно. Витовтъ соглашается на это, но принуждаетъ Митрополита, чтобы тотъ ѣхалъ переспоривать Папу, грозя въ случаѣ неудачи Латинствомъ всей его Цѣствѣ. Митрополитъ ѣздилъ къ Папѣ, будто не переспорилъ его, возвратился назадъ и однако Витовтъ не привелъ въ исполненіе своей угрозы?! Напротивъ онъ заслужилъ любовь Православнаго народа и въ послѣдствіи времени возвратилъ Московскому Митрополиту право управлять Западно-Русскою Митрополіею?! Что за странный ходъ дѣла? Что за смѣсь ревности къ Латинству и равнодушія къ нему? Сопоставляя это свидѣтельство Лѣтописца съ историческими событіями того времени, не трудно понять, что онъ соединилъ въ одно два различныя дѣла. Витовтъ нелицимѣрно былъ расположенъ къ Православію и въ откровенной бесѣдѣ съ Митрополитомъ Григоріемъ выражалъ готовность принять снова Вѣру, чуждую политическихъ расчетовъ, только онъ теперь боялся Папы и долженъ былъ угождать ему, потому что надѣялся получить отъ него вѣнецъ королевскій. Онъ вовсе не намѣренъ былъ въ угоду Латинянамъ стѣснять въ Литвѣ Православныхъ; но Ягелло далъ Панѣ обѣщаніе ввести здѣсь Унію и этимъ совершенно связалъ Витовта. Отказаться прямо вводить Унію было опасно и вотъ Витовтъ для виду заставляетъ Митрополита ѣхать къ Папѣ. Но, вѣроятно, Митрополитъ очень хорошо понималъ смыслъ тре-

бoвaнiя Витовтова, когда, прiѣхавши на Константискiй соборъ, прямо объявилъ, что его принудили прiѣхать сюда для разсужденiй о соединенiи Церквей, но что самъ онъ вовсе не думаетъ вводить въ своей Церкви Унiи. На Константискомъ соборѣ посмѣялись надъ Поляками (замѣчательно, что не надъ Витовтомъ) и отпустили Русское Посольство (Опис. Кiевософ. Собора стр. 103–104). Послѣ этого и Витовтъ и Митрополитъ остались въ покоѣ: каждый изъ нихъ сдѣлалъ свое дѣло.—Посольство Григорiя къ Папѣ многie отвергаютъ; но безъ всякаго основанiя.—

41.) Истор. Русск. Церк. Преосв. Филарета т. 3 стр. 5–9; слич. Акт. Западн. Росс. т. 1 № 24 и 25.—

42.) Мнѣнiе Унiятскихъ писателей, будто Митрополитъ Григорiй былъ Унiятомъ основано единственно на томъ, что онъ ѣздилъ къ Папѣ по дѣлу Унiи (Miscelln. Alb. W. Kojałowicz стр. 43; Obrona jedności... Krcuзу стр. 61; Jedność Sta изд. 1632 г. стр. 16–17), слѣдовательно, мы не имѣемъ нужды опровергать его послѣ того, что сказали объ этомъ посольствѣ. Не стоятъ также опроверженiя мнѣнiе и тѣхъ современныхъ Григорiю Русскихъ Восточной Россiи, которые оглашали его Унiятомъ и Латиняниномъ. Впрочемъ, желающiе знать доказательства Православiя Григорiя могутъ читать ихъ въ Опис. Кiевософ. Собора стр. 102–104. Съ своей стороны, мы скажемъ противъ клеветы на великаго святителя развѣ то, что прочитанныя нами проповѣди Митрополита Григорiя (въ рукописи Императорской Публичной Библиотеки) возбудили въ насъ не подозрѣнiе въ его Православiи, а благоговѣнiе къ чистому и высокому его учению.—

43.) Истор. Русск. Церкви Преосв. Филаретъ т. 3
ст. 9–10 примѣч. 6. Obg. Litw. Jarosz. т. 2 стр. 32.—

44.) Тамъ же Jarosz: стр. 324. —

45.) Опис. Кіев. Соб. стр. 105–106.—

46.) Długosz. стр. 727; Jedność Sta стр. 18–19.

47.) Miscelln. Alb. W. Kojałowicz. стр. 45.—

48.) Тамъ же.—

49.) Акт. Запад. Росс. т. 1. № 42.—

50.) Грамота эта напечатана въ Praw. i przywi-
leje... изд, 1632 г. стр. 13,—

51.) Miscelln. стр. 46; Jedność sta стр. 20.—

52.) Григорій посвященъ въ 1452 году и только
послѣ 1458 года вступилъ въ управление Митрополиєю
или лучше прибылъ въ Литву; умеръ не позже 1472
года; слѣдовательно, былъ на кафедрѣ Литовско-Рус-
ской 14 лѣтъ, а считая со времени посвященія—20
лѣтъ. Истор. Русск. Церк. Пр. Филар. т. 3 стр.
97–100; слич. Опис. Кіевософ. Соб. стр. 110–111.—

53.) Erant tamen plura templa, in quibus conven-
tacula sua celebrare schismatici non negligebant: cum qui-
bus, ut schisma totum faudem ruinis suis insepeliretur, S.
Casimirus, princeps, a parente rege obtenuit diploma,
quo cavetur severe, ne schismatici aut vetustate colla-
bentia sua templa instaurare aut nova excitare audeant.
Miscelln. стр. 46.—Авторъ сочиненія—Jedność Sta, ска-
завъ, что Унія успѣшно распространялась при Григо-
ріѣ, дѣлаетъ такую оговорку: aże przy przynicy musi
bydź pod czasy i konkol, *upor* nie unitow przywiodł do
tego Pana dobrego i sprawiedliwego, króla mowię Stei
pomięci Kazimierza, że edyktem swym zabronił nieunitom

nie tylko nowych budować, ale i starych Cerkwi poprawiać
стр. 20.—

54.) Опис. Кіевософ. Соб. приб. 10.—

55.) Тамъ же стр. 10—121,—

56.) Акт. Запад. Русс. т. 4 № 164.—

57.) См. въ замѣчан. объ источн. Уніи №№ 13, 31,
32, и Hierarchia Dubowicza стр. 172—185.—

58.) Слич. по указнымъ Каталогамъ Митр. Алек-
сія, Іону, Макарія 1-го, Симеона и особенно Митро-
политовъ Западно-Русскихъ XVI-го столѣтія.—

59.) Наприм. Dubowicz въ Hierarchiy; Kulczynski
въ Specimen Ecclesiae Ruthenicae и Stebelski въ
Chronologij; przydatek do żyw. SS. Par: i Ewfroz.. —

60.) *Θεσις* стр. 68; *Παρθορέια* стр. 87—88; По-
линодія ч. 3 разд. 3, артык. 1 стр. 355—357. Преосв.
Георгія, Чт. М. Общ. Ист. и Др. 1847—8 г. № 7
стр. 12—13; Опис. Кіево-соф. Соб. стр. 111—117.—

61.) Опис. Кіево—Соф. Соб. стр. 111—112; Чт.
Моск. Общ. Ист. и Др. 1847—8, № 7, стр. 12—13.
Παρθορέια стр. 88; *Suplem: Synopsis* стр. 20.—

62.) Въ грамотѣ Патріарха къ Іосифу Солтану
прежде всего объ этомъ говорится, смр. Опис. Кіев.
Соф. Соб. стр. 114.—

63.) *Dz. nar. Litw. Narb.* т. 8 стр. 479.—

64.) *Miscelln. Alb. W. Kojałow.* стр. 46.—

65.) *Dz. nr. Litw. Narb* т. 8 ст. 255.—

66.) Журн. М. Н. Просв. 1846 г. ч. I. отд. II,
стр. 39—84. статья о княгинѣ Еленѣ. —

67.) Сборн. Муханова ст. 109.—Папа въ грамотѣ
говорить, главнымъ образомъ, объ Еленѣ, но тутъ же
замѣчаетъ и обо всѣхъ Русскихъ, что и ихъ не нужно

перекрещивать, только бы учинили послушество столицъ Апостольской, а жизни въ обычаѣ Грецкомъ.—

68.) Prawa i przywileje—стр. 23.—

69.) Полное Собр. лѣтопис: т. 6 стр. 65.—

70.) Опис. Кіев. Соф. Соб. стр. 114.—

71.) Тамъ же стр. 117—118,—

72.) Miscelln. стр. 49.—

73.) Это очевидно изъ того, что попытки ввести Унїю очень часто возобновлялись.—

74.) Miscelln. стр. 45; Jedność Sta стр. 117—118.—

75.) 8 и 9 Тома Исторїи Нарбутта наполнены описанїями этихъ набѣговъ.—

76.) Dz. nar. Litw. Narb. т. 8 стр. 94; т. 9 стр. 274, 275.—

77.) Акт. Западн. Росс. т. 4, №№ 9, 105, 159.—

78.) Dz. nar. Litw. Narb, т. 5 стр. 401.—

79.) Supplem. ad histor. Russ. monum. № 50; Obr. Litw. Jarosz. т. 2 стр. 31, 34, 36.—Самое очевидное доказательство этого—грамота Ягеллы 1387 года, постановленіе Городельскаго сейма и учрежденія Инквизиціи.—

80.) Obr. Litw. Jarosz. т. 2 стр. 33.—

81.) Dz. nar, Litw. Narb. т. 9 стр. 478—479.—

82.) Насчитываютъ до семидесяти двухъ сектъ, распространившихся въ Литвѣ XVI столѣтія. Wilno Krasz. т. 1 стр. 286.

83.) Dzieje nar: Litw. Narb. т. 9 стр. 465—467; Obr. Litw. Jaroszew. т. 3 стр. 28; Dzieje Kośc. Helwe w Litw. Łukasz. т. 1 стр. 1—3.—

84.) Histor. szkół w. Koron. i W. Ks. Litw. Łukasze-wicza т. 1 стр. 30—31; 74—75.—

85.) Dz. Kość: Helweck: W Litw: Łukasz: т: 1
стр: 1—3:—

86.) Сгрыйковскій говорить, что въ XVI столѣ-
тїи ludzie на Papierza już w ten czas mało dbać poczeli.
Kron. стр. 737. по древн. изданію.—

87.) См. примѣч. 83.

88.) Dzieje Kość. Helw. wyzn. w W. Ks. Litw. Łu-
kasz. т. 1. стр. 2.—

89.) Obr. Litw. Jarosz. т. 3 стр. 35—36.—

90.) Тамъ-же примѣч. 37.

91.) Dz. nar. Litw. Narb. т. 9. стр. 247—250.—

92.) Тамъ-же стр. 477 примѣч. 2-е.

93.) Obr. Litw. Jarosz. т. 3. стр. 36; Dz. Kość
Helw. Wyzn. w W. Ks. Litw. Łukaszew. т. 1, стр. 10—13.
Страдала-ли тогда отъ протестантства и Православная
Западно-Русская Церковь,—мы объ этомъ не находимъ
свѣдѣній; но самый этотъ недостатокъ свѣдѣній при-
водитъ насъ къ заключенію, что враги Латинства сна-
чала оставляли въ покоѣ мучениковъ отъ Латинства.
(У Лукаш. стр. 13.) Правда, мы имѣемъ неопровержи-
мыя доказательства того, что Православные Литовско-
Русскіе во все послѣдующее время жили очень мирно
съ протестантами (Увидимъ это изъ событій 1595, 1595
и 1599 годовъ), но знаемъ также, что при самомъ по-
явленіи протестантства въ Литвѣ здѣсь раздался силь-
ный голосъ знаменитаго изгнанника Восточной Россіи
Князя Курбскаго, который въ слухъ лучшихъ людей
того времени провозглашалъ, что ученіе Лютера, подъ
личиною истины, скрываетъ злую ересь. (Сказан. Князя
Курбскаго т. 2. письма I-е, IV-е, V-е, VI-е и XI-е.)
Знаемъ также, что самый сильный и благотворный со-

юзъ Православныхъ съ Лютеранами разрушился немедленно, какъ скоро на ряду съ дѣлами гражданскими начали разсуждать о примирѣннн съ протестантами въ вѣрѣ. (Разумаемъ союзъ 1599 года.) —

94.) Dz. i praw. Kośc. Polsk. Ostrowsk. т. 3. стр. 181. —

95.) Obr. Litw. Jarosz. т. 2. стр. 75—77.

96.) Dz. i praw. Kośc. Polsk. Ostrow. т. 3. стр. 121.

Начало Уніи — Зубриц. Чт. М. Общ. Истор. и Др. 1847—8 № 7. стр. 18. —

97.) Dę. nar. Litw. Narb. т. 9. стр. 477; Dz. i pr. Kośc. Polsk. Ostrowsk. т. 3, стр. 101—105.—

98.) Narb. тамъ-же стр. 411—415.—

99.) Тамъ-же стр. 445—451.—

100.) Тамъ-же стр. 450, 461—463.—

101.) Obr. Litw. Jarosz. т. 3. примѣч. 25, стр. 167 — 168. —

102.) Тамъ-же т. 2. стр. 79; Dz. Nar. Litw. Narb. т. 9. стр. 411—413; Wilno Krasz. т. 1, стр. 293. —

103.) Въ Польшѣ протестантство распространилось гораздо меньше, чѣмъ въ Литвѣ, гдѣ Латинство держалось до тѣхъ поръ больше внѣшнюю силою, чѣмъ твердостью убѣжденій, и Польша раньше приняла противъ него мѣры. Она ввела у себя Іезуитовъ въ 1565 г. Obr. Litw. Jarosz. т. 3, стр. 39. —

104.) Тамъ-же т. 2. стр. 122—123, и примѣч. 95.

105.) Тамъ-же § 35, 36.

106.) Dz. nr. Litw. Narb. т. 9, стр. 449; Obr. Litw. Jarosz. т. 2, стр. 76; Нач. Уніи Зубриц. Чт. М. Общ. Истор. и Др. 1847—8, № 7, стр. 17. —

107.) Нач. Уніи Зубриц. тамъ-же стр. 19.—

108.) Obr. Litw. Jarosz. т. 3, стр. 39. —

109.) Dz. nr. Litw. Narb. т. 9, стр. 479—480. —

110.) Wilno—Kraszew. т. 1. стр. 283—284. —

111.) Histor. szkół w Kor. i W. Ks. Litw. Łukaszewicza т. 1, стр. 252.—Превосходная статья объ этомъ предметѣ у Г. Ярошевича т. 3, §§ 22—26. — Мы не можемъ сдѣлать изъ ней выписокъ, потому что въ ней нельзя дѣлать выбора лучшихъ мѣстъ: тамъ все хорошо, но выписка всего заняла бы нѣсколько листовъ.

112.) Wilno Krasz. т. 1 стр. 293—295. —

113.) Тамъ же стр. 295—296. —

114.) Баторій откровенно сказалъ Полякамъ, что готовъ принять то ученіе вѣры, какое будетъ признано необходимымъ. Obr. Litw. Jarosz. т. 3, стр. 39. —

115.) Тамъ же. —

116.) Тамъ же стр. 90—91, примѣч. 98 стр. 221. —

117.) Histor szkół w Kor. i W. Ks. Litw. Łukasz. т. 1 стр. 123; Акт. Западн. Росс. т. 3 № 137.—Въ примѣч. къ этому № помѣщена грамота Баторія отъ 1582 года въ которой онъ отдаетъ Іезуитамъ почти всѣ Церкви и монастыри Полоцкіе. На этомъ основаніи одни утверждаютъ, что Баторій былъ весьма ревностенъ къ Латинской Церкви, а другіе къ этому прибавляютъ еще сильную укоризну совершенно безвинному Православному Полоцкому Архіепископу Теофану за то, что онъ по нерадѣнію будтобы (!) допустилъ подобное расхищеніе Православной Церкви. Прав. Собесѣдн. за 1858 г. м. Май стр. 65.—Но дѣло происходило гораздо проще. Баторій тогда только что отнялъ Полоцкъ отъ Россіи.—Іезуи-

ты лучше войска могли упрочить за нимъ эту область и вотъ, онъ по праву раздраженнаго завоевателя, а не изъ усердія къ Латинству расхитилъ достояніе Православной Церкви.—Что же касается до обвиненій противъ Архіепископа Теофана то откудо видно, что онъ, дѣйствительно, молчалъ при этомъ расхищеніи? Въ Акт. Западн. Россіи мы находимъ королевскую грамоту (т. 3 № 135) Архіепископу Теофану, изъ которой видно, что Теофанъ старался и умѣлъ защищать свою Церковь, когда это было возможно.—Есть, правда, обвиненіе противъ Теофана—это жалоба Могилевскихъ жителей, что повѣренный Епископа нерадѣеть о Церкви Св. Спаса, а самъ Епископъ не посѣщаетъ ихъ города, но развѣ можно, не колеблясь, усматривать здѣсь связь съ разореніемъ Церкви отъ Баторіа?—Мы вооружаемся противъ этого мнѣнія о Полоцкомъ Архіепископѣ особенно потому, что авторъ указанной нами статьи пишетъ намъ по своему усмотрѣнію разряды недостойныхъ людей въ Западно-Русской Церкви съ обозначеніемъ 1-й, 2-й, 3-й, и т. д., не противопоставляя имъ вовсе очень не малаго, скажемъ даже—слишкомъ большаго разряда достойнѣйшихъ людей въ тогдашней Западно-Русской Церкви; поэтому читатель, незнакомый съ дѣломъ, принужденъ составлять самое превратное понятіе о цѣлой помѣстной—Православной Церкви. Конечно, эта односторонность и преувеличенія произошли отъ того, что автору этой статьи извѣстны очень немногія причины Уніи и ему необходимо было усилить ихъ, чтобы изъ нихъ слѣдовала Унія; но всякій ли читатель станетъ такъ именно объяснять это посрамленіе Западно-Русской Церкви, а не иначе?!—

118.) Начало Уніи Забриц. Чт. М. Общ. Ист. и Др. 1847—8 № 7, стр. 17.—

119.) Іезуиты, поселенные въ Полоцкой области въ 1582—3 г., такъ много надѣлали зла Православнымъ до 1587 года, что въ этомъ году Бѣлорусскіе дворяне требовали на сеймѣ, чтобы они были изгнаны изъ ихъ областей. Histor. societ. Ioch. pr. 5 lit. 2 n. 35; Albert. p. 220.—

120.) Miscell. Alb. W. Kojałow. стр. 69; Hist. societ. Iesu Rostowskiego—стр. 51; Obr. Litw. Iagosz. т. 3, стр. 75.—

121.) Начал. Уніи Зубриц. стр. 17.—

122.) Намѣкъ на участіе Іезуитовъ въ Уніи находится въ посланіи Львовскаго Братства къ Патріарху отъ 1492 года. Акт. Западн. Росс. т. 4 № 33.— Затѣмъ, въ Перестрогѣ говорится, что Іезуиты хлопотали передъ королемъ за Поцѣя и Терлецкаго, когда тѣ пріѣхали въ Краковъ передъ выѣздомъ въ Римъ. Тамъ же № 149 стр. 212.— Ни въ Эктезисѣ, ни въ Апокрисисѣ объ участіи Іезуитовъ въ Уніи ни слова, кромѣ того, что они упоминаются въ свитѣ Львовскаго Латинскаго Архіепископа Соликовскаго, бывшаго на соборѣ Братскомъ 1596 г.—

123.) Obr. Litw. Iagosz. т. 3, стр. 60.—

125.) Вопросъ о гражданскихъ правахъ Западно-Русской Церкви и Православнаго Литовско-Русскаго народа всегда былъ предметомъ самыхъ горячихъ споровъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ стоитъ только сличить сочиненія Православныхъ: Synopsis и Supplementum съ сочиненіями Уніятскими — Prawa i

przywileje.... ludziom w jedności będącym и Iedność Sta. — Главный узелъ всѣхъ споровъ заключался въ слѣдующемъ. Ягелло, Казимиръ, Александръ, дѣйствительно, издавали стѣснительныя постановленія противъ Православныхъ и дѣлали уступки только тѣмъ, кто желалъ принять Унію; но эти уступки были иногда такъ неопредѣленны, что ихъ можно было отнести и къ Православнымъ, наприм. въ грамотѣ Владислава Варискаго 1443 года. Далѣе по временамъ, особенно при вступленіи на престолъ тѣже Польскіе короли принуждены были давать разныя права и Православнымъ; особенно добры были къ нимъ Сигизмундъ старый и Сигизмундъ Августъ; но такихъ правъ Поляки очень часто не признавали законными; они не разъ даже жаловались Папѣ и получали отъ него Бреве, уничтожающее эти права. Такъ это было при Сигизмундѣ Августѣ. Такимъ образомъ, существовали разныя права Православнымъ; но рядомъ съ ними существовали также разныя стѣснительныя постановленія противъ Православныхъ и даже формальное уничтоженіе этихъ правъ. Изъ этого лабиринта съ трудомъ выходили образованные и доровитые писатели; что же сказать о судьяхъ,—особенно Латинскаго или Уніятскаго Вѣроисповѣданія? Подробнѣйшее изложеніе этого дѣла мы представимъ въ исторіи 'распространенія Уніи.—

126.) Подробное и очень удовлетворительное изложеніе этихъ правъ заключается въ многочисленныхъ жалованныхъ грамотахъ королей и частныхъ лицъ. Грамоты эти встрѣчаются въ Актахъ Западной Россіи черезъ каждыя двѣ, три страницы во всѣхъ пяти то-

махъ. Систематически изложилъ эти права Чапкій—
Orgawach ч. II-я.—

127.) Акт. Западн. Росс. № 146 слич. съ Иезуитскою Инструкцію Михаиу Рогозъ—Dzieje Kośc. Helweck. wyznania w Litwie—Łukaszewicza, т. 1 стр. 68.—

128.) Начало Уніи—Зубрицк. стр. 1.—

129.) Comment. brev. revum in polon: Solikowski
подъ 1575.—

130.) Извѣстно, что Баторій, будучи еще Седьмиградскимъ княземъ, прославилъ себя великими доблестями въ борьбѣ съ Турками, а что касается до его войны съ Россією, то Папа ясно высказалъ, что ожидаетъ отъ нея большой пользы для Латинской Церкви.—Histor. Russ. monument. т. 1 № 194.—

131.) Тамъ же № 213.—

132.) Письмо Поссевина напечатано въ Русскомъ переводѣ въ Историческ. извѣстіи о возникш. въ Польшѣ Уніи Бант.—Камен. стр. 31—33; слич. Supplement ad histor. Russ: monum. стр. 34—39.—

133.) Obrn. jedności Kreuzu стр. 102; Allat. de eccl. Orient. et Occident. Consens. p. 387.—

134.) Акт. Западн. Росс. т. 4 № 33; слич. Историч. извѣст. объ Уніи Бант. Кам. стр. 26.)

135.) Wilno Kraszew. т. 1 стр. 301.—

136.) См. Объ Источн. Уніи стр. 173, 4.—

137.) Акт. Западн. Росс. т. 4 № 33 11.—

138.) Нач. Уніи Зубриц. стр. 1—2.—

139.) Тамъ же: Акт. Западн. Росс. т. 3 № 140.—

140.) Апокр. л. 8.—

141.) Тамъ же; Забѣч. объ источн. Уніи стр. 173, 2.

142.) Какъ только Латиняне стали принуждать Православныхъ къ принятію новаго календаря; то тѣ прежде всего отговаривались тѣмъ, что имѣютъ на это запрещеніе отъ своего Патріарха (Константинопольскаго. Акт. Западн. Росс. т. 3, № 138) и эта мысль такъ сильно и гласно высказывалась всѣми, что ее уважилъ самъ Баторій и на этомъ собственно основаніи запретилъ принуждать Православныхъ къ новому календарю.—Тамъ же № 139.—

143.) Вопросъ этотъ рѣшаютъ то на основаніи однихъ позднѣйшихъ дѣйствій Іезуитовъ въ Уніятской Церкви забывая, что Уніятская и Православная Церкви далеко неравно были доступны вліянію Іезуитовъ, то на томъ основаніи, что Баторій былъ искренній другъ Іезуитовъ, ревностный Латинянинъ и все дѣлалъ въ угоду Іезуитамъ, Папѣ и Польскимъ Латинянамъ,—но мы сейчасъ увидимъ, что послѣ 1583 года ничего подобнаго не было.—Въ нашемъ рѣшеніи этого вопроса мы старались, по крайней мѣрѣ, неуклониться отъ того правила, чтобы наши соображенія и данныя мирились со всею исторіею Уніи.—

144.) Акт. Западн. Росс. т. 3 № 139; Апокрисисъ л. 8.—

145.) *Oratio nobilis equitis poloni in publico ordinum Regni illius consensu habita an: 1590.—*

146.) Въ жалованныхъ грамотахъ онъ прямо говорилъ, что такому—то даетъ такое—то духовное мѣсто въ награду за оказанныя государству заслуги. Акт. Западн. Росс. т. 3 № 158.—

147.) Тамъ же.—

148.) Русск; Бесѣда за 1858 г. III, кн: 1; науки стр: 9—13.—

149.) Dz. Kosc. Helw. wuz. w Litwie Łukaszew. т. 1 стр. 57—62.—

150.) Тамъ же стр. 61—62.—

151.) Лѣтоп. Львовск. Братства Ж. М. Нр. Провс. 1849 г. ч. LXII отд. II стр. 61—62.—

152.) Акт. Западн. Росс. т. 3 № 146; т. 4 № 14.—

153.) Тамъ же т. 3 №№ 133, 139, 140, 146, 149; т. 4 №№ 33, 45.—

154.) Тамъ же т. 4 № 33.—

155.) Тамъ же и № 45.—

156.) Тамъ же № 45.—

157.) Живая картина этой дѣятельности изображена въ письмахъ князя Курбскаго къ разнымъ лицамъ въ Литвѣ. — Сказаніе княз. Курбск. ч 2 стр. 157—256; также *Обг. Litw. Iagosz.* т. 3. стр. 82.—

158.) Акт. Западн. Росс. т. 4 № 71 и 72; предисловіе къ *Weryficatij niewinności.*—

159.) Тамъ же въ *Weryficatij niewinności.*—

160.) Таково, по нашему мнѣнію происхожденіе Братствъ: они имѣли неразрывную связь съ Православнымъ Литовскимъ Патронатомъ и составляли высшее его развитіе.—Недавно появилось у насъ сочиненіе: *О Православныхъ Церковныхъ Братствахъ, противоборствовавшихъ Уніи въ Югозападной Россіи въ XVI, XVII и XVIII столѣтіяхъ*, соч. (курсовое) Священника Магистра Іоанна Флерова Спб. 1857 г.—Достоинства этого сочиненія слѣдующія: авторъ составилъ стройную, обширную, общающую нѣсколько томовъ сочиненія программу; далѣе по этой программѣ соб-

рала всѣ замѣчательные факты о Братствахъ и изложилъ ихъ въ строгомъ соотвѣтствіи съ программю.— Для справокъ его книга весьма полезна; но въ ней не раскрыты ни дѣйствительное происхожденіе Братствъ, ни ихъ значеніе въ исторіи Уніи. Подобные вопросы и не вошли въ программу этого сочиненія?! См. о Братствъ. стр. I—III.—

161.) Акт. Западн. Росс. т. 4 № 149 стр. 205—206.—

162.) Это время пребыванія Патріарха въ Литвѣ, а не въ 1588 году со всею точностію опредѣлено въ 17-мъ примѣч. къ 4-му т. Акт. Зап. Россіи.—

163.) Авторъ Антиррисиса говоритъ, что Патріархъ съ большимъ трудомъ получалъ отъ короля эту грамоту—*ledwie uprosił*. стр. 74 слич. Акт. Западн. Росс. т. 4 стр. 206.—

164.) Акт. Западн. Росс. т. 4 № 16.—

165.) Мнѣніе о соборномъ низложеніи Онисифора, хотя давнее, но совершенно неосновательно. Онисифоръ самъ оставилъ кафедру, какъ объ этомъ прямо говорится въ королевской грамотѣ. Тамъ же № 19 справ. примѣч. къ этому номеру.—

166.) Онъ, какъ увидимъ послѣ, до 1595 г. всегда сильно защищалъ Братства.

167.) До настоящаго времени, сколько намъ извѣстно, никто изъ Православныхъ не приписывалъ Митрополиту Рогозѣ ни Іезуитскаго образованія, ни связей съ Іезуитами до 1595-го или даже до 1596 года. Напротивъ, въ сужденіяхъ Православныхъ писателей о Рогозѣ замѣтна даже иногда излишняя снисходительность. Сочинитель, напримѣръ Перестроги, современникъ, самый свѣдущій человекъ и лично знавшій Мит-

рополита, признаетъ его Православнымъ до послѣдняго дня собора 1596 года и вообще смотреть на Рогозу, какъ на жертву обмана и козней Поцѣя и Латинянъ. Правда, тотъ же авторъ говоритъ (Акт. Западн. Росс. т. 4 № 149 стр. 206), что Патріархъ Іеремія при поставленіи Рогозы въ Митрополита сомнѣвался въ его достоинствѣ и даже при рукоположеніи его сказалъ *при бытности зацныхъ людей у Вильни* такія слова: «аще достоинъ есть, по вашему глаголу буди достоинъ, аще же ли нѣсть достоинъ, а вы его достойнаго удаете, азъ чистъ есмь: вы узрите», слова очень многозначенательныя и, повидимому, равносильныя признанію Михаила недостойнымъ Митрополичьего сана. Но тотъ-же авторъ Перестроги далеко не такъ понималъ ихъ: онъ говоритъ, что Патріархъ сказалъ ихъ *Духомъ святымъ подобно провидячи*, ижъ онъ (Михаилъ) мѣлъ отступникомъ зостати (тамъ же). Понималъ ли бы такъ авторъ Перестроги эти слова, если бы при посвященіи Михайла, дѣйствительно, находили что-нибудь противъ него,—что конечно было бы извѣстно этому автору, имѣвшему такія подробныя свѣдѣнія о поставленіи Михайла. Замѣтимъ, что слова Патріарха—аще достоинъ.... сказаны открыто въ присутствіи лучшихъ людей того времени, которые не могли не давать себѣ въ нихъ отчета и, слѣдовательно, не могли не взвѣшивать при этомъ всѣхъ качествъ Михайла. Чѣмъ же однако вызваны были пророческія слова Константинопольскаго Патріарха? Тогдашними обстоятельствами Западно-Русской Церкви.—Патріархъ понималъ, какая опасность грозитъ этой Церкви и какой искусный кормчій нуженъ теперь для нея! Самъ

онъ призванъ былъ въ Литву искоренить зло въ этой Церкви и имѣлъ случай ясно увидѣть его; но не имѣлъ ни времени, ни средствъ узнать все доброе въ этой Церкви и самъ выбрать достойнаго Митрополита. Вотъ, почему Патріархъ предоставилъ этотъ выборъ лучшимъ людямъ того времени; но боясь ихъ ошибки въ этомъ случаѣ, связалъ ихъ совѣсть. Соображая всѣ эти обстоятельства, мы не знаемъ, кого-бы изъ достойнѣйшихъ людей того времени посвящалъ Патріархъ въ Митрополита безъ этихъ знаменательныхъ словъ?—Вотъ, почему самъ авторъ Перестроги, уважавшій Патріарха Іеремію до благоговѣнія, приведши эти слова, не колебался далѣе выражать свое убѣжденіе въ томъ, что послѣ посвященія Михаилъ былъ Православнымъ до 1596 года.—Мы увидимъ, что и соборъ Православный въ Брестѣ 1596 года время измѣны Митрополита полагалъ не раньше 1594 года.—Только Уніаты, то для оправданія другихъ дѣятелей Уніи, то для мнимой славы самаго Михаила утверждали, что онъ зналъ объ Уніи гораздо раньше 1596 года. Но и они проговаривались, что до 1593 года Рогоза былъ не расположенъ къ Латинянамъ (*Αυτίρησις* стр. 46 — *nieżyczliwy Rzymianom*). — Такъ думали о Михаилѣ въ древнія времена. Но въ недавнее время явился новый взглядъ на это лице. Авторъ сочиненія: О зловредныхъ дѣйствіяхъ Іезуитовъ въ отношеніи къ Православной Церкви въ Россіи.... Г. Лиловъ (тогда еще студентъ) утверждаетъ (стр. 157 — 166), что Рогоза былъ «воспитанникомъ, тайнымъ соумышленникомъ Іезуитовъ и съ первыхъ дней вступленія на престолъ Православной

Митрополитъ взялъ на себя выполнение задачи Іезуитовъ». Мы не обратили бы вниманія на этотъ ранній, основанный на одностороннемъ лишь знаніи дѣла взглядъ молодого издѣвателя Уніи; но онъ повторенъ въ нынѣшнемъ году въ такомъ изданіи, которое достойно пользуется вниманіемъ немалаго числа людей, читающихъ произведенія нашей духовной Литературы (Правосл. Собесѣдн. 1858 г. м. Іюнь стр. 235—249). Поэтому вынуждаемся разобрать этотъ взглядъ, ограждая себя въ настоящемъ случаѣ —тою мыслию, что разборъ частной мысли одной статьи Православн. Собесѣдника не есть разборъ самаго Журнала.—Новый взглядъ на воспитаніе и образъ мыслей и дѣйствій Митрополита Михаила до 1595—6 г. основанъ единственно на данной ему Іезуитами Инструкціи. Извлечение изъ этой инструкціи помѣщено у г. Лукашевича въ его сочиненіи—Dz. i pr. Kośc. Helw. wuzn. w Litwie т. 1 стр. 68.—Но здѣсь нерѣшенъ одинъ очень важный вопросъ—когда имѣнно дана эта Инструкція, чего не позаботился рѣшить и авторъ указанной нами статьи. Обязанность эта падаетъ на насъ.—Въ инструкціи этой говорится объ Уніи, какъ о дѣлѣ начатомъ лицами Западно-Русской Церкви, которое Митрополитъ долженъ кончить: слѣдовательно, она не могла быть дана раньше 1592 года,—значитъ Митрополитъ въ продолженіи слишкомъ двухъ лѣтъ своего правленія не могъ ей слѣдовать. Далѣе, въ ней говорится о сенаторскихъ мѣстахъ Митрополиту и Епископамъ, какъ о наградахъ за Унію, а мы знаемъ, что о сенаторскихъ мѣстахъ не было и помину до 1593 года. Въ списокѣ на Унію Епископовъ 1591 г. въ королевской

жалованной грамотѣ по этому случаю 1592 г., которая не могла быть дана безъ вѣдома Іезуитовъ, не говорится о сенаторскихъ мѣстахъ ни слова. Вопросъ объ нихъ поднять былъ въ 1593 году княземъ Острожскимъ и поддержанъ Поцѣмъ, какъ увидимъ все это послѣ. Это наводитъ на мысль, что Іезуитская инструкция дана была Митрополиту не раньше 1594 г., когда Рогоза, дѣйствительно, и принялъ участіе въ Уніи, какъ это тоже увидимъ въ свое время. Но когда бы ни была дана эта инструкция, Михаилъ очень плохо ей слѣдовалъ, и въ этомъ прежде всего и лучше всего убѣждаетъ насъ переписка съ нимъ Поцѣя. Поцѣй до крайности былъ недоволенъ имъ, осуждалъ его за нерѣшительность и постоянно боялся, что Митрополитъ оставитъ всѣхъ виновниковъ Уніи. Самъ король былъ недоволенъ имъ и Іезуиты готовили новаго Митрополита. Какимъ же образомъ достойный воспитанникъ Іезуитовъ былъ такъ равнодушенъ къ Уніи и наставленіямъ своихъ учителей?! Да онъ вовсе не былъ ученикомъ Іезуитовъ! Онъ въ грамотѣ къ Виленскому Братству прямо сознается, что не умѣетъ читать по Латынѣ,—а могъ ли воспитанникъ Іезуитовъ даже самый плохой не знать читать по Латынѣ и не ужели между Виленскими братчиками не было никого, кто-бы могъ обличить Митрополита, если бы онъ, предположимъ трудное дѣло, въ этомъ случаѣ згаль передъ ними такъ открыто? Правда, мы не имѣемъ ни обличенія лжи, ни свидѣтельства истины этого наивнаго признанія Митрополита; но мы имѣемъ свидѣтельство самаго Поцѣя, 1593 года, передъ княземъ Острожскимъ, что Митрополитъ не расположенъ къ Латинянамъ (ука-

занное мѣсто въ *Αντιρρησις*) и искренность этого свидѣтельства подтверждается всѣми письмами Поцѣя къ Митрополиту; имѣемъ далѣе очень важное въ настоящемъ случаѣ молчаніа о Іезуитскомъ воспитаніи Михаила и его связяхъ съ Іезуитами—всѣхъ Православныхъ писателей, которые, осуждая Митрополита за то или другое, въ тоже время, рядомъ съ нимъ попрекали Поцѣя Краковскаго Академіею (далеко не такъ нелюбимою, какъ Іезуитскія Коллегіи) и связями съ иновѣрцами; имѣемъ свидѣтельство лучшихъ людей Западно-Русской Церкви, которые избрали Михаила на Митрополитій престолъ и приняли это дѣло сознательно, на свою совѣсть; имѣемъ, наконецъ, свидѣтельство самого Михаила при послѣднемъ издыханіи: онъ умеръ раскаявшись въ Уніи! На какомъ же основаніи держится новый взглядъ относительно Іезуитскаго воспитанія и тайнаго единомыслія съ Іезуитами Михаила до 1694 года? Не знаемъ.—

168.) Акт. Западн. Росс. т. 4 № 17.—

169.) Тамъ же № 149 стр. 206; Нач. Уніи Зубрицк. стр. 8.—

170.) Акт. Западн. Росс. т. 4 № 17.—

171.) Г. Иванишевъ въ статьѣ: свѣдѣнія о началѣ Уніи (Русск. Бесѣда 1858 г. III, кн. 1 науки стр. 15) говоритъ, что Терлецкій происходилъ изъ дворянской фамиліи, имѣвшей свои имѣнія въ *Перемышльской области*; но это были совершенно другіе Терлепкіе. Кириллъ Терлецкій былъ родомъ изъ Пинской области (Акт. Западн. Росс. т. 3 № 65 и примѣч. къ нему) и здѣсь имѣлъ помѣстье (тамъ же т. 4 № 149 стр. 210 стл. 2-й).—

172.) Объ умѣ и образованіи Кирилла мы не имѣемъ положительныхъ свидѣтельствъ, но заключаемъ объ этомъ на основаніи особенной близости Кирилла къ знаменитому поборнику Западно-Русской Церкви— князю Острожскому, который никакъ не допустилъ бы къ этой близости Епископа малоспособнаго и малообразованнаго,—и на основаніи того значенія, какое Кириллъ имѣлъ и въ Православной Иерархіи и потомъ между Уніятами.—

173.) Акт. Западн Росс. т. 3 № 65 и примѣч. 78.—

174.) Русск. Весѣда 1858 г. т. III. кн. 1. Науки стр. 9, 12—15.—

175.) Всѣ эти свѣдѣнія о дѣятельности Кирилла на Луцкой кафедрѣ взяты нами изъ указанной статьи Русской Бесѣды. Считаемъ своею обязанностию выразить здѣсь искреннюю благодарность автору этой статьи Г. Иванишеву за обнародованіе этихъ свѣдѣній.—Провѣряя безпристрастною историческою критикою всѣ общепринятые извѣстія о порочности Кирилла, мы никогда не признавали ихъ вѣрными. Преувеличенія и ненависть въ нихъ слишкомъ явны и не подтверждаются никакими официальными памятниками того времени. Но не имѣя ясныхъ доказательствъ ложности этихъ извѣстій, мы должны были ограничиваться однимъ сомнѣніемъ. Напечатанная недавно статья Г. Иванишева была для насъ истинною находкою и мы съ радостію взялись передѣлать въ этомъ мѣстѣ нашу рукопись.— Намъ всегда представлялось весьма страннымъ, почему Львовское Братство въ посланіи къ Патріарху (Акт: Западн: Росс. т. 4 № 33), перечисляя грѣхи всѣхъ Иерарховъ, и Брестскій Православный соборъ

1596 года, объясняя причины отпаденія владыкъ отъ Церкви, ни слова не говорятъ о порокахъ Кирилла Терлецкаго?—Странно также, почему авторъ Апокрисиса, рассказавшій о Кириллѣ даже то, что онъ въ Римѣ закупалъ не цѣломудренныя картины, не представилъ намъ никакого другаго доказательства порочности Кирилла, а писатель этотъ зналъ самыя задушевныя тайны жизни Уніатовъ и вовсе не любилъ молчать объ нихъ. Первый раскрылъ намъ мрачную картину порочныхъ и даже уголовныхъ дѣлъ Кирилла авторъ Перестроги, а за нимъ повторили писатели—Книги о единой Вѣрѣ и Густынской Лѣтописи и т. д.—Авторъ Перестроги при этомъ говоритъ, что всѣмъ извѣстны преступленія Кирилла.—Положимъ, но откуда же взялъ ихъ самъ почтенный авторъ? Въ Жидичинскомъ монастырѣ—Епархія Кирилла былъ въ началѣ Уніи человекъ очень близкій къ Львовскому Братству, къ которому принадлежалъ авторъ Перестроги—это братъ Гедеона, человекъ до крайности озлобленный противъ Кирилла. Свѣдѣнія этого человека могли подтверждать родственники предмѣстника Кирилла и тѣ изъ его духовенства, которымъ правитель города Луцка нашептывалъ въ судѣ обвиненія въ нечистой жизни противъ Кирилла и потомъ приказывалъ записывать, какъ собственныя ихъ показанія. Обвиненія эти далѣе могъ передать автору Перестроги войскій Луцкій Жданъ Броневскій, похитившій въ Острогѣ имущество Кирилла и когда Кириллъ жаловался, представившій свидѣтелей, которые доказывали, что Кириллъ самъ виновенъ въ ужасныхъ преступленіяхъ—въ кровосмѣшеніи, поддѣлкѣ монеты, убійствѣ, жестокости и

т. п.?!—Читая эти обвиненія, думаешь, что Кирилль былъ второй Иона Красенскій. Но неужели такія преступленія, открытыя въ присутствіи князя Острожскаго при свидѣтеляхъ—остались бы безъ всякихъ послѣдствій? Дѣло это, какъ теперь оказывается, благодаря изслѣдованіямъ Г. Иванишева, происходило не позже 1591 года, когда Кирилль ѣздилъ въ Польшу.— Но Кирилль въ то время еще былъ во враждѣ съ Правителемъ города Луцка,—не въ мирѣ онъ былъ и съ многочисленными родственниками своего предшественника Ионы Красенскаго; несомнѣнно также, что и между духовенствомъ много у него было недоброжелателей: неужели всѣ эти люди молчали бы о преступленіяхъ Кирилла передъ Комиссіею, пріѣзжавшею вскорѣ послѣ того въ Луцкъ для разбора тяжбы между Кирилломъ и правителемъ города Луцка? Нѣтъ, по всему видно, что авторъ Перестроги не проверилъ извѣстій о Кириллѣ и вѣроятноѣ всего смѣшалъ ихъ съ извѣстіями о предшественникѣ его Ionѣ Красенскомъ.—

176.) Русск. Бесѣда тамъ же стр. 20: Акт. Западн. Росс. т. 4 № 21.—

177.) Составитель Львовской Лѣтописи (Жури, Мин. Нр; Просв; 1849 г. ч. LXII ст: II стр. 21—22) говоритъ, что въ Тарнополѣ и въ Каменцѣ при Патріархѣ былъ Митрополитъ и пять Епископовъ. Незнаемъ, на чемъ основываетъ авторъ эти свѣдѣнія. Но въ памятникахъ Уніи мы находимъ противорѣчія имъ. Изъ Перестроги (Акт. Западн: Росс: т 4 № 149 стр. 207—208) видно, что при Патріархѣ сначала былъ Митрополитъ Протонотарій Григорій и что, когда Патріархъ

отправилъ его въ Литву съ грамотою противъ Кирилла, что было около 14 Августа 1589 года, и потомъ съ другою грамотою—Архиепископа своего Діонисія, что было не раньше самого конца 1589 года, то въ оба эти раза Митрополитъ былъ въ самой Литвѣ. Досто-вѣрно извѣстно только то, что когда Патріархъ уда-лился на предѣлы Литвы, то при немъ были Гедеонъ и Кириллъ. Акт. Западн. Росс. т. 4 № 21. Густ; Лѣт: въ Полн: Собр: Русс: Лѣт; т. 2 стр. 370.—

178.) Лѣт. Львовскаго Братства тамъ же стр. 22.—

179.) Дѣло о вознагражденіи Патріарху убытковъ, понесенныхъ въ Литвѣ, само по себѣ совершенно пусто, получило необычайное значеніе отъ тѣхъ толкованій, какимъ подвергалось въ то время и въ послѣдствіи.—Изложимъ его, какъ оно намъ представляется по сличенію всѣхъ извѣстныхъ объ немъ толковъ. Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что когда Патріархъ Іеремія пріѣхалъ въ Литву, то высшая Іерархія и знаменитые Патроны позаботились обезпечить средства его содержанія здѣсь.—Это и говорили всѣ Уніятскіе писатели, защищавшіе Митрополита Михаила.—Остается, значить, предполагать, что какія—нибудь особенныя обстоятельства вынудили Іеремію просить помощи. Эти обстоятельства довольно ясны при внимательномъ изслѣдованіи историческихъ извѣстій объ этомъ дѣлѣ. 6-го Августа 1589 года Патріархъ былъ въ Брестѣ (Русск. Бесѣд. 1858 г. III кн. 1. Науки стр. 20), а въ половинѣ его—въ Замостьѣ (Акт. Западн. Росс. т. 4 № 21).—Въ томъ и другомъ мѣстѣ содержаніе не стоило Патріарху ничего, потому что въ Брестѣ не могъ отказать ему въ немъ очень близ-

кій къ нему и очень богатый Епископъ Мелетій Хрептовичъ, а въ Замостьѣ, по свидѣтельству Перестроги, Патріархъ жилъ у Гетмана Яна Замойскаго, который окружалъ его своимъ вниманіемъ, какъ челоуѣка ученаго (Акт, Западн. Росс. т. 4 № 149 стр. 207). Переѣздъ Іереміи изъ Бреста въ Замостье можетъ быть стоилъ издержекъ, можетъ быть—нѣтъ; рѣшить это трудно. Но затѣмъ, дальнѣйшее его пребываніе въ предѣлахъ Литовско-Польскаго Государства не могло обойтись безъ значительныхъ издержекъ. Патріархъ пребывалъ въ Красномъ-Ставѣ, Гарнополѣ, Каменцѣ Подольскомъ почти до конца 1589 года. Переѣзды по этимъ мѣстамъ, не имѣвшимъ Епископскихъ каедръ и населеннымъ большею частію Поляками, и пребываніе здѣсь въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, безъ сомнѣнія стоили дорого. Какія же деньги долженъ былъ тратить на это Патріархъ? Пожертвованія, собранныя въ Восточной и Западной Россіи для устройства Патріаршей Церкви въ Константинополѣ, расхищенной Турками во время заточенія Іереміи на островѣ Родосѣ.—Не жалѣть такихъ издержекъ нельзя было: но кто же долженъ былъ вознаградить ихъ? Пребывая на предѣлахъ Литвы, Патріархъ постоянно занимался дѣлами Западно-Русской Церкви и вотъ, онъ обратился къ предстоятелю этой Церкви, прося его восполнить понесенную убыль собранной милостыни.— Очень можетъ быть, что прозба эта передана была Митрополиту черезъ его Протонотарія Григорія когда Патріархъ собирался уѣхать изъ Замостья. Но авторъ Перестроги и Густынская лѣтопись говорятъ, что она высказана была такъ же присланнымъ въ Литву по

дѣлу Терлецкаго Діонисіемъ, когда Патріархъ былъ уже въ Валахіи (Акт. Западн. Росс. т. 4 № 149 стр. 208 Густ. лѣт: во 2-мъ т. собр: лѣт: стр: 370).—Но если прозба о помощи высказана была въ то уже время, когда Патріархъ находился на предѣлахъ Запдно-Русской Митрополіи, то очень понятно, почему Михайль, довольно своекорыстный человекъ, отказался помочь Патріарху.—Онъ и безъ того имѣлъ неудовольствіе противъ Патріарха за то, что Патріархъ при поставленіи его въ Митрополита высказалъ сомнѣніе въ его достоинствѣ. Кромѣ того, теперь Кирилль, возвратившійся отъ Патріарха и имѣвшій случай узнать о двухъ Патріаршихъ грамотахъ противъ него, какъ это сейчасъ увидимъ, вооружилъ Митрополита еще болѣе. Онъ—то, по свидѣтельству Перестроги, и далъ первое ложное толкованіе прозбѣ Патріарха, говоря, что не аспръ, а червонецъ требуетъ Патріархъ (Акт. Западн. Росс. т. 4 № 149 стр. 209). Патріарха теперь не было въ Литвѣ,—трудно было объяснить дѣло въ настоящемъ его видѣ, а толковать его въ дурную сторону и не исполнять было очень легко. Наконецъ, мы сейчасъ увидимъ, что тогда уже начали распространяться разныя клеветы на Патріарха,—неудивительно, что онѣ могли имѣть вліяніе и на Михаила.—При такомъ взглядѣ обращаются въ ничто и сужденія о своекорыстіи Патріарха, а равно и мнѣнія нѣкоторыхъ новѣйшихъ изслѣдователей Уніи, будто Митрополитъ Михайль отказалъ Патріарху въ помощи не только по скупости, но и потому, что въ душѣ уже имѣлъ намѣреніе принять Унію?!—Но не имѣло ли въ самомъ дѣлѣ это столкновеніе сильнаго вліянія на Михаила въ

последствій? Нисколько. Митрополитъ принималъ потомъ отъ Патріарха грамоты, называлъ его киръ Іере-мією, верховнымъ своимъ Пастыремъ и, по свидѣтель-ству Перестроги, даже доносилъ Патріарху въ 1595 году о самоволіи Епископовъ, замышлявшихъ ѣхать въ Римъ (Акт. Западн. Росс. т. 4 № 149 стр. 212). «Все это дѣлалъ Митрополитъ по своей обычной хитрости и двоедушію»—скажутъ намъ?! Легко говорить это; но такъ ли было на самомъ дѣлѣ? Мы увидимъ, что да-леко не такъ.—

180.) Взглядъ Гедеона на Братства, какъ нельзя яснѣе, выразился въ его отношеніяхъ къ Львовскому Братству, описанныхъ со всею подробностію въ Львов-ской Лѣтописи Зубрицкаго (Журн. Мин. Нар. Про-свѣщ. 1849 ч. LXII отд. II—e). Взглядъ Кирилла и его единомышленниковъ переданъ авторомъ Перестроги (Акт. Западн. Росс. т. 4 № 149 стр. 211).—

181.) Акт. Запад: Русс: т. 4, стр. 209; слѣд. 208.—

182.) Въ грамотѣ Патріарха между прочимъ го-ворится..... *якіежь бы кольвекъ рѣчи противныя ему (Кириллу) и справамъ его духовнымъ Епископъ Ге-деонъ и стожь кольвекъ иной показати гдѣ кольвекъ.... смѣлъ и важился, подѣ якого кольвекъ датою, таковыя вси скрибы и листы, яко не слушныя, мы Патріархъ симъ листомъ нашимъ касуемъ. Тамъ же № 65.—*

183.) Письмо Θεодора Скумина къ Митрополиту. Тамъ же № 65.—

184.) Тамъ же № 33, 1.—

185.) Тамъ же № 56.—

186.) Тамъ же № 37; Русск. Бесѣд. 1858 г. III кн. 1. Науки стр. 2—3.—

- 187.) Акт. Западн. Росс. т. 4, № № 53, 58, 68.—
188.) Тамъ же № 65.—
189.) Тамъ же.—
190.) Тамъ же № 149 стр. 211.—
191.) Тамъ же № 56. Русск. Бесѣд. 1858 г. III кн. 1. Науки стр. 2—3.—
192.) Акт. Западн. Росс. №№ 56, 66.—
193.) См Русск. Бесѣд. тамъ же стр. 23—30.—
194.) Исторія сужденій о Гедеонѣ очень замѣчательна.—Современники Гедеона до 1596 г. какъ Православные, такъ и Уніаты и Латиняне имѣли объ немъ очень незавидное мнѣніе. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только прочитати донесенія Патріарху Львовскаго Братства 1592 г. (Акт. Западн. Росс. т. 4 № 33, 1 и 2), письмо Митрополита Михаила къ Замойскому 1594 г. (тамъ же № 51) и *Αὐτίρησις* (стр. 86). — Тѣ и другіе считали его человѣкомъ непостояннымъ, неуживчивымъ и никто тогда не сомнѣвался, что Гедеонъ склоненъ къ Уніи. Протестаціею противъ Терлецкаго 1595 г. Гедеонъ увѣрялъ, что онъ никогда не участвовалъ въ Уніи, но и послѣ этого ему недовѣряли (Лѣт. Львов. Братств. Ж. М. Н. Пр. 1849 г. ч. LXII отд. II стр. 75 подъ 1596 г.). Любовь Православныхъ Гедеонъ пріобрѣлъ уже послѣ 1596 года, когда явился непреклоннымъ и ревностнымъ Пастыремъ Православнымъ.—Тогда очень естественно было Православнымъ предать забвенію всѣ прежнія дѣла Гедеона. Но это забвеніе перешло и въ исторію. Въ исторіи стали даже отвергать участіе Гедеона въ Уніи. Протестація его противъ Уніи принята на слово и Гедеонъ считался у насъ неповиннымъ въ Уніи. Таково

было общее мнѣніе въ нашей Литературѣ до сороковыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія. Но съ этого времени начинаютъ совершенно иначе думать о Гедеонѣ.— Напечатанная въ 1849 году Лѣтопись Львовскаго Братства (Ж. М. Нр. Прос.) и потомъ 4 томъ Акт. Западн. Росс. представляютъ неоспоримыя доказательства того, что Гедеонъ дѣйствительно участвовалъ въ Уніи, хотя, разумѣется, никто изъ безпристрастныхъ изслѣдователей Уніи не подумаетъ отвергать истинныхъ заслугъ Гедеона передъ Западно-Русскою Церковію, послѣ 1596 года.—

195.) Акт. Западн. Росс. т. 3 № 14; Supplement ad hist. Russ. monum. №№ CLXIX—CLXXVII.—

196.) Supplem. ad. hist. Russ. monumenta стр. 147.—

197.) Еще отецъ Гедеона получилъ Львовскую кафедру независимо отъ ходатайства Латинскаго Епископа, потому что въ указанной выше грамотѣ Supplem. Сигизмундъ Августъ только доводитъ до свѣдѣнія Латинскаго Епископа о назначеніи Марка на Львовскую Православную кафедру, но ни слова не говоритъ, что бы это назначеніе послѣдовало по его ходатайству, однако самое право оставляется въ этой грамотѣ за Латинскимъ Епископомъ.—

198.) Акт. Западн. Росс. т. 3 № 140.—

199.) Тамъ же № 147.—

200.) Лѣтоп. Львов. Брат. Ж. М. Нр. Просв. 1849 г. ч. LXII подъ 1586 г.—

201.) Лѣтоп. Львовскаго Братства, начиная съ 1587 года.—

202.) Лѣт. Львов. Брат. подъ 1588 г.—Замѣчательно, что это было вскорѣ послѣ того, какъ Пат-

ріархъ Іеремія (въ 1587 г.) осудилъ Гедеона за преслѣдованія Братства. Акт. Западн. Росс. т. 3 — 167.—

203.) Лѣт. Льв. Братст. подъ 1588 и 1589 г.—

204.) Митрополитъ въ письмѣ къ Яну Замойскому 1594 г. говоритъ, что ему поручено было Патріархомъ наблюдать—исправится ли Гедеонъ. (Акт. Западн. Росс. т. 4 № 41). Кириллу вообще дана власть наблюдать за Епископами. (Тамъ же № 21.—Патріаршая грамота). Но теперь въ грамотѣ Патріарха это право высказано по случаю навѣтовъ Гедеона—слѣдов: мы можемъ думать, что оно теперь и повторено было, главнымъ образомъ, противъ Гедеона.—

205.) Гедеонъ находился въ немилости у Патріарха еще съ 1587 г. (Акт. Западн. Росс. т. 3 № 167),—но не исправлялся и послѣ во все время пребыванія Іереміи въ Литвѣ. Власть Патріарха, какъ видно, была для него очень тягостна: понятно послѣ этого, что онъ враждебно посмотрѣлъ и на Кирилла, когда тотъ получилъ санъ Экзарха. Впрочемъ, мы не отвергаемъ, что могли быть и другія причины вражды Гедеона съ Кирилломъ.—

206.) Лѣтоп. Львовск. Брат. Ж. М. Нр. Провс. 1849 г. ч. LXII подъ 1591 г.—

207.) Считаеиъ неизлишнимъ показать здѣсь, какъ неправильно изложилъ все это дѣло авторъ Перестроги (Акт. Западн. Росс. т. 4 № 149 стр. 207—208), а за нимъ писатель Густынской Лѣтописи (Полн. Собр. Лѣтоп. т. 2 стр. 370) и всѣ позднѣйшіе наши изслѣдователи Уніи. Они говорятъ, что Патріархъ, въ Замостье будтобы возвратившійся изъ Москвы, послалъ Митрополиту черезъ его Протоиотарія Григорія пове-

лѣніе созвать соборъ. Одно это извѣстіе будтобы встревожило Кирилла и Гедеона и оба они поспѣшили къ Патріарху въ Замостье просить прощенія, а Кириллъ изъ боязни, чтобы Митрополитъ не созвалъ собора въ его отсутствіе приказалъ своимъ слугамъ догнать Григорія и отнять грамоту о созваніи собора. Такимъ образомъ, оказывалось будтобы несомнѣннымъ 1.) то, что Кириллъ много чувствовалъ за собою преступленій, когда такъ боялся собора (изслѣдователи Уніи, основывавшіеся на этомъ расказѣ, не сочли нужнымъ сказать того же о Гедеоноѣ, не смотря на то, что у автора Перестроги и въ Густынской Лѣтописи обоимъ, этимъ Епископамъ приписывается страхъ собора); 2.) то, что Кириллъ и Гедеононъ въ это время были въ дружбѣ. Но этотъ расказъ, подавшій поводъ къ самымъ различнымъ и къ самымъ неправильнымъ заключеніямъ о началѣ Уніи, совершенно ниспровергается недавно открытыми памятниками строго официальнаго характера.—Мы видѣли, что еще въ началѣ Августа 1589 г. Патріархъ вмѣстѣ съ Западно-Русскими Іерархами составлялъ соборъ въ Брестѣ, на которомъ утвердилъ Кирилла Экзархомъ, и что послѣ того нѣкоторые Іерархи отправились сопровождать его до самыхъ границъ Валахін: слѣдовательно, теперь не время было созывать общій соборъ изъ всѣхъ Іерарховъ Западно-Русской Церкви и Патріархъ, дѣйствительно, какъ видимъ, не требовалъ теперь общаго собора.—Такимъ образомъ, обращаются въ ничто всѣ разсужденія о томъ, какъ Кириллъ теперь боялся собора, какъ онъ умолялъ Митрополита не созывать собора и какъ Митрополитъ постоянно отказывалъ Патріарху въ соборѣ,

легѣя уже въ то время замысль на Унію?!...—Дѣйствительно, было со стороны Патріарха требованіе собора, но не общаго, а частнаго—изъ двухъ, трехъ Іерарховъ и—собора по особенному случаю.—Извѣстіе о томъ, что Кирилль велѣлъ перехватить посланную по этому случаю грамоту къ Митрополиту прямо наводитъ на мысль, что въ этой грамотѣ дѣло касалось лично Кирилла и что оно устроено Кириллу было уже послѣ отъѣзда Патріарха изъ Бреста послѣ 6 Августа иначе Патріархъ, зная объ немъ дурное раньше этого времени, никакъ не назначилъ бы его своимъ Экзархомъ. Кто же въ это время, которое, какъ увидимъ сейчасъ, могло продолжаться только по 14-е Августа,—сообщилъ Патріарху дурныя вѣсти о Кириллѣ. Патріархъ въ своей грамотѣ отъ 14-го Августа, которой содержаніе мы сейчасъ изложимъ въ текстѣ, самъ рассказываетъ, кто сообщилъ ему эти вѣсти: онъ винить въ этомъ Гедеона, указывая на него, какъ на не доброжелателя Кириллова.—Значитъ, Патріарху сообщены дурныя вѣсти о Кириллѣ его недоброжелателемъ,—обстоятельство, котораго никакъ нельзя упускать изъ виду при оцѣнкѣ этихъ извѣстій.—Сейчасъ увидимъ, какую оцѣнку ихъ сдѣлалъ самъ Патріархъ,—

208.) Акт. Западн. Росс. т. 4 № 21.—

209.) Гедеонъ въ то самое время, какъ обвинялъ передъ Патріархомъ Кирилла, обвинилъ и старшихъ Братчиковъ Львовскаго Братства и даже получилъ грамоту, въ которой Братчики отлучались отъ Церкви за низверженіе, будто бы, съ каедры Епископскаго Священника, Дѣло это теперь разъяснялось не въ пользу

Гедеона и ему грозило новое осужденіе отъ Патриарка (Лѣт. Львов. Братства подъ 1589 г.).—

210.) Акт. Западн. Росс. т. № 149 стр. 208.—
Густын. Лѣт. въ Полн. Собр. Лѣт. т. 2 стр. 370.—

211.) Кириллъ, какъ мы говорили уже, былъ прежде Протоіереемъ и потомъ Епископомъ въ Пинской Епархіи. Оттуда же онъ происходилъ родомъ и имѣлъ тамъ не мало родственниковъ.—

212.) Этотъ взглядъ на мѣсто служенія развился очень сильно въ Западно - Русской Церви. Тамъ обыкновенно давалась Епископія тому или другому лицу на всю жизнь и не требовалось никакого отчета въ управленіи.—Перемѣщеніе съ одной кафедръ на другую и отчетность въ дѣлахъ встрѣчаются въ исторіи Западно-Русскихъ Іерарховъ, какъ самыя рѣдкія явленія.—Отсюда, между прочимъ, происходила и слабость власти Митрополита надъ Епископами и нерасположеніе послѣднихъ подчиняться всякому постороннему требованію и, наконецъ, вмѣшательство мірянъ каждой Епархіи въ дѣла церковныя. — Послѣднее обстоятельство не мало можетъ прояснить намъ исторію Литовскаго Патроната и тѣхъ преслѣдованій, какимъ подвергалась Православная Церковь отъ своихъ мірянъ и Латинскихъ.—

213.) Акт. Западн. Росс. т. 4 № 149 стр. 208.
Густын. Лѣтоп. въ полн. Собр. Лѣт. т. 2 стр. 370.—

214.) Тамъ же.—

215.) Лѣт. Львов. Братства подъ 1589 г. Ж. М. Нар. Просв. 1849 г. ч. LXII от. II.—

216.) Весь этотъ рассказъ мы основываемъ на слѣдующихъ данныхъ. Изъ соборной грамоты Брестскаго

1590 г. Собора (Акт. Западн. Росс. т. 4 № 25) со всею справедливою можно заключать, что нѣкоторые Епископы, собиравшіеся въ Бельзѣ видѣлись съ Митрополитомъ раньше этого собора.— Далѣе, составитель Густынской Лѣтописи (полн. собр. Русск. Лѣт. т. 2 стр. 371.) говоритъ, что эти Епископы умоляли Митрополита созвать соборъ Брестскій и при этомъ даетъ понять, что это были Кириллъ Терлецкій, Гедeonъ Болобанъ, Ипатій Поцѣй и Михаилъ Перемышльскій — Но ни Поцѣй, ни Михаилъ Перемышльскій не могли умолять Митрополита объ этомъ соборѣ (1590 или 1591 г.) какъ Епископы, потому что оба еще тогда не были Епископами. Не могли также умолять объ этихъ соборахъ, и Кириллъ и Гедeonъ; потому что ни тому, ни другому, какъ увидимъ, не могло быть пользы отъ этихъ соборовъ. Слѣдовательно, если можно допускать какую нибудь долю правды въ этомъ свидѣтельствѣ составителя Густынской лѣтописи, то развѣ ту, что Кириллъ и Гедeonъ обращались къ Митрополиту съ прозьбою гораздо раньше Брестскаго собора 1590 г. и—съ прозьбою не о Брестскомъ открытомъ соборѣ, а о частномъ собраніи въ Бельзѣ, что, какъ увидимъ, дѣйствительно подтверждается событіями того времени.—Такимъ образомъ, мы приходимъ къ заключенію, что Кириллъ и Гедeonъ гораздо раньше Брестскаго Собора и даже Бельскаго совѣщанія сносились съ Митрополитомъ.—Какъ же они сносились лично или письменно? Авторъ Перестроги говоритъ, что они съѣхались съ Митрополитомъ и здѣсь Кириллъ примирился съ Протонотаріемъ Григоріемъ (Акт. Западн. Росс. т. 4 № 149 стр. 209 1). Сопо-

ставляя это свидѣтельство съ прежними нашими соображеніями, мы думаемъ, что этотъ съѣздъ ихъ былъ именно раньше Брестскаго Собора 1590 г. и даже Бельскаго. Подтвержденіемъ этому служитъ то, что по словамъ автора Перестроги Кириллъ здѣсь мирился съ Григоріемъ. Въ самомъ дѣлѣ, если Кириллъ, дѣйствительно, боялся бѣды за побои, нанесенные Григорію, то онъ не могъ не поспѣшить поскорѣе примириться съ нимъ.—Побои нанесены въ половинѣ 1589 года, до конца котораго Кириллъ сопровождалъ Патріарха до границъ Валахіи, слѣдовательно, примиреніе могло произойти не раньше 1590 года, но никакъ и не позже первой половины его,—не позже потому, что въ половинѣ этого года былъ Брестскій Соборъ, на которомъ Григорій могъ потребовать справедливаго удовлетворенія. — Считаемъ не лишнимъ замѣтить, что и авторъ Перестроги помѣщаетъ въ своемъ разсказѣ примиреніе Кирилла съ Григоріемъ немедленно послѣ того, какъ только разсказалъ о похищеніи Кирилломъ Патріаршей грамоты у Мелетія Брестскаго. За тѣмъ, у автора Перестроги дополняется разсказъ и онъ беретъ событіе изъ 1595 года (Акт. Западн. Росс. т. 4 №№ 64, 86.)— о томъ, какъ Кириллъ выхлопоталъ Григорію Полоцкую Архіепископію. Многие изслѣдователи Уніи, не различая начала и конца этого разсказа, пришли къ заключенію, что это примиреніе происходило въ 1595 или 1594 году?!

217.) И авторъ Перестроги и составитель Густынской Лѣтописи, дѣйствительно, влагаютъ въ уста Кирилла эти разсужденія каждый разъ, когда только говорятъ, что Кириллъ убѣждалъ того или другаго Іерар-

ха пристать къ Уніи. Акт. Западн. Росс. т. 4 № 149 стр. 211. Полн. Собр. Лѣт. т. 2 стр. 371.

218.) Акт. Западн. Росс. т. 4 № 25 и примѣчан. предыдущее.

219.) Изъ протестаціи Гедео́на (Русск. Бесѣд. 1858 г. III кн. 1 стр. 39—40) ясно видно, что на этомъ соборѣ были многіе вельможи и что они принимали дѣятельное участіе въ его дѣлахъ.—

220.) Кто изъ Епископовъ былъ на Бельскомъ совѣщаніи,—это открывается слѣдующимъ образомъ. Гедео́нъ въ своей протестаціи противъ Кирилла, указанной нами въ предъидущемъ примѣчаніи, говоритъ, что онъ, Кириллъ, Леонтій и Діонисій рѣшили въ 1590 году на Брестскомъ соборѣ составить жалобу къ королю на притѣсненія Церкви и что для этого даны были Кириллу бланкеты, Въ грамотѣ на Унію отъ того времени написанной, будто бы, на одномъ изъ этихъ бланкетовъ, дѣйствительно, есть эти четыре надписи. Но мы увидимъ, что бланкеты отъ этихъ четырехъ Епископовъ, если только давались для составленія жалобы, то были даны не на Брестскомъ соборѣ 1590 года, а раньше, именно на Бельскомъ совѣщаніи, на которомъ слѣдовательно были: Кириллъ, Гедео́нъ, Леонтій и Діонисій.—

221.) Акт. Западн. Росс. т. 4 № 33—1.—

222.) Слово «списаться» имѣло въ Западно-Русскомъ нарѣчій особое значеніе. Когда нѣсколько лицъ договаривались, соглашались на какое нибудь дѣло и составляли для этого письменный документъ съ собственноручными подписями и печатами, то это называлось списаться на что нибудь т. е. подписаться на

что нибудь вмѣстѣ съ другимъ съ известнаго рода обязательствами.

223.) Тамъ же № 25.—

224.) Русск. Бес. 1858 г. III. Кн. 1 наук. стр. 39—41.—

225.) Думать, что бланкеты даны были во время самого собора тайно не позволяет ни протестация Гедеона, въ которой говорится, что это дѣло происходило открыто: ни соборное дѣяніе этого собора, по которому тогда Епископы Бельзскіе уже «списались»— Впрочемъ, мы этимъ не отвергаемъ, что на Брестскомъ соборѣ 1590 г. могли происходить тайныя совѣщанія и списки. Здѣсь мы говоримъ только о тѣхъ бланкетахъ, которые по словамъ Гедеона и по указанному соборному дѣянію известны были Брестскому собору.—

226.) Мы никогда не могли понять, какимъ образомъ тѣже изслѣдователи Уніи, которые дѣлали Кирилла какимъ-то чудовищемъ нравственной порчи, могли тутъ же рядомъ говорить, что этому общеизвестному чудовищу, трепещущему теперь на соборѣ, даны были бланкеты для составленія по его усмотрѣнію жалобы королю?—Тутъ могло бы быть развѣ одно изъ двухъ: или Кириллъ вовсе не получалъ бланкетовъ, какъ недостойный никакого довѣрія, или онъ вовсе не былъ нравственнымъ чудовищемъ. Но въ послѣднемъ случаѣ ему не было никакой нужды обманомъ вводить въ Унію людей, которые больше его имѣли побужденій желать ея.—Впрочемъ, сами по себѣ эти двѣ лжи не такъ важны, а важно то, что съ ними неразлучна третья ложь,—будто Брестскій Православный соборъ 1590 года, облекшій порочнѣйшаго Кирилла такую

важною довѣренностію, былъ безразсуднѣйшей соборъ.—Но разсматривая двѣ грамоты этого собора (Акт. Западн. Росс. т. 4 № 25 и 22. 11), мы никакъ не можемъ принять за истину этой лжи; впрочемъ и безъ этихъ грамотъ ее всегда нужно было бы назвать ложью.—

227.) Зубриц. Нач. Ун. Чт. М. Общ. Истор. и древн. 1848 № 7, стр. 29; Слич. Акт. Западн. Росс. т. 4 № 51.—

228.) Русск. Бесѣд. 1858 г. III. Кн. 1. Наук. стр. 40—41.—

229.) Тамъ же стр. 39;—

230.) Такой смыслъ имѣють всѣ жалобы Кирилла на тогдашнее положеніе. См. выше примѣч. 217.— Въ Антиррисисѣ стр. 76—прямо говорится, что Епископы, замышлявшіе принять Унію, просили короля—*aby nikt mimo Pana Zwierzchniego* (т. е. короля) *nad Władykami sobie nijakiej Iurisdikcij nie przywłaszczzał.*—

231.) Антиррисисъ стр. 86.—

232.) Полн. Собр. Лѣт. т. 2 стр. 371—2.—

233.) Тамъ же стр. 371.—

234.) Опис. Кіево-Соф. Соб. стр. 128.—

235.) Акт. Западн. Росс. т. 4 № 25.—

236.) Тамъ же № 33 11 цедула.—

237.) Полн. Собр. Лѣт. т. 2 стр. 371—372.—

238.) Русск. Бесѣд. 1858 г. III Кн. 1. Наук. стр. 29—30 —

239.) Перестрога. Акт, Западн. Росс. т. 4 № 149 стр. 210.—

240.) Грамота эта, какъ увидимъ, подписана и подана 1591 г.—

241.) Въ 1592 году объ пхъ ж зни знало Львовское Братство и доносило Константинопольскому Патриарху. Акт. Западн. Росс. т. 4 № 33, 1.—

242.) Лѣт. Львовск. Братства подь 1591 и 1592 года. — Журн. Мин. Народн. Просвѣщ. 1849 LXII отд. 11.—

243.) Русск. Бесѣд. 1858 г. III. Кн. 1 стр. 29—30; Перестрога. Акт. Западн. Росс. т. 4 № 149 стр. 210.—

244.) Русск. Бесѣд. тамъ же стр. 24—28.—

245.) Лѣт. Львовск. Братства подь 1590 годомъ.—

246.) Акт. Западн. Росс. т. 4 № 33, 11. Густын. Лѣт. въ Полн. Собран. Лѣт. т. 2 стр. 371.—

247.) Густын. Лѣтоп. тамъ же; Нач. Уп. Зубриц. въ Чт. М. Общ. Истор. и древн. 1848 года № 7 стр. 27—

248.) Вотъ эта грамота на Польскомъ языкѣ: W Jmie Beże stańsie, My Episkopi niżej mianowane osoby, oznajmujemy, iż według powinności naszej starać się nam należy tak o zbawienie nasze, jako i o lud chrześciański stado owieczek Chrystusowych nam od Boga poruczonych abyśmy do zgody i jedności wiedli, przeto z daru Bożego chcąc my jednego Pasterza starszego i namiestnika prawdziwego Piotra Świętego na stolicy Rzymskiej będącego naswiętszego Papę pasterzem naszym wyznawać i jego głową naszą mieć i onemu podlegać i słuhać zawždy, za czym Wielkie pomnożenie chwały Bożej w Cerkwi jego Świętej bydzь rozumiemy i niechcąc dalej na sumnieniach naszych tego ponosić, skłoniliśmy wałą i umysł nasz, jako się wyżej pomieniło posłuszenstwo naswietszemu Oycu papierzowi Rzymskiemu oddać y Cerkwie Boże pol wierz-

chność y Błogosławienstwo J. M. naswięższemu Papierzowi Rzymskiemu poddać, wyjmując tylko to sobie aby nam od naswięższego Papierza Rzymskiego Ceremonie i wszystkie, sprawy to jest Służba Boża i parządek Cerkiewny wszystkie, jako zdawna Cerkiew nasza S. Wschodnia dzierży, iżbu ni odmiennie do skończenia swiata w tym porzątku nienarusznie stała, a od J. Kr. M. Pana naszego Miłosciwego wolności nam przywilejami było warowane y Artykuły, które od nas podane będą utwierdzono, a my za tokowym upewnieniem i utwierdzeniem przywilejami od Naswięższego Papy i od Jego Królewskiej Mosci Pana naszego Miłosciwego przyrzekamy i tym listem naszym obowiązujemy się i obiecujemy pod zwierzchność i błogosławienstwo naswięższego Oycy Papierza Stolicy Rzymskiej podleć, co oswiadczać Bogu w Troycy jednemu tę myśl i chęć serca naszego, ten list z podpisem własnych rąk naszych i pieczęci kniemu przyłożywszy daliśmy do rąk bratu naszemu starszemu J. M. oycu Kiryłowi Terleckiemu, Exarchu i Episkopu Łuckiemu i Ostrożskiemu. Pisan w Brzesciu roku 1591, miesiąca Czerwca 24 dnia. (*Ἀντίρρησις* стр. 56—57). Въ *Ἀντίρρησις* передъ грамотою скасано: ktorí list i teraz ma u siebie Władyka Łucki (Терлецькій) pod pieczęciami i z podpisem rąk tych czterech władyk—Łuckiego (Кирилла), Łwowskiego (Гедеона), Pńskiego (Леонтія) i Chełmskiego (Діонисія) autintice (стр. 46), a въ Colloquium Lubelskie—сочиненія Унітскаго Митрополита Жоховскаго, вмѣстѣ съ грамотою выписаны и подписи: Kirył Terlecki Episkop Łucki i Ostrozki, Leonty Pelczynski Episkop Pński, Wołoban Episkop Łwowski, Dyonizy Zbiruyski Episkop Chełmski, (стр. 32) Здѣсь Datum означено 1590 года; но мы счи-

таемъ это ошибкою умышленною или неумышленною и слѣдуемъ Антиррисису, какъ сочиненію болѣе древнему (изд. 1600 г.) и болѣе дѣльному, а тамъ обозначенъ 1591 годъ. Этотъ годъ составленія грамоты, а не 1590, подтверждается и тѣмъ, что королевская жалованная грамота, данная въ слѣдствіе этой грамоты, обозначена во всѣхъ сочиненіяхъ, гдѣ только приводится или упоминается, 1592 годомъ, — а невозможно предположить, чтобы Сигизмундъ два года медлилъ излить щедрую милость Епископамъ, списавшимся на Унію будто бы въ 1590 году.

249.) Акт. Западн. Росс. т. 4 № 31 здѣсь говорится, что король получилъ извѣстіе (вѣдомость) о вмѣшательствѣ мірянъ въ дѣла Церковныя отъ *Митрополита* и что *Митрополитъ* просилъ о прекращеніи этого зла.—Эти выраженія королевской грамоты и самое постановленіе собора 1591 года необходимо заставляютъ предполагать, что еслибы для составленія этой жалобы даны были бланкеты, то въ нихъ была бы подпись и Митрополита, а между тѣмъ въ грамотѣ на Унію того времени, — нѣтъ этой подписи. Значитъ Кирилль воспользовался другимъ бланкетомъ безъ подписи Митрополита, а не тѣмъ который данъ былъ теперь съ этою подписью.—Но неужели Кирилль сдѣлалъ бы такой выборъ, если бы могъ его дѣлать и если бы имѣлъ намѣреніе обманомъ ввести въ Унію Западно-Русскихъ Іерарховъ?—Тогда бы онъ выбралъ тотъ бланкетъ, гдѣ были подписи всѣхъ Іерарховъ. Соображая все это необходимо думать, что если Митрополитъ поручилъ Кириллу отъ лица собора представить королю жалобу на притѣсненія, то и

написалъ эту жалобу, а не предоставлялъ составленіе ея самому Кириллу.—

250) Грамота эта напечатана въ Апокрисисѣ листь 9 и въ Supplementum Synopsis стр. 19,—упоминается въ Антиррисисѣ стр. 46—47. Выписываемъ ее изъ Апокрисиса: «Ознаймуемо тымъ нашимъ листомъ всѣмъ посполите и каждому зособна кому бы кольвекъ то вѣдати належало нынѣшнимъ и на потомъ будучимъ. Ижъ мы Господарь видячи быти прихильныхъ купоровнанью въ вѣрѣ святой Епископовъ релѣи (религіи) греческой Луцкаго Епископа, Львовскаго, Пинскаго и Холмскаго, которые до насъ господаря стымъ присылали, хотячи подъ зверхностию и благословенствомъ одного Пастыря найсвятѣйшаго отца нашего Папежа Римскаго быти и ему старшенство и зверхность признати, заховавши собѣ вцалѣ всѣ sprawy, порядокъ и церемоніи въ Церквахъ Божіихъ. Што мы Господарь видячи предсявзятъе ихъ потребное до речей збавеныхъ, тые отъ нихъ з вдячностью пріймуемо. а ижбы за таковую хуть (желаніе) свою ласки нашей господарской были вдячны и певны (увѣрены) тогда тымъ теперешнимъ листомъ привилеємъ нашимъ имъ самымъ всѣмъ помененымъ епископомъ, пресвитеромъ и всему духовенству Церкви Восточной релѣи греческой варуемо, увеняемо и словомъ нашимъ господарскимъ прирекаемо и обѣцуемо сами за собѣ и за найяснѣйшіе потомки наши ихъ м. кр Польскіи, ижъ хотя бы на тыхъ уречаныхъ Епископовъ по даню того листу привилею нашего, отъ Патріарховъ и Митрополитовъ якіе кольвекъ причины ку не благословенству были на нихъ вынайдованы и клятвы выношены, а выдаваны, ижъ то имъ Еписко-

номъ самымъ и всему духовенству ихъ намиѣй никгды нивчемъ шкодити (вредить) не маеть — и обѣцуюемо словомъ нашимъ крѣпкимъ для всякого оскарженья (обвиненія) и клятвы и оголашенія (объявленія) бы и добре противъ становъ ихъ (sic) ведлугъ правъ духовныхъ и свѣтскихъ было, для всѣхъ таковыхъ причинъ тыхъ достоинствъ, владыцтвъ на которыхъ они мешкають зданины предковъ нашихъ, отъ нихъ того неотымовати и прі ихъ животѣ иншимъ особамъ недавати, але заховати ихъ обѣцуюемо вцалѣ спримноженемъ ласки нашей и вывышеньемъ учтивости, въ покою на тыхъ владыцтвахъ, яко вѣрныхъ подданныхъ и Богомольцовъ нашихъ, доколя остатнего живота ихъ ставати будеть. Придаючи еще надъ то имъ и каждому ктобыся до такойъ едности и порядку прихилилѣ (склонилъ) свободы, вольности, по тому жъ, яко ихъ и духовные римскіе мають, такъ и они мають мѣти. Што мы обещуюемо еще и иншими (другими) привилеями нашими имъ падавати спримножнемъ ласки нашей господарской. а то все обещуюемо мы господаръ за насъ и за потомки наши тымъ помененымъ Епископомъ Кирилу Терлицкому владыце луцкому, Гедіонову Болобанову владыце львовскому, Леонтему Пелчицкому владыце пинскому, Діонисію Збируйскому владыце холмскому вцалѣ здѣржати до ихъ животовъ. А на твердость тоей рѣчи, далисмы имъ тотъ нашъ листъ привилей подписавши его рукою нашею королевскою, до котораго и печать коронную притискутисмы казали. писанъ въ краковѣ цѣсяца марта III (18) дня. року отъ пароженія Сына Божего мѣск (1592). Жикгимантъ король Польскій.

251) Русск. Бесѣда 1858 г. III. кн. 1. Науки стр. 28—29. Примиреніе это послѣдовало черезъ три мѣсяца (22-го Іюня 1592 года) съ небольшимъ послѣ того, какъ данъ былъ (18-го Марта 1592 г.) королевскій привилей Епископамъ, списавшимся на Унію.

252) Акт. Западн. Росс. т. 4. № 33. 1 и 11

253) Obr. Litw. Jagoszew. т. 3. §§ 16 и 17.

254) 25-го Генваря 1591 года Митрополитъ запретилъ Гедену преслѣдовать Львовское Братство подлѣ страхомъ отлученія отъ Церкви. Тоже подтвердилъ онъ 27-го Октября того же года, по случаю новой жалобы Братства. Лѣт. Львовск. Брат. подлѣ 1591 и 1592 г.—

255) Акт. Западн. Росс. т. 4. № 33. 11. приписка.

256) Тамъ же № 33, 1 и 2.

257) Тамъ же № 42.

258) Тамъ же примѣч.: къ Акт. 32, 49; грам. № 44.

259) Тамъ же № 33.

260) Тамъ же № 42; Льв. Лѣт Ж. М. Нар. Просв. 1849 г. LXII отд. II подлѣ 1592 г.—Составитель этой лѣтописи говоритъ, что только Михаила Перемышльскаго молва оглашала измѣнившимъ Православію; но изъ грамоты Михаила Перемышльскаго къ Львовскому Братству (Акт. Западн. Росс. т. 4, № 42) видно что и Рогозу подозрѣвали въ томъ же. «Въ которомъ писанью (письмѣ) дивные и неподобные и неслушные рѣчи, отъ людей злыхъ такъ на мене, яко и на его милость Митрополита пастыря нашего змышленные выписати ми его милость (Митрополитъ) рачиль....

261) Вельми смущается Церковь и вспять возвращается, паче же сановитыи, въ различныя ереси впадшии и хотящии возвратитися ко своему праворѣчію, нынѣ же отщеваются, хуляще церковное безчиніе: людіе же вси единогласно въпьюще, глаголють: яко аще неустроится церковное развращеніе въ конецъ розыидемся во отступленіи Римскаго послушанія и въ покои безмятежно пребудемъ. Слова изъ посланія Льв. Братства къ Патріарху. Акт. Запад. Росс. т. 4, № 33—1.

262) Тамъ же.

263) Біографія Поцѣя составлена Львомъ Кишкою и помѣщена при собраніи проповѣдей Поцѣя. Изд. 1714.

264) 1-го Вселенск: Собор. правл. 10-ое.

265) Акт. Западн. Росс. т. 4, № 149 стр. 209—210, подстрочное замѣчаніе.

266) Тамъ же № 44.— Не можемъ здѣсь не высказать одного соображенія, которое невольнo вызывается при сличеніи историческихъ памятниковъ Уніи. Намъ кажется, что Поцѣй еще раньше своего посвященія въ Епископа имѣлъ сношенія съ Епископами. замышлявшими принять Унію. Это предположеніе невольнo вызывается тѣмъ, что всѣ древніе свидѣтели Уніи указываютъ на него при всѣхъ дѣйствіяхъ этихъ Епископовъ. Не потому ли многіе и отнесли время поставленія Поцѣя въ Епископа къ 1590 г.—

267) Тамъ же № 149 стр. 210.

268) Тамъ же.— Львовское Братство съ похвалою отзывалось о Поцѣѣ въ посланіи къ Патріарху. Тамъ же № 33, 1.—

269.) Kronika Bychowca изд. Nagb. стр. 129—134. Kron. Strykowski. 648—654, по перв. изданію. Генеалогія князей Острожскихъ составлена Стебельскимъ,—Zywoty ss. Parascewii i Ewfrozyny т. 2-й. Chronologia Xiążąt Ostrożskich.

270) Отецъ его десять лѣтъ томился въ плѣну въ Москвѣ. — Nagb. т. 8, стр. 379 — Самъ Константинъ Константиновичъ приобрѣлъ въ Литовско-Польскомъ Государствѣ славу побѣдами надъ Русскими и при Баторіѣ убѣждалъ казаковъ идти противъ нихъ. Нач. Унія Зубриц. стр. 11. — Нѣтъ сомнѣнія, что князь Курбскій не мало усилилъ эту нерасположенность къ Русскимъ въ князѣ и въ другихъ Литовско-Русскихъ вельможахъ рассказами о томъ, что дѣлалъ тогда въ Россіи Іоаннъ IV.

271.) Dz. nar. Litw. Nagb. т. 9 стр. 450.—

272.) Первый разъ это письмо напечатано (въ переводѣ на Польскій языкъ) въ Антиррисисъ изд. 1600 г. стр. 41—46; потомъ (въ подлинникѣ) въ соч. Obgona Jedności.... Kreuze изд. 1617 г. стр. 96—100; далѣе (опять въ польскомъ переводѣ) въ соч. Prawa i przywileje... obywatelom... w jedności będącym изд. 1632 г. стр. 54 и въ Hierarchii Dubowicza изд. 1644 года стр. 211—215.—Въ новѣйшее время оно издано Археогрaфич. Коммиссією въ Акт. Западн. Росс. т. 4 № 45.—

273) Акт. Западн. Росс. т. 4 № 45.—

274.) Письмо это Поцѣй имѣлъ право прочитать на соборѣ.—

275.) Акт. Западн. Росс. т. 4 № 64 стр. 88.—

276.) Историч. Извѣст. объ Уніи Бант. Каменск.
стр. 33. —

277.) Supplem. ad hist. Russ. monument. № 65
стр. 156—157. —

278.) Слово *обряды* употребленное здѣсь не означаетъ Богослужебной обрядности, потому что обрядность самъ князь вездѣ называетъ церемоніями, порядками, но означаетъ весь составъ Вѣроисповѣданія, — отъ Польскаго слова—*obrzadek*—Вѣра, Религія. *Obzadek, obzadki Ruskie*—составъ Вѣроисповѣданія Русскаго.

279.) Антиррисисъ стр. 46 —

280.) Самъ Поцѣй въ отвѣтъ князю сказалъ, что никакъ не согласенъ ѣхать въ Россію съ предложениемъ Уніи. Тамъ же.—А что касается до Церкви Греческой, то виновники Уніи обыкновенно говорили, что она подъ властію Турокъ и не можетъ дѣйствовать самостоятельно.—

281.) Антиррисисъ тамъ же.—

282.) Въ 1593 году Митрополитъ погребовалъ Гедеона на соборъ для суда, а въ 1594 году низложилъ съ кафедры.—Лѣт. Львовск. Братств. подъ означенными годами.—

283.) *Przed przeszłym, rokiem* говорили на соборѣ 1596 года, (*tojest temu minęło czwarte lato*—слова писателя книги *Ekthesis*), *dowiedziawszysię świętej pamięci Iaremiasz Patriarcha Konstantynopolski, że ten Metropolit Michał wiele bezzakonnych i nieprzystojnych spraw roszpnił....* (изчисляются его преступления, главное, что онъ не низлагалъ недостойныхъ людей въ Іерархіи) *przez pisanie swe patryarsze excom-*

munikując go do czasu karanie słuszne nań włożył, rozkoszując tu w duchu Stym, aby się mógł uznać, a takowego bezzakoństwa przestać i aby złożeniem, jako Onisiforus koniecznym niebył karan sprawiedliwie,—такъ передавалъ въ 1597 г. соборное дѣяніе Брестскаго собора 1596 года сочинитель Ектесиса (стр. 19). Слѣдовательно Патріаршая грамота, осуждавшая Митрополита на временное запрещеніе, прислана была 1594 г. или въ концѣ 1593 г.

284.) Въ письмѣ къ Яну Замойскому Митрополитъ, между прочимъ, говоритъ, что противъ Гедеона «повторнѣ отъ святѣйшаго Патріарха декреты для зрученія зъ владыцтва выданы»—повторнѣ послѣ того, какъ Митрополитъ самъ былъ въ Львовѣ и разбиралъ его дѣло съ Братствомъ, т. е. послѣ 1591 г. (Акт. Западн. Росс. т. 4 № 51), а составитель Львовской Лѣтописи говоритъ, что Митрополитъ, осудивъ Гедеона соборно 1593 года, послалъ ему вмѣстѣ съ соборнымъ опредѣленіемъ и Патріаршее рѣшеніе (Львов. Лѣт. подъ 1593 г. Ж. М. Пр. Просв. 1849 г. ч. LXII отд. 11); слѣдоват: можно думать, что вторичная грамота Патріаршая противъ Гедеона прислана была не ранѣе 1592 и не позже 1593 года.—

285.) Дѣяніе собора 1594 г. Акт. Западн. Росс. т. 4 № 48.—

286.) Львовск. Лѣт. подъ 1594 г.—

287.) Synopsis abo krótkie zebranie spraw.... подъ 1694 г.—

288.) Соборн. Грам. Акт. Западн. Росс. т. 4 № 48 стр. 68, 1 столб.—

289.) Русск. Бесѣд. 1858 г. III кн. 1 Наука стр. 36—37. Слич. соборн. дѣяніе 1594 г. указанное въ предъидущемъ примѣчаніи.—

290.) Въ началѣ указанной выше соборной грамоты упоминается имя Кирилла Терлецкаго, какъ члена собора, но въ концѣ ея нѣтъ его подписи: этой странности нельзя объяснить тѣмъ, что Кириллъ, оставаясь до конца собора, не согласился подписать соборнаго опредѣленія, потому что въ такомъ случаѣ онъ не допустилъ бы, чтобы его имя вписали и въ началѣ грамоты. Гораздо правильнѣе думать, что Кириллъ уѣхалъ съ собора раньше его окончанія.—

291.) См. примѣч. 289.—

292.) Составитель Львовской Лѣтописи подъ 1594 г. говоритъ, что опредѣленіе о низложеніи Гедеона сдѣлано на Новогрудскомъ соборѣ 27 *Сентября* 1594 г. Но это явная ошибка.—Гедеонъ еще въ *Юль* этого года подавалъ протестъ противъ опредѣленія Брестскаго собора, осудившаго его въ *Юль*. Акт. Западн. Росс. т. 4 № 50.—

293.) Акт. Западн. Росс. т. 4 № 48.—

294.) Русск. Бесѣд. 1858 г. III. Кн. 1. Наука стр. 37.—

295.) Акт. Западн. Росс. т. 4 № 149 стр. 211. Здѣсь говорится, что Кириллъ сперва «намовилъ до себе Гедеона» и потомъ отправился съ нимъ въ Сокаль и дальше рассказываетъ, какъ онъ убѣждалъ собравшихся съдѣсь Епископовъ «приступить до послушенства Папезскаго».—Изъ извѣстій объ Уніи, помѣщенныхъ въ Русской Бесѣдѣ въ указанномъ выше мѣстѣ открывается, что предварительное совѣщаніе Гедеона проис-

ходило въ Жидычинѣ (Епархіи Терлецкаго). Само собою разумѣется,—оно было того же рода, что и Сокальское совѣщаніе.—

296.) Русск. Бесѣд. 1858 г. III. Кн. 1. Наук. стр. 40.—

597.) Акт. Западн. Росс. т. 4 № 149 стр. 211. Слич. Русск. Бесѣд. указан. года стр. 37—38.—

298.) Акт. Западн. Росс. т. 4 № 51.—

299.) Histr: szk: w Koron: i w W. Xęist. Litw. Łukasz: т. 1 стр. 127 —

300.) Тамъ же № 54. Объ этихъ собственноручныхъ условіяхъ Уніи Митрополита упоминается въ Уніятскомъ сочиненіи *Antiphosis* стр. 46—47.—

301.) Апокрисисъ стр. 3.—

302.) Акт. Западн. Росс. т. 4 № 56 слич. съ № 59.—

303.) Тамъ же № 59.—

304.) Тамъ же № 56.—

305.) Археографическая Коммиссія, издавшая эту грамоту по современному списку съ подписями Митрополита и другихъ Епископовъ, кромѣ Гедеона и Михаила Перемышльскаго, замѣтила, что въ Архивѣ Грекоунитскихъ Митрополитовъ находится подлинникъ этой грамоты за подписью только Поцѣя и Кирилла. Акт. Западн. Росс. т. 4 № 54.—

306.) Въ Генварѣ 1595 года (тамъ же № 56) Поцѣй извѣщалъ Митрополита, что уже всѣ Епископы списались на Унію, и дѣйствительно отъ конца 1594 года мы имѣемъ условія Уніи, которыя составили Епископы (тамъ же № 53) и вручили должно быть Терлецкому.—

307.) Тамъ же № 56.

308.) Тамъ же № 59.—

309.) Тамъ же № 56,—

310.) Тамъ же № 57.—

311.) Тамъ же № 59.—

312.) Тамъ же № 58.—Никакъ нельзя сомнѣваться въ подлинности напечатаннаго подъ этимъ №-мъ соборнаго Львовскаго дѣянiя. Объ немъ, спустя два мѣсяца, упоминалъ въ письмѣ къ Митрополиту Феодоръ Скуминъ. Тамъ же № 65.—

313.) Апокрисисъ л. 3 слич. Львовск. Лѣтоп. подъ 1595 г.—

314.) Апокрисисъ л. 3. Извлеченiе изъ этого письма—въ Опис. Кiево-Соф. Соб. прибавл. стр. 63—64.—

315.) Лѣт. Львовск. Братства подъ 1595 г.—

316.) Акт. Западн. Росс. т. 4 № 60.—

317.) Это видно изъ письма Поцѣя и Терлецкаго къ Митрополиту отъ 20 Мая 1595 г. Тамъ же № 66.—

318.) Тамъ же № 65.—

319.) Тамъ же № 66.—

320.) Тамъ же.—

321.) Тамъ же № 69.—

322.) Тамъ же.—

323.) Тамъ же.—

324.) Тамъ же № 149 стр. 212.—

325.) Тамъ же № 69—11.—

326.) Митрополитъ, писавшiй къ князю нѣсколько писемъ, только въ Сентябрѣ 1595 года жаловался, что его оклеветали передъ княземъ. Тамъ же № 87.—

327.) Тамъ же № 71.—

328.) Лѣт. Львовск. Братства подъ 1595 г.—

329.) Акт. Западн. Росс. т. 4 № 63.—

330.) Русск. Бесѣд. 1858 г. III, кн. 1. Науки стр. 39—41.—

331.) Акт. Западн. Росс. т. 4. № 72. Что эта грамота послана была черезъ Григорія, читана была въ собраніи и произвела волненіе—это видно изъ грамоты короля къ Митрополиту отъ 15 Іюля 1595 года. Тамъ же № 77.—

332.) Тамъ же № 74.—

333.) Ekthesis л. 3. —

334.) Акт. Запд. Росс. № 66. Русск. Бесѣд. стр. 34.—

335.) Акт. Западн. Росс. т. 4 № 68. Грамота эта подписанная 12 Іюня въ Брестѣ, никакъ не могла быть составлена въ присутствіи Митрополита въ Брестѣ того числа, какимъ подписана.—Не говоримъ уже о томъ, что тогда еще не вышелъ срокъ, взятый Митрополитомъ на размышленіе, но главное, въ это время Митрополитъ и Поцѣй были въ различныхъ мѣстахъ, очень неблизкихъ по разстоянію. Митрополитъ, спустя два дня послѣ этого мнимаго Брестскаго собора 1595 года 12 Іюня, былъ въ Новогрудкѣ (Акт. Западн. Росс. т. 4 № 69), а Поцѣй, спустя еще два дня, былъ въ Хелмской Епископіи (тамъ же № 70).—Не останавливаемся на другихъ доказательствахъ противъ этой грамоты и мнимаго собора Брестскаго 1595 года. Вскорѣ мы покажемъ, откуда произошло самое мнѣніе о томъ, что въ этомъ году былъ соборъ. Разборъ этого мнѣнія, мы думаемъ, лучшее возраженіе и противъ мнимаго Брестскаго собора 1595 г. и противъ его грамоты.—

336.) Русск. Бесѣд. стр. 41.—

337.) Изъ грамоты короля къ Митрополиту отъ 28 Юня 1595 г. (Акт. Западн. Росс. т. 4 № 77) видно, что Михаилъ далъ согласіе на Унію, когда Поцѣй и Терлецкій отпралялись теперъ въ Краковъ: но изъ послѣдующихъ дѣйствіи Митрополита открывається, что онъ искренно желалъ, чтобы дѣло Уніи предварительно,—раньше поѣздки Епископовъ Римъ,—было рѣшено на открытомъ соборѣ.—

338.) Тамъ же № 74.—

339.) Антиррисисъ стр. 62.—

340.) Акт. Западн. Росс. т. 4 № 77.—

341.) Тамъ же № 75.—

342.) Русск. Бесѣд. стр. 41.—

343.) Акт. Западн. Росс. т. 4 № 77.—

344.) Тамъ же № 78 —

345.) Тамъ же № 79.—

346.) Тамъ же № 77.—

347.) Тамъ же № 76.—

348.) Антиррисисъ стр. 62.—

349.) Акт. Западн. Росс. т. 4 № 76.—

350.) Антиррисисъ стр. 71.—

351.) Тамъ же стр. 62—71. Этотъ расказъ взятый нами изъ самыхъ древнихъ источниковъ ясно показываетъ, насколько справедливо иоткуда взялось мнѣніе позднѣйшихъ Уніятскихъ писателей, повторяемое нерѣдко и нашими, что въ 1595 году былъ въ Брестѣ соборъ и—еще открытый, торжественный. Былъ, дѣйствительно, составленъ универсалъ на созваніе этого собора, но небылъ обнародованъ. Позднѣйшіе Уніятскіе писатели или не знали или не хотѣли сказать послѣдняго обстоятельства и составила история объ этомъ собо-

рѣ. Читайте описаніе его у Островскою (Dz. Kośc: Polsk: т. 3 стр. 187—186). Какъ тамъ трогательно рассказаны небывалыя дѣйствія этого собора! Сколько тамъ было народу духовнаго и мірскаго чина, какъ всѣ единодушно соглашались на Унію!—Чего бы не написалъ этотъ авторъ, еслибы взялся писать басни подъ ихъ собственнымъ именемъ, а не подъ именемъ серіозной исторіи! Жаль, что онъ такъ ненатурально развивалъ свои способности къ сочиненію басней!

352.) Тамъ же стр. 64.—

353.) Акт. Западн. Росс. т. 4. Colloquium Lubelskie стр. 34—35.—

354.) Акт. Западн. Росс. т. 4 № 80.—

355.) Тамъ же № 87.—

356.) Мы увидимъ, что дѣйствительно эту грамотою руководствовались Поцѣй и Терлецкій и просили Папу объ Уніи отъ лица всей Западно-Русской Церкви.—

357.) Акт. Западн. Росс. т. 4 № 68.—

358.) Бант. Каменск. Ист. Ун. стр. 42.—Dz. Kośc: Polsk. Ostrowsk. т. 4 стр. 187—188.—

359.) У Островск. тамъ же стр. 186—187.—Еще авторъ Апокрисиса доказывалъ, что Поцѣй и Терлецкій согласились принять Унію далеко не похожую на Унію Флорентійскую. Апокрисисъ л 11.—

360.) Намъ случилось видѣть у одного печеннаго Библіофила подлинную пропускную грамоту Поцѣю и Терлецкому для поѣздки въ Римъ. Она выдана въ концѣ Сентября 1595 года, кажется—28 ч: за подписью Краковскаго Архіепископа Радзивилла.—

361.) Г. Иванишевъ опредѣляетъ время приѣзда Епископовъ въ Римъ 15 ч: Нобря. Основывается онъ, кажется, на письмѣ Поцѣя и Терлецкаго къ Гедеону изъ Рима. Русск. Бесѣд. 1858 года III. кв. 1. стр. 42—43. Тоже время назначается и у Баронія Anni Escl. т. 7. стр. 741, только безъ означенія числа.... mense novembri.—

362.) Colloqu Lubelsk. стр. 42; Бант.-Кам. стр. 49, прим. 2.—

363.) Бант. Камен. стр. 42.

364.) Исповѣданіе Вѣры, произнесенное Поцѣмъ и Терлецкимъ въ Римѣ напечатано у Бант. Камен. стр. 43—48.—

365.) Тамъ-же стр. 49, прим. 2.

366.) Пребываніе Поцѣя и Терлецкаго въ Римѣ описано Бароніемъ Ann. Eccles. т. 7. стр. 741—742; у Бант. - Каменск. въ указанныхъ выше мѣстахъ; въ Русск. Бесѣд. 1858 г. III. кв. 1. Науки. стр. 42—44. Изъ Уніятскихъ писателей описывали его авторъ Антиррисиса (очень коротко) стр. 84—85; Źochowski въ Colloqu. Lubelsk. стр. 42—47.—

367.) Артиррисисъ стр. 85.—

368.) Апокрисисъ л. 9; Акт. Западн. Росс. т. 4. № 149 стр. 213—1.—

369.) Апокрисисъ тамъ же.—

370.) Акт. Зап. Росс. т. 4. № 90,—

371.) Тамъ же.—

372.) Напримѣръ авторъ Перестроги,—

373.) Акт. Западн. Росс. т. 4. № 73. слич. № 83,—

374.) Тамъ же № 149. стр. 212—1.

- 375.) Тамъ же стр. 214.—
- 376.) Тамъ же № 87. Опис. Кіево-Соф. Соб. прибавл. стр. 62. Акт. Западн. Росс. т. 4 № 149. стр. 213—1.—
- 377.) Тамъ же.—
- 378.) Тамъ же № 88 слич. съ № 90.—
- 379.) Тамъ же № 89.—
- 380.) Obr Litwy Jarosz. т. 3. § 39; Histr. szkół w Kog. i W. X: Litew. Łukasz. т. 1. стр. 252—266.—
- 381.) Акт. Западн. Росс. т. 4. №№ 80, 85, 86.—
- 382.) Тамъ же № 76; Русск. Бесѣд. 1858 г. III. кн. 1. Наук. стр. 42.—
- 383.) Апокрисисъ л. 9—10:
- 384.) Это видно изъ протестаціи Виленскаго Братства 1596 года. Акт. Западн. Росс. т. 4. № 92.—
- 385.) Тамъ же № 89.—
- 386.) Тамъ же.—
- 387.) Тамъ же № 92.—
- 388.) Тамъ же.—
- 389.) См. Замѣчан. объ источникахъ униі стр. 173.
- 390.) Акт. Западн. Росс. т. 4. № 95.—
- 391.) Лѣтоп. Львовск. Братства подѣ 1596 годомъ.
- 392.) Акт. Зап. Росс. т. 4. 91.
- 393.) Тамъ же № 92.—
- 394.) Тамъ же № 95.
- 395.) Тамъ же № 149 стр. 214—1.
- 396.) Апокрисисъ л. 12.—
- 397.) Synopsis подѣ 1595 г.—
- 398.) Акт. Западн. Росс. т. 4. № 149 стр. 214.
2. Слич. Dz: Kość. Polsk. Ostrowsk. т. 3 стр. 192.—

399.) Такой смысл имѣють всѣ протестаціи Православныхъ, поданныя гораздо раньше Брестскаго собора 1596 г. Апокрисисъ л. 9; Supplementum Synopsis стр. 21—23.—

400.) Акт. Зап. Росс. т. 4. № 97. —

401.) Тамъ же.

402.) Тамъ же № 98 и 99.—

403.) Тамъ же № 106.

404.) Ekthesis стр. 2—3. Перестрога—Акт. Западн. Росс. т. 4 № 149. стр. 213.

405.) Ekthesis стр. 33; Акт. Западн. Росс. т. 4. №№ 103 и 104.—

406.) Miscellanea Albr. Kojałowicz стр. 52; Dz. Kośc. Polsk Ostrow. т. 3. стр. 192—193.

407.) Апокрисисъ л. 4. Здѣсь говорится, что послы, отправленные отъ Православныхъ къ Митрополиту, нигдѣ не могли найти его.

408.) Въ Ekthesis поимѣновываются слѣдующіе члены Православнаго Собора, I.) духовные:

1.) Niceforus wielki protosyngiel i przedniejszy sprawca wielkiej cerkwi patryarszego tronu Konstatynopolskiego.

2.) Cyryllus protosyngiel i namiestnik partyarszego tronu Alexandryjskiego.

3.) Łukasz Metropolita Beligradski patryarszego tronu Konstantynopolskiego.

4.) Gedeon Episop Lwowski.....

5.) Michał Kopystenski Episkop Peremyszski....

6.) Makary Arhimandryta Symona Petra z świętej góry za rozkazaniem Wielebnego Paysia Episkopa Wenockiego, niemogącego przybyć dla trudności jego.

7.) Matheusz Archimandryta Monastyrza Świętego Panteleymona z świętej góru za rozkazaniem Wielebnego Amfilochia Episcopa Mukackiego niemogącego przybyć dla trudności jego.

8.) Niceforus Archimandryta Rijowski.

9.) Henadiusz Archimandryta Dermański.

10.) Ilaryon Archimandryta Supraslski.

11.) Elizeusz Archim. Pinski.

12.) Basyli Archim. Dubenski.

13.) Tymoteusz Archim. Dorohobużski.

14.) Michał Archimandryta Ławryszowski.

15.) Symeon Kosowski Archim. Peresopnicki.

16.) Isakij Archim. Stepanski.

17.) Serhy Jeromonach Jhumen Smolnicki.

18.) Nestor protepopa Zabłudowski.

19. Jhnaty prezbiter Ostrowski przymikiry pod notaryem.

20.) Andrej Wozniesenski Lwowski (Prezbiter) notary Synodowy.

21.) Leonty Woskresenski i

22.) Emelian Jurewski prezbiterowie i posłowie od kryłosy Wilenskiego.

23.) Jakób Spaski protopopa Wołkowyski.

24.) Nikon starzec monastera Wydubickiego Rijowskiego.

25.) Emelian Nikolski protopopa Słucki.

26.) Piotr Woskresienski namiestnik Żydoczowski.

27.) Joan Przeczystski Namiestnik Rohatycki.

28.) Andrzej Trojecki Protopopa Konstantynowski.

29.) Cyryl Spaski protopopa Ostropolski.

30.) Konstantyn Ostropolski protopopa Dubiński.

- 31.) Filip protopopa powiatu Wołkowyskiego.
- 32.) Petr protopopa Premyslski.
- 33.) Bazyli Lewkiewicz protopopa Klewanski.
- 34.) Andrzej Namiestnik Samborski.
- 35.) Harazym Trojecki namiestnik Skalski.
- 36.) Klimenty Trojecki namiestnik Kamieniecki.
- 37.) Bazyli Troiecki bratski Wilenski presbiter.
- 38.) Joanus protopopa Jarosławski.
- 39.) Leonty protopopa Warwarski z Mileczyc.
- 40.) Jgnacius Padrelecki kryłozszanin Monestyrza Zymna. Było i innych bardzo wiele prezbiterów więcej dwuset, ale nie potszeba, przeto nie położeni (str. 32—33).

II.) Мірянє-послы отъ областей,—panowie połowie:

1.) Z trubunału xięstwa Litewskiego od Ich Mści panów deputatów. Ich Mśc pan Filip Limont, a pan Szymon Ciwinski Woyski Wołkowyjski.

2.) Z Kijowskiego Wojewodstwa pan Jacko Butowicz Chorąży Kijowski, pan Daniel Abdula.

3.) Z Rosi pan Hrehory Balaban, a pan Prokop Litynski.

4.) Z Wołynia: pan Fiodor Czaplicz sędzia ziemski Łucki, pan Iwan Chremecki podsedek ziemski Łucki, pan Andrzej Bohowitin Stolnik, pan Fiodor Kudecki Czasznik, pan Wasilij Semoskzo, pan Demian Hulewicz, pan Ostafij Malinski, pan Adam Bohowitin—podkomorzy, pan Gabriel Hortski, a pan Dymitry Jałowicki.

5.) Z Brasławskiego Wojewodstwa: Jego Mśc książ Iury Drucki—Horski, a pan Mikołaj Szaszkwicz chorąży Brasławski.

6.) Z Przemyślskiej ziemi: pan Michał Łytynski, a pan Łnkasz Bojarski.

7.) Z Pńskiego powiatu: pan Dionyzy Słobudski i z innych niemało Ich Mścił.

Z Miast:

8.) Z Wilenskiego Miasta od mieszczan: Ostafij Maximowicz Borowik Rayca, a Iwan Andrzejowicz Kurionpisarz. Z tegoż miasta Wileńskiego od bractwa Cerkiewnego: Gabriel Daszkowicz, Iwan Wasilowicz, Jzak Kononowicz, Hrehory Zdanowicz, Iwan Karpowicz, Prokop Strzyludowicz, Lewon Iwanowicz, Iwan Andrzejowicz.

9.) Ze Lwowskiego miasta od Bractwa: Dymitr Krasowski, Jury i Iwan Rohatincy, Mikołaj Dobrenski.

10.) Z Pńskiego miasta od mieszczan: Iwan Wasilowicz Miedzianka.

11.) Z Bielskiego miasta od mieszczan: Kyrył Kozmier, Bazili Ewchimowicz, Wasili Serpewicz, Michał Lewkowicz, Mihał Tymoszewicz.

Z Brzescia, z Podlasia, z Kamienca Podolskiego, z Halicza, z Kijowa, z Skały, z Brasławia, z Włodzimierza, z Minska, z Słucku, z Łucka... i z innych niemało powiatów i miast zasni posłowie (str. 20—21.)

409.) Антирриснъ стр. 27; Бант. Каменск стр. 53.

410.) Апокриснъ л. 2—3.—

411.) Тамъ же л, 22.—

412.) Тамъ же.—

413.) A tak rano (6 Октября) w domu przestronnym dla wielkiego zebrania ludzi na to godnym synodownie zasiedli. Napierwiej tedy, nim sprawować poczęli, dwu godnych na to przymikyryw obrali. Iednego dla porządku w kole duchownym.—Nestora, prezbitera, protopopę Zabłudowskiego, aby uskramiał wszelaki rozruch i porządek czynił w synodzie. A drugiego prezwitera

Ostroskiego kaznodzieja Ignacego który aby był starszym w porządku synodowych notaryow. A tak tedy wszyscy porządnie wedle stanu zasiedli, duchownego stanu osoby swoim kołem, mając w posrodku sobie położone Ewanie-
lium, które samego Chrystusa obecnie bydź znaczyło. A Ich Mść swieccy panowie, także też osobno koło swoje i marszałka jednego między sobą. A po dokończeniu modlitw Świętych i naprzód ędącemu poświęceniu Gedeon.... mowił.... Ekthesis str. 3—4.—

414.) Акт. Западн. Росс. т. 4 № 149 стр. 214
слич. съ № 117 стр. 161.—

415.) Апокрисисъ л. 23.—Грамота эта, а также письмо Никифора къ Митрополиту и его рѣчь къ Брест-
скому собору печатаюся въ издающемся сборникѣ С. П. Духовной Академіи по случаю юбилея.

416.) Наприм: Кирилль Лукарисъ, Лука Митроп.
Велиградскій и другіе.—

417.) Апокрисисъ л. 23.—

418.) Въ Ekthesis подробно описаны эти посольства. Посылали къ Митрополиту три раза—каждый разъ по семи пословъ съ письменнымъ увѣщаніемъ (paragrosticum), стр. 5—8. Вотъ каково наприм. дано было первое увѣщаніе. Lepiej byłoby Wielebni w Chrystusie Bracia, nie bydź wam przyczyną do takowego zaburzenia, а ponieważ się так stało, dla tegoż i Iego Krolewska Mość zezwolił, aby synod był i te sprawy uspokoił, na cośmy-
się tu zjechali. Dla tegoż słusznie było waszej Wieleb-
ności przez pisanie за kilka dni, jakoż i dnia wczoray-
szego od patryarszych Exarchow i namiestnikow od Świę-
tej Boskiej i Apostolskiej Katholickiej Cerkwie napomni-
nymi będąc, postuchać zaraz i przed niemi chętniwie się

stanowić, jako i sama wasza powinność po was tego chce, a ponieważ i to wam jest przebaczone, pilnie tedy przez nabożnych braci naszych napominamy i prosimy wielebności waszej, abyście do synodu przyiść racyli, abowiem na was czekamy abyśmy zgodnie wespół poszli do której cerkwie, a tam zasiadшы, te to zaburzenie z pomocą Stęgo Ducha mogli uspokoić. Str. 5 - 6.—Носили эти увѣщанія—Niceforus Archimandryta Kijowski, Henadyusz Archim. Dermański, Ignacius primikiry i Damian przebiterowie Ostroscy, Ioan protopopa Szczyrecki, i Iendrzej prezbiter Lwowski (вѣроятно писатель Перестроги), a przy nich Gregorius Protonotary. Str. 5.—

419.) Апокрисисъ л. 2—4.—Ekthesis стр. 4—8.—

420.) Тамъ же Ekthesis стр. 17—18.—

421.) Вотъ, сводъ этихъ инструкцій, напечатанный въ Эктезисѣ стр. 31—23: Nie pozwalamy na powę wiarę, nie odrzucamy prawosławia i nabożeństwa przodków naszych. Nie odstępujemy obyczajow i dogmat stych wschodniej Stej Pana Chystusowej Cerkwie, która i oswieciła i do poznania Boga przywiodła wszystkich nas i przodków naszych i synami i dziedzicami wiecznego i błogosłowieńego żywota za łaską Pana Chrystusową nazwała, dla niepodeyrzanej wiary naszej, to tedy Orthodoxum trzymamy, mali wszyscy i wielcy, które przodki naszy trzymali mocno i strzegli, to jest, boskie i święte obyczaje i dogmata Wschodniej Świętej Cerkwie własnej Matki naszej, jako prawdziwymi synami jej będąc i mianując się, dla których dogmat i obyczajów nie tylko majątności imienia i wszystkięgo tego swiata bogactwa, ale i żon i dzieci i samego tego doczesnego życia naszego przebacza-

my. Nie występujemy z granic wiecznych, które położyli oycowie naszy, nie oddajemy posłuszeństwa papierzowi, posłuszni będąc Powszechnego patryarchi, nie przyjmujemy nowego kalendarza i nie chcemy więcej takowych Pasterzów Metropolita i jednomyslnych z nim Episkopów... wilków będących szarpiących i rozpędzających Chrystusowe owce to jest nas Chrzescian.—

422.) Niceforus.... stanąwszy na wysokim mieyscu wedle przystoynego porządku trzymając w prawej ręce chwalebne i ożywiające znamię krzyża świętego a w lewej Boskie i święte Ewanielium wszystkim w słuch dekret opowiedział, który się tak w zobie ma: Ponieważ nad inne nie małe sprawy Apostata Metropolita Kijowski Ruski Michał i z nim jednomyslni jego władcykowie—Włodzimierski Hipatysz, Łucki Cyryllus, Połocki Herman (Григоріѣ), Chełmski Dionizy Pinski Iona niechcieli usłuhać naszego kanonnego pozwu i przyjsć do synodu, aby dali sprawę, jako smieli za schizmatyckimi, nowymi wymysłami udać się, o których pilne badanie czynić zjechałizmysię i ich zostali, na których wszyscy zgoła (ile jest w tej Bogiem strzeżonej Eparchij jednako z nami trzymając obyczaje i dogmata Wschodniey Świętej Bożej i Katolickiej i Apostolskiej Cerkwie) swiadczą, że są jawnymi jej Apostatami. J oddalić umyslili od patryarszego Świętego tronu Konstantynopolskiego Noworzymskiego własną tę Eparchię jego, a poddać się stolicy starego Rzymu nad prawo i kanony. Odmiatując ich własne wyznanie, a wyznawając prywatne i jawne ich odstąpienie. My tedy dla pomienionych przyczyn pilnie przymuszeni będąc Boskimi i świętymi kanony na ten żalosny na nich dekret udać się musiemy.

Wzgardzona od nich Święta Boża, wschodnia Cerkiew rozkazuje nam i terazniejszy synod, aby Metropolit Michał i pomienieni władcy obnażeni byli wszelkiego Archiereyskiego urzędu y uprawowania i Episkopskiego nazwiska i wszelkiego naszego duchownego urzędu str. 30—31.—Это же опредѣленіе, написанное первоначально, какъ можно видѣть по этому переводу, на Греческомъ языкѣ, напечатано на Западно-Русскомъ нарѣчїи въ Акт. Западн. Росс. т. 4. № 104, Но тамъ такъ много пропусковъ (неразобранныхъ словъ); что мы сочли не лишнимъ выписать здѣсь польскій переводъ.—

423.) Послано было принявшимъ Унію Іерархамъ слѣдующее объявленіе: Wiedcież o tym, że dla nowych wymysłów i apostaziej waszej i dla niepokorstwa przeciw Boskim i świętym kanonom, wedle zdania praw cerkiewnych, od terazniejszego świętego Synodu złożeni i wszelakiego stopnia cerkiewnego jesteście odsądzeni dziewiątego dnia Oktobra w roku tysiąc pięset dziewiędziesiąt szóstym indyktyona dziesiątego. Ekthesis str. 31.—

424) Вотъ эта протестація: Мы сенаторы дикнигаре урядницы и рыцарство, также и духовныи, релѣи греческой Церкви Восточной сынове, которыисмыся тутъ до берестя на синодъ згромадили. Ижъ насъ дня нынѣшняго дошла вѣдомость певная, а наветъ отъ вельможныхъ пановъ посланыхъ на тотъ соборъ отъ его кр. м. (кролевской милости). якобы ихъ милость якуось згду зъ стороны обходовъ костеловъ греческаго и римскаго зъ Митрополитомъ и скилка владыкъ отщепенцами костела греческаго, которыи еще дня

вчорашнего за выступокъ свой зъ уряду зложены и достоинствъ правомъ духовнымъ отсужены суть, учинити и обволати мѣли. Штося дѣеть мимо вѣдомость и вольность нашу и всякую слушность. Протожъ противъ тому и всѣмъ особамъ, справамъ и тому поступкови свѣдчимо, протестуемося, и тотъ ихъ поступокъ за неслушный бачачи и розумѣючи, ему не только подлегати, але и за помочою Божою всѣми силами боронити и противъ ему быти обѣцуюемо. а свой противкою учиненый поступокъ моцне утвержати и всякимъ коштомъ подпирати и помогати будемо, ведлугъ наибольшихъ силъ и премноженья нашего а особливо прозьбами нашимъ у его королевской милости, которое то освѣдченье наше на градъ Берестейскій посылаемо, абы было до книгъ тутошнихъ вписано. Писано въ Берестью 9 дня Октября ведлугъ стараго календаря роки Божего 1596.

425) Акт. Зап. Рос. т. 4, № 149 стр. 214—215.

426) Анокрис. л. 22. Dz. i pr. Kosc. Poslk. Ostrow. т. 3. стр. 195—196.

427) Апокрисисъ л. 2—3. Антиррисисъ стр. 27.

428) Нач. Ун. Зубриц. стр. 35.—Въ Чт. М. Общ. Истор. и Древн. 1848 № 7. Уніятскіе писатели, на примѣръ: писатели сочин. Prawa i przywileje.... изд. 1632 г., (str. 35—37) и Jedność Sta изд. то же 1632 г. (str. 40) говорятъ, что на этомъ Соборѣ Уніаты много разсуждали объ Уніи, на основаніи Священнаго писанія и ученія Церкви: но это позднѣйшій произвольный расказъ небывалаго дѣла. Сочинитель Антиррисиса вовсе не говоритъ объ этомъ. Не говоритъ объ этомъ также и Аль. Кажаłowicz. Послѣдній имѣеть въ виду только

показать, что Унія объявлена на этомъ Соборѣ очень торжественно и только замѣчаетъ, что собравшіеся на этомъ Соборѣ подписали актъ Уніи (стр. 52). Это мы охотно допускаемъ; но такое дѣло очевидно далеко не есть разсужденіе объ Уніи. Повторяемъ — разсуждать было не объ чемъ, потому что Унія уже была рѣшена и утверждена прежде и Брестскій Уніятскій Соборъ собирався вовсе не для разсужденій объ Уніи, а для примиренія съ Православными, т. е. съ цѣлію вовлечь и ихъ въ Унію, а такъ какъ эта затѣя не удалась, то Собору ничего не оставалось дѣлать, какъ только объявить Унію.

429) 103 правило Карѳагенскаго Собора представляетъ намъ образецъ того, какъ въ древности поступали Православные, когда имъ нужно было *соборно* разсуждать съ неправославнымъ обществомъ. Въ то время Православные и Донатисты составляли отдѣльные Соборы, по дѣлу примиренія послѣднихъ съ Православною Церковію. Повидимому, нужно было бы ожидать, что тѣ и другіе соединятся въ одинъ Соборъ. Но нѣтъ! Православные избрали отъ себя нѣсколько членовъ, предложили и Донатистамъ избрать такихъ же отъ себя и эти уже члены должны были передавать одни другимъ рѣшенія своихъ Соборовъ на особомъ совѣщаніи, которое, очевидно, не могло имѣть ни имени, ни значенія отдѣльнаго, самостоятельнаго Собора.

430) Уніятскіе писатели, указанные нами выше, говорятъ, что много было народу на Брестскомъ Уніятскомъ Соборѣ. Дѣйствительно, не мало было тамъ народу. Латиняни и Уніаты наполнили и окружили мѣсто Собора гайдуками (солдатами) изъ боязни,

чтобы Православные не сдѣлали нападенія; но само собою разумѣется, что эти храбрецы не имѣли никакого притязанія на названіе членовъ Собора, и можно полагать, что они вовсе не разсуждали, что такое Унія. Апокрисисъ л. 22.

431) Островскій (Dz. Kośc. Polsk. т. 3. стр. 196) говорить, что представить этотъ протестъ поручено было Поцѣю.

ОПЕЧАТКИ.

<i>Стран</i>	<i>Строк.</i>	<i>Напечатано.</i>	<i>Должно быть.</i>
III.	6 снизу	т. .	т. е.
8.	1 —	(27)	(30)
9.	13 —	пе	не
10.	6 сверху	одно вѣру	одну вѣру.
—	11 снизу	(30)	(31)
—	6 —	(31)	(32)
21.	5 сверху	невъсказывая своего покажемъ прежде, мнѣнія	невъсказывая своего мнѣнія, покажемъ пре- жде,
49.	1 снизу	Патріарху	къ Патріарху.
64.	6 —	(179)	(178).
100.	3 сверху	Наѡангъ	Наѡанангъ.
101.	11 снизу	Игнатій	Ипатій
184.	7 —	iedne go	jednego
184.	6 —	Sfarożytnej	Starożytnej
254.	9 —	1595, 1595	1595, 1596
287.	8 —	prawdziwego	prawdziwego
295.	14 сверху	предложеніемъ	предложеніемъ
302.	1 —	Островскою	Островскаго.

ЛИТОВСКАЯ ЦЕРКОВНАЯ УНІЯ.

ЛИТОВСКАЯ ЦЕРКОВНАЯ УНІЯ.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ

М. Кояловича.

Томъ II.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ДУХОВНАГО ЖУРНАЛА «СТРАННИКЪ».

1861.

Отъ С. Петербургскаго Комитета Духовной Цензуры печатать позво-
ляется. Августа 8 дня 1861 года.

Цензоръ Архимандритъ *Макарій*.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТРАН.

Главные направленія уніятской Церкви послѣ 1596 года. — Характеръ исторіи распространенія уніи	1
--	---

I.

Исторія распространенія уніи съ 1596 по 1632 годъ. — Времена Сигизмунда III. — Объединеніе гражданскихъ и религіозныхъ интересовъ польскаго правительства.	14
Ипатій Поцѣй и его дѣятельность	54
Значеніе братствъ въ исторіи уніи.	80
Иосифъ Рутскій и состояніе уніи до 1620 года	93
Возстановленіе высшей іерархіи въ западно-русской Церкви. — Планъ избранія западно-русскаго патріарха для православныхъ и уніатовъ	108
Иосафатъ Кунцевичъ	121
Мелетій Смотрицкій	139

II.

Времена уніи отъ смерти Сигизмунда III до присоединенія къ Россіи Малороссіи. — Возстановленіе правъ западно-русской Церкви	165
---	-----

Состояніе западно-русскаго православія въ Малороссіи.	178
Петръ Могила и его значеніе въ исторіи уніи .	180
Казачество, его характеръ, планы, участіе въ дѣлахъ вѣры, положеніе уніятской и православної іерархіи во время смутъ казацкихъ до присоединенія Малороссіи къ Россіи . .	195

III.

Исторія распространенія уніи послѣ присоединенія къ Россіи Малороссіи. — Новая попытка возстановить права литовско-русскаго народа. — Новое уничтоженіе ихъ. — Оживленіе фанатизма уніатовъ. — Новыя права ихъ. — Іерархическія смуты въ православномъ литовско-русскомъ мірѣ. — Уничтоженіе православія въ Галиціи и Волыни. — Состояніе уніи во всей Литвѣ. — Борьба уніи съ бѣлорусскимъ православіемъ въ XVIII столѣтіи	214
Примѣчанія.	247

ГЛАВНЫЯ НАПРАВЛЕНІЯ УНІАТСКОЙ ЦЕРКВИ ПОСЛѢ 1596 ГОДА. ХАРАКТЕРЪ ИСТОРИИ РАСПРОСТРАНЕНІЯ УНИИ.

Литовская уніатская Церковь, съ 1596 г. и до послѣднихъ дней своего существованія, слѣдовала двумъ главнымъ направленіямъ, совершенно противоположнымъ, которыхъ, повидимому, никакъ нельзя было соединить въ одной и той же жизни столь долгое время. Согреѣтая латинскимъ іезуитскимъ фанатизмомъ — однимъ изъ самыхъ жестокихъ видовъ религіознаго фанатизма, она напрягала всѣ силы къ тому, чтобы, какъ можно больше, *распространяться* въ предѣлахъ православной западно-русской Церкви. Этимъ она ясно показывала свойственное всѣмъ вѣроисповѣданіямъ желаніе упрочить свое существованіе, имѣть побольше послѣдователей. Но въ то же самое время, сближаясь больше и больше съ латинскою Церковію, она въ такой же прогрессіи *терла* свою *самостоятельность и передавала латинству своихъ членовъ*. Такимъ образомъ, уніатская литовская Церковь одною рукою *созидала себя*, если можно такъ выразиться, а другою въ то же самое время *разрушала*. Къ этимъ двумъ, главнымъ и постояннымъ направленіямъ естественно присоединилось третье, столь же разрушительное для уніи. Распространяясь фанатически, унія всегда имѣла чрезвычайно много *насильственно*

обращенныхъ въ нее, которые были очень недовольны своимъ новымъ вѣроисповѣданіемъ. *Недовольство* это мало по малу обобщалось во всей уніятской Церкви, усиливалось вслѣдствіе сближенія ея съ латинствомъ, и въ ней начало обнаруживаться *стремленіе къ возврату назадъ*, — къ православію, стремленіе, которое въ прошедшемъ столѣтіи повело къ неоднократнымъ, мѣстнымъ воссоединеніямъ уніатовъ съ православною Церковію и завершилось въ 1839 году воссоединеніемъ всей литовской уніятской Церкви съ русскою. — Въ настоящемъ томѣ нашего труда мы изслѣдуемъ первое направленіе уніятской литовской Церкви, т. е. распространеніе ея въ предѣлахъ православной западно-русской Церкви.

Читатели наши уже знаютъ, что мы въ уніи допускаемъ совмѣстное существованіе насильственныхъ и ненасильственныхъ мѣръ къ распространенію ея (1). По нашему разумѣнію весь вопросъ исторіи распространенія уніи заключается собственно въ томъ, каково было дѣйствительное отношеніе насильственныхъ и ненасильственныхъ мѣръ къ распространенію ея, какъ онѣ переплетались и какъ изъ ихъ взаимнаго сочетанія вылилась историческая судьба уніятской литовско-польской Церкви. Считаемъ необходимымъ теперь же показать возможность такого страннаго объединенія въ литовско-польской жизни двухъ непримиримыхъ и повидимому несомвѣстимыхъ дѣлъ — насилия и убѣжденія, — указать ту почву, на которой могло возникнуть такое странное, прихотливое созданіе — унія, то кроткая, то неистовая, то плачущая, то радующаяся, то погибающая, то торжествующая, пови-

димому отъ однихъ и тѣхъ же причинъ, въ одно и тоже время.

Литовско-польское королевство, при своемъ политическомъ складѣ, очень способно было развить въ себѣ два великія начала жизни — уваженіе къ лицу и привычку достигать цѣлей силою нравственною, а не принужденіемъ, насиліемъ. Слѣдовательно, въ этомъ государствѣ могла выработаться самая широкая вѣротерпимость, самая полная свобода совѣсти. Зародышъ этого направленія лежалъ въ основѣ польской конституціи, допускавшей равноправное участіе всѣхъ свободныхъ гражданъ въ дѣлахъ отечества, слѣдовательно, — и возможность членамъ каждаго вѣроисповѣданія защищать свои убѣжденія религіозныя. Но особенно сильно обнаружилось такое направленіе польской жизни въ XVI столѣтіи, когда увеличеніе числа иновѣрцевъ и желаніе упрочить единство государства побудили обсудить и опредѣлить отношенія и права разныхъ вѣрѣ. Извѣстно, что Сигизмундъ Августъ давалъ полную свободу развиваться этому вопросу, самъ содѣйствовалъ правильному его разрѣшенію и издалъ въ этомъ смыслѣ не мало постановленій, такъ что Сигизмунда Августа по всей справедливости нужно считать первымъ въ Европѣ государемъ, старавшимся объ узаконеніи вѣротерпимости въ полномъ ея значеніи. Съ тѣхъ поръ, уже каждый король клялся сохранять свободу совѣсти народа и въ самомъ народѣ во всѣ времена были поборники этой свободы, которые смѣло возвышали голосъ во имя этого направленія жизни въ самыя трудныя времена и слѣдовали ему, не смотря ни на какія препятствія (2). Въ этихъ людей, конечно, не

слѣдуетъ бросать камень изъ за уніи и можно только жалѣть, что эта партія, олицетворявшая истинный духъ древней польской жизни, не получила надлежащей силы и рѣшительнаго вліянія на религіозныя дѣла своего отечества. — Не могла же она достигнуть такого положенія по слѣдующимъ причинамъ, которыя мы отчасти указывали въ первомъ томѣ нашихъ изслѣдованій уніи (3).

Раздѣленіе Церквей восточной и западной и противорѣчіе политическихъ видовъ Россіи и Польши произвели жестокую вражду между православіемъ Россіи и латинствомъ Польши. Въ Польшѣ отъ этого естественно усилилась ревность къ латинству и нетерпимость къ православію. Между тѣмъ, значительная часть русскихъ православныхъ присоединена была посредствомъ Литвы къ Польшѣ. Необычайно важно для насъ побужденіе, руководившее при этомъ Польшею, — Литва вся, какою она была тогда, присоединена къ Польшѣ съ цѣлію обратить ее въ латинство. — Такимъ образомъ, съ древнихъ временъ политическая программа Польши влонила къ нарушенію въ ней свободы совѣсти. Здравый смыслъ поляковъ, въ чемъ конечно нельзя отказать по крайней мѣрѣ указанной нами выше партіи, конечно, могъ бы скоро понять шаткость такой программы, но къ несчастію въ литовско-польскомъ государствѣ съ давнихъ поръ образовалась другая могущественная партія, которая постоянно поддерживала эту программу — мы разумѣемъ литовско-польское латинское духовенство. При сильномъ благочестіи поляковъ, постоянно возбуждаемомъ политическими обстоятельствами, духовенство латинское могло здѣсь пользоваться громад-

нымъ нравственнымъ вліаніемъ на народъ, и этимъ путемъ разрушить въ немъ начала вѣротерпимости тѣмъ болѣе, что, какъ извѣстно, въ системѣ латинскаго вѣроученія вѣротерпимость не имѣетъ мѣста — какъ чистое противорѣчіе безусловному, всемірному главенству папы. — Но латинское литовско-польское духовенство не ограничивалось однимъ нравственнымъ вліаніемъ на народъ. Оно заняло здѣсь высокое гражданское положеніе, — іерархія стала гражданскою корпораціею съ правами почти на всѣ государственныя должности. Ея члены могли быть и дѣйствительно бывали послами на сеймѣ, сенаторами, канцлерами и даже судьями. Всеобщая равноправность въ Польшѣ всѣхъ свободныхъ сословій дѣлала такое положеніе духовенства естественнымъ, законнымъ. Но отсюда понятно, что при такомъ положеніи, духовенство получало въ свое самостоятельное распоряженіе слишкомъ много мірскихъ средствъ для достиженія духовныхъ цѣлей и что по этому уже одному оно очень легко могло смѣшивать эти средства съ чисто-духовными, — то есть: насиліе, принужденіе, словомъ — власть принудительную съ властію нравственною, съ апостольскимъ проповѣдничествомъ. Смѣшеніе это тѣмъ легче могло происходить здѣсь, что оно лежитъ въ основѣ латинства. Его олицетворяетъ папа — первосвященникъ и государь, проповѣдникъ и повелитель съ безусловною властію, а отъ него это сліянніе духовнаго и мірскаго распространяется на всю латинскую іерархію, которая вездѣ и всегда, если только можетъ, и убѣждаетъ и принуждаетъ къ вѣрѣ. Понятное дѣло, что при такомъ духовествѣ въ литовско-польскомъ государствѣ не могла

развиваться въротерпимость, какъ ни крѣпко она была связана съ его политическою жизнію, напротивъ, должна была падать и уступать мѣсто латинскому фанатизму. Впрочемъ, жизненность этого фанатизма, заключавшаяся въ государственномъ положеніи латинскаго духовенства въ Польшѣ и въ самомъ характерѣ латинства, безъ сомнѣнія, не была бы такъ упруга, еслибы въ нее не былъ привнесенъ въ XVI столѣтіи іезуитами новый элементъ.

Вызванные въ Литву и Польшу, іезуиты совершенно измѣнили положеніе латинской партіи. Въ народѣ польскомъ, при его свободныхъ учрежденіяхъ, партія эта много могла дѣлать нравственнымъ вліяніемъ, но около временъ уніи не имѣла его, по своей развращенности: іезуиты возстановили въ ней эту силу своимъ просвѣщеніемъ и самоотверженіемъ на пользу латинской Церкви. Далѣе: до сихъ поръ латинская партія много употребляла мірскихъ средствъ для достиженія духовныхъ цѣлей, но еще не осмѣливалась и не умѣла употреблять ихъ безъ разбору и совѣстливости: іезуиты придали ей эту смѣлость и это умѣніе, и съ такими особенностями, которыя должны были совершенно измѣнить религіозныя убѣжденія латинскаго польскаго духовенства. До сихъ поръ оно смѣшивало духовное съ земнымъ, какъ мы сказали, но слѣдуя древнему латинскому и народному духу, еще разбирала мірскія средства и употребляла лучшія изъ нихъ, безъупречныя или, по крайней мѣрѣ, извинительныя: іезуиты, какъ извѣстно, не знаютъ этого стѣсненія, — у нихъ все годится, что ведетъ къ цѣли, цѣль оправдываетъ всѣ средства, каковы бы они ни были, хотя бы самыя без-

законныя, самыя безнравственныя. Понятное дѣло, какъ при такихъ взглядахъ и дѣйствіяхъ латинской партіи должны были искажаться понятія свободнаго народа; но понятно также, что тутъ легко могла возникнуть жестокая, упорная борьба этихъ противоположныхъ началъ. Борьба дѣйствительно возникла; іезуитовъ скоро разгадали въ литовско-польскомъ государствѣ, и очень вѣроятно, что они скоро были бы отсюда изгнаны, если бы не особенныя обстоятельства. — Страшная разнужданность религиозныхъ убѣжденій протестантовъ, грозившая гибелію латинской Церкви и даже вообще Христіанству въ Польшѣ и блестящіе успѣхи противъ нея іезуитовъ сильно сдерживали народную партію отъ рѣшительныхъ мѣръ противъ этихъ послѣднихъ. Но, что всего важнѣе, іезуиты очень ловко нашли себѣ поддержку въ правительствѣ. Въ Польшѣ короли издавна тяготились ограниченностію своей власти, какъ необыкновеннымъ тогда въ Европѣ положеніемъ, тѣмъ болѣе, что съ каждымъ новымъ царствованіемъ являлись новыя и новыя ограниченія ихъ власти. Отсюда какъ бы наследственное стремленіе литовско-польскихъ королей увеличить свою власть до очень широкихъ размѣровъ. — Іезуиты, которымъ такъ дороги принужденіе и произволь власти, немедленно выказали горячее сочувствіе этимъ стремленіямъ королей польскихъ. Такимъ образомъ, цѣли латинства и власти слились въ одну цѣль, въ одно стремленіе. Власть оперлась на іезуитское латинство; латинство оперлось на власть, — и дѣйствія обоихъ равно направлены были къ низпроверженію гражданской и религиозной свободы въ литовско-польскомъ государствѣ.

Много было шума и волненій изъ за этого слитія гражданскихъ и религіозныхъ цѣлей государства между народною партіею, съ одной стороны, и правительствомъ съ іезуитами, съ другой. Но по странному стеченію обстоятельствъ многіе изъ народной партіи сошлись на уніи и съ королемъ и съ іезуитами. — Со времени соединенія Литвы съ Польшею (1569 г.) было не мало поборниковъ этого соединенія, какъ между чинами независимой польской партіи, такъ и между литовско-русскими православными. Тѣ и другіе считали гражданское устройство Польши образцомъ жизни славянской и потому прилагали всѣ усилія, чтобы слить плотнѣе западно-русскихъ православныхъ съ поляками. Ко времени церковной уніи слитіе это далеко уже подвинулось въ свободныхъ сословіяхъ той и другой половины народа и оставалась одна только сторона, не тронутая въ этомъ отношеніи — различіе въ вѣрѣ, которое теперь чувствовалось больше, чѣмъ когда либо. Православные и независимые либералы-поляки пришли къ тому убѣжденію, что можно легко соединить Восточное и Западное вѣроисповѣданіе безъ ущерба тому и другому — именно посредствомъ уніи, которую предположили основать на взаимныхъ уступкахъ обоихъ вѣроисповѣданій и на любви христіанской — т. е. на древнихъ началахъ польской жизни — разумномъ, добровольномъ примиреніи и уваженіи различныхъ мнѣній. — Но въ это самое время дѣло объ уніи поднято было во враждебномъ этимъ людямъ лагерѣ, латинскою партіею — королемъ и іезуитами и при томъ—дѣло совершенно иного рода, унія тутъ должна была основаться на совершенномъ порабоженіи Восточнаго вѣроисповѣ-

данія латинству. Такая неожиданная встрѣча двухъ различныхъ плановъ уніи естественно могла вести къ уничтоженію того и другаго, и мы видѣли, что къ этому направлялось уже дѣло около Брестскаго собора 1596 г. Но какъ скоро латинской партіи удалось вынести унію изъ бѣды, она мало по малу начала приобрѣтать себѣ сочувствіе и православныхъ, сроднившихся съ Польшею, и независимой польской партіи. Унія связала тѣхъ и другихъ съ латинскою партіею, — однихъ независимыхъ либераловъ связывала здѣсь приверженность къ латинству, другихъ указанныхъ нами православныхъ — привязанность къ Польшѣ.

Такимъ образомъ, въ пользу уніи образовалась теперь еще болѣе могущественная партія, раздѣленная на партіи, враждебныя въ другихъ вопросахъ, но довольно единодушныя въ вопросѣ объ уніи. Такое соединеніе для одного дѣла людей съ противоположными убѣжденіями необходимо вело къ тому, что унія не могла всегда развиваться ни по плану чисто іезуитскому, ни по плану руководителей народной партіи: историческое развитіе ея должно было имѣть смѣшанный характеръ — подвигаться впередъ и путемъ грубаго, варварскаго насилія и путемъ добровольныхъ убѣжденій. Въ области исполнительной власти, въ кругѣ латинской партіи т. е. въ крестьянствѣ и неорганизованномъ магдебургскимъ правомъ мѣщанствѣ унія распространялась насиліемъ, — но въ кругѣ свободныхъ сословій, особенно въ рыцарствѣ и аристократіи она распространялась путемъ убѣжденія и добровольнаго согласія. Нельзя, впрочемъ, сказать, чтобы всегда и вездѣ въ дѣйствительности оба эти способа рѣзко разграничива-

лись. Латинская партія или, точнѣе сказать, іезуитская очень искусно объединяла и совмѣщала ихъ нерѣдко въ одномъ и томъ же случаѣ. — И крестьянъ убѣждали къ униі и свободныя сословія опутывали такими сѣтями, коварствомъ, обманомъ, которыя ничуть не лучше грубого принужденія. Такой образъ дѣйствій, какъ нельзя лучше, приходился къ основному взгляду іезуитовъ, которые никогда не распространяютъ латинства односторонними мѣрами, но всѣми, какія только можетъ изобрѣсть умъ человѣческій для совращенія человѣка въ латинство. Іезуитъ съ одинаковыми чувствами и усердіемъ расточалъ и сокровища высокаго краснорѣчія, и поразительныя дѣла милосердія и самоотверженія, и безнравственнѣйшія внушенія, и возмутительнѣйшія интриги, и самыя безжалостныя кулачныя удары на пользу одного и тогоже латинства, и все это слѣдовало одно за другимъ съ такою быстротою и благовидностію, что человѣкъ въ рукахъ іезуитовъ приходилъ въ то одуряющее положеніе, въ которомъ глохли всѣ его природныя инстинкты, и онъ двигался, по ихъ указанію, куда угодно. Самыя свѣтлыя натуры, самыя цѣльные характеры ломались въ этой передѣлкѣ, а что же сказать о массѣ народа. Впрочемъ, въ этой массѣ народа, которую такъ легко было ломать по частямъ, зародилось недовольство, глухой ропотъ противъ униі и ея двигателей, конечно, потому, что эта масса, какъ вездѣ, такъ и здѣсь, менѣе доступна была мѣрамъ разумаго убѣжденія и утонченнымъ интригамъ. Недовольство и ропотъ этой массы росли, пробивались наружу и ринулись въ смуту съ страшною силою, когда козаки ловко соединили свое чисто гражданское дѣло съ дѣломъ религіи.

Но одно уже вмѣшательство въ унию козаковъ, столь неразборчивыхъ въ средствахъ и присоединеніе ихъ вмѣстѣ съ массою земледѣльческаго народа къ Россіи, затронули чувства всѣхъ партій въ Польшѣ, и указывали необходимость распространять унию силою, какъ противодѣйствіе русскимъ стремленіямъ народа и, что всего важнѣе, приучили всѣхъ къ грубому насилию, какъ это обыкновенно бываетъ въ долговременныхъ смутахъ народныхъ. Обнаружилось тогда самое странное явленіе: унию всѣ осуждали на гибель, іезуитовъ осыпали жесткими упреками, а между тѣмъ, и униа продолжала существовать, и всѣ распространяли ее чистю по іезуитскому способу, т. е. жестоко, неистово, неудержимо. Между тѣмъ, на польскій престолъ вступали люди партій, партій, которыя равбредись своими сочувствіями и надеждами по всѣмъ странамъ Европы, ница вездѣ залога спасенія своей родины. Православные естественно обращали взоры къ Россіи, и чаще и чаще высказывали мысль о присоединеніи къ ней Польши. Это поставило ихъ въ положеніе измѣнниковъ отечества, и еще болѣе усиливало принудительныя мѣры къ распространенію униі, которая къ концу XVII и въ XVIII столѣтіи была уже въ такомъ видѣ, что принять ее значило тоже, что принять латинство и сдѣлаться полякомъ. Вотъ, краткій очеркъ того, каковы были силы униі, и какъ онѣ сплетались въ исторіи ея распространения.

Изъ этого очерка мы прежде всего видимъ, что униа въ литовско-польскомъ королевствѣ постоянно имѣла государственное значеніе: интересы ея постоянно объединялись съ интересами политическими. Самое большее

объединеніе ихъ, или лучше, совершенное слитіе было при іезуитскомъ королѣ Сигизмундѣ III. Затѣмъ, при Владиславѣ и Янѣ Казимирѣ произошло видимое разъединеніе ихъ, надѣлавшее много шуму и бѣдъ, не менѣе, какъ и предшествовавшее слитіе ихъ. Наконецъ, послѣ Яна Казимира они опять сливаются, но унія уже не возвращается къ прежней жизни и силѣ, потому что внутреннія преобразованія ея по образцу латинства доводятъ ее до уничтоженія, которому могъ быть одинъ конецъ изъ двухъ — или возвращеніе къ православію, или поглощеніе латинствомъ.

Съ другой стороны, мы видимъ изъ этого очерка, что въ исторіи распространенія уніи постоянно переплетаются мѣры принужденія съ мѣрами убѣжденія и добровольнаго согласія, и не смотря на видимое преобладаніе первыхъ мѣръ, трудно сказать рѣшительно, чего было больше, принужденія или согласія на унію. Можно только съ рѣшительностію сказать слѣдующее. Такъ какъ насиліе въ дѣлѣ уніи было не только правительственное, но и общественное; то естественно оно становилось насиліемъ самымъ жестокимъ и неумолимымъ, тѣмъ болѣе, что къ нему всегда примѣшивались политическіе виды. Затѣмъ, такъ какъ съ теченіемъ времени исторія уніи болѣе и болѣе дѣлалась исторіею литовско-польскаго крестьянства; то чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе мѣры принужденія преобладали надъ мѣрами убѣжденія, но никакъ нельзя сказать, чтобы унія распространялась всегда и вездѣ только насиліемъ: говорить такъ можно, зная только поверхностно памятники уніи; близкое же знакомство съ ними покажетъ, что и во времена страшнѣйшаго неистовства уніи, раздавал-

ся голосъ высокаго убѣжденія и принимались самыя заботливыя мѣры о распространеніи и укрѣпленіи убѣжденій уніятскихъ. Смѣемъ надѣяться, что предлагаемый теперь нашъ трудъ докажетъ и естественность и справедливость такого взгляда на унію.

.

I.

ИСТОРИЯ РАСПРОСТРАНЕНИЯ УНІИ СЪ 1596 ПО 1632 Г.— ВРЕМЕНА СИГИЗМУНДА III. — ОБЪЕДИНЕНІЕ ГРАЖДАНСКИХЪ И РЕЛИГИОЗНЫХЪ ИНТЕРЕСОВЪ ПОЛЬСКАГО ПРАВИТЕЛЬСТВА.

Мы видѣли, что уніа едва не погибла въ самомъ началѣ и, не смотря на всѣ усилія папы, польскаго короля Сигизмунда III, латинской-іезуитской партіи и западно-русскихъ епископовъ, принята была на Брестскомъ уніятскомъ соборѣ 1596 г. самымъ ничтожнымъ меньшинствомъ православныхъ. Главною причиною такого незавиднаго положенія дѣла былъ прежде всего самый характеръ вводимой уніи, которую виновники ея слишкомъ уже сблизили съ латинствомъ. Это направленіе уніи, подтверждавшееся многими, тогда же обнародованными документами, подало поводъ, какъ это обыкновенно бываетъ, къ преувеличеннымъ слухамъ, мнѣніямъ о будущемъ устройствѣ уніятской Церкви: въ народѣ полагали, что это будетъ чисто латинская Церковь. Православные отшатнулись отъ такой уніи, какъ отъ слишкомъ далекой, не только отъ ихъ православной вѣры, но даже и отъ тѣхъ уніятскихъ убѣжденій, которыя уже довольно въ нихъ были распростра-

нены и заключались въ томъ, будто можно замѣнить подчиненіе константинопольскому патриарху и духовный союзъ съ Востокомъ подчиненіемъ папѣ и союзомъ съ польскими латинянами, безъ нарушенія догматовъ Восточнаго вѣроисповѣданія. Вновь возникшая теперь уніятская Церковь должна была преодолевать всѣ эти трудности. Ей помогали въ этомъ отношеніи слѣдующія обстоятельства.

Какъ ни справедливо было въ основѣ мнѣніе о латинствѣ уніи, но преувеличенные слухи объ этомъ далеко не оправдывались въ дѣйствительности, когда уніятская Церковь начала свою жизнь. Церковь эта оказалась самымъ внѣшнимъ образомъ подчиненною папѣ. Онъ только утверждалъ уніятскаго митрополита въ санѣ, и его поминали вмѣсто патриарха. Все же остальное въ западно-русской Церкви оставалось неизмѣннымъ, ея открыто исповѣдуемые православные догматы, обряды, устройство были, повидимому, тѣже, что и прежде (4). Такой видъ уніятской Церкви, столь рѣшительно ниспровергавшій распространенные о ней слухи, разумѣется, долженъ былъ сильно дѣйствовать на многихъ православныхъ и располагать ихъ къ ненавистному прежде дѣлу. Не всѣ же могли ясно понимать, что скрывается подъ этою благовидною наружностію уніи. Правда, въ уніи была одна внѣшняя особенность, слишкомъ рѣзкая для народа и слишкомъ непривычная для него, именно та, что уніятское духовенство начало совершать службу въ латинскихъ храмахъ, а латинское въ уніятскихъ, иногда же то и другое охотились для одной общей службы въ костель или въ уніятскую церковь. Но въ жизни православнаго и латин-

скаго литовско-польскаго народа издавна существовало нѣчто похожее на это сближеніе православія съ латинствомъ. Такъ какъ и православные и латиняне давно уже жили вмѣстѣ въ литовско-польскомъ государствѣ, связанные между собою и единствомъ общей народности, и одинаковыми условіями жизни, и нерѣдко узами племени, родства и дружбы; то часто случалось съ самыхъ древнихъ временъ, что православный ходилъ въ костелъ, а латинянинъ въ православную церковь; иногда же было такъ, что тѣ и другіе въ одинъ и тотъ же день посѣщали и церковь и костелъ. Къ одной привлекала ихъ, независимо отъ коренныхъ убѣжденій вѣры, понятность богослуженія, къ другому — органы и проповѣдь (5). Слѣдовательно, указанное выше сближеніе и смѣшеніе въ богослуженіи уніятской и латинской іерархіи были только дальнѣйшимъ развитіемъ существовавшаго уже обычая, и притомъ народъ видѣлъ, что во всѣхъ случаяхъ такого сближенія и смѣшенія дѣйствовали всегда одни (уніаты или латиняне) и по своему, а другіе только торжественно присутствовали.

Другую опору уніи и гораздо надежнѣйшею было то, что она, не смотря на ясную для всякаго незаконность своего появленія, сдѣлалась совершившимся фактомъ со всѣми свойствами внѣшней авторитетности и внѣшней законности, т. е. принята была большинствомъ высшей западно-русской іерархіи, утверждена напою, королемъ и громадною латинскою іерархіею, а извѣстна сила совершившагося факта; она обыкновенно мало по малу проникаетъ во враждебный ей лагерь людей и привлекаетъ, если не сочувствіе ихъ, то, по крайней мѣрѣ, терпимость, а особенно такой совершившійся фактъ, ко-

торый при внѣшней авторитетности и законности окруженъ заманчивыми выгодами, какимъ именно и была унія. Послѣдователи ея уравнивались въ правахъ съ членами господствовавшей латинской Церкви и приобрѣтали всѣ выгоды, соединенныя съ этимъ, т. е. спокойствіе жизни, удобство достигать почетныхъ мѣстъ и т. п. — Недоставало одного, чтобы уніятскіе іерархи заняли въ сенатѣ общанныя мѣста рядомъ съ латинскими іерархами (6), но, какъ видно, сначала не многіе понимали, какой отъ этого можетъ быть важный ущербъ для уніи, и непониманіе это тѣмъ долѣе могло продолжаться, что тѣ лица, которымъ и слѣдовало добиваться сенаторскихъ мѣстъ т. е. іерархи, принявшіе унію, очень были обласканы правительствомъ. Они получили отъ короля богатыя донаціи (монастыри, имѣнія); слѣдовательно, имъ было чѣмъ утѣшать себя и своихъ приверженцевъ въ горѣ за отказъ въ сенаторствѣ и въ виду личныхъ выгодъ легко забыть о неуясненныхъ еще выгодахъ собственно уніятской Церкви (7). Словомъ, съ самаго 1596 года уніятская Церковь нашла себѣ нѣкоторыя довольно надежныя опоры для своего существованія.

Прямою цѣлю ея теперь, повидимому, было добиваться, чтобы не одна латинская партія и король, а всѣ чины государства признали ее вѣроисповѣданіемъ законнымъ, не мѣшали ей существовать и затѣмъ уже слѣдовало ей благоустроиться и приобрѣтать себѣ послѣдователей путемъ убѣжденія и добровольнаго согласія, короче сказать, добиваться свободнаго, независимаго существованія и по закону и на самомъ дѣлѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что уніятская Церковь успѣшно и мир-

но достигала бы этой цѣли, потому что понятіе о вѣротерпимости сильно было распространено въ литовско-польскомъ государствѣ, между послѣдователями не латинскаго вѣроисповѣданія, и между православными не мало было людей съ убѣжденіями, близкими къ униі. Но вводившіе унию не ограничились этою прямою и, повидимому, законною цѣлю ея. Они и вводили ее, какъ фактъ, простирающійся на всѣхъ литовско-русскихъ православныхъ, обязательный для всѣхъ ихъ, и на Брестскомъ соборѣ открыто признали западно-русскую православную Церковь обществомъ незаконнымъ, не имѣющимъ съ этого времени права на существованіе въ литовско-польскомъ государствѣ. Здѣсь-то и заключался источникъ всѣхъ затрудненій униі и всѣхъ бѣдствій, обрушившихся изъ за нее на литовско-польское государство.

Взглядъ этотъ дажъ униі незаконныя и возмутительныя для православныхъ права. Естественныя въ православныхъ враждебныя чувства къ униі и униатамъ были этимъ до крайности раздражены и, что еще важнѣе, сами православные бросились въ противоположную крайность, — отвергли гражданское право униі на существованіе и хотѣли ее уничтожить. Такъ эта обоюдная крайность обнаружилась, какъ мы уже видѣли, еще на Брестскомъ соборѣ: униаты предали анаемѣ православныхъ, а православные — униатовъ (8). Конечно, такой образъ дѣйствій вытекалъ изъ того убѣжденія, что униаты считали православныхъ отступниками отъ Церкви, а православные униатовъ; слѣдовательно, тѣ и другіе слѣдовали въ этомъ случаѣ только законамъ своей Церкви; но ошибка была сдѣлана въ томъ, что объ поло-

вины перевели это дѣло на судъ гражданскій, и каждая требовала, чтобы правительство признало справедливою ее и осудила другую (9). Вотъ основанія, какія представляли въ свою пользу обѣ стороны. Поборники уніи представляли, что унія ничего не измѣнила въ западно-русской Церкви и что унію приняла вся іерархія, которой паства, говорили они, должна подчиниться безъусловно (10). Православные противопоставляли этому приговору, что іерархи, принявшіе унію, отступили отъ своей Церкви и отъ своей собственной вѣрты, отступили безъ согласія своихъ паствъ и имъ противится не одна паства, а представитель восточной Церкви — вселенскій константинопольскій патріархъ Никифоръ, два западно-русскіе іерархи львовскій Геденъ и перемышльскій Михаилъ и наконецъ многочисленная низшая іерархія; на этомъ основаніи они требовали низложенія принявшихъ унію іерарховъ и назначенія другихъ на ихъ мѣста (11).

Не легко было польскому правительству опровергнуть эти основанія православныхъ; но не легко ему было также признать ихъ справедливыми и осудить уніатовъ, если бы даже это правительство вовсе не участвовало въ сдѣлѣвшихъ унію епископовъ, потому что въ этомъ случаѣ, т. е. послѣднемъ; нужно было бы оскорбить папу и могущественную латинскую партію въ Польшѣ, что польское правительство только разъ сдѣлало во времена Болеслава Храбраго, да и то заклалось. Затрудненіе, какъ видимъ, было не маловажное. Однако мудрое, безпристрастное правительство вышло бы изъ этого затрудненія. Оно, безъ сомнѣнія, не рѣшило бы этого дѣла ни въ ту, ни въ другую сторону, а

отказавшись отъ рѣшенія подобныхъ вопросовъ, выходящихъ совершенно изъ круга гражданскихъ дѣлъ, признало бы, держась польскихъ законовъ, законными и признанными въ государствѣ оба вѣроисповѣданія — и православное и уніятское, и только запретило бы обомъ нарушать взаимныя права. Взяло бы оно развѣ на себя распредѣленіе имуществъ церковныхъ. Но, къ сожалѣнію, тогдашнее польское правительство или, лучше сказать, король Сигизмундъ III и латинская партія далеко не отличались истинною мудростію, а тѣмъ мѣнѣе безпристрастіемъ. Они сами сильно и очень нечисто замѣшаны были въ дѣлъ уніи, поэтому, отвергнувъ всѣ представленія православныхъ, признали законными и обязательными для нихъ всѣ доводы уніатовъ, не понимая въ ослѣпленіи своего фанатизма, какой безконечный, тяжелый и опасный трудъ налагаютъ на себя этимъ приговоромъ (12).

Послѣ этого, очевидно, правительству оставалось дать матеріальною силою всякое противленіе уніи, а православнымъ такою же силою отражать нападеніе, т. е. приходилось рѣшать спорное дѣло кулачнымъ боемъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Такъ безъ сомнѣнія было бы, и борьба между православными и уніятами кончилась бы, вѣроятно, довольно скоро согласно самой природѣ матеріальныхъ силъ, неспособныхъ къ продолжительному непрерывному напряженію. Но въ тогдашней Польшѣ очень значительна еще была сила нравственная, которая въ убѣжденіяхъ народа и въ правительственномъ его складѣ поставлена была выше всѣхъ проявленій силы матеріальной. Сила эта обозначалась понятнымъ для каждаго и уважаемымъ въ принципѣ

словомъ — свобода (wola). Вотъ, эта то нравственная сила, способная къ непрерывной вѣковой борьбѣ со всѣми стихіями человѣческой жизни, и была причиною того, что вопросъ объ отношеніи уніи и православія рѣшались въ литовско-польскомъ государствѣ цѣлыхъ два вѣка и все таки не рѣшили, чему мы и обязаны тѣмъ, что была исторія уніи, достойная серьезнаго изученія. Эта нравственная сила, не смотря ни на какіе приговоры Сигизмунда, поддерживала въ православныхъ надежду на успѣхъ и потому естественно отвращала ихъ отъ немедленнаго, открытаго возстанія, а уніятамъ и ихъ покровителямъ, не смотря также ни на какое содѣйствіе Сигизмунда, сильно связывала руки. Поддерживала эта сила однихъ и связывала другихъ слѣдующимъ образомъ (13).

Извѣстно, что власть короля въ литовско-польскомъ государствѣ была сильно ограничена. Онъ не могъ произвести ни одной, сколько нибудь значительной, перемѣны въ рѣчи посполитой безъ согласія народныхъ представителей, собиравшихся на сеймахъ и имѣвшихъ постоянныхъ органовъ своей власти — сенатъ и суды. Унія, между тѣмъ, введена была безъ согласія сейма. Конечно, по духу литовско-польскихъ законовъ, не нужно было брать согласіе сейма на введеніе новой вѣры. Проповѣдники ея могли, никого неспрашиваясь, искать сочувствія своему ученію, и только образовавшееся цѣлое вѣроисповѣданіе имѣло право добиваться гражданскихъ правъ. Но другое дѣло, когда вводилось вѣроисповѣданіе официальнымъ путемъ, когда его вводила власть и требовала отъ громадной массы народа подчиненія ему. Такого дѣла уже нельзя было дѣлать безъ

сейма, т. е. безъ согласія прежде всего тѣхъ людей, для которыхъ оно предназначалось. Сигизмундъ въ дѣлѣ уніи согласіе сейма замѣнилъ соборомъ Брестскимъ 1596 г., но мы знаемъ уже, что большая половина собора отвергла унію, значитъ нужно было найти основаніе неуважить постановленія этой большей половины собора заставить ее принять унію; но такому образу дѣйствій явно противорѣчили — духъ польской конституціи и положительныя законы. Всякій православный въ противодѣйствіе этому приказу могъ сослаться на общую въ государствѣ свободу совѣсти и на законы, признаваемые всѣми. Въ особенности много здѣсь значило постановленіе татъ называемой Варшавской конфедераціи 1573 г. Исполнять его влялись, не смотря на протестъ латинскаго духовенства, Стефанъ Баторій и самъ Сигизмундъ III. Оно служило дополненіемъ и уясненіемъ законовъ о вѣротерпимости Сигизмунда Августа, именно, что каждый имѣеть право свободно, открыто исповѣдывать свою вѣру, какая бы она ни была и изъ-за вѣры не долженъ быть лишаемъ гражданскихъ правъ (14). По этому закону, значитъ, имѣли одинаковыя права обѣ половины Брестскаго собора 1596 года, принявшіе и непринявшіе унію, т. е. имѣли одинаковыя права на существованіе и православіе и унія и, слѣдовательно, подрывался планъ обихъ вѣроисповѣданій, составленный въ самомъ началѣ уніи, т. е. планъ уніатовъ уничтожить западно-русскую Церковь и планъ православныхъ уничтожить унію, — и каждая сторона должна была доказывать справедливость своихъ требованій и несправедливость противной стороны. Прекратить эти сужденія, рѣшить дѣло разомъ никакъ нельзя было даже Сигизмунду III,

потому что въ такомъ случаѣ онъ поднялъ бы противъ себя сеймъ и народъ. Тогда бы возстали противъ него не одни православные, а всѣ поборники свободы. Такимъ образомъ, неодолимою силою обстоятельствъ вопросъ объ отношеніяхъ православія и уніи вдвинутъ былъ въ колею конституціонной жизни. Необходимо было допустить открытое, гласное разбирательство между уніятами и православными.

Но едва ли многіе тогда понимали какой широкой размѣръ должно было принять это разбирательство. Унія столько затрогивала сторонъ литовско-польской жизни, что еслибы все это сообразилъ Сигизмундъ III въ время, то очень вѣроятно, что онъ никакъ не согласился бы на введеніе уніи, не смотря на все свое усердіе къ пользамъ латинства. Вопросъ объ отношеніи православія и уніи захватывалъ чуть не всѣ стороны литовско-польской жизни. Сами собою возникали вопросы и о догматическомъ достоинствѣ православія и уніи, слѣдовательно и латинства, — и о правахъ іерархіи и паствы рѣшать его, и о королевской власти въ дѣлахъ религиозныхъ и о правѣ частныхъ лицъ — свободныхъ сословій и крестьянъ защищать свои религиозныя дѣла. При этомъ естественно пробуждались многія мнѣнія и страсти, дремавшія до сихъ поръ и, повидимому, не имѣвшія никакой связи съ уніею или православіемъ (15). Работа, значить, подготовилась для всѣхъ не малая, но само собою разумѣется, что тамъ, гдѣ прежде всего много говорятъ и не тайкомъ, а открыто, какъ это и водилось въ Польшѣ, этою работою больше всѣхъ должны были заняться люди пишущіе. Дѣйствительно, люди, руководившіе дѣломъ уніи или православія, не смотря на

самое нетерпѣливое желаніе вдругъ задавить своихъ враговъ и дать немедленное торжество своей сторонѣ, всѣ какъ бы невольнo покорились коренной привычкѣ своего народа дѣлать все по открыто, гласно обсужденному рѣшенію и взялись съ необычайною горячностію за обсужденіе отношеній православія и униі.

Едва кончился Брестскій соборъ, какъ всѣ принялись за религиозную полемику. Глубоко задумались церковные ораторы, съ необычною торопливостію спѣшили на церковныя кафедры и вѣщали народу pro или contra униі или православія съ несвойственною имъ горячностію. Почтенные ученые той и другой стороны подняли библиотечную и архивную пыль, обшарили углы, въ которыхъ можно было подозрѣвать присутствіе полезнаго документа и погрузились въ фоліанты и ветхія рукописи; заскрипѣли литературныя перья; въ слѣдъ за тѣмъ закопошились типографщики, книгопродавцы и литературные вѣстовщики (16). Настала просто мода писать объ униі, такъ что ею даже заразились чиновники въ своихъ официальныхъ бумагахъ (17). Конечно, все это множество ораторствовавшихъ, писавшихъ, печатавшихъ и продававшихъ предполагало, что найдутся слушатели, читатели, покупатели и, разумѣется, предполагало не безъ основанія. Слушающихъ и читающихъ, благодаря сильно распространенной грамотности и возбужденію религиознаго интереса, было такъ много, что объ стороны сочли нужнымъ жечь сочиненія однихъ другихъ (18). Это одно уже ясно показываетъ, что сочиненія эти производили важныя слѣдствія въ томъ и другомъ враждебномъ лагерѣ. Какія же именно? Какое уясненіе того и другаго дѣла они производили, примѣни-

тельно къ тѣмъ взглядамъ и вопросамъ, какіе мы указывали выше?

Обращаясь къ изслѣдованію данныхъ, выработанныхъ полемикою по дѣлу уніи, мы не будемъ вдаваться въ богословскія тонкости. Мы будемъ обращать главное вниманіе на тѣ начала той и другой стороны, которыя имѣли связь съ историческою жизнію народа, затрогивали его историческія преданія, понятія и стремленія. А какова важность въ исторіи уніи подобнаго изслѣдованія, это читатели увидятъ по тѣмъ окончательнымъ выводамъ, какіе мы будемъ дѣлать изъ каждаго основнаго положенія тѣхъ и другихъ писателей т. е. православныхъ и уніятскихъ.

Самый главный и общій вопросъ, возникшій между тѣми и другими писателями заключался въ томъ, что такое православіе и унія. На рѣшеніе этого вопроса писатели эти употребили больше всего силъ и бумаги. Положеніе ихъ въ этомъ спорѣ было далеко не одинаковое. Писатели латинскіе и уніятскіе, какъ ни сильно желали разрушить все, на чемъ зиждется православная истина, но они каждый разъ чувствовали въ этомъ дѣлѣ огромное стѣсненіе. Сама унія, въ защиту которой они нападали на православіе, заключала въ себѣ значительную часть особенностей православной Церкви. Это поставляло этихъ писателей въ необходимость не трогать многого въ православіи и тѣмъ ослаблять свою главную мысль, что православіе—ересь, а унія—истина. Уясненіе мнимой истинности уніи тѣмъ болѣе затруднялось, что она православныя особенности сливала съ латинствомъ и необычайно трудно было опредѣлить съ точностію, съ чѣмъ именно латинскимъ сливала она эти особенности

и съ чѣмъ нѣтъ. Принято было за правило выражаться такъ, что унія заключаетъ въ себѣ обряды восточной Церкви, а ученіе латинской. Но не много нужно было имѣть смысла, чтобы понимать, какъ не точно подобное разграниченіе между православіемъ, уніею и латинствомъ. Ученіе и обряды и въ православіи и въ латинствѣ слиты въ одно цѣлое, и ихъ ораздог легче замѣнить одни другими совершенно, т. е. латинское ученіе и обряды — православнымъ ученіемъ и обрядами, или на оборотъ, чѣмъ сливать одни съ другими. Рѣшеніе этого вопроса затруднялось далѣе еще тѣмъ, что латинскіе писатели, имѣя въ виду, что унія современемъ совершенно сольется съ латинствомъ, не могли остановиться рѣшительно на одной ея нормѣ и чаще всего разсуждали объ ней, какъ о чистомъ латинствѣ, а уніятскіе писатели, слѣдуя старымъ инстинктамъ и по самому чувству самосохраненія, оставляли за уніей больше особенностей православныхъ (19). Не указываемъ на другія частныя странности и противорѣчія въ этихъ сочиненіяхъ. Изъ того, что мы сказали, надѣемся, достаточно видно, что унія въ этихъ сочиненіяхъ должна была казаться здравомыслящимъ людямъ чѣмъ-то православнымъ, чѣмъ-то латинскимъ и чѣмъ-то отличнымъ отъ того и другаго, т. е. вѣроисповѣданіемъ неопредѣленнымъ, не точнымъ, двусмысленнымъ. (20)

Православные писатели вовсе не знали такого мучительнаго неудобства. Они могли смѣло нападать на латинство и знали на что нападать. Давнее и въ то время раздѣленіе Церквей достаточно уже уяснило отлічіе одной отъ другой. Въ особенности уяснилось различіе духа той и другой Церкви, на что православные западно-русскіе

писатели обращали особенное вниманіе и въ чемъ ихъ опроверженія латинства далеко превосходятъ всеъ протестантскія опроверженія его (21). Впрочемъ, было одно затрудненіе и у православныхъ писателей, имѣвшее весьма важныя послѣдствія. Именно: такъ какъ православная западно-русская наука не окрѣпла еще къ началу уніи, то православные писатели принуждены были часто обращаться къ иностраннымъ пособіямъ въ особенности къ протестантскимъ и чтобы представить болѣе далекимъ свое ученіе отъ латинскаго, нерѣдко усвоили себѣ крайности протестантскаго ученія (22). Но не смотря на эти промахи православныхъ, сейчасъ же подмѣченные поборниками уніи, неоспоримо было ясно для многихъ, что православные писатели проповѣдуютъ цѣльныя, точныя убѣжденія, а уніаты — не точныя, двусмысленныя. Слѣдовательно, на сторонѣ православныхъ, независимо отъ другихъ побужденій, могли становиться люди крѣпкихъ, округленныхъ убѣжденій, а на сторонѣ уніи люди, зараженные уже безразличіемъ въ дѣлѣ вѣры, приученные не полагать точныхъ границъ между своею религіозною истиною и иновѣрнымъ ученіемъ. Никакъ нельзя думать, чтобы послѣднихъ людей было мало въ литовско-польскомъ государствѣ. Мы уже неразъ замѣчали, какъ часто Литва подвергалась насильственнымъ обращеніямъ въ ту или другую вѣру и корыстнымъ приманкамъ перемѣнять такъ или иначе религіозныя убѣжденія. Такія обстоятельства не могли не породить значительной массы людей, способныхъ по первому сильному толчку мѣнять свою вѣру. Въ уніи эти люди могли даже находить нѣкоторое успокоеніе совѣсти, потому что она заключала въ себѣ кое-что и изъ прежнихъ ихъ убѣжденій,

42 — Другой вопросъ западно-русской полемики, тѣсно связанный съ первымъ, заключается въ слѣдующемъ. Долговременная зависимость отъ иностранной церковной власти какъ западно-русской Церкви, такъ и латинской польской обобщила въ литовско-польскомъ народѣ обоихъ вѣроисповѣданій мысль о необходимости высшей *иностранной* власти въ ихъ Церквахъ. Теперь, когда возникла унія, приходилось обсудить — какая власть лучше — власть ли константинопольскаго патриарха или власть римскаго первосвященника? Догматическія доказательства правъ той и другой власти мы опять оставляемъ въ сторонѣ, какъ малодоступныя въ то время народу. Скажемъ только, что, сколько намъ извѣстно, нигдѣ эти вопросы не были такъ разработаны, даже въ протестантскихъ странахъ. Мы остановимся опять на главныхъ началахъ, высказанныхъ тѣми и другими писателями и болѣе удобопонятныхъ. Православные и уніятскіе писатели, стояли въ этомъ спорѣ большею частію на совершенно противоположныхъ точкахъ зрѣнія. Латинскіе и уніятскіе писатели сильнѣйшимъ аргументомъ въ пользу уніи и во вредъ православію находили средневѣковое величіе папы, управляющаго безпрекословно громаднымъ латинскимъ міромъ, имѣющаго огромныя средства доставить торжество своей Церкви, своимъ послѣдователямъ. Рядомъ съ этими мыслями они изображали униженіе константинопольскаго патриарха и всей греческой Церкви, пораженныхъ Турками и неимѣющихъ возможности защищаться противъ разнаго рода бѣдствій (23). Въ литовско-польскомъ государствѣ того времени эти мысли могли дѣйствовать на очень многихъ. Всѣмъ была чув-

ствительна не удача патриарха Іереміи исправить дѣла западно-русской Церкви и всѣмъ было также очевидно, какъ торжествуеть въ Польшѣ латинство. Ему рабски покоряется король Сигизмундъ, его содержитъ многочисленная, знатная, богатая іерархія, наносящая страшные удары всѣмъ иновѣрцамъ, его исповѣдуетъ многочисленный народъ, исповѣдуетъ мирно и очень выгодно, потому что первенствуетъ въ гражданскихъ правахъ предъ всѣми не латинянами. Словомъ, власть папы и за нею унія представлялись, какъ тѣснѣйшее соединеніе, слитіе интересовъ вѣры съ интересами жизни. Слѣдовательно, унія особенно могла нравиться тѣмъ людямъ, которые любили соединять благо вѣры съ житейскою пользою. Впрочемъ, всѣ эти разсужденія латинскихъ и уніятскихъ писателей имѣли не рѣдко и болѣе очищенный видъ. Отъ величія папы въ латинскомъ мірѣ и въ Польшѣ, величія, столь выгоднаго въ частной жизни, они переходили къ пользѣ латинства и унии для всего государства, для будущей его судьбы. Они широко расписывали, какъ хорошо будетъ для этого государства, когда всѣ его подданные будутъ исповѣдывать одну вѣру, будутъ всѣ подчиняться одному и тому же папѣ, столь сильному и въ Польшѣ, и въ другихъ государствахъ латинскихъ (24). Мысль эта могла нравиться тѣмъ изъ православныхъ, которые путемъ вѣковаго вліянія довольно уже сроднились съ Польшею и особенно тѣмъ изъ нихъ, которые имѣли заблужденіе думать, что политическая жизнь Польши — образецъ жизни славянской. Такимъ образомъ, общеизвѣстная утилитарность латинства развертывалась здѣсь во всей широтѣ, обхватывала и частные и общественные интересы народа.

Совершенно иначе смотрѣли на высшую власть церковную православные писатели. Выходя изъ основныхъ воззрѣній своей Церкви, они очень любили выставить разъединеніе небесныхъ и земныхъ интересовъ и потому показывали превосходство той власти церковной, которая чуждается смѣшенія ихъ въ одно (25). Впрочемъ, и власть константинопольскаго патріарха, хотя случайно, сливалась съ народными интересами православныхъ. Долговременное ихъ соединеніе съ Польшею нанесло много ударовъ ихъ народнымъ началамъ — языку, обычаямъ. Въ народѣ западно-русскомъ, поэтому, особенно въ лучшихъ людяхъ его естественно развивалось и безъ уніи отчужденіе отъ Польши. Соединить теперь посредствомъ уніи еще свои вѣрованія съ латинскими, такъ плотно слетыми съ мірскими началами т. е. польскими, значило нанести окончательный ударъ не только православной вѣрѣ, но и русской народности. Поэтому православные тѣмъ съ большимъ усердіемъ защищали константинопольскаго патріарха, который своею властію надъ западнорусскою Церковію хотъ нѣсколько ограничивалъ всестороннее вліяніе Польши на западнорусскую народность. Оставляя, впрочемъ, въ сторонѣ это сопоставленіе власти патріарха съ народными интересами, какъ дѣйствительно случайное и не многимъ понятное, мы можемъ вывести такое общее заключеніе о началахъ уніятскихъ и православныхъ писателей въ ихъ спорѣ о томъ и другомъ вѣроисповѣданіи и о той и другой церковной власти. Одни — уніятскіе писатели проповѣдывали *утилитарность вѣры, смѣшеніе ея интересовъ съ выгодами жизни*, другіе, т. е. православные — *разъединеніе ихъ*; одни

- обращались къ *свокорыстію* народа частному и обще-
- ственному, другіе къ его *самоотверженію* на всёхъ
- путяхъ жизни.

Это противорѣчіе во взглядахъ на вѣру православ-
ныхъ и уніятскихъ писателей уяснялось еще болѣе, не
говоримъ уже о жизни, слѣдующимъ споромъ между
тѣми и другими. Такъ какъ унія введена была и для по-
литическихъ цѣлей и введена была официально властію
противъ воли народа; то писатели во имя уніи должны
были защищать усиленнымъ образомъ власть какъ цер-
ковную вообще, такъ и королевскую. Отсюда ихъ крайнее
ученіе о томъ, что міряне должны безусловно подчи-
няться іерархіи, не вмѣшиваться ни во что, касающееся
вѣры и что король и его власти имѣютъ полное право
требовать, чтобы всё православные принимали унію и
употреблять для этого карательныя мѣры (26). Право-
славные писатели стояли опять, если не на противопо-
ложной, то на очень далекой отъ этихъ воззрѣній, точкѣ.
Допуская во всей рѣзкости раздѣленіе духовныхъ и
мірскихъ интересовъ, они однако вовсе нераздѣляли,
да оно и не слѣдовало раздѣлять, іерархіи и паствы на
два рѣзко раздѣленные классы, такъ чтобы между ними
была связь только власти и подчиненіе, а не взаимнаго
единенія, единодушія и общаго усердія къ пользѣ вѣры.
Напротивъ, давно лишенные покровительства власти,
они плотно примкнули къ іерархіи и принимали живѣй-
шее и дѣятельное участіе въ дѣлахъ своей вѣры и Церк-
ви. Что же касается до королевской власти, то не ка-
саясь прямо этого щекотливаго вопроса, они ловко про-
тивопоставляли ей законы государства и собственныя
клятвы королей не нарушать свободы совѣсти и новѣр-

цевъ (27). Такимъ образомъ, защитники уніи вообще стали на сторонѣ власти, а защитники православія на сторонѣ народа. Въ то время въ литовско-польскомъ государствѣ это значило, что одни стоятъ на сторонѣ произвола, а другіе на сторонѣ свободы. Такимъ образомъ, вышла большая странность: унія, введенная для скорѣйшаго усвоенія литовско-русскими православными польской жизни, стала во враждебное отношеніе къ основному началу этой жизни—свободѣ, а православіе, ратовавшее въ лицѣ своихъ членовъ, между прочимъ, за самостоятельность западно-русской народности и отчужденіе отъ Польши, стало рядомъ съ требованіями польской свободы. Само собою разумѣется, что такая странность должна была произвести большую путаницу и заставляла многихъ дѣлать самые неожиданные скачки во враждебную сторону. Ей-то конечно исторія уніи обязана тѣмъ, что чиновные въ душѣ люди — сыновья князя Острожскаго и даже Скуминъ стали на сторонѣ уніатовъ, а любимецъ народа и поборникъ польской свободы Янъ Замойскій явился защитникомъ православія. Не подлежитъ однако сомнѣнію, что такой складъ дѣла много помогъ православію и повредилъ уніи. Онъ поставилъ православіе, повторяемъ, на сторонѣ права, законности, а унію на сторонѣ произвола, насилія.

Вотъ, какъ въ самомъ началѣ уніи обрисовались главные начала православія и уніи и характеристическія черты послѣдователей того и другаго вѣроисповѣданія. Едва ли намъ нужно еще послѣ этого распространяться о томъ, какъ много было на сторонѣ православныхъ нравственной силы, истины, правды, чистоты и какъ мало всего этого было на сторонѣ уніатовъ. Впрочемъ,

въ утѣшеніе тѣмъ людямъ, которые способны заподозрѣть насъ въ пристрастномъ изложеніи дѣла, мы можемъ сказать, что излагали общее, главное направленіе мыслей той и другой стороны, а не частныя, отдѣльныя ихъ проявленія. Въ частныхъ случаяхъ, какъ это и естественно, были многочисленнѣйшія уклоненія тѣхъ и другихъ писателей отъ главныхъ своихъ началъ. Поборники правды и свободы нерѣдко проповѣдывали ложь и насиліе, и на оборотъ — поборники лжи и насилія обращались иногда къ истинѣ и свободѣ съ восторженными чувствами любви и покорности. Эта измѣна своимъ началамъ, это уравненіе тѣхъ и другихъ писателей особенно рѣзко обнаружилась въ одной области спора, на которую мы считаемъ необходимымъ обратить вниманіе, потому что она имѣла большое вліяніе на ходъ отношеній между православными и уніятами.

Возникшій по дѣлу уніи споръ, какъ мы видѣли, очень ясно обрисовалъ убѣжденія обѣихъ сторонъ. Въ-стѣ съ тѣмъ, путемъ литературной, и еще болѣе жизненной борьбы обрисовались передовыя личности православныхъ и уніатовъ. Около этихъ людей сосредоточивалось вниманіе общественное, и у каждой стороны естественно возникло желаніе перезвать ихъ къ себѣ или, по крайней мѣрѣ, уничтожить ихъ вліяніе на массу народа. Въ литературѣ это желаніе выразилось слѣдующимъ образомъ. Стали появляться письменныя убѣжденія этимъ лицамъ — православнымъ отъ уніатовъ и уніатамъ отъ православныхъ — принять унію или возвратиться въ православіе. (28). При первомъ взглядѣ на эти сочиненія можетъ показаться, что онѣ были тщетною тратою силъ и времени, потому что передовые лю-

ди православія и униі меньше всего могли поддаваться постороннему убѣжденію. Но тутъ имѣлось въ виду другое дѣло, очень серьезное. Сочиненія этого рода, пущенныя въ народъ безъ соотвѣтствующихъ отвѣтовъ могли возбуждать въ читателяхъ недоумѣнія, какъ по-дѣйствовали они на тѣхъ, къ кому адресовались, не колеблется ли они ихъ убѣждений? Но какъ скоро эти сочиненія получали такое значеніе, какъ скоро противная сторона имѣла въ виду, если не привлечь къ себѣ своихъ опаснѣйшихъ враговъ, то, по крайней мѣрѣ, поколебать къ нимъ довѣріе въ ихъ приверженцахъ; то отсюда уже естественно у обѣихъ сторонъ рождалось желаніе отыскать въ такихъ людяхъ побольше черныхъ сторонъ и обнародовать ихъ. Отсюда всеобщее въ то время стремленіе открывать темныя стороны своихъ враговъ, преувеличивать ихъ и въ случаѣ неполнаго эффекта сочинять небывалыя. Благодаря такому направленію писателей, мы знаемъ, на примѣръ, какія картины привезъ Терлецкій изъ столицы латинства и искусствъ, и какъ онъ наслаждался смущеніемъ почтенныхъ дамъ, которымъ показывалъ ихъ, или что онъ умеръ съ отгнившимъ носомъ. Знаемъ также, что Стефанъ Зизаній не зналъ — кто его отецъ, а безженный пресвитеръ Варѣоломей Заславскій былъ отцемъ и потомъ убійцею своего дитяти, которое приходилось племянникомъ или племянницею поручителю въ дѣвствѣ Заславскаго и т. д., и т. д. Отъ этихъ личныхъ скандаловъ писатели пошли къ скандаламъ самого дѣла и наполняли ими разсужденіе о всякомъ предметѣ или дѣлѣ своихъ враговъ. Мы уже имѣли случай говорить, на сколько справедливы всѣ эти скандалы; но не въ томъ

дѣло, а въ томъ, къ чему вело такое направленіе полемики. Оно естественно подрывало значеніе разумнаго слова, и вмѣстѣ съ тѣмъ, производило ожесточеніе, разгаръ страстей и желаніе достигать своихъ цѣлей путемъ насилія, кулачной расправы, т. е. и православные и уніаты этимъ направлениемъ своего спора содѣйствовали тому, чтобы ихъ дѣло скорѣе перешло изъ науки и разумныхъ добровольныхъ убѣжденій въ самую мунную жизнь. Въ обществахъ вполне развитыхъ, созрѣвшихъ такого результата можетъ легко и не быть, но не забудемъ, что все это происходило въ XVI и XVII столѣтіи, въ литовско-польскомъ государствѣ, разштанномъ уже не мало борьбою королей съ представителями народа, и особенно іезуитами, этими всемірными учителями беззаконія и кулачнаго боя. Не забудемъ также, что такой споръ возникъ изъ-за уніи, которая вся создана на фальши, неправдѣ и насиліи. Слѣдовательно, для уніатовъ раздраженіе отъ скандаловъ было истинною находкою. Оно какъ бы оправдывало ихъ падкость къ насиліямъ, къ которымъ они готовы были обратиться и безъ этого раздраженія.

Посмотримъ же теперь, какъ перешло въ самую жизнь спорное дѣло между православными и уніатами, и какъ оно здѣсь вырабатывалось уже помимо литературныхъ преній. Начнемъ, какъ и слѣдуетъ, съ уніятской іерархіи; такъ какъ она прежде всѣхъ обнаружила неохоту разбирать дѣло разумно и поползновеніе опереться на власть, силу.

Уніятская іерархія возвратилась изъ Брестскаго собора на свои мѣста, въ епархіи съ весьма страшнымъ убѣжденіемъ, конечно, не искреннимъ, что на соборѣ

она рѣшительно не сдѣлала ничего, не постановила ничего новаго, намѣняющаго до сихъ поръ существовавшій порядокъ, что, повтому, она вступаетъ попрежнему въ отправленіе своихъ обыкновенныхъ обязанностей, и всѣ попрежнему должны подчиняться ей. Легко себѣ представить, съ какимъ изумленіемъ встрѣтили такое объявленіе православные, отвергавшіе унію, и съ какимъ усиліемъ уніятская іерархія старалась воспроизвести въ себѣ такое же изумленіе, встрѣтивъ въ своей паствѣ такую перемѣну. Явное дѣло, что здѣсь разыгрывалась траги-комедія, но могла разыгрываться очень недолго, какъ очень неумѣстная въ такомъ важномъ дѣлѣ. Дошло скоро до серьезныхъ объясненій и положительныхъ рѣшеній. Обѣ стороны высказались безъ мимики: одна объявила твердое намѣреніе управлять, другая — не подчиняться. Затѣмъ случались такія явленія, что или пастырь проповѣдывалъ слово Божіе и совершалъ службу, а тѣ, кому бы слушать и молиться, бѣгали отъ него, или готовые слушать слово Божіе и молиться приходили въ церковь и изгоняли вонъ прежняго своего пастыря. Случалось еще иначе: овцы имѣли своего пастыря и очень рады были ему, но его отнимали у нихъ, или они не имѣли его, и тоже очень рады были, но его давали имъ противъ ихъ воли. Эта настоящая притча объяснялась тѣмъ: сталкивался ли уніятскій пастырь съ православными овцами или православный пастырь съ уніятскими. А сколько было еще видоизмѣненій этой притчи. Былъ, напримѣръ, священникъ уніятскій, а паства его частію уніятская, частію православная или наоборотъ. Въ этомъ хаосѣ можно было замѣтить только одно крупное явленіе, что

большею частію и паства и пастыри приходскіе остаются православными, а только высшій іерархъ уніатъ; но это обыкновенное тогда явленіе нарушалось, какъ скоро умиралъ православный священникъ, а иногда и при жизни его присылали на его мѣсто уніатскаго. Понятное дѣло, что въ большинствѣ такихъ случаевъ, если не во всѣхъ, было много ссоры, брани и насилій, и въ заключеніе во всемъ этомъ должна была принять участіе мѣстная власть (29).

Повидимому, этой власти не было большаго труда рѣшать возникавшія при этомъ дѣла. Въ каждомъ данномъ случаѣ обиженные представляли ей, что нарушенъ существовавшій порядокъ, не подлежащій никакому сомнѣнію. Но въ томъ-то и дѣло, что обѣ стороны православная и уніатская представляли тоже самое основаніе; обѣ представляли законнымъ дѣломъ, существующимъ порядкомъ православіе или унію: слѣдовательно мѣстной гражданской власти приходилось рѣшать очень трудный для нея вопросъ: что законнѣе въ данномъ случаѣ — православіе или унія? Такимъ образомъ, вопросъ обѣ уніи и православіи перешелъ въ область гражданской администраціи, полиціи и въ глубину его стали проникать, напрягая все умственные свои способности, войты, ключвойты и имъ подобные люди. Разумѣется, въ результатъ такого углубленія никакъ не могъ выйти какой нибудь богословскій трактатъ съ твердыми началами, правильнымъ построеніемъ доказательствъ и многочисленными цитатами. Эти почтенные люди рѣшали такой головоломный вопросъ очень просто, повинуваясь внушеніямъ свыше, а это высшее внушеніе, въ свою очередь, вытекало опять не изъ не-

посредствѣннаго богословскаго изученія уніи и православія, а изъ другихъ источниковъ — житейскихъ.

Чиновники, имѣвшіе вліяніе на установленіе отношеній между православными и уніятами, находились сами въ весьма различномъ отношеніи къ центральной власти—королевской и къ народу. Между ними были очень вѣрныя орудія королевской власти и, слѣдовательно, друзья-покровители уніи — это вообще администраторы областей, не исключая воеводъ, и кончая ключвойтами. Все это были люди, назначенные королевскою властію, имѣвшіе съ нею постоянныя сношенія, и отъ ней ожидавшіе новыхъ милостей. Если они къ томужь были латиняне, и притомъ обязанные своими мѣстами іезуитамъ; то подъ ихъ руками унія процвѣтала и православіе страдало очень жестоко. Таково именно было положеніе уніи и православія, прежде всего, во вѣсѣхъ королевскихъ имѣніяхъ, которыя обнимали многіе города, а не только деревни (30). Но мы сдѣлали бы несправедливое заключеніе, еслибы вѣсѣхъ администраторовъ, безъ исключенія, признали безотвѣтными орудіями власти королевской, и тѣмъ болѣе искренними друзьями и покровителями уніи. Между ними, безспорно были люди очень самостоятельныя и очень нелюбившіе уніи. Известно, что важнѣйшіе чиновники административныя въ литовско-польскомъ государствѣ были безсмѣнные, по крайней мѣрѣ, ихъ дельца было смѣнить, безъ ихъ желанія. Это давало имъ большую самостоятельность. Благородные между ними люди вообще и особенно благородные между ними православные, очевидно, не расположены были поддерживать уніи и содѣйствовать ея распространенію въ своихъ областяхъ въ ущербъ

православію. Въ этихъ областяхъ уніи приходилось очень плохо, какъ напримѣръ, въ области Киевской, Минской, Витебской, Смоленской. Но нерѣдко случалось даже въ этихъ областяхъ, что высшій администраторъ былъ католикъ, а низшій — православный или наоборотъ. Тогда естественно происходило колебаніе въ пользу православія или уніи, смотря по силѣ и характеру этихъ лицъ. Тѣмъ не менѣе необходимо допустить, что вообще въ этомъ кругѣ людей уніа находила гораздо большую поддержку, чѣмъ православіе, потому что сюда вообще спорѣе и вѣрнѣе доходили внушенія короля и латинской іезуитской партіи.

Совсѣмъ другого рода были правительственныя лица въ тѣхъ городахъ, въ которыхъ господствовало, такъ называемое, магдебургское право: здѣсь управление находилось въ рукахъ самыхъ гражданъ, и, слѣдовательно всѣ административныя чиновники должны были слѣдовать настроенію и убѣжденію городского общества, ихъ избравшаго. Тутъ успѣхъ или неуспѣхъ уніи рѣшительно зависѣлъ отъ числа латинянъ и уніатовъ съ одной стороны и православныхъ съ другой. Такъ во всѣхъ городахъ литовскихъ, пользовавшихся магдебургскимъ правомъ, перевѣсъ былъ на сторонѣ православныхъ, а въ Галиціи, напримѣръ, на сторонѣ уніатовъ.

Наконецъ, была еще третья обстановка уніи и православія — это именно въ деревняхъ. Здѣсь все зависѣло отъ того, кто были помѣщики — православные или латиняне и уніаты. Несчастные крестьяне въ литовско-польскомъ государствѣ — эти негры Южныхъ штатовъ Америки тѣмъ только и отличались отъ нихъ, что для негровъ Америки не считается нужною религія, а для

нихъ считалась она необходимою, но по волѣ, по приказу помѣщика. Впрочемъ, и въ ихъ положеніи нельзя не усмотрѣть одной, очень отрадной стороны. По внѣшности ихъ дѣлали то уніятами, то латинянами, то протестантами, смотря потому, какая вѣра исповѣдывалась въ паладахъ ихъ господъ; но ихъ убѣжденія или, вѣрнѣе сказать, ихъ отцовскія вѣрованія и обычаи оставались чаще одни и тѣже при всѣхъ внѣшнихъ ихъ превращеніяхъ. Ихъ церкви, духовенство и богослуженіе могли измѣнять какъ угодно, имъ могли говорить какія угодно краснорѣчивыя проповѣди объ уніи; Снарга и Поцѣй могли волновать всю Литву и Польшу,—одинъ— своимъ златоустовскимъ краснорѣчіемъ, другой— своими археологическими открытіями; а они, загнанные, убитые, также какъ и прежде, вѣровали и молились, какъ будто унія проносилась мимо ихъ, не затронувши ни одного ихъ вѣрованія. Поѣзжайте и теперь въ уѣзды Пружанскій, Кобринскій, отчасти Бѣльскій и въ прилегающіе къ нимъ уѣзды Волынской губерніи, а лучше, еслибъ вы могли это сдѣлать въ началѣ сороковыхъ годовъ, — и вы увидите или видѣли, что тамъ народъ говоритъ рѣчью, поразительно близкою къ рѣчи Нестора и древнихъ церковныхъ книгъ, что онъ молится и держитъ религіозные обычаи по православному съ древнѣйшихъ временъ уніи, а заверните оттуда въ ничтожнѣйшее мѣстечко Забудовье, около Бѣлостока, окруженное издавна со всѣхъ сторонъ сильнымъ вліяніемъ латинства; тамъ есть приходъ мѣщанъ, прежде крестьянъ, которые никогда и не знали уніи и черезъ два съ половиною вѣка, среди всѣхъ тревоженій, сохранили православіе даже и во внѣшности.

Изъ всѣхъ указанныхъ до сихъ поръ случаевъ столкновения православныхъ съ уніятами нельзя не видѣть, что успѣхъ тѣхъ и другихъ зависѣлъ большею частію отъ случайныхъ обстоятельствъ, — прочнаго въ положеніи тѣхъ и другихъ было : у уніатовъ неизмѣнное сочувствіе короля, одушевлявшаго чиновниковъ къ содѣйствію уніи и универсалами и именными предписаніями и чиновниками своей канцеляріи, — за тѣмъ сочувствіе латвіянъ, въ немаломъ числѣ разсѣянныхъ по Литвѣ и крѣпко связанныхъ какъ съ королевскою властію, такъ въ особенности съ іезуитами ; у православныхъ : сочувствіе плотной массы народа и въ частности нѣкоторыхъ влиятельныхъ лицъ. Словомъ — на сторонѣ однихъ была опора *власти административной*, — на другой опора *народныхъ чувствъ*.

Извѣстно, что такое враждебное столкновение двухъ силъ народной жизни ведетъ къ губельнымъ смутамъ въ какомъ бы то нибыло государствѣ. Противъ этой явы есть единственное средство — благоустроенный, неза- 447висимый судъ. Такое средство дѣйствительно было въ литовско-польскомъ государствѣ : посмотримъ же на сколько оно оберегало это государство въ дѣлѣ уніи отъ деспотизма съ одной стороны и анархіи съ другой — что, впрочемъ, одно и то же.

Судъ въ литовско-польскомъ государствѣ стоялъ въ срединѣ между интересами частныхъ лицъ и властію исполнительною. Судьи избирались народнымъ представительствомъ на сеймикахъ, сеймахъ и утверждались королемъ, — слѣдовательно, могли служить выраженіемъ и охраненіемъ истинныхъ, законныхъ интересовъ и народа и власти, особенно суды трибунальные, сей-

мовые. Къ этимъ-то судамъ и судьямъ необходимо должны были обратиться обѣ стороны — и православная и уніятская. Между ними часто возникали такіа дѣла, которыя сопровождались нарушеніемъ правъ лица и нерѣдко уголовными представленіями. Но понятно, что судъ, особенно правильный (какимъ большею частію и былъ литовско-польскій судъ въ началѣ уніи, какъ еще не испорченный латинскою іезуитскою партіею и составленный безъ соображенія будущихъ интересовъ уніи) могъ быть выгоденъ правой сторонѣ т. е. православной, и очень невыгоденъ неправой т. е. уніятской. Оттого-то мы видимъ, что православные въ началѣ уніи очень охотно обращаются къ судебному рѣшенію посредствомъ жалобъ и такъ называемыхъ протестацій (31), а уніаты и самъ король постоянно жалуются на пристрастіе къ православнымъ, по ихъ мнѣнію, литовско-польскихъ судовъ (32). Такъ извѣстно, что Стефанъ Зизаній и его единомышленники братскіе и соборные Виленскіе священники оправдываются судомъ, не смотря на соборное и королевское ихъ осужденіе (33). Безпристрастіе тогдашнихъ судовъ въ большей части Литвы было такъ велико, что уніаты даже не осмѣливались подвергать имъ православныхъ, способныхъ доискаться безпристрастнаго рѣшенія дѣла. Такъ, оставались неприкосновенными оба епископа, непріявшіе уніи — Гедeonъ и Михаилъ, Никифоръ и Кириллъ патриаршіе экзархи въ Литвѣ и многіе духовные, имѣвшіе какое нибудь независимое положеніе. Вообще въ уніятахъ нельзя не замѣтить сильнаго желанія не подвергать своего дѣла судебному наслѣдованію. Но какъ было достигнуть этой цѣли? Вотъ какими путями они ухло-

нялись отъ суда. Считаая дѣло уніи рѣшеннымъ высшими властями въ ихъ глазахъ — королемъ и папою, они возмущались при одной мысли подвергнуть его переислѣдованію. За тѣмъ они становились на другую точку и объявили, что унія чисто церковное дѣло: его разбирать не имѣетъ права гражданскій судъ (34). На этихъ основаніяхъ король очень часто приостанавливалъ исполненіе судебныхъ приговоровъ, пользуясь въ этомъ случаѣ своимъ правомъ veto и посылая не разъ общіе универсалы съ приказаніемъ — не вмѣшиваться въ дѣла церковныя (35). Такимъ образомъ, вопросъ объ отношеніяхъ православныхъ и уніатовъ уклоняемъ былъ отъ единственнаго способа правильно рѣшить его и возвращался опять въ область административную. Отсюда выходила ужасная путаница: судъ или задумывался надъ дѣлами уніи рѣшать ли ихъ, или рѣшалъ по своему: а между тѣмъ административная власть рѣшала его по своему и нерѣдко случалось такъ, что православный съ радостію выносилъ изъ суда свое оправданіе, а полиція сажала его въ тюрьму (36). Впрочемъ, уніаты иногда дѣлали отступленіе отъ такого легкаго и безцеремоннаго способа достигать своихъ цѣлей. Иногда они показывали глубокое уваженіе къ судамъ и подвергали ему своихъ враговъ со всею торжественностію и терпѣніемъ — это въ такихъ случаяхъ, когда вѣрно рассчитывали на осужденіе ихъ, но ихъ ли дѣйствительной винѣ или по неправильно составленному суду. Такъ они старались осудить, впрочемъ, безуспѣшно львовскаго православнаго епископа Гедсона (37). Такъ они осудили и погубили патріаршаго екарга Никифора (38).

Измѣряя теперь всѣ средства уніи, мы можемъ при-

иу близительно указать на тѣхъ людей, которымъ особенно тяжело было ея присутствіе и которые больше другихъ падали подъ ея ударами. Унію особенно сильно должно было почувствовать низшее духовенство, находившееся въ непосредственной зависимости отъ іерарховъ, измѣнившихъ православію, — бѣдные священники, опредѣленные на мѣста этими іерархами и неуспѣвшіе приобрести самостоятельнаго значенія и сильнаго покровительства. Особенно тяжело было ихъ положеніе въ томъ случаѣ, когда ихъ окружали латиняне, имѣвшіе власть. Вмѣстѣ съ ними страдала въ такихъ случаяхъ и ихъ паства — безотвѣтные крестьяне и мѣщане, неимѣвшіе магдебургскаго права.

Такие случаи, конечно, не обнимали всей Литвы, всѣхъ православныхъ, но попадались въ каждомъ воеводствѣ, въ каждомъ повѣтѣ, и такъ какъ они во всей совокупности далеко еще не отвѣчали идеѣ уніи, какъ въроисповѣданія, долженствовавшего обхватить всю западнорусскую Церковь, то неудивительно, что подъ вліяніемъ такого взгляда въ этихъ случаяхъ высказывались все нетерпѣніе и вся дерзость уніатовъ. Тутъ-то уніаты и развертывались вполнѣ и ясно давали чувствовать, чего отъ нихъ можно ожидать. Но это былъ самый неразчетливый образъ дѣйствій во всѣхъ отношеніяхъ и прежде всего въ томъ отношеніи, что не увеличивая числа уніатовъ, онъ до крайности раздражалъ православныхъ, тѣмъ болѣе что православные тогда еще далеко не привыкли ни къ уніи, ни къ дѣйствіямъ уніатовъ и сильны были еще взаимнымъ сочувствіемъ и заботливостію. Поэтому каждый шагъ уніи обращалъ на себя много вниманія православныхъ, оглашаемъ

былъ по всей Литвѣ и вызывалъ сильнѣйшее, всеобщее негодованіе, которое очень могло перейти въ открытое возстаніе. Такое предположеніе можно было дѣлать тѣмъ съ большею вѣроятностію, что элементы открытаго возстанія были уже подготовлены и дали себя чувствовать и до Брестскаго собора и на самомъ Брестскомъ соборѣ. Теперь къ нимъ присоединился новый элементъ — волненіе козаковъ, которые, какъ извѣстно, въ самомъ началѣ уніи уже дѣлали не мало смуть. Однако возстанія не было на самомъ дѣлѣ. Отъ чего же именно? Отъ того ли, что народъ западно-русскій похожъ былъ на неразумное стадо овецъ, какъ это кажется инымъ историкамъ? Вовсе нѣтъ; въ свое время мы увидимъ, что этотъ народъ показалъ изумительную энергію и отчетливое пониманіе своихъ интересовъ и силъ. Или отъ того, что онъ теперь еще не сгруппировался въ одну плотную массу и не имѣлъ еще того сочувствія къ казакамъ, которому впоследствии отдался такъ безусловно? Очень можетъ быть. Но мы думаемъ, что какъ во времена Брестскаго собора, такъ и теперь главнѣйшею причиною этой неподвижности народа было то, что руководителями православныхъ былъ и теперь еще аристократическій классъ литовско-русскаго народа, люди болѣе или менѣе чуждавшіеся грубаго насилія, болѣе или менѣе проникнутые конституціонными понятіями и привыкшіе даже въ крайности искать въ нихъ опоры. Они-то и взялись теперь снова устроить дѣла православныхъ и имъ-то Польша обязана была, что въ началѣ уніи спокойствіе общественное кое-какъ поддерживалось, не смотря на то, что тысячи храбрыхъ рукъ не

вольно падали на рукоятки мечей, кинжаловъ и крѣпко сжимали ихъ, при видѣ поруганія древней святыни.

Не случайное передовое участіе въ началѣ уніи и не одно религиозное сочувствіе къ меньшимъ братьямъ побудили православный аристократическій классъ выступить прямо противъ уніатовъ. Унія съ перваго дня своего появленія затронула такой интересъ православной аристократіи, который укрѣпился въ ней вѣками и имѣлъ такую гибкость, что его могло возбуждать и высокое религиозное чувство и пустѣйшее тщеславіе. Мы уже знаемъ, что большинство этой аристократіи пользовалось патронатствомъ надъ церквами и монастырями. Уніятская іерархія, разумѣется, не уважала правъ этого патронатства. Она большею частію и рѣшилась принять унію, чтобы избавиться отъ него. Часто, поэтому, случалось, что безъ вѣдома патрона въ его церквахъ и монастыряхъ смѣняли православное духовенство уніятскимъ. Такія дѣйствія, понятно само собою, должны были до крайности ожесточать противъ уніи этихъ патроновъ. Они оскорбляли и ихъ религиозное чувство и ихъ честь, какъ извѣстно, очень въ нихъ чувствительную. При особенностяхъ политическаго устройства литовско-польскаго государства и, при сильномъ возбужденіи тогда религиознаго вопроса, подобное ожесточеніе легко могло вызвать и образовать громадную силу противъ уніи, въ православномъ аристократическомъ кругу, — силу тѣмъ болѣе дѣйствительную, что она могла образоваться и дѣйствовать въ самыхъ законныхъ формахъ.

Къ образованію такой силы въ Литовско-польской конституціи было одно весьма пригодное для православ-

ныхъ средство, которымъ аристократы и воспользовались вмѣсто того, чтобы итти самимъ и пустить народъ на рѣзню съ врагами православія. Если король нарушалъ свою присягу, такъ называемые пакта конвента; то общество имѣло право прямо противодѣйствовать ему посредствомъ такъ называемой конфедераціи, которая бывала различнаго рода съ болѣе или менѣе явнымъ и рѣшительнымъ характеромъ возстанія. Неудивительно, что и православные задумали воспользоваться такимъ же средствомъ, впрочемъ придали ему нѣсколько особенностей, очень благородныхъ и очень глубоко задуманныхъ. Прежде всего, они задумали соединиться съ протестантами литовско-польскими, — союзъ не новый, начавшійся еще въ 1595 году (39), обстоятельный проектъ котораго былъ обдумываемъ въ продолженіи всего времени послѣ этого года (40). Далѣе, такъ какъ черезъ унію король нарушалъ права православныхъ не прямо и рѣшительно, а косвенно и хитро, и, съ другой стороны, его поддерживала сильная латинская партія, которую опасно было вызывать на бой во всемъ государствѣ; то православные и протестанты задумали не открытую конфедерацію, которая бы немедленно взялась за оружіе, а конфедерацію подъ видомъ постоянного союза, которая должна была дѣйствовать на основаніи законовъ и посредствомъ разнаго рода вліяній. Въ 1599 году знаменитѣйшіе члены православнаго и протестантскаго вѣроисповѣданія составили съѣздъ въ Вильнѣ для скрѣпленія союза между собою. Сущность этого союза заключалась въ слѣдующемъ: православныя и протестанты обязывались общими усиліями защищать оба вѣроисповѣданія всѣми зависящими отъ нихъ сред-

ствами: сенаторы — въ сенатѣ, депутаты на сеймахъ, судьи въ судахъ, воеводы, старосты и другіе чины, каждый — въ своемъ кругу, не щадя ни времени, ни матеріальныхъ средствъ, ни даже здоровья, т. е. жизни. Для большей извѣстности страданій православныхъ и протестантовъ и для болѣе успѣшнаго противоудѣйствія имъ избраны были такъ называемые провизоры, которые обязаны были постоянно наблюдать за положеніемъ православныхъ и протестантовъ и являться на помощь по первому призыву (41). Такимъ образомъ, противъ уніи или, лучше сказать, противъ поддерживавшаго ее латинства образовалась сильная и организованная корпорація, которая могла раскинуть свои дѣйствія на все литовско-польское государство и дѣйствовать постоянно. Нѣтъ сомнѣній, что она немедленно приостановила бы успѣхи уніи, если бы не заключала въ себѣ элементовъ, которые подрывали въ основѣ ея устройство. Этотъ союзъ православныхъ съ протестантами основанъ былъ не только на полной вѣротерпимости между ними, но и на такомъ сближеніи, которое необходимо предполагало единеніе между обоими вѣроисповѣданіями, по крайней мѣрѣ, общность главныхъ началъ между ними. Такъ и понимали этотъ союзъ нѣкоторые изъ членовъ, и сдѣлали попытку установить дѣйствительно это единеніе, примирить оба вѣроисповѣданія. Но попытка эта оказалась совершенно неудачною. Іерархія православная рѣшительно отказалась отъ всякихъ совѣщаній объ этомъ съ протестантами (42) и не напрасно она отказывалась отъ нихъ. Ей, конечно, хорошо уже была тогда извѣстна непримиримость православія съ протестанствомъ: слѣдовательно, и сближеніе обо-

ихъ вѣроисповѣданій могло совершиться не иначе, какъ съ нарушеніемъ цѣлости одного въ пользу другаго. Самое легкое ознакомленіе съ проектомъ, предначертаннымъ еще до съѣзда для совѣщаній по этому дѣлу, не могло не показать православной іерархіи, съ чьей стороны должны были быть уступки, куда направляется предполагаемое сближеніе. Въ этомъ проектѣ всѣ пункты направлены къ тому, чтобы мало по малу уничтожить въ восточномъ вѣроисповѣданіи всѣ особенности, отличающія его отъ протестантства (43). Такимъ образомъ, православнымъ приходилось ради союза съ протестантами принести гораздо большую жертву, нежели какой требовали латиняне во имя уніи. Понятное дѣло, что они должны были очень дурно смотрѣть на такой союзъ и не поддерживать его; потому что онъ разрушалъ въ основѣ ту цѣль, для которой образовался, т. е. цѣлость западно-русской Церкви. И видно, эта слабая сторона союза очень поразила и православныхъ и протестантовъ и очень охладила и тѣхъ и другихъ къ задуманному дѣлу, когда многіе члены отказались подписать актъ союза (44).

Оставалась еще одна надежда спасти этотъ союзъ отъ разрушенія въ самомъ началѣ, — оставалось перенести его въ область чисто гражданскую, придать ему значеніе чисто гражданское, — заключить его не на основаніи единства обоихъ вѣроисповѣданій, а просто во имя пользы отъ этого союза. Но послѣдователи обоихъ вѣроисповѣданій были теперь такъ поглощены дѣлами вѣры, такъ раздражены противъ малѣйшаго оскорбленія своего вѣроисповѣданія, что имъ меньше всего можно было теперь руководствоваться подобнымъ началомъ.

Да, притомъ, между православными и протестантами было еще не мало счетовъ, которыхъ ни какъ нельзя было забыть имъ. Православные не мало уже потеряли членовъ своихъ, перешедшихъ въ протестанство, и не упустили случая возвратить ихъ, а протестанты, гонимые со всѣхъ сторонъ иезуитами, чаще и чаще вторгались въ беззащитные предѣлы западно-русской Церкви. При такомъ отношеніи протестантовъ и православныхъ очень сомнительною казалась польза отъ взаимнаго между ними союза. Тѣ и другіе очень могли думать, что провизоры будутъ дѣйствовать въ пользу своего вѣроисповѣданія и во вредъ другаго. Но положимъ, что это подозрѣніе было не сильно, что крайняя опасность отъ латинства могла сдерживать пропаганду обоихъ вѣроисповѣданій по отношенію одного къ другому и что такимъ образомъ многіе искренно и твердо были убѣждены, что отъ этого будетъ несомнѣнная польза какъ православнымъ, такъ и протестантамъ; но кому же собственно между ними будетъ польза? Всѣмъ гонимымъ т. е. низшему сословію, злополучному крестьянству и бѣдному мѣщанству. А членами союза были все знатные люди, болѣе или менѣе независимые въ своемъ положеніи и недоступные для принужденія, насилія. Слѣдовательно, съ энергіею защищать эти бѣдныя сословія, чужіе интересы они способны были только при весьма сильныхъ побужденіяхъ. Мы видѣли, что въ числѣ этихъ побужденій религіозныя были ослаблены и подорваны самымъ беспощаднымъ образомъ. Что же касается до гражданскихъ, то и тутъ былъ большой недостатокъ ихъ. Между аристократіею и крестьянствомъ была цѣлая бездна, при которой не могло быть сильнаго посто-

яннаго сочувствія между этими сословіями. Меньше было раздѣленіе между аристократією и мѣщанствомъ, — между ними болѣе возможно было сочувствіе; но не надобно забывать, какія жертвы должны были теперь принести этому сочувствію аристократы, члены Виленскаго сѣзда. Принимая на себя обязанности, возлагаемыя этимъ сѣздомъ, они дѣлались врагами короля и его партіи и слѣдовательно, на всегда должны были отказаться отъ надежды получить новыя, высшія кролевщизны, — чины съ имѣніемъ раздаваемые королемъ. Многие ли между ними могли разорвать эту бюрократическую сѣть? Два, три члена Виленскаго сѣзда, но не болѣе. Всѣ эти обстоятельства произвели то, что союзъ рушился въ минуту своего появленія.

Мы останавливались такъ долго на этомъ союзѣ потому, что это была лучшая надежда православныхъ, разбившаяся въ прахъ отъ того, что сложилась изъ несродныхъ элементовъ. Это была первая, рѣшительная попытка православной аристократіи защитить православіе и, къ сожалѣнію, не только неудачная на этотъ разъ, но и послѣдняя. Дряхлыя, деморализованныя вѣками силы этой аристократіи обнаружили здѣсь всю свою немочь, и сознаніе этой немочи было такъ убійственно, что эти аристократы скоро почти всѣ исчезли съ лица западно-русской Церкви и разсѣялись въ дѣтство, — результатъ громадный, могущественно подѣйствовавшій силою примѣра на всю массу православнаго литовско-русскаго народа. Такимъ образомъ, уніа пріобрѣла себѣ поддержку въ томъ, что ей повидимому больше всего должно было принести зла. Но, что всего важнѣе, православные литовско-русскіе не только увидѣли

въ этомъ союзѣ тщету своихъ надеждъ на свою аристократію, но должны были долго нести отвѣтственность за этотъ союзъ. Сближеніе съ протестантами, такъ громко засвидѣтельствованное Виленскимъ съѣздомъ, подвергло ихъ новому позору отъ латинянъ, которые не пропустили ни одного случая кольнуть ихъ связью съ еретиками и тѣмъ болѣе считали себя въ правѣ преслѣдовать ихъ за отказъ принять унію. Вы сродняетесь съ ересью, а не хотите принять уніи, которая есть тоже древнее православіе — были постоянными попреками въ ихъ устахъ. Впрочемъ, мы должны сказать, что, оцѣнивая такъ Виленскій съѣздъ, мы имѣемъ въ виду всю широту его задачи, все величіе его цѣли и сопоставляли съ этимъ дѣйствительныя силы съѣзда и дѣйствительные его результаты, раскрывавшіеся болѣе и болѣе съ теченіемъ времени. Но мы вовсе не отвергаемъ мимолетнаго его значенія въ то время, когда онъ составлялся и въ ближайшее къ нему. Въ эти первыя минуты, пока еще не уяснилась его несостоятельность, онъ сильно поднялъ духъ православныхъ и переполнилъ ужасомъ сердца уніатовъ, тѣмъ прежде всего, что обрисовалъ громадныя силы первыхъ и все ничтожество послѣднихъ. Сознаніе это сильнѣе всѣхъ подѣйствовало на несчастнаго митрополита уніятскаго Михаила Рогозу, такъ что онъ въ томъ же году умеръ съ горя, раскаяваясь во всѣхъ своихъ дѣлахъ на пользу уніи и во вредъ православію (45). Но предсмертное состояніе души Михаила Рогозы небыло чисто личнымъ его состояніемъ, вытекавшимъ единственно изъ свойствъ его характера. Нѣтъ, Михаилу Рогозѣ, кажется, суждено было во всю жизнь отражать въ себѣ чужія мысли и дѣйствія, чу-

жое настроеніе. Такъ и теперъ, сознаніе въ немъ униженія и позора было вѣрнѣйшимъ отраженіемъ состоянія всей массы уніатовъ. Они влачили жизнь свою среди жестокаго униженія и посрамленія. Обѣщанныя имъ гражданскія права и братская любовь со стороны латинянъ оказались болѣе блестящими, нежели дѣйствительными. Имъ нигдѣ не давали свободнаго, самостоятельнаго голоса. Но это была только половина бѣды. Уніаты того времени невольно должны были сознавать, что они и не способны имѣть въ своемъ дѣлѣ свободный голосъ и самостоятельность. Большинство ихъ состояло изъ такихъ людей, которые никакъ не могли похвалиться предъ православными и латинянами своими достоинствами. Все это были люди, принявшіе унію или по своекорыстнымъ цѣлямъ или по страху гоненій т. е. всѣ негодные и слабые члены западно-русской Церкви. Разумѣется, такіе люди не могли украсить собою уніатской церкви и поднять ея значеніе въ глазахъ другихъ вѣроисповѣданій и даже въ своихъ собственныхъ (46). Предоставъ теперъ латиняне унію ея собственнымъ нравственнымъ силамъ, — и, нѣтъ сомнѣнія, она очень скоро кончила бы дни свои. Но мы знаемъ, что это было вовсе не въ видахъ латинской партіи. Ей слишкомъ важно было существованіе уніи, — и она давно рѣшилась поддерживать ее во что бы то ни стало. Какимъ же однако образомъ? Увеличить права и самостоятельность уніи, поднять нравственный духъ уніатовъ было также не въ видахъ этой партіи. Поддерживать ее одною внѣшнею силою было опасно и утомительно; потому что какъ ни велико было въ литовско-польскомъ государствѣ своеволіе, но, какъ мы уже отчасти видѣли, ря-

домъ съ нийъ жило и сильное сознаніе законности. Оказывалась, такимъ образомъ, необходимость удачно слить высшую силу съ нравственною и еще болѣе удачно направить объ нѣ къ благу униі, а латинства. Этого латиняне достигали, между прочимъ, тѣмъ, что поставили во главѣ униі энергичныхъ, образованнѣйшихъ и даровитѣйшихъ людей, но съ убѣжденіями болѣе или менѣе латинскими. Рядъ такихъ людей открылъ извѣстный уже намъ двигатель униі, Врестскій епископъ Ипатій Поцѣй, возведенный теперь на митрополицію униятскую кафедру, послѣ смерти Михайла Рогъзы, (1599 г.) (47).

Ипатій Поцѣй и его дѣятельность.

Поцѣй представлялъ въ себѣ счастливѣйшее сочетаніе свойствъ, необходимыхъ для того дѣла, для котораго былъ призванъ. Онъ былъ и не послѣднимъ ученымъ, и краснорѣчивымъ ораторомъ, и такимъ практикомъ, что не смущался передъ самыми громадными трудностями и не содрогался передъ самымъ жестокимъ насиліемъ. Честолюбіе, аристократическая гордость, пренебреженіе къ народу, прѣжняя государственная жизнь, наконецъ любовь къ униі, какъ къ собственному произведенію, должны были придать этимъ свойствамъ особенный колоритъ и рельефность, короче сказать, Поцѣй былъ лучшимъ выраженіемъ духа латинства, сливающего такъ химически духовное съ мірскимъ, доброе съ злымъ (48). Поэтому уже самому — по этимъ свойствамъ и настроенію Поцѣя, естественно было ожидать, что при немъ будетъ упорная, жестокая борьба изъ-за униі, въ какую бы сторону ни поворачивалась — къ

виѣшнему ли насилію или къ разумному, религіозному спору между уніятами и православными. Но она сдѣлалась еще болѣе упорною и жестокою отъ того, что непомѣрныя притязанія Поцѣя встрѣтились съ самою крѣпкою силою православныхъ, выступившею теперь наружу во всемъ блескѣ и могуществѣ.

Поцѣй, по личнымъ своимъ особенностямъ и какъ главный виновникъ уніи естественно взялъ идею или задачу ея во всей ширинѣ и полнотѣ. Предшественникъ его — Рогоза, жестоко измѣнилъ уніи — смотрѣлъ на нее вопреки внушеніямъ своихъ друзей, какъ на существующій фактъ, и предоставлялъ ея собственнымъ ея силамъ и развитію, насколько то отъ него зависѣло. Поцѣй, напротивъ, смотрѣлъ на унію, какою она должна быть, по намѣренію папы и латинской литовско-польской партіи. По его взгляду, она должна была обхватить всю западно-русскую Церковь; ей должны принадлежать все и всё, принадлежавшіе этой Церкви. Но какъ было достигнуть такой трудной цѣли, особенно теперь? Другіе, вводящіе унію епископы и самъ Поцѣй до сихъ поръ еще могли обманываться на счетъ исполнимости этой идеи. Унія встрѣтила западно-русскую Церковь въ таинствѣ состояніи, что въ ней было очень много негодныхъ членовъ, которые легко переходили въ унію и могли поддерживать обманчивое убѣжденіе, что, ласкай, и всё такъ перейдутъ, что упорство другихъ временное, которое сломается отъ собственной непрочности и принятыхъ уже мѣръ. Но теперь смѣшно было бы ласкать себя такими надеждами. Теперь осталась въ православіи самая отборная масса людей; потому что теперь не принималъ уніи только тотъ, кто былъ силенъ

вѣрою и душею. Мало того, теперь, въ годъ вступленія Поцѣя на митрополичью кафедру — эта масса сгруппировалась стройно, — слабые, беззащитные стали кругомъ болѣе твердыхъ и сильныхъ — около аристократическихъ членовъ Виленскаго сѣзда. Знаемъ мы, что эта новая организація православныхъ была безтактна, бессильна, и Поцѣй могъ это понимать довольно ясно, но, при всей его проницательности, онъ не могъ предвидѣть, что распадаясь, она не образуетъ прочныхъ кружковъ, что ни одинъ прокураторъ не будетъ исполнять своихъ обязанностей. А что, если такіе кружки образуются, если хоть нѣсколько прокураторовъ возмущаются горячо за свое дѣло и поднимаютъ среднія сословія? (49). Знамя ихъ очень опасно. Они всѣ выставили законность своего дѣла, готовы всѣми путями добиваться этой законности и жертвовать всѣмъ во имя ее. Понимая значеніе сильной личности въ литовско-польскомъ государствѣ, зная тогдашнее раздраженіе въ немъ многихъ противъ короля и латинской партіи, которые съ смущеніемъ открывали каждый сеймъ, нельзя было не придать большаго значенія настоящему движенію православныхъ, и Поцѣй безъ сомнѣнія понималъ хорошо опасность своего дѣла; но здѣсь-то и была лучшая приманка для кипучей, богатой натуры его. Другой на его мѣстѣ или палъ бы духомъ или неистовствовалъ бы, но Поцѣй съумѣлъ все устроить и успѣшно и гладко. Онъ пошелъ къ своей цѣли слѣдующими путями.

Мы видѣли, что православные сдѣлали унію, вопреки всѣмъ усиліямъ ея поборниковъ, дѣломъ народнымъ, подлежащимъ обсужденію и разбору въ каждомъ данномъ случаѣ на основаніи конституціонныхъ началъ,

причемъ народный судъ долженъ былъ получить особенную силу. Поцѣй, подобно всѣмъ своимъ друзьямъ, только съ большею ловкостію постарался отклонить отъ уніи эту опасность — устранить отъ нея участіе суда и перевести ее въ область исполнительной власти, гдѣ были всѣ ея жизненныя силы и средства. Для того, само собою разумѣется, нужно было сдѣлать унію фактомъ, не подлежащимъ сужденію и разбирательству — дѣломъ, признаннымъ законами, которое остается только исполнить. Взаяся онъ за это дѣло просто. Онъ ученымъ образомъ изслѣдовалъ всѣ гражданскія права, предоставленныя когда бы то ни было королями западно-русскимъ митрополитамъ, и доказывалъ, что законно вступилъ въ обладаніе ими (50). А чтобы и съ религиозной точки зрѣнія было ясно, что къ нему переходятъ всѣ эти права, чему принятая имъ унія такъ резко противорѣчила, онъ старался доказать, что унія была и прежде въ западно-русской Церкви и ей-то собственно даны гражданскія права, которыми пользовались западно-русскіе митрополиты (51). При этихъ данныхъ королевская грамота о подчиненности Поцѣю всѣхъ западно-русскихъ православныхъ должна была, по его мнѣнію, имѣть особенную убѣдительность и обязательность (52). Но какъ же заставить подчиниться всѣхъ тѣхъ, которые не убѣждались ни доводами Поцѣя, ни грамотою королевскою? Они, очевидно, представлялись Поцѣю и упорными схизматиками и непокорными королю гражданами. Ихъ на этомъ основаніи считалось справедливымъ предавать въ руки власти. Поцѣй, жившій душа въ душу съ королевскою латинскою партіею, не пропускалъ случаевъ указывать ей на этихъ

людей (53), но самъ, какъ бы; совершенно оставилъ въ сторонѣ большую половину ихъ. Онъ какъ бы забылъ, что православные міряне не подчиняются ему, и большею частію оставлялъ ихъ въ покоѣ. Такимъ образомъ, казалось, что онъ измѣняетъ своему понятію объ уніи, какъ вѣроисповѣданіи, которое должны принять всѣ члены западно-русской Церкви; но это такъ могло казаться только; на дѣлѣ же Поцѣй этой-то цѣли и достигалъ здѣсь. Онъ этимъ поднималъ и оживлялъ старый вопросъ, изъ-за котораго большинство епископовъ и приняли унію, именно, что дѣло вѣры должно быть рѣшено безъ мірянъ, что ихъ объ этомъ нечего спрашивать, они должны идти за своими пастырями. Понятно, что при такомъ взглядѣ, которымъ Поцѣй снималъ съ себя половину труда, передавая его въ руки іезуитовъ и королевскихъ чиновниковъ, онъ тѣмъ съ большимъ усердіемъ взялся за духовныхъ пастырей, за которыми должно было идти въ унію ихъ благочестивое стадо. Но и здѣсь, только уже не коварно, а по необходимости пришлось Поцѣю опять сѣзуть свой планъ.

По установившемся издавна обычаю, западно-русскій митрополитъ очень мало имѣлъ власти надъ подчиненными ему епископами и епископіями. Онъ могъ на нихъ дѣйствовать только посредствомъ братскихъ внушеній и постановленій соборовъ, которые могъ созывать по своему усмотрѣнію. Мы уже достаточно знаемъ Поцѣя, чтобы съ несомнѣнностію предполагать, что такой порядокъ былъ ему непріятенъ, что онъ желалъ бы господствовать надъ всѣми своими собратами по уніи и всѣми ихъ дѣлами. Но эти собраты были таковы, что если допустить только малѣйшую долю прав-

ды въ томъ описаніи, какое сдѣлалъ авторъ Ориноса современныхъ Поцѣю епископовъ, то необходимо признать ихъ мертвыми членами уніи, которыхъ отказался оживлять даже самъ Поцѣй (54). Поэтому-то, безъ сомнѣнія, въ продолженіе слишкомъ четырнадцати лѣтъ, Поцѣй не созывалъ ни одного собора своихъ епископовъ, и мы не знаемъ ни одного окружнаго посланія его къ нимъ (55). Ему пришлось, по необходимости, оставить въ покоѣ этихъ мертвыхъ, по необходимости, уменьшить свои заботы объ ихъ епархіяхъ и ограничиться духовенствомъ двухъ своихъ епархій, старой Врестской, которая осталась за нимъ, и новой — митрополи (56). За это-то собственно дѣло и взялся Поцѣй, и повелъ его такъ просто, что легко могъ успокоить многихъ православныхъ, впрочемъ, на короткое время, потому что вскорѣ оказалось, что его простой и, повидимому, безхитростный планъ затронулъ живѣйшіе интересы всѣхъ западно-русскихъ православныхъ.

Раздача общественныхъ имуществъ въ пожизненное владѣніе чинамъ государства какъ свѣтскимъ, такъ и духовнымъ принадлежала королю. Въ силу этого права король утвердилъ за Поцѣемъ всѣ церковныя имущества, лично принадлежавшія митрополитамъ западно-русскимъ; увеличивъ ихъ новыми пожалованіями, и предоставилъ ему право наблюденія за всѣми вообще имуществами Виленской митрополи (57). Вотъ съ этого-то пункта Поцѣй и началъ забрасывать свои сѣти на православныхъ. Обстоятельства какъ бы сами вызвали его начать отсюда.

Извѣстно, что послѣ смерти митрополита или епископа всѣ церковныя имущества, какъ лично ему принад-

лежація, такъ и находящіяся подъ его наблюденіемъ переходили до избранія новаго митрополита или епископа во временное владѣніе клира. Въ это время обыкновенно происходили періодическія расхищенія этихъ имуществъ. И клиръ своевольничалъ, и чиновники жилились во время описей и передачъ и выступали на сцену дѣйствительные и мнимые патроны съ предъявленіемъ своихъ правъ на управленіе дарованныхъ ими Церкви имѣній, пока нѣтъ того, кто могъ представлять лице Церкви (58). Волненія этого рода повторились и послѣ смерти Михаила Рогозы, только съ большею силою и законностію. Православные воспользовались теперь удобнымъ случаемъ возстановить права своей православной Церкви. Волею Божіею права на дѣла и имѣнія этой Церкви отняты были у измѣнившаго ей митрополита — уніята (Михаила). Легче было теперь, имѣя ихъ въ своихъ рукахъ, не отдавать новому митрополиту (Поцѣю), нежели отнимать прежде при Михаилѣ или послѣ при Поцѣѣ, давъ ему завладѣть ими. Но мы уже знаемъ, что эти соображенія православныхъ должны были столкнуться съ самыми необузданными притязаніями Поцѣя, Поцѣя—ревнителя уніи, ревнителя собственныхъ денежныхъ интересовъ, любимаго друга латинской партіи и самого короля, т. е. исполнительной власти, а здѣсь-то и была сфера этой власти. Поцѣй здѣсь былъ очень силенъ и онъ дѣйствительно доказалъ это православнымъ, какъ нельзя лучше.

Началъ онъ, какъ мы уже сказали, съ духовенства. По его предписанію оно должно было дать отчетъ въ управленіи своими церквами. Къ непокорнымъ являлись королевскіе чиновники и или заставляли ихъ подчиняться

власти митрополита или изгоняли вонъ и на мѣсто ихъ вводили людей, назначенныхъ Поцѣмъ (59). Противъ такихъ аргументовъ само духовенство, конечно, не могло выставить никакой дѣйствительной силы. Но оно часто находило ее въ лучшей части тѣхъ именно мирянъ, которыхъ Поцѣй, повидимому, хотѣлъ оставить въ покоѣ. Указанное нами распоряженіе Поцѣя касалось главнымъ образомъ богатѣйшихъ городскихъ соборовъ и монастырей, а при этихъ-то соборахъ и монастыряхъ чаще всего сосредоточивались православныя братства, охранявшія ихъ лучше всѣхъ возможныхъ патроновъ знатнаго рода. Эти общины нельзя было ни устрашить королевскими чиновниками, ни уничтожить королевскими предписаніями, ни даже отдѣлать отъ этихъ церквей и монастырей безъ ихъ воли, потому что это были лучшіе члены западно-русской Церкви, добровольно принявшіе на себя служеніе ея интересамъ и имѣвшіе, по закону и королевскимъ грамотамъ, право на существованіе въ извѣстномъ городѣ и при извѣстныхъ церквахъ. Нельзя было Поцѣю прямо предъявить свои права на управленіе ихъ имуществами, числившимися при этихъ церквахъ и монастыряхъ, потому что такія имѣнія составляли неотъемлемую ихъ собственность. Не легко было даже взяться за духовенство ихъ, потому что оно, по гражданскимъ и даже церковнымъ законамъ, находилось подъ ихъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ. Смѣнить это духовенство и назначить новое помимо братствъ нельзя было по уставу братствъ, утвержденному королевскими грамотами (60). Но тѣмъ не менѣе въ этихъ приходахъ было духовенство, номинально подчиненное западно-русскому митрополиту.

были имущества, номинально принадлежавшія церквамъ этихъ приходоѡ, и Поцѡю этого было довольно. Такимъ образомъ, мы видимъ, что Поцѡй, поднявъ вопросъ оъ іерархической подчиненности ему всей іерархіи западно-русской и о правильномъ, по его взгляду, пользованіи церковными имуществами, прямо натолкнулся на братства и мы даже подозреваемъ, что оба эти вопроса и подняты были имъ собственно противъ братствъ, а такъ какъ въ то время почти вся сила братствъ сосредоточивалась въ Вильнѡ, то неудивительно, что онъ сюда направилъ всѡ свои силы, такъ что все правленіе митрополита Поцѡя по всей справедливости можетъ быть названо борьбою этого митрополита съ братствомъ Виленскимъ. Впрочемъ, отсюда не слѡдуетъ заключать, что эта борьба имѡла частный характеръ и узкій объемъ. Нѡтъ, она необходимо должна была обхватить всю западную Россію и вызвать лучшія силы всѡхъ православныхъ, уніатовъ и всей латинской партіи, — вотъ почему мы считаемъ необходимымъ обратить на нее по больше вниманія и войти въ самыя мелкія частности.

Вскорѡ послѡ Брестскаго собора ясно обнаружилось, что въ Вильнѡ никакъ нельзя приложить къ дѡлу того правила, которому слѡдовали послѡ Брестскаго собора 1596 г. всѡ іерархи западно-русскіе, принявшіе унію, и которое, какъ мы уже замѡчали, состояло въ томъ, чтобы заниматься текущими дѡлами Церкви попрежнему, не показывая вида, что теперь произошла какая нибудь перемѡна. Здѡсь православные не терпѡли такой двуличности и неопредѡленности положенія, а прямо и ясно высказали свое рѡшеніе не знать ни уніи, ни

уніатовъ (61). Два челоѣка въ Вильнѣ должны были почувствовать всю тягость такого положенія — на-мѣстникъ митрополичій въ Вильнѣ соборный прото-іерей Іоаннъ Парееновичъ и архимандритъ Виленскаго Троицкаго монастыря Софроній. Первый нахо-дился въ ближайшемъ отношеніи ко всему виленскому духовенству (62), послѣдній къ виленскому братству, имѣвшему свое средоточіе въ Троицкомъ монастырѣ (63). Оба они, какъ видно, рѣшились быть очень осторожны-ми и ладить съ обѣими сторонами — съ православнымъ народомъ и съ іерархіею уніатскою, — оба доминили митрополита Михаила, имѣли съ нимъ сношенія и въ то же время не требовали ни отъ кого признанія уніи. Но, разумѣется, оба скоро должны были почувствовать всю тягость такого положе-нія, впрочемъ почувствова-ли ее въ различной степени. Парееновичъ имѣлъ, какъ мы сказали, дѣло собственно съ духовенствомъ: ему въ своемъ кругу легче было дѣйствовать, не доводя дѣла до крайности и тѣмъ успѣшнѣе онъ могъ держаться въ своемъ двусмысленномъ положеніи, что теперь не предъявлялъ своихъ правъ на подчиненіе братскаго ду-ховенства (64). Не то было съ Софроніемъ. Всякое его выраженіе въ пользу уніи, всякое дѣйствіе, доказывав-шее подчиненіе уніатской Церкви, встрѣчало противо-рѣчіе и опроверженіе въ членахъ братства, и тѣмъ труднѣе было его положеніе, что самъ онъ, кажется, не рѣшилъ въ своей совѣсти, чего держаться — уніи или православія. Подавленный тяжестію своего положенія и мученіями совѣсти, Софроній однажды явился въ собра-ніе виленскаго братства и сказалъ находившимся здѣсь членамъ виленскаго магистрата, тоже братчикамъ: «не

хочу оставаться архимандритомъ и быть въ ненависти у всѣхъ людей за то, что поминаю митрополита и прошу за него Бога: до сихъ поръ я это дѣлалъ противъ моей совѣсти, теперь не хочу этого дѣлать, не хочу быть и настоятелемъ этого монастыря; лучше мнѣ быть гдѣ нибудь простымъ чернецомъ подъ защитою знатнаго вельможи или даже просить милостыню» — и, положивъ передъ нимъ церковные и монастырскіе ключи, прибавилъ: «отъ васъ я добровольно принялъ эти ключи, вамъ добровольно и возвращаю ихъ» (65). Избранъ былъ послѣ того Троицкимъ архимандритомъ нѣкто Іоасафъ, человѣкъ, какъ видно, очень преданный интересамъ братства. Затѣмъ, какъ только умеръ митрополитъ Михаилъ, братство ввело въ Троицкій монастырь, скрывавшагося до сихъ поръ, Стефана Зизанія, который, какъ въ прежніе годы, сталъ громить своими проповѣдями и унію и уніатовъ (66). Конечно, и виленскимъ уніатамъ-мірянамъ и Парееновичу, а тѣмъ болѣе новому уніатскому митрополиту Поцѣю такой порядокъ вещей очень не нравился. Поцѣй рѣшился измѣнить его и какъ онъ желалъ поскорѣе достигнуть своей цѣли, это видно со всею ясностію изъ того, что онъ принялся за это дѣло раньше, чѣмъ былъ объявленъ митрополитомъ — за два дня до изданія королевскаго универсала (67), онъ послалъ Парееновичу приказъ, чтобы клиръ Виленскаго собора далъ ему отчетъ въ управленіи церковнымъ имуществомъ и писалъ этотъ приказъ въ такомъ смыслѣ, что только признающіе его власть могутъ управлять церковными имѣніями. Но въ томъ же посланіи къ Парееновичу онъ послалъ приказъ еще болѣе важный. Зная вражду Парееновича къ ви-

ленскому братству за постоянный и давний отказъ его духовенства повиноваться ему (68), Поцѣй открылъ широкое поле этой враждѣ и приказалъ Пареевичу изгнать изъ Троицкаго монастыря Стефана Зизанія. Пареевичъ сбросилъ личину, собралъ преданныхъ себѣ членовъ магистрата и такъ усердно напалъ на Троицкій монастырь, что Зизаній долженъ былъ спастись чрезъ трубу (69); вмѣстѣ съ нимъ должны были бѣжать изъ Троицкаго монастыря два братскихъ священника Карпъ и Григорій (70). Вскорѣ послѣ того, именно 1601 г., по старанію Поцѣя, у виленскаго православнаго братства уничтожена была привилегія Стефана Баторія на патронатство братства надъ Троицкимъ монастыремъ (71). Но, разумѣется, эти распоряженія не могли имѣть силы, пока управлялъ Троицкимъ монастыремъ архимандритъ Іоасафъ. Не знаемъ, изгналъ ли его Поцѣй или Іоасафъ въ это время умеръ, но несомнѣнно, что въ 1606—1607 годахъ въ Троицкій монастырь присланъ былъ новый архимандритъ Самуилъ Сенчиловичъ, инокъ Супрасльскаго монастыря, изгнанный оттуда за противодѣйствіе уніи (кажется, вмѣстѣ съ тамошнимъ настоятелемъ Иларіономъ Масальскимъ, слѣд. 1602 г.) и передавшійся потомъ на сторону Поцѣя (72). Вскорѣ за тѣмъ и въ Виленскій соборъ присланъ былъ очень похожій на Сенчиловича человекъ, Вареоломей Заславскій или Жашковскій, безженный священникъ Перемышльскаго епархіи, бѣжавшій оттуда по одному щекотливому дѣлу, перешедшій также въ унію, и назначенъ былъ протоіереемъ, кажется, на мѣсто Пареевича, который, вѣроятно, тогда умеръ (73). Очень вѣроятно, что Поцѣй съ

особенною цѣлю поставилъ на такихъ видныхъ мѣстахъ Сенчиловича и Заславскаго. Оба они связаны были узами дружбы; оба были извѣстны въ Вильнѣ и легко могли собрать вокругъ себя не мало приверженцевъ. Чтобы облегчить имъ это дѣло, Поцѣй, бывшій тогда въ Вильнѣ, самъ задумалъ попробовать, нельзя ли расположить къ уніи православныхъ: онъ обратился къ нимъ съ словомъ любви и предложилъ какія-то условія соединенія, вѣроятно, очень снисходительныя. Но православные рѣшительно отказались отъ всякаго примиренія (74). Пришлось Поцѣю такимъ образомъ рассчитывать на единодушное усердіе Сенчиловича и Заславскаго. Но, къ крайнему его изумленію и огорченію, и здѣсь вышло совсѣмъ иначе. Сенчиловичъ и Заславскій очень хорошо видѣли, что раздраженіе виленскихъ православныхъ достигло крайней степени, что ихъ дѣло разбиралъ уже трибунальный судъ, даже сеймъ и оба склонились въ пользу братства (75), — а этого для нихъ было слишкомъ достаточно, чтобы перейти на сторону православныхъ, потому что убѣжденій въ уніи они вовсе не имѣли, а руководствовались только житейскими расчетами. Расчеты эти были теперь на сторонѣ православныхъ, и они, не колеблясь, пристали къ нимъ, какъ руководители общаго движенія, — а, можетъ быть, и совѣсть заговорила въ нихъ; но это дѣло темное, а ближайшій поводъ къ этой перемѣнѣ, кромѣ указанныхъ нами обстоятельствъ, былъ слѣдующій, касавшійся ближе всего Сенчиловича, но, какъ увидимъ, воодушевившій и Заславскаго.

Виланское братство, самое могущественное изъ всѣхъ братствъ, имѣвшее своихъ членовъ во всѣхъ концахъ

Литвы и между всѣми сословіями, собственно въ Вильнѣ страдало однимъ недостаткомъ. Такъ какъ оно возникло непосредственно изъ цеховаго устройства; то естественно случилось, что цѣлыя цѣхи примыкали къ нему, какъ готовыя уже корпораціи. Такимъ образомъ въ виленскомъ братствѣ было много членовъ, поступившихъ въ него не столько по добровольному и разумному сознанію высокихъ обязанностей братства, сколько по вліянію и силѣ обычая той корпораціи, къ которой принадлежали, какъ ремесленники. Такое нарушеніе начала разумнаго и свободнаго избранія званія церковнаго братчика повело естественно къ тому дурному слѣдствію, что, съ началомъ уніи, нѣкоторые члены отпали отъ Церкви, приняли унію и готовы были составить свою духовную корпорацію — уніятскую (76). На первый же разъ они приставали къ братствамъ латинскимъ, которыя тогда уже существовали въ Вильнѣ (77). Поцѣй, не успѣвшій привлечь къ себѣ православныхъ, сейчасъ же понялъ, какія выгоды могутъ доставить ему эти перебѣжчики отъ православнаго братства. Онъ рѣшился немедленно организовать ихъ въ корпорацію при томъ же Троицкомъ монастырѣ, при которомъ находилось братство православное, чтобы такимъ образомъ деморализировать силы православнаго братства и перенести всѣ права его и имущество на новое уніятское братство. Организаторомъ этой новой корпораціи Поцѣй избралъ въ 1606 г. Іосифа Вельямина Рутскаго (78). Рутскій выстроилъ здѣсь домъ и завелъ уніятское училище. Понятное дѣло, какими враждебными глазами должны были смотрѣть на Рутскаго и его братство члены православнаго братства. Вражда эта еще болѣе была усилена рас-

пространившимися слухами, что Рутскій — священникъ іезуитскаго ордена, что онъ намѣренъ образовать въ Троицкомъ монастырѣ іезуитскую корпорацію и что отсюда будетъ распространена латинская вѣра по всѣмъ православнымъ приходамъ виленскимъ. Самуилъ Сенчиловичъ и Вареоомей Заславскій рѣшили торжественно изгнать Рутскаго изъ Троицкаго монастыря. Съ этою цѣлію они составляли многократныя совѣщанія съ братствомъ и вообще православными и однажды постановили явиться 15 декабря 1608 года въ воскресенье въ Троицкій монастырь къ заутрени и, выйдя соборомъ на средину церкви, во время великаго славословія вмѣстѣ съ Рутскимъ, изгнать его съ словами: изыди вонъ, еретикъ, не имаша здѣ что творити (79). Но планъ этотъ былъ открытъ и изъ гродскаго суда (изъ крѣпости) сдѣлано приказаніе суду городскому, чтобы не допускать этого самоволія. Латинскіе и уніятскіе члены ратуши цѣлую ночь были на ногахъ съ своими единомышленниками на канунѣ 15 декабря и дѣйствительно помѣшали исполнить православнымъ задуманный планъ. Поцѣй, какъ только узналъ объ этомъ, немедленно велѣлъ изгнать изъ Вильна Сенчиловича и Заславскаго (80). Но этотъ-то рѣшительный шагъ Поцѣя и развязалъ руки Сенчиловичу и Заславскому и всѣмъ православнымъ. Надобно думать, что Поцѣй въ озлобленіи на православное виленское братство измѣнилъ обыкновенному своему хладнокровію и въ ослѣпленіи упустилъ изъ виду, какими средствами противъ него располагаетъ братство, иначе онъ непременно поудержался бы такъ раздражать его.

Братство виленское, имѣвшее, какъ мы уже сказали,

своихъ членовъ во всѣхъ концахъ Литвы, давно уже работало противъ Поцѣя и уніи вообще. Всякая мѣра Поцѣя въ Вильнѣ противъ православныхъ вызывала многочисленныя грамоты, которыя братство разсылало ко всѣмъ своимъ членамъ и вообще ко всѣмъ литовско-русскимъ православнымъ (81). Цѣль братства была весьма глубоко задумана. Эти грамоты мало того, что поддерживали въ православныхъ падавшій духъ и поощряли ихъ въ каждомъ данномъ случаѣ къ борьбѣ съ уніятами, онѣ образовывали кромѣ того общественное мнѣніе, которое при первой возможности давало на выборахъ въ члены сейма перевѣсъ православному депутату и вносило въ его посольскую инструкцію вопросъ объ уніи и православіи. Такая возможность чаще всего представлялась въ области Волынской, имѣвшей болѣе плотное православное населеніе и отсюда еще въ 1603 и особенно въ 1607 г., сеймовые послы потребовали у сейма успокоенія православныхъ (82). Представленія этихъ членовъ были явно направлены противъ Поцѣя и попреимуществу противъ его виленскихъ дѣйствій. Члены Волынской области облекли свои жалобы на уніатовъ въ очень точныя формы и чисто гражданскаго характера.

Мы уже говорили, что король имѣлъ право раздавать духовныя мѣста въ западно-русской Церкви. Это право его совершенно было однородно съ правомъ его раздавать гражданскія должности или, лучше, составляло видъ его права вообще распоряжаться общественнымъ недвижимымъ имуществомъ, но, какъ и то, было подчинено извѣстнымъ законамъ и сеймъ имѣлъ право контролировать дѣйствія короля въ этомъ отношеніи (83).

Къ этому-то праву сейма и обратились послы волинскаго воеводства, къ которымъ присоединились и другіе послы православные. Они выставили на видъ сейму, что церковныя имущества незаконно отнимаются у лицъ, законно ихъ получившихъ, что эти имущества сосредоточиваются въ нѣсколькихъ рукахъ вопреки закону и, что важнѣе всего, раздаются лицамъ не того вѣроисповѣданія, которому назначены, т. е. уніатамъ вмѣсто православныхъ (84). Короче сказать, послы православные ниспровергали здѣсь всѣ гражданскія права уніатовъ и возстановляли права православныхъ, т. е. ниспровергали всю систему Поцѣя. Представленія эти имѣли всю силу убѣдительности, которой не могъ не чувствовать сеймъ, особенно въ то время, когда онъ сильно былъ недоволенъ на Сигизмунда за раздачу общественныхъ должностей іезуитской партіи и когда и сейму и королю мерцала въ будущемъ надежда завладѣть Московскимъ царствомъ и слѣдовательно чувствовалась необходимость имѣть на своей сторонѣ сочувствіе русскаго народа. Вотъ, почему сеймъ и король вняли представленію пословъ православныхъ и постановили: раздавать церковныя должности въ западно-русской Церкви только людямъ народа русскаго и греческой вѣры; людямъ этимъ не владѣть многими мѣстами духовными; уніатамъ же и православнымъ жить мирно и не нарушать правъ другъ друга (85). Нѣтъ спора, что эти постановленія сейма не имѣютъ законодательной точности, ихъ можно было перетолковывать и въ пользу православныхъ и въ пользу уніатовъ, но при всемъ томъ нельзя не видѣть, что и въ этомъ неточномъ постановленіи высказана мысль очень свѣтлая, которой

до сихъ поръ не хотѣли понять ни православные, ни тѣмъ болѣе уніаты. Сеймъ показалъ теперь, что смотреть на православное и уніатское вѣроисповѣданія, какъ на вѣроисповѣданія существующія, законныя, которыя не должны уничтожать одно другое, но жить рядомъ, уважая гражданскія права одно другаго. Мысль эта давно уже готовилась и высказывалась между православными, поэтому не мудрено, что они ее охотно приняли, но для уніатовъ она была смертнымъ ударомъ. Она разбивала въдребезги ихъ идею уніи, ту идею, что унія обязательна для всѣхъ православныхъ и должна быть немедленно поставлена вездѣ на развалинахъ западно-русской Церкви. Приговоръ сейма показывалъ теперь всю незаконность этой идеи и тѣмъ яснѣе было это указаніе, что уніаты довольно уже успѣли провозгласить свою идею и осуществить въ многочисленныхъ случаяхъ. На нихъ теперь православные явно могли указывать пальцами, какъ на преступниковъ передъ высшимъ судилищемъ государства, т. е. передъ сеймомъ. При этомъ разумѣется, получали особенное значеніе и частныя постановленія сейма касательно церковныхъ имуществъ. Изъ-за нихъ долженъ былъ краснѣть Поцѣй, обремененный двумя епископскими кафедрами и нѣсколькими архимандріями, — и вмѣстѣ съ нимъ многочисленные его единомышленники, епископы, архимандриты, священники, принявшіе унію, которые, сгоня съ мѣстъ православныхъ духовныхъ, занимали ихъ сами до назначенія новыхъ лицъ, что разумѣется отсрочивалось и по необходимости и намѣренно. Уніатскіе и латинскіе писатели объ уніи говорятъ, что Поцѣй съ глубокою скорбію принялъ

это рѣшеніе сейма (86). Впрочемъ, у него оставалось одно сильное убѣжище, на которое мы уже не разъ ссылались. Не могъ онъ теперь смыть позора, который наложилъ сеймъ на него и на унию, но могъ отклонить другія послѣдствія этого рѣшенія, чисто житейскаго характера. Приводить въ исполненіе рѣшеніе сейма, возстановлять права и спокойствіе православныхъ и униатовъ должна была власть исполнительная, т. е. власть короля, неизмѣнно преданная интересамъ униі и въ частности Поцѣю. Вотъ въ этой-то власти и теперь Поцѣй находилъ утѣшеніе и дѣйствительно не ошибся въ ней. Но понятное дѣло, что не обманывались на счетъ ея и православные и потому должны были принять противъ нея свои мѣры. Не знаемъ, предлагали ли они эти мѣры на сеймъ же 1607 года, но достоверно знаемъ, что предложили ихъ на слѣдующемъ сеймѣ 1609 года и опять по внушенію виленскаго братства.

Сенчиловичъ явился теперь двигателемъ этого дѣла. Онъ разсылалъ грамоты къ православнымъ, убѣждалъ ихъ опять защищать православіе, самъ отправился на сеймъ съ членами братства и поддерживалъ энергію православной партіи (87). Дѣятельными представителями православія опять были послы Волынской области. Они требовали, чтобы самъ сеймъ постановилъ рѣшительныя мѣры противъ униі, т. е. они, очевидно, старались обойти исполнительную власть и добиться другихъ средствъ общественнаго своего спокойствія. Поцѣй былъ на этомъ сеймѣ и ясно понималъ свою опасность. Онъ вмѣстѣ съ латинскою партіею хотѣлъ затуманить глаза сейма и предложилъ соборъ, какъ новое средство успокоенія униатовъ и православныхъ; но послы православ-

ные отвергли это средство и сеймъ постановилъ: оставаться каждой сторонѣ при томъ, что имѣеть; подвергать штрафу въ десять тысячъ злотыхъ всякаго, кто нарушитъ спокойствіе между православными и уніятами и, что всего важнѣе, разбирательство этого рода дѣлъ предоставить суду, назначенному отъ сейма, т. е. трибунальному (88). Не скоро послѣ, въ сеймовыхъ рѣшеніяхъ явилось постановленіе хуже этого для уніи. Поцѣй и латинская партія поражены были этимъ приговоромъ и въ отчаяніи, говорятъ православные писатели, прибѣгли къ наглому обману — исказили при напечатаніи эту конституцію, именно вмѣсто словъ: вольно всякому (обиженному) искать правды передъ трибуналомъ конституціи (*constitutionis*) (т. е. установленнымъ сеймовою конституціею) напечатали: вольно всякому искать правды передъ трибуналомъ *compositi iudicii*, т. е. смѣшаннаго суда, что можно было объяснять такъ: передъ трибуналомъ составленнымъ изъ свѣтскихъ и духовныхъ судей (89). Если справедливо это искаженіе сеймоваго рѣшенія, то уже одно это показываетъ, какъ уніаты и латинская партія боялись трибунального суда. И — напрасно. Сейчасъ мы увидимъ, сколько правды показалъ этотъ судъ, не смотря даже на то, что допустилъ указанную нами редакцію сеймоваго рѣшенія. Мало того, Поцѣй употребилъ еще одну хитрую уловку. Такъ какъ сеймъ постановилъ, чтобы обѣ стороны — православная и уніятская оставались — *statu quo*, — не снимали одна у другой церквей и имуществъ, ни обращали силу людей; то Поцѣй, предвидѣвшій заблаговременно это постановленіе, рѣшился до утвержденія и обнародованія его улучшить свое *statu quo*, захватить у

православныхъ больше церквей. Съ этою цѣлю онъ еще до окончанія сейма выхлопоталъ у короля постановленіе о низложеніи Сенчиловича и назначеніи на мѣсто его архимандритомъ Троицкаго монастыря Рутскаго, которому кромѣ того поручено принять въ вѣденіе свое виленскія приходскія церкви, отпавшія отъ Поцѣя передъ тѣмъ (90). Но и эти мѣры Поцѣя были для него источникомъ новыхъ огорченій.

Рутскій, еще до окончанія сейма пріѣхалъ въ Вильно и введенъ былъ королевскимъ чиновникомъ во владѣніе Троицкимъ монастыремъ, для чего избрана была очень ранняя пора, вѣроятно, въ избѣжаніе народнаго волненія. Но едва усѣлся королевскій чиновникъ откушать хлѣба-соли у новаго настоятеля, какъ явилась у Троицкаго монастыря грозная толпа народа и во главѣ ея православные члены ратуши съ объявленіемъ, что безъ ихъ вѣдома никто не имѣетъ права распорядиться Троицкимъ монастыремъ, потому что по закону они имѣютъ право патронатства надъ нимъ (91). Королевскій чиновникъ очень ловко отдѣлался отъ патроновъ Троицкаго монастыря (92), но не такъ легко это было Рутскому. Онъ представилъ въ магистратъ королевское назначеніе его архимандритомъ, но бургомистры противопоставили ему древнія свои грамоты на право подаванія этого монастыря. И это одно дѣло не легко было рѣшить при господствовавшемъ тогда раздраженіи православныхъ; но Рутскій, по безразсудству или неразумной ревности къ дѣлу униі, что впрочемъ одно и то же, бросилъ новую искру въ горячій матеріалъ. Онъ представилъ вмѣстѣ съ тѣмъ королевское приказаніе магистрату о подчиненіи ему всѣхъ виленскихъ церквей. Не

удивительно поэтому, что члены магистрата потеряли обычное свое спокойствие и что въ день изслѣдованія этого дѣла въ магистратѣ едва не дошло до открытаго возстанія. Народъ двинулся къ магистрату, вломился въ присутствіе и грозно протестовалъ противъ такого нарушенія кородемъ старинныхъ вольностей (93). Между тѣмъ, пріѣхалъ съ сейма съ членами братства Сенчиловичъ и еще болѣе усмирилъ народное волненіе. Онъ далъ Поцѣю и церковный и гражданскій отвѣтъ на его дѣйствія на сеймѣ. Онъ совершилъ торжественно литургію и вѣстный кодъ, въ знакъ торжества православія и посягательства униі, и позвалъ Поцѣя и Рутскаго на трибунальный судъ за отнятіе у него Троицкой архимандріи, вопреки сеймовой конституціи, объявляя при этомъ, что на его мѣсто возведенъ челоувѣкъ латинскаго вѣроисповѣданія — слѣдовательно вопреки конституціи и 1607 года (94). Король, по просьбѣ Поцѣя, прислалъ Сенчиловичу приговоръ на изгнаніе изъ отечества; но это было такимъ явнымъ нарушеніемъ правъ суда, что на это приговоръ никто не обратилъ вниманія и виленскій трибуналъ сталъ разбирать дѣло Сенчиловича съ Поцѣемъ и Рутскимъ, при чемъ и Сенчиловичъ и Рутскій потребованы на трибуналъ. Латинская партія немедленно воспользовалась словами конституціи—*comprobiti iudicii*, и требовала, чтобы въ трибунальномъ судѣ участвовали латинскіе духовные; но трибуналъ объявилъ, что эти слова означаютъ членовъ разныхъ вѣроисповѣданій и присудилъ Поцѣя и Рутскаго къ лишенію права управленія церковію (*jurisdiccii*) и къ уплатѣ десяти тысячъ золотыхъ. Латинская партія созвала свой трибуналъ и постановила совершенно противоположное

рѣшеніе, т. е. оправдала Поцѣя и Рутскаго и осудила Сенчиловича и Заславскаго на изгнаніе (95). Трибуналь свѣтскій не обратилъ вниманія на это противорѣчіе ему и передалъ свое рѣшеніе къ исполненію; но тутъ-то и встрѣтилось препятствіе. Король приостановилъ исполненіе приговора трибунала, пользуясь предоставленнымъ ему на это правомъ; но онъ не дожидаясь новаго трибунала, которому по закону слѣдовало предоставить переизслѣдованіе дѣла, а самъ взялся разбирать его на томъ основаніи, что трибуналь взялся не за свое дѣло, что его должны были разбирать лица духовныя. Но не духовные разобрали это дѣло. Выступилъ на сцену королевскій судъ, обнаружившій тѣмъ большую смѣлость, что въ это же время прибылъ въ Вильно самъ король и смиренный Ипатій Поцѣй. Судъ этотъ не обратилъ вниманія ни на постановленія сейма, ни на древнія грамоты православныхъ, утверждавшія за ними право патронатства; онъ далъ всему дѣлу совершенно другой видъ. Онъ совершенно оставилъ въ сторонѣ религіозную сторону этого дѣла, (почему Сенчиловичъ и Заславскій не были тронуты), — онъ придалъ всему дѣлу видъ гражданскаго возмущенія, потребовалъ къ себѣ двухъ членовъ магистрата Ивана Тупеку и Исаака Кононовича, какъ бунтовщиковъ и оскорбителей королевскаго величества и обоихъ присудилъ къ смерти. Впрочемъ, Сигизмундъ излилъ при этомъ высочайшую милость, — даровалъ Тупекѣ и Кононовичу жизнь и только лишилъ ихъ должности бургомистровъ и всѣхъ привилегій предоставленныхъ городу (96).

Этотъ приговоръ уже самъ собою оправдывалъ Поцѣя и Рутскаго и возстановлялъ всѣ ихъ права церков-

ныя и гражданскія. Оба они постарались на первых же порахъ воспользоваться возстановленною силою исполнительной власти и обращали въ унию виленскія православныя церкви одну за другою (97). Такой образъ дѣйствій вызвалъ со стороны православныхъ естественное въ такихъ случаяхъ слѣдствіе — насиліе, которое обрушилось на самаго же Поцѣя. Когда онъ въ томъ же 1609 году и въ тотъ же день, когда, по приказанію короля, переданы были ему почти всѣ православныя церкви въ Вильнѣ, возвращался домой пѣшкомъ отъ латинскаго виленскаго епископа, — одинъ мѣщанинъ Тупека (безъ сомнѣнія тотъ же бургомистръ) бросился на него и нанесъ нѣсколько ударовъ по шеѣ (98). Нападеніе сдѣлано было такъ стремительно, что никто изъ многочисленной дружины Поцѣя не успѣлъ защитить своего митрополита. Но Поцѣя спасла толстая цѣпь архіерейскаго креста, за тѣмъ его же лѣвая рука, которою онъ сталъ защищать свою шею и отъ которой тутъ же отлѣтело два пальца. Убійца былъ схваченъ и понесъ заслуженное наказаніе: его казнили смертію (99). Но друзья Поцѣя не удовольствовались этимъ. Они придали этому случаю значеніе христіанскаго мученичества и чуда. Два пальца Поцѣя положены были на престолѣ въ Троицкомъ монастырѣ; но такъ какъ не ловко было держать постоянно въ церкви, особенно на престолѣ, эти тлѣнныя частицы Поцѣя, то Рутскій и Иосафатъ Кунцевичъ сдѣлали серебрянную доску съ надписью, выбранною изъ 117 псалма самимъ Поцѣемъ: наказуя наказа мя Господь, смерти же не предаде мя, — и повѣсили ее въ церкви, гдѣ именно не знаемъ (100).

Для полнаго торжества уніатовъ недоставало одного, чтобы вмѣшати въ дѣло Тупеки всѣхъ Виленскихъ православныхъ, открыть между ними заговоръ и, пользуясь пребываніемъ въ Вильнѣ короля, задавить ихъ окончательно. Но къ крайнему огорченію ихъ всѣ попытки судей открыть въ этомъ дѣлѣ общій заговоръ, остались тщетными. Тѣмъ не менѣе этотъ случай въ связи съ обстоятельствами, которыя его вызвали, сильно подѣйствовалъ на православныхъ. Они теперь, хотя не пали окончательно духомъ и не приняли уніи, но ясно увидѣли, что нѣтъ возможности одолѣть уніатовъ и нѣтъ возможности возстановить въ Вильнѣ прежнее положеніе, когда православіе господствовало, а унія существовала только, какъ призракъ. Уніаты теперь укрѣпились здѣсь прочно, необходимо было съ грустію признать этотъ фактъ и думать уже не о томъ, чтобы уничтожить его, а о спасеніи православія. Виленское православное братство имѣло столько нравственной силы, что не растерялось и въ этомъ несчастномъ положеніи. Его выжили изъ Троицкаго монастыря, оно нашло себѣ новое средоточіе, — поселилось окончательно напротивъ Троицкаго монастыря черезъ улицу — при вновь построенной послѣ недавняго страшнаго пожара въ Вильнѣ — церкви Святаго Духа (101). Здѣсь-то и сгруппировались опять православные. Но уніаты не оставили ихъ въ покоѣ и на новомъ ихъ мѣстѣ. Немедленно подана была жалоба королю, что доходы братскіе назначенные древними королевскими грамотами въ пользу Троицкаго монастыря, отняты отъ него и обращаются въ пользу новой церкви Св. Духа. Поэтому

опять начались безконечныя позвы въ судъ и королевскія предписанія виленскому магистрату заставить всѣ цѣховыя братства обращать дозволенные закономъ общественныя доходы (отъ безошплинной выварки и продажи меду) въ пользу Троицкаго монастыря, а не Духовскаго (102). Впрочемъ, Поцѣй принималъ уже не такое горячее участіе въ этихъ смутахъ. За него трудились многіе изъ обращенныхъ имъ въ унию, подъ руководствомъ Іосифа Рутскаго и Іосафата Кунцевича. (103). Самъ Поцѣй, нельзя сказать, чтобы покойно отдыхалъ отъ бурныхъ трудовъ и наслаждался мирно блестящимъ положеніемъ творца униіи и прославленнаго униятами мученика за нее, но теперь важнѣйшею его заботою было упрочить будущее благоустройство униіи. Съ этою цѣлію онъ постепенно выводилъ Рутскаго на первый планъ. Предоставивъ ему Виленскую Троицкую архимандрію и митрополичье намѣстничество въ Вильнѣ, онъ вскорѣ за тѣмъ сдѣлалъ его Львовскимъ епископомъ, не смотря на то, что тамъ былъ православный епископъ Іеремія Тисаровскій, и коадьюторомъ — викаріемъ Литовской митрополіи, наконецъ назначилъ его своимъ преемникомъ (104). Такая заботливость Поцѣя о своемъ преемникѣ, вѣроятно, вызвана была предчувствіемъ скорой смерти, и дѣйствительно черезъ годъ послѣ того, т. е. 1613 года 18 іюля Поцѣй скончался во Владимірѣ Волынскомъ, на рукахъ, какъ выражается Стебельскій, своихъ сыновей и Іоакима Мороховскаго, который также занялъ мѣсто Поцѣя въ брестской и владимірской епископіи, безъ сомнѣнія тоже по его предствленію (105).

ЗНАЧЕНІЕ БРАТСТВЪ ВЪ ИСТОРИИ УНІИ.

Четырнадцатилѣтняя борьба Поцѣя съ православными имѣла неоспоримо глубокое значеніе въ исторіи уніи. Важнѣйшія начала, направленіе особенности этой исторіи за десять, даже за двадцать лѣтъ далѣе, отъ смерти Поцѣя — почти всѣ скрываются въ этой именно четырнадцатилѣтней борьбѣ изъ-за уніи, разыгравшейся почти исключительно въ тѣсныхъ улицахъ Вильны и въ невзрачныхъ его домахъ. Разумѣется, не легко теперь изобразить ярко, наглядно все значеніе этой знаменитой борьбы, какъ не легко по нынѣшнему виду Вильна судить о томъ его видѣ, когда Поцѣй и братства поглощали вниманіе его населенія и властей. Здѣсь мы находимся въ положеніи человѣка, стоящаго передъ изорванными, истертыми доскутками дивной картины и сознающаго, что его искусство бессильно воскресить ее къ полной жизни. Намъ приходится ловить полувысказанное слово древняго писателя, читать между строками официальныхъ документовъ, присматриваться къ сужденію ученыхъ людей позднѣйшаго времени, и изъ этого только составлять нашъ очеркъ одной изъ величественнѣйшихъ драмъ исторіи уніи. Просимъ знатоковъ указать намъ наши промахи, а покажѣмъ будемъ дѣлать дѣло, какъ разумѣемъ.

Мы видѣли, что Поцѣй, принимаясь за братства, имѣлъ въ виду дать вездѣ торжество церковному, іерархическому элементу. Унія дѣло духовенства; паствѣ до нея нѣтъ дѣла — вотъ краткая программа Поцѣя. Такой взглядъ, взволновавшій съ новою силою весь православный западно-русскій міръ, установился въ голо-

въ Поцѣя, отчасти независимо отъ его характера. Дѣло уніи и православія съ самаго начала вѣнато было въ руки правительствомъ свѣтскимъ и духовнымъ; здѣсь сосредоточились всѣ заботы объ немъ; участіе въ немъ мѣрятъ, особенно православныхъ, представлялось приверженцамъ правительства оскорбительнымъ и незаконнымъ. Съ другой стороны, унія введена іерархіею вопреки мірянамъ: іерархія естественно было возвышать, какъ можно больше, значеніе своего авторитета для своихъ личныхъ выгодъ и блага самой уніи. Но, что всео важнѣе, унія приняла въ себя много элементовъ латинства — латинства, которое, въ параллель съ средневѣковымъ главенствомъ папы надъ христіанскимъ міромъ, ставитъ и всякаго патера настолько выше каждаго мірянина въ дѣлахъ вѣры, что у послѣдняго должно оставаться воли и ума лишь на столько, чтобы безусловно, работи повиняться патеру. Такой взглядъ долженъ былъ встрѣтить сильное противодѣйствіе въ православномъ западно-русскомъ мірѣ уже потому одному, что онъ существенно противорѣчитъ ученію и духу восточнаго вѣроисповѣданія, требующаго отъ него бы то ни было разумнаго и добровольнаго участія въ дѣлѣ спасенія. Но въ западно-русской Церкви были особія обстоятельства, которыя должны были усилить до крайности противодѣйствіе такому ученію уніи. Мы уже знаемъ, что здѣсь издавна утвердилось участіе мірянъ въ дѣлахъ своей Церкви, какъ естественная и необходимая гарантія противъ латинской пропаганды, поддерживаемой властію латинско-польскаго государя. Въѣднѣи православные западно-русскіе міряне приобрѣли это участіе, — легко ли имъ было разстаться съ нимъ, да

еще по требованію не своей іерархіи, а отпавшей отъ нихъ Церкви — по требованію іерархіи униатской? Одна уже сила вѣноваго преданія могла здѣсь сдѣлать много, но мы знаемъ, что тутъ была еще сила самой формы, учрежденія, въ которыхъ вышло участіе православныхъ мірянъ въ дѣлахъ Церкви. Мы разумѣемъ тагъ-называемый патронатъ. Поцѣй, мы видѣли, оставилъ въ покоѣ богатыхъ, знатныхъ представителей этого патроната, не знаемъ навѣрное, по страху ли, или расчетливо удовлетворяя ихъ жалобѣ на Виленскомъ сѣздѣ, что униа поражаетъ бѣдствіями не только простыхъ людей, но даже ихъ шляхетнѣ уродzonych (szlachetnie urodzonych) (106), во всякомъ случаѣ оставилъ ихъ въ покоѣ удачно. Ихъ самолюбіе было обойдено, имъ показали, что дѣлаютъ различіе между ними и простыми людьми; поступать такъ съ ними значило довершать въ нихъ то отдѣленіе отъ народа, которымъ они издавна уже страдали, заразившись духомъ польской аристократіи. Случайное обстоятельство имѣло здѣсь громадное значеніе. Поцѣй самъ былъ аристократъ, и въ его устахъ требованіе, чтобы въ унию не вмѣшивались міряне, было для православныхъ аристократовъ гораздо сноснѣе, нежели какимъ оно было въ устахъ простаго шляхтича Михаила Рогозы. Отъ нихъ требовалъ уступки ихъ же братъ, да и то слабо, деликатно! Но тѣмъ смѣлѣе Поцѣй предъявилъ это требованіе простымъ людямъ не шляхетнѣ или мало шляхетнѣ уродженнымъ, онъ безцеремонно принялся за этихъ простыхъ людей, братчиковъ—ищуща и, казалось, придавилъ ихъ, къ концу своего управленія митрополіею; но это только такъ казалось. Напротивъ, можно сказать навѣрное, что Поцѣй

жестоко ошибся въ этомъ дѣлѣ, и можно даже утверждать, что никто больше не возвышалъ православныхъ, какъ Поцѣй этимъ именно путемъ — преслѣдованіемъ простыхъ людей, защищавшихъ вѣру, т. е. братствъ.

По крѣпости и стройности своихъ началъ, братства были въ десять разъ опаснѣе для уни, чѣмъ знатные патроны православные. Патроны покровительствовали Церкви, такъ сказать, издалека, какъ и естественно было знатымъ людямъ: видѣли церкви и духовенство изъ балконовъ и башенъ своихъ дворцовъ, въ минуты поэтического созерцанія природы, и какъ обыкновенную особенность широкой окрестности, или во время службъ церковныхъ и необычайныхъ случаевъ въ приходахъ ихъ. Братства сливались съ своими приходами и имѣли ихъ въ виду постоянно, какъ муравьи свое жилище. Услуги Церкви патроновъ имѣли смыслъ высокаго покровительства, чувствительнаго пріятно и неприятно, — патроны были милостивцами и господами церквей. Братства стояли къ нимъ далеко въ иномъ отношеніи. Они прежде всего налагали на себя опредѣленные, точныя обязанности, по отношенію къ своимъ церквамъ — опредѣленные взносы денегъ, установленныя посѣщенія службъ церковныхъ и братскихъ совѣщаній, заботу о духовенствѣ, о бѣдныхъ, устройство богадѣленъ, школъ, изданіе книгъ, — словомъ, у нихъ было дѣло передъ глазами ясное, извѣстное, въ которомъ не устранилось личное усердіе, но ограничивались произволь, нерадѣніе (107). Конечно, братчики были неизмѣримо слабѣе патроновъ по своему гражданскому положенію; но они составляли плотную корпорацію, и на ихъ сторонѣ оказалось то преимущество, какое составляетъ

обыкновенное экономическое явление, — что ассоциация — сильнее отдельной личности. Словомъ, мы приходимъ теперь къ изслѣдованію того, какіе задатки прочности братствъ церковныхъ были въ гражданскомъ устройствѣ тѣхъ общинъ, изъ которыхъ составлялись братства — предметъ, по нашему мнѣнію, особенной важности не только потому, что онъ почти не тронутъ въ нашей литературѣ, но еще болѣе потому, что, еслибы религіознымъ началамъ братствъ не отвѣчали начала гражданской ихъ жизни, то, безъ всякаго сомнѣнія, они скоро ослабѣли бы.

Братства по преимуществу развивались и были сильны въ тѣхъ городахъ, гдѣ было магдебургское право, передававшее, какъ извѣстно, управление городомъ въ руки самихъ горожанъ. Многіе въ нашей литературѣ говорили о магдебургскомъ правѣ, многіе указывали особенности его; но мы не знаемъ, кто бы вѣрно связалъ это учрежденіе съ общимъ ходомъ исторической жизни литовско-польскаго народа, а тѣмъ менѣе съ ходомъ религіозной жизни литовско-русскаго народа. Магдебургское право было передачею въ руки средняго сословія значительной доли той свободы, того самоуправленія, какими пользовалось высшее сословіе. Это было распространеніе выгодъ конституціонной жизни на среднее сословіе и нѣкоторое уравненіе его съ высшимъ. Подъ этимъ то именно знаменемъ самостоятельнаго участія и уравненія съ высшимъ сословіемъ выступили теперь братства и въ дѣлахъ религіозныхъ, въ которыхъ участіе ихъ развито было давно и сильно историческимъ складомъ обстоятельствъ. Такимъ образомъ, обѣ формы жизни — гражданской и религіозной слились

теперь въ братствахъ въ одну форму, что, само собою разумѣется, должно было очень усилить ихъ. Такое счастливое тогда объединеніе въ одной корпораціи религиозныхъ и мірскихъ началъ жизни представляло братствамъ особенную въ то время выгоду. Тогда рядомъ съ братствами существовала въ литовско-польскомъ государствѣ, какъ мы уже указывали, многочисленная партія, такъ называемаго гминовладства, которая добивалась уравненія правъ всѣхъ свободныхъ сословій. Братства естественно возбуждали симпатіи этой партіи. Потому то мы видимъ, что низшее шляхетство, мѣщанство и земскіе послы латвискаго вѣроисповѣданія мало благопріятствуютъ уніи и какъ бы покровительствуютъ православію. Тѣмъ болѣе братства вызывали участіе къ себѣ въ протестантахъ и еще болѣе въ своемъ кругу православномъ. Они, какъ мы сейчасъ показывали, усвоили польскія конституціонныя начала, но начала эти проникнуты были жизнію чисто національною—русскою, православною. Братства нельзя было заподозреть, какъ знатныхъ патроновъ, ни въ предательствѣ Польшѣ, ни въ измѣнѣ своей вѣрѣ. Поэтому къ нимъ тѣсно примыкали и многіе патроны — истинные вожди литовско-русскаго народа, какъ напримѣръ Лаврентій Древинскій и крестьяне, группировавшіеся тоже въ братства, около братствъ большихъ — изъ мѣщанства (108). Такимъ образомъ, братства служили сближеніемъ всѣхъ сословій православнаго литовско-русскаго народа, какъ среднее звѣно, близкое съ одной стороны къ аристократіи, съ другой къ бѣднѣйшимъ и простѣйшимъ людямъ — крестьянамъ. Любопытнѣйшее явленіе представляютъ намъ въ этомъ отношеніи брат-

скіе списки: тамъ записаны и свѣтлѣйшіе князья и са-
пожники (109).

Вотъ эту-то могучую, крѣпкую силу и поднялъ про-
тивъ уніи Поцѣй, безъ сомнѣнія не воображая, что онъ
этою борьбою еще болѣе укрѣпитъ ее. Что же вышло
изъ этой борьбы?

Борьба братствъ съ этимъ вожааемъ уніи привлекла
къ нимъ взоры всѣхъ православныхъ. На братство Ви-
ленское посыпались похвалы со всѣхъ сторонъ (110).
Писались благодарственные ему письма, рассылались
общія посланія, съ призывомъ къ подражанію имъ (111).
Дошло до того, что мысли Виленскаго братства стали
правиломъ вѣры для всѣхъ православныхъ и ихъ образъ
дѣйствій всеобщимъ образцомъ для всѣхъ (112). Такое
положеніе Виленскаго братства и съ нимъ другихъ
братствъ было вершиною могущества и славы западно-
русскаго патроната, и мы должны сказать, что это мо-
гущество и эта слава не были призрачными. Виленское
братство въ союзѣ съ другими выработало нѣсколько
законоположеній, хоть сколько нибудь обезпечивавшихъ
исповѣданіе православной вѣры и, главное, сбывав-
шихъ фантазію уніатовъ — будто всѣ православные
должны непременно принять унію. Виленское братство
въ союзѣ съ другими подкрѣпляло духъ православныхъ
своими посланіями и примѣромъ. Виленское братство и
отчасти Львовское разрѣшало всѣ недоумѣнія право-
славныхъ своими сочиненіями. Перестрога, Антиграма
и особенно Оринось ясно, отчетливо указывали истину
православія, ложь уніи, опасности и средства спасенія.
Православные носились съ этими сочиненіями, какъ съ
любимыми своими дѣтищами, а уніаты и латиняне при-

ходили въ ярость. Наконецъ каждый православный, кто бы онъ ни былъ и откуда бы онъ ни былъ, приходилъ къ братствамъ, какъ къ своимъ роднымъ и получалъ все, чего могъ ожидать отъ людей не всесильныхъ. Знамя вѣры было здѣсь знаменемъ всякой помощи духовной и житейской. Конечно, передъ такими корпораціями историкъ станетъ въ изумленіи и не постыдится выказать къ нимъ полного своего сочувствія и уваженія. Но онъ долженъ быть также безпристрастнымъ и, не смотря на всѣ свои симпатіи и восторги, указывать темныя стороны своего предмета, если онѣ есть; а эти темныя стороны дѣйствительно есть въ братствахъ, и мы были бы очень не справедливы, если бы не указали и этихъ темныхъ пятенъ въ этомъ свѣтломъ явленіи, — слабыхъ сторонъ его вольныхъ и невольныхъ.

Такое шумное движеніе средняго православнаго сословія на защиту своей вѣры — движеніе, которому четырнадцатилѣтняя борьба съ Поцѣмъ придава правильную правильность и силу, на сколько вызвало сочувствіе къ нему лучшихъ аристократовъ православныхъ, на столько отталкивало большинство ихъ, проинкнутое сословными предубѣжденіями, стремленіями польской аристократіи. Многимъ изъ нихъ показалось обиднымъ и опаснымъ, что люди незнатные — сапожники, шапочники, перчаточники вырвали изъ рукъ ихъ заботу о вѣрѣ, дѣйствуютъ такъ успѣшно и такъ сильно привлекаютъ къ себѣ расположеніе народа. А между тѣмъ, противъ этихъ-то сапожниковъ, шапочниковъ и перчаточниковъ воевалъ ихъ же собратъ — Поцѣй, человекъ, показывавшій, что стоитъ съ своею уніею между Русью и Польшею, православіемъ и латинствомъ,

слѣдовательно, какъ бы продолжаетъ ихъ общее дѣло— безобидное, законное, по ихъ мнѣнію, объединеніе литовско-русскаго народа съ польскимъ. Вотъ, по нашему мнѣнію, причина, почему, съ выступленіемъ на сцену братствъ, большинство знатныхъ патронствъ запрятались въ свои роскошные дворцы, гдѣ они были пріятно развлекаемы посѣщеніемъ іезуитовъ, и откуда большею частію являлись уже не патронами западно-русской Церкви, а врагами ея — униатами или чаще всего латинянами. Это первый результатъ, за который, конечно, братства не могли отвѣчать ни передъ современниками, ни передъ исторіей. Но кромѣ него былъ другой гораздо большей важности, который, если тоже нельзя обратить рѣшительно въ укоръ братствамъ, то во всякомъ случаѣ необходимо указать, какъ слабую и опасную сторону ихъ устройства.

Шумная, блистательная борьба Виленскаго и съ нимъ другихъ братствъ съ Поцѣмъ, такъ возвысившая ихъ въ глазахъ православнаго народа, рѣшительно заслонила іерархію православную, особенно высшую. Остававшіеся тогда два іерарха — Львовскій Гедеонъ и Перемышльскій Михаилъ, какъ бы совершенно были забыты. Одинъ занимался по преимуществу наданіемъ церковныхъ книгъ и послѣдними своими счетами съ братствомъ Львовскимъ, о другомъ нѣтъ помину въ исторіи. Неоспоримо, что оба имѣли то только общее значеніе, что преподавали православнымъ видимыя орудія благодати и благочестія — священное мѣро, антиминсы, книги, ставили священниковъ; дѣятельнаго же, виднаго участія ихъ въ дѣлахъ Церкви мы вовсе не видимъ: дѣла эти были въ рукахъ братствъ. Мало того,

когда умерли оба эти іерарха, одинъ въ 1607 году (113), другой въ 1612 (114), то приняты были очень слабыя мѣры къ возстановленію вышней іерархіи, и замѣнявшій Гедеона новый православный епископъ Іеремія Тисаровскій очень мало вызывалъ заботливости и поддержки въ своемъ трудномъ положеніи (115). Это странное явленіе — какъ грустный результатъ того, что унія введена вышнейю іерархіею; и что въ этомъ замѣшаны были оба оставшіеся въ православіи епископа — имѣло гораздо болѣе важное значеніе, чѣмъ это можетъ казаться при первомъ взглядѣ. Въ слѣдствіе его въ братствахъ, насколько выдвигалось участіе мирянъ въ дѣлахъ Церкви, на столько же слабѣло и исчезало участіе и значеніе духовенства, а при этомъ несостоятельность братствъ давала себя чувствовать очень сильно. Они могли разсылать пламенные посланія, издавать прекраснѣйшія книги, но не такъ легко было имъ посылать, куда было нужно, священниковъ, а безъ этого всѣ труды братствъ для общаго блага могли исчезать очень легко и скоро. Православный вдали отъ братствъ, положимъ, читалъ или слушалъ съ восторгомъ и умилеціемъ все, что они говорили и дѣлали, и болѣе или менѣе продолжительное время готовъ былъ положить за вѣру свою душу; но ему хотѣлось, напримѣръ, побывать въ церкви, исповѣдаться и приобщиться, а нѣтъ, ни православной церкви, ни православнаго священника. У него родилось дитя, — не кому крестить, у него болъной, — не кому приобщить, умеръ болъной, — не кому похоронить и т. д., а тутъ передъ окнами проходитъ въ церковь или изъ церкви уніятскій народъ, въ которомъ онъ видитъ своихъ знакомыхъ, бывшихъ друзей и даже

родныхъ, а тутъ идетъ уніятскій священникъ, съ огненною готовностію удовлетворить его религіознымъ нуждамъ — уніятскій священникъ, можетъ быть, бывший его духовникъ и добрый знакомый! Правда, братства образовывали прекраснѣйшихъ клириковъ, но, не говоря уже о томъ, что ихъ все же нельзя было образовывать въ достаточномъ количествѣ, самое путешествіе этихъ клириковъ въ отдаленныя области для посвященія обыкновенно стоило образованія ихъ, и нерѣдко было гораздо труднѣе, потому что для такихъ людей тогда нерѣдко существовали особыя заставы и особая охота за ними латинянъ. Коротко сказать, въ братствахъ годъ отъ году слабѣлъ элементъ церковный, духовный. Другія слѣдствія этого положенія увидимъ послѣ, а теперь обратимся къ ближайшимъ событіямъ.

Теперь мы ясно видимъ, что уніятамъ для пораженія православныхъ представлялось само собою простѣйшее средство, именно: имъ слѣдовало только выдвигать благоразумно церковный, іерархическій элементъ, благоустроить духовенство свое, и, если бы они при этомъ еще держались поближе къ православію, не допускали въ унію наплыва латинскихъ особенностей, то непременно достигли бы большихъ успѣховъ. Одно особенно соображеніе приводитъ насъ къ такому заключенію. Славянскій народъ, а слѣдовательно и литовско-русскій, очень извѣстенъ своимъ богатствомъ религіозныхъ чувствъ и, какъ естественнымъ ихъ слѣдствіемъ, любовью къ внѣшности и великолѣпнѣйшю церковному. Благоустройство церковности — іерархія, богослуженія, храмовъ составляетъ для него очень важную и многозначительную потребность — потребность, которая, конечно,

не устранилъ собою широкаго религіознаго образованія внутренняго, но безъ которой это образованіе не легко прививается, чему служить лучшимъ доказательствомъ то, что протестантство никакъ не можетъ укрѣпиться между Славянами. Нѣтъ сомнѣнія, что, если Поцѣй не приходилъ къ такимъ соображеніямъ о свойствахъ славянской натуры, то во всякомъ случаѣ зналъ, что, выдвигая впередъ іерархію, онъ достигнетъ большихъ успѣховъ. Но и Поцѣй очутился среди неодолимыхъ затрудненій. Переманивая къ себѣ ласками и перетягивая силою со всѣхъ сторонъ духовенство, онъ попалъ въ тоже положеніе, въ какомъ находился и Михаилъ Рогоза, т. е. окружилъ себя негоднѣйшими духовными, потому что такіе только люди и могли переходить въ унию, побуждаемые къ тому выгодами или страхомъ. Поэтому Поцѣй принужденъ былъ обратиться къ такимъ мѣрамъ, которыя рѣшительно противорѣчили его прежнему плану, не скажемъ, убѣжденіямъ. Онъ принужденъ былъ православнымъ мірянамъ противопоставить мірянъ же униатовъ, и съ этою цѣлію сталъ основывать униятскія братства, хотя они ни въ какомъ случаѣ не могли имѣть значенія и силы братствъ православныхъ. Съ другой стороны, для подрѣшенія силъ іерархіи, онъ сталъ выдвигать такихъ людей, какъ Рутскій — людей, которые были истыми латинянами, слѣдовательно никакъ не могли поддерживать той уловки Поцѣя, чтобы униа казалась настоящимъ православіемъ. Но такая мѣра плохо вела къ цѣли. Православные теперь видѣли, что не напрасно они боялись превращенія униі въ латинство, что всѣ увѣренія Поцѣя въ близости ея къ православію — пустыя слова, и возненавидѣли унию, какъ въ

первыя ея времена до Врестскаго собора. Такимъ образомъ, сами православные какъ бы наазывали Поцѣя за то, что онъ не понялъ ихъ слабой стороны — не держалъ уніи и ея іерархіи въ близости къ православію, какъ самъ увѣрялъ всѣхъ и что привлекло бы къ нему многихъ православныхъ, а удалялъ отъ него и родилъ съ латинствомъ, что рѣшительно затрудняло распространение уніи. Мы увидимъ въ свое время, что такой двуличный, противорѣчивый образъ дѣйствій Поцѣя вытекалъ не изъ однихъ внѣшнихъ, временныхъ обстоятельствъ, а имѣлъ глубокой смыслъ; но теперь скажемъ лишь, что онъ вытекалъ изъ самаго существа уніи, которая никакъ не могла твердо стоять въ серединѣ между православіемъ и латинствомъ, потому что, вопреки напряженнымъ усиліямъ всѣхъ писавшихъ о возможности уніи, нѣтъ и быть не можетъ этой середины; унія по необходимости должна колебаться — и то идти къ православію и его держаться, то идти къ латинству и съ нимъ сливаться. Самъ Поцѣй, стоявшій по уму и энергіи всѣхъ уніятскихъ митрополитовъ вмѣстѣ взятыхъ, немогъ одолѣть этой трудности — идти по одной дорогѣ. Слѣдуя, повидимому, первымъ путемъ, проповѣдуя видимое единство уніи съ православіемъ, онъ былъ въ противорѣчій съ своими латинскими убѣжденіями, но въ тоже время долженъ былъ сближать унію съ латинствомъ и чрезъ это впасть въ новое противорѣчіе съ прежнимъ внѣшнимъ образомъ своихъ дѣйствій и явно вредить уніи, потому что еще болѣе вооружилъ православныхъ. Такъ онъ и умеръ, не придумавши никакого болѣе прочнаго и вѣрнаго положенія для уніи. Посмот-

римъ теперь, что придумалъ преемникъ Поцѣя, не давно упомянутый нами Юсифъ Вельяминъ Рутскій.

Юсифъ Рутскій и состояніе уни до 1620 г.

Почти двадцатипятилѣтнее время управленія Рутскимъ униатскою литовскою Церковію такъ важно въ исторіи уни и въ ней столь многое зависѣло отъ личности этого человека, что, при всемъ нашемъ желаніи продолжать общее теченіе событій, мы необходимо должны, хоть нѣсколько, остановиться на личныхъ особенностяхъ знакомаго уже намъ, по происхожденію и жизни, Рутскаго.

Рутскаго очень восхваляли латинскіе писатели (116). Униатскіе писатели счли нужнымъ нѣсколько ослабить эти похвалы, — воехичались имъ гораздо меньше, чѣмъ Поцѣемъ (117), — осталось даже отъ послѣдняго времени уни очень незавидное о немъ ихъ мнѣніе (118). Наконецъ, православные писатели гораздо снисходительнѣе къ Рутскому, чѣмъ къ Поцѣю, вообще они мало говорятъ объ этомъ митрополитѣ, что обыкновенно служить у нихъ какъ бы нѣкоторою хорошею рекомендаціею такимъ лицамъ (119). Во всѣхъ этихъ мнѣніяхъ такъ перепутаны или мало поняты дѣйствительныя заслуги и грѣхи Рутскаго, что историку нѣтъ возможности остановиться ни на одномъ изъ нихъ. Мы вообразимъ сперва дѣйствительную, безпристрастную оцѣнку Рутскаго съ каждой изъ трехъ, указанныхъ точекъ зрѣнія на него, т. е. православной, униатской и латинской. Съ православной точки зрѣнія, конечно, не узкой, во все не слѣдуетъ видѣть въ Рутскомъ сноснаго для православныхъ униатскаго митрополита, а напротивъ нуж-

но сказать, что онъ сдѣлалъ имъ больше зла, чѣмъ Поцѣй. Это сужденіе о Рутскомъ сходится, случайно конечно, съ тѣмъ мнѣніемъ, какое объ немъ долженъ бы имѣть истый уніятъ и которое, безъ сомнѣнія, имѣли объ немъ лучшіе изъ современныхъ ему уніятвъ, хотя ихъ мнѣніе и не перешло въ сочиненія уніятскія. Уніаты со всею логичностію могли бы внести Рутскаго въ число людей, анаематствуемыхъ. Онъ сдѣлалъ уніи столько же, если не больше, зла, чѣмъ православнымъ. Но со всѣмъ инымъ представляется Рутскій съ точки зрѣнія латинской. Стоящіе на этой точкѣ естественно должны окружить Рутскаго славою и честію больше всѣхъ уніятскихъ митрополитовъ, потому что онъ больше всѣхъ придвинулъ унію къ латинству, но такимъ цѣнителямъ Рутскаго не слѣдовало бы уже считать его уніятъ и тѣмъ менѣе уніятскимъ митрополитомъ, а если они не могутъ не признать этого, то имъ рядомъ съ похвалами слѣдуетъ бросить на него укоръ за то, что онъ былъ уніятъ, вопреки своей совѣсти. Что же такое былъ Рутскій?

Почти до тридцатилѣтняго возраста Рутскаго носили на рукахъ покровители, милостивцы, руководители и передавали съ рукъ на руки, не давая ему ступить на твердую почву самостоятельныхъ убѣжденій и дѣйствій даже въ то время, когда ему приходилось перемѣнять вѣру, а перемѣнилъ онъ ихъ четыре: православіе на протестантство, протестантство на латинство и латинство на унію. Такимъ Рутскій и остался на всю жизнь, т. е. неумѣющимъ ступить твердо на почву самостоятельныхъ дѣйствій. Это однако не значитъ, что въ немъ не было ничего постояннаго, однообразнаго, цѣльнаго.

Нѣтъ, со времени принятія униі и даже прежде со времени принятія латинства, въ немъ были и послѣдствительность и единство, только особаго рода: они укрѣплялись на единствѣ и логичности іезуитскаго воспитанія и потомъ іезуитскаго руководства. Это былъ чловѣкъ отчетливо выработанный, чисто выглаженной посредственности. Онъ жилъ прилично и видно суммою понятій и цѣлей той среды, которая давала ему толчокъ, т. е. іезуитской среды, но ни разу свѣтлая, самостоятельная мысль не озарила его узкой головы и ни разу онъ не нашелся въ трудныхъ обстоятельствахъ. Тѣмъ не менѣе Рутскій имѣетъ важное историческое значеніе по этой самой посредственности или, лучше сказать, податливости іезуитской средѣ, по воспримчивости ихъ внушеній. Такова ужъ несправедливость исторіи, что люди пустые дѣлають нерѣдко дѣла болѣе важныя, чѣмъ люди умныя. Исторія униі особенно богата этого рода несправедливостями. Въ цѣломъ ея теченіи два направленія — положительное по отношенію къ православнымъ — тутъ важное значеніе имѣли умъ, энергія дѣятелей, — и отрицательное по отношенію къ латинству — тутъ уступчивость, посредственность имѣли естественное мѣсто и могли дѣлать ужасныя вещи, болѣе важныя, чѣмъ всѣ нествотства униі, по отношенію къ православнымъ. На первомъ пути Рутскій дѣйствовалъ не мало, но не прямо и открыто, какъ большею частію дѣйствовалъ Поцѣй, а хитро, коварно, интригами, самыми безнравственными и самыми тонкими, почему онъ часто и рвались. Впрочемъ, и тутъ онъ почти всегда дѣйствовалъ подъ руководствомъ іезуитовъ, т. е. главнымъ образомъ онъ стоялъ на послѣд-

ней дорогъ: вотъ разгадка всего его значенія, которое дѣйствительно велико, почему мы и обратили вниманіе на личныя его особенности, а не пропустили ихъ въ нашемъ трудѣ безслѣдно.

Теперь, думаемъ, не трудно намъ будетъ понять весь ходъ исторіи распространенія уніи въ это время.

Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что Рутскій заблаговременно зналъ о своемъ будущемъ назначеніи — быть митрополитомъ уніятскимъ, очень вѣроятно, что онъ предвидѣлъ также скорую смерть Поцѣя и потому имѣлъ достаточно времени обдумать планъ будущихъ своихъ дѣйствій (120). Но когда Поцѣй умеръ, то казалось что новое положеніе застало Рутскаго въ расплохъ. По крайней мѣрѣ, если нѣтъ твердаго основанія думать, что онъ ничего не придумалъ на этотъ случай, то несомнѣнно, что въ продолженіе цѣлыхъ пяти лѣтъ, онъ ничего не сдѣлалъ замѣчательнаго и несся по шумнымъ волнамъ тенучихъ событій съ приличнымъ подобному положенію смиреніемъ. Съ трехъ сторонъ неслись эти волны и сливались въ одну столь грозную, что Рутскому дѣйствительно всего лучше было сидѣть смирно, сложа руки. Братства, мы видѣли, пріобрѣли въ борьбѣ съ Поцѣемъ необычайную нравственную силу, которая опиралась не только на ихъ внутренней прочности и личныхъ достоинствахъ лучшихъ ихъ членовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и на всеобщее сочувствіе къ нимъ православныхъ западно-русскихъ. Конечно, ни Рутскій, ни его руководители — иезуиты не были хорошими, тонкими цѣнителями нравственной силы и чувствовали къ ней мало влеченія; но дѣло въ томъ, что ей они не могли противопоставить такой же силы у себя,

а преодолевать её однимъ виѣшнимъ насиліемъ, т. е. продолжать дѣло Поцѣя казалось опаснымъ, потому что тогда сочувствіе православнаго народа къ братствамъ легко могло превратиться въ возстаніе (121). Одно постороннее, повидимому, обстоятельство еще болѣе испортило положеніе уніатовъ. Нужно было такъ случиться, что въ то самое время, какъ Поцѣй поражалъ православныхъ литовцевъ, Сигизмундъ съ тѣми же цѣлями добивался престола Московскаго. Эти сходныя дѣйствія произвели тотъ только однородный, общій результатъ, что какъ въ Литвѣ православные еще болѣе ожесточились противъ уніи, такъ и въ Москвѣ бросили всѣ надежды имѣть царемъ Владислава. Связь тутъ была между прочимъ та, что изъ Литвы переходили въ Россію точныя извѣстія о состояніи православія. Еще въ 1609 г. Поцѣй и Сигизмундъ сильно боялись этой передачи извѣстій и прикрывали благовидными предлогами преслѣдованіе православныхъ (122). Но теперь прошла пора скрытности и пришлось пожинать уже зрѣлые плоды такого образа дѣйствій. Не только Сигизмундъ, но и Владиславъ потеряли надежду быть на престолѣ московскомъ и потеряли прежде всего изъ-за латинства. Польскіе патриоты естественно теперь сильно были вооружены и противъ короля, и противъ іезуитовъ, и противъ уніи. Не удивительно, что при такихъ обстоятельствахъ уніаты притихли, присмирѣли, а православные ободрились. Пять лѣтъ эти обстоятельства держали Рутскаго, какъ въ лихорадкѣ, именно до того самого времени, когда и рыцарскіе подвиги Владислава не успѣли поколебать престола Михаила Ѳеодоровича и пришлось заключить съ Россіею миръ (123).

Казалось Рутскій вышелъ изъ этой лихорадки съ очень освѣженной головою. Онъ какъ будто пришелъ къ убѣжденію, что въ самомъ дѣлѣ не хорошо тянуть православныхъ къ униі однимъ насиліемъ, да насиліемъ, что лучше гораздо дѣйствовать на нихъ любовію, кротостію и убѣжденіемъ. Можно въ самомъ дѣлѣ подумать, что онъ твердо остановился на такихъ началахъ, потому что первыя его дѣйствія послѣ указанной нами пятилѣтней лихорадки, казалось, рѣшительно проникнуты были этимъ именно духомъ. Онъ охотно склонился на раздававшіяся тогда съ разныхъ сторонъ требованія, чтобы вмѣсто кулачнаго спора между православными и уніятами допущенъ былъ благородный — ученый, публичный споръ. Уступчивость со стороны уніатовъ была такъ велика, что они даже предоставляли православнымъ рѣшить, кого допустить на этотъ споръ изъ постороннихъ людей, т. е. латинянъ, а кого нѣтъ (124). (Затѣи эти, разумѣется, кончились ни чѣмъ). Мало того, Рутскій даже какъ будто отвратилъ свои взоры отъ православныхъ, которые причинили ему такъ много горя и, казалось, весь погрузился въ дѣло собственно уніатовъ. Съ этою цѣлію онъ продолжалъ устроить уніатскія братства и уніатскія училища. Дѣлать то и другое, повидимому, было очень легко и просто. Стоило только держаться образца православныхъ братствъ и православныхъ при нихъ училищъ. Тогда бы это было вѣрнымъ противодѣйствіемъ православію. Но Рутскій и тутъ показалъ, что какъ будто не хочетъ знать ни православныхъ, ни ихъ порядковъ. Самостоятельность православныхъ братствъ и православныхъ при нихъ училищъ была очень не по душѣ Рутскому. Онъ рѣ-

шился отказаться въ ней своимъ братствамъ и училищамъ и строго подчинить ихъ іерархіи. Но кому именно въ іерархіи? Бѣде духовенство уніятское, мы знаемъ, было тогда очень незавидное. Рутскій совершенно отклонилъ и отъ него свое вниманіе и заботливость, какъ отъ массы людей неисправимыхъ. Онъ сосредоточилъ теперь все вниманіе свое и заботливость на инокахъ и имъ-то онъ рѣшился вѣрить образованіе и руководство уніатовъ; а такъ какъ и это сословіе было тогда въ уніи изъ рудъ вонъ, то онъ рѣшился преобразовать его. Съ этою цѣлю онъ созвалъ соборъ изъ уніятскихъ архимандритовъ и игуменовъ, постановилъ улучшить нравственность и средства монастырей и въ нихъ устроить училища. Мало того, онъ рѣшился доставить господство монахамъ не только надъ молодыми умами, но также и надъ созрѣвшими — надъ всѣми вообще. Съ этою цѣлю къ монастырямъ приписывались приходы, въ которыхъ иноки были пастырями. Для общаго однообразія и успѣдности дѣла изобрѣтена была новая должность — протоархимандрита, который долженъ былъ управлять всѣми монастырями (125). Явное дѣло, что Рутскій предпринялъ нешуточное преобразованіе уніятской Церкви, которое могло поднять ее на высокую степень нравственной силы. Судя по этому, можно бы думать, что Рутскій рѣшительно вступаетъ на путь мирныхъ отношеній къ православнымъ, что теперь онъ будетъ сокрушать ихъ сопротивленіе уніи не полицейскими чиновниками и узлами темницъ, но борьбою благородною — силою убѣжденій. Но, къ сожалѣнію, такой обманчивый видъ имѣла только внѣшняя обста-

новка преобразованій Рутскаго. Внутреннія же начала ихъ вели совершенно къ другому слѣдствію.

^и
Въ основу этихъ преобразованій Рутскій положилъ начала и образецъ латинскихъ монашескихъ орденовъ, въ особенности іезуитскаго ордена, и какъ Поцѣй бралъ для высшей церковной іерархіи людей, о которыхъ православные сомнѣвались — не латиняне ли они, такъ Рутскій, уже не стѣсняясь ничѣмъ, вводилъ въ среду уніятскихъ монаховъ настоящихъ іезуитовъ. Эта замашка Рутскаго къ обновленію дряхлаго тѣла уніи, обнаруженная имъ, вѣроятно, еще раньше 1617 года, приводила самихъ уніатовъ въ такое изумленіе, что они даже обращались къ нему съ просьбою пощадить въ ихъ Церкви остатки православія, не вводить латинства (126). Но, если міряне — уніаты такъ посмотрѣли на реформы Рутскаго, то тѣмъ не выйднѣе должно было смотрѣть на нихъ бѣлое уніатское духовенство. Надобно замѣтить, что въ западно-русской Церкви какъ епископы мало зависѣли отъ митрополита, такъ почти столько же почетное, бѣлое духовенство мало зависѣло отъ своего мѣстнаго епископа. Особенною самостоятельностью пользовалось духовенство соборныхъ церквей въ важнѣйшихъ городахъ — такъ называемые вообще соборные клирошане, или, по тогдашнему произношенію, крылошане. Они имѣли свои независимыя имѣнія, приписныя приходы, въ которые мало вмѣшивались епископы. Они при епископѣ составляли и епархіальный постоянный соборъ съ значительною самостоятельностью. Поцѣй, какъ человекъ не терпящій подлѣ себя ни какой самостоятельности, сильно подорвалъ значеніе этихъ клирошанъ и смѣшалъ ихъ

имущества съ своими митрополичьими, а Рутскій пошелъ далѣе и раздавалъ по произволу имѣнія и приписные приходы соборные монастырямъ. Понятное дѣло, что бѣлое духовенство не могло быть довольно такими распоряженіями и естественно парализировало дѣйствія Рутскаго на пользу уніи (127). Самые монахи не легко подчинились новой реформѣ его. Да и неудивительно. До сихъ поръ они проводили жизнь въ монастыряхъ очень пріятно — на свободѣ, въ кругу часто и долго проживавшихъ родныхъ и знакомыхъ и вообще въ разныхъ удовольствіяхъ, недопущенныхъ ни въ какой монастырскій уставъ (128). Нечего уже говорить о томъ, что тѣмъ съ большимъ отвращеніемъ встрѣтили мѣры Рутскаго православные, которыхъ возмущала унія даже въ благообразномъ видѣ, похожемъ близко на православіе, а теперь они увидѣли, что латинство напыиваетъ въ нее со всѣхъ сторонъ (129).

Такимъ образомъ Рутскій, повидимому, разрушалъ все, что до сихъ поръ строилъ Поцѣй, и что могло причинить большое зло православнымъ. Поцѣй поднялъ вопросъ объ устройствѣ іерархіи вообще, и мы видѣли, что эта мѣра могла быть очень удачною. Рутскій сьюзилъ этотъ вопросъ — заключилъ его въ кругу одного иночества и поставилъ такъ, что вооружилъ противъ себя и иноковъ, и бѣлое уніятское духовенство. Поцѣй придавалъ благообразный, казалось, православный видъ уніи, сдерживалъ ее отъ смѣшенія съ латинствомъ и только въ послѣднее время измѣнилъ этому правилу. Рутскій эту послѣднюю измѣну Поцѣя обратилъ въ правило для себя и допустилъ въ уніи столько латинства, что еще болѣе оттолкнулъ отъ нея право-

славныхъ и смутилъ самихъ унійтовъ. Словомъ, онъ произвелъ опасное для унии волненіе и въ православномъ, и въ унійскомъ мірѣ. Казалось, что при этомъ будущіе успѣхи унии будутъ болѣе, нежели сомнительны. На дѣлѣ, однако, вышло иначе.

Уніяты, управлявшіе ходомъ унии, съ первыхъ дней ея поняли, что жизнь ея, существованіе зависятъ отъ поддержки латинянъ. Это приводило ихъ постоянно къ тому заключенію, что чѣмъ больше будетъ эта поддержка, чѣмъ глубже она будетъ проникать въ унію, тѣмъ унія будетъ сильнѣе, жизненинѣе. Такое заключеніе больше и легче, чѣмъ у кого либо, могло сформироваться въ головѣ Рутскаго. Къ нему приводили: его латинское, іезуитское воспитаніе, явное внутреннее безсиліе уній его времени, сила православныхъ, въ особенности нападки на унію самихъ латинянъ въ указанное нами пятилѣтіе смиренія Рутскаго, и въ заключеніе всего, конечно, прямыя, откровенныя внушенія іезуитовъ. Долго ли могъ быть вѣренъ такой расчётъ— это мы подробно раскроемъ въ третьемъ томѣ нашихъ изслѣдованій унии, а теперь должны сказать, что онъ вполне оправдался во времена Рутскаго. Внесенный имъ въ унію латинскій, іезуитскій элементъ дѣйствительно подвинулъ впередъ унію и легъ на православныхъ новою тягостію.

Какъ скоро Рутскій такъ сильно, безцеремонно выдвинулъ въ унію латинскій элементъ, то, разумѣется, нечего уже было уніятамъ доказывать, что унія тоже древнее православіе и, слѣдовательно, нечего уже было ссылаться на законную обязанность православныхъ принадлежать ей. Оставалось требовать этого уже во имя

собственной силы, власти, т. е. обратиться къ явному, открытому насилію, непокрытому никакою маскою и церемонностію. Негодование польскихъ патриотовъ на іезуитовъ и уніатовъ не могло долго сдерживать тѣхъ и другихъ отъ такого образа дѣйствій. Ему давали силу только особенныя обстоятельства — неудачныя попытки слить Польшу съ Россією. Прошли эти обстоятельства, ослабѣло воспоминаніе объ этихъ неудачахъ, и голосъ польскихъ патриотовъ оказался слишкомъ слабымъ передъ голосомъ многочисленной латинской, іезуитской партіи. Іезуиты къ этому времени сильно пошатнули и народную партію, и всѣ основы конституціонной польской жизни. Ихъ вліяніе разлилось тогда по всему государству, ихъ друзья, тайные члены занимали большую часть должностей въ Литвѣ и Польшѣ, и всѣ эти люди, проникнуты были убѣжденіемъ, что уваженіе къ личности, законность дѣйствій, права ближнихъ — пустѣйшія слова, что власть и латинство могутъ дѣлать, что угодно для достиженія своихъ цѣлей — и, главное, что инновѣрцы какими бы то ни было средствами должны быть истреблены (130). Рьяность такихъ людей, конечно, могло обуздывать мѣстное населеніе, но они теперь для подавленія его находили прекрасную поддержку въ тѣхъ многочисленныхъ, оборванныхъ рыцаряхъ, которые толпами возвращались изъ Россіи, съ ожесточеніемъ противъ всего русскаго, православнаго, и готовы были, для насыщенія голода и обзаведенія себя новыми средствами къ приличной жизни, поддерживать кого бы то ни было, и чтобы то ни было. Конечно, многочисленные члены іезуитской партіи, большею частію люди чиновные и

видные въ обществѣ, а равно и сами іезуиты затруднились стать открыто во главѣ этихъ праздношатающихъ воиновъ, потому что это могло бы быть слишкомъ явною уликою ихъ возмутительныхъ намѣреній. Но у нихъ было почти вездѣ прекраснѣйшее средство управлять дѣйствіями ихъ изъ-за угла. Праздношатающіеся воины самымъ естественнымъ образомъ, по одному легкому намеку, даже и безъ него соединялись, при первомъ удобномъ случаѣ, съ другимъ воинствомъ іезуитовъ и уніатовъ—воинствомъ іезуитскихъ и уніатскихъ школьниковъ, которые въ исторіи уніи и іезуитскаго ордена имѣютъ великое значеніе.

Можно сказать, безъ всякаго преувеличенія, что никогда наука не была такъ далека отъ своихъ цѣлей, никогда она такъ не развращала людей, какъ въ рукахъ іезуитскихъ, а если перевернуть медаль на другую сторону, то нужно согласиться, что никогда и нигдѣ въ мірѣ школьники и сами іезуиты не имѣли такой силы, какъ въ школахъ іезуитскихъ. Школьники держали въ рукахъ власти городскія, способны были взять крѣпость, снести съ лица земли церковь, домъ и потомъ смиренно сидѣли надъ латинскою грамматикою, съ покорностію протягивали руку почтенному іезуиту для отеческихъ ударовъ его линейкою по ладони. Намъ кажется, что стоитъ проникнуть побольше въ эту тайну іезуитскаго образованія, впрочемъ на столько, на сколько это можетъ объяснить распространеніе уніи.

Основные начала іезуитскаго образованія можно выразить очень коротко и просто. Іезуиты старались довести молодаго человѣка до сознанія, что онъ прекрасно образованъ, знаетъ все необходимое и въ тоже вре-

мя отклонить его мысль от самостоятельной честной работы и усыпить навсегда. Это одна задача, такъ сказать, теоретическая. Въ дѣлѣ воспитанія собственно, іезуиты старались притянуть къ себѣ молодое поколѣніе самыми крѣпкими узами — сдѣлать ихъ покорными себѣ безусловно. Но такъ какъ молодая натура съ трудомъ можетъ нести такое иго, то они открывали ей широкій просторъ своеволія во всѣхъ случаяхъ, которые были или безвредны іезуитамъ, или полезны. По этимъ началамъ располагалась вся программа іезуитскаго образованія — долгое пребываніе молодого человека въ школѣ подъ непосредственнымъ надзоромъ и руководствомъ іезуитовъ, обширное механическое изученіе латинскаго языка, схоластической философіи и богословія, схоластическіе диспуты, постоянное занятіе воспитанниковъ обрядами церковными съ театральною обстановкою, религіозныя театральныя представленія, экспедиціи противъ еретиковъ или вообще враговъ іезуитовъ, сопровождавшіяся побоями, убійствами, разграбленіемъ или, по крайней мѣрѣ, выкупомъ. — Это устройство и направленіе іезуитскихъ школъ производили странныя явленія. Периодически въ торжественныхъ случаяхъ къ іезуитскимъ школамъ стекались мѣстные и окрестные жители и возвращались оттуда въ изумленіи и радости отъ видѣннаго и слышаннаго, но это только латиняне — друзья іезуитовъ; иновѣрцы же и вообще враги іезуитовъ обходили и обзѣждали іезуитскія школы, какъ зачумленныя (131). Вотъ по этому-то образцу теперь устроились монастыри и школы уніятскія и, что еще важнѣе, оба ученныя сословія уніятское и іезуитское ста-

ли открыто въ дружескія отношенія и дѣйствовать за одно (132). Обыкновенно школьники православные и уніятскіе или іезуитскіе на пути въ училище или изъ училища заводили ссоры, драку; въ это дѣло вмѣшивались жители и люди празднующіеся и оно принимало характеръ уголовный. На подбитые глаза, разбитые носы и стекла домовъ въ такомъ случаѣ не много уже обращалось вниманія, потому что на полѣ битвы не рѣдко оказывались бездыханныя тѣла, а въ окрестности оказывались разрушенные дома или церкви. Составлялась при этомъ случаѣ обыкновенно подробная реляція о причинахъ, ходѣ и слѣдствіяхъ битвы и передавалась въ судъ, но тамъ судьи большею частію были тѣже друзья іезуитовъ, и потому вся тяжесть преступленія падала только на писца, которому приказывали записать донесеніе въ магистратскую книгу, а иногда отказывали и въ этомъ. — Разумѣется, при такомъ порядкѣ вещей православнымъ больше чѣмъ когда либо не было житья. Если у нихъ даже были церкви и священники, то не легко было совершать какой бы то ни было обрядъ, бросающійся въ глаза, потому что въ такомъ случаѣ какъ изъ земли выростали школьники и празднующіеся друзья іезуитовъ, и тогда бѣда православнымъ — каменья, палочные и кулачные удары сыпались на нихъ со всѣхъ сторонъ (133). Какого же результата достигли уніаты этимъ путемъ? — Нѣтъ спора, теперь очень увеличилась масса насильно обращенныхъ въ унію. Ряды православныхъ явно порѣдѣли, такъ что въ 1610 году авторъ Өриноса уже горько оплакивалъ гибель множества православныхъ. ~~А послѣ 1610 года даже~~

уныиъ и литературный плачь; упала и письменность православныхъ. Это были времена уныиія, которое еще болѣе увеличивалось отъ бѣдственнаго положенія Россіи. Но съ уныиємъ, какъ скоро ему подвергается цѣлая масса людей, обыкновенно соединяется и ожесточеніе, а къ нему часто невидимо примыкають самыя отчаянныя проявленія сдавленной жизни. Такъ случилось и теперь. Сами уніятскіе писатели рассказываютъ, что часто православный, даже умирая, отказывался отъ духовной помощи уніятскаго или латинскаго священника и охотнѣе принималъ протестантскаго пастора (134). Само собою разумѣется, что если умирающій человекъ способенъ былъ къ такому рѣшительному шагу, то люди здоровые выражали это отвращеніе отъ уніи другими дѣйствіями, болѣе прямо касающимися уніятвъ. И здѣсь, какъ прежде, мы утверждаемъ, что даже во времена всеобщаго видимаго уныиія, православныхъ никакъ нельзя представлять смиренными овцами, терпѣливо принимавшими сыпавшіеся на нихъ удары. Были они конечно терпѣливы, но была мѣра и въ ихъ терпѣиіи, иногда даже очень небольшая, если такія неистовства уніи случались тамъ, гдѣ была малая привычка къ страданіямъ. Таковы и были именно жители всѣхъ восточныхъ областей Литвы, куда теперь и перенесена была сцена уніи, благодаря смутамъ самозванцевъ, сильному развитію казачества и значительному расширенію въ этихъ областяхъ іезуитовъ.

На этой новой почвѣ исторія уніи уже должна была принять иное направленіе, какъ разъ въ соотвѣтствіе тому, что и унія приняла теперь новый видъ, больше прежняго сбросила обманчивую оболочку православія и

законности. Въ этихъ областяхъ плотнѣе, чѣмъ въ другихъ, мѣщанство примыкало къ крестьянству и сами бояре, по своему образу жизни и понятіямъ, ближе другихъ православныхъ аристократовъ стояли къ тѣмъ и другимъ, — а какъ скоро таково было положеніе вещей, какъ скоро всѣ сословія соединились противъ уніи, то конечно въ ихъ дѣйствіяхъ общимъ легче всего могла сдѣлаться открытая, кулачная борьба. Эти именно сценны мы и видимъ въ области Минской, благодаря изданію грамотъ этого города (135), и въ области Витебской, гдѣ подготовлялъ народное возстаніе извѣстный Іосафатъ Кунцевичъ, о которомъ вскорѣ будемъ говорить подробнѣе, и наконецъ въ областяхъ казацкихъ, о которыхъ тоже рѣчь впереди.

Такимъ образомъ, судьба православія и уніи стала переходить изъ рукъ высшихъ и среднихъ сословій въ руки низшихъ и, выступая болѣе и болѣе изъ колеи конституціонной, стала болѣе и болѣе врѣзываться въ колею насилія, народнаго возмущенія. Въ свое время мы увидимъ, какіе плоды стали пожинать послѣ того обѣ стороны и хороши ли были эти плоды, а теперь посмотримъ, дѣйствительно ли всѣ были въ такомъ ослѣпленіи, что не видѣли общей бѣды и не принимали никакихъ средствъ къ ея предотвращенію.

ВОЗСТАНОВЛЕНІЕ ВЫСШЕЙ ІЕРАРХІИ ВЪ ЗАПАДНО-РУССКОЙ ЦЕРКВИ. ПЛАНЪ ИЗБРАТЬ ЗАПАДНО-РУССКАГО ПАТРІАРХА ДЛЯ ПРАВОСЛАВНЫХЪ И УНІЯТОВЪ.

Намъ приходится теперь говорить о такомъ событіи, которое по справедливости можетъ быть названо **узломъ**

всѣхъ важнѣйшихъ событій послѣдующаго времени, хотя въ основѣ его лежала чистая случайность, разумѣемъ прїѣздъ въ Кіевъ іерусалимскаго патріарха Теофана. Дѣло въ томъ, что эта случайность нашла богатѣйшіе элементы, давно уже готовые дать начало нѣсколькимъ рядамъ новыхъ событій. Въ 1620 году, около половины великаго поста, прибылъ въ Кіевъ, возвращавшійся изъ Россіи іерусалимскій патріархъ Теофанъ (136). Казалось бы, нужно было ожидать, что православные со всѣхъ сторонъ обратятся къ нему для удовлетворенія своихъ духовныхъ нуждъ, а польское правительство станетъ во враждебныя къ нему отношенія. Одна и таже причина должна была, повидимому, непременно произвести оба эти слѣдствія, столь противорѣчащія одно другому. Патріархъ Теофанъ былъ представителемъ здѣсь восточной Церкви, слѣдовательно, могъ тѣми или другими дѣйствіями подкрѣпить западно-русскую Церковь во вредъ униі. Дѣйствія его въ Москвѣ даже явно показывали, что отъ него непременно нужно ожидать такого образа дѣйствій. Тамъ онъ рукоположилъ новаго патріарха Филарета, но тамъ не было такой крайней нужды въ подобныхъ дѣйствіяхъ, какъ въ западной Россіи. Здѣсь не только не было перваго іерарха, но вовсе не было высшей іерархіи; мало того, — была даже крайняя нужда въ священникахъ. Нуждѣ этой, да и всѣмъ другимъ легко и просто можно было удовлетворить, обратившись къ патріарху Теофану. Явно все это было православнымъ, явно и польскому правительству; слѣдовательно, повторяемъ, одни должны были броситься къ Теофану съ распростертыми объятіями, а другіе — поспѣшить принять противъ

этого дѣйствительныя мѣры. Между тѣмъ, случилось совершенно на оборотъ. Православные почти полгода держатся въ сторонѣ отъ Теофана, какъ бы чуждаются его, а польское правительство окружаетъ его своимъ изысканнымъ вниманіемъ, объявляетъ всѣмъ, чтобы уважали и покоили высокоуважаемаго мужа и посылаетъ къ нему своего чиновника, котораго никакъ нельзя ставить наравнѣ, на примѣръ, съ тогдашними посольскими приставами московскими, потому что, какъ увидимъ, онъ нисколько не стѣснялъ Теофана. Явное дѣло, что тутъ было что-то не такъ съ той и другой стороны; обѣ стороны дѣйствовали неестественно и, конечно, по какимъ нибудь особеннымъ причинамъ. Объявленіямъ королевскихъ грамотъ и частныхъ писемъ къ Теофану, что польское правительство уважаетъ въ немъ высокое лице восточной Церкви, нельзя вѣрить. Также мало можно полагаться и на объявленія православныхъ того времени, что они не знали, кто такой Теофанъ, — дѣйствительно ли онъ патриархъ и имѣетъ ли полномочіе отъ константинопольскаго патриарха. Теофанъ признанъ былъ дѣйствительнымъ патриархомъ въ Москвѣ, при немъ былъ экзархъ константинопольскаго патриарха (137), и отъ него — грамоты (138): для разсмотрѣнія всего этого ненужно было почти полгода. Что же все это значить? — Все это дѣло, совершенно простое и ясное при легкомъ взглядѣ на тогдашнія событія, до крайности трудно и туманно при ближайшемъ знакомствѣ съ источниками и господствовавшими мнѣніями того времени. Потому-то мы такъ и налегаемъ на точность хода дѣлъ. Она намъ замѣнитъ недостатки въ некоторыхъ положительныхъ данныхъ.

Разгадка этихъ странныхъ событій заключается, какъ намъ кажется, въ слѣдующемъ. Когда патріархъ Ѳеоданъ пріѣхалъ въ Кіевъ, Польша находилась въ самомъ критическомъ положеніи. Съ трехъ сторонъ угрожала ей война — со стороны Швеціи, Россіи и Турціи. Всѣ эти три государства вступили въ дружескія отношенія между собою и предполагали дѣйствовать одновременно и заодно (139). Съ такими врагами не легко было бы справиться Польшѣ даже при самомъ благоустроенномъ ея состояніи; но, на бѣду ея, этого состоянія въ ней вовсе тогда не было. Самая главная ея опора въ готовящейся теперь войнѣ — литовско-русскій народъ былъ взволнованъ неистовствами уніи и, по мѣткому выраженію Лаврентія Древинскаго, не легко могъ подняться угащать пылающія стѣны отечества, когда стѣны его собственныхъ домовъ пылали отъ внутренняго пламени (140). Надежнѣйшая опора изъ этого народа — казаки, теперь еще менѣе были надежны. Они обнаруживали даже готовность присоединиться къ врагамъ Польши. Открылись дружескія ихъ сношенія съ Москвою (141). Турецкое правительство также старалось подкупить ихъ (142). Вотъ въ эти-то страшныя для Польши времена явился среди казаковъ патріархъ Ѳеоданъ. Очень вѣроятно, что его цѣли и дѣла не имѣли ничего общаго съ политикою того времени; но онъ ѣхалъ изъ Москвы и къ нему казаки обращались за разрѣшеніемъ отъ грѣха — ихъ войны съ Москвою (143); онъ былъ турецкій подданный, у котораго не поцеремонились бы Турки потребовать свѣдѣній о дѣлахъ Польши. Во всякомъ случаѣ онъ могъ имѣть сильнѣйшее вліяніе на умы всѣхъ западно-русскихъ православ-

ныхъ и одного его слова было достаточно, чтобы охладить или разогрѣть усердіе ихъ къ благу Польши. Такая обстановка патріарха озадачила даже православныхъ собственно литовскихъ, и прежде всего виленское братство. Оно какъ бы чуждалось Теофана сначала и даже постановило нѣкоторое время не имѣть съ нимъ сношеній. Причина этого была, безъ всякаго сомнѣнія, не та, что братство не знало, дѣйствительно ли Теофанъ патріархъ (144), а то, что братству неизвѣстны были намѣренія казаковъ, среди которыхъ попалъ патріархъ и за которыхъ православные литовскіе жестоко могли поплатиться, не имѣя возможности даже думать, а не то чтобы разсчитывать, что могутъ сложить съ себя власть Польши и замѣнить ее другою, какъ думали и разсчитывали тогда казаки. Впрочемъ, недоумѣнія виленскаго братства разрѣшились, и оно стало дѣйствовать гораздо скорѣе, нежели какъ говорить отъ лица его авторъ *Węryficatij Niewinności* (Мелетій Смотрицкій). Къ маю мѣсяцу, т. е. къ сейму 1620 года, оно увѣрилось, что патріархъ не будетъ запутанъ въ политическія дѣла и что теперь самое удобное время воспользоваться страхомъ Польши, чтобы получить высшую іерархію. Открылись дѣятельныя сношенія его съ казаками и разными областями, чтобы на сеймѣ поставленъ былъ вопросъ о православіи, чтобы отъ Польши требовать свободы православной вѣры и возстановленія православной іерархіи (145). Съ такою именно инструкціею и прибыли на сеймъ послы отъ православныхъ областей. Когда Сигизмундъ узналъ о такомъ требованіи православныхъ, то пришелъ въ неописанный гнѣвъ и изрекъ достопамятныя слова: «скорѣе я лишусь королевской

короны, чѣмъ дамъ вамъ іерархію» (146). Исторія однако показала и въ этомъ случаѣ, что подобныя выраженія легче могутъ имѣть силу въ устахъ папы, нежели въ устахъ короля. Когда знаменитый представитель православныхъ, извѣстный чашникъ волынской земли и членъ виленскаго братства Лаврентій Древинскій сазалъ поразительно-рѣзкую рѣчь о бѣдствіяхъ православныхъ и необходимости для нихъ іерархіи и заключилъ эту рѣчь многознаменательными словами: если не исполнены будутъ теперь наши желанія, то мы принуждены будемъ воскликнуть съ пророкомъ: «суди ми Боже прю мою» (147)! когда въ томъ же смыслѣ, только болѣе ясно сказали послы и отъ могущественнаго гетмана Конашевича-Сагайдачнаго, именно, что казаки не пойдутъ на войну, если желанія православныхъ не будутъ исполнены (148); то Сигизмунду пришлось забыть свое достопамятное изреченіе и, разставшись на время съ іезуитами, послушать разумныхъ внушеній независимыхъ польскихъ патріотовъ, къ которымъ теперь присоединился еще и молодой, храбрый любимый, всѣми неіезуитами — королевичъ Владиславъ. Нѣтъ сомнѣнія, что тогда же на словахъ дано было разрѣшеніе патріарху Теофану посвятить православныхъ іерарховъ, иначе едва ли бы казаки не подняли шуму; но когда пришлось составлять конституцію сеймовую; то партіи іезуитской представилась возможность и теперь испортить дѣло православныхъ. Сеймъ теперь былъ чрезвычайный, созванный собственно для совѣщаній о предстоявшей турецкой войнѣ. Теперь легче было, чѣмъ когда либо, отговариваться множествомъ дѣлъ. Вотъ, почему и теперь только въ общихъ выраженіяхъ постанов-

лено жить православнымъ и униатамъ въ мирѣ, свободно исповѣдая свою вѣру; и въ отвѣтъ на требование православныхъ дать имъ новыхъ іерарховъ подтверждена конституція 1609 года, что западно-русскія епископскія кафедры должны быть даваемы людямъ греческой Вѣры (149). Мы думаемъ, что эта юридическая неточность непремѣнно взволновала бы православныхъ; но ее вознаградили такими вещами, которыя ни къ чему не обязывали польское правительство, а между тѣмъ очень пріятно должны были щекотать православныхъ и возбуждать въ нихъ самыя богатая и свѣтлыя надежды. Сигизмундъ, нѣсколько его сановниковъ и даже львовскій архіепископъ какъ будто стоворились, послали патріарху самыя любезныя письма, въ которыхъ высоко чтили его санъ и лице, съ нѣжностію ищра-
нихъ друзей заботились объ удобствахъ его пребыванія въ Литвѣ и особенно путешествія изъ Литвы, даже король приглашалъ Теофана къ своему двору (150). Эти необычайныя ласки рѣшительно ослѣпили православныхъ, какъ дѣйствительно необычайное явленіе. Они поспѣшили избрать кандидатовъ въ санъ митрополита и шести епископовъ. Въ торжественнѣйшій день въ Кіевѣ, 15 августа, когда туда собираются православные со всѣхъ концовъ, откуда слѣдовательно они и могли вынести сильныя впечатлѣнія отъ необычайной милости короля, совершенно было посвященіе православнаго митрополита Іова Борецкаго, а за тѣмъ въ ближайшіе дни посвященны и другіе іерархи: Мелетій Смолитскій на архіепископію полоцкую, Іосифъ Курцевичъ на епископію владимірскую, Исаакій Черчицкій на луцкую, Исаія Копинскій на черемышльскую, Цапскій Пузына на хельм-

скую и Авраамій Стагонскій на пинскую (151). На некоторыхъ изъ этихъ торжествъ присутствовалъ королевскій чиновникъ и, безъ всякаго сомнѣнiя, сообщалъ объ нихъ Сигизмунду подробныя свѣдѣнiя (152). Свѣдѣнiя эти никакъ не могли быть прiятны, и очень вѣроятно, что Сигизмундъ кипѣлъ теперь гнѣвомъ на Теофана и очень желалъ бы повторить съ нимъ исторiю экзарха Никифора. Но обстоятельства опять заставили его быть милостивымъ къ Теофану, опять писать къ нему письма. Ему нужно было, чтобы патриархъ повезъ на Востокъ хорошия извѣстiя о Польшѣ и прежде всего, чтобы онъ убѣдилъ и благословилъ казаковъ на войну съ турками, которые уже шли къ предѣламъ Польши, — требованiе, какъ видимъ, необычайно щекотливое для Теофана (153). Тѣмъ не менѣе патриархъ исполнилъ его, убѣжденный словесно королевскимъ чиновникомъ, что за это посвященная имъ iерархiя будетъ признана правительствомъ польскимъ (154). Но время скоро показало, что все это былъ чистѣйшiй обманъ.

Латинская иезуитская партiя никакъ не могла вынести терпѣливо такого оборота дѣлъ, тѣмъ болѣе, что не могла не предвидѣть, какъ трудно исправить его послѣдствiя — истребить всѣхъ рукоположенныхъ патриархомъ iерарховъ и тѣмъ болѣе священниковъ. Какъ только выѣхалъ изъ Литвы патриархъ Теофанъ (въ январѣ 1621 г.) она немедленно пустила въ ходъ самыя черныя извѣстiя о немъ и его дѣлахъ, — стала доказывать гласно, посредствомъ печатныхъ сочиненiй, что Теофанъ вовсе не патриархъ iерусалимскiй, а простой человекъ — мирянинъ; следовательно,

всѣ посвященные имъ — самозванные іерархи и священники. Мало того, стали доказывать, что Теофанъ шпионъ турецкаго султана, что онъ склонялъ казаковъ то на сторону Москвы, то на сторону Турціи, и что посвященные имъ іерархи — его орудія, которые и теперь продолжаютъ его дѣла, — что во всякомъ случаѣ они достойны преслѣдованія, какъ люди, рѣшившіеся принять посвященіе на каѣдры, занятыя живыми епископами (уніятскими) безъ дозволенія королевскаго (155). Іезуиты такъ настроили Сигизмунда, что онъ издалъ въ 1621 г. приказъ ловить и казнить новопоставленныхъ іерарховъ православныхъ (156). Іерархи эти, конечно, скрылись въ безопасныя мѣста, по преимуществу въ областяхъ казацкихъ. Съ казаками же плохая могла быть расправа; повтому всѣ бѣдствія обрушились на бѣдное Виленское братство. Его членовъ обвинили, какъ главныхъ двигателей всего дѣла о возстановленіи высшей западно-русской іерархіи. Ихъ по всему государству объявили врагами отечества, къ нимъ адресовали всѣ обличительныя сочиненія и, недовольствуясь этимъ, подвергали судебнымъ преслѣдованіямъ и уличнымъ побоямъ (157). Къ счастью, въ это время поступилъ въ качествѣ воеводы Виленскаго умнѣйшій администраторъ того времени Левъ Сапѣга, который поуспокоилъ немного ярость латинянъ (158). Но еще болѣе помогали братству обстоятельства того времени и его собственныя усилія — вмѣстѣ съ митрополитомъ Іовомъ.

Полякамъ пришлось вскорѣ готовиться къ битвѣ съ турками, — извѣстной, знаменитой битвѣ Хотинской. Казаки начали колебаться и Конашевичъ прямо

объявилъ, что они не пойдутъ на войну, если Поляки будутъ преслѣдовать православныхъ іерарховъ (159). Между тѣмъ, отъ Виленскаго братства и кievскаго митрополита посланы были печатныя оправданія, въ которыхъ доказывалось, что православные не думали нарушать право короля раздавать епископскія кафедръ, что они этого дѣла не касались, а сдѣлали только церковное дѣло — посвященіе, которое не касается короля и что Теофанъ дѣйствительно патріархъ, въ подтвержденіе чего напечатаны были всѣ письма къ нему короля и савоуниковъ польскихъ (160). Наведены были отъ правительства справки на Востокъ, и оказалось, что Теофанъ дѣйствительно патріархъ іерусалимскій (161). Сигизмундъ опять принужденъ былъ кривить душою и долженъ былъ даже ласково принять и отпустить съ миромъ одного епископа православнаго, присланнаго къ королю для личнаго объясненія и оправданія (162). Православные теперь однако уже невѣрили ласкамъ короля, тѣмъ болѣе, что послѣ Хотинской побѣды латиняне іезуитской партіи на радостяхъ принялись такъ преслѣдовать православныхъ, что между тѣми слышалось сожалѣніе, зачѣмъ не побѣдили турки при Хотинѣ и православные не перешли подъ ихъ власть (163). Къ сейму 1623 года православные сгруппировались въ плотную единопдушную массу. Земскіе послы получили надлежащія инструкціи; изъ нихъ составлено извлеченіе и напечатано въ видѣ протестаціи къ сейму всѣхъ православныхъ противъ дѣйствій уніатовъ и латинской партіи. Взятся проводить это дѣло тотъ же чашникъ Волинской земли Лаврентій Древинскій, теперь староста Виленскаго братства. Въ этой протестаціи право-

славные, какъ бы въ противоположность своимъ дѣйствіямъ на сеймѣ 1620 года, оперлись уже не на страхъ поляковъ, а на то, спасенію чего теперь поляки больше всего радовались — на свободу польскую. Имъ раскрытъ былъ духъ польской жизни, ея свобода, вѣротерпимость, дѣйствія прежнихъ королей и знаменитыхъ польскихъ людей въ этомъ смыслѣ, дѣйствія самаго Сигизмунда, наконецъ заслуги русскаго народа Польшѣ и все это сопоставлено съ преслѣдованіями православныхъ отъ уніатовъ (164). Подоженія эти были очень вѣрно рассчитаны: они зашевелили лучшія чувства многихъ членовъ сейма, и состоялась конституція, которая, хотя не рѣшала опять окончательно и точно отношеній между православными и уніатами, но постановляла очень важное дѣло: всѣ судебныя изслѣдованія, приговоры, возникшія между православными и уніатами, направленныя противъ тѣхъ или другихъ, были уничтожены и преданы забвенію (165). Конечно, отсюда могла происходить большая путаница: избитые и ограбленные должны были послѣ этой конституціи утѣшаться, что ихъ не будутъ больше бить и грабить, а православные іерархи, такъ сказать, оставлены были между небомъ и землею, безъ опредѣленнаго положенія; но мы увидимъ, что въ послѣдствіи не разъ выходило еще хуже, когда стали разбирать всѣ подобныя дѣла. Впрочемъ, сущность дѣла не въ этой конституціи, а въ настроеніи членовъ сейма 1623 г. и еще больше въ томъ планѣ примиренія православныхъ съ уніатами, который тогда составилъ.

Тѣже причины, которыя принудили Польшу допустить возстановленіе высшей православной іерархіи,

дѣлали весьма вѣроятнымъ улучшение положенія православныхъ и теперь. Полки предавались послѣ хотинской побѣды надъ Турками восторженной радости, придавали ей даже всемірное значеніе; но въ то же время они являе, чѣмъ когда либо, видѣли окружавшія ихъ опасности. Три упомянаемые нами врага Польши — Швеція, Россія и Турція открыли имъ четвертаго еще болѣе страшнаго врага внутренняго — литовско-русскій народъ, который очень явно обнаружилъ свою ненависть къ Польшѣ и свои виды на защиту отъ того, другаго или третьяго врага. Нельзя было не призадуматься надъ этою послѣднею опасностію, но, разумѣется, самымъ безразсуднымъ результатомъ этой думы былъ планъ истребить совершенно болѣе крѣпкую силу этого народа, т. е. казаковъ. Люди умные приходили къ другимъ заключеніямъ. Они вдумывались въ положеніе этого народа, исследовали причины его вражды къ Польшѣ и очень вѣрно приходили къ тому заключенію, что религіозное раздѣленіе его, произведенное униєю, главѣйшая причина всего зла. Эти-то люди и соединились съ православными на сеймѣ 1623 г. и совокупными ихъ усиліями сдѣланы были указанныя нами постановленія, направленные къ признанію гражданскихъ правъ вѣры и іерархіи православной. Но усилія ихъ не ограничивались этимъ. Безъ всякаго сомнѣнія, они очень хорошо знали, что въ Польшѣ, при огромной долѣ самостоятельности каждаго болѣе сильнаго гражданина, законы неспособны утишить разгоряченнаго фанатизма. Нужны были для этого религіозныя средства — религіозное заширеніе враждующихъ сторонъ. Въ этихъ видахъ свѣтскіе люди литовско-польскаго государства

составили очень искусный планъ религіознаго примиренія между православными и уніятами (166). Планъ былъ очень простъ. Православные и уніаты должны были собраться на соборъ и общимъ совѣтомъ избрать себѣ патриарха. Планъ этотъ при близорукомъ взглядѣ можетъ казаться и утопіею, и нелѣпностію, или какъ хотите; но въ то время онъ не заключалъ въ себѣ ни одного изъ этихъ свойствъ. Составители его имѣли въ виду прежде всего политическіе виды. Избраніе общаго патриарха значительно порвало бы связи литовско-русскаго народа и съ Россіею и съ Востокомъ. Религіозная самостоятельность западной Россіи служила бы тогда прочною гарантіею неразрывности ея съ Польшею. Что же касается до религіозной стороны этого плана, то составители его вовсе не рѣшали, которая сторона одержитъ здѣсь верхъ; кто къ кому присоединится — православные ли къ уніатамъ, или уніаты къ православнымъ. Зная настроеніе умовъ того времени (а составители этого плана, конечно, хорошо его знали), можно было съ значительною вѣроятностію разсчитывать на успѣхъ въ томъ или другомъ случаѣ. Уже тогда многіе уніаты сильно поражены были, какъ мы и указывали, чрезмѣрнымъ сближеніемъ уніи съ латинствомъ и не прочь были возвратить ее назадъ, приблизить къ православію. Съ другой стороны, очень многіе православные, то силою привычки, то вслѣдствіе утомленія отъ насилій, готовы были сближаться съ уніатами, лишь бы только тѣ не были рабами латинякъ и хранили унію отъ наплыва латинскихъ особенностей, т. е. они мирились съ почетнымъ главенствомъ папы, но не мирились съ рабскимъ подчиненіемъ уніи латинству (167). Пред-

полагаемое патриаршество обѣщало пополнить требованія той и другой стороны. Оно неизбѣжно повело бы къ самостоятельности уніи и къ сближенію ея съ православіемъ, особенно когда бы въ нее вступили новые свѣжіе члены — новая іерархія православная и православный народъ, столь долго борившійся за свои убѣжденія. Конечно, составители этого плана не могли не знать, что найдутся съ той и другой стороны люди, которые рѣшительно отвергнутъ его. Но присматриваясь къ господствовавшимъ мнѣніямъ того времени, мы, повторяемъ, должны признать, что тутъ была большая доля вѣроятности успѣха. Съ своей же стороны мы скажемъ, что совѣщанія объ исполненіи этого плана повели бы даже въ случаѣ не успѣха къ фактическому признанію правъ православныхъ и значительному замиренію ихъ уже потому одному, что потребовалось бы не мало времени на исполненіе его. Но, прежде чѣмъ приступили къ совѣщаніямъ объ исполненіи этого плана, случилось обстоятельство, которое дало совершенно другое направленіе дѣламъ. Жители города Витебска убили полоцкаго и витебскаго уніятскаго архіепископа Іосафата Кунцевича. Обстоятельство это такъ было богато ближайшими и самыми отдаленными послѣдствіями, что стоитъ подробнаго изслѣдованія.

Іосафатъ Кунцевичъ признанъ святымъ мученикомъ уніятскою и латинскою Церковію, восхваленъ восторженными церковными пѣснопѣніями, неизчисленными стихотвореніями, проповѣдями, брошюрами; за нимъ уже въ 1673 году числилось 186 чудесъ (168). Намъ кажется, что съ такимъ историческимъ феноменомъ не слѣдуетъ обращаться легко и сразу, безъ дальнихъ

околичностей поирать возданную ему честь, не слѣдуетъ и по уваженію къ его почитателямъ, и потому, что у такого человѣка, безъ сомнѣнія, была же особаго рода гармонія убѣжденій и дѣйствій, которая и ему самому казалась хорошею, и плѣнила собою массу единовѣрныхъ ему людей. При оцѣнѣ такого лица, мы считаемъ за лучшее сперва запрягать подалѣе наши личные убѣжденія и чувства, и смотрѣть на факты беспристрастно. Это однако не значить, чтобы мы способны были превратиться въ холоднаго, безъучастнаго зрителя дѣла Кунцевича. Нѣтъ, выдвигаемые наружу факты будутъ давать постепенно волю нашимъ убѣжденіямъ и чувствамъ, нашимъ симпатіямъ и антипатіямъ; но мы не будемъ класть въ дѣло предзанятыхъ мыслей, а будемъ высказывать ни больше, ни меньше, какъ тѣ убѣжденія, какія у насъ сформировались изъ изученія фактовъ.

Иосифъ Кунцевичъ, вопреки общему въ Литвѣ того времени желанію, чтобы высшая іерархія была благородной крови, не могъ похвалиться знатностію происхожденія. По торжественному засвидѣтельствванію Лаврентія Древинскаго на сеймѣ 1620 года, онъ былъ сынъ сапожника, жившаго во Владимірѣ Волынскомъ (169). Родился Кунцевичъ 1579 (170). Чѣмъ онъ занимался до двадцатилѣтняго возраста, ремесломъ отца или чѣмъ другимъ, навѣрное не знаемъ; несомнѣнно только, что онъ немного посвящалъ тогда времени наукамъ, потому что образованіе его не простиралось далѣе умѣнья читать славянскія и польскія книги (171). Несмотря однако на этотъ недостатокъ образованія, Кунцевичъ открылъ себѣ широкое поприще дѣятельно-

сти. Въ то время возникла унія и представилась Кунцевичу, въ самыхъ свѣтлыхъ чертахъ. Много знаио здѣсь то, что онъ родился и жилъ въ Брестской епархіи — епархіи Поцѣя, который поражалъ многихъ безхитростныхъ людей силою своею ума, видимою искренностію своихъ убѣжденій и громаднымъ шумомъ своихъ дѣйствій. Пылкая впечатлительная душа Кунцевича, рѣдко дававшая себѣ отчетъ въ своихъ чувствахъ, и впечатлѣніяхъ, сильно была поражена всѣмъ этимъ, и онъ страстно привязался къ унії и къ Поцѣю. Около 1604 года Кунцевичъ по торговымъ дѣламъ находился въ Вильнѣ, сблизился съ уніятскими монахами Троицкаго монастыря, рѣшился оставить мѣръ, и, когда въ этомъ году сюда пріѣхалъ Поцѣй, то онъ былъ постриженъ имъ въ монашество и поступилъ подъ руководство Іосифа Рутскаго, вскорѣ сдѣлавшагося архимандритомъ виденскаго Троицкаго монастыря (172). Здѣсь, по свидѣтельству уніятскихъ писателей, онъ пріобрѣлъ удивительно глубокое и обширное знаніе христіанскаго ученія (173). Не сомнѣваемся въ усердіи, и природныхъ дарованіяхъ Кунцевича, но не сомнѣваемся также и въ томъ, что это изученіе, не смотря на вѣрный возрастъ его, было очень не самостоятельно и, очень далеко отъ истиннаго духа христіанства. Кунцевичъ подавленъ былъ двумя тогда великими авторитетами унії — Поцѣемъ, какъ мы уже скавали, и Рутскимъ, которыхъ былъ восторженнымъ почитателемъ, и отъ которыхъ перенялъ двѣ особенности, которыя только въ чловѣкѣ его покроя и образованія могли совмѣщаться, не возбуждая въ душѣ недоумѣній и колебаній, именно: отъ одного — Поцѣя, онъ перенялъ

уваженіе къ остаткамъ въ униі православія, т. е. къ обрядамъ ея, а отъ другаго — Рутскаго — латинскій духъ униі, безусловное подчиненіе папѣ и такое же единіе съ латинянами. Къ такому странному складу мыслей не мало располагало Кунцевича сближеніе съ іезуитами, къ которымъ онъ не разъ забѣгалъ въ коллегію (174). Но одно въ особенности обстоятельство объединило, скрѣпило въ мысляхъ его Поцѣя и Рутскаго, унию и латинство, и такъ настроило его душу, что онъ уже естественно, безсознательно пошелъ по тому пути, который привелъ его къ насильственной смерти. Въ 1609 году Поцѣй едва не погибъ въ Вильнѣ отъ ярости раздраженнаго народа. Кунцевичъ и Рутскій (изъ-за котораго началось волненіе народное) явились, какъ мы уже знаемъ, главными глашатаями мученической славы Поцѣя. Какъ долго хранилось въ Кунцевичѣ сильное впечатлѣніе отъ всего этого событія, и къ чему оно окончательно привело его, это увидимъ послѣ, а теперь мы скажемъ, что съ этихъ поръ онъ такъ привязался къ униі, что рѣшился служить ея интересамъ съ необыкновенною горячностію и подчиненіемъ имъ всего на свѣтѣ. Это настроеніе Кунцевича выразилось въ одной его особенности, которую рассказываютъ униятскіе писатели, и которая составляетъ чистѣйшую копию іезуитства того времени. Онъ имѣлъ обычай — ходить по улицамъ Вильна, и когда бы то ни было убѣждать попадавшихъ ему навстрѣчу ремесленниковъ, нищихъ стариковъ и старухъ, праздношатающихся большихъ и малыхъ, — идти за нимъ въ Троицкій монастырь, и сейчасъ же исповѣдываться. Подобное усердіе встрѣчало не разъ особенно вначалѣ, когда Кунцевичъ еще былъ

діакономъ, между прочимъ, то затрудненіе, что, собравъ толпу людей, готовыхъ исповѣдываться, нужно было еще упрашивать кого либо изъ іеромонаховъ идти исповѣдывать ее, что, по сознанию самихъ уніятскихъ писателей, не всегда обходилось безъ усиленныхъ просьбъ. Затрудненіе это исчезло, когда вскорѣ самого Кунцевича возвели въ священнический санъ, — зато удвоилось и его усердіе. Онъ просиживалъ за исповѣдію по шести часовъ сряду. Мало того, во время путешествій куда бы то ни было, онъ, какъ только останавливался на постояломъ дворѣ, сейчасъ же звалъ къ исповѣди всѣхъ находившихся тутъ, между которыми естественно бывали и не совсѣмъ трезвые. Особенно часто приходилось исповѣдываться въ подобныхъ случаяхъ содержателямъ постоянныхъ дворовъ и ихъ домочадцамъ (175). Съ этимъ-то настроеніемъ, съ этою пламенною любовію къ униі и желаніемъ спасать чрезъ нее Кунцевичъ вступилъ на архимандрію Бытеньскую, потомъ Жировицкую, далѣе Троицкую Виленскую въ 1614 году, и затѣмъ на Полоцкую и Витебскую архіепископію въ 1617 году, сперва коадьюторомъ (вкакріемъ) Гедеона Брольницкаго, а потомъ (1618 г.) самостоятельнымъ архіереемъ (176). Впрочемъ, сначала, пока жилъ престарѣлый и, какъ видно, очень равнодушный къ униі Гедеонъ Брольницкій, положеніе Кунцевича было очень фальшивое. Стѣсняемый Брольницкимъ и еще болѣе полоцкими православными, отъ лица которыхъ полоцкій бурмистръ прямо сказалъ новому епископу, что если онъ пріѣхалъ съ униєю, то пусть лучше возвратится назадъ (177), Кунцевичъ могъ обнаружить только одну свою особенность, — видимое благочестіе

и приверженность къ православнымъ обрядамъ. На сторону это ввело въ такое заблужденіе православныхъ, что нѣкоторые изъ нихъ даже въ 1620 году считали его расположеннымъ къ православію, и думали, что онъ поѣдетъ въ Кіевъ къ патриарху Теофану, и вмѣстѣ съ нимъ будетъ рукополагать іерарховъ для западно-русской Церкви (178). Но въ областяхъ полоцкой епископіи, особенно ближайшихъ къ границамъ Россіи, имѣли болѣе ясныя и точныя свѣдѣнія о новомъ епископѣ. Когда онъ поѣхалъ въ Могилевъ въ 1619 году, то жители его заперли городскія ворота и навели на Кунцевича крѣпостныя пушки. Такое откровенное выраженіе чувствъ не обошлось даромъ жителямъ Могилева. Церкви ихъ были запечатаны, священники, не признававшіе власти Кунцевича, разсланы, и нѣкоторые изъ гражданъ попали подъ уголовный судъ (179). Тоже сдѣлано и въ Оршѣ, жители которой, вѣроятно, не болѣе были покорны уніятскому епископу (180).

Какъ видимъ, свѣтская власть усердно дѣйствовала въ пользу Кунцевича. Уніятскому пастырю, по общехристіанскому разумѣнію обязанностей духовнаго пастыря, оставалось тутъ только убѣждать непокорныхъ и отъ себя ничего не прилагать къ мѣрамъ гражданскимъ. Не отвергаемъ, конечно, что Кунцевичъ, какъ свидѣтельствуютъ уніятскіе писатели, и проповѣдывалъ имъ по своему разумѣнію слово Божіе и увѣщевалъ на всѣхъ путяхъ и распутіяхъ, и молился Богу объ ихъ обращеніи въ унію. Но достоверно знаемъ, что онъ не ограничивался всѣмъ этимъ и понималъ свое дѣло нѣсколько иначе. Онъ самъ тянулъ къ уніи силою всякаго православнаго, заставляя быть уніятомъ (181). Мало

того, Кунцевичъ не оставлялъ въ покоѣ даже мертвыхъ. Такъ въ Полоцкѣ онъ приказывалъ вырывать изъ могилы недавно умершихъ православныхъ, очевидно, злѣйшихъ враговъ своихъ, и отдавать на съѣденіе собакамъ (182). Понятное дѣло, что ненависть къ нему православныхъ должна была достигнуть высшей степени. Ею заражались многіе изъ уніатовъ и отпадали отъ своего епископа. Между тѣмъ, въ 1620 году посвященъ былъ на полоцкую кафедру православный епископъ Мелетій Сметрицкій, о которомъ здѣсь скажемъ лишь то, что его тогда превозносили до небесъ всѣ православные и что онъ сильно жаждалъ новыхъ отличій на этомъ новомъ поприщѣ. Его краснорѣчивыя посланія, которыми ничего подобнаго не могло выйти изъ устъ Кунцевича, расходились быстро по епархіи полоцкой. Если этой епархіи, оживленные новою силою, толпы вросали унію и группировались въ плотную массу православнаго народа.

Многіе на мѣстѣ Кунцевича пали бы духомъ и смирились бы, хотя на время, предъ такими обстоятельствами. Кунцевичъ, напротивъ, почерпалъ въ этомъ новую энергію, не зналъ покоя ни днемъ ни ночью и призывалъ всѣ власти, всѣ матеріальныя силы для подавленія православныхъ. Власти однако смутились предъ его требованіями. Къ королю, митрополиту Рутскому и гетману литовскому Яву Сапѣгѣ пришли самыя мрачныя извѣстія о настроеніи умовъ областей, составляющихъ епархію полоцкую, и сильно смутили ихъ. Было отъ чего и смутиться. Мы говорили, что въ восточныхъ областяхъ Литвы, сословія русскаго народа плотнѣе были соединены и болѣе способны къ открытому воз-

станію. Настроеніе это сейчасъ же вызвало родственное себѣ сочувствіе казаковъ, и между жителями этихъ областей и казаками открылись сношенія и совѣщанія о мѣрахъ противъ Кунцевича (183). Эти-то вѣсти произвели то, что началась лихорадочная взаимная переписка между дворомъ, литовскимъ гетманомъ Сапѣгою и митрополитомъ Рутскимъ. Рѣшились умѣрить ревность Кунцевича. Писалъ къ нему въ этомъ тонѣ Рутскій, писалъ и Левъ Сапѣга, возненавидѣвшій теперь унію изъ за смуть по всему государству (184). Въ этихъ письмахъ Кунцевичу предложены были и религіозныя и гражданскія внушенія. Сапѣга, на примѣръ, писалъ къ нему, что насиліе въ дѣлѣ Вѣры противно Евангелію, противно Церкви Христовой, не имѣетъ основанія въ примѣрѣ ни одного святаго отца, противно гражданскимъ законамъ Польши, губельно для нея и по именному повелѣнію короля запрещено Кунцевичу. Но ничто не могло подѣйствовать на Кунцевича. Онъ отвѣтилъ Сапѣгѣ, что спасеніе, т. е. чрезъ унію, выше всего, что предъ нимъ ничто спасеніе государства (185), и приготовился къ новымъ подвигамъ въ пользу уній — рѣшился ѣхать въ Витебскъ, самое неприступное мѣсто въ его епархіи.

Жители города Витебска, какъ только получили грамоты Смотрицкаго, кажется, еще въ 1620 году, торжественно читали ихъ въ ратушѣ и также торжественно составили протестацію противъ Кунцевича. Смыслъ этой протестаціи былъ тотъ, что они не хотятъ знать уніятскаго епископа и будутъ признавать своимъ епископомъ Мелетія Смотрицкаго (186). Рѣшеніе это было такъ единодушно, что въ Витебскѣ оставалось едва нѣ-

сколько уніатовъ. Въ другомъ мѣстѣ такую перемѣну въ народѣ легко было бы, можетъ быть, ослабить; но здѣсь она имѣла много силы и прочности. Населеніе въ Витебскѣ было чисто русское. Поляковъ и вообще латиняцъ почти вовсе не было; не было слѣдовательно орудій, посредствомъ которыхъ можно было бы поражать православныхъ. Были здѣсь, правда, въ градѣ т. е. крѣпости королевскіе чиновники; но они мало имѣли власти надъ городомъ. Жители его издавна пользовались такъ называемымъ магдебургскимъ правомъ т. е. сами управляли городомъ, независимо отъ королевскихъ чиновниковъ. Ко всему этому нужно прибавить сношенія Витебска съ казаками и то чисто случайное обстоятельство, что между градскими чиновниками было нѣсколько протестантовъ — людей вовсе нерасположенныхъ вредить православнымъ въ пользу уніи (187). Кунцевичъ очень хорошо зналъ настроеніе умовъ Витебщанъ; мало того, онъ зналъ, что рѣшеніе ихъ возбуждаетъ сочувствіе и подкрѣпленіе въ другихъ областяхъ — Могилевѣ, Оршѣ, Вильнѣ и въ самомъ Полоцкѣ. Но, не смотря ни на что, онъ рѣшился ѣхать въ 1622 году въ Витебскъ и утвердить тамъ унію во что бы то ни стало.

Собираясь въ этотъ путь, онъ явно готовился къ смерти и во всю дорогу такъ много говорилъ о своемъ мученичествѣ и, видно, такъ раскрашивалъ его, что возбудилъ отвращеніе и негодованіе въ своей свитѣ, которая просила его оставлять этотъ разговоръ, по крайней мѣрѣ, во время ѣды (188). Очевидное дѣло, что Кунцевичъ хотѣлъ стяжать славу Поцѣя, прославленнаго за мнимое мученичество въ Вильнѣ 1609 г., съ тою только разницею, что разгоряченное воображе-

ніе Кунцевича взяло рѣшительно верхъ надъ разсудкомъ. Кунцевичъ хотѣлъ, во что бы-то ни стало, добиться мученичества, въ чемъ никакъ нельзя подозрѣвать Поцѣя. А какъ скоро образовалось у него такое рѣшеніе; то съ нимъ естественно соединилось и другое, неизмѣнное ничего общаго съ образомъ дѣйствій древнихъ христіанскихъ мучениковъ. Желая, во что-бы-то ни стало, быть убитымъ, естественно было готовить къ этому своихъ враговъ, дѣйствовать на ихъ страсти, раздражать ихъ. Такъ и сдѣлалъ Кунцевичъ. Онъ явился въ Витебскъ не съ любовію и кротостію христіанскаго пастыря, а съ правами епископа, поддерживаемаго властію гражданскою. Не обращая никакого вниманія на раздраженіе народа, онъ рѣшился отслужить во всѣхъ витебскихъ православныхъ церквахъ и безцеремонно отправлялся совершать богослуженіе то въ ту, то въ другую церковь. Это должно было служить доказательствомъ, что унія вездѣ въ Витебскѣ существуетъ. Въ другихъ мѣстахъ Литвы при подобныхъ обстоятельствахъ случалось обыкновенно такъ, что весь народъ бѣгалъ изъ такихъ церквей. Здѣсь случилось наоборотъ. Народъ къ такимъ церквамъ собирался больше, чѣмъ когда либо, только не съ молитвою въ сердцѣ и устахъ, а съ яростію, и Кунцевичу не разъ приходилось испытывать публичныя оскорбленія. Кунцевичъ какъ будто того только и ждалъ. Немедленно составлялись акты о насиліи и оскорбленіи ему со стороны православныхъ, вносились въ городскія и градскія книги и призывалась военная сила, чтобы сдѣлать церкви доступными епископу. Церкви очищались этою силою отъ непокорнаго духовенства и народа, и ключи ихъ преда-

вались Кунцевичу (189). Кажется, все уже было готово къ народному возстанію. Но этотъ народъ показалъ, что онъ еще можетъ терпѣть, держаться законной колѣн. Не даромъ онъ давно пользовался магдебургскимъ правомъ, которое лучше всѣхъ тогдашнихъ средствъ приучало народъ къ уваженію закона. Православные не считали себя въ правѣ отстаивать силою свои церкви; потому что онѣ находились подъ патронатствомъ короля,—составляли какъ бы собственность государственную, отнимаемую у нихъ теперь отъ имени короля. Но нельзя было оставаться вовсе безъ церквей. Поэтому православные выстроили шалаши на краю города, и тамъ стали собираться совершать свое богослуженіе. Только вещей отнятыхъ церквей, какъ чистой собственности Церкви, а не государства, они не дали унѣтамъ и попрятали ихъ у себя, перенося изъ нихъ по временамъ что было нужно въ новоустроенныя церкви (190). Нечего скрывать, что этимъ новымъ положеніемъ не всѣ были довольны. Напротивъ, многіе еще болѣе раздражались этимъ самымъ смиреніемъ, на которое осуждало себя православіе. Но, что всего важнѣе, Кунцевичъ не оставлялъ православныхъ въ покоѣ и здѣсь. Онъ подавалъ жалобы, что при этихъ новыхъ церквахъ составляются мятежныя сходки, а между тѣмъ еще съ большимъ усердіемъ отнималъ у православныхъ церкви въ самомъ городѣ. Въ одну изъ такихъ церемоній народъ потерялъ терпѣніе и дошелъ до того, что сбросилъ въ одно мѣсто шапки, что было знакомъ конфедерации и призыва къ насилію, и Кунцевичъ едва спасся отъ народной ярости. — Послѣ того, православные, дѣйствительно, начали совѣщаться

объ убійствѣ неугомоннаго фанатика. Составленъ былъ такой планъ, чтобы городскія власти, на которыя должна была пасть прежде всего отвѣтственность за волненіе—члены ратуши, выѣхали предъ назначеннымъ днемъ изъ города. Люди же, задумавшіе заняться гнуснымъ дѣломъ—убійствомъ, рѣшились, послѣ совершенія его, бѣжать къ казакамъ и поднять ихъ на защиту города, когда власть станетъ преслѣдовать преступленіе. Избранъ былъ воскресный день — 12-е ноября 1623 года. Въ тотъ же день представился взволнованному народу и особенный случай, послужившій предлогомъ къ выполненію задуманнаго плана. Утромъ въ это воскресенье, около осьми часовъ, едва кончилась заутреня, и Іосафатъ удалился въ свой архіерейскій домъ, протодіаконъ его Дороеей увидѣлъ православнаго священника, который шелъ за городъ въ новоустроенный шалашъ совершать службу, безъ сомнѣнія, не одинъ, а съ народомъ. Трудно разгадать — съ чьей стороны поданъ поводъ къ ссорѣ: но говорятъ, что протодіаконъ сталъ бить священника и, при помощи архіерейскихъ слугъ, втащилъ его въ архіерейскій домъ и заперъ въ кухню. Немедленно раздался набатъ въ колокола ратушный и церковные. Народъ повалилъ къ архіерейскому дому, разбилъ ворота, до смерти прибилъ архіерейскую прислугу; убійцы ворвались въ комнату Іосафата и стали поражать его палками по головѣ, — а одинъ изъ нихъ нанесъ ударъ топоромъ. — Затѣмъ вытащили его надворъ и, замѣчая еще признаки жизни, стали стрѣлять въ него пулями. Несомнѣнно, что въ этомъ убійствѣ главную роль играли какіето пришельцы, а не жители Витебска, хорошо знав-

шіе Кунцевича; потому что при этомъ возбуждилось въ нихъ недоумѣніе — дѣйствительно ли они убили Кунцевича, а не кого другого. Недоумѣніе возбудила открытая на Кунцевичѣ власяница, которой они никакъ не предполагали на немъ. Тогда же началось разграбленіе дома архіерейскаго и, между прочимъ, погребъ, что придадо ярости народа новое оживленіе и повело къ новымъ неистовствамъ. Мертваго Кунцевича били, таскали по улицамъ, клали на него убитую его собаку, садились на его обезображенное тѣло даже женщины съ грудными ребенками и распѣвали пѣсни: затѣмъ притащили на высокую гору надъ Двиною и столкнули въ рѣкѣ; наконецъ наполнили власяницу камнями, привязали ее къ тѣлу и бросили Кунцевича въ Двину на самое глубокое мѣсто (191).

Въ январѣ 1624 г. прибыла въ Витебскъ судная коммиссія съ полномочіемъ судить и казнить и открыла свои дѣйствія подъ предсѣдательствомъ виленскаго воеводы Льва Сапѣги, того самаго Сапѣги, который за годъ передъ тѣмъ предостерегалъ Кунцевича отъ опасныхъ послѣдствій его фанатизма. Зная Сапѣгу, какъ одного изъ безпристрастнѣйшихъ людей того времени, нужно было надѣяться, что онъ произведетъ нелицеприятное изслѣдованіе дѣла. Никто, конечно, не думалъ и не ждалъ, что будутъ оправданы убійцы и прямые ихъ участники. Преступленіе и преступники должны были понести заслуженное наказаніе. Но, безъ всякаго сомнѣнія, многіе ожидали, что будутъ строго изслѣдованы причины преступленія, что будутъ точно разграничены: убійство Кунцевича и волненіе народа, убійцы и народъ, выведенный изъ терпѣнія, и что если

такое разграниченіе не поведетъ къ оправданію многихъ замѣшанныхъ въ преступленіе, то не падетъ тяжести на весь городъ и, главное, Кунцевичъ и унія неизбѣгнутъ осужденія. — Мы не думаемъ, чтобы Сапѣга неспособенъ былъ дать такой именно оборотъ всему дѣлу. Но, къ сожалѣнію, обстоятельства помѣшали этому. Прежде всего, судьи поминутно ожидали нападенія казаковъ (192) и торопились покончить скорѣе свое порученіе. Въ три дня они разобрали преступленіе и казнили преступниковъ. Для суда, хотя гласнаго и открытаго, но касающагося такого запутаннаго и важнаго дѣла, это слишкомъ малый срокъ. Выслушано было собственно только обвиненіе, направленное противъ цѣлаго города и по преимуществу противъ членовъ ратуши, а не противъ главныхъ убійцъ, которые всѣ бѣжали. На оправданіе лицъ, представленныхъ суду, мало обращено вниманія. Вопросъ о дѣйствіяхъ Кунцевича вовсе не былъ поднятъ.

Такимъ образомъ суду недоставало и времени для разбора дѣла и дѣйствительныхъ преступниковъ. Судъ нелицепріятный или отказался бы отъ постановленія окончательнаго рѣшенія по такому дѣлу или призналъ бы необходимымъ смягчить наказаніе находившимся въ его рукахъ преступникамъ изъ боязни казнить выше мѣры или безвинно. Судъ по дѣлу Кунцевича пришелъ къ совершенно другому заключенію. Онъ явно держался той мысли, чтобы непременно казнить кого либо и казнить, какъ можно строже. Конечно, такая мысль внушалась неимовѣрною гнусностію и жестокостію преступленія, но извѣстно, что для суда и судей личныя впечатлѣнія не должны служить мѣрою тяжести

судебныхъ приговоровъ, и витебскіе судья, безъ сомнѣнія, были люди очень привычныя къ гнусностямъ испорченной части рода человѣческаго, потому что были судьи постоянные и опытные, а не случайные и новички. — Нѣтъ, такой взглядъ установился у нихъ другимъ путемъ. Вѣсть о смерти Кунцевича разнеслась съ необычайною быстротою. Рутскій, папскій нунцій, латинская и уніятская партія и Сигизмундъ заговорили, какъ одинъ человѣкъ. Казнить, истребить всѣхъ слизматиковъ — раздавалось со всѣхъ сторонъ (193). Недумаемъ, чтобы Сапѣга безъусловно поддавался этому говору общественнаго фанатизма, но безъ всякаго сомнѣнія, онъ былъ убѣжденъ, что если оказать теперь малѣйшее снисхожденіе православнымъ и бросить тѣнь на унію, то исторія Кунцевича можетъ повториться въ очень многихъ мѣстахъ и, очень вѣроятно, начнется всеобщая рѣзня уніатовъ, которая неоспоримо получитъ смыслъ гражданскій и сгубитъ государство (194). Такимъ образомъ витебское дѣло получило политическое значеніе; а извѣстно, что для суда и судей, каковы бы они ни были, нѣтъ ничего хуже, если преступленіе получаетъ смыслъ политическій. Въ такихъ случаяхъ судъ обыкновенно съ величайшимъ трудомъ добивается правды и рискуетъ увлечься временнымъ настроеніемъ общества. Такъ случилось и теперь: православные были наказаны выше мѣры, а уніаты совершенно незаконно избѣгли осужденія. Казнили смертію собственно людей прикосновенныхъ къ преступленію — большую часть членовъ ратуши и нѣкоторыхъ простыхъ гражданъ, лишили магдебургскаго права весь городъ, предоставивъ льготы

однимъ уніатамъ, и наложили на всѣхъ православныхъ контрибуцію въ пользу катедръ епископа и избитыхъ слугъ его. Логичность дѣла и справедливость требовала, чтобы судьи подвергли отвѣтственности также и нѣкоторыхъ чиновниковъ крѣпости, потворствовавшихъ православнымъ, на что указывалось въ рѣчи адвоката Кунцевича. Особенно слѣдовало подвергнуть суду нѣкоторыхъ православныхъ шляхтичей Витебской области, какъ на примѣръ, Гурку, Киселя—Дрогиницкаго, Янушковскихъ и Котовича, на которыхъ указывалось въ обвиненіи, какъ на участниковъ въ заговоръ противъ Кунцевича. Но судьи все это оставили въ сторонѣ (195).

Такой поворотъ дѣла имѣлъ громадныя слѣдствія. — Убійство Кунцевича тѣсно связано было съ возстановленіемъ православной іерархіи, и общее мнѣніе признавало ее теперь достойною большаго преслѣдованія, чѣмъ прежде. Притомъ неоспоримая связь этого убійства съ общимъ настроеніемъ умовъ православныхъ поставляла и всѣхъ ихъ въ такое же положеніе въ глазахъ латинянъ, въ какое поставлена была православная іерархія. Естественнымъ плодомъ такого положенія было уныніе православныхъ и многократные случаи обращенія ихъ въ унию. Умножались эти случаи еще отъ слѣдующаго обстоятельства. Убитый Кунцевичъ не былъ тронутъ судомъ: онъ оставленъ чистымъ, совершенно безвиннымъ, настоящимъ мученикомъ. Началось восхваленіе его, которому никто не смѣлъ противорѣчить. Пущено было въ ходъ все искусство іезуитское, чтобы окружить самовольнаго, неразумнаго мученика самою яркою славою. Тѣло его

вынуто было изъ Двины и поставлено въ соборной витебской церкви съ пышною торжественностию. Еще съ большею торжественностию отвезено въ Полоцкъ и погребено въ тамошней соборной церкви. Пошли рассказы о чудесахъ. Рассказывали на примѣръ, что когда убили Кунцевича и тѣло его лежало на площади, то надъ нимъ стало облако и видѣнъ былъ въ немъ свѣтъ—явленіе, какъ видимъ, очень пластичное для разныхъ объясненій. Рассказывали, что явившійся на Двинѣ свѣтъ указалъ мѣсто, куда было брошено тѣло Кунцевича, между тѣмъ какъ нельзя вѣрить, чтобы никто изъ оставшихся въ Витебскѣ уніатовъ не наблюдалъ издали, куда бросали тѣло ихъ епископа. Рассказывали еще, что когда пришлось облачать въ ризы тѣло Кунцевича вынутое изъ воды, то побѣжавшіе за ризами въ соборную церковь никакъ не могли отпереть сундука, въ которомъ онъ лежали. Пришлось взять сундукъ и несть къ рѣкѣ. Несущіе въ торопяхъ уронили сундукъ; онъ разбился и оттуда выпали сосуды церковные и будто бы всѣ растановились въ томъ положеніи и порядкѣ, какъ стоятъ обыкновенно на престолѣ. Сейчас же оказалось, что по этому мѣсту убійцы тащили прежде тѣло Кунцевича и что здѣсь именно осталась кровь его. — Для большаго эффекта говорили, что сперва выпала чаша и стала какъ слѣдуетъ (очень вѣроятно и естественно), за тѣмъ дискось и другія вещи, — эффектъ самъ за себя говоритъ. Въ припадкѣ усердія чтители новаго мученика дошли до того, что указывали, какъ на чудо, на то, что изъ Витебска далеко вышли провожать тѣло Кунцевича сами православные, протестанты, татары и жидаы, — чудо, какихъ совер-

шается безъ счету въ исторіи торжествъ и церемоній и къ которымъ нѣтъ ничего легче прибавлять умиленіе собравшагося народа, слезы, рыданія и тому подобныя вещи, что и прибавляютъ уніятскіе писатели, говоря о Кунцевичѣ (196). Въ такомъ ли родѣ были всѣ остальные чудеса Кунцевича или нѣтъ, — не считаемъ нужнымъ входить въ разсужденія. Намъ это не нужно. Кунцевича мы знаемъ и безъ этого. Коснулись же мы этого предмета съ особою дѣлюю. Для насъ эти чудеса важны собственно въ томъ отношеніи, что такое усиленное дѣйствованіе на воображеніе народа, въ такую трагическую минуту, когда даже закоренѣлые враги Кунцевича способны были чувствовать состраданіе къ этому несчастному, не могло обойтись безъ важныхъ послѣдствій. За нимъ очень часто и легко слѣдовало убѣжденіе въ святости Кунцевича и истинности уніи. Такимъ образомъ, и съ этой стороны православные получали удары, которые были тѣмъ чувствительнѣе, что уніаты сейчасъ же подвели эти случаи совращенія православныхъ въ унію подъ то правило или положеніе христіанской Церкви, что кровь мучениковъ всегда бываетъ плодоносна, и православные изъ боязни новыхъ бѣдъ не осмѣливались обличать открыто и свободно восторговъ и манифестацій латинянъ и уніатовъ. Словомъ, православные теперь были подавлены и нравственно и физически. Хуже этого положенія, казалось, не могло быть; но за тѣмъ слѣдовало дѣйствительно еще хуже положеніе отъ измѣны православію Мелетія Смотрицкаго, — событіе, стоящее опять самаго подробнаго изслѣдованія; потому что въ немъ каждое явленіе, каждая черта отражаетъ, какъ

въ зеркалѣ настроеніе православныхъ и уніатовъ и дѣйствительный ходъ исторіи уніи. Эти соображенія побуждаютъ насъ еще разъ сдѣлать отступленіе отъ изложенія общей исторіи уніи къ монографіи-очерку жизни одного лица.

МЕЛЕТІЙ СМОТРИЦКІЙ.

Мелетій (въ мірѣ Максимъ) Смотрицкій или (какъ онъ самъ подписывался) Смотжитскій родился (1578 или 1579 г.) въ аристократическомъ и самомъ образованномъ по тому времени кругу православномъ. Отецъ его — Герасимъ Смотрицкій (прежде вице-капитанъ Каменца Подольскаго) былъ ректоромъ училища, основаннаго въ Острогѣ Константиномъ Острожскимъ (197). Здѣсь молодой Максимъ получилъ первоначальное образованіе ближайшимъ образомъ у Кирила Лукариса, въ послѣдствіи константинопольскаго патріарха (198). Въ послѣднихъ годахъ XVI столѣтія отецъ Максима умеръ и онъ остался на попеченіи князя Острожскаго. Князь оцѣнилъ блестящія способности молодого Максима и рѣшился дать ему самое широкое образованіе, конечно, съ тою цѣлю, чтобы приготовить въ немъ будущаго защитника православія, подобно Клирику Острожскому и другимъ. Такой цѣли въ то время достигали тѣмъ, что обыкновенно отправляли способнѣйшихъ молодыхъ людей за границу. Впрочемъ, это слово — за границу имѣло тогда различное значеніе для людей разныхъ сословій. Юноши — аристократы отправлялись дѣйствительно за границу въ нынѣшнемъ значеніи этого слова; но молодые люди менѣе богатые шло въ словомъ за границу разумѣли Польшу и даже центръ Литвы — яснѣе

сказать — литовско-польскія іезуитскія академіи, куда отправлялись довершать свое образованіе. Станнымъ можетъ показаться такое предпочтеніе іезуитскимъ школамъ, — особенно со стороны православныхъ. Но тогда іезуиты уже успѣли отуманить умы современниковъ всѣхъ вѣроисповѣданій и убѣдить ихъ, что іезуитское образованіе — лучшее средство приготовить искушенныхъ борцовъ на поприщѣ религіозной полемики. Этою-то дорогою и повели Смотрицкаго. Въ 1601 г. онъ отправленъ былъ въ виленскую іезуитскую академію, въ которую тогда еще принимали всякаго, не требуя принятія латинства. Тутъ двадцатилѣтній молодой человѣкъ подвергся всѣмъ утонченностямъ іезуитскаго искусства вселять въ душу человѣка латинскія убѣжденія и вскорѣ обнаружилось, что не такъ легко, какъ думали православные, похитить у іезуитовъ тайну религіозной борьбы безъ расплаты своими убѣжденіями, — Смотрицкій сталъ усвоить себѣ убѣжденія латинскія и безъ всякаго сомнѣнія онъ теперь же пропалъ бы для православія, если бы обстоятельства не дали живой пищи для его необычайной, истинно женственной восприимчивости. Сынъ князя Соломерецкаго отправлялся тогда дѣйствительно за границу для довершенія своего образованія. Къ нему взяли Смотрицкаго въ товарищи. Это путешествіе за границу, пребываніе въ разныхъ университетахъ, какъ на примѣръ въ Лейпцигскомъ и Нюрнбергскомъ отрезвили голову Смотрицкаго отъ іезуитскаго чаду (199). Протестанство открыло ему слабыя стороны латинства, которыхъ онъ не замѣчалъ или не уяснилъ себѣ надлежащимъ образомъ. Здѣсь, какъ видно изъ дальнѣйшихъ дѣйствій Смотрицкаго, въ особен-

ности поразило его живое, самодѣтельное участіе протестантскаго народа въ дѣлахъ вѣры, совершенно противоположное рабскому подчиненію его вѣрѣ въ латинскихъ обществахъ, и тѣмъ болѣе въ кругу иезуитовъ. Это дало рѣшительный переворотъ мыслямъ и дѣятельности Смотрицкаго. Онъ увидѣлъ, что и на родинѣ его есть подобная, хотя и отличная отъ протестанства, сила народной вѣры — сила выражавшаяся такъ рѣзко и могущественно въ то время. Около 1610 года онъ возвратился изъ за границы и нѣкоторое время жилъ въ Минскѣ у Соломерецкихъ. Уніятскій митрополитъ тогдашній, Іосифъ Рутскій завязалъ было съ нимъ знакомство и пытался переманить въ унію, но совершенно безуспѣшно (200). Теперь всѣ мысли и чувства Смотрицкаго привязаны были къ православнымъ. Борьба этихъ людей съ уніятами и латинянами за вѣру, борьба ежедневная, кипучая, стоявшая имъ многихъ выгодъ жизни, многихъ слезъ и не рѣдко крови — взволновала поэтическую, симпатическую душу молодаго ученаго. Онъ сталъ сближаться съ этими людьми, утѣшалъ ихъ, наставлялъ, и плодомъ этихъ первоначальныхъ сношеній Мелетія съ православнымъ народомъ было знаменитое въ свое время его сочиненіе *Өрикось* — плачь восточной Церкви о бѣдствіи своихъ членовъ, въ особенности тѣхъ, которые падали подъ ихъ ударами и густыми массами шли въ вѣчную гибель, поражая и увлекая за собою прежнихъ своихъ братьевъ. Представленная имъ здѣсь картина положенія бѣдствующей православной Церкви во всѣхъ странахъ и положенія ересей такъ высока и поэтична, что многія ея части могутъ стать рядомъ съ краснорѣчивѣйшими сказаніями и проповѣдями

древнихъ писателей церковныхъ. Сейчасъ обнаружилось, куда поведетъ такое настроеніе автора. Самая книга его — *Өринось* отдана имъ виленскому братству и здѣсь напечатана. Вскорѣ и самъ *Смотричій* поселился въ виленскомъ братствѣ (1617 г.) — этомъ средоточіи борьбы православныхъ за вѣру (201).

Но можно жалѣть со всею справедливостію, что онъ поселился здѣсь, а не остался въ кругу аристократическомъ, — вдали отъ жизненной борьбы и тѣхъ людей, которые вели ее не словомъ только, но и самымъ дѣломъ. Онъ встрѣтился здѣсь, конечно, съ лучшими людьми западно-русской Церкви, но людьми большею частію простыми, незнающими утонченностей мысли, манеръ и жизни, — людьми притомъ слишкомъ самостоятельными и практическими, чтобы увлечься минутнымъ обаяніемъ и безусловно подчиниться самому свѣтлomu авторитету. Постоянное общеніе съ этими людьми въ толстыхъ блузахъ, совѣщанія въ простомъ домѣ, гдѣ рядомъ съ богатымъ аристократомъ садился и разсуждалъ бѣднѣйшій сапожникъ — не могли не производить тяжелого впечатлѣнія на мягкаго, утонченнаго *Смотричкаго*, проводившаго до сихъ поръ время въ великолѣпныхъ палацахъ, въ кругу аристократіи. Простая черствая жизнь стала теперь у него въ противорѣчіе съ аристократическою наукою. Пробудилась въ немъ память о виленскихъ знакомствахъ и симпатіяхъ. *Смотричій* возобновилъ ихъ и началъ устроить тайныя свиданія съ виленскими тропцкими базилианами и латинскими монахами (202) ихъ круга.

Былъ, впрочемъ и другой путь, которымъ онъ, пришелъ къ сближенію съ униитами и латинянами. Когда *Смотрич-*

кій вошелъ въ самую колею трудной жизни православныхъ, которою прежде такъ восхищался издали и когда поостыли его прежнія чувства, онъ увидѣлъ необходимость защищать православную истину серьезными, разумными данными науки. Данные эти онъ до сихъ поръ изучалъ въ наукѣ латинской или протестантской. Сильная впечатлительность переносила его то въ ту, то въ другую область, а когда пришлось дать отчетъ въ той и другой системѣ, т. е. въ наукѣ латинской и протестантской, то Смотрицкій обнаружилъ всю несостоятельность своей ученой подготовки и силы своего ума. Онъ пришелъ къ убѣжденію, что обѣ системы сильны, что истина сама по себѣ относительна, что все зависитъ здѣсь отъ желанія и умѣнія доказать. Захочетъ и съумѣетъ человекъ доказать одно, — и будетъ вѣрно; захочетъ и съумѣетъ доказать другое — и другое будетъ вѣрно. Въ сущности этотъ взглядъ Смотрицкаго сложился изъ обѣихъ половинъ образованія его — латинской и протестантской. Протестантская богословская наука, обрывающая столько незыблемыхъ основъ вѣры и однако возбуждающая безчисленное множество религиозныхъ вопросовъ, производитъ такое же безчисленное множество ихъ рѣшеній и уже для спасенія собственнаго принципа — безусловной свободы и возможности изслѣдованія вѣры — должна допустить долю основательности въ каждомъ рѣшеніи религиознаго вопроса и, слѣдовательно, ослаблять абсолютную вѣрность извѣстнаго рѣшенія. Но еще скорѣе и злѣе приводитъ къ тому же всякую нѣсколько свѣжую голову латинская система религиозной науки. Вся она основана на схоластикѣ, т. е. на произвольномъ, поверхностномъ соединеніи религіоз-

ныхъ данныхъ и на столь же поверхностномъ и механическомъ выводѣ изъ нихъ заключеній. Простыя и еще болѣе отупѣвшія головы рабски принимаютъ всю эту систему; но сколько нибудь свѣжія сейчасъ же замѣчаютъ, что тутъ широкое поле произволу и при первой возможности пользуются имъ и тѣмъ легче, чѣмъ больше въ нихъ сознанія собственныхъ умственныхъ силъ. Такъ это случилось и съ Смотрицкимъ. Увлеченный формами латинской и протестантской науки, и еще болѣе оболыщенный блескомъ собственныхъ дарованій, онъ пришелъ къ убѣжденію, что все можетъ доказать, и сдѣлалъ одинъ очень недостойный опытъ. Онъ писалъ трактатъ объ исхожденіи Св. Духа и попробовалъ доказать, что Духъ Святой исходитъ и отъ Сына. Проба эта очень понравилась ему, и онъ какъ бы для нагляднаго доказательства ея дѣльности послалъ этотъ трактатъ одному своему пріятелю (православному) на Вольту, и тотъ дѣйствительно убѣдился въ исхожденіи Св. Духа и отъ Сына (203). Что жъ это, спросять насъ вѣроятно наши читатели, это недостойнѣйшій фигляръ въ дѣлѣ религіозномъ, кощунникъ, не имѣющій ни капли вѣры въ своей душѣ, ни даже холоднаго уваженія къ ней? — Очень можетъ быть. Только въ исторіи уни много такихъ фигляровъ и кощунниковъ, которые однако дѣлались въ послѣдствіи людьми съ очень цѣльными убѣжденіями. Кого не портило тогда іезуитское образованіе и духъ іезуитскаго латинства! И порча эта была тѣмъ яснѣе и чудовищнѣе, чѣмъ зараженный ею былъ дальше и свободнѣе отъ непосредственнаго руководства іезуитовъ. Будь передъ глазами Мелетія Смотрицкаго цѣльная научная система вѣры православной, вооруженная

всѣми приѣмами западно-европейской науки, и онъ никогда бы не отступилъ отъ ней. Будь подлѣ него высокій ученый авторитетъ, православный и онъ опять былъ бы неизмѣненъ въ своихъ православныхъ убѣжденіяхъ, — словомъ, будь у него вѣрное, постоянное руководство вѣры, и онъ былъ бы хорошъ. Такъ поняло Мелетія и виленское братство, только употребило при этомъ не совсѣмъ хорошее средство. Когда эта шаткость Смотрицкаго обнаружилась, виленское братство призвало его въ свое собраніе, сдѣлало *solenniter frater-pam suggestivnem* (торжественное братское увѣщаніе) и предложило или вонъ идти изъ братства, или, отказавшись отъ всѣхъ латинскихъ связей, принять монашество и оставаться подъ строгимъ надзоромъ братства. Смотрицкій согласился на послѣднее и, безъ сомнѣнія, не потому, чтобы ему не куда было дѣваться, — Рутскій и іезуиты приняли бы его съ распростертыми объятіями, — а потому что эта энергичная мѣра братства произвела на него сильное впечатлѣніе и онъ почувствовалъ свою вину. Нашелся однако человекъ, который понялъ всю непрочность такой гарантіи вѣры Смотрицкаго и возсталъ противъ такого кощунства надъ обѣтами монашескими. Тогдашній архимандритъ братскаго св. духовскаго монастыря — извѣстный Леонтій Карповичъ отказывался постригать Смотрицкаго. Но къ сожалѣнію онъ не успѣлъ выдержать своего благороднаго взгляда (204), и Смотрицкій былъ постриженъ подъ именемъ Мелетія и, по свидѣтельству впрочемъ уніатскаго писателя, проводилъ жизнь очень смиренно и въ большихъ подвигахъ иночества (205). Дѣйствительно, въ немъ произошла теперь большая переменна, а вѣщ-

нія отличія и почести еще болѣе утвердили его въ православіи. Въ 1620 году онъ избранъ былъ архимандритомъ братскимъ послѣ Леонтія Карповича, и въ томъ же году, какъ намъ извѣстно, посвященъ былъ на архиепископію полоцкую, по избранію и предложенію виленскаго братства. Никакъ нельзя думать, что братство легкомысленно такъ возвысило Мелетія. Онъ дѣйствительно и горячо доказывалъ тогда свои православныя убѣжденія. Сочиненія, посланія въ полоцкую епископію сыпались изъ—подъ его пера и живо напоминали Фриносъ и лучшіе дни Мелетія. Но едва прошло нѣсколько лѣтъ этой славной дѣятельности, какъ Мелетію предстали новыя искушенія, новыя обстоятельства, глубоко потрясавшія его душу. Соперникъ Мелетія — Иосафатъ Кунцевичъ былъ убитъ, не безъ участія Мелетія, волновавшаго полоцкую епископію своими посланіями, и Мелетію опять пришлось стать лицомъ къ лицу съ тяжелою дѣйствительностію. Голосъ уніятскаго народа обвинялъ его въ смерти Кунцевича (206). Его проклиналъ уніятскій митрополитъ Іосифъ Рутскій (207), — удары довольно сильныя для такой хрупкой натуры. Правда, Мелетій жилъ теперь безопасно между казаками, даже нѣсколько руководилъ ими (208). Но, если ему трудно было ужиться съ виленскимъ братствомъ, то тѣмъ труднѣе было ладить съ казаками. Опять тяжело стало Смотрецкому, и онъ рѣшился уйти подальше отъ суровой жизни и людей. Онъ вспомнилъ давнюю дружбу Кирилла Лукариса и отправился на Востокъ (въ 1623 или 1624 г.) (209).

Но была у Мелетія и другая причина, вызвавшая это путешествіе. Мы говорили, что въ то время занималъ

многіе умы планъ примиренія между православными и уніятами. Смерть Кунцевича, конечно, разрушила и ту слабую вѣроятность его осуществленія, какая была до сихъ поръ, но, какъ видно, онъ не совсѣмъ потерялъ свою заманчивость для многихъ, особенно для уніатовъ. Примиреніе это, конечно, необходимо предполагало, что будутъ предварительно разрѣшены разные спорные вопросы между православными и уніятами: поэтому чувствовалась необходимость изслѣдовать эти спорные пункты. Мелетій, между тѣмъ, издавна занимался составленіемъ православнаго катехизиса. (210). Вотъ эти-то хлопоты о примиреніи православныхъ съ уніятами обратили теперь на себя вниманіе Смотрицкаго. Въ разрѣшеніи этихъ спорныхъ вопросовъ научнымъ путемъ, въ подготовкѣ основаній для предполагаемаго примиренія Мелетій увидѣлъ лучшее средство выйти снова на видное мѣсто и еще болѣе видное, чѣмъ прежде, ибо въ случаѣ успѣха онъ угодилъ бы и своимъ — православнымъ и чужимъ — уніатамъ. Сейчасъ же его впечатлительному, увлекающемуся уму представилось величіе этого дѣла — примиренія двухъ половинъ русскаго народа, столь давно и жестоко разъединеннаго. Это величайшее ослѣпленіе повело сейчасъ же къ другому. Отъ западной Россіи онъ обратилъ вниманіе на Востокъ и посмотрѣлъ на него столь же поверхностно. О Востокъ и въ особенности о константинопольскомъ тогдашнемъ патріархѣ Кириллѣ Лукарисѣ въ Литвѣ ходили самыя разнообразныя слухи. Извѣстно, что тогда на Востокъ сильно работали и іезуиты и протестанты. Мелетію почему-то показалось, что его уніонныя намѣренія встрѣтятъ полное сочувствіе въ Кириллѣ Лука-

рисѣ, и вотъ онъ принялъ намѣреніе поговорить съ нимъ о предполагаемомъ соединеніи православныхъ съ уніятами и надѣялся получить его согласіе. Съ этими-то цѣлями онъ и отправился на Востокъ (211).

Нельзя сказать навѣрное, какъ бесѣдовалъ Мелетій съ Лукарисомъ, потому что нельзя вѣрить тому, что рассказываетъ объ этомъ самъ Смотрицкій, но неоспоримо, что результатъ былъ неудачный. Мелетій увидѣлъ, что тутъ не можетъ быть ему поддержки и, постраствовавъ по Востоку, возвратился назадъ въ Литву, не выдавшись уже на возвратномъ пути съ Лукарисомъ. Такъ одна затѣя кончилась полнѣйшею неудачею, но она повлекла за собою сейчасъ же и другую. Еще на пути въ Константинополь Мелетій проговорился передъ своими спутниками о цѣли своего путешествія на Востокъ: спутники эти теперь разгласили тайну своего странника. Но еще прежде ихъ услужилъ ему одинъ изъ его пріятелей, извѣстный въ исторіи уніи перекидчикъ изъ одного вѣроисповѣданія въ другое—Дубенскій игуменъ Кассіанъ Саковичъ, совратившійся еще передъ тѣмъ въ унію. Онъ сталъ разглашать, что Мелетій повезъ на Востокъ пункты соединенія православныхъ съ уніятами и что оттуда онъ привезетъ согласіе на это соединеніе (212). Легко себѣ представить, какъ, нерадушно теперь всѣ встрѣтили Мелетія и не легко ему было теперь поселиться гдѣ либо покойно и прочно (213). Но ему необходимо было найти себѣ обезпеченное мѣсто, потому что средства его совершенно истощились во время долговременнаго путешествія. Онъ обратился къ князю Янушу Заславскому, потомку князей Острожскихъ, и тотъ предложилъ своему сыну

Александрѣ Заславскому предоставить Мелетію вакантный тогда Дерманскій монастырь. Не случись и теперь особенныхъ обстоятельствъ и очень вѣроятно, что Мелетій совершенно оставилъ бы свой планъ примиренія православныхъ съ уніятами и жилъ бы себѣ мирно въ Дерманскомъ монастырѣ, потому что не могъ онъ теперь не остыть въ своемъ усердіи къ выполнению этого плана послѣ двойной неудачи. Но вмѣсто Мелетія трудился въ этомъ дѣлѣ другой человекъ и удачно втолкнулъ Смотрицкаго въ свою колею.

Когда кончился терроръ надъ православными Бѣлоруссіи за убійство Кунцевича и когда православные этой страны, пораженные имъ, притихли, уніятскій митрополитъ Рутскій пришелъ къ убѣжденію, что теперь можно успокоиться на счетъ успѣховъ уніи въ этихъ странахъ и рѣшился обратить все вниманіе на югозападную Россію, по преимуществу на Волинь. Онъ самъ отправился сюда и прежде всего обратился съ воззваніемъ къ магнатамъ югозападной Россіи, чтобы они давали монастыри и приходы не иначе, какъ тѣмъ изъ православныхъ, которые согласятся принять унію. Ближайшимъ плодомъ этихъ усилій Рутскаго было обращеніе въ унію извѣстнаго толкователя Евангелія Транквилиона и упоминаемаго нами недавно Кассіана Саковича. Между тѣмъ, Рутскій узналъ, что Дерманскій монастырь отдастъ Смотрицкому. Рутскій немедленно отправился къ князю Александрѣ Заславскому и съ замѣчательною ловкостію убѣдилъ его отказать Смотрицкому, если тотъ не согласится принять уніи. Устроено было тайное свиданіе Рутскаго съ Смотрицкимъ у князя Заславскаго. Несомнѣнно, что Рутскій не зналъ о затѣ

Мелетія примирять православныхъ съ уніятами, несомнѣнно также и то, что Мелетій теперь колебался согласиться на предложеніе Рутскаго. Но ночь, употребленная Смотрицкимъ на размышленіе, рѣшила дѣло въ пользу уніи и Рутскаго. На утро два давніе врага примирились. Мелетій произнесъ и подписалъ уніятское исповѣданіе вѣры, получилъ разрѣшеніе, и вскорѣ все дѣло отправлено къ папѣ. Но Мелетій не просто совратился въ унію, а очень затѣйливо, — не даромъ онъ думалъ цѣлую ночь. Онъ предложилъ, чтобы, принявъ унію, никому не открывать этого, а оставаться наружно православнымъ епископомъ, даже поминать Константинопольскаго Патріарха и имѣть право посвящать священниковъ трехъ ближайшихъ епархій. Для чего же все это? Для избѣжанія скандала и личныхъ выгодъ? Нѣтъ, для болѣе широкихъ цѣлей. У него опять воскресъ планъ примиренія православныхъ съ уніятами, только теперь уже чисто іезуитскій. Онъ задумалъ скрываться для того, чтобы вмѣстѣ съ собою увлечь въ унію побольше людей. Ближайшими жертвами этого искуснаго обмана должны были быть воѣ, которыхъ думалъ Мелетій рукополагать съ этого времени, но и этого мало. Онъ задумалъ вовлечь въ это дѣло и высшую іерархію православную и взволновать всю западно-русскую и даже Восточную Церковь (214). Мы назвали бы этотъ новый планъ Мелетія величайшимъ безразсудствомъ, если бы теперь имѣли дѣло съ Мелетіемъ какого нибудь 1617 или даже 1620 года; но теперь мы имѣемъ дѣло съ пятидесяти-лѣтнимъ старикомъ, убѣленнымъ съѣдинами и извѣдавшимъ многое на своемъ

вѣку; повтому лучше назовемъ его планъ злостною, глубоко задуманною затѣею.

Вотъ, какъ началъ выполнять этотъ планъ Смотрицкій. Не смотря на всѣ щекотливости, онъ былъ очень близокъ съ православнымъ, западно-русскимъ митрополитомъ Ювомъ Борецкимъ и Петромъ Могилою, готовившимся тогда вступить въ монашество. Въ 1627 году нѣкоторые іерархи западно-русскіе составили соборъ въ Кіевѣ. Разсуждали здѣсь о благоустройствѣ западно-русской Церкви и, безъ всякаго сомнѣнія, о недавнихъ предложеніяхъ уніатовъ примириться съ ними, о несостоявшемся създѣ, назначенномъ для этого — въ прошедшемъ году въ Кобринѣ. На основаніи современныхъ свидѣтельствъ и самаго хода тогдашнихъ событій можно думать, что ни Ювъ Борецкій, ни Петръ Могила не чуждались сближенія съ уніатами. Но оба очень хорошо понимали, что безъ точнаго опредѣленія условій этого примиренія и безъ надлежащаго подготовленія къ тому народа нельзя ожидать никакого успѣха. Мелетій Смотрицкій предложилъ Юву Борецкому и Петру Могилѣ съѣхаться съ нимъ въ м. Гродекъ и пообстоятельнѣе переговорить обо всемъ этомъ. Собрались черезъ полгода послѣ этого собора, т. е., въ началѣ 1628 года. Здѣсь, по свидѣтельству Мелетія Смотрицкаго, который одинъ и говоритъ объ этомъ създѣ, Ювъ Борецкій и Петръ Могила поручили Смотрицкому написать разсужденіе о разностяхъ между православіемъ и уніею. Разсужденіе это предположено издать въ свѣтъ и, разчитывая на успѣшное его дѣйствіе, созвать въ томъ же 1628 году соборъ изъ духовныхъ и мірянъ православной западно-русской Церкви и на соборѣ постановить окончательное рѣше-

ніе (215). Само собою разумѣется, что ни Іовъ Борецкій, ни Петръ Могила ничего не знали объ измѣнѣ Смотрицкаго, а Смотрицкій, между тѣмъ, шелъ дальше и дальше путемъ коварства и самообольщенія. Онъ написалъ къ Рутскому, что нашелъ очень расположенными къ уніи Іова Борецкаго и Петра Могилу, и что они ему поручили написать планъ примиренія православныхъ съ уніятами. Фантазія Рутскаго и папскаго польскаго нунція разгорячилась еще болѣе, чѣмъ у Смотрицкаго. Они предложили ему послать и на Востокъ предложеніе объ уніи. Но Смотрицкій понялъ, что латиняне и уніаты хотятъ ужь слишкомъ многого. Онъ вѣжливымъ образомъ далъ понять, что это напрасныя хлопоты, на Востокѣ не примутъ уніи, и предложилъ другое дѣло болѣе злобное. Онъ вызвался написать къ константинопольскому патріарху Лукарису письмо съ разными вопросами о вѣрѣ, рассчитывая, что тотъ отвѣтитъ неправославно, и что это послужитъ прекраснымъ средствомъ порвать союзъ западно-русской Церкви съ константинопольскою и убѣдить народъ, что тамъ протестанство, а не православіе. Но покажѣсть, въ ожиданіи этого письма, Мелетій взялся выполнять порученіе, данное ему въ Гродекѣ (216). Настоящая измѣна его православію, свойственное ему увлеченіе, и отчасти своекорыстіе, побудили его дать совершенно другой видъ своему задуманному сочиненію. Онъ развилъ въ немъ чрезвычайно широко свою идею, какая, безъ всякаго сомнѣнія, чужда была и Іову Борецкому и Петру Могилѣ. Началъ онъ съ того, что взялся писать собственно апологію своего путешествія на Востокъ. Можно бы подумать, что перомъ Смотрицкаго здѣсь водило

чистое своекорыстіе, но нѣтъ! Съ нимъ онъ ловко соединилъ и несвоекорыстную цѣль. Онъ представилъ дѣло такъ, что издавна старался изучить православную вѣру, но встрѣчалъ къ тому большое препятствіе въ западно-русской Церкви, въ ея полемическихъ сочиненіяхъ, которыя будто бы переполнены ересью протестантскою и возбуждали всегда его недоумѣнія. Чтобы разрѣшить эти недоумѣнія, онъ отправился на Востокъ, но тамъ вездѣ находилъ и въ сочиненіяхъ, и въ разговорѣ патріарха Лукариса и въ сужденіяхъ другихъ іерарховъ и народа, словомъ, вездѣ и во всѣхъ ересь протестантскую. Это привело его къ тому убѣжденію, что православная вѣра вездѣ погибла и сохранилась только въ латинской Церкви. Послѣ всего этого, онъ перебираетъ разности западно-русской Церкви отъ латинской, и вездѣ доказываетъ истинность латинства. Въ заключеніе, убѣждаетъ православный народъ отвергнуть протестантство и принять латинство (217). Намъ теперь очень понятно, какимъ образомъ сплелась въ головѣ Смотрицкаго такая нить мыслей и насколько она вѣрна; но не на этомъ мы думаемъ остановиться, а на томъ, какъ ловко связаны были эти мысли, и какъ ловко примѣнены имъ.

На трехъ неоспоримыхъ данныхъ основалъ Мелетій Смотрицкій эту новую свою теорію. Во первыхъ. Мнѣніе о распространеніи протестантства на Востокъ очень было сильно тогда, какъ въ западной Европѣ, такъ и въ Польшѣ и въ западной Россіи. Во-вторыхъ. Здѣсь въ западной Россіи ловчѣе, чѣмъ гдѣ либо, можно было воспользоваться этимъ мнѣніемъ, во вредъ православію. Здѣсь, съ первыхъ временъ уніи, усилившееся

вліяніе мірянъ на дѣла церковныя обнаружило не мало особенностей протестантскихъ, не говоря уже о разныхъ попыткахъ православныхъ сблизиться съ протестантами, о чемъ мы говорили въ свое время. Особенно рѣзко могли теперь выступить наружу разные протестантскія мнѣнія западно-русскихъ писателей первыхъ временъ уніи, которые, сгоряча опровергая латинство, впадали въ протестантскую крайность. Пока не было въ западно-русской Церкви высшей іерархіи, т. е. до 1620 года, это всестороннее участіе мірянъ въ дѣлахъ вѣры и эти протестантскія мнѣнія ихъ не такъ были видны и указанія на нихъ уніатовъ и латицианъ не много обращали на себя вниманія православныхъ. Но совсѣмъ другое вышло, когда восстановлена была западно-русская іерархія. Тогда естественно должно было уясниться сознаніе о протестантскихъ особенностяхъ мірскаго участія въ дѣлахъ вѣры и протестантскихъ мнѣніяхъ, и возникла нужда установить другой порядокъ религиозной жизни и утвердить твердыя начала православной вѣры, т. е. всестороннее участіе мірянъ въ дѣлахъ вѣры, въ особенности братства должны были потерять часть своей самостоятельности и любимые, прославляемые народомъ до сихъ поръ, писатели должны были потерять свое обаяніе. Къ этому, въ третьихъ, мало по малу присоединилось желаніе, очень странное на первый взглядъ, но очень естественное въ тогдашнее трудное время западно-русской Церкви. Такъ какъ наука православная въ западной Россіи мало еще была развита, а вліяніе Греціи въ слѣдствіе политическихъ обстоятельствъ, ослабѣло, то передовыя лица западно-русской Церкви, подобно Мелетію Смотрицкому, пользовались въ своихъ

ученныхъ трудахъ двумя иновѣрными богословскими науками — протестантскою или латинскою, и какъ скоро одна оказывалась несостоятельною, то они обращались къ другой. Несостоятельность протестантской науки ко временамъ Мелетія Смолитцаго уяснилась достаточно: отсюда возникло желаніе держаться ближе къ наукѣ латинской, а отсюда иные шли далѣе и въ нихъ рождалось намѣреніе — сблизиться дѣйствительно и во всемъ съ латинствомъ. Вотъ, почему всѣ планы примиренія уніатовъ съ православными имѣли свой смыслъ, и вотъ почему новая теорія этого сближенія, задуманная теперь Смолитцемъ, могла имѣть значительный успѣхъ.

Самъ Смолитцкій, не смотря на свой пожилой вѣкъ, воспыдалъ юношескимъ восторгомъ отъ этой теоріи, поспѣшилъ сдѣлать два списка своей апологіи путешествія на Востокъ и, отправивъ одинъ на русскомъ языкѣ къ Іову Борецкому и Петру Могилѣ (218), а другой черезъ Кассіана Саковича къ Рутскому для пересмотра, перевода на польскій языкъ и напечатанія (219), съ нетерпѣніемъ ожидалъ результатовъ. Но вышло совсѣмъ иначе, чѣмъ ожидалъ Мелетій Смолитцкій. Исаія Копинскій, православный епископъ Перемышльскій, пребывавшій въ то время въ областяхъ казацкихъ, строгій ревнитель чистоты православія и противникъ всякаго примиренія православныхъ съ уніатами, узналъ о замыслахъ Мелетія, и окружкомъ посланіемъ предостерегъ православныхъ отъ готовящейся опасности (220). Легко поэтому понять, какъ враждебно посмотрѣли теперь Іовъ Борецкій и Петръ Могила на присланную имъ тетрадь Смолитцаго. Но боясь, вѣроятно, какой либо выходки со стороны его, не сказали ему объ ней

своего рѣшительнаго мнѣнія и только отвѣтили, что пересмотрятъ ее (221). Обольщеніе Смотрицкаго, такимъ образомъ, не было разрушено. Онъ мало также обратилъ вниманія и на дѣйствія Исаи Копинскаго. Между тѣмъ, Смотрицкій введенъ былъ въ заблужденіе и съ другой стороны. Другъ его Кассіанъ Саковичъ, переводя апологію на польскій языкъ, усилилъ по мѣстамъ уніятскія мысли автора, митрополитъ Рутскій еще прибавилъ кое что отъ себя; затѣмъ, Саковичъ не дожидаясь, чѣмъ дѣло кончится въ Кіевѣ, послалъ переводъ печатать (222). Не предполагая ничего подобнаго т. е. искаженія и выпуска въ свѣтъ своего сочиненія, Смотрицкій отправился къ назначенному сроку на объявленный за-благовременно соборъ въ Кіевѣ, безъ сомнѣнія, съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ на счетъ судьбы своей апологіи, но незная вовсе того, что его здѣсь ожидало.

Мечты Смотрицкаго начали разрушаться, какъ только онъ сталъ вѣзжать въ Кіевъ. Здѣсь уже очень хорошо извѣстна была его апологія, получены были даже свѣжіе листы ея изъ Львова. Народъ готовъ былъ излить свое негодованіе на всякаго, кто бы подалъ подозрѣніе, что имѣетъ общеніе съ нимъ. Между тѣмъ, Смотрицкій, ничего не зная, направился къ Печерской лаврѣ къ Петру Могилѣ. Но ему объявили, что его не велѣно пускать сюда, а приказано отправляться въ Михайловскій монастырь. Едва Смотрицкій прибылъ туда, какъ явилась къ нему депутація отъ собора православнаго съ вопросомъ — стоитъ ли онъ при своей еретической апологіи или нѣтъ? Смотрицкій понялъ теперь, что попалъ въ большое затрудненіе, впрочемъ не терялъ надежды уладить его и обратился къ собору съ просьбою допу-

стить его для личнаго объясненія (223). Но сейчасъ же обнаружилось, что эта надежда совершенно напрасна. Слуги и близкіе люди приносили Смотрицкому самыя тревожныя извѣстія о настроеніи народа, въ особенности казаковъ, которые безцеремонно объявляли, что измѣнникъ вѣрѣ и друзья его очень легко могутъ напиться Славуты, т. е. будутъ утоплены. Затѣмъ явилась и депутація отъ казаковъ съ укоромъ и увѣщаніемъ Мелетію. Смотрицкій съ ироніею отзывается о своемъ положеніи передъ казаками, которые читали ему уроки назиданія. Но мы въ приведенныхъ же имъ словахъ казаковъ находимъ очень серьезную мысль, какъ ни жестка она. Кровію нашею, говорили они, стязали мы эту святыню (вѣроятно разумѣлась Кіево-Печерская лавра, не давно отнятая у уніатовъ), кровію заплатитъ и всякій, посрамляющій её. Не кончилась еще эта пытка Смотрицкаго, какъ прибыли нѣкоторые члены собора съ предсѣдателемъ его Борецкимъ и, не вступая съ Мелетіемъ въ длинныя разсужденія объ его апологіи, предложили ему слѣдующіе пункты для подписи — отказаться отъ апологіи торжественно; не писать ничего и ничѣмъ не возмущать православной Церкви и остаться навсегда въ Кіевѣ. Смотрицкій опять просилъ допустить его на соборъ и тамъ общимъ совѣтомъ разобрать дѣло, не разглашая его. Члены собора отказали ему въ этомъ, по очень понятной причинѣ и оставили на письмѣ свои пункты. Мелетій поправилъ ихъ т. е. смягчилъ выраженія и съ этими измѣненными пунктами отправился во всеобщую въ Печерскій монастырь наканунѣ Успенія, рассчитывая, вѣроятно, что въ Церкви члены собора будутъ къ нему болѣе снисходительны и, можетъ быть,

согласятся замять все дѣло. Но опять жестоко ошибен въ своемъ расчетѣ. Едва онъ явился въ Церковь, какъ поднялось сильное смятеніе въ народѣ, а члены собора были еще менѣе сговорчивы. Мелетій тогда будто бы сказалъ, что соглашается на все невольно, и подписалъ свои исправленные пункты. Волненіе утихло, а на слѣдующее утро совершена была замѣчательная церемонія въ Кіево-печерской Церкви. Митрополитъ, епископы и въ числѣ ихъ Мелетій соборно совершали литургію. Послѣ евангелія всѣ вышли на амвонъ. Розданы были всѣмъ зажженные свѣчи и листы апологіи Смотрицкаго. Намѣстникъ Смотрицкаго по виленской архимандріи взошелъ на кафедру (kathedra) и прочиталъ отреченіе Мелетія отъ апологіи. Митрополитъ Іовъ произнесъ проклятіе на это сочиненіе и на Кассіана Саковича и тутъ же вмѣстѣ съ другими разорвалъ листы апологіи и потушилъ свѣчу. Рвалъ листы и тушилъ свѣчу также и Смотрицкій (224).

Совершилось новое превращеніе Смотрицкаго, впрочемъ, дѣйствительно наружное, вынужденное. Но какъ однако Мелетій допустилъ такое посрамленіе? Какъ въ немъ не достало духу принести себя въ жертву своимъ убѣжденіямъ? Трудно доискаться дѣйствительныхъ причинъ этой слабости. Самая простая и вѣрная — это страхъ, свойственное Мелетию малодушіе вблизи дѣйствительной опасности. Но выше всякаго сомнѣнія, что искреннее убѣжденіе въ своихъ заблужденіяхъ и искреннее желаніе быть православнымъ не имѣли здѣсь мѣста. Въ самомъ скоромъ времени, едва ли не черезъ нѣсколько дней послѣ собора, Смотрицкій бѣжалъ изъ Кіева въ Дерманскій монастырь и сдѣлался еще болѣе

рными уніагомъ, воодушевляясь теперь, конечно, больше злобою противъ православныхъ и желаніемъ мести за свое униженіе, нежели дѣйствительнымъ убѣжденіемъ въ истинности уніи и латинства.

Такъ какъ эти превращенія Смотрицкаго слѣдовали быстро одно за другимъ; то, кажется, оба враждебные лагеря — православные и латинствующіе узнали въ одно и то же время, что имъ измѣнилъ онъ. По всему видно, что недоумѣіе латинянъ и уніатовъ было очень велико. Весь планъ ихъ соединить православныхъ съ уніятами — планъ такъ искусно задуманный и такъ заботливо взлелѣанный, теперь обнаружился и разрушился. Но какъ отнестись отъ него, какъ было сознаться предъ всѣми, что ими было задумано гнусное дѣло? Уніаты въ такомъ случаѣ обыкновенно поступали такъ, что начинали дѣйствовать совершенно открыто, облекая тѣ же дѣйствія въ формы видимо-строгой законности и искренности. Такъ они поступили и теперь. Хотя всѣмъ имъ было ясно, болѣе чѣмъ когда либо, что православные теперь ни за что не захотятъ мириться съ ними, тѣмъ не менѣе они въ 1629 году, т. е. въ слѣдующемъ же году, испросили у короля дозволеніе составить во Львовѣ соборъ, для примиренія православныхъ съ уніятами. Въ двадцатыхъ числахъ октября 1629 года въ предмѣстьи Львова начали появляться экипажи уніятскихъ духовныхъ властей, которыя тутъ же останавливались и поджидали другихъ. Затѣмъ всѣ вмѣстѣ торжественно двинулись въ городъ. Эта пустая торжественность вскорѣ превратилась въ серьезную — религіозную торжественность. Уніятскія власти начали совершать службы то въ уніятскихъ

церквахъ, то въ костелахъ, и на одной изъ такихъ службъ іезуитъ Бембусъ сказалъ длинную, напыщенную проповѣдь о соединеніи церкви и съ убѣжденіемъ православнымъ пристать къ униі. Можно было подумать, что въ самомъ дѣлѣ тутъ затѣвается что-то серьезное, тѣмъ болѣе, что однажды, при выходѣ Рутскаго изъ одной православной церкви, куда онъ пришелъ, вѣроятно, подъ предлогомъ осмотрѣть это вновь построенное зданіе, латиняне стали кричать: «zgoda, zgoda, unia!» (примиреніе, примиреніе, униа!). Между тѣмъ, на дѣлѣ не было тутъ ничего серьезнаго, ни малѣйшихъ задатковъ униі. Здѣсь не было ни одного православнаго епископа, не устроилось ни одного серьезнаго совѣщанія съ православными. Разыгрывалась просто комедія и вотъ какимъ образомъ. Православные очень хорошо знали, что отъ этого сѣзда не могло быть никакого толку, но имъ не хотѣлось навлечь на себя гнѣвъ короля, если они, по его приглашенію, не явятся совсѣмъ на соборъ, имъ предписанный. Поэтому, собравшись сами въ Кіевъ, они отправили на этотъ соборъ только нѣкоторыхъ свѣтскихъ и духовныхъ членовъ братства (225). Такъ, на примѣръ, сюда прибыли князь Пузына и Лаврентій Древинскій. Уже одно имя этихъ людей достаточно ясно говорило, что никакого успѣха въ совѣщаніяхъ быть не можетъ. Но и эти люди сочли нужнымъ, по извѣстнымъ уже намъ побужденіямъ, показать видимые признаки охоты къ сближенію съ униатами. Вотъ почему они допустили Рутскому войти въ православную церковь и сказать имъ нѣскольکو словъ. Вотъ почему они даже пригласили Рутскаго и его братію въ домъ братскаго священника и угостили ихъ. Но

и сквозь эту миролюбивую оболочку пробилась жельчь у православных на унию и униатовъ. Колкими остро-тами приправлена была бесѣда ихъ съ Рутскимъ въ домѣ братскаго священника. Обнаружилось наконецъ дѣйствительное настроеніе и униатовъ съ латинянами. После всѣхъ вѣжливостей, миролюбивыхъ встрѣчь, угощеній и дружескихъ прощаній, іезуитъ Бембусъ открыто уже проклиналъ православныхъ съ каеэдры, а униаты протестовали противъ нихъ и при послѣднемъ свиданіи съ ними сами отказались отъ всякихъ дальнѣйшихъ сношеній по дѣлу взаимнаго примиренія. Такимъ образомъ, униатамъ не удалось ни выдержать логичность своихъ дѣйствій, ни привлечь открыто въ унию людей съ настроеніемъ Смотрицкаго, на которыхъ они, безъ сомнѣнія, много рассчитывали и что составляло единственно серьезную сторону львовскаго съѣзда (226).

Но мы впали бы въ большое заблужденіе, если бы думали, что дѣйствія Мелетія Смотрицкаго, вызвавшія этотъ безползательный съѣздъ, не имѣли въ другихъ отношеніяхъ важныхъ послѣдствій. Не только униатскіе писатели, но и православные говорятъ, что вслѣдъ за Мелетіемъ многіе обратились изъ православія въ унию (227). Что же именно увлекало ихъ? — вопросъ, по нашему мнѣнію, очень серьезный въ исторіи униі. Что совратился въ унию высшій членъ западно-русской іерархіи — архіепископъ, — это не многихъ увлекало за нимъ; потому что въ западно-русской Церкви многіе архіереи измѣняли своей вѣрѣ и народъ довольно уже привыкъ къ подобнымъ явленіямъ. Съ другой стороны, народъ этотъ былъ слишкомъ самостоятеленъ въ своихъ религіозныхъ убѣжденіяхъ. Гораздо важнѣе въ

этомъ отношеніи были личныя особенности Мелетія, независимо отъ его сана. Мелетій былъ связанъ узами дружбы и знакомства съ очень многими людьми: всѣ эти друзья и знакомые, безъ сомнѣнія, глубоко теперь призадумались надъ его превращеніями. Но, что еще важнѣе, Мелетій былъ лучшимъ руководителемъ всего православнаго литовско-русскаго народа. Густыя массы этого народа схватывали каждое его слово и шли немедленно по его указанію. Многие изъ этихъ людей принесли при этомъ много жертвъ, — заплатились гражданскими преимуществами, достоинствомъ и свободой, и вотъ всѣ они теперь узнали, что ихъ руководитель отказался отъ своихъ убѣжденій, отъ своего дѣла и громко провозглашаетъ и кается, что самъ заблуждался и другихъ вводилъ въ заблужденіе. Конечно, это признаніе много теряло своей силы отъ того, что случилось съ Мелетіемъ въ Кіевѣ, но Мелетій не молчалъ и объ этомъ дѣлѣ, а со всѣми подробностями описалъ кіевскій соборъ съ своей точки зрѣнія и пустилъ это сочиненіе (Protestatio) по всей Литвѣ. Не отвергаемъ, что и этотъ его рассказъ справедливо былъ заподозрѣваемъ, тѣмъ болѣе, что противъ него было издано отъ православной іерархіи описаніе кіевского собора, но нельзя было не убѣдиться во многомъ, что говорилъ Смотрницкій и объ чемъ умалчивало православное описаніе кіевского собора и другія полемическія сочиненія, написанныя противъ Смотрницкаго. Но, что еще болѣе важно, такъ это тѣ взгляды, которыя теперь развивалъ Мелетій касательно всей западно-русской Церкви. Мы ихъ уже излагали. Здѣсь мы только сформируемъ ихъ въ той точности, какою имъ придалъ въ это время Смотрницкій.

Онъ сталъ развивать свою прежнюю мысль, что наука богословская западно-русской Церкви, всѣ сочиненія ея писателей страдаютъ протестантствомъ. Православные обличили преувеличеніе Смотрицкаго, но они допустили основную его мысль, осудили поименованныхъ имъ писателей, и на томъ же кievскомъ соборѣ 1628 года постановлено было, чтобы безъ духовной цензуры никто не издавалъ сочиненій, касающихся вѣры (228). Затѣмъ переходя отъ науки къ жизни, Смотрицкій доказывалъ, что выраженіемъ здѣсь протестантства служать — низшее духовенство, распоряжающееся дѣлами церковными во вредъ власти епископской и въ особенности братства (229). Между братствами главное вниманіе его обратило на себя братство виленское, и онъ написалъ объ немъ цѣлое сочиненіе (*Ragapensis*), въ которомъ старается собрать всѣ щекотливыя стороны и увлечь его за собою въ унию (230). Обвиненія его крайне преувеличены, но неоспоримо, что они производили сильное впечатлѣніе. На нихъ не послѣдовало отвѣта, но, кромѣ того, всѣ видѣли, что теперь западно-русская Церковь въ лицѣ Петра Могилы занялась новымъ устройствомъ братствъ на юго-западѣ Россіи, въ болшей зависимости отъ іерархіи. Какъ бы то впрочемъ ни было, но неоспоримо, что, со временъ послѣдняго совращенія Смотрицкаго, виленское братство болѣе и болѣе теряло свое значеніе.

Уніятскіе и латинскіе писатели говорятъ, что православные такъ возненавидѣли Мелетія, что въ 1633 году подослали къ нему отравителя, который будто бы и отравилъ его. Мы можемъ не принимать этого извѣстія потому именно, что оно приурочено къ 1633 году. Те-

перь Смотрицкій много потерялъ изъ своего прежняго значенія и мало уже былъ опасенъ православнымъ. За годъ до его смерти умеръ Сигизмундъ III, и событія уніи съ шумомъ устремились по другому направленію, при чемъ личность Смотрицкаго совершенно терялась изъ виду, хотя и нельзя сказать, чтобы выработанные имъ взгляды не оставили никакихъ слѣдовъ.

II.

ВРЕМЕНА УНИИ ОТЪ СМЕРТИ СИГИЗМУНДА III ДО ПРИСОЕДИНЕНІЯ КЪ РОССІИ МАЛОРОССІИ. — ВОЗСТАНОВЛЕНІЕ ПРАВЪ ПРАВОСЛАВНОЙ ЗАПАДНО-РУССКОЙ ЦЕРКВИ.

Сорокъ пять лѣтъ царствовалъ Сигизмундъ III, и во все это время служилъ интересамъ латинства съ изумительною вѣрностію и усердіемъ. Сорокъ пять лѣтъ доказывалось, что единство вѣры, въ смыслѣ латинянъ, составляетъ первѣйшую цѣль литовско-польскаго государства и что отъ достиженія этой цѣли оно должно ожидать себѣ всѣхъ благъ. Цѣль эта однако и въ сорокъ пять лѣтъ не была достигнута. Иновѣрцевъ къ концу царствованія Сигизмунда, конечно, было меньше, но это уменьшеніе куплено было слишкомъ дорогою цѣною и не обѣщало въ будущемъ ничего добраго. Швеція и Россія, на соединеніе которыхъ съ собою сильно рассчитывала Польша, отшатнулись отъ нее еще больше прежнего, благодаря прежде всего неумолимому фанатизму Сигизмунда. За тѣмъ и въ тѣхъ областяхъ, которыя составляли литовско-польское государство, то тамъ, то здѣсь пробивалась мысль объ отторженіи отъ Польши и подчиненіи одному изъ сосѣднихъ правительствъ (въ Пруссіи, Ливоніи, въ Бѣлороссіи и Малороссіи), вслѣд-

ствіе чего Швеція, Россія и Турція всегда имѣли предлогъ къ успѣшной войнѣ съ Польшею. Сами поляки не разъ раздѣляли эту мысль, только они думали не предаваться другому государству, а Сигизмунда изгнать изъ Польши вмѣстѣ съ іезуитами (въ 1593 и 1607 г.).

Но эти видимыя, осязательныя бѣдствія литовско-польскаго государства отъ фанатизма Сигизмунда еще малы въ сравненіи съ тѣми бѣдствіями, которыя скрылись внутри и не легко могли быть подмѣнены и исправлены заблаговременно. Латинскій фанатизмъ Сигизмунда, основанный на величайшемъ произволѣ, внесъ страшный деспотизмъ въ конституціонное государство и раздѣлилъ его, и безъ того склонное къ разрушенію, на двѣ враждебныя, но совершенно равно деспотичныя половины. Одни—іезуитской партіи, благоговѣли предъ величіемъ королевской власти и возненавидѣли всю дущою польскихъ республиканцевъ, а республиканцы потеряли теперь и остатокъ своего уваженія къ королевской власти и дошли до убѣжденія, что противленіе ей—долгъ гражданина. А такъ даже первые, слѣдуя іезуитскимъ началамъ не были равноборчивы въ средствахъ; то и послѣдніе съ отчаянія бросились по тому же пути. Въ общей сложности у тѣхъ и другихъ сталъ выходить вездѣ произволъ, деспотизмъ, при чемъ естественно господство матеріальной силы стало закономъ, правомъ, а недостатокъ этой силы обязанностію подчиниться. Но мало было для Польши и этого бѣдствія. Православные западно-русскіе, всегда отличавшіеся глубокимъ уваженіемъ и покорностію къ королямъ, стали, вслѣдствіе фанатизма Сигизмундова, переходить на сторону республиканской партіи, а король, видя все таки въ право-

славныхъ большую покорность себѣ, по неволѣ склонился на ихъ сторону, въ особенности на сторону папства, и такимъ образомъ и самъ былъ въ противорѣчій съ своими основными религіозными цѣлями и, что еще важнѣе, плалъ сѣмя раздора между русскими своими подданными и польскими. Такимъ образомъ, король враждовалъ съ своими подданными изъ-за религіозныхъ и гражданскихъ началъ жизни, и подданные при немъ враждовали между собою больше, чѣмъ когда либо, и въ религіозныхъ и гражданскихъ дѣлахъ. Общій результатъ царствованія Сигизмунда кратко можно выразить такъ: государство потеряло много земель и оставшіеся въ немъ граждане едѣвались хуже. Въ религіозныхъ дѣлахъ латиняне увеличивались въ числѣ, а иновѣрцы уменьшались; но увеличившіеся латиняне испорчены были іезуитами — стали дурными латинянами, между тѣмъ, какъ уменьшившіеся иновѣрцы стали крѣпче въ своихъ убѣжденіяхъ, тверже, т. е. лучше, чѣмъ прежде.

Сорокъ пять лѣтъ, мы сказали, продолжался такой гибельный порядокъ: въ эти сорокъ пять лѣтъ нельзя было не понять, хоть на половину, неизлечимую гибель такой жизни. Сознаніе всего этого, дѣйствительно, было у многихъ людей и высказалось, какъ сейчасъ увидимъ, со всею ясностію, немедленно послѣ смерти Сигизмунда. Уяснена была именно та главная причина, отъ которой произошло все зло, т. е. что гибельно слитіе интересовъ государства съ интересами латинства. Но, при глубокомъ благочестіи польскаго народа и при всеобщемъ въ то время господствѣ іезуитовъ, нельзя было прямо и рѣшительно напасть вообще на іезуитское латинство, Польши. Поэтому лучшіе люди того времени

и во главѣ ихъ самъ избравшій король Владиславъ напали на очевидное, богатое доказательствами, обнаруженіе іезуитства — на унию. Нападки эти имѣли всѣ признаки безпристрастія и видѣ необходимости, вызванной западно-русскими православными. Православные, дѣйствительно, прекрасно воспользовались такимъ благоприятнымъ поворотомъ обстоятельствъ.

Еще не погребено было тѣло нелюбимаго короля Сигизмунда, какъ во всѣхъ областяхъ литовско-русскихъ обнаружилось сильное движеніе на защиту вѣры — движеніе, живо напоминавшее всѣмъ памятные годы 1599, 1607, 1609 и 1621—1623, когда всѣ лучшіе люди православные, всѣ партіи, всѣ сословія дѣйствовали за одно, въ защиту своей вѣры и своимъ единодушіемъ и стойкостію приводили однихъ латинянъ въ изумленіе, а другихъ въ ужасъ. Благодаря возстановленной православной іерархіи, которая сумѣла оживить нашедшія силы православныхъ, благодаря шумной дѣятельности Мелетія, возбудившей вниманіе къ вѣрѣ въ самыхъ равнодушныхъ къ ней людяхъ, благодаря далѣе благоприятному повороту обстоятельствъ, указанныхъ нами выше, теперь снова всѣ партіи и всѣ сословія православнаго народа выступили, какъ одна масса, — обстоятельство въ высшей степени важное!

Мы видѣли, что ко временамъ смерти Куйцевича вопросъ объ униіи мало по малу началъ переходить изъ высшихъ сословій въ низшія и вмѣстѣ съ тѣмъ изъ колеи конституціонной — изъ колеи законности на путь произвола и насилия. Теперь благородныя и образованныя лица снова пробуждаются къ прежней своей дѣятельности, берутъ въ свои руки дѣло православія и

усиливаются снова поставить его въ область права и закона. Какъ они его поставили и на долго ли, сейчасъ увидимъ.

Какъ только собрались сеймики для избранія пословъ на конвокаціонный сеймъ, вездѣ въ областяхъ русскихъ вопросъ о восстановленіи правъ православія поставленъ былъ въ посольской инструкціи наряду съ важнѣйшими вопросами государства (231). Въ двухъ главныхъ пунктахъ тогдашняго православія западно-русскаго явилось прекрасное содѣйствіе этимъ добрымъ намѣреніямъ. Виленское братство къ избирательному сейму составило и издало цѣлое сочиненіе, какъ выраженіе мыслей православнаго народа и какъ руководство для православныхъ пословъ на избирательномъ сеймѣ (232); а въ Кіевѣ былъ избранъ и посланъ на сеймъ знаменитый представитель православія — кіевопечерскій Архимандритъ Петръ Могила, пользовавшійся и между православными и между латинянами большимъ уваженіемъ.

Чего же именно добивались православные? — Они подняли вопросъ о старинныхъ, признанныхъ законами Польши и прежнею жизнію, гражданскихъ правахъ православія, отнятыхъ у него покойнымъ королемъ и переданныхъ уніятамъ. Отсюда само собою вытекало заключеніе, что унія незаконно пользуется своими правами, они должны быть у ней отняты и сама унія уничтожена (233). Само собою разумѣется, что латиняне и уніаты, осудившіе съ 1596 года православіе на уничтоженіе, не хотѣли слышать о требуемомъ теперь православными уничтоженіи уніи. Тѣ и другіе раздѣлились на два, крайне враждебные лагеря, между которыми, повидимому, не могло быть никакого прими-

ренія. Его дѣйствительно и не было бы даже въ ма-
дѣйшей, части, если бы оно не было тѣсно связано
съ избраніемъ новаго короля, потому что православные
объявили, что не приступятъ къ избранію короля, если
не будутъ исполнены ихъ требованія. Представилась
сѣдовательно настоятельная нужда примирить на
чемъ нибудь обѣ стороны, т. е. склонить обѣ стороны
на взаимныя уступки. Теперь-то и выступили на сце-
ну указанные нами поляки, враждебные иезуитству и
уніи, а со стороны православныхъ выдѣлились люди,
давно привыкшіе къ вѣротерпимости и къ той мысли,
что пусть себѣ существуетъ унія, лишь бы она не на-
рушала правъ православія. Составлена была комис-
сія изъ тѣхъ и другихъ, подъ предсѣдательствомъ изби-
раемаго короля Владислава, и поставила вопросъ такъ:
что православіе и унія должны раздѣлить соразмѣрно
права и имущества и жить свободно и мирно. Въ слѣ-
дующихъ главныхъ пунктахъ формулировано было это
требованіе, 1) Свобода вѣры русской, т. е. православ-
ной и уніятской. Свобода эта должна была обнимать
лица русской вѣры, т. е. іерархію и паству: учреж-
денія западно-русской Церкви и уніятской, т. е. брат-
ства, училища, богадѣльни, типографіи, и вообще иму-
щество; 2) Іерархіи русской, какъ тогда называли, долж-
но быть двѣ — православная и уніятская съ равны-
ми правами и средствами. 3) Всѣ люди русской вѣры,
т. е. по тогдашнему разумѣнію, и православные и унія-
ты, вольны подчиняться той или другой іерархіи, по
требованію своей совѣсти, — православные свободно
обращаются къ своей іерархіи, уніаты къ своей, и тѣ
и другіе могутъ мѣнять вѣру безъ всякаго стѣсне-

нія (234). Въ этихъ общихъ пунктахъ, повидимому, не было ничего труднаго къ исполненію, но на дѣлѣ оказалось совсѣмъ другое. Предстало необычайное затрудненіе, какъ распределить мѣста служенія и имущества для той и другой іерархіи. Комиссія поступила въ этомъ дѣлѣ слѣдующимъ образомъ. Она признала яснымъ и неоспоримымъ, что тутъ православнымъ нужно дать, отнявъ отъ уніатовъ, но она также признала и то, что нельзя ни дать всего первымъ, ни отнять всего у послѣднихъ. Поэтому комиссія рѣшилась въ этомъ трудномъ дѣлѣ держаться не только историческихъ правъ обоихъ вѣроисповѣданій, но и дѣйствительнаго, настоящаго ихъ положенія. На этомъ основаніи нѣкоторые епископіи, монастыри, церкви и имѣнія положено отнять отъ уніатовъ и отдать православнымъ. Тутъ же и поименованы были нѣкоторые изъ этихъ предметовъ (235). Но комиссія сочла еще нужнымъ, и очень справедливо, назначить комиссаровъ, которые бы изслѣдовали на мѣстахъ положеніе православія и уніи, руководствуясь тѣмъ, сколько въ каждомъ мѣстѣ православныхъ и уніатовъ и сколько въ соотвѣтствіи съ этимъ должно быть у тѣхъ и другихъ церквей, монастырей, имущества церковныхъ. Такимъ образомъ, можно видѣть, что этотъ проектъ, по отношенію къ древнему положенію православія, узаконялъ ущербъ ему, потому что не возстановлялъ всего древняго, прежняго для западно-русской Церкви, и узаконялъ многое, незаконно приобретенное уніею; но, по отношенію къ тогдашнему дѣйствительному положенію того и другого вѣроисповѣданія, онъ давалъ дѣйствительно много православнымъ и наносилъ сильный ударъ уніи.

Многіе православные остались очень недовольны этимъ проектомъ (236), но неоспоримо, что они были гораздо терпѣливѣе и умѣреннѣе уніатовъ и латинянъ іезуитской партіи. Громъ и молнія раздалась въ этомъ послѣднемъ двойномъ лагерѣ, когда сдѣлались извѣстны положенія этого проекта. Они не хотѣли было сначала ни объ чемъ слышать. Но православные обратились къ прежнему убѣдительному средству: объявили, что не приступятъ къ избранію короля и не примутъ избраннаго, если эти требованія не будутъ приняты и подтверждены клятвою короля и закономъ государства. Стали теперь опять лицомъ къ лицу двѣ силы — одна сорокъ пять лѣтъ пріобрѣтавшая неревѣсь, другая въ сорокъ пять лѣтъ не давшая убить себя. Избирательный сеймъ дѣйствительно готовъ былъ превратиться въ два военные стана и открыть настоящую войну. Тогда-то опять выступили впередъ люди, о которыхъ мы выше говорили — люди, понимавшіе весь вредъ іезуитскаго, фанатическаго латинства. Они-то подъ видомъ посредниковъ вялись нанести ударъ іезуитскому латинству и уміи и провести требованія православныхъ. Для этого они употребили такое средство, которое было большою новостью въ польской конституціи и которое составляетъ лучшую характеристику началъ, развитыхъ въ Польшѣ Сигизмундомъ III. Дѣло это стоитъ подробнаго объясненія.

Извѣстно, что каждый польскій король, вступая на престолъ, клялся исполнять опредѣленные обязательства, предлагаемыя каждому новому королю народомъ. Обязательства эти, какъ и естественно, не всегда были выраженіемъ всеобщихъ нуждъ и желаній народа. Вну-

тренній разладъ Польши богѣе и богѣе уменьшалъ такія единодушныя, всеобщія требованія и порождалъ требованія партій, предлагаемыя одной и отвергаемыя другой. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ дѣло рѣшало большинство, и король клялся на тѣхъ пактахъ конвентахъ, которыя предлагало избиравшее его большинство. Но теперь въ разбираемомъ нами случаѣ оказалось, что требованія православныхъ, хотя и самыя законныя — все-таки требованія меньшинства, отвергаемыя большинствомъ. Какъ принять такія требованія, какъ клясться въ ихъ исполненіи? Партія людей, о которыхъ мы говорили, и самъ король Владиславъ, чтобы положить конецъ непримиримому раздору, порѣшили слѣдующимъ образомъ: избираемый король самъ взялъ на себя это дѣло, самъ рѣшился включить требованія православныхъ въ пакта конвента и клясться въ ихъ исполненіи, т. е. Владиславъ въ этомъ отношеніи поставилъ свою королевскую власть выше народнаго представительства. Это было нарушеніемъ польской конституціи, впрочемъ нарушеніемъ собственно для такихъ людей, которые сами вовсе не уважали этой конституціи и сорокъ пять лѣтъ попирали ее, т. е. иезуитская партія. Эта партія въ свою очередь поступила теперь тоже очень замѣчательно. Она не рѣшилась явно возстать противъ короля во имя польской конституціи, давно ею попираемой, но противопоставила рѣшенію его авторитетъ тоже высшій въ ея глазахъ польскаго народнаго представительства, т. е. власть папы. Она потребовала, чтобы въ проеكتъ возстановленія правъ православныхъ внесено было выраженіе — *salvandi jure jure Romane Ecclesiae* (т. е. права православ-

ныхъ возстановляются съ сохраненіемъ законовъ римской Церкви) и настояла, чтобы къ папѣ отпраздненъ былъ запросъ, согласенъ ли онъ на такое возстановленіе правъ православныхъ (237). На первый разъ такъ все дѣло и замыслось: король былъ избранъ, но когда собрались народные представители на первый сеймъ по избраніи Владислава, когда пришлось внести требованія православныхъ въ собраніе польскихъ конституцій, тогда опять раскрылась вся трудность дѣла. Латинские иезуитской партіи предложили православнымъ или ожидать отвѣта папы, или предложить дѣло на разсужденіе сейма: но православные, основываясь на томъ, что король уже клялся исполнить ихъ требованія, считали ихъ поконченными и не хотѣли слышать ни о *salvandis juribus Romanae Ecclesiae*, ни объ отвѣтѣ папскомъ, въ смыслѣ котораго никто не сомнѣвался, ни наконецъ о новомъ разсужденіи сейма объ этомъ дѣлѣ: они требовали рѣшительно внесенія своихъ условій, въ конституцію и исполненія ихъ, и опять объявили, что безъ этого не допустить сеймъ ни до какого дѣла (238). Тогда Владиславъ опять обратился къ прежнему средству и, убѣдивъ православныхъ оставить сеймъ въ покоѣ, рѣшился самъ исполнить данныя имъ обѣщанія. Дѣйствительно онъ взялся за это дѣло. Онъ далъ православнымъ отъ своего имени дипломъ, которымъ позволялъ избрать и поставить себѣ новаго митрополита — Петра Могилу; въ областяхъ, населенныхъ почти исключительно православными, возстановлялъ православныя епископіи, именно: Львовскую, Перемышльскую и Луцкую съ тѣмъ, впрочемъ, чтобы епископскія имѣнія отданы были православнымъ по смерти владѣвшихъ ими

уніятскихъ епископовъ; отдѣлялъ отъ Полоцкой архіепископіи часть съ населеніемъ по преимуществу православнымъ — Мстиславскую и Могилевскую, и открывалъ здѣсь новую православную епископію; давалъ право всякому быть православнымъ или уніатомъ и свободно относиться къ православной или уніатской іерархіи и разослалъ комиссаровъ, которые на первый разъ должны были въ каждомъ городѣ Литвы — возвратить православнымъ по одной церкви (239).

Какъ ни мало эти распоряженія отвѣчали ожиданіямъ православнаго народа, и даже постановленіямъ избирательнаго сейма, но и они не могли быть вполнѣ приведены въ исполненіе. Тутъ-то и оказалось, что королевская власть безъ поддержки сеймовыхъ членовъ и большинства народа слишкомъ мало имѣла значенія. Конечно, никто не могъ попрепятствовать избранію и посвященію митрополита и новыхъ епископовъ православныхъ, потому что это была область на половину чисто королевской власти и на половину чисто церковной. Оказалось также невозможнымъ помѣшать утвердиться Львовскому епископу и Мстиславскому, потому что одинъ утвердился на старомъ мѣстѣ, гдѣ только титуловался уніатскій епископъ (Львовскій), а другой на новомъ (въ Могилевѣ) никѣмъ кантически незанятомъ и среди православнаго народа. Но вовсе неизвѣстно, чтобы прочно утвердились епископы Перемышльскій и Луцкій. Незвѣстно также, чтобы въ Литвѣ возвращены были православнымъ канія церкви. Зато несомнѣнно извѣстно, что королевскіе комиссары не допущены были возвратить православнымъ церковь, наприѣръ, въ Минскѣ и даже мѣста, для постройки церквей, въ

Вильнѣ (240). «Конституція 1633 года отложила окончательное успокоеніе православныхъ до слѣдующаго сейма», говорили уніаты, «нужно и ждать этого сейма». «Да, дипломъ короля православнымъ незаконно данъ», прибавляли другіе. Королевскій чиновникъ притомъ видѣлъ, что тутъ же уніаты собирали съ оружіемъ своихъ монастырскихъ крестьянъ, а православные тоже скопились со всѣхъ сторонъ и готовы были брать церковь съ бою. Тогда королевскому чиновнику приходилось уже думать о другомъ дѣлѣ—отклонить кровопролитіе: онъ торопился прочесть королевскую грамоту, занести протѣстъ противъ уніатовъ и поскорѣе уѣхать (241).

Такая дерзость уніатовъ никакъ не могла быть наказана. За нихъ сильно дѣйствовала цѣлая латинская партія и сильно смущала Владислава. Мы знаемъ, что вопросъ о возстановленіи правъ православныхъ предоставленъ былъ рѣшенію папы, и что туда отправлено было посольство, въ которомъ былъ и уніатскій епископъ Корсакъ. Онъ такъ взволновалъ римскую курію, что конгрегація распространенія вѣры немедленно признала незаконными всѣ распоряженія короля. Папскій нунцій въ Польшѣ получилъ приказаніе отклонить короля и поляковъ отъ православныхъ (242). Партія латинская смѣлѣе и смѣлѣе поднимала голову. Но поднимали голову также и казаки. Таково было положеніе дѣла, когда наступилъ сеймъ 1635 года. Король и лучшие люди употребили еще одну попытку преодолѣть козни латинской партіи. Они объявили, что возстановленіе правъ православныхъ вовсе не означаетъ, что король и Польша одобряютъ ученіе православныхъ. Это

чисто гражданское дѣло, необходимое для успокоенія взволнованнаго народа. Эта свѣжая мысль, это отдѣленіе интересовъ вѣры и интересовъ государства, въ первый разъ мелькнувшія въ лучшихъ головахъ поляковъ, въ такое критическое время; такъ поразили народныхъ представителей, что права православныхъ внесены были въ сеймовую конституцію, здѣсь даже сказано было, что утверждаются всѣ постановленія короля. Иезуитская партія такъ взволнована была этимъ, что вооружила противъ короля всѣхъ своихъ приверженцевъ, даже канцлеры подписывали эту конституцію съ оговорками, что они это дѣлаютъ по необходимости и протестуютъ противъ такихъ милостей короля къ православнымъ. Партія эта теперь стала распускать слухи, что король пересталъ благовоить къ униі, къ чему папа обязалъ еще Сигизмунда, что онъ хочетъ уничтожить унию. Владиславу вовсе не хотѣлось раздражать иезуитской партіи, ему нужно было расположеніе ея, чтобы она не мутила сеймовъ. Поэтому, желая показать, что онъ равно готовъ покровительствовать и православнымъ и униатамъ въ ихъ законныхъ дѣлахъ, Владиславъ далъ и униатамъ дипломъ, которымъ утверждалъ за ними все, чѣмъ они владѣли въ настоящее время. Уступая настойчивости ихъ, онъ даже постановилъ, чтобы, напримѣръ въ Минскѣ, православные не имѣли ни одной церкви (243). Это, очевидно, значило, что испровергаются прежнія распоряженія короля о возвращеніи православнымъ церковей. Понятно, что такой поворотъ дѣла долженъ былъ очень взволновать православныхъ. Смущенный до крайности Владиславъ рѣшился наконецъ обратиться къ старому средству, объявилъ, чтобы пра-

вославные съѣхались съ уніятами, примирились и избрали себѣ общаго патріарха (244). Но на такую приманку никто уже не обратилъ вниманія. Раздраженіе обѣихъ сторонъ осталось прежнее, если еще не усилилось, и дѣла пошли ни по волѣ короля, ни по волѣ іезуитской партіи, а по началамъ болѣе глубокимъ и самобытнымъ.

Средоточіе западно-русскаго православія въ Малороссіи.

Не напрасно уніаты въ союзъ съ іезуитскою партіею такъ встревожились, когда со вступленіемъ на престолъ Владислава поднятъ былъ вопросъ о предоставленіи православнымъ гражданскихъ правъ. Много конечно здѣсь значило неоспоримое желаніе Владислава и окружающихъ его друзей оказать справедливость столь давно угнетаемой массѣ несчастнаго западно-русскаго народа. Но, собственно говоря, не это тревожило уніатовъ и іезуитовъ. Они, безъ сомнѣнія, лучше другихъ понимали, какъ слаба въ Польшѣ власть короля, а съ нею и всѣ его желанія; знали они также хорошо и то, что не многіе поляки поддерживаютъ короля въ дѣлѣ православныхъ. Гораздо важнѣе для нихъ были домогательство и поддержка этихъ правъ, выходящія изъ самаго западно-русскаго народа, — и именно изъ Малороссіи. Здѣсь то они видѣли главную опасность для уніи и, надобно отдать имъ справедливость, ихъ проницательность въ этомъ случаѣ была очень дальнозоркая. Дѣйствительно, въ Малороссіи образовалось теперь такое средоточіе силъ православія, что ему должна была уступить воля какого угодно короля и требованія какой

угодно партіи, хотя бы то и іезуитской. Въ Малоросіи унія съ самаго своего начала меньше, чѣмъ гдѣ либо, могла раскидывать свои сѣти; но силы народа, противодѣйствовавшего ей, не вдругъ сгруппировались и получили историческое значеніе для всей Литвы. Соединеніе и сознаніе этихъ силъ началось собственно съ 1620 года, съ возстановленія высшей западно-русской іерархіи. Сюда естественно обращались взоры православныхъ потому уже, что тутъ былъ центръ духовной ихъ власти. Между тѣмъ, сами уніаты и латиняне усилили вниманіе и заботы народа православнаго къ этому средоточію. Они, какъ намъ извѣстно, преслѣдовали эту іерархію полицейскими и судебными мѣрами. Мало того, съ 1624 года Рутскій сосредоточилъ на Малоросіи все свое вниманіе, даже переѣхалъ поближе къ Києву и закинулъ сѣти на всѣ монастыри и приходы Волини и Заднѣпровья, плодомъ чего было совращеніе въ унію нѣсколькихъ видныхъ православныхъ людей, особенно Мелетія, и потомъ — невознаградимое посрамленіе унії чрезъ того же Мелетія. Всѣ эти обстоятельства постоянно затрогивали, раздражали лучшія стороны многочисленнаго, сильнаго народа и, какъ естественно бываетъ въ такихъ случаяхъ, укрѣпляли его и дѣлали болѣе и болѣе способнымъ къ упорной борьбѣ. Вотъ, въ этомъ-то средоточіи и скрывались теперь всѣ главнѣйшіе задатки исторіи уніи, отсюда выходили желанія, требованія, разлетавшіяся по всей Литвѣ, обхватывавшія всю массу православнаго литовско-русскаго народа и вызывавшія затѣмъ тѣ или другія мѣры въ уніятскомъ и латинскомъ обществѣ. Исторіку уніи необходимо ближе присмотрѣться къ этому средоточію и поточнѣе

опредѣлить главнѣйшія направленія, исходившія отсюда. Это даетъ возможность видѣть сразу характеръ событій и лицъ того времени, какъ въ православномъ, такъ и въ уніятскомъ и латинскомъ обществѣ.

Два элемента развились въ этомъ малороссійскомъ средоточіи православія западно-русскаго, — элементъ нравственный и элементъ матеріальный, — яснѣе говоря, здѣсь благоустроилась іерархія, развилось духовное просвѣщеніе съ одной стороны, и казачество взялось защищать вѣру — съ другой. Такимъ образомъ, вышла новая странность въ исторіи уніи, именно: въ то время, какъ въ Польшѣ правительство и отчасти латинское общество начали разъединять церковные и гражданскіе интересы, въ православномъ обществѣ оба эти интересы стали сливаться въ одинъ интересъ, — народный. Какъ они слились, на долго ли, и какъ все это имѣло вліяніе на дѣйствія уніятскаго и латинскаго литовско-польскаго общества, — это мы постараемся показать въ двухъ нижеслѣдующихъ отдѣлахъ.

Петръ Могила и его значеніе въ исторіи уніи.

Въ Малороссіи, какъ въ самой здоровой части литовско-русскаго народа, образовался, при указанныхъ нами выше обстоятельствахъ, самый строгій взглядъ на православіе и унію, взглядъ, устранявшій всякія сдѣлки православныхъ съ уніятами во всѣхъ отношеніяхъ, въ догматахъ ли то вѣры или въ правахъ гражданскихъ. Представителями такого взгляда были архимандритъ Кіево-печерскій Исаія Копыстенскій, протопопъ случскій Андрей Мужилевскій (245), но еще болѣе извѣстнымъ по своему вліянію на народъ въ этомъ отношеніи былъ

Исаія Копинскій, человекъ самаго цѣльнаго характера и неоспоримой честности, къ которому, къ сожалѣнію, исторія оказалась самою несправедливою. Благодаря смутнымъ обстоятельствамъ времени, онъ перебивалъ во всѣхъ, кажется, главнѣйшихъ монастыряхъ Мало-россїи, особенно съ 1620 года, когда сдѣланъ былъ перемышльскимъ епископомъ (246), и самымъ блистательнымъ образомъ ознаменовалъ свою ревность къ православію въ 1628 году, когда раскрылъ неожиданно для всѣхъ, самыя тайныя козни Мелетія Смотрицкаго (247). Это усердіе Копинскаго въ Церкви, безъ сомнѣнія, и было главною причиною, что въ 1628 году онъ сдѣланъ былъ епископомъ смоленскимъ, а по смерти Іова Борецкаго въ 1631 году избранъ западно-русскимъ митрополитомъ (248). Годъ спустя Исаіи Копинскому открывалась еще болѣе блистательная дѣятельность. Мы уже знаемъ, что въ то время умеръ Сигизмундъ и православные со всѣхъ концовъ группировались для защиты вѣры, въ чемъ, какъ естественно было ожидать, приметъ личное участіе самъ митрополитъ. Но тогда уже совершенно ослабѣвали силы Исаіи, — онъ тогда былъ дряхлымъ, болѣзненнымъ старикомъ. А между тѣмъ, подлѣ него былъ человекъ, котораго появленіе въ средѣ православной западно-русской іерархіи составляло необыкновенное въ церковной исторіи явленіе. Это былъ извѣстный уже намъ воеводичъ молдавскій Петръ Могіла. Исаія и всѣ православные, видимо, привыкли видѣть въ Могилѣ будущаго митрополита. Онъ былъ архимандритомъ Кіево-печерскаго монастыря; ему съ общаго согласія иенсклячая и Исаія, поручили главное управленіе Кіевскою братскою школою (249). Его то и

избрали теперь депутатомъ на сеймъ отъ іерархіи (250), тѣмъ болѣе, что Могила имѣлъ личныя связи со многими польскими аристократами и былъ извѣстенъ избираемому королю Владиславу.

Мы не могли отыскать ни инструкціи, данной безъ всякаго сомнѣнія по этому случаю, Петру Могилѣ, ни подробныхъ извѣстій о дѣйствіяхъ его на избирательномъ сеймѣ. Но, судя по тогдашнему настроенію православныхъ малороссійскихъ и по нѣкоторымъ даннымъ изъ жизни Могилы, можемъ принять за несомнѣнное, что изъ Кіева онъ не вывезъ на сеймъ порученія о сдѣлкахъ съ уніятами, объ уступкахъ въ ихъ пользу. Ему здѣсь поручили добиваться полнаго возстановленія западно-русскаго православія и полнаго уничтоженія уніятской Церкви. Это былъ голосъ и іерархіи западно-русской и обычное требованіе казаковъ. Но мы знаемъ, что въ этомъ дѣлѣ приняли участіе аристократы и шляхтичи малороссійскіе и литовскіе: они даже явились на сеймѣ главными двигателями дѣла православныхъ. Конечно, и эти люди получали на своихъ областныхъ сеймахъ инструкціи въ такомъ смыслѣ, что вездѣ православіе должно быть возстановлено, а унія уничтожена, получали они даже подтвержденія добиваться именно такого рѣшенія (251). Но какъ ни ревностны были эти послы, а все же они были шляхтичи; надъ ними тяготѣло вліяніе польское и нескательство польскихъ милостей, до такой степени, что одинъ изъ нихъ со слезами просилъ на сеймѣ одну придворную знаменитость (Оссолинскаго) не ставить ему въ счетъ одной пустой оговорки (252). А между тѣмъ, дѣло православныхъ и безъ того было трудное. Каждое новое прѣвіе на сеймѣ по-

называло, что желая получить чтонибудь въ пользу православія, необходимо было уступить кое что и даже не мало въ пользу униі. Мы знаемъ, что такъ и сдѣлали православные послы. Въ этой то средѣ — православной — аристократической, допустившей уступки въ пользу униі, и очутился Петръ Могила, — средѣ, которая, очевидно, ставила его въ противорѣчіе съ ожиданіями духовенства и народа малороссійскаго. Есть твердое основаніе думать, что сначала Петръ Могила былъ строго вѣренъ данному порученію, остался недоуменъ уступками униітамъ и даже писалъ изъ Варшавы въ Кіевъ, чтобы православные не принимали такого неполнаго возстановленія правъ западно-русской Церкви (253). Къ сожалѣнію, обстоятельства тогда же заставили Петра Могилу успокоиться и на этихъ не полныхъ правахъ. Собственно говоря, почти для всей Малороссіи права западно-русской Церкви вполнѣ были возстановлены. Униі и безъ того мало здѣсь было мѣста. Получено было даже значительное приращеніе этихъ правъ: Кіевская школа получила титулъ коллегіи, что почти равносильно было названію — академія. Для Петра Могила, желѣвшаго уже и тогда эту школу, это должно было показаться большимъ подаркомъ со стороны короля, подаркомъ, при которомъ легче уже было смотрѣть на упорство латинской партіи отдать все западно-русской Церкви. А тутъ еще явилось желаніе — быть Могила митрополитомъ, не дожидаясь смерти Исаи Копинскаго. Темное это дѣло, какъ и многія дѣла въ исторіи униі. Нельзя разобрать, откуда вышло это желаніе. Но вотъ, обстоятельства, нѣсколько разъясняющія эту темноту. Владиславъ охотно согласился на по-

ставленіе Могилы митрополитомъ и далъ ему настельную грамоту. Петръ Могила тогда же, послѣ избранія короля отправился въ Львовъ, пригласилъ туда изъ Валахій митрополита съ епископами, и былъ ими рукоположенъ въ санъ западно-русскаго митрополита (254). Говорять, прислано было и согласіе Константинопольскаго патриарха (255). Всѣ эти доказательства законности новаго сана Могилы безспорно были очень важны; но важно было тоже отсутствіе общаго народнаго избранія, тѣмъ болѣе, что объ этомъ прямо говорилось въ королевскомъ дипломѣ къ православнымъ, — и за тѣмъ также важно было существованіе стараго митрополита, правильно избраннаго и уже пользовавшагося митрополичьими правами. Можно было опасаться, что отсюда выйдетъ большая смута, тѣмъ болѣе, что Петръ Могила очень рѣшительно поступилъ, какъ съ старымъ Исаіею, такъ и съ его приверженцами (256). Петра Могилу, уступившаго уніятамъ и занявшаго такъ несвоевременно мѣсто стараго ревнителя православія, очень легко могли заподозрить въ томъ же, въ чемъ заподозривали во времена Смотрицкаго, т. е. въ нетвердости въ православіи. Но, къ счастью, хотя и съ горемъ пополамъ, вышло на оборотъ. Противники Могилы сочтены были склонными къ уніи и нерѣдко отсылались къ казакамъ для окончательной расправы (257). Этотъ, самъ по себѣ не важный фактъ ясно показываетъ, что Петръ Могила успѣлъ заслужить сильное расположеніе казаковъ, что, впрочемъ, и неудивительно. Онъ знакомъ былъ съ ними еще съ Хотинской битвы, въ которой участвовалъ, будучи свѣтскимъ человѣкомъ, и вмѣстѣ съ ними пользовался расположеніемъ любимаго ими короля Владислава. На-

вѣстно также, что его поддерживали сблизившіеся съ нимъ малороссійскіе сеймовые депутаты (258). Такимъ образомъ, два сильныя сословія — шляхетство и казачество были на сторонѣ новаго митрополита. Но, безъ сомнѣнія, самую главную поддержкою Могилы, привлекаяшею къ нему всѣ сословія, были тогдашнія трудныя времена западно-русской Церкви, требовавшія на митрополичьемъ престолѣ самаго энергическаго человѣка, какимъ и былъ Могила, — и наконецъ тѣ широкія задачи въ устройствѣ западно-русской Церкви, которыя уже тогда довольно ясно заявили Петръ Могила и которыя мы считаемъ необходимымъ разобрать и оцѣнить со всею, возможною для насъ тщательностію. Конечно, мы здѣсь не разумѣемъ подробностей, потому что это завело бы насъ слишкомъ далеко.

Петръ Могила, какъ только поселился въ Кіевѣ и принялъ монашество (въ концѣ 1627 или въ началѣ 1628 г.), немедленно поставилъ главнѣйшею задачею своей дѣятельности — поднять науку православную въ западно-русской Церкви. Самъ онъ высказалъ на это дѣло такія мысли. По его мнѣнію, главною причиною упадка православія въ западно-русскомъ народѣ былъ упадокъ просвѣщенія. Поэтому, онъ рѣшился устроить школу, чтобы воспитать въ вѣрѣ юношество и даже возвратить заблужденныхъ т. е. отпадшихъ отъ православія (259). Точнѣе сказать, — Петръ Могила видѣлъ, что иновѣріе въ его время облекалось въ строгія научныя формы, а православіе не имѣло ихъ; поэтому многіе вѣрующіе увлекались въ иновѣріе, — и хранители православія чувствовали сильную потребность противостоять иновѣрію, при другихъ средствахъ защиты — силѣ вѣры и

благочестія, съ тѣмъ же орудіемъ, т. е. облекая свои истины въ такія же строгія и точныя научныя формы. Послѣ совращенія Мелетія Смотрицкаго, чуть не увлекшаго самого Петра Могилу, эта истина должна была представляться и самому Могилѣ и другимъ со всею своею убѣдительностію. Отсюда — у Петра Могилы желаніе выработать свою православную науку и посредствомъ ея отражать иновѣріе и утверждать въ православныхъ ихъ вѣру. Но откуда было взять такую науку? Въ западной Россіи, повидимому, не предстояло большаго труда разрѣшить этотъ вопросъ, потому что тамъ была уже такая наука, и по временамъ очень развитая. Живо было преданіе о знаменитой Острожской школѣ, подарившей западно-русской Церкви столько книгъ и ученыхъ людей. Существовали, хотя и въ слабомъ видѣ, родственныя ей школы братскія — львовская и виленская. Въ самомъ Кіевѣ была уже школа братская Боголюбская, съ которою Могила соединилъ свою и былъ главнымъ ея начальникомъ. Во всѣхъ этихъ школахъ преобладали элементъ греческій, пересаженный съ Востока такими умными людьми, какъ классонскій митрополитъ Арсеній, визархи — Кириллъ Лукарисъ и Никифоръ. Не было, конечно, въ этихъ школахъ многочисленныхъ классовъ, не давались въ ней ученые степени и титулы; но литературныя памятники, выходившіе въ ихъ ирутѣ, какъ исторія флорентійскаго собора, Перестрога, Эпитезисъ и т. д. показывали, что здѣсь созрѣвали и кружили богатая мысли и свѣжія убѣжденія (260). Къ сожалѣнію, Петръ Могила, какъ иностранецъ и притомъ наблюдатель только остатковъ этой науки, не могъ понять бо-

гато жизненныхъ началъ, сохранявшагося прежняго образованія. Его поражала вездѣ видимая скудость этой науки. Но, что всего важнѣе, его поражала, какъ и многихъ западно-руссовъ этого времени, другая наука, существовавшая подлѣ, со всѣми обманчивыми признаками великолѣпія, которая, казалось, обладала тайною убѣждать человека въ чемъ бы то нибыло, т. е. наука іезуитская, съ которою тогда уже многіе православные были знакомы и, казалось, похитили у іезуитовъ эту тайну. Да, наконецъ, и самъ Петръ Могила получилъ западно-европейское, латинское образованіе, которое тогда было очень близко къ іезуитскому. Всѣ эти обстоятельства и привели Петра Могила къ тому, что онъ рѣшился пересадить на православную западно-русскую почву латинскую, схоластическую науку по образцу литовско-польской іезуитской схоластики. Съ этою цѣлію онъ еще въ 1628 году отправилъ въ іезуитскія школы нѣсколькихъ молодыхъ людей (261), и въ 1632 году, при ихъ содѣйствіи, устроилъ вновь Богоявленскую братскую школу, въ которой теперь стали господствовать латинскія руководства, латинскій языкъ и многіе порядки іезуитскихъ школъ (262). Что же такое была эта реформа Петра Могила, эта схоластика, перешедшая въ Кіевъ?

Мы уже имѣли случай въ исторіи образованія Мелетія Смотрицкаго высказать, какъ понимаемъ латинскую іезуитскую схоластику. Для ясности повторяемъ принятое нами краткое опредѣленіе ея. Схоластика, намъ извѣстно, есть искусственное сопоставленіе понятій, фактовъ безъ ихъ внутренней живой связи и искусственный, механический выводъ слѣдствій безъ соображенія и

соотвѣтствія ихъ съ здравымъ смысломъ и дѣйствительностью. Слѣдовательно, эта научная форма или метода, по самому существу своему, такова, что естественно ведетъ къ объдненію мысли и къ формализму. Въ латинской Церкви это свойство схоластики имѣетъ глубокой смыслъ. Латинство, въ которомъ очень многое построено невѣрно, только прикрыто искусственностію, боится живаго прикосновенія здоровой науки. Поэтому тамъ очень важно, чтобы изучающій вѣру, держался такой научной метода, при которой — полная воля занимать-ся искусственною перестановкою и передѣлкою вѣншихъ свойствъ предмета, но при которой очень трудно добраться до сущности дѣла. Для подобной цѣли схоластика — превосходное средство: она даетъ видимую, кажущуюся истину и убиваетъ даже охоту изслѣдовать добросовѣстно и съ любовью живую сторону дѣла. Въ православной Церкви, допускающей самое широкое, добросовѣстное, благородное научное изслѣдованіе, схоластика не имѣетъ жизненной опоры, и тѣмъ менѣе она могла имѣть эту опору въ западно-русской Церкви, въ которой бурная жизнь то и дѣло предлагала наукѣ живые вопросы о дѣрвѣ. Но при малѣйшемъ успокоеніи этой Церкви, при малѣйшемъ довольствѣ ученыхъ добытыми изслѣдованіями, схоластика могла и здѣсь обнаруживать свои свойства. Она, такъ сказать, постоянно дѣлала ученымъ вызовъ переливать изъ пустаго въ порожнее. Заняты были эти ученые серьезнымъ, животрепещущимъ дѣломъ? — они не слушались этого вызова; не заняты? — схоластика такъ и лилась изъ ихъ усть. По этому-то со временъ Петра Могилы духовная литература въ западной Россіи, несмотря на множество

сочиненій и ученыхъ людей, показываетъ въ историческомъ своемъ развитіи неоспоримое оскудѣніе содержанія и болѣе и болѣе возрастающее господство внѣшнихъ формъ, такъ что параллель этой литературы съ современною ей іезуитской литературою, литовско-польскою поразительна. Это сближеніе кіевской и іезуитской науки шло однако гораздо далѣе. Латинская схоластика тѣсно связана была съ латинскимъ языкомъ, который въ Кіевской академіи, какъ и въ школахъ іезуитскихъ сталъ господствующимъ. Имъ говорили и часто писали школьники, наставники, ученые. Родной языкъ менѣе и менѣе имѣлъ доступу къ наукѣ. Образованные люди болѣе и болѣе выдѣлялись отъ массы народа, рвалась связь науки съ жизнію. Не то было въ прежнихъ школахъ западно-русскихъ. Тамъ обученіе шло, главнымъ образомъ, на родномъ языкѣ. Ученики на немъ обучались, наставники на немъ учили, ученые на немъ писали. Наука тогда была въ полномъ смыслѣ развитіемъ и уясненіемъ народной мысли, — чѣмъ меньше всего могла похвалиться тогда наука кіевская. Но, что всего важнѣе, латинская схоластика, неразрывно соединялась съ латинскою мыедію. Изучая эту схоластику, необходимо было изучать многочисленныя, схоластическія сочиненія въ латинскомъ духѣ, — и труднѣе всего было отдѣлить здѣсь форму отъ содержанія. Конечно, люди передовые, даровитые преодолевали этотъ трудъ, благодаря въ особенности кипучей жизни, которая раньше всякой науки выработала различіе между православіемъ и неправославіемъ и развила въ народѣ тонкое чутье этого различія. Но не всѣ образованные люди были даровитыми и не всегда жизнь была такою чудною руководитель-

ницею. Ученый слабый, гнѣвный или слишкомъ торопливый, наконецъ, всякій ученый, занятый труднымъ вопросомъ легко дѣлалъ промахъ, бралъ готовую латинскую мысль, не подозревая ея латинскаго характера. Отсюда между западно-русскими учеными чаще и чаще стали появляться люди съ болѣе или менѣе значительными латинскими мнѣніями и вообще въ западно-русскую литературу стало проникать латинство (263). Но это еще не вся бѣда отъ латинской схоластики, введенной Петромъ Могилою въ западно-русскія училища. Посредствомъ научнаго преобразованія, Петръ Могила, мы видѣли, слилъ латинскую схоластику съ вышними западно-русскими народными интересами, отъ чего выходили нередко обратные результаты, — высшій народный интересъ западно-русскій, — православныя убѣжденія, — сливаясь съ латинскими элементами схоластики — съ латинскими убѣжденіями. Но въ другой половинѣ литовско-польскаго государства, въ самой Польшѣ, эти же латинскіе элементы еще тѣснѣе связаны были съ народностию польскою. Отсюда вытекалъ тотъ естественный результатъ, что православный, родясь съ схоластикою, родился не только съ латинствомъ, но и съ Польшею. Это тѣмъ чаще и легче случалось, что всѣ свободныя, образованныя сословія православнаго литовско-русскаго народа болѣе или менѣе давно уже подвергались польскому вліянію, посредствомъ неизчислимыхъ условій общей политической жизни и частныхъ сношеній съ поляками. Народное мнѣніе иногда очень мѣтко обозначало такое претвореніе русскаго въ поляка. Тамъ объ извѣстномъ миротворцѣ казаковъ съ поляками Адамѣ Кисагѣ говорили, что въ немъ только кости православныя,

русскія, а все остальное — латинское и польское. Для
ныхъ же и эта незавидная характеристика была сла-
бою. Такъ авторъ известной лѣтописи XVII столѣтія
Іерничъ, человекъ независимый по средствамъ и неоспо-
римо православный, ни однимъ словомъ не измѣнилъ сво-
ему полному сочувствію къ Польшѣ и легко смотрѣлъ
на великія событія своей Церкви и своего народа, — на
раздирающія душу страданія ихъ отъ польскаго іезуит-
скаго латинства, отъ польской народности. Нужно ли
послѣ этого удивляться, что кievская схоластика много
содѣйствовала не только религіозному, но и гражданско-
му сближенію болѣе или менѣе образованныхъ руси-
новъ съ поляками, и въ такой же мѣрѣ отдѣляла ихъ
отъ родной массы народа, имѣвшаго способность не по-
нять ни мнимыхъ прелестей латинской схоластики, ни
хваленыхъ преимуществъ польской жизни.

Какъ же все это могло быть допущено? вѣроятно
спросятъ насъ наши читатели. Какимъ образомъ за-
падно-русскіе православные, особенно Малороссы, та-
кіе строгіе ревнители православія, были такъ слѣпы,
что не увидѣли этихъ результатовъ кievской схоласти-
ки и дозволили ей у нихъ поселиться и укорениться?
Народъ вѣрно понялъ характеръ и слѣдствія преобразо-
ванія, произведеннаго Петромъ Могилою. Какъ только
заведены были эти новые порядки, — въ народѣ под-
нялось такое сильное волненіе, что нужно было бояться
не только за цѣлость новой школы, но и за жизнь но-
выхъ учителей. А какъ разлилось широко это волне-
ніе, — видно изъ того, что въ защиту новой школы нуж-
но было писать и издавать цѣлое сочиненіе (264). Не-
оспоримо однако, что въ этомъ волненіи была сильная

примѣсь козней иезуитскихъ, что, безъ сомнѣнія, и помѣшало правильному разъясненію дѣла (265). Впрочемъ, и безъ этого были многія обстоятельства, которыя рѣшительно затрудняли уразумѣніе дѣйствительныхъ, окончательныхъ результатовъ латинской схоластики и заставляли терпѣть ее, по временамъ даже очень любить.

Какъ ни опасна была затѣя—воспользоваться латинскими, схоластическими, научными формами для уясненія истинъ православныхъ, но мы уже замѣчали, что были люди, которые неподвергались этой опасности. Вотъ обстоятельства, которыя уменьшали эту опасность и сглаживали неприятное впечатлѣніе, возбужденное ею въ народѣ. Духъ православной Церкви такъ крѣпокъ, что способенъ оживить даже схоластическую науку. Въ особенности въ западно-русской Церкви того времени онъ былъ сильно возбужденъ во всѣхъ вѣрующихъ непрерывными бѣдствіями. Онъ такъ наполнялъ сердца ихъ, что часто его не могли сдвинуть и исказить никакія схоластическія формы и скорѣе случалось, что самыя эти формы изгибались или лопались, и живая православная мысль изливалась изъ души самаго записнаго схоластика. Это дало возможность западно-русскимъ ученымъ, не смотря на всеподавляющее, мертвящее вліяніе схоластики, широко развертывать свою дѣятельность и постоянно затрогивать вниманіе общества. Оживляемые истинною своею вѣрой и возбуждаемые тревожными обстоятельствами жизни, они вступили въ неутомимую борьбу съ униєю, латинствомъ, не оставляли безъ опроверженія и другія вѣроисповѣданія, какъ напримѣръ, секты протестантскія и даже иудейство и магоме-

танство. Въ то же время ученые представители іерархіи разрабатывали съ положительной стороны православную науку по всѣмъ ея отраслямъ, выработали, какъ результатъ всего, православный катихизисъ, столь необходимый для народа, и посредствомъ церковнаго краснорѣчія, блистательно ими развитаго, переводили свою ученую работу въ сознание этого народа, поддерживали связь науки съ живымъ убѣжденіемъ меньшихъ братій (266). Связь эта какъ науки съ жизнью, такъ и Киевской академіи съ народомъ, поддерживалась еще тѣмъ, что, благодаря разьединенію и упадку малороссійской аристократіи, Киевская академія болѣе прижкнула къ среднему сословію. Классы ея наполняли, по преимуществу, бѣдные шляхтичи и мѣщане, пользовавшіеся отъ нея и матеріальными пособіями. Такой порядокъ живо напоминалъ столь любимыя народомъ школы прежняго времени и приготавлилъ почитателей и защитниковъ академіи въ массѣ народа, въ той средѣ, гдѣ скорѣе всего могло усилиться нерасположеніе къ киевской схоластикѣ. Ученые киевскіе вышли за предѣлы Киева, разсѣялись по всей Литвѣ, вышли даже за предѣлы своей родины, въ Россію, — и вездѣ были большею частію единственными двигателями образованія. Все это были слишкомъ важныя и блистательныя плоды реформы Петра Могилы, плоды очень способныя закрыть собою дурныя стороны ея. Ученая часть іерархіи, благодаря этой реформѣ, постоянно стояла подъ знаменемъ борьбы съ нападающимъ иновѣріемъ и — передоваго участія въ просвѣщеніи народа, — а это такое знамя, что вездѣ, гдѣ только іерархія становилась подъ нимъ, непременно пріобрѣтала сильное вниманіе и глубокое

сочувствіе общества. Такъ было и съ западно-русскою іерархією. Она привлекала къ себѣ все, что было умнаго и дѣльнаго въ западно-русскомъ обществѣ. Лучшимъ доказательствомъ этого значенія іерархіи западно-русской временъ Петра Могилы была сильная тревога іезуитовъ, и, что еще важнѣе, всеобщее сочувствіе ей и всеобщее оживленіе западно-русскихъ братствъ (267), хотя неоспоримо, что теперь братства должны были потерять значительную долю прежняго, слишкомъ ужъ самостоятельнаго участія въ дѣлахъ церковныхъ. Такимъ образомъ, западно-русская іерархія, посредствомъ реформы Петра Могилы, приобрѣла много и нравственной, непосредственной силы надъ народомъ и чрезъ братства, имѣвшія и тогда еще не мало знатныхъ членовъ, приготовляла сильную гражданскую поддержку себѣ въ кругѣ административномъ, судебномъ и на сеймахъ. Не этимъ ли и нужно объяснять прежде всего то, что не смотря на явную уступку Владислава уніатамъ въ послѣднее время, вскорѣ онъ опять принялъ сторону православныхъ и въ 1641 году провелъ на сеймѣ одну мѣру величайшей важности: изъялъ уголовныя дѣла между уніатами и православными изъ вѣденія смѣшаннаго трибунальнаго суда, тогда уже совершенно парализованнаго іезуитами, перенесъ ихъ въ непосредственное вѣденіе сейма, а дѣла ихъ гражданскія, рѣшавшіяся доселѣ мѣстными судами, перенесъ въ свой, такъ называемый, реляціонный судъ (268). Трудно рѣшить, какъ далеко подвинулись бы дѣла православныхъ этимъ новымъ путемъ, и что произошло бы отъ смѣшенія хорошихъ и дурныхъ слѣдствій реформы Петра Могилы, если бы они предоставлены были естественному разви-

тію. Но въ это самое время, когда реформа эта окрѣпла, выдвинулась другая сила православнаго народа подѣ тѣмъ же видимымъ знаменемъ вѣры — сила казачества, и стала дѣйствовать по свѣому. Намъ теперь приходится разсмотрѣть, какъ дѣйствовала эта новая сила, какъ она слилась съ новопріобрѣтенною силою іерархіи и что изъ этого вышло въ исторіи униі? Вопросы эти такъ важны, что мы считаемъ необходимымъ прежде всего поближе познакомиться съ казачествомъ.

Казачество, его характеръ, планы, участие, въ дѣлахъ вѣры, положеніе униятской и православной іерархіи во время смуть казацкихъ, до присоединенія Малороссіи къ Россіи.

О казачествѣ много написано и много пишется теперь. Сначала въ нашей литературѣ господствовалъ тотъ взглядъ, что казаки—герои западно-русской народности (269), живо напоминающіе героевъ временъ Гомера, почему, вѣроятно, Энеида и нашла себѣ хотя и забавное приложеніе къ малороссійской жизни (270). Затѣмъ, появился совершенно противоположный взглядъ, по которому казаки вообще — это изверги русской государственной жизни, люди, вышедшіе изъ государства, потому что не могли въ немъ ужиться. Взглядъ этотъ, систематически развитый г. Соловьевымъ (271), совершенно сходится съ взглядомъ на казаковъ польскихъ писателей, съ тою только разницею, что польскіе писатели, имѣя въ виду по преимуществу малороссійскихъ казаковъ, называютъ ихъ извергами польской государственной жизни (272). Въ настоящее время въ на-

шей литературѣ сглаживаются эти крайности и дѣлаются попытки сблизить съ казачествомъ весь малороссійскій народъ (273). Мы больше раздѣляемъ этотъ послѣдній взглядъ, чѣмъ другіе, и понимаемъ историческое развитіе казачества слѣдующимъ образомъ (274).

Изучавшимъ самостоятельно русскую исторію извѣстно, что нигдѣ въ Россіи народъ не мирился такъ мало съ татарскимъ игомъ, какъ въ западной ея половинѣ, около древняго средоточія русской жизни — Кіева и въ древнемъ Галицкомъ княжествѣ. Самый поэтический образъ этой непримиримости съ татарскимъ міромъ, этой любви къ независимости, нарисованъ намъ лѣтописцами въ Даниилѣ Галицкомъ. Долго этотъ князь не хотѣлъ слѣдовать примѣру восточно-русскихъ князей, отправлявшихся иногда слишкомъ торопливо къ Батыю на поклоненіе, но наконецъ необходимо было и ему сдѣлать тоже. И вотъ, Даниилъ побывалъ у Батыя, обласнанъ имъ, утвержденъ во власти; но никакая татарская милость, никакія азіятскія ласки не въ состояніи примирить благороднаго князя съ ненавистнымъ игомъ и съ тѣмъ униженіемъ, какому онъ подвергся, поклонившись азіятскому правителю. Чувство стыда мучить его во всю жизнь (275). Не одинъ князь Даниилъ гнушался такъ рабствомъ: народъ раздѣлялъ его чувства, поддерживалъ его затѣи свергнуть ненавистное иго, и когда увидѣлъ невозможность достигнуть этого собственными силами, то мало по малу сталъ привыкать къ столь же ненавидящей это иго Литвѣ, чтобы не подвергнуться участи восточной Россіи.

Въ такомъ народѣ, понятно, очень легко могла образоваться прочная сила для противодѣйствія татарскому

міру. Удаленіе татаръ къ востоку Россіи и политическія связи съ ними литовскихъ князей — Ольгерда, Витовта и Ягеллы надолго отсрочили развитіе этой силы, нерѣдко даже искажали ее (276); но какъ она была живуча въ малороссійскомъ народѣ — это показало слѣдующее обстоятельство. Извѣстно, что въ XV столѣтіи, когда распалась орда Сарайская, начало образоваться новое средоточіе ея въ Крыму, вскорѣ вступившее въ политическую связь съ Турціею. Татары теперь снова придвинулись къ Малороссіи и жестоко давали чувствовать свое сосѣдство опустошительными набѣгами. Огромную важность въ исторіи казачества имѣла особая манера крымскихъ татаръ опустошать западную Россію, (какъ и восточную). Крымскіе татары, не столько занятые поработченіемъ себѣ этой страны, сколько тѣмъ, чтобы плѣнниками и плѣнницами ея наполнить свой рынокъ рабовъ для всего турецко-азійскаго міра, набѣгая на западную Россію, губили не только ея матеріальныя богатства, но вмѣстѣ съ тѣмъ похищали и людей ея — мужчинъ, женщинъ, дѣтей. Это заставило самый народъ, помимо административныхъ распоряженій правительства, выдѣлять изъ себя лучшихъ, храбрыхъ людей, которые отражали бы эту разрушительную орду татарскую и отбивали у нея плѣнниковъ. А такъ какъ эти плѣнники, похищаемые татарами, гибли не только для общественной и частной жизни своей страны, но и для вѣры, то естественно, цѣлю ихъ освободителей стало и знамя вѣры, и тѣмъ выше оно могло подняться, что въ татарское иго чувство благочестія сильно возбуждено было во всемъ русскомъ народѣ, а въ западной Россіи къ началу казаче-

ства еще образовались вездѣ извѣстныя намъ братства, съ которыми поразительно сходна первая, извѣстная намъ корпорація казаковъ (277). Географическое и политическое положеніе юго-западной полосы Россіи само показало, гдѣ лучше всего этимъ борцамъ съ татарскимъ міромъ, этимъ освободителямъ отъ нихъ плѣнниковъ основать свое пребываніе. Это придиѣпрое — пунктъ соединенія трехъ міровъ — русскаго, литовско-польскаго и татарскаго — мѣсто самое большое у этихъ міровъ, самое богатое по разнымъ приключеніямъ, и наконецъ, такое, обладаніемъ котораго никто не могъ похвалиться, ни Россія, ни Польша, ни татары. Вотъ *главныя* обстоятельства, вызвавшія, по нашему мнѣнію, появленіе казачества. Отсюда видно, что по своему происхожденію, по первоначальной идеѣ, — эта корпорація отражала въ себѣ самые свѣтлые, дорогіе интересы и чувства народа. Народъ болѣе или менѣе ясно и сохранилъ въ памяти эту дивную основу казачества, и окружилъ ее самую пламенную любовь, и самыми поэтическими образами въ своихъ народныхъ преданіяхъ, пѣсняхъ. По первоначальному происхожденію, по первоначальной идеѣ казаки дѣйствительно были народными героями. Но извѣстно, что какъ скоро геройство становится постоянною, вѣковою профессіею цѣлой корпораціи людей, то непременно искажается и гибнетъ. Такъ случилось и съ казаками. Весьма важное значеніе въ этомъ отношеніи имѣло одно уже то, что казаки свое геройство должны были упражнять надъ татарами. Постоянныя столкновенія съ этими азіатскими варварами болѣе и болѣе обобщали между казаками варварскіе, азіатскіе приемы, обычаи, понятія. Вотъ, отрядъ уда-

лыхъ малороссовъ, бросившихъ родныя пепелища и семейную жизнь для борьбы съ татарами, нагоняетъ этихъ варваровъ, обремененныхъ добычею христіанскою. Видъ плѣнниковъ, можетъ быть друзей, родныхъ, воспламеняетъ ихъ патріотическія и религіозныя чувства, которыя еще болѣе усиливаются, когда плѣнь отбить и освобожденные плѣнники обмѣниваются съ своими освободителями задушевными, глубокими чувствами. Но вотъ, у татаръ отбита и вещественная добыча, на половину, если не совсѣмъ, неизвѣстнаго происхожденія. Но вотъ, казаки проникаютъ въ самые улусы татарскіе, отправляются въ окрестности константинопольскія, на черноморскіе берега Азіи и производятъ тоже, что дѣлали въ Россіи татары, т. е. грабятъ, жгутъ, бьютъ на смерть, и это они дѣлаютъ не разъ, не два, а тысячи разъ: это ихъ профессія, рыцарское ремесло, если такъ выразиться. Что же должно было выйти изъ таковой неестественной преемственности, и нерѣдко даже совмѣстности добрыхъ и дурныхъ чувствъ, добрыхъ и дурныхъ дѣлъ? То, что обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ въ жизни человѣческой: зло беретъ верхъ надъ добромъ. Тоже случалось и съ дивно по началу корпораціею казачною. Въ нее болѣе и болѣе стали проникать хищническіе, разбойничьи обычаи, порядки, наклонности, неизмѣримо далекія отъ христіанскихъ взглядовъ и правилъ. Вліяніе азіятства такъ глубоко проникло въ казачество, что даже ви́шній видъ казака—его бритая голова съ хохломъ, т. е. съ самымъ малымъ остаткомъ европейскаго обычая носить волосы, его обыкновеніе сидѣть съ поджатыми ногами, большая часть его одежды — показывали въ немъ болѣе азіятца,

нежели европейца. Это уклоненіе казачества отъ первоначальныхъ его основъ шло почти одновременно и другимъ путемъ. Профессія биться требовала постоянной работы и за недостаткомъ ея въ татарскомъ мірѣ, побуждала искать врага, гдѣ бы то ни было. И это тѣмъ легче могло случиться, что благодаря безусловной свободѣ вступать въ казачество, его болѣе и болѣе наполняли люди со всѣхъ концовъ міра. Конечно, это не мало дало казачеству хорошихъ героевъ, но большинство приходящихъ были люди, неужившіеся въ обществѣ, искатели приключеній и нерѣдко преступники. Масса этихъ людей болѣе и болѣе придавала цѣлямъ казачества безхарактерность и дѣлала ихъ просто ремесленниками выгоднаго, кулачнаго боя, гдѣ бы то ни было.

Политическія обстоятельства содѣйствовали также очень много этому уклоненію казаковъ отъ ихъ первоначальной цѣли — борьбы съ татарскимъ и турецкимъ міромъ. Политическая вражда Польши и Россіи дѣлала часто необходимымъ какъ для той, такъ и для другой, имѣть на своей сторонѣ крымскихъ татаръ. Для Польши эта необходимость становилась тѣмъ настоятельнѣе, что она болѣе и болѣе подвергалась опасности отъ Турціи, которой Крымъ былъ всегда готовымъ орудіемъ. Такимъ образомъ, сама Польша должна была удерживать казаковъ отъ единственно хорошаго ихъ дѣла — войны съ татарами и турками, и этимъ поневолѣ заставляла ихъ искать себѣ дѣятельности въ другихъ мѣстахъ, — т. е., прежде всего въ самой Польшѣ. Смутныя времена въ Россіи уклонили на время казаковъ сюда и Польша нашла въ нихъ даже огромную помощь

въ своихъ походахъ на Россію. Но кончились времена смутныя, казаки примирились съ Россіею и снова стали лицомъ къ Польшѣ и далеко уже съ инымъ лицомъ. Они въ смутныя времена приобрѣли еще больше смѣлости и необузданности, чѣмъ прежде (278). Теперь-то и должно было обнаружиться во всей ясности есть-ли что-либо сродное между казачествомъ и Польшею, и какъ крѣпко это сродство.

Повидимому, между казачествомъ и Польшею было нѣсколько крѣпкихъ связей, которыя могли упрочить политическій союзъ между ними. Какъ въ Польшѣ, такъ и въ казачествѣ преобладали демократическія начала. Въ Польшѣ даже существовала корпорація людей, повидимому, однородная съ казачествомъ. Здѣсь было, такъ называемое, рыцарство, — масса людей, у которыхъ война была обыкновеннымъ ремесломъ, но которые не составляли постоянного войска, а послѣ войны расходились по домамъ, особенно знатныхъ вельможъ, до первой новой войны, гдѣ съ ними рядомъ становились казаки, какъ равные съ равными. Но все это были слабые узлы. Неговоря уже объ аристократіи Польши, столь чуждой казачеству, — польская жизнь представляла господство гражданскаго элемента; въ ней даже въ самыя воинственныя времена военные люди никогда не могли стать выше гражданскихъ. Въ казачествѣ наоборотъ — это была военная республика съ задачею, цѣлію чисто военными и притомъ съ желаніемъ дѣйствовать независимо. Это противорѣчіе начало жизни таково, что раньше или позже необходимо должно было повести къ столкновенію между казаками и поляками. Оно еще улегалось кое-какъ, пока Польша была воин-

ственна, слѣдовательно, имѣла работу для казаковъ, пока власть въ ней короля была сильна и казаки съ нимъ однимъ имѣли дѣло и наконецъ, пока весь западно-русскій народъ пользовался сколько-нибудь мирнымъ положеніемъ и, слѣдовательно, не имѣлъ особенныхъ побужденій поддерживать казаковъ. Но всего этого не стало съ смертію великаго польскаго короля Стефана Баторія. Польша, какъ мы уже замѣчали, болѣе и болѣе становилась въ положеніе державы слабой, защищающейся. Въ то же самое время, власть королевская болѣе и болѣе стала въ ней ослабѣвать; на счетъ ея усиливались магнаты, забирали въ свои руки власть вообще и надъ казаками тѣмъ болѣе, что увидѣли въ нихъ опасное орудіе, которымъ могли воспользоваться короли для усиленія своей власти. Со вступленіемъ на престолъ Владислава, большую часть жизни проведеннаго вблизи казаковъ и очень ихъ полюбившаго, не оставалось у поляковъ никакого сомнѣнія въ томъ, что у короля есть именно этотъ планъ. Поэтому-то, главнымъ образомъ, они теперь съ лихорадочною торопливостію забираютъ въ свои руки власть надъ казаками; наказываютъ жестоко ихъ шалости, уменьшаютъ ихъ число, затрудняютъ поступленіе къ нимъ новыхъ людей, отнимаютъ право независимаго управленія, наводятъ казацкія области своими чиновниками и войсками и вездѣ и во всемъ даютъ казакамъ чувствовать свою спѣсь, свое шляхество, забывая, что казаки и по акту присоединенія Малороссіи къ Польшѣ, и въ самой жизни, особенно на войнѣ, становились съ ними рядомъ, какъ равные съ равными (279). Всѣ эти несправедливости, наконецъ, узаконяются сеймовымъ поста-

новленіемъ 1638 года, по которому уничтожаются всё права казаковъ, они становятся въ положеніе одинаковое съ крестьянами (280), и такъ какъ король Владиславъ все таки продолжаетъ любить и тайно покровительствовать имъ, несмотря на постановленія сеймовъ, то поляки еще болѣе ненавидятъ и угнетаютъ казаковъ.

Измѣряя тогдашнія силы казаковъ и свободныхъ словій Польши, очень можно думать, что Польшѣ удалось бы задавить казачество совершенно, еслибы этому не помѣшалъ новый элементъ, оживившій казачество необычайною силою. Совершенно случайно съ политическимъ угнетеніемъ казаковъ совпадало, какъ намъ извѣстно, угнетеніе всего литовско-русскаго народа изъ-за уніи. Унія поднимала противъ Польши и перепробовала всё силы православнаго литовско-русскаго народа. Подняла она православную аристократію, — та пала, ополячилась и еще усилила Польшу. Подняла среднее сословіе — бѣдное шляхетство и мѣщанство: они вели упорную борьбу, но стоя на конституціонной почвѣ, тогда какъ Польша въ дѣлѣ уніи руководствовалась деспотизмомъ, не успѣли восторжествовать и сдѣлали только то, что раскрыли неиспѣлимую язву Польши хаосъ свободы и деспотизма. Дошла очередь и до крестьянства. Унія затронула въ немъ священнѣйшую сторону жизни — убѣжденія вѣры — и этимъ лучше всего уяснила крестьянству, что есть же у человѣка права, которыхъ не долженъ трогать самый полномочный господинъ, самый неистовый помѣщикъ, и если онъ попираетъ такое право, то что же такое его собственныя права надъ крестьяниномъ? Сосѣдственное казачество давало на этотъ вопросъ и практическій и

теоретическій отвѣтъ. Оно охотно принимало къ себѣ бѣглецовъ изъ этого народа, поощряло его къ этому и страдая само, объявляло чаще и чаще о незаконности угнѣтеній поляками и его и всего литовско-русскаго народа. Между тѣмъ, поляки замѣтили эту жизненную связь казаковъ съ крестьянами и одновременно съ угнѣтениемъ первыхъ усиливали угнѣтенія послѣднихъ, наконецъ на тѣхъ и другихъ обрушили неистовства уни, что скоро увидимъ подробнѣе.

Извѣстно, что одинаковое несчастье сближаетъ самыхъ разнохарактерныхъ людей, а тутъ еще было единство народности, вѣры, сосѣдство!

Само собою разумѣется, что это сближеніе казаковъ съ земледѣльческимъ народомъ оживило казачество небывалою до тѣхъ поръ силою. Оно снова воскресило ихъ первоначальную задачу, снова поставило ихъ въ положеніе героевъ. Теперь со всею ясностію представилась казакамъ задача спасти отъ поляковъ народность, вѣру, независимость свою и своего народа,—задача, которая, какъ очевидно, способна была воодушевить даже самыхъ испорченныхъ между ними, живительно подѣйствовать на весь литовско-русскій народъ и надѣлать бездну зла Польшѣ. Вотъ обстоятельства, среди которыхъ выступилъ истинный типъ казачества — храбрый и коварный, благочестивый и неистовый Богданъ Хмѣльницкій, лично оскорбленный поляками и лично облаканный и поощренный къ возстанію королемъ (281). Но это послѣднее обстоятельство — личное расположеніе Владислава къ Хмѣльницкому, а также вообще къ казакамъ и всему литовско-русскому народу затруднило казакамъ уразумѣніе настоящихъ ихъ силъ и дѣйстви-

тельного ихъ призванія. Хотя не было никакого сомнѣнія въ готовности народа возстать вмѣстѣ съ казаками, хотя еще яснѣе было видно, что у нихъ съ поляками не можетъ быть прочнаго дѣйствительнаго мира, и нерѣдко крайняя казацкая партія прямо высказывала мысль о совершенномъ разрывѣ съ Польшею; но Хмѣльницкій сначала пошелъ къ другой цѣли. Онъ задалъ себѣ сначала какъ будто скромную цѣль — возстановить прежнее положеніе казаковъ, увеличить ихъ и упрочить самостоятельное, независимое отъ польской шляхты управленіе. О народѣ и вѣрѣ онъ сначала немного думалъ — началъ возстаніе безъ народа и, кажется, имѣлъ въ виду облегчить только его положеніе, посредствомъ православныхъ чиновниковъ и помѣщиковъ, и дать православной Церкви на самомъ дѣлѣ тѣ права, какія ей предоставилъ Владиславъ (282). Но тогда же при первыхъ успѣхахъ въ борьбѣ съ поляками и особенно, когда умеръ любимый король Владиславъ, у Хмѣльницкаго болѣе и болѣе расширялась задача. Онъ уже прямо обратился къ народу съ призывомъ къ возстанію (283) и въ его словахъ и дѣйствіяхъ пробивались мысли о полной независимости Малороссіи отъ Польши (284).

Но что же Хмѣльницкій готовилъ теперь народу, какую положительную, ясную цѣль указалъ ему? Окрестные народы и ласкатели изъ самихъ казаковъ величали Хмѣльницкаго княземъ малороссійскимъ. Многое показываетъ; что и самъ Хмѣльницкій не чуждъ былъ этой мысли. Но такая затѣя противорѣчила бы основному праву казачества — управляться добровольно избираемыми гетманами. Хмѣльницкій не посмѣлъ стать выше своего положенія. Оставалось, значитъ, для народа яс-

нымъ одно, что онъ весь войдетъ въ казачество, что теперь изъ всего западно-русскаго народа будетъ одно казачество, независимое отъ Польши, (285), т. е., что образуется военная республика — такое государство, несостоятельность котораго раньше или позже должна была непременно обнаружиться. Народъ, поднятый Хмѣльницкимъ — бить поляковъ, дѣйствительно билъ ихъ, гналъ помѣщиковъ, топилъ жидовъ, ксендзовъ и уніатовъ, но не зналъ на чемъ и какъ остановиться, и дошелъ до того, что просто грабилъ и губилъ и чужое и свое, и чужихъ и своихъ (286). Хмѣльницкій, неуспѣвшій во время оживить народное движеніе не казачествомъ, а гражданскою цѣлю, которая бы обуздывала страсти, долженъ былъ сдѣлать другой промахъ. Повинуясь необходимости и, конечно, давнимъ наклонностямъ казачества, онъ призывалъ на помощь крымскихъ татаръ — азіятскихъ разбойниковъ, которые никакъ не могли принести дѣйствительной пользы народу, и измѣняли ему на каждомъ шагу. Неудачи не замедлили появиться одна за другою. Омрачили они даже лучшее торжество Хмѣльницкаго — Зборовское дѣло. Пришлось допустить мысль старую о политическомъ союзѣ съ Польшею, но такъ какъ было еще много силы у Хмѣльницкаго, а у Польши мало, то можно было Хмѣльницкому предложить Польшѣ самыя тяжелыя условія, именно увеличить казаковъ до сорока тысячъ (т. е. оставить ихъ въ прежней силѣ и потерять всѣхъ тѣхъ крестьянъ, которые пошли въ казаки), предоставить казацкому гетману самостоятельное управленіе всею Малороссією, сравнять казаковъ и ихъ старшинъ съ шляхтою, допустить на сеймъ, и наконецъ дать особен-

ную льготу всему литовско-русскому народу — вездѣ истребить унию, а православную Церковь поставить въ правахъ рядомъ съ латинскою (Зборовскій договоръ) (287). Хмѣльницкій, все еще ослѣпленный своими успѣхами, имѣлъ, кажется, заблужденіе думать, что Польша исполнить эти требованія, — Польша, тогда, конечно, крайне обезсиленная, но вмѣстѣ съ тѣмъ, до послѣднихъ основъ источенная уже іезуитскими началами, освящающими всякую измѣну въ интересахъ общества. Заблужденіе это, какъ прежде, такъ и теперь поддерживалось тѣмъ еще, что и новый король Янъ Казимиръ — братъ Владислава, бывшій іезуитъ и кардиналъ, показывалъ нѣкоторое расположеніе къ казакамъ. Но сеймъ 1650 г. ясно показалъ, что казакамъ нечего ждать отъ Польши исполненія договора Зборовскаго. Да и самимъ казакамъ нельзя было исполнить его (288). Хмѣльницкій согласился на сорокъ тысячъ казаковъ, а между тѣмъ, весь народъ желалъ быть въ казачествѣ. Война снова запылала, только еще съ меньшимъ успѣхомъ для народнаго дѣла. Татары снова измѣнили, казаки стали терпѣть пораженія, пришлось принять еще менѣе выгодныя условія — (Бѣлоцерковскій трактатъ), двадцатитысячное число казаковъ, обязанность возвратитъ лишнихъ казаковъ въ крестьянство, подчинить все крестьянство прежнимъ помѣщикамъ и для православія требовать только свободы, уравненія съ униєю (289). Но теперь и эти условія какъ поляки, такъ и казаки меньше готовы были исполнить, чѣмъ прежде. Поляки ободрились, а народъ, который такъ жестоко обманулся въ своихъ надеждахъ, проклиналъ Хмѣльницкаго. Тогда-то выступила наружу мысль о подчиненіи Малорос-

сія Россіи — мысль давняя, которой проблески видны были еще во времена Сигизмунда, при гетманѣ Конашевичѣ (290), которая уяснилась въ послѣдніе годы митрополита Іова Борецкаго (291), и которую партія казаковъ съ самаго 1648 года, т. е. съ возстанія Хмѣльницкаго проводила и въ Москвѣ, и въ Малороссіи (292). Теперь народное дѣло имѣло всѣ задатки успѣха, не только потому, что приобрѣтало отъ Россіи громадную силу и силу родственную, но и просто уже потому что народу открывалась ясная, опредѣленная, политическая жизнь. Въ 1654 году совершилось это соединеніе, и Алексѣй Михайловичъ для упроченія его началъ войну съ Польшею. Молніею пролетѣла свѣтлая надежда лучшей жизни по всему западно-русскому краю. Походъ Алексѣя Михайловича въ Литву походилъ на торжественное путешествіе давняго, природнаго государя. Города сдавались одинъ за другимъ, не исключая самаго Вильна — центра Литвы. Ораторскія рѣчи, народная радость и благодарность лились рѣкой. Польша, казалось, неминуемо погибнетъ, тѣмъ болѣе, что тогда же ее наводнили Шведы. Но этого однако не случилось, не погибла Польша, не остались за Россіею и всѣ тѣ, которые въ 1654—1655 годахъ считали себя русскими подданными, — не остались по разнымъ причинамъ, но главнымъ образомъ по двумъ — потому что казачество не нашло въ Россіи той воли, къ какой привыкло, а за казачествомъ и народъ, прежде столь восторженно встрѣтившій русскихъ, мало по малу охладѣвалъ къ нимъ, благодаря прежде всего необузданности и хищничеству московскихъ бояръ. Какъ бы то нибыло, однако Россія теперь навсегда приобрѣла себѣ въ Западной Россіи

громадную массу людей искренно ей преданныхъ и немалая часть ихъ самымъ дѣломъ оставалась подѣ ея властію, и если не всегда пользовалась общественнымъ спокойствіемъ, при продолжавшихся смутахъ казачьихъ, то по крайней мѣрѣ пользовалась первѣйшимъ благомъ жизни — спокойствіемъ и свободою своихъ религіозныхъ убѣжденій (293).

Посмотримъ теперь, каково было положеніе уніятской и православной іерархіи въ этихъ смутахъ и переворотахъ народной жизни.

Въ началѣ волненій казачьихъ, сопровождавшихся многими неудачами народнаго дѣла, уніаты очень торжествовали и пользовались всѣми плодами успѣха. Какъ ни мало тогда поляки уважали унію, какъ ни ясно это неуваженіе выказывалось въ королевскихъ грамотахъ православнымъ, но не смотря на все это, общество польское больше чѣмъ когда либо поддерживало унію, какъ противоядіе, по его мнѣнію, стремленіямъ литовско-русскаго народа. Поэтому за новыми чиновниками для казачества и всей Малороссіи всегда тянулся длинный хвостъ іезуитовъ и уніатовъ, которые съ необыкновенною торопливостію утверждались на новосельи — на благодатной землѣ малороссійской — этой Палестинѣ, текущей медомъ и млекомъ, по отзыву самыхъ поляковъ. Возникали быстро іезуитскіе коллегіи, костелы, уніятскіе приходы. Православіе тѣснили со всѣхъ сторонъ. Въ особенности служивали въ этомъ послѣднемъ отношеніи малороссійскіе, ополячившіеся помѣщики, когда уже и іезуитамъ и уніатамъ плохо приходилось на новосельи, да и вообще когда плохо было въ малороссіи всякому поляку. Эти помѣщики для личныхъ

мірскихъ и для религіозныхъ цѣлей употребили особое орудіе, которое было такъ ненавистно для народа, что слѣды этой ненависти остались въ малороссійскомъ народѣ до сихъ поръ и вѣроятно не скоро исчезнуть, даже при возможно лучшемъ успѣхѣ новаго органа евреевъ, — Сіонъ. Мы разумѣемъ отдачу въ аренду имѣній и церквей малороссійскихъ евреемъ. .

Въ польскомъ государствѣ страшно развито было обыкновеніе давать въ аренду имѣнія. Арендаторство требовало столько людей, ловкихъ—извлекать изъ имѣній послѣдній доходъ, что къ этому дѣлу давно допущены были здѣсь евреи, которые, такимъ образомъ, дѣлались господами крестьянъ. Указанныя нами выше обстоятельства побудили ополячившихся малороссійскихъ помѣщиковъ давать чаще и чаще аренду своихъ имѣній въ Малоросіи жидамъ. А такъ какъ эти помѣщики всѣ были изъ православныхъ и имѣли, слѣдовательно, патронатство надъ своими церквами, то теперь, подъ вліяніемъ религіознаго фанатизма они вспомнили объ этомъ патронатствѣ и передавали его жидамъ вмѣстѣ съ арендою. Теперь, конечно, патронатство получило особый смыслъ, присвоенный не единственно жидами, но развитый ими до крайности. Они съ православныхъ церквей считали себя въ правѣ получать доходъ и обложили платою всѣ церковные обряды и вещи. Что это было за ужасное дѣло, можно видѣть изъ слѣдующаго сопоставленія обстоятельствъ, которыя мы беремъ изъ дѣйствительности. Вотъ приближается торжественнѣйшій для христіанъ день — Пасха Христова. Народъ угнетенный, убитый, слѣдовательно, особенно настроенный къ благочестію, собирается изъ разныхъ

мѣсть къ православной церкви, можетъ быть единственной, на далекое расстояние. Прежде всего, — онъ не можетъ войти въ церковь до заката солнца: ключи отъ церкви у жида, а у него еще шабашъ; затѣмъ, — торгъ съ нимъ о платѣ за предстоящую службу, за церковную утварь. Но вотъ, торгъ кончился, церковь отперта и началось величайшее Христіанское торжество. Однако еще не конецъ униженію несчастнаго народа. Едва онъ успѣлъ помолиться въ церкви, едва услышалъ радостное: «Христосъ воскресъ», какъ его благочестивое настроеніе омрачается новою, гнусною сценою. Еврей тутъже у церкви торгуется и собираетъ плату за освящаемую пасху. Кто въ состояніи изобразить, что происходило тогда въ душѣ этого народа, которому приходилось видѣть такое странное сопоставленіе жидовъ его времени съ жидами временъ Спасителя (294)!... Дорого заплатились за это жида, которыхъ казаки не могли видѣть на своей землѣ, дорого заплатились помѣщики, но также дорого заплатились и уніаты. Ихъ неменьше, какъ и жидовъ, мучили, топили и вѣшали — казаки и взволнованный народъ (295). И тѣмъ хуже пришлось уніатамъ, что казаки проникали во всѣ закоулки Литвы, заходили даже въ самую Польшу, и даже послѣ успѣховъ Польши надъ казаками уніаты не могли смѣло показываться въ Малороссіи. Частная, личная месть замѣняла здѣсь мѣсто открытаго, оффиціальнаго преслѣдованія (296). Притомъ, во время этихъ народныхъ смуть, потрясшихъ все государство, во время набѣговъ гайдамаковъ, нехотѣвшихъ знать никакихъ договоровъ Хмѣльницкаго съ Польшею, разрушилось страшно, благосостояніе уніатской іерархіи, — ея богатѣйшія имѣнія, столь привле-

кательныя для людей, любящихъ при вѣрѣ имѣть вкусный кусокъ хлѣба, и столь пригодныхъ (имѣній) для іезуитскихъ возней противъ православія (297). Приостановилась рѣшительно дѣятельность уніятской іерархіи, а тутъ еще толки о томъ, что унія гибельна для государства, что ее нужно уничтожить. Два уніятскихъ Митрополита умерли отъ этихъ невзгодъ уніи—одинъ въ Римѣ — Рафаилъ Корсакъ, преемникъ Рутскаго, и другой въ Украинѣ — Антоній Селява (298).

Далеко лучше было положеніе православной іерархій, но тоже не безъ затрудненій и щекотливостей. Казаки, какъ мы видѣли, объединили свое гражданское дѣло съ интересами вѣры, добивались правъ своей Церкви. Этому немогла несочувствовать іерархія. Преемникъ Петра Могилы, Сильвестръ Коссовъ ѣздилъ даже въ Варшаву, думая, что поляки дѣйствительно допустятъ его въ Сенатъ. Но эти надежды и права православія скоро оказались призрачными, а между тѣмъ казаки и взволнованный народъ доказывали объединеніе своихъ гражданскихъ и религіозныхъ интересовъ такими дѣлами, которыя неимѣли ничего общаго съ Христіанствомъ и способны были внушить омерзеніе порядочному язычнику. Конечно, многіе простые священники, тѣсно связанные съ народомъ и по своему происхожденію и по своему образованію: брали фактъ, какъ онъ былъ, народъ мучилъ, казнилъ Поляковъ и уніятсовъ за вѣру, и они одобряли это, хвалили (299). Но образованная іерархія, особенно высшая, немогла дать своего одобряющаго слова въ подобномъ разгарѣ страстей. Впрочемъ, были и другія причины, устранявшія западно-русскую іерархію того времени отъ народнаго дѣла. Каза-

ки объявили войну всему шляхетскому, всему польскому, а эта іерархія почти вся была шляхетская, владѣла подобно польскимъ помѣщикамъ крестьянами и, что особенно важно, близка была къ полякамъ по степени и началамъ своего латинскаго, схоластическаго образованія. — Поэтому, невооружаясь явно противъ казацкихъ утопій, крайностей, что было бы и слишкомъ опасно, она примкнула къ партіи извѣстнаго Адама Киселя — партіи, желавшей прочнаго и законнаго союза казачества съ Польшею (300). Партія эта состояла изъ православныхъ помѣщиковъ Малороссіи и большинства горожанъ. Между тѣмъ, Малороссія присоединилась къ Россіи. Положеніе западно-русской іерархія стало еще болѣе затруднительнымъ. Возникъ новый вопросъ — кому ей подчиняться теперь — по прежнему-ли, Константинопольскому патриарху, или Московскому, какъ желалъ Алексѣй Михайловичъ. Западно-русская іерархія рѣшилась неизмѣнять своего прежняго положенія и уклонилась отъ предложеній Алексѣя Михайловича (301). Но этимъ не устранены были щекотливости и мало по малу стали обнаруживаться и производить весьма важныя послѣдствія.

— 213 —

III.

**ИСТОРИЯ РАСПРОСТРАНЕНИЯ УНИИ ПОСЛѢ ПРИСОЕДИНЕНИЯ КЪ
РОССІИ МАЛОРОССІИ. — НОВАЯ ПОПЫТКА ВОЗСТАНОВИТЬ РЕ-
ЛИГИОЗНЫЯ ПРАВА ЛИТОВСКО-РУССКАГО НАРОДА. — НОВОЕ
УНИЧТОЖЕНІЕ ИХЪ. — ОЖИВЛЕНІЕ ФАНАТИЗМА УНІЯТОВЪ. —
НОВЫЯ ПРАВА ИХЪ. — ІЕРАРХИЧЕСКІЯ СМУТЫ ВЪ ПРАВО-
СЛАВНОМЪ ЛИТОВСКО-РУССКОМЪ МІРѢ. — УНИЧТОЖЕНІЕ ПРА-
ВОСЛАВІЯ ВЪ ГАЛИЦИИ И ВОЛЫНИ. — СОСТОЯНІЕ УНИИ ВО
ВСЕЙ ЛИТВѢ. — БОРЬБА УНИИ СЪ БѢЛОРУССКИМЪ ПРАВО-
СЛАВІЕМЪ ВЪ XVIII СТОЛѢТІИ.**

~~~~~

Почти четверть столѣтія (отъ смерти Сигизмунда до присоединенія къ Россіи Малороссіи 1632—1655 г.) прошла въ бесплодныхъ попыткахъ возстановить права и спокойствіе православной западно-русской Церкви. Въ предъидущей статьѣ мы указывали частныя причины этой неудачи. Считаемо необходимымъ теперь сгруппировать ихъ въ одно и выяснить ихъ дѣйствительный смыслъ. Это дастъ намъ возможность уловить главнѣйшія нити послѣдующихъ дѣлъ уніи, дѣлъ, передъ которыми, можно сказать, ничто всѣхъ прежнія ея дѣла, если имѣть въ виду степень ихъ жестокости, и которыя способны озадачить людей, самыхъ равнодушныхъ къ страданіямъ человѣческимъ.

Читатели могли замѣтить въ предъидущей статьѣ,

что поляки и западно-русссы, устроая мировыя сдѣлки между собою, рѣже всего останавливались на томъ неоспоримомъ фактѣ, что и православіе и унія существуютъ дѣйствительно, имѣютъ многочисленныхъ послѣдователей и что, слѣдовательно, естественнѣе и полезнѣе всего не поднимать вопроса объ ихъ существованіи въ литовско-польскомъ государствѣ, — о томъ, быть или не быть здѣсь тому или другому вѣроисповѣданію, а только устроить ихъ свободное и мирное существованіе вмѣстѣ, безъ нарушенія правъ обоихъ вѣроисповѣданій и общественнаго спокойствія. Напротивъ, чаще всего устроалось такъ, что унія или осуждалась на совершенное уничтоженіе во всемъ литовско-польскомъ государствѣ, или пріобрѣтала такія права, которыя должны были вести къ совершенному, повсемѣстному уничтоженію западно-русскаго православія. Эти крайнія рѣшенія вызывались очень многими обстоятельствами. Тутъ много значили—переполненная мѣра страданій западно-русссовъ изъ-за уніи, и заносчивость казаковъ съ одной стороны, и крайнее развитіе іезуитскаго фанатизма въ полякахъ, ихъ ожесточеніе противъ западно-русссовъ, съ другой. Но нельзя остановиться на однихъ этихъ причинахъ, уничтожавшихъ возможность прочнаго мира между поляками и западно-руссскими. Тутъ были и другія причины болѣе серьезнаго и прочнаго свойства, такія, которыхъ не могли уничтожить никакое забвеніе прошедшаго, никакая гуманность, никакая вѣротерпимость.

Народныя смуты въ Польшѣ въ эту четверть столѣтій подняли вопросъ о политическомъ союзѣ западной Россіи съ Польшею, о рѣзкомъ различіи племенныхъ

особенностей этихъ двухъ вѣтвей славянскаго народа, особенностей, между которыми различіе вѣры выдвинулось на первый планъ. Этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ, которое надѣлало столько бѣдъ, Польша обязана прежде всего униі. Унія придумана была, какъ лучшее, связующее звѣно православныхъ западно-русовъ съ латинянами — поляками. Понятно теперь, что западно-русы, спасая себя отъ національныхъ притязаній Польши, напали больше всего на это связующее звѣно, а поляки хватались за него каждый разъ, какъ только оказывалась возможность возобновить свои притязанія на безусловное господство надъ западно-руссами, на ополяченіе ихъ. Унія ополячивала западно-русовъ; западно-русы не могли терпѣть ее, а поляки не хотѣли расставаться съ нею. Такимъ образомъ, теперь интересы вѣры, не смотря на ихъ видимое раздѣленіе, плотнѣе, чѣмъ когда либо слились съ политическими интересами и западно-русовъ и поляковъ. Въ сравненіи съ прежнимъ временемъ теперь вышла вотъ какая странность. Прежде король (Сигизмундъ III) съ своею партіею поддерживалъ это слитіе интересовъ вѣры и государства и, какъ выраженіе его — унию, а литовско-польское общество, какъ православное, такъ въ значительной части латинское, противилось этому. Теперь на оборотъ: король, даже два короля, одинъ за другимъ (Владиславъ и Янъ Казиміръ) старались, и нерѣдко со всею искренностію, разрушить эту теорію; но ни православное, ни латинское общество не хотѣли допустить для себя этого раздѣленія интересовъ религіозныхъ и политическихъ, напротивъ сливали ихъ каждое по своему, еще больше чѣмъ прежде. Само собою разу-

мѣется, что теперь Владиславъ и Янъ Казиміръ должны были испытать большую неудачу въ своемъ планѣ, чѣмъ Сигизмундъ въ своемъ, и борьба между унией и православіемъ должна была сдѣлаться гораздо упорнѣе и жесточе, чѣмъ прежде; она стала теперь въ полномъ смыслѣ народною, національною борьбою. Къ этому нужно еще прибавить, что во время смутъ въ эту четверть столѣтія, Польша довела свою власть королевскую до страшнаго ничтожества. Въ то же время она почувствовала признаки своей политической смерти, и это чувство невольно освѣжали православные западно-руссы, обращаясь къ Россіи съ мольбою о защитѣ одновременно съ литовско-польскими протестантами, обращавшимися съ тѣмъ же къ Швеціи и за тѣмъ къ Пруссіи. Это прибавленіе обстоятельствъ, сейчасъ указанныхъ нами, очень важно для насъ. Оно объяснитъ намъ не мало странностей въ исторіи униі послѣ присоединенія къ Россіи Малороссіи и, между прочимъ, ту странность, о которой намъ сейчасъ приходится говорить.

Извѣстно, что въ государствѣ здоровомъ, сильномъ не только матеріально, но и нравственно, измѣнники его не могутъ пользоваться хорошимъ положеніемъ, хотя бы они возвратились къ нему добровольно, оставлены были правительствомъ невредимыми и хотя бы ихъ было не одинъ, два, а цѣлая толпа. Но въ слабомъ, близкомъ къ смерти государствѣ чаще всего бываетъ такъ, что эти люди, возвращаясь назадъ, получаютъ больше выгодъ, чѣмъ прежде спрашивали. Оно принимаетъ ихъ съ распростертыми объятіями и даетъ все, чего бы они ни пожелали. Во время казацкихъ смутъ Польша не разъ осуществляла въ своей жизни это жал-

кое явленіе. Но никогда она не осуществляла его такъ поразительно, торжественно, какъ въ 1658—9 году.

Когда неоспоримый, живой фактъ страшной потери—присоединеніе къ Россіи Малороссіи—ударилъ со всею силою въ отуманенныя головы религіозныхъ и политическихъ фанатиковъ Польши, то партія чисто народная, слишкомъ четверть столѣтія работавшая напрасно для примиренія съ Польшею литовско-русскихъ православныхъ, получила возможность, хотя конечно грустную, при первомъ благопріятномъ случаѣ вознаградить свои неудачи блистательнымъ образомъ, къ сожалѣнію очень непрочнымъ. Гетманъ Выговскій, выхватившій власть у Юрія Хмѣльницкаго, сейчасъ же послѣ смерти Богдана, измѣнилъ новому своему отечеству—Россіи и передался съ значительною частію казаковъ на сторону Польши (302). Заключенъ былъ при этомъ между казаками и Польшею извѣстный Гадячскій договоръ (1658 г.), которымъ Польша съ полною охотою, сразу дала прежнимъ своимъ измѣнникамъ то, чего не могъ добиться страшный Богданъ Хмѣльницкій съ цѣлымъ западно-русскимъ народамъ. Она предоставила имъ почти полную самостоятельность, щедрою рукою надѣлила ихъ своею нобилитаціею (дворянствомъ) и, что собственно насъ занимаетъ, согласилась вполне возстановить западно-русское православіе, поставила его въ правахъ рядомъ съ латинствомъ, а унію рѣшила съ истребить во всемъ государствѣ (303). Нельзя думать, что эта новая, небывалая уступчивость Польши была не болѣе, какъ старый обманъ. Уступки православнымъ теперь дѣлались такъ, какъ никогда не дѣлались прежде. Они буквально, во всей полнотѣ внесены въ

сеймовую конституцію, чего никогда не бывало; въ исполненіи ихъ клялись не только люди, заключившіе Гадячскій миръ, но клялся торжественно король; клялись два первые представителя латинскаго духовенства Примазь и Виленскій епископъ; клялись канцлеры и выборные отъ сейма; (304) наконецъ назначена многочисленная комиссія изъ духовныхъ и свѣтскихъ людей для возстановленія вездѣ православія, — комиссія съ правами трибунальныхъ судей, и ея дѣйствія, какъ и вообще постановленія Гадячскаго трактата, гарантировались еще тѣмъ, что малѣйшее нарушеніе ихъ одной стороною уничтожало обязательства другой (305). Въ серьезности и искренности всего этого дѣла убѣждаетъ насъ, кромѣ необычайной его торжественности, еще одно обстоятельство. Польша того времени, поставленная на краю погибели двумя сильными государствами Россією и Швецією, пришла къ убѣжденію, что эту гибель причинили ей двѣ новыя вѣры — уніа и протестантство и что спасеніе ея возможно только при существованіи двухъ старыхъ вѣръ — латинства и православія. Поэтому она рѣшилась уничтожить двѣ новыя вѣры и возстановить въ прежнихъ, древнихъ отношеніяхъ двѣ старыя, при которыхъ Польша такъ была сильна до XVI столѣтія, когда въ ней не было ни уніи, ни протестантства. Эта мысль постоянно пребываетъ въ Гадячскомъ договорѣ, ее признали обязательною для себя обѣ стороны — православная и латинская (306).

Чтоже, много въ самомъ дѣдѣ принесла пользы эта торжественная, единодушная, такъ крѣпко обставленная сдѣлка? Долго польскіе патриоты могли потирать се-

бѣ руки отъ удовольствія, что устроили такое великолѣпное дѣло (307)? А православные западно-русссы много разъ вздохнули свободно? Нѣтъ и нѣтъ! Гадячская сдѣлка, при всей своей торжественности и единодушїи заключавшихъ ее, была въ высшей степени непрактична. Оказалось невозможнымъ, какъ и слѣдовало ожидать, истребить ни унию, ни протестанства, потому что оба вѣроисповѣданія имѣли многочисленныхъ, усердно-преданныхъ послѣдователей; оказалось также невозможнымъ удержать казаковъ въ вѣрности Польшѣ; т. е. гадячская сдѣлка лопалась при первомъ прикосновенїи къ дѣйствительности. Для латинской іезуитской партїи, которая умолкла теперь подъ громомъ бѣдъ, достаточно было уже одной этой непрактичности Гадячскаго договора, чтобы снова поднять голову. Едва кончился сеймъ 1659 г. и стала собираться коммиссія для выполненїя гадячскихъ условїй о вѣрѣ, какъ латинская партїя въ союзѣ съ униатскою заговорила съ прежнею силою и съ привычнымъ искусствомъ стала переворачивать установившіеся во время гадячской сдѣлки взгляды на унию. Она стала убѣждать, что не уния причиною бѣдствїй Польши, а православїе, что уния давно существуетъ какъ законное, согласное съ латинствомъ вѣроисповѣданіе, а православїе въ лицѣ казаковъ и взволнованнаго народа не обѣщаетъ ничего вѣрнаго, напротивъ, оно обличаетъ въ православныхъ русскїя стремленїя, которымъ униа—лучшее противодѣйствїе (308). Посыпались протесты противъ гадячскихъ условїй; посланы жалобы къ папѣ (309); выступилъ во всеоружїи іезуитской схоластики и поддержки Гавріилъ Календа — сперва архіепископъ полоцкїй (до 1664 г.) потомъ администраторъ

митрополиі (до 1666 г.) и наконецъ уніятскій митрополитъ, и такъ успѣлъ отуманить глаза, что на сеймахъ съ 1662 года одно за другимъ слѣдовали такія толкованія всѣхъ уступокъ въ пользу православія, что читая ихъ, нельзя надивиться той страшной порчѣ политическаго смысла и нравственности, какую произвели къ тому времени въ Польшѣ іезуиты съ своею унією. Всѣ эти яснѣйшія уступки въ пользу православныхъ — Зборовская, Гадячская объяснены были такъ, что изложенныя въ нихъ права относятся собственно къ уніятамъ (310). Мало того, уніаты получили еще новое преимущество, которое передало въ ихъ полное распоряженіе всѣхъ православныхъ литовско-русскихъ. Уніятскій митрополитъ Коленда получилъ отъ Яна Казимира дипломъ, по которому ему дано право назначать на всѣ духовныя вакансіи греческой вѣры лицъ по своему непосредственному усмотрѣнію и своею собственною властію (311). Это значило, что уніятскій митрополитъ могъ назначать на всѣ духовныя мѣста помимо прихожанъ, помимо патроновъ, помимо сеймовыхъ избраній и даже помимо короля, т. е. назначать безпрепятственно усердныхъ своихъ слугъ, проникнутыхъ такою же нетерпимостію, какъ и онъ, и назначать не только на уніятскія вакансіи, но и на православныя, потому что въ дипломѣ было сказано вообще о вакансіяхъ греческой вѣры, подъ которою разумѣли всегда въ такомъ опредѣленіи и унію и православіе (312).

Такимъ образомъ, второй уже король польскій начиналъ свое царствованіе возстановленіемъ правъ православныхъ и оканчивалъ совершеннымъ уничтоженіемъ ихъ! Могущество латинской іезуитской партіи было

такъ велико, она такъ искусно возбуждала и объединяла съ своими цѣлями всѣ стремленія народа, что передъ нею безсилны были лучшія, благороднѣйшія намѣренія королей и ее не могли сломать самыя ужасныя бѣдствія Польши. Два короля, говоримъ, Владиславъ и Казиміръ, вступая на польскій престолъ съ трезвою мыслию и рѣшимостію осуществлять ее, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ неблагодарнѣйшей, утомительной борьбы, падали духомъ, подчинялись этой партіи и налагали тяжелую руку на православныхъ, а уніатовъ поглаживали съ самою нѣжною заботливостію, не смотря на то, что самыя простыя указанія здраваго смысла и самыя ясныя требованія польской политики противорѣчили такому образу дѣйствій. Понятно теперь само собою, что если величайшія бѣдствія Польши не могли сломать іезуитской партіи и помочь православнымъ, то малѣйшій успѣхъ польскаго государства, малѣйшіе проблески прежняго его могущества способны были придать ей еще большую смѣлость и неуступчивость. Обстоятельства дѣйствительно повернули тогда же въ эту сторону и доставили новое торжество и іезуитству и уніи. Два страшные врага Польши, Россія и Швеція, при первой встрѣчѣ на землѣ, которую воевали и покоряли, перессорились между собою, благодаря особенно совѣтамъ Австріи, и обратили оружіе другъ противъ друга. Польша начала оправляться и отражать порознь и шведовъ и русскихъ; области, завоеванныя тѣми и другими, мало по малу были возвращаемы назадъ, и Польша заключила миръ сперва съ Швеціею (1660), потомъ и съ Россіею (1667 г.). Повидимому, для іезуитства и уніи въ этомъ поворотѣ обстоятельствъ не было ничего особенно радостнаго,

тѣмъ болѣе, что и Россія и Швеція, заключая миръ съ Польшею, гарантировали спокойствіе совѣсти своихъ единовѣрцевъ въ польскомъ государствѣ. Дѣла, по видимому, должны были возвратиться къ прежнему порядку. Но іезуиты и уніаты сочли нужнымъ пустить новую пыль въ глаза всѣмъ и ознаменовать возстановленіе своего господства новымъ фокусомъ.

Во время кончившейся теперь войны главною квартирою русскихъ былъ большею частію Полоцкъ — мѣсто дѣятельности Іосафата Кунцевича, котораго русскіе, естественно, не имѣли причины уважать и чтить благодарною памятію. Латиняне и уніаты ожидали, что Іосафатъ непременно накажетъ русскихъ, и распускали объ этомъ въ народѣ чудесныя предсказанія и знаменія. Года однако проходили и Іосафатъ не наказывалъ русскихъ; они одерживали побѣду за побѣдою. Но вотъ протестантская Швеція помогла уніатскому святому; русское оружіе, раздѣленное противъ двухъ враговъ, начало ослабѣвать, какъ мы уже замѣчали. Оказалось возможнымъ вставить тутъ Іосафата Кунцевича. Случилось однажды (1660 г.), что въ польскомъ войскѣ, собиравшемся начать битву съ русскими, назначенъ былъ пароль: «Іосафатъ Кунцевичъ». Въ этотъ день ничего особеннаго не случилось, но на слѣдующій день поляки одержали побѣду и вспомнили, что, вѣдь, у нихъ пароль не перемѣненъ, остался тотъ же: Іосафатъ Кунцевичъ; *значитъ* (!?) Іосафатъ Кунцевичъ помогъ одержать эту побѣду. Іезуиты и уніаты зашумѣли. Дали знать сейму о такомъ необыкновенномъ событіи; сочли даже нужнымъ для большаго эффекта отыскать въ войскѣ, одержавшемъ побѣду, такого православнаго, который

бы согласился явиться на сеймъ и пересказать все это чудо (313). Приняли слѣдующее рѣшеніе: Іосафатъ Кунцевичъ признанъ былъ святымъ (*beatificatus*), хотя съ большимъ трудомъ, еще въ 1642 году, но не канонизованъ (т. е. тѣло его не признано нетлѣннымъ (314). Теперь король и сеймъ нашли удобнымъ доставить Іосафату эту новую честь и отправили (1661 г.) посольство къ папѣ Александру VII съ просьбою причислить Іосафата къ канонизованнымъ святымъ. Хлопоталъ объ этомъ протоархимандритъ Базиліянскаго ордена Іаковъ Суша. Папа, конечно, очень справедливо нашелъ страннымъ такое доказательство нетлѣнія Іосафата, и не исполнилъ просьбы; онъ только утвердилъ (1665 г.) составленное Сушею описаніе жизни и чудесъ Іосафата (315). Тѣмъ не менѣе уніаты нашли возможнымъ продолжать поднятый шумъ о Іосафатѣ. Когда началась война съ Россіею за Малороссію, уніатскій митрополитъ Антоній Селява, спасаясь самъ отъ русскихъ, взялъ съ собою и гробъ Іосафата изъ Полоцка. Гробъ этотъ странствовалъ много и долго. Онъ былъ въ Жировицахъ, въ Замостьѣ, въ Вильнѣ (316). Вотъ теперь-то (1666—8 г.) уніаты воспользовались поднятымъ шумомъ. Они начали торжественно вести Іосафата къ Полоцку, что подало поводъ къ безконечнымъ церемоніямъ и новымъ чудеснымъ сказаніямъ, отъ которыхъ, не легко было православнымъ, тѣмъ болѣе, что *тогда же* они имѣли неосторожность утверждать, что переносится и перевозится *пустой* гробъ (317). Случилось еще, что съ этимъ оживленіемъ религіознаго фанатизма совпало нѣсколько конфедерацій противъ короля Казимира, т. е. совпала разнузданность латинскаго общества,

во время которой прекращалась законная власть, умоляли суды, когда, слѣдовательно, іезуиты и уніаты могли разгуливать на просторѣ, дѣлать, что угодно, съ инновѣрцами и никого не бояться.

Въ этомъ омутѣ народныхъ страстей король Янъ Казиміръ окончательно палъ духомъ и отрекся отъ польскаго престола (318). Въ междуцарствіе послѣ Яна Казиміра, во время полного, безусловнаго господства главной партіи, т. е., латинской, іезуитской, обнаружилась со всею ясностію вновь приобрѣтенная сила уніи. Рядомъ съ голословными, обманчивыми завѣреніями правъ и спокойствія диссидентовъ, сдѣлано было тогда, между прочимъ, такое постановленіе, что отступники отъ уніи должны быть наказываемы также, какъ и отступники отъ латинства, т. е. изгнаніемъ изъ отечества (319). Само собою разумѣется, что при такомъ настроеніи польскаго общества ничего не могъ уже сдѣлать въ пользу православныхъ и новоизбранный король (1669 г.) изъ народа — Михаиль Вишневецкій, русскій по происхожденію и человекъ правдиваго, благороднаго характера. Онъ при всѣхъ своихъ прекрасныхъ качествахъ долженъ былъ идти по старой дорогѣ, съ тѣмъ только различіемъ, что даже и не пробовалъ возобновлять безуспѣшныя попытки Владислава и Казиміра улучшить положеніе православія, а сразу подтвердилъ всѣ права уніатовъ и ласкалъ ихъ до конца своего недолговременнаго царствованія. На бѣду еще православнымъ уніатскій митрополитъ Гавріиль Календа лично пользовался особеннымъ расположеніемъ Короля Михаила (320).

Между тѣмъ, еще при Казимірѣ выдвинулся въ Польшѣ необыкновенный человекъ своего времени — Янъ

Собѣсскій, которому суждено было огласить славою польскаго оружія весь христіанскій міръ и воскресить Польшу на короткое время къ прежнему могуществу. По странному стеченію обстоятельствъ, это могущество Польши, эта слава польскаго оружія, даже прекрасныя качества Собѣскаго, какъ человѣка, тяжело отозвались на несчастныхъ литовско-русскихъ православныхъ, для которыхъ все обращалось въ горе — и счастье и несчастье Польши, и благородство и низость ея правителей.

Янъ Собѣсскій живо напомнилъ полякамъ славнаго Баторія. Подобно Баторію, Собѣсскій составилъ широкій планъ борьбы съ турками и, какъ извѣстно, выполнилъ его гораздо болѣе Баторія, — онъ поражалъ на каждомъ шагу турокъ въ Польшѣ и даже спасъ отъ нихъ Австрію. Эти блистательныя успѣхи польскаго оружія тѣсно связаны были народнымъ мнѣніемъ съ судьбою всего западнаго христіанства. На Собѣскаго смотрѣли какъ на героя латинскаго міра, защитника латинства и такое мнѣніе тѣмъ болѣе дѣлало шуму, что Собѣсскій дѣйствительно глубоко былъ привязанъ къ латинству и неоспоримо имѣлъ въ виду доставить ему величіе и славу борьбою съ турками (321). Въ государствѣ съ преобладающимъ іезуитскимъ латинствомъ всегда ужъ такъ бываетъ, что торжество его немедленно возбуждаетъ и усиливаетъ въ латинянахъ ненависть къ иновѣрцамъ и фанатическое понужденіе ихъ къ принятію латинства. Такъ случилось и при Янѣ Собѣсскомъ. Едва избранный по смерти Михаила (1674) на польскій престолъ Собѣсскій успѣлъ вложить мечъ въ ножны, чтобы короноваться польскою короною, какъ латинская партія немедленно представила его вниманію своихъ претендовъ —

уніатовъ, и Собѣсскій далъ имъ два диплома, которыми утверждалъ всѣ до сихъ поръ пріобрѣтенныя ими, незаконныя права (322). Неизвѣстно, какъ широко уніаты воспользовались бы своимъ выгоднымъ положеніемъ, — оживленною ненавистію латынскоі партіи къ православнымъ и своими новыми привилегіями, еслибы дѣла въ православномъ литовско-русскомъ мірѣ шли своимъ прежнимъ порядкомъ, т. е. еслибы православная іерархія по прежнему была благоустроена и уніатамъ оставалось бы дѣйствовать только снизу, посредствомъ гоненія православнаго народа. Послѣдующая исторія Бѣлорусскаго православія, имѣющая нѣкоторую связь съ этимъ временемъ, наводитъ насъ на очень широкія предположенія. Но покаместъ мы должны сказать, что обстоятельства значительно измѣнили обыкновенный образъ дѣйствій уніатовъ, по-крайней-мѣрѣ, на время отвлекли ихъ вниманіе въ другую сторону.

Мы говорили въ свое время, что какъ ни велики были смуты въ областяхъ, присоединившихся къ Россіи въ 1654—5 г., но тамъ было одно благо, изъ-за котораго можно было примириться со всѣми невзгодами жизни — тамъ было спокойствіе православной вѣры. Въ этомъ отношеніи присоединеніе Малороссіи къ русскому царству было свѣтлымъ явленіемъ въ исторіи литовско-русскаго народа; но по отношенію къ тѣмъ областямъ литовско-русскимъ, которыя остались подъ властію Польши, это свѣтлое явленіе омрачилось ужасными послѣдствіями. Всѣ православные, оставшіеся подъ этою властію, и такъ ясно показавшіе готовность порвать съ нею всѣ связи, очутились въ положеніи измѣнниковъ Польши, которымъ короли могли объявлять какую

угодно амнистію, но которымъ не прощало польское общество, особенно іезуитская партія, находившая въ этомъ обстоятельстве прекраснѣйшій предлогъ вдвойнѣ преслѣдовать ихъ и какъ измѣнниковъ отечества, и какъ нетерпимыхъ иновѣрцевъ. Само собою разумѣется, что многіе православные считали рѣшительно невыносимымъ такое положеніе, и одни измѣняли своей вѣрѣ и своей народности, а другіе, избѣгая этой крайности, естественно переходили въ другую, — переселялись въ Россію. Отъ этого западно-русское православіе теряло много слабыхъ членовъ (переходившихъ въ унию или латинство), но теряло также много и хорошихъ, потому что такими и были въ большинствѣ люди, переселившіеся въ Россію. Эта эмиграція причиняла невознаградимую потерю литовско-русскому православію. Особенно огромная потеря, въ этомъ отношеніи, происходила въ томъ классѣ людей, который нужнѣе всего и былъ для поддержанія литовско-русскаго православія, т. е. въ іерархіи. Изъ этой іерархіи переходили въ Россію такіе люди, какъ Симеонъ Полоцкій, Лазарь Барановичъ, не говоримъ о лицахъ позднѣйшаго времени, которыхъ списокъ очень длинень. Мы не преувеличимъ дѣла, если скажемъ, что тогда Литва походила на Ирландію недавно прошедшаго времени. Люди, необходимышіе для важнѣйшаго и труднѣйшаго дѣла, исчезали одни за другими. А между тѣмъ, положеніе западно-русской іерархіи и безъ того было такъ трудно, что требовало самыхъ умныхъ и энергичныхъ людей.

Вмѣстѣ съ заднѣпрорьемъ, населеннымъ казаками, фактически перешло подъ власть Россіи и средоточіе іерархическаго управленія западно-русской Церкви —

Кіевъ. Митрополитъ всей западно-русской Церкви очутился за границею западной Россіи, оставшейся подъ властію Польши. Сношенія его съ этою частію паствы и паствы съ нимъ затруднились до крайности, и тѣмъ больше могло здѣсь встрѣтиться препятствій, что мало по малу начало осуществляться желаніе русскаго правительства, чтобы кіевскій митрополитъ зависѣлъ отъ московскаго патріарха (323). Но самымъ важнымъ для православныхъ затрудненіемъ, которое отсюда вышло, было то, что сама западно-русская православная іерархія раздѣлилась на партіи — одна стремилась своими симпатіями къ Москвѣ, другая ратовала за прежнее положеніе, за подчиненіе митрополіи константинопольскому патріарху. Каждая изъ этихъ партій старалась имѣть на митрополичьемъ престолѣ своего человѣка. Поэтому вскорѣ случилось такъ, что въ то время, какъ русская половина западной Россіи избирала своего кандидата, польская выставяла своего. Оказывалось два митрополита (324); открылся широкій просторъ страстямъ человѣческимъ въ святомъ дѣлѣ, открылся и обыкновенный результатъ такихъ обстоятельствъ. Часть іерархій, желавшая имѣть для Литвы своего, независимаго митрополита, стала примыкать къ Польшѣ и затѣмъ къ уніи.

Въ семидесятихъ годахъ XVII столѣтія Львовскій епископъ—Іосифъ Шумлянскій и кандидатъ на епископію Перемышльскую—Инокентій Винницкій рѣшили воспользоваться этими обстоятельствами. Они вошли въ тайныя сношенія съ польскимъ правительствомъ свѣтскимъ и духовнымъ, и изъявили готовность принять унію (325). Въ провѣтъ, составленномъ по этому

случаю, дѣла вѣры занимають послѣднее мѣсто, — главное въ немъ — обезпеченіе матеріальными средствами принимавшихъ унію. Особенно заботился о себѣ Іосифъ Шумлянскій. Онъ требовалъ, чтобы вещественныя блага львовской епископіи и кіевской митрополіи соединены были въ одно, чтобы львовская епископія обогащена была донаціями и даже, чтобы папа далъ ему денежные средства (326). Но Іосифъ Шумлянскій и Иннокентій Винницкій съ немногими единомышленниками очень хорошо понимали, что имъ при всѣхъ вещественныхъ благахъ будетъ очень неудобно, если они одни примуть унію, безъ паствы. Первые времена уніи могли представить очень убѣдительныя примѣры подобнаго положенія, да и уніятамъ съ іезуитами немного было пользы отъ обращенія въ унію однихъ этихъ лицъ, особенно въ такое время, когда польское латинство торжествовало свои успѣхи въ борьбѣ съ магометанствомъ и способно было затѣвать самыя широкіе планы. Составленъ былъ и теперь самый широкій планъ распространенія уніи и нужно даже сказать, какъ ни странно это можетъ показаться съ перваго раза, планъ самый либеральный.

Въ 1679 году православные и уніятскіе граждане литовско-польскаго государства взволнованы были королевскимъ универсаломъ такого содержанія: король отъ всей души желаетъ согласія и единодушія своихъ подданныхъ, но видитъ, что между православными и уніятами нескончаемый раздоръ. Король желаетъ прекратить этотъ раздоръ и приглашаетъ православныхъ и уніатовъ всѣхъ чиновъ и званій на братскій разговоръ въ Люблинъ. Но объ чемъ же бесѣдовать этимъ ста-

рымъ знакомымъ? Въ королевскомъ универсалѣ указывалось на одинъ матеріаль бесѣды очень заманчиваго и въ то же время очень безразличнаго въ дѣлахъ вѣры свойства. Тамъ говорится, чтобы обѣ стороны захватили съ собою свои грамоты, привилегіи, очевидно, съ тою цѣлію, чтобы сличить ихъ, разсудить и установить законныя, мирныя отношенія между православными и уніятами, что для государства, безспорно, было очень важно и давало право Собѣсскому даже приказывать, чтобы всѣ, имѣвшіе какое нибудь старшинство, непременно прибыли на Люблинское собесѣдованіе (327). Но въ грамотѣ короля къ тогдашнему уніятскому митрополиту Кипріану Жоховскому говорилось прямо, чтобы на этомъ сѣздѣ было разсужденіе о дѣлахъ вѣры и разсужденіе самое широкое; — Жоховскій долженъ созвать для этого всѣхъ лучшихъ ученыхъ своей іерархіи (328). За этимъ, конечно, дѣло не стало.

Въ январѣ 1680 гада по прекрасной санной дорогѣ понеслись въ Люблинъ со всѣхъ концовъ Литвы уніаты разнообразнѣйшихъ чиновъ, митрополитъ, епископы, протоархимандритъ Базиліанскаго ордена, опаты (настоятели) монастырей, протоконсулты, консулты, секретари, проповѣдники, духовники, и просто ученые иноки этого ордена. Прибыли нѣкоторые латинскіе епископы и комиссары, назначенные для этого королевъ (329). Прибылъ также Іосифъ Шумлянскій и нѣсколько православныхъ игуменовъ и мірянъ. Люблинскіе іезуиты съ латинскимъ и уніятскимъ народомъ приняли ихъ съ распростертыми объятіями. Іезуиты предложили свой костель, гдѣ въ полномъ собраніи всѣхъ членовъ сѣзда совершена уніятскимъ епископомъ тор-

жественная обѣдня съ высокопарною проповѣдью изъ текста: да вси едино будутъ. Послѣ обѣдни іезуитскіе школьники встрѣтили вышедшее собраніе своею процессією съ пѣснями, поздравленіями. «Аѳины, Геликонъ, Парнассъ, восклицаетъ при этомъ Жоховскій, описавшій этотъ съѣздъ, ничто въ сравненіи со всѣмъ этимъ!» Тутъ же князь Дмитрій Корибутъ Вишневецкій предложилъ залы своего дворца и свое радушіе членамъ съѣзда. Нужно бы ожидать здѣсь новыхъ восторговъ отъ автора, описавшаго Lubelskie Colloquium, но онъ ихъ уже не дѣлаетъ, да они дѣйствительно были бы теперь не у мѣста, потому что затѣмъ немедленно послѣдовали совершенно иного рода событія (330).

Въ тотъ же день получено было отъ короля письмо, которое такъ поразило люблинское собраніе, что оно, выслушавъ его, *altum ingemuit*, (громко застонало). Король потребовалъ, чтобы Люблинскій съѣздъ былъ перенесенъ въ Варшаву для устраненія слѣдующаго затрудненія. Луцкое православное братство, безъ сомнѣнія, узнавшее тайную сдѣлку Шумлянскаго съ уніятами, обратилось къ королю съ просьбою отсрочить совѣщаніе и дать православнымъ дозволеніе снестись пока съ восточными патріархами. Король писалъ главному члену съѣзда Жоховскому, что отказалъ членамъ Луцкаго братства въ этой просьбѣ, и задержалъ ихъ у себя, но во всякомъ случаѣ убѣждаетъ собраніе переселиться въ Варшаву; тутъ имъ будетъ поудобнѣе, затрудненія уйдутся, да и король теперь не можетъ отпустить отъ себя сенаторовъ въ Люблинъ, въ качествѣ его комиссаровъ (331). Члены собранія, по выраженію Жоховскаго, готовы были пѣшкомъ идти въ Варшаву, но они

ясно поняли, что этотъ подвигъ не принесетъ никакой пользы, потому, между прочимъ, что въ то же время, какъ Луцкое православное братство устроило Люблинскому съѣзду такой сюрпризъ, и папскій нунцій наложилъ желѣзные оковы на жителей новыхъ Аѳинъ, Геликона, Парнаса. Онъ запретилъ имъ приниматься за разсужденіе о положеніяхъ латинства, разбирать и доказывать ихъ православнымъ, и требовалъ, чтобы собраніе ограничилось только отеческимъ увѣщаніемъ, принятіемъ покорности и присоединеніемъ схизматиковъ (332). Нужно предполагать, что протоконсулы, консулы, секретари и вообще доктора Базилианскаго ордена, приготовлявшіеся, безъ сомнѣнія, и не безъ труда, къ самому широкому состязанію съ православными, сильно поморщились отъ этого новаго сюрприза, и прежде ихъ поморщился протоархимандритъ Базилианскій, напрасно собравшій въ Люблинъ этихъ ученыхъ мужей насчетъ ордена, а тутъ король предлагаетъ еще новыя издержки, хочетъ переселить этихъ борцовъ въ Варшаву также напрасно. Къ большому огорченію члены съезда еще узнали, что даже протестанты дѣйствуютъ противъ нихъ за одно съ православными, изъ боязни, чтобы съ присоединеніемъ къ униі православныхъ, не пришлось имъ однимъ выносить иго латинскаго деспотизма, за что Жюховскій счелъ умѣстнымъ избраніе ихъ жестоко, и кстати назвать Лютера и Кальвина *kałmpemі wiergzami diabelskiemі* (откормленными боровами діавола) (333). Словомъ, Люблинскій съездъ увидѣлъ, что ему въ Люблинѣ ничего нельзя сдѣлать и также ничего нельзя будетъ сдѣлать въ Варшавѣ. Поэтому онъ отказался отъ королевскаго приглашенія

ѣхать въ Варшаву (334) и объявилъ, что унія возвращается домой (*Jednosé S. powraca do domu*) (335). «Было прекрасное стадо рыбъ», заканчиваетъ авторъ *Colloquium*, но не удалось поймать..., было прекрасное стадо овецъ, но не хотѣло войти во дворъ овчій верховнаго римскаго пастыря и соединиться съ тѣми, которые слушаютъ его голоса и не столько боятся его, сколько любить (336). Или короче и яснѣе: изъ этой громадной, великолѣпной затѣи вышло, благодаря вмѣшательству Луцкаго православнаго братства, *magnum nihil* (великое ничто), какъ выражается тотъ же авторъ (337).

Дѣйствительно люблинское собраніе обратилось въ ничто, даже положимъ, въ великое ничто, но нельзя того же сказать о той тайной сдѣлкѣ, въ которую вступилъ съ уніятами Шумлянскій, и которой Люблинскій съѣздъ былъ только широкимъ развитіемъ.

Когда главные члены Люблинскаго съѣзда отказались ѣхать въ Варшаву подъ предлогомъ неудобствъ зимняго путешествія, то Король предложилъ имъ пріѣхать туда лѣтомъ (338). Уніаты хотя нерѣшительно отвѣтили на это новое предложеніе (339), но не видно, чтобы они имъ воспользовались. Нѣтъ въ памятникахъ никакого слѣда, чтобы они снова побезпокоили православныхъ новымъ приглашеніемъ на собесѣдованіе, да оно, какъ мы видѣли, и не могло обѣщать ни малѣйшаго успѣха. Но Іосифъ Шумлянскій и Иннокентій Винницкій сочли неблагоприятнымъ дѣломъ отказаться отъ этого предложенія. У нихъ были сильныя побужденія напрашиваться на унію. Одному хотѣлось быть митрополитомъ и владѣть митрополичьими имѣніями, другой имѣлъ болѣе скромную цѣль — сдѣлаться Перемышльскимъ еписко-

помъ, а между тѣмъ Жоховскій просилъ короля отказаться ему въ этомъ, пока онъ остается православнымъ. Поэтому оба искателя земныхъ благъ поспѣшили (1681 г.) въ Варшаву и передъ папскимъ нунціемъ приняли унію (340). Оба они добивались и теперь, чтобы снова созвать съѣздъ и опять составили планъ соединенія православныхъ съ уніятами (341); но всѣ хлопоты оказались напрасными. Мало того, Шумлянскому и Винницкому съ немногими друзьями вскорѣ пришлось самимъ скрывать, что они приняли унію.

Оба эти епископа, старавшіеся съ такими усиліями измѣнить своей вѣрѣ, достигли главной своей цѣли — личныхъ выгодъ, по крайней мѣрѣ, навѣрно знаемъ о первомъ изъ нихъ — Іосифѣ Шумлянскомъ. Онъ еще въ 1673 году получилъ въ администрацію Кіевскую митрополію при Львовской епископіи (342), а въ 1677 г. нѣкоторыя имѣнія ея (343). Но обстоятельства, хотя, конечно, не къ пользѣ православныхъ, какъ бы нарочно устроились такъ, чтобы мучить этихъ недостойныхъ людей.

Черезъ нѣсколько лѣтъ, именно въ 1686 году, Янъ Собѣскій заключилъ съ Россією миръ, по которому, между прочимъ, Польша обязывалась возстановить православныя епископіи — Львовскую и Перемышльскую (344). Шумлянскому и Винницкому приходилось, такимъ образомъ, лишиться всѣхъ благъ, прибрѣтенныхъ принятіемъ уніи. Теперь оказалось, что имъ лучше бы быть православными, и вотъ по какимъ особенно причинамъ. Тогда же Кіевъ окончательно былъ уступленъ Россіи и Перемышльскій епископъ Гедеонъ Четвертинскій, котораго они тоже хотѣли было затя-

нуть въ унию (345), рѣшился положить конецъ двусмысленному положенію Кіевской митрополіи. Онъ сблизился съ вѣрнымъ Россіи Гетманомъ Самойловичемъ и, будучи избранъ на митрополичій престолъ, призналъ надъ собою власть Московскаго Патріарха, даже посвященъ былъ въ Москвѣ (346). Такимъ образомъ, средоточіе западно-русской Церкви совершенно было оторвано отъ областей ея, остававшихся подъ властію Польши, и Шумлянскому очень можно было рассчитывать, что большое число западно-русскихъ православныхъ будетъ чувствовать настоятельную нужду въ вышемъ іерархѣ мѣстномъ. Шумлянскій не задумался воспользоваться и этими обстоятельствами. Такъ какъ онъ въ Варшавѣ принималъ унию, по всему видно, не гласно (347), то продолжалъ считать себя православнымъ и требовалъ отъ литовско-русскихъ православныхъ подчиненія себѣ, какъ администратору Кіевской митрополіи. Отъ этого новаго фарса Шумлянскаго приходилось очень плохо тѣмъ православнымъ, которые отказывались отъ повиновенія ему! Онъ навѣзжалъ на ихъ приходы и жестоко расправлялся съ ихъ священниками (348). Но не лучше было и тѣмъ, которые ему подчинялись. Поляки стали неблагоклонно смотрѣть на эту неожиданную ревность Шумлянскаго къ православію и начали его тѣснить. Тогда Шумлянскій опять взялся за унию, принялъ ее и сталъ тянуть къ ней за собою свою паству (349). Особенное вниманіе его обращено было на Львовское православное братство. Онъ дѣйствовалъ на него то ласками, то гоненіями и таки дождался, что оно приняло унию. Возгорѣвшаяся тогда вновь Шведская война, при новомъ уже королѣ Августѣ

II (или Саксонскомъ) разстроила благосостояніе братства; а Шумлянскій не давалъ возстановить его иначе, какъ подъ условіемъ принятія уніи. Въ 1708 году совершился этотъ грустный фактъ (350), — погибла эта древняя опора западно-русскаго православія — Львовское братство, принесшее столько добра этому православію и перенесшее изъ-за вѣры столько мукъ отъ уніатовъ и латинянь. Оставалось еще въ значительной силѣ новѣйшее православное братство — Луцкое, оказавшее такое видное вліяніе на дѣла своей Церкви во время Люблинскаго сѣзда, но и оно къ этому времени очень ослабѣло и разъ только еще заявляло свое существованіе. Епископъ его области Діонисій Жабокржицкій принялъ въ 1702 году унію. Луцкое братство пожаловалось Петру I-му. Жабокржицкій былъ схваченъ и заточенъ въ Россіи. Но когда поставленъ былъ новый православный епископъ Кириллъ Шумлянскій, то братство уже не могло удержать его; Кириллъ принужденъ былъ удалиться (1712 г.) въ области русскія; а Луцкое братство исчезло безслѣдно, когда и какъ, ничего неизвѣстно (351).

Такимъ образомъ, къ началу XVIII столѣтія уніа, по видимому, покончила свое дѣло. Всѣ литовско русскія области польскаго королевства испытали на себѣ ея удары и православные вездѣ были подавлены на столько, что *сами, своими* собственными средствами не могли уже противопоставить ей серьезныхъ затрудненій. Опустошительнымъ ураганомъ прошла она по всѣмъ странамъ литовско-русскимъ и вездѣ оставила развалины древняго, обширнаго зданія. Разразилась она въ Вильнѣи, послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ, поколеба-

ла могущество Виленскаго братства; разразилась въ Вѣлоруссіи и кровію ознаменовала свои успѣхи; взволновала Малороссію и, хотя сама облилась кровію, но разшатала вновь образовавшееся здѣсь іерархическое средоточіе западно-русскаго православія; сгруппировались остатки этой іерархической силы въ Галиціи и Волыни и около нихъ религіозныя чувства народа, — унія и здѣсь разразилась и истребила ихъ.

Если бы составить карту тогдашней западной Россіи съ обозначеніемъ особыми красками православныхъ и уніатовъ, на подобіе напримѣръ этнографической карты Россіи Кеппена, то чертежнику пришлось бы распорядиться указанными ему двумя красками слѣдующимъ образомъ. Онъ сейчасъ сообразилъ бы, что въ краскѣ для обозначенія православныхъ можно сдѣлать большую экономію. Для нее онъ выбралъ бы самую тонкую кисть и, начиная съ западной полосы Литвы, прилегающей къ восточнымъ границамъ Польши, обозначалъ бы православіе только небольшими точками. Точки эти ему пришлось бы учащать и увеличивать по мѣрѣ удаленія отъ этихъ восточныхъ границъ Польши, но нигдѣ его кисти недѣзя было бы размахнуться, безъ боязни намѣтитъ православными уніатовъ. Меньше было бы экономіи въ краскѣ и меньше нужно было бы осторожности при обозначеніи уніатовъ. Чертежникъ выводилъ бы длинныя, большіе узоры около прежнихъ точекъ православія, по сосѣдству съ Польшей и вспомнилъ бы о благоразумной осторожности, только разрисовывая Вѣлоруссію и около задвѣпровской Малороссіи. Затѣмъ самому чертежнику и первому разсматривающему эту карту бросились бы въ глаза такія явленія. На картѣ

оказалось бы больше всего уніатовъ и меньше всего православныхъ изъ крестьянъ; изъ мѣщанъ и бѣдныхъ, шляхтичей преобладающая краска была бы уніятская, но значительна также была бы и православная; а краски, обозначающей мѣсто жительства дворянъ меньше всего было бы какъ у православныхъ, такъ и у уніатовъ. Наконецъ, того и другаго поразило бы такое странное явленіе, что за всѣмъ тѣмъ, на картѣ—слишкомъ много пустаго мѣста. Знающій дѣло объяснилъ бы имъ, что пустое мѣсто, очень значительное, занимаютъ латиняне, почти исключительно вышедшіе въ латинство или прямо изъ православія, или черезъ унію. Этимъ путемъ можно бы получить наглядное доказательство той, подлежащей сомнѣнію, истины, что унія, послѣ слишкомъ вѣковыхъ трудовъ, для себя собственно — выработала не много, но очень много для латинства. Въ этомъ отношеніи она показывала изумительное безкорыстіе, которое однако принято было поляками съ самою черною неблагодарностію.

Слишкомъ столѣтіе трудилась уніятская Церковь для своего распространенія. Для этого дѣла она выдвигала всѣхъ своихъ лучшихъ людей, нещадилась усилій, подвергалась всевозможнымъ нареканіямъ, приносила даже кровавыя жертвы, а латинство пожинало плоды ея трудовъ. Уніятская Церковь была наемницею латинской, рабою, незнающею ни отдыха, ни сладости труда. Мало того, латинское, польское общество пришло къ убѣжденію, что унія уже довольно сдѣлала, чтобы сдѣлать еще что нибудь дѣльное, что пора уничтожить ее и замѣнить чистымъ латинствомъ. Въ этихъ видахъ въ первыхъ годахъ XVIII столѣтія составленъ бывъ планъ

уничтоженія литовской уніи, распространень по всему государству и предложенъ даже на сеймѣ. Объ этомъ мы будемъ говорить подробно въ слѣдующемъ томѣ нашихъ изслѣдованій. Здѣсь только скажемъ, что этотъ планъ необходимо добивалъ всѣ нравственныя силы уніи и, что еще болѣе важно, возбуждалъ въ ней заботливость уже не распространяться, а сохранить себя отъ латинства. Такимъ образомъ, враги уніи перемѣнились: не православные, а латиняне стали ея главными врагами. При этомъ естественно бы ожидать, что уніятская Церковь потеряетъ всякую охоту распространяться и православные станутъ жить мирно. Къ этому дѣйствительно и направлялась исторія уніи, какъ увидимъ въ свое время. Но уніи не дали послѣдовать этой логичности. Она должна была ознаменовать послѣднее время своего существованія еще одною странностию, безжизненная, убитая латинствомъ—принуждена была распространяться, и хотя старческія ея силы со стономъ просили покоя, распространялась съ такимъ неистовствомъ и жестокостию, что при первомъ взглядѣ этотъ, послѣдній въ исторіи распространенія уніи, рядъ явленій своеобразенъ до крайности озадачить всякаго, кто мало знакомъ съ этимъ дѣломъ. Неуглубляясь въ дѣйствительный смыслъ этихъ явленій, въ дѣйствительныя побужденія, движущія силы ихъ, можно въ самомъ дѣлѣ подумать, что теперь-то въ XVIII столѣтіи уніа и распространялась, что тутъ-то и вся ея исторія. Такъ большею частію въ нашей литературѣ и понимаютъ эти послѣднія времена уніи (352). Мы рискуемъ возбудить много нареканій, но, не смотря на то, утверждаемъ со всею рѣшительностию, что тутъ—меньше всего исторіи

уніи. Сама унія тутъ менше всего дѣйствовала и менше всего приобрѣтала. Вотъ краткій расказъ объ этихъ временахъ уніи—краткій потому что тутъ, по нашему разумѣнію, было не распространеніе, а гибель уніи—гибель, о которой мы будемъ говорить съ надлежащими подробностями въ слѣдующемъ томѣ нашихъ изслѣдованій.

Мы рассказывали, какъ въ шестидесятыхъ годахъ XVII столѣтія поднятъ былъ вопросъ о канонизаціи Іосафата Кунцевича, оживившій уніатовъ къ новой ревности распространять свое вѣроисповѣданіе и легшій новою тяжестью на православныхъ, особенно въ Бѣлоруссіи—мѣстѣ служенія Іосафата Кунцевича. Видѣли мы также, что въ скоромъ однако времени вниманіе уніатовъ отвлечено было въ другую сторону — къ Галиціи и Волынѣ, гдѣ имъ представилась возможность уничтожить православную высшую іерархію и убить послѣдніе остатки православія. Во время этихъ послѣднихъ хлопотъ, продолжавшихся сорокъ лѣтъ, въ уніатахъ легко могли ослабѣть восторженные чувства къ Іосафату и Бѣлоруссіи моглабы вздохнуть немного свободнѣе, но она имѣла несчастіе къ началу XVIII столѣтія снова приковать къ себѣ вниманіе и уже не столько уніатовъ, сколько латинянъ.

Когда во всѣхъ литовско-русскихъ областяхъ изчезли одинъ за другимъ православные іерархи, одна Бѣлоруссія сохраняла у себя епископа, благодаря близости къ Кіеву и Россіи. Эта особенность Бѣлоруссіи, естественно, обращала на себя вниманіе уніатовъ, тѣмъ болѣе, что теперь у нихъ всѣ почти митрополиты выходили изъ Полоцкихъ архіепископовъ и обыкновенно удер

живали за собою эту епархію. Такимъ образомъ, Бѣлорусскій православный епископъ, находившійся, по географическимъ понятіямъ уніатовъ, въ области Полоцкой архіепископіи, сталкивался прямо съ уніатскимъ митрополитомъ и черезъ него обращалъ на себя вниманіе и силы всѣхъ уніатовъ. Къ несчастію, совершенно постороннія обстоятельства еще болѣе вызвали и эти силы и это всеобщее вниманіе уніатовъ къ Бѣлоруссіи.

Въ первыхъ годахъ XVIII столѣтія началась снова война Швеціи съ Польшею. Въ Польшѣ очень нелюбившей своего короля Августа II, была сильная партія, благопріятствовавшая Швеціи и посредствомъ ея желавшая имѣть новаго короля — Станислава Лещинскаго. Съ Августомъ соединился его союзникъ Петръ I, сталъ помогать ему и въ 1705 году самъ прибылъ въ Полоцкъ. Партіи, какъ тогда ее называли, народной очень не нравилась эта помощь Августу Петра. Полоцкіе базилиане, какъ люди, душою и тѣломъ преданные этой партіи, которая сосредоточивала въ себѣ все латинское, стали вредить Петру, сносились съ Шведами и народною партіею, передавали имъ извѣстія и позволяли себѣ высказывать дурные отзывы о Петрѣ. Безъ всякаго сомнѣнія, Петру желательно было имѣть благовидный предлогъ, чтобы раздѣлаться съ этими беспокойными людьми. Предлогъ этотъ скоро представился. Однажды Петръ I, проходя мимо Базилианскаго монастыря, во время вечерни, полюбопытствовалъ посмотрѣть уніатское богослуженіе, вошелъ въ церковь и затѣмъ хотѣлъ войти въ алтарь. Уніатскіе монахи воспылали ревностію и не пускали его въ алтарь, съ дерзостію называя еретикомъ, потомъ съ такоюже дерзостію отвѣ-

тели ему, когда Петръ, увидѣвъ изображение Иосафата, спросилъ: чей это образъ; дошло даже до свалки, очень опасной. Полоцкимъ базилианамъ пришлось жестоко расплатиться за всѣ неприятности Петру (353), но дѣло не кончилось расплатою ихъ однихъ. Петръ возненавидѣлъ всею душою всѣхъ уніатовъ и занимая своими войсками многія области Польши, далъ русскимъ приказаніе ловить уніятскихъ іерарховъ, такъ что тѣ сочли благоразумнымъ дѣломъ запрятаться въ глубь Польши (354).

Литовско-русскіе православные очень ободрились: освѣжилась снова ихъ надежда на Россію и они засыпали русское правительство своими жалобами и просьбами о заступничествѣ. Такой образъ дѣйствій православныхъ не только былъ естественный, но имѣлъ и явные признаки государственной законности. По условіямъ Андрусовскаго мира и потомъ вѣчнаго мира съ Польшею Россія получила право защищать своихъ единовѣрцевъ въ этомъ государствѣ (355) и еще до Петра напоминала объ нихъ Польшѣ. Но со временъ Петра изъ этого права Россія сдѣлала уже постоянное и самое обширное употребленіе. Русскіе резиденты въ Польшѣ уже постоянно наблюдали за положеніемъ въ ней православныхъ, разсылали даже особыхъ агентовъ по областямъ. Этимъ путемъ собирались разныя, подробныя свѣдѣнія, сообщались русскому правительству и возвращались къ польскому въ видѣ представленій и требованій. Польскіе короли обыкновенно были очень внимательны къ этимъ представленіямъ, требованіямъ и принимали не мало мѣръ къ ихъ исполненію. Но все это ничего незначило. Короли польскіе XVIII столѣтія не

имѣли никакой власти, вся власть сосредоточивалась въ рукахъ аристократовъ, между которыми самую сильную партію составляли люди, ненавидѣвшіе всѣ окрестныя правительства, подозрѣвая ихъ въ намѣреніи уничтожить самостоятельность Польши. Партія эта, въ которой союзъ короля Августа съ Россіею не имѣлъ никакой популярности, приходила каждый разъ въ ярость, какъ только русскій резидентъ доводилъ до свѣдѣнія польскаго правительства страданія православныхъ и требовалъ ихъ прекращенія. Само собою разумѣется, что іезуитамъ все это было истинною находкою. Подъ ихъ влияніемъ возбудилась къ православнымъ литовско-русскимъ ненависть во всѣхъ полякахъ. Всѣ поляки стали смотрѣть на этихъ несчастныхъ литовско-русскихъ православныхъ, какъ на самыхъ ненавистныхъ людей, по отношенію къ которымъ все позволительно. А что было непозволительно въ тогдашней Польшѣ, если подходило вѣрно или невѣрно подъ народныя требованія или даже требованія сильной партіи? Тогда-то началась истинно невообразимая мука литовско-русскихъ православныхъ. Избить, истязать православнаго, отрѣзать ему руку, убить наповаль—поляку того времени ничего не значило. Нѣкоторые изъ этихъ патріотовъ, которыхъ имя останется неизгладимымъ пятномъ въ польской исторіи, доходили въ своей безумной жестокости до самой утонченной изобрѣтательности. На свадьбѣ, на примѣръ, въ пьяномъ видѣ рѣшали отправляться громадною толпою въ мирные города и селенія и разомъ, ударами сабель, обращали къ уни тысячи православнаго народа, подъ предводительствомъ двухъ епископовъ латинскаго и униатскаго (356). Дру-

гіе, чтобы показать больше омерзения къ православнымъ, посылали за десятки верстъ за палачемъ для казни беззащитнаго народа, виновнаго только въ томъ, что въ его жилахъ текла русская кровь, а въ душѣ мерцалъ потухающій свѣтъ православной вѣры (357). Польское королевское правительство стонало отъ затрудненій, вызываемыхъ этими варварскими дѣлами; краснѣли и вопіяли даже папы и ихъ польскіе нунціи (358). Но все было напрасно. Опьянѣвшая народная ярость, разнузданная со всѣхъ сторонъ и на всѣхъ путяхъ жизни, ничего не хотѣла знать. Всему этому могъ быть одинъ конецъ — гибель Польши, что и начало исполняться съ первыхъ временъ царствованія Екатерины II.

Трудолюбивый, добросовѣстный Бантыщъ-Каменскій собралъ документы этого ужаснаго времени съ такою тщательностію, которая, безъ сомнѣнія, не скоро уступитъ мѣсто другой. Мы и отсылаемъ туда нашихъ читателей, желающихъ знать побольше фактовъ этого рода. Мы ихъ здѣсь только формулировали, приводили къ основнымъ ихъ мотивамъ и беремъ только выработанные ими данныя. Изучая книгу Бантыщъ-Каменскаго и сравнивая ея факты съ доступными намъ рукописными документами архива уніятской митрополіи, хранящагося въ Святѣйшемъ Синодѣ, мы составляли своего рода статистику, вычисляли кто, когда и какъ въ это время преслѣдовалъ православныхъ. Оказалось, что больше всего, жесточе всего занимались этимъ дѣломъ польскіе аристократы, шляхтичи, затѣмъ іезуиты. Уніаты почти вездѣ занимали второе мѣсто, были больше подставными лицами. Затѣмъ, въ этихъ неистовствахъ, на половину православныхъ обращали въ унію, на половину

прямо въ латинство. Этотъ ходъ дѣла былъ самый логичный, какъ это намъ уже понятно. Доведенная до ничтожества унія не могла здѣсь занять первенствующаго положенія, если бы даже хотѣла, а поляки, достигнутые явными признаками гибели своего отечества, съ естественною въ такихъ случаяхъ торопливостію спѣшили доканчивать главное дѣло унія — ополячивать литовско-русскихъ православныхъ. Въ этомъ отношеніи они стали точь въ точь въ такое положеніе къ литовско-русскимъ православнымъ, въ какомъ не разъ стояли къ западнымъ славянамъ австрійскіе нѣмцы — параллель, конечно, не лѣстная для польской націи, но совершенно вѣрная. Она до того вѣрна, что даже результатъ вышелъ тотъ же: борьба между православіемъ и уніею, поддерживаемая въ послѣднее время самими искусственными, неестественными средствами въ видахъ Польши, повела къ быстрому возстановленію въ западной Россіи и православной вѣры и русской народности (359). Но объ этомъ рѣчь будетъ въ слѣдующемъ томѣ.

Конецъ второго тома.

П Р И М Ъ Ч А Н І Я.

---

1) Литовск. церковн. унія, Т. I, стр. 175—176.

2) Происхождение, характеръ и дѣйствія этой партіи прекрасно очерчены въ недавно изданномъ сочиненіи: *Słowo dziejów polskich* Когоновича, три тома. Конечно, такой отзывъ о сочиненіи Короновича мы не относимъ ни къ его патриотическимъ мечтаніямъ, ни къ взглядамъ на унію и православіе, обнаруживающимъ въ авторѣ совершенное непониманіе исторіи обоихъ вѣроисповѣданій въ литовско-польскомъ государствѣ.

3) Мы здѣсь касаемся нѣсколько и тѣхъ положеній, какія высказаны въ первомъ томѣ нашихъ изслѣдованій. Къ этому побуждаетъ насъ внутренняя связь самыхъ событій, о которыхъ будемъ говорить, и то, что теперь мы нѣсколько болѣе разработали нашъ взглядъ на это дѣло. Не скроемъ, впрочемъ, что имѣемъ и еще одно побужденіе обратить вновь особенное вниманіе на историческую почву, на которой выросла унія. Къ этому побуждаетъ насъ г. Соловьевъ, уничтожающій ее совершенно, по необъяснимому для насъ заблужденію, г. Соловьевъ отрываетъ унію и отъ древней исторіи литовско-польской и вообще отъ гражданской жизни этого государства. Оттого она выходитъ у г. Соловьева

сборомъ случайныхъ фактовъ, выдвинутыхъ какъ-бы какою-то капризною судьбою для непостижимаго глумленія надъ несчастнымъ литовско-русскимъ народомъ.

4) Вотъ грамота папы, которая можетъ дать нѣкоторое понятіе о правахъ уніи. *Clemens episcopus servus servorum Dei. Ad perpetuam rei memoriam.*

Decet Romanum Pontificem, eos qui pravis schismatum erroribus relictis, ad s. Matris Ecclesiae unitatem redierunt, specialibus favoribus prosequi, ut illi in ejusdem Ecclesiae fide et obedientia eo constantius perseverent quo cumulatioribus beneficiis se affectos esse perspexerunt. Cum itaque Venerabiles Fratres Hipatius Protothorius Vlodimiriensis et brestensis, ac Cyrillus Exarcha Luceoriensis et estregiensis Episcopi nationis Ruthenae seu Russiae, suo et Venerab. Fratrum Michaëlis Archiepiscopi Metropolitae Kijovien. et Haliciens. et totius Russiae, Gregorii Archiepiscopi Nominati, electi in episcopum Polocens. et Vitepscens. Michaëlis Episcopi premisliens. et sanboriens. Gedeonis Leopoliens (оба эти имена внесены сюда на основании грамотъ, отвергнутыхъ еще прежде ими обоими), Dionisij Episcopi Chelmens. et Belzen. Leontii Episcopi Pinscen. et Turovien. postea defuncti, etiam Ionae Archimandritae Kobrynien. Ecclesiae S. Salvatoris, deinde electi in episcopum Pinscen. et Turovien. loco dicti Leontii Episcopi defuncti nomine, qui antea cum Romana Ecclesia non communicabant, sed proprii sermonis et idiomatis usu retento, Greco ritu vivebant ad nos et ad sedem Apostolicam nuper accesserint, ac tam privato amborum (т. е. Поцвя и Терлецкаго) quam praedictorum Michaelis episcopi et aliorum episcoporum communi et procuratorio nomine se et alios in ejusdem Ecclesiae gremium recepi et tanquam

membro suo capiti uniri supplicaverint, fideique Orthodoxy professionem juxta formam Graecis in hoc sancta Sede praescriptam integre et ad verbum fecerint et miserint, nobisque et Apostolicae Sedi debitam obedientiam et subjectionem praestiterint et perpetuo praestare promiserint. Nosque more pii Patris ipsos universumque eorum clerum et populum Ruthenae seu Russiae nationis in eisdem Ecclesiae gremium receperimus, et tenquam membra in Christo unitati Ecclesiae restituerimus et incorporavimus. Ac praeterea ad nostram erga ipsos charitatem ostendentam, magis, omnes sacros Ritus et ceremonias, quibus idem Archiepiscopus seu Metropolita, Episcopi et Clerus praedicti juxta ss. Patrum Graecorum instituta in Divinis, ac sacrosanctae Missae Sacrificio, et sacramentorum administratione, aliisque sacris functionibus utuntur, dum modo veritati et fidei Catholicae non adversentur ac communionem cum Romana Ecclesia non excludant?! (Какъ это возможно было сдѣлать, вѣроятно ни самъ папа, ни принявшіе унію епископы не понимали) ex Apostolica benignitate eadem permiserimus, concesserimus et indulserimus, aliaque fecerimus, quae in nostris sub plumbo confectis Litteris. Dat. Kal. Jan. praesentis anni plenius continentur (указывается на грамату, въ которой обширно описывается приемъ въ Римѣ епископовъ Colloqui Lub. стр. 42—43). Cupientes nunc eosdem ulterioribus gratis prosequi, cum provincia Russiae seu Ruthena, longo intervallo a Romana Curia distet et propterea episcopis qui pro tempore eliguntur valde incommodum futurum sit, ad Apostolicam Sedem pro suae electionis confirmatione accedere, seu etiam alios, qui eorum nomine hujusmodi confirmationem petant et ad eadem Sedem trans-

mittere, eorum in hac parte commodis et indemnitati, quantum cum Domino possumus consulere volentes, motu proprio et ex certa scientia nostra, ac de Sedis Apostolicæ potestatis plenitudine, hac nostra perpetuo volitiva, constitutione statuimus et ordinamus, ut quodocunque post hoc, aliquas ex prædictis eorum cathedralibus ecclesiis, seu sedibus Episcopalibus Vlodimiriens. etiam invicem Pinscen. et Turovien. pariter invicem Premyslien. et samborien. similiter invicem Chelmen. et Belscenz. et invicem Leopoliens. et Camenec. et invicem perpetuo, vel aliis unitis seu annexis pastoris solatio destitutas seu vacantes, juxta morem, seu modum illis permissum, Electus seu nominatus fuerit, a prædicto Archiepiscopo, Metropolita Kioviensi et Haliciens. nunc et pro tempore existenti, auctoritate et nomine Sedis Apostolicæ confirmari et institui, eique munus consecrationis impendi possit et debeat, ac ut si Electus, seu nominatus et confirmatus vel institutus ab eodem Archiepiscopo, Metropolita vel de ejus licentia ab alio Catholico Antistite ejusdem nationis, gratiam et communionem Sedis Apostolicæ habente, duabus vel tribus Episcopis Catholicis ac similem communionem habentibus assistentibus, munus consecrationis hujusmodi suscipere, idemque Antistes illi dictum munus impendere valeat, super quo ipsi tum in Episcopo pro tempore electo seu nominato et confirmato, quam Archiepiscopo Metropolitano pro tempore existenti, plenam, amplam et liberam potestatem per præsentem concedimus et indulgemus. Verum cum Sedes Archiepiscopales, seu Metropolitanas, Ecclesias Kiovienses et Halicienses prædictas, similiter invicem perpetuo, vel alias unitas seu annexas per obitum vel alias movismodo quodocunque tam forsitan in Romana Curia quam

extra eam ubilibet pastoris solatio destitui, seu vocare contigerit, volumus et parimodo et auctoritate perpetuo statuimus et ordinamus ut is qui in Archiepiscopum, seu Metropolitanam juxta eorum morem, seu modum illis permissum pro tempore similiter electus seu nominatus fuerit, electionis, seu nominationis suæ constitutionem et institutionem seu provisionem nec non muneris consecrationis licentiam, a Nobis et a Romano Pontifice pro tempore existente petere et obtinere omnino tueatur et debeat. Volumusque et similiter perpetuo statuimus, ut litterae confirmationis seu institutionis et provisionis hujusmodi et licentiæ prædictæ in eadem Curia officiales, ad quos spectat, per viam secretam, gratis expediantur, decernentes sic et non aliter, quoscunque lucides et commissarios quacunque auctoritate et dignitate fungentes, sublata eis aliter judicandi et interpretandi facultate et auctoritate judicari et definiri debere. Irritum quoque et inane, si secus, super his a quoque, quavis auctoritate scienter vel ignoranter, contigerit obtentari, non obstantibus quibuscunque Apostolicis, ac in universalibus, provincialibus et synodalibus concyliis editis generalibus, vel specialibus Constitutionibus et ordinibus caeterisque contrariis quibuscunque; volumus autem præsentium exemplis etiam impressis Notariis publici manu subscriptis et sigillo personæ in dignitate ecclesiastica constitutæ obsignatis eadem prorsus fides in iudicio et extra illud ubique locorum habeatur, quæ haberetur ipsdem præsentibus, si essent exhibitæ vel ostensæ. Nulli ergo omnino hominum liceat hanc paginam, vivorum statutorum, ordinationis, concessionis, indulti, decreti et voluntatis infringere, vel ei ausu temerario contraire. Siquis autem hoc attentare præsumpserit indignationem omnipotentis Dei et Beatorum Petri

et Pauli Apostolorum ejus, se noverit incursum. Datum Romæ apud Sanctum Petrum anno incarnationis dominicæ, Millesimo quingentesimo nonagesimo septimo, quinto Kalend. Martii Pontificatus nostri anno quinto. Blancano Coll. Lub. стр. 44 — 45.

5) Исторія Руссовъ Кониснаго. Чт. Общ. Исторіи и Древностей 1846 г. № 2 Стр. 28.

6) Исторія домогательствъ уніятскихъ іерарховъ занимать сенаторскія мѣста рядомъ съ латинскими іерархами довольно замѣчательна. Ее поднялъ собственно князь Острожскій. Епископы воспользовались этою счастливою мыслию и внесли ее въ условія уніи. Король согласился и обѣщалъ хлопотать объ этомъ предъ сеймомъ. Папа также просилъ короля и народъ польскій доставить эту честь епископамъ, принявшимъ унію; но обѣщаніе все-таки не исполнялось; даже незнаемъ было ли оно представляемо на усмотрѣніе сейма. Явное дѣло, что ни король, ни латинская партія не очень заботились объ этой чести уніятскихъ іерарховъ. Что же за причина такого ихъ невниманія къ своимъ новымъ братьямъ? Очень важная. Еслибы уніятскіе епископы получили мѣста въ сенатъ, то имѣлибы самостоятельный голосъ по всѣмъ вопросамъ объ уніи. Унія тогда могла бы образоваться въ сильное, самостоятельное вѣроисповѣданіе, а этого вовсе не нужно было латинянамъ. По ихъ взгляду унія должна была находиться всегда въ ихъ рукахъ и отъ нихъ ожидать всѣхъ милостей; потому что въ такомъ только случаѣ они могли вести ее къ латинству.

7) Вотъ короткій списокъ милостей, излитыхъ королемъ на іерарховъ, принявшихъ унію: въ 1596 г. Кириллъ Терлецкій получилъ въ пожизненное управленіе

Кобринской Спасскій монастырь (Акт. Западн. Россіи Т. 4. № 96); Діонисій Збируйсій — Пинскій Лѣщинскій Николаевскій монастырь (тамъ же № 112); Полоцкій Архіепископъ Германъ — Загорское имѣніе (тамъ же № 115).

1597 г. Михайлъ Рогоза — Киевопечерскій монастырь (тамъ же № 123).

1599 г. Поцѣй получилъ митрополію, Киевопечерскій монастырь, — остался брестскимъ епископомъ и еще получилъ слудеую архимандрію (тамъ же №№ 143 и 147).

Іона Гоголь изъ архимандрита кобринскаго сдѣланъ Пинскимъ епископомъ (тамъ же № 85). Прото нотарій митрополичій Григорій, въ монашествѣ Германъ — полоцкую архіепископію (тамъ же № 86).

8) Обѣ грамоты указаны въ первомъ томѣ нашихъ изслѣдованій см. примѣч. 425 и 431.

9) Авторъ Перестроги такъ рассказываетъ дѣла посольствъ православнаго и уніятскаго, явившихся въ Варшаву съ Брестскаго собора: съ тымъ (т. е. съ просьбою о низложеніи іерарховъ, принявшихъ унію) коли послове (православные) до Варшавы пріѣхали, заразъ начали ихъ намовляти лагодными словесы, абы того заѣхали (оставили — бросили) и замолчали, и обѣдано (обѣщано) имъ за тое ласку господарскую (милость государеву) справити (выхлопотать, доставить); а коли того на нихъ не могли перемочи (вынудить), неприпустили ихъ до отправованія (исполненія) того посольства. А въ томъ часѣ тые отступницы (уніаты) пріѣхали и оную свою мнѣманую (мнимую) згуду (согласіе — унію) оповѣдили (разказали, объявили); противко чему оные послове освѣдчилися (заявили) о свое посольство. За великимъ

о то воляніемъ (требованіемъ) на короля и указованіемъ гвалту (насилія) отправовати ихъ (выслушать ихъ рѣчи) казано. Якожь отправляли, и оныя тоещъ (что постановили на Брестскомъ соборѣ) королевни оповѣдили и свѣдчилися (и объявили), ижъ ихъ (принявшихъ унию епископовъ) за пастырей непріимують и о иныхъ пастырѣхъ до тыхъ достоинстей (сановъ) епископій и митрополія просятъ; и гды бы (когда бы) того отримати (получить) не могли, ижъ (то) на сеймѣ мовити хотятъ и свѣдчитися хотятъ явнѣ. А въ томъ часѣ оныя отступницы взявши листы съ канцеляріи господарской и маючи промоторовъ (споспѣшниковъ) Мацѣевского, бискупна луцкаго, который прудко (скоро) на краковское бискупство вступилъ, и канцлера литовскаго (Льва Сапѣгу), который самъ недавно отъ православія отступивши и римляниномъ заставши, великимъ гонителемъ на Церковь Божию засталъ, — и такъ оныя отступницы Церковь Божию почали воевати (Акт. Запад. Рос. № 149, стр. 215. 1-й сто бл.). Какого рода были упоминаемые здѣсь листы или граматы полученные изъ королевской канцеляріи, мы сейчасъ увидимъ въ нижеслѣдующихъ примѣчаніяхъ.

10) Основанія эти изложены въ опредѣленіи уніятскаго Брестскаго собора, указанномъ нами въ первомъ томѣ въ примѣч. 431. Тѣже основанія приводятся съ приличнымъ распространеніемъ въ граматѣ Сигизмунда къ литовско-русскому народу, изданной послѣ Брестскаго собора, вѣроятно по просьбѣ уніятскихъ пословъ, пріѣзжавшихъ въ Варшаву вмѣстѣ съ послами православными. Здѣсь разсказывается такая исторія: — единеніе церквей существовало вездѣ съ древнѣйшихъ вре-

мень, — существовало оно и въ западной Россіи, но разрушено было греческими патріархами. О возстановленіи его въ литовско-польскомъ государствѣ хлопотали многіе короли польскіе — предки Сигизмунда; наконецъ Сигизмунду удалось устроить это дѣло. Епископы западно русскіе всѣ изъявили на это согласіе и за исключеніемъ Михаила Перемышльскаго и Гедеона Балабана подчинились папѣ, приняли унію, неизмѣняя ничего въ своей вѣрѣ. Такому великому и законному дѣлу, введенному іерархами Церкви должны подчиниться всѣ и т. д. Акты Запад. Рос. Т. 4. № 114.

11) Мы отчасти уже видѣли эти основанія православныхъ изъ словъ автора «Перестроги», приведенныхъ въ примѣчаніи 9. Точнѣе эти данныя представлены авторомъ Апокрисиса. По свидѣтельству его, православные между прочимъ такъ разсуждали: за которыми (намовами — совѣщаніями) обачились мы тое, ижъ тыи духовныи (принявшіе унію) ачкольвекъ (хотя) опатренья (обезпеченія) и добра (имѣнія) для добраго урядовъ отпрованья отъ речи посполитой сдавна наданныи и до урядовъ духовныхъ привизаны зъ ласки его кр. м. (королевской милости) ведде (согласно, по) звычайю взяли, однакъ урядъ самъ, зверхность и власть ихъ духовна власне (конечно, именно) не отъ свѣтской зверхности, але отъ особъ духовныхъ и Церкви святой на нихъ есть вложенъ. Протожъ духовенство наше (разумѣются здѣсь всѣ присутствовавшіе на духовномъ Брестскомъ православномъ соборѣ — Никифоръ, Кирилль Лукарисъ, Гедеонъ, Михаилъ и др.) передъ нами члонками (членами) Церкви святой будучи, въ своей моцы (власти) быти разумѣли тое, ижъ забѣгаючи (предупреждая) дальшему

Церкве святой згоршеню (соблазну — поврежденію), не безъ сердечной жалости, учинили, же имъ яко омыльнымъ (ложнымъ) кривоприсяжнимъ, а найвысшей нашей духовной зверхности отпорнымъ пастыремъ духовный урядъ зверхностію и властію надъ собою черезъ декретъ послушенство имъ выповѣдаючи (отказывая), отняли... Чтося зась тычетъ (чтоже касается) опатренныа добръ взглядомъ (касательно) добраго уряду отравованья имъ наданныхъ, тогда и съ тыхъ, абыся далей, яко негодный нетѣшили, промышляючи мы свѣтскім, послались мы послы до его кр. м. просачи унижене... абы его кр. м. взглянувши въ слушность декрету противъ тымъ духовнымъ учиненного (декретъ этотъ приведенъ нами въ I т. въ прим. 424), взглянувши въ звычай давныи, взглянувши въ права, въ привилеи, въ конфедераціи, присягою своею утверженыи, черезъ дальшее тыхъ омыльныхъ пастыровъ при ихъ достоинствахъ ваковыване, въ вѣрѣ и набоженствѣ и сумнѣныхъ нашихъ егвалту намъ не чинити, але овшемъ (напротивъ) оныхъ, яко явныи отступники отъ хлѣба имъ южъ неналежачого, отстрыхнувши, (отстранивъ), иншіе, которые бы власне релѣи Греческой были, владыкии митрополита на тыи добра намъ подати рачилъ..... обѣцуюмо тое собѣ подъ вѣрою сумнѣнемъ (совѣстію) и поцтивостями нашими (честью нашею) за насъ и потомки наши, же тымъ митрополитѣ и владыкомъ черезъ декретъ осужонымъ неподлегати (неподчиняться) послушенства жадного (нииакого) не отдавати, ани имъ власти надъ собою въ мѣстцѣхъ въ речи посполитой и нашихъ маетностяхъ (имѣніяхъ) ростяганья (растягать — rozciągac — простирать) допуцати, овшемъ (напротивъ) ей, также декретомъ и по-

ступкомъ въпялкимъ и ѡззекуціямъ ихъ съ тоей причины походячимъ, если жбы явнї уразы уросли, ведлукъ можности застановлятися будемо, при святой вѣрѣ нашей, пану Богу на крещенїи отданой и при правдивыхъ пастыряхъ церкви святой, а особливо патріархахъ нашихъ моцно (крѣпко) стоячи..... листъ 4—5. Самая инетрукція, которой здѣсь изложенъ проектъ, напечатана въ Архивѣ Юговалда. Рос. ч. 1. т. 1. стр. 509 — 517. Тамъ привѣденныя нами мысли православныхъ изложены съ большею подробностію и нѣсколько смягчены. Православные въ этой инетрукціи благодарятъ короля за то, что онъ дозволилъ составить соборъ для разсужденія объ уніи и прислалъ своихъ пословъ; неотказываются отъ соединенія съ латинскою Церковію, но желали бы устроить это дѣло со всею торжественностію и основательностію, какихъ требуетъ самое дѣло. Затѣмъ говорятъ, что усматриваютъ слѣдующія причины, препятствующія этому соединенію: 1, что западно-русская Церковь подчинена Константинопольскому Патріарху: поэтому они неосмѣливаются рѣшать дѣла уніи на помѣстномъ еоборѣ, чтобы ненанести оскорбленія своему патріарху и всей восточной Церкви, тѣмъ болѣе, что когда патріархъ Константинопольскій призванъ былъ на феррарекій соборъ (флорентійскій) для соединенія церквей, то не пренебрегъ и рускою Церковію (т. е. призвалъ туда рус. митроп. Исидора); 2., православные нерѣшаются ввѣрить дѣла уніи нѣкоторымъ епископамъ своимъ, поспѣшно взявшимъ за нее, какъ лицамъ заподозрѣннымъ, чтобы неиспортить самага дѣла. 3., ученіе римской Церкви во многомъ противорѣчитъ ученію православной Церкви, и потому безъ обсужденія всего

этого цѣлою восточною Церковію нельзя заключать уніи, а когда все это будетъ обсужено и улажено, тогда они готовы принять унію. Затѣмъ, православные излагаютъ слѣдующія мысли, которыхъ считаемъ нужнымъ выписать здѣсь буквально: Теразь иначе бачачи, же того неучинили (т е. необсудили и нерѣшили дѣла уніи вселенскимъ соборомъ) певни суть (православные), же ваша королевская милость, яко панъ мудрый, онымъ за злое не только не мати, але тежъ и похвалити такъ размыслное въ той мѣрѣ поступоване будешь рачилъ (благоволишь). Притомъ заразь, найяснѣйшій, милости вый королю, то ихъ милость черезъ насъ до вѣдомости ваше королевское милости доносятъ, ижъ тамъ же на томъ сенодѣ, явне того, съ певныхъ доводовъ, дошли, же митрополитъ Кіевскій и съ нѣкоторыми владыками противко присязе своей, при свеченю (при посвященіи) патриарше Константинопольскому одданной, противъ свежему (недавнему) не только словному, але и листовному обѣцаню своему, противъ канономъ Церковнымъ, черезъ давные конциліи (соборы) ухваленымъ, противъ правомъ и свободомъ нашимъ, противъ листомъ светое памети небозчика (покойника) короля Стефана, окромъ головное згоды папежа его милости съ патриархами ничего такого не позволяющимъ (*), мимо звычайъ антецесоровъ своихъ, мимо трансакціе и постановленья съ

(*) Издателя архива Югозападной Россіи въ объясненіе этого мѣста приводятъ разныя постановленія Литовско-Польскаго правительства отъ 1576 г. обезпечивавшія вообще права западно-русской Церкви, которыхъ будто бы здѣсь и разумѣли православные. Вовсе не то они здѣсь разумѣли. Разумѣли они просто универсалъ короля Стефана Баторія отъ 1584 г. 21 января и отъ 1585 г. 18 мая, напечатанные также въ Апокрисисѣ (л. 8), на который

ихъ милостями паны римское релги чинские (разумѣются акты гражданской уніи и сеймовыя постановленія, обезпечивавшія права совѣсти православныхъ), мимо ведоность и позволене ихъ милости (православныхъ) частые ихъ милостей напоминая и протестацїе зневаживши безъ вшеякие слушние причинны, до новотинне (новой) южъ зверхности ее привезагъ, а такъ се самъ съ тое владзы, которая ему первой служила, вызугъ (извергъ себя, лишился), до чого и церковный правовѣраго духовенства, отъ котораго власне духовная зверхность даваная бываетъ, противко нему декреть, послушенство ему выповѣдаючи и юрисдицию одтинаючи (отсѣкая), приступилъ.... Дальше тѣже мысли, какія мы выписали изъ Апокрїсїса, т. е. что принявшїе унію іерархи должны быть низложены и на мѣсто ихъ поставлены другїе.

12) Вотъ, какъ Сигизмундъ заключилъ свой обширный универсалъ, содержанїе котораго мы кратко изложили въ примѣчанїи 10: Што (т. е. весь ходъ уніи) мы вамъ всѣмъ ознаяуемъ, абы есте съ того тѣшились и хвалу Господу Богу всемогущему въ троицы славному, съ нами сполнѣ (вмѣстѣ) едиными усты и единымъ сердцемъ воздавали, а плонныхъ (пустыхъ) повѣстей и писемъ отъ людей упорныхъ и неразумныхъ

здѣсь между прочимъ ссылаются издатели, въ которыхъ Стефанъ, утверждая вообще свободу вѣри православныхъ, освобождаетъ ихъ отъ соблюденїя календаря и запрещаетъ преслѣдовать ихъ за это, потому что они безъ призволенья старшаго патріарха своего до той потреби календаря новаго квалтомъ принушены быти немають... поневажъ православныхъ отъ старшаго календаря препису отступити и *обряды* и святые дїя отъ звываемоу бѣгу отївнїти безъ патріарховъ позволенїа бынаймїиѣйся имъ негоднѣ.

отщепенцовъ неслухали и неприимовали и вѣры имъ не давали ; а старшихъ своихъ, митрополита и владыковъ, яко власнаго архіепископа и епископовъ своихъ, во всякой учтивости маючи, послушенство имъ звышное чинили и отдавали и противъ нихъ небунтовалися и молодшимъ бунтоватися недонущали.... (Далѣе осуждается Гедеонъ и Михайлъ и запрещается имъ повиноваться....) А ижъ бы то всимъ ку вѣдомости пришло и отъ каждого выполнено было, вамъ воеводамъ, старостамъ, державцамъ, тивуномъ, самимъ и намѣстникомъ и врядникомъ ихъ, также войтомъ, бурмистромъ, райцамъ, лавникомъ приказуемъ, штобы есте и сами тому постановленью синоду Берестейкаго *ни съ чемъ противны небыли*, и другихъ подданныхъ нашихъ, которые бы тому спротивлялися *карали* ; а сесь листъ нашъ веадѣ при костелахъ, Церквахъ и на торгахъ, копии съ его списуючи прибавати и то всимъ къ вѣдомости приводити велѣли *конечно, иначе тою нечинячи*... Акт. Запад. Россіи т. 4. № 114 стр. 156-157.

13) Этимъ сами собою разрѣшаются слѣдующія, неволью возникающія недоумѣнія : какимъ образомъ литовско-русскій народъ такъ долго терпѣлъ неистовства уни и почему возстаніе поднялось въ низшемъ его словіи, лишенномъ выгодъ конституціонной жизни.

14) Volumina Legum въ польскомъ переводѣ т. 2, стр 124. Акт. Виленскаго сѣзда см. ниже; Supplementum Sinopsis л. 2 ; протестація князя Острожскаго.

15) Король , аристократія и среднее сословіе недавно вели борьбу за свои права. Лучшее ислѣдованіе этого вопроса — *Słowo dziejów polskich — Koronowicza* три тома.

42. 16) Многое изъ написаннаго тогда недошло до насъ, но по библиографическимъ указаніямъ мы знаемъ, что разные универсалы частныхъ лицъ и цѣлыхъ корпорацій разсѣваемы были по всей Литвѣ и Польшѣ. Часто случалось, что они прибывались къ дверямъ церквей и костеловъ, на площадяхъ, рынкахъ, при вѣздѣ въ городъ, деревню. — Чтобы видѣть какъ усиленно работали тогда ученые люди, довольно указать на сроки, въ которые выходили важнѣйшія сочиненія первыхъ временъ униі. Напримѣръ. Едва кончился соборъ Брестскій, бывшій въ первой половинѣ Октября 1596 г. какъ въ томъ же году явились два описанія его. Эктезисъ и *Obroga Brzeskiego Soboru*. Едва прошло полгода отъ собора, какъ издана въ 1597 г. очень объемистая книга Апокрисисъ, въ слѣдующемъ году или въ началѣ 1599 года — его опроверженіе Антиррисисъ на западно-русскомъ нарѣчій, а въ слѣдующемъ 1600 г. на польскомъ. Этотъ быстрый по тогдашнему выходъ книгъ объясняется между прочимъ тѣмъ, что тогда кромѣ постоянныхъ типографій въ городахъ и мѣстечкахъ было немало странствующихъ, которыя переходили съ мѣста на мѣсто и, такъ сказать, искали сочиненій для печати.

42. 17) Королевскіе универсалы, судебныя изслѣдованія заключали въ себѣ цѣлые богословскіе трактаты. Стоить брать на выдержку этого рода памятники, изданные въ Актахъ Западной Россіи, въ Грам. виленскихъ и минскихъ, въ Архивѣ Югозападной Россіи, и въ каждомъ почти можно найти подтвержденіе высказанной нами мысли. Много скуки наводитъ эта страсть чиновниковъ литовско-польскихъ къ авторству, но нерѣдко

приходится и чувствовать живую благодарность къ нимъ за подобное увлеченіе.

42. 18) Такъ напримѣръ мы знаемъ, что Скарга издавалъ нѣсколько разъ свое сочиненіе о *jedności Kościoła Bożego* потому между прочимъ, что первое изданіе его истреблено было православными. Знаемъ также, что Апокрисисъ посвященъ Яну Замоискому въ надеждѣ, что имя этого любимца народа спасетъ книгу отъ сожженія. Этого рода автодафе съ особеннымъ усердіемъ, какъ извѣстно, занимались іезуиты. Отсюда очень сильно распространилось между учеными мнѣніе, что все важное изъ западно-русской литературы истреблено: отсюда, между прочимъ, слабое усердіе къ отыскиванію памятниковъ униі и пренебреженіе къ тѣмъ, которые попадаютъ подъ руки, какъ будто въ нихъ одно—пустое. Загадочность заглавій и схоластическая скорлупа ихъ содержанія довершили это пренебреженіе.

19) Стоитъ сличить Антиррисисъ и *Homilye Roscija*, несмотря на то, что Антиррисисъ писанъ подъ руководствомъ самаго Поцѣя. Крайнее же проявленіе взглядовъ на унию въ духѣ латинскомъ—это *Jedność Kościoła Bożego Skargi*.

20) Особенно сильный споръ объ этой неопредѣленности униі былъ въ началѣ XVII столѣтія въ Вильнѣ. См. сочин. *Polityka popow i mieszczan miasta Wilenskiego* и *Antigrafi*.

21) Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательно сочиненіе «Перестрога» напеч. въ 4 томѣ *Ак. Запад. Росси* подъ № 149.

22) Таково извѣстное уже намъ сочиненіе Апокрисисъ.

23) Граматы, письма, сочиненія латинскія и уніятскія какъ будто всё написаны на эту тему. Бездѣ величіе, сила папы и выгоды быть подѣ его властію. Этимъ направленіемъ особенно отличаются сочиненія Скарги, напримѣръ о *icdnosci Koscioła Bożego; Na treny i lamenty Theophila Orthologa*.

24) Таковы всё универсалы Сигизмунда объ уніи. Тѣже мысли высказываются у Скарги. Въ послѣдствіи времени очень много занимался этимъ вопросомъ Мелетій Смотрицкій въ своихъ уніятскихъ сочиненіяхъ.

25) Мысли эти раскрываются въ Апокрисисѣ и въ особенности во *Өриносѣ* Мелетія Смотрицкаго.

26) *Антиррисисѣ, Номиліе Росіеја, Polityka porow...*

27) Апокрисисѣ, *Antjgrafi* и всё протестаціи православныхъ противъ уніи.

28) Посланіе александрійскаго патріарха Мелетія Поцѣю и отвѣтъ послѣдняго 1599 — 1601. Къ князю Острожскому писалъ даже самъ папа. *Supplem. ad his. Russiæ monumt. №№ 54—55.*

29) Весь этотъ рассказъ мы основываемъ на многочисленныхъ свидѣтельствахъ, изложенныхъ въ отдѣльныхъ сочиненіяхъ и на столь же многочисленныхъ протестахъ православныхъ, которыя очень долго было бы перечислять. Перечисленіе въ сокращеніи всѣхъ важнѣйшихъ столкновеній уніятской іерархіи съ папскою и православныхъ съ гражданскими властями читатели найдутъ ниже въ актѣ Виленскаго съѣзда 1599 г.

30) Авторъ Апокрисиса, писавшій свое сочиненіе въ 1597 г. говоритъ: а вступокъ того (т.е. гоненія на православныхъ) въ добрахъ и мѣстахъ его королевской милости напередъ учинено. Лис. 52.

31) Протестаціи эти православные начали писать еще за долго до Брестскаго Собора 1596 г. Такъ авторъ Апокрисиса говоритъ, что килька ихъ т. е. протестацій подано было въ Вильнѣ и между ними найдокладнѣйшіе двѣ — одна въ Августъ року 1595, другая въ Априлю 1596 г. Напечатаны ли они гдѣ нибудь или нѣтъ не знаемъ. Затѣмъ здѣсь же приводятся двѣ протестаціи, внесенныя сейчасъ же послѣ варшавскаго сейма 1596 г. раньше брестскаго собора—одна 5 Мая въ варшавскій судъ отъ князя Острожскаго, другая въ судъ Радзiевскій отъ всѣхъ пословъ православныхъ. Первая, кромѣ Апокрисиса, гдѣ она издана въ переводѣ—на западно-русскомъ нарѣчiи, напечатана въ Архивѣ Югозападной Россiи (стр. 533—534) изъ актовъ владимiрскихъ—на польскомъ языкѣ, на которомъ и внесена была въ книги варшавскаго суда. Впрочемъ въ подлинникѣ, т. е. на польскомъ языкѣ, она явилась въ печати очень давно, именно напечатана въ Supplementum Synopsis (стр. 1—2 изд. 1632 г.) съ нѣкоторыми вариантами противъ изданiя въ архивѣ, хотя очень незначительными. Тогда же 6 Мая 1596 г. издана была протестаціа отъ имени князя Друцкаго-Горскаго. Напечатана изъ владимiрскихъ актовъ въ Архивѣ Югозападной Россiи стр. 534—536. Въ томъ же 1596 г. обращена въ протестъ инструкция православныхъ пословъ, отправляемыхъ съ собора къ королю и внесена въ новогрудскiя трибунальныя книги и въ судебныя книги владимiрскiя. Архивъ Югозап. Рос. стр. 518. Казалось бы довольно уже православные протестовали противъ уніи, но вотъ что еще говоритъ объ этомъ въ 1597 г. авторъ Апокрисиса: **набыть быся (слишкомъ бы) тыи книжки отповѣди нашей**

(т. е. Апокрисисъ) продолжити мусъли, гдыбыся (если-бы) всѣ протестаціи тутъ вписывати мѣли, которые черезъ релѣи греческой людей за услышаньемъ о замысленю митрополита и владыковъ з страны отданья послушенства папезови римскому суть учинены. Ледва который есть край (страна), ледва которое воеводство, въ которомъ одно (лишь) найдутся восточной церкве сынове, абы напоминая зъ стороны того, до старшихъ духовныхъ и протестаціи противко нимъ дѣяться не мѣли. — Для образца выписываемъ протестацію князя Острожскаго изъ Апокрисиса на Западно-русскомъ нарѣчїи: Я Константинъ княжа Острожское, воевода Кїевскїй, маршалокъ Земли Волынской, Староста Владимїрскїй до суду кр. его милости и книгъ сейму Варшавскаго нынѣшняго пришедши оповѣдамся: ижъ два владыкове, Ипотей Володимїрскїй и Кириллъ Терлецкїй Луцкїй безвѣдомости иныхъ духовныхъ и насъ всѣхъ релѣи греческой такъ народу шляхетского, яко и человекъ посполитаго, ехавши до обчего (чужаго) панства мимо старшихъ и преложонныхъ духовенства своего подъ которыхъ послушенствомъ завжды бывали, невѣдомо до послушенства иного себе сами а сънять и насъ всѣхъ и духовныхъ нашихъ, въ тое затыгаючи, поддали и за старшого собѣ иншую особу признали и нѣкоторые, новыи речи (вещи) въ релѣи нашей небываные, до нашего набоженства неналежныи оттеля принесли. Зачимъ бачачи мы великую отмѣну черезъ особы вышеменованые въ старожитной релѣи вашей а звлѣща правомъ, вольностямъ нашимъ привилеомъ и конфедераціи варшавской речъ противную здецилисьмы были (поручили) всѣ обыватели Земле волынской, кїевской, брослав-

ской, русской и въкоторыя зъ великого княжества Литовскаго посломъ нашимъ тутъ на сеймъ просьбы наши до его королевской милости донести, абы его королевская милость таковыхъ духовныхъ праву нашему противныхъ терпѣти допущати намъ не рачилъ водлугъ правъ нашихъ упривилеованныхъ и конфедерации о то чиненой отъ предковъ его королевской милости и самого намъ поприсяжныхъ заховати рачилъ, а намъ не иншей вѣры и послушенства, одно отъ старшихъ греческой церкви владыками дати рачилъ. А ижъ на тотъ часъ отъ его королевской милости одержатисьмы того немогли, яко черезъ послы наши, такъ и самъ съ особы моей на остатнемъ дню сейму во второкъ оповѣдали есьмо и освѣдчили его королевской милости пану нашему и всему сенату и паномъ посломъ земскимъ не зъ упору ани съ васни едно остерегаючи правъ и вольностей нашихъ ижъ владыкъ таковыхъ послове наши, такъ и мы сами и человекъ посполитый въ маестностяхъ нашихъ слухати и ихъ за духовные наши мѣти, также и въ добрахъ нашихъ терпѣти нехочемо и юрздикциі имъ ростигати недопустимо. Толки теперъ самъ отъ себя зособна въ тынжъ слова въ томъ всемъ, яко выше поменено есть противъ особамъ выше менованнымъ протестую и освѣдчаю и притомъ освѣдченю моему поки ми права ставати будетъ стояти хочу и буду. Дѣялося у Варшавѣ на головномъ сейме въ среду року 1596 г. Апокр. л. 9.

32) Въ королевскихъ грамотахъ къ литовско-польскимъ чиновникамъ часто встрѣчаются такія слова: маемъ того вѣдомость, ижъ ваша вѣрность невѣдать за якою причиною, або рачей зухвалостию нетолько сами спротивляетеса, але, што большей, и поповъ зъ моцы

и влады Отца митрополита выймуете, чинячи все противъ влады, моцы зверхности нетолько отца митрополита, але и нашей господарской: што мы слышали невдачное то отъ васъ примуемъ. Акт. Запад. Росс. т. 4. № 124. или: Маемъ того справу, ижъ твоя милость, пане староста, вступаючися въ справы духовные, вряду вашему свѣтскому неналежащие, священниковъ церквей русскихъ съ моцы и влады велебного отца Михайла Рогозы, митрополита кievскаго... свовольнѣ выймуете и подъ владау свою привлащаете... Тамъже № 126.

33) Акты Сапад. Рос. т. 4. № 98. Дѣло было такого рода. Митрополитъ Михаилъ Рогоза осудилъ на Новгородскомъ соборѣ Виленскаго проповѣдника Стефана Зизанія, какъ еретика, король утвердилъ этотъ приговоръ и съ своей стороны осудилъ Стефана на изгнаніе изъ Виленскаго братства и изъ литовско-польскаго государства. Стефанъ жаловался трибунальному суду на неправильное осужденіе его соборомъ, на то, что онъ неодолежитъ суду митрополита отступившаго отъ православія, а подлежитъ суду Константинопольскаго Патріарха и Виленскаго братства, какъ проповѣдникъ старопигіального братства, котораго духовенство, по правамъ братства, не можетъ быть судимо и смѣняемо мѣстною духовною властію безъ участія въ этомъ дѣлѣ братчиковъ или патріарха, т. е. Стефанъ жаловался на нарушеніе своихъ правъ признанныхъ и теперь нарушенныхъ государственною властію. Трибуналь призналъ Стефана правымъ, а митрополита превысившимъ свою власть и, слѣдовательно, косвенно осудилъ и самаго короля, утвердившаго приговоръ митрополита. Сигизмундъ, оставляя въ сторонѣ личное свое оскор-

бленіе, выставяеть на видъ, что трибуналъ неимѣеть права вмѣшиваться въ суды церковныя. Дѣйствительно, трибуналъ неимѣлъ права вмѣшиваться въ суды чисто церковныя, разбирать духовныя тяжбы между членами одного и тогоже вѣроисповѣданія, но могъ разбирать тяжбы между членами разныхъ вѣроисповѣданій, соединенныя съ нарушеніемъ ихъ гражданскихъ правъ. Дѣло Стефана такого именно рода и было. Сигизмундъ конечно показывалъ, какъ будто не знаетъ, что Рогоза и Зизаній уже не одного вѣроисповѣданія и что братство Виленское имѣеть особыя права, признанныя государствомъ, даже по отношенію къ своей іерархіи. Не знаемъ, что отвѣтилъ Виленскій трибуналъ на эту грамоту Сигизмунда, но знаемъ, что послѣ онъ не разъ разбиралъ дѣла между православными и уніятами, не обращая вниманія ни на какія софизмы латинской партіи. — Подробному изслѣдованію мы подвергнемъ этотъ вопросъ въ своемъ мѣстѣ.

34) Актъ Запад. Рос. т. 4. № 149. стр. 221—222.

35) Смотр. Примѣч. 33.

36) Актъ Виленскаго сѣзда 1599 г.

37) Гедеоны, какъ извѣстно, были почти постоянно въ щекотливыхъ отношеніяхъ къ львовскому братству. Съ какимъ усердіемъ уніаты слѣдили за этою борьбою Гедеоновъ съ Львовскимъ братствомъ, и какъ они старались этимъ путемъ погубить его, это видно лучше всего изъ слѣдующаго обстоятельства. Въ 1599 г. тяжба Гедеоновъ съ Братствомъ львовскимъ должна была поступить на рѣшеніе сейма. Митрополитъ Михайлъ Рогоза вообще не легкій на подъемъ для другихъ дѣлъ уніи, какъ только узналъ объ этомъ, немедленно написалъ

письмо къ самому королю, чтобы эта тяжба отсрочена была до его врізѣда на сеймъ, что онъ самъ будетъ обвинителемъ Гедеона, — на пользу Братства Львовскаго, можно бы подумать? Нѣвъ, Михаилъ составилъ нѣсколько пообширнѣе взглядъ, при которомъ выгоды Львовскаго братства должны были исчезнуть сами собою: онъ хотѣлъ быть обвинителемъ Гедеона за церковную смуту вообще?! Акт. Запад. Рос. т. 4. № 139. Къ крайнему огорченію Михаила и всѣхъ его друзей Львовское братство примирилось съ Гедеономъ.

38) Вотъ какъ происходило это возмутительное дѣло немѣвшее впрочемъ историческихъ послѣдствій. Экзархъ Никифоръ, послѣ Брестскаго собора, пребывалъ въ Острогѣ, откуда выходили и воззванія къ православнымъ непринимать уніи и ученые сочиненія, доказывавшія ложность этого вѣроисповѣданія (1). Никифоръ, стоявшій во главѣ этого ученаго общества, естествен-

---

(1) Въ Острогѣ въ это время была уже цѣлая корпорація ученыхъ, между которыми немало было грековъ. Особенно извѣстенъ между этими учеными Острожскій клирикъ Василій авторъ исторіи флогентійскаго собора и книги о единой вѣрѣ—опроверженія сочиненія Скарги о *jedności Kościoła Wojeogo*. Очень вѣроятно, что Никифоръ содѣйствовалъ подобнымъ трудамъ своими совѣтами. Авторъ Перестроги говоритъ о Никифорѣ между прочимъ слѣдующее: и самого отца Никифора, который васъ (разумѣть епископовъ, принявшихъ Унію) судилъ писаніемъ и книжками своими, васъ обволазъ, того великаго протосингела въ заточенье отпродавивши уморили. Акт. Запад. т. 4. № 149, стр. 225. столб. 1. Можно навѣрное сказать, что сочиненіе Эктезисъ, въ которомъ изложена исторія Брестскаго собора, написано подъ руководствомъ Никифора, если не имъ самимъ (переведенное тогда же на польскій языкъ). Тамъ находятся документы и свѣденія, которыя могли быть сообщены автору только Никифоромъ. Самый тонъ сочиненія нѣсколько отличенъ отъ другихъ полемическихъ сочиненій того времени, именно—тонъ спокойный, торжественный, какъ бы безучастный.

но возбуждалъ тѣмъ большее ожесточеніе противъ себя уніатовъ и латинянъ (1), но его никакъ нельзя было погубить путемъ обыкновеннаго преслѣдованія, потому что онъ находился подъ защитою могущественнаго и вліятельнаго вельможи — князя Острожскаго. Враги Никифора, руководимые Ипатіемъ Поцѣмъ, воспользовались слѣдующимъ обстоятельствомъ. Князь Острожскій отправилъ однажды повѣреннаго своего въ Валахію за покупкою лошадей. Этимъ случаемъ воспользовались пребывавшіе въ Острогѣ греки и послали съ повѣреннымъ князя письма на Востокъ. Въ одномъ изъ этихъ писемъ сдѣланы были рѣзкія выраженія о смутномъ положеніи Польши по случаю уніи и — восхваленія турецкому Султану за сохраненіе правъ вѣры Грековъ. Письма эти, благодаря безразсудству княжескаго повѣреннаго; потерявшаго ихъ вмѣстѣ съ деньгами, были вскрыты въ Шаргородѣ, городѣ Яна Замойскаго, тогда врага князя Острожскаго. Этими обстоятельствами и воспользовались поборники уніи. Письмо, заключавшее въ себѣ рѣзкіе отзывы о Польшѣ, и похвалы о султанѣ приписано Никифору, препровождено къ королю, который потребовалъ къ себѣ экарха на судъ, какъ государственнаго измѣнника. Князь Острожскій самъ повезъ Никифора въ Варшаву. Назначены были судьи изъ

---

(1) Оскорбительные слухи о Никифорѣ враги его распространяли еще во время Брестскаго собора; такъ они рассказывали, что Никифоръ вовсе не Экархъ патріарха Константинопольскаго, а шпионъ турецкаго султана, самозванно принявшій на себя духовный санъ. Все это видно изъ рѣчи Никифора къ Православному Собору, въ которой онъ жалуется между прочимъ на эти клеветы и обѣщаетъ лично явиться къ королю къ будущему сейму и оправдать себя. Эктесисъ стр. 18.

сенаторовъ, конечно, преданныхъ королю, началось изслѣдованіе дѣла. Для большаго успѣха враги Никифора прибавили еще обвиненіе, будто Никифоръ не только теперь, но и прежде дѣйствовалъ во вредъ Польшѣ, во время недавней войны съ Турціею по дѣламъ Валахія. Но всѣ ихъ усилія оказались напрасными. Никифора пришлось оправдать, несмотря на то, что на экархъ немогъ объясниться свободно съ судьями по мезнанію Польскаго или валахскаго языка, ни его адвокатъ съ нимъ, по незнанію Греческаго или валахскаго языка. Присутствіе князя Острожскаго связывало руки и обвинителямъ и судьямъ. Никифоръ, казалось, былъ спасенъ; но князь Острожскій заблаговременно сталъ торжествовать оправданіе Никифора, и этимъ испортилъ все дѣло. Смотри на обвиненіе Никифора, какъ на козни уніатовъ и латинянъ, князь воспользовался настоящимъ случаемъ, чтобы излить на нихъ всю свою горечь, сильно накипѣвшую въ немъ и на авдіенціи у короля осыпалъ его жесткими попреками за нарушеніе правъ западно-русской Церкви, за потворство поборникамъ уніи, и недожидаясь отвѣта короля, вышелъ отъ него въ сильномъ гнѣвѣ. — Король очень желалъ помириться съ Острожскимъ, которымъ немогъ не дорожить и послалъ убѣждать его сблизиться съ нимъ, обѣщая освободить Никифора. Но столѣтній старикъ рѣшительно вышелъ изъ себя и забылъ всѣ правила благоразумія. Онъ непошелъ назадъ къ королю, а только послалъ ему такой отвѣтъ, который немогъ обѣщать ничего добраго: пусть съѣсть себя Никифора, сказалъ онъ и удался (1). Слова Князя исполнили, хотя не-

---

(1) Всѣ эти свѣденія имъ заимствованы изъ двухъ главнѣхъ источниковъ —

буквально, но тѣмъ неменѣе неутѣшительно для Никифора. Его признали виновнымъ ⁽²⁾, заточили въ Мариенбургскомъ Замкѣ и по свидѣтельству православныхъ писателей уморили голодомъ ⁽³⁾, а по словамъ уніятскихъ писателей отослали по истеченіи нѣкотораго времени на Востокъ ⁽⁴⁾. Зная, какъ знаменитъ былъ Никифоръ на Востокѣ и какія имѣлъ сильныя связи при турецкомъ дворѣ и не находя потомъ его тогда на востокѣ мы съ большею вѣроятностію можемъ думать, что такъ или иначе, но онъ кончилъ дни свои въ литовско-польскомъ государствѣ. Считаемо необходимымъ также замѣтить, что всѣмъ дѣломъ о Никифорѣ заправлялъ, по свидѣтельству уніятскихъ же писателей, Поцѣй ⁽⁵⁾, а это

изъ слѣдственнаго дѣла о Никифорѣ напечатаннаго въ 4 т. Акт. Зап. Рос. № 117 и изъ Перестроги. — Тамъ же № 149 стр. 216—220.

⁽²⁾ Авторъ Антиррисиса говоритъ, что на Никифора жаловались Александрійскій патріархъ и послы Волошскіе. стр. 151.

⁽³⁾ Перестрога. Акт. Запад. Р. т. 4, № 149 стр. 220.

⁽⁴⁾ Stebelskiego Żywoty SS. Ewfozyny i Parascewij. Т. II стр. 177. Примѣчаніе. Никифоръ... po otrąwionej tam (въ Мариенбургѣ) pokucie z Królewswa Polskiego powagą monarchi Zygmunta III (Поцѣй) wygnął i zagranicę wypędził. Отсюда это извѣстіе взялъ Островскій. Dzieje i prawa Kośc. Polskiego т. 3 стр. 201.

⁽⁵⁾ Nic zszakże na to (на противодѣйствіе уніи православныхъ) niedbając Huracusz (Поцѣй) zaczął w powierzzonej sobie od Niebieskiego Gospodarza winnicy nie leniwie pracować, zacząwszy od korzenia wypłenić to, co było szkodliwego, I tak naprzód owego zdracę i buntownika Nicefora protosygeła, który r. 1596 w Brzesciu w kamienicy na zborzyszczu Nicuinitow z Aryanami Nowochrzczencami (съ протестантами) i Kalwinami Zasiadał i na onym prezydował nie tylko kapłanem nie będąc, ale ledwie mając, na sobie dyakonskie świѣcenie, przyprawiwszy o pokutę, u Malborku (въ Мариенбургѣ) w więzieniu, do którego iako szpieg i zdraca króla i Rzeczypospolitej polskiej seymowym wyrokiem był dany... и далѣе то, что мы написали въ предъидущемъ примѣчаніи. Steb. т. II, стр. 177. Pierwszym nowego Metropolity (Поцѣя) było dziełem wypłenic ten kakol (т. е. внутри

одно уже ручается намъ за то, что Никифора не выпустили изъ литовско-польскаго государства.

39. Иссл. Лит. Церков. Униі т. I, стр. 137.

40. Dz. kś. Helw. wuz. Łukasz. т. I, стр. 116—123.

41. Актъ этого съѣзда напечатанъ въ описаніи Кіевософійскаго собора митр. Евгенія въ русскомъ переводѣ стр. 68—79 и на польскомъ языкѣ въ Dz. Kosciół Helw. wuzn. Lukaszewicza т. I, стр. 124—135. Выписываемъ его здѣсь на польскомъ языкѣ, такъ какъ, намъ кажется, это подлинный актъ и потому что въ переводѣ митр. Евгенія встрѣчаются нѣкоторыя опущенія и неточности. *My rady, dygnitarze, urzędnicy, gycerstwo i inni korony Polskiej W. X. Litewskiego i Panstw do nich należących obywatele tak greckiej od cerkwie oryentalnej podanej, a zwierzchność patryarchow oryentalnych przyznawającej, jako i Ewangelickiej konsensem Sandomirskim*

будто бы Востока), ktorego owoce niemniej kocioła Grecko—polskiego spokojności, iako i całej Polski bezpieczeństwu groziły. Umyslił on scigać samego herszta wzmagaiącej się intrygi, aby ta pozbawiona swej głowy wzrostu dalszego spodziewać się nie mogła. A że mniemany ow Exarcha Rusi Nicefor, na żadne pogroźki Metropolicy względu mieć niechciał, lubo to już całej Polsce wiadomo byto, iż oszust ten, ledwie diakońskie święcenie mając, nie w charakterze swoim, ale w protekcij Xiążęcia Konstantego (Острожскаго) zaufat; Hippacusz udał się prosto do króla i stanów, zapozwał go rzed sąd seymowy, a tam za szpiega i zdrajcę Rzeczypospolitej uznany naprzod na pokutę do Malburga odesłany był, a potem z kraju na zawsze wywołany. Ostrowski. Dz. i praw. Kosc. Polsk. m. 3 стр. 200—201.

Мы нарочно выписали рядомъ эти два свидѣтельства, чтобы можно было видѣть, какъ первое разукрашено въ последнемъ. Мы изложили дѣло Никифора держась строго слѣдственнаго акта объ немъ и случая всѣ другія павѣстїя, касающїяся этого лица. Подробныя свѣденїя о жизни Никифора читатели могутъ найти въ нашей статьѣ объ немъ, напечатанной № 11 духовнаго журнала «Странникъ» за 1860 г.

roku 1570 w jedność spojonej religii nasładowcy, którzy w Pana Boga i w Trócy iedynego wierzymy i wyznawamy, a konsens zgodny na posłuszenstwo słowa Bożego z sobą trzymając, Chrystusa Pana za iedyną i prawdziwą głowę i pasterza Cerkwi i zborow naszych mamy, uważając z pilnością fundusze, prawa i przywileje ludziom religii greckiej nadane, tudzież też konfederacją generalną między rozroznionymi w wieze roku 1573 dwudziestego osmego dnia stycznia, podczas interregni od rad duchownych i świeckich i stanow inszych rzeczypospolitej i miast uczynioną obowiązkami przysięgi, wiary, poczciwosci i sumnienia utwierdzoną i w przysięgach, tudzież też w confirmacyach praw przez króle polskie i wielkie książęta litewskie, pany nasze czynionych; więc i w konstytucyach seymowych częstemi wzmiankami rzetelnie obwarowaną (ktora to konfederacya jako do tego nas obowiązuje, abyśmy pokoj między sobą zachowywali, a zabiegając temu, jakoby dla różnej wiary i odmiany w kosciołach w podawaniu mieszkanców tych państw będących, krew niebyła przelana i nikt konfiskacyą dobr, podciwoscią, więzieniem i wygnaniem nie był penowan, abyśmy zwierzchności żadnej i urzędowi do takowego progressu niepomagali i owszem choć by też za pretextem decretu, abo postępkem jakim sądowym kto to czynić chciał żebysmy temu zabiegali, tak osobliwie i to warowała, aby w podawaniu króla IMC. będące beneficia kosciołow greckich, ludziom tej ze wiary greckiej dawane były), uważając przytym, że przeciw tej konfederacyi, przeciw przywilęjom i listom, któremi ważność nabożęństwa iest obwarowana i przeciw zwyczajowi, jaki tu król J. M. pan nasz dzisiejszy raczył zastać, siła nam się uraz, oppres-

syi, grawamin i gwałtow, coraz to większych od rozmaitych osob, a najwięcej od stanu duchownego i od niektórych rzymskiego nabożenstwa ludzi dzieje, a tak już często, że już prawie żaden kąt tych szerokich państw żadnego powołania człowiek od nich nie iest wolny, ale niemi wszyscy, acz różni z różnych miast tak dotykani i ociążeni bywają, że już wolnością i oyczycom a synom tey rzeczypospolitej należącą, ani względem uczciwego życia, ani względem bezpieczeństwa zdrowia, ani względem dobr i dostatkow swych słusnie się przechwalać nie możemy. Już nam powiększej części, cerkwie, monastery, koscioły, zbory jedne z haniebnem łupieżstwem, z wielkim okrucienstwem, z rozlewaniem krwi, z męzoboystwy, z niesłychanem pastwieniem się nie tylko nad żywymi, ale i nad umarłymi, poburzone, powojowano i popustoszone; drugie za pretextem dekretów przez duchowne rzymskie zaraz i sądzące i instygujące i sprawy praktykujące niesłusznie otrzymanych, odstrychnąwszy nas od władzy i od podawania w nich, poodejmowauo i dekreta dalej konfederacyi przeciwne do starostw na exekucyą odsefajac, odejmować usiłują. Za której exekucyi pretextem już się do niektórych krwawe szturmy i najazdy działy, już interdykty na niektórych miejscach zaczęły, któremi schadzek nabożnych swobodniè, nabożenstwa, pogrzebow i innych chrzescianskich spraw wolnie odprawiać i gwoli temu cerkwi i kosciołow sobie budować zabroniono. Już duchowni presbiterowie swieszczęnicy, ministrowie i kaznodzeje nasi dla stateczności w religij swej rozmaicie przesladowani, w domiech swych nachodzeni i wyłupowani, lżeni, despectami rozlicznymi kaznieni, banitowani, wyganiani, od majątności i dobr swych odpychani, upraszywaniem pod

sobą kadukow w osobie potomstwa swego ukrzywdzani na drodze dobrowolnej i w miesciech rzeczypospolitej łapani, w więzieniu rozmaitym niesłychanym sposobem dla większej męki i udręczenia trzymani, bici, topieni, zamordowani bywają, a na to miejsce wtrącają i rozkazują a przymuszają poniewolnie słuchać pasterzow, które za odstępniki patryarchow orientalnych mamy i którym, rozumiemy, że beneficia nie pod posłuszenstwo rzymskiej religij nadane, a w podawaniu króla I. Mci będące, a za tym odmianie i wprowadzeniu rzymskiego nabożenstwa niepodległe, żadnym sposobem służyć niemogą. Które to jednak beneficia ci odstępcy od dawnej zwierzchnosci przeciw częstym prozbom, postulatom i protestacyom naszym i po dziś dzień trzymają a prawie krom nadzieje ich przywrócenia, gdyż nadzwyczaj przeszły, żaden już który by wprzód posłuszenstwa papierzowi nie obiecał, przystępu do nich niema, gdyż w rzeczach cerkiewnych o duchowienstwo zachodzących ludziom religij greckiej, im dalei tem bardziej, nadobyczay starożytny zabraniane bywa dokładanie się patryarchow orientalnych i potrzebne dla rządu z nimi się porozumiewanie. Już na gwałtach mieyscom i osobom, usłudze nabożenstwa oddanym czynionych, mało mając, rzucają się i na swieckie osoby, osobliwie mieyskiego stanu, z przyczyny samej różności religij (o ktroej już drugdzie w miesciech rzeczypospolitej cudzoziemskim sposobem inkwizycye czynią), od cechow, rzemiosł, handlow, kupiectwa, a nawet i mieszkania w miescie one odstrychając, nierówność kondycyi, niegodność w swiadectwach wiary, nawet nieprzystojne urodzenie im, zwłaszcza dzie szlub przez duchowne nasze dawany, coraz to gęsciej zadawając, rodzicom córek własnych zamąż dawanie z ręką

subtelnie wyjmując, mężatki do tarasow swych rzymskich duchownych skazując i o swieckie kontrakty z strony małżeństw czynione, onym sąd przywłaszczając dochodzi i nas szlacheckiej kondycyi ludzi, ktorzy choć jednakośmy się i w równej ważności, jako i rzymskiej religij ludzie w tej rzeczypospolitej zrodzili, choć we wszecch ciężarach i powinnościach iednako z nimi pociągani, choć do usługowania krolowi J. M. i rzeczypospolitej jednaka chęć w sobie znajdujemy, choć we wszystkim cnoty, wiary i przystojności swej tak przestrzegamy, że z łaski Bożej na nas nic nieprzystojnego od przeciwnikow pokazac się nie może; przecie im dalej tem znacznie, przez to samo, iż przy religij statecznie stoimy, przez subtelne praktyki duchownych rzymskich od ozdob i chleba rzeczypospolitej odstrychani bywamy i do senatorskich mieysc, do dygnitarztw, urzędow starostw, do dzierżaw, i do inszych funkcyi pożytecznych, a nawet i do posług rzeczypospolitej takiego, jakiego inni przystępnu mieć niemożemy, owszem i w prywatnych swych sprawach i w akcessyach do takiego dobrego mienia i potężności, miasto chęci i przychilności znaczne zatrudnienia i przeszkody uznawamy, a urazy, krzywdy i szkody swe uskarżając się i sprawiedliwosci, obrony i pomocy w nich płacziwie żebrząc, miasto pocieszenia jakiego, posmiewiska, kontempty, pod czas z denegowaniem i audyencyi złączone, odnosimy. Więc obiecanego processu konfederacyi, którymby te urazy i excessy acz nie napotym zawciągnione być mogli, nie tylko uprosić nie możemy, ale też już deklaracye jawne i w pismach przez duchowne rzymskie wydanych, czytamy i od swieckich na seymikach, seymach i inszych sędziech coraz to częściej słyszymy, że konfederacyi nie

tylko za prawo nie mają, ale też chwalić, trzymać ją za rzecz sumnieniu swemu przeciwną, poczytują. Czem wszystkim znieważają i targają ten jedyny związek wewnętrznej zgody, miłości, dufności i pokoju pospolitego, który uważnie od przodków naszych i nas czyniony i trzymany, sławę mądrości i postronnych z nas przykład biorących nam zjednał, a nas choć rozmaicie urażonych, a w wrazech ratunku teraz nieznajdujących, puki takie deklaracje nie zakraczały jakożkolwiek wzdry, przy nadziei obaczenia (upomietania) gwałtowników zastawując, ubezpieczał. Teraz już takie deklaracje, które za odpowiedz stają od nich siłę mają, więc rozmaite a coraz to znaczniejsze od nas się odłączenia, stronienia, na hanbę, groźby i kłamanie się przeciwko nam zakładanie się, iż do kilku lat nabożeństwa nasze ustać muszą; nuż owe różne wykrzyki i ludzie przeciwnie nam z pokazowaniem snadności wyniszczenia nas i z dawaniem benedykcji na nas podbudzania, tudzież też na ligi, bractwa nowotne i insze bunty względając a przytym pospolitego pobłażenia wtych urazach naszych podczas i przymieszawania się do nich statuum, jurisdictionum et officiorum, postrzegając miasto ulżenia coraz to większej opressji a strzesz Boże jawnego i okrutnego (jako w inszych krolestwach przez te, które u siebie we wszystkie rządy wtrącające się widzimy instrumenta (iezuity) były sposobione) natarcia na się obawiać się musimy. Zaczem już nam potrzebnie, a prawie poniewolnie o sobie i bezpieczeństwie swym obmysłować i temu jakoby to nas niedolegało teraz i napotem zabiegać przychodzi, a to tem pilniej i ostruźniej, że baczymy, że się w tem obmysłowaniu nie tylko prywatne nasze: ale i pospolite dobro, a dalej mówiąc nie tylko ca-

łość praw i swobod pospolitych prawami i przysięgami utwierdzonych, nie tylko bezpieczeństwo i zdrowie rzeczypospolitej, ale i zarzzymanie chwały Bożej zamyka. Na co naywiększy respect mając, my greckiej i ewangelickiej religii ludzie stanawszy na fundamencie raz przez rzecz pospolitą założonym i dotąd przez nas świątobliwie krom respectu na inszych onego odbiegając, trzymanym, to iest na przypomnionej konfederacyi generalnej warszawskiej, względem której i rzymskiego nabożeństwa ludziom, którzy w pokoju i zgodzie według obowiązku jego z nami żyć chcą, (i takich iż siła iest niewątpimy), miłość, życzliwość i wszelką braterską powinność nieodmiennie oddawać chcemy, a przytym stosując się protestacyi przeciw postępkom i dekretem konfederacyi przeciwnym czynionych i chcąc tych którzy tę konfederacyą odrzucają, gwałcą i dalej gwałcić chcą, zamysłem wstręt uczynić i bezpieczeństwo swe przeciw gwałtom i oppressyom obwarować, przez to pisanie obowiązujemy się i pod obowiązkami w konfederacyi generalnej opisanymi wszyscy wobec i każda część i osoba zosobna to sobie za nas i za potomki nasze prawdziwie a szczerze przed Panem Bogiem wszechmogącym, który nie bywa wysmiewan obiecujemy i przyrzekamy, że tej konfederacyi przestrzegając, a zatem nauki chrześcianskiej i wolnego według konfederacyi nabożeństwa odprawowania niechcąc za pomocą Bożą ani gwałtem ani pretextami pewnymi sobie odjąć dopuszczać, cerkiew, zborów, kościołów, w naszej władzy będących i podawania w nich wspulnie strzedz i ochraniać i wszelkie mieysca, a pogotowiu: osoby na posługę nabożeństwa odłączone i oddane, jako nad obroną konfederacyi zawarte w statecznej swej obronie, da Pan Bóg,

chować i zatrzymać. A z strony tego, jakoby przeszłe urazy uleczone były, excessy pokarane, naprawione i na potem zawściągnięte na seymikach, seymach i inszych pospolitych urządziech, u stanow rzeczy postolitej, a osobliwie u krola J. M. w którego miłostiwiej łasce i uważnem w doległosci nasze weyrzeniu niez wątpiewamy, pilnie, zgodnie i spornie się starać, a w tej wierze między sobą żadnego braku i rozłączenia (względem roznosci nabozeństwa i ceremonij podług zwyczaju w cerkwiach i wzborach odprawowania) nieczynić, owszem ieden drugiego mianowicie grek inszych greków i ewangelikow, a zasię i ewangeliki inszych ewangelikow i grekow, albo ktoregokolwiek z nich krzywdę, szkodę wraz i uciążenie dla albo względem religii odnoszone oznajmować, a gwoli temu rad i konsultacyi za obwieszczeniem nieomieszkiwać będziemy, jeźliby (czego Panie Boże racz uchować) ci od przysięgi swej i od konfederacyi odstępnim umysłu swego i przedsięwzięcia niebraterskiego nie odmienili, a nam wyżej pomienionym chcieli gwałt jaki i przykrości czynić, tak w religii greckiej, jako i ewangelickiej, targając się na nas którym kolwiek sposobem i zabraniając nam nabozeństwa naszego, albo popędliwie postępując przeciwko osobom i mieyscom nabozeństwu oddanym ktorej kolwiek religij, albo ręce gwałtowne jadowitym umysłem przeciw nam podniesione wyciągając albo też urzędy zwyczajne religiom naszym odmieniać i onych umniejszać albo wniwecz obracać chcąc. Także też gdzieby kto podawania, nadania, skarby, składy, kollekty, majątnosci ruchome i nie ruchome, summy, albo królko mówiąc, dobra jakie kolwiek cerkiewne, zborowe koscielne, bądź gwałtem, bądź sądowym pretextem brać i odeymować chciał,

a pogotowiu, dzieby komu z nas, albo z naszych względem religii rzeczą samą gwałt się stał, a osobliwie gzieby za pretextem dekretu confederationis przeciwnego do ekucyi jakiej przystępować w którym kraiu miano, tedy bez wszelkiej wymowki (gdyż żadna większa i powinniejsza nad tę, która chwałą Bożą, kościół iego i zkonfederowaną bracią zachodzi, potrzebna być niemoże) tak wszyscy społnie jako jedna która-kolwiek nas część, a nawet i osoba pojedynkiem, do której by jedno o tym wiadomość przyszła na mieyscu, lubo przedsięwziętego, lubo uczynionego gwałtu i na termin ekucyi, jako do gaszenia ognia spolnego bieżec a in defectu możności przybycia personalnego przynajmniej przez posłańca nad swem mieyscu assystęcyą subministrować, a posiłek i rachunek uciążonym i w nie bezpieczeństwie będącym dawać, a tak już nie słownie w wierze, pokoju, sumnieniu i wolności nabożenstwa, osob, tudzież i mieysc nabożenstwu oddanych bezpieczeństwa, a przytem dobr koscielnych, cerkiewnych, całości, krom oglądania się na jakie trudności i bezpieczeństwa i krom litowania pracy i kosztu podług największej możności i umiejętności postrzegać będziemy. W czem dla snadniejszego z sobą się porozumiewania, dla obwieszczenia o excessach i o terminach ekucyi i o zjazdach bytności naszej potrzebujących, mianowalismy zaraz i obrali między sobą generalne prowizory albo obmysłowacze pokoju cerkwi i zborow naszych Chrzescianskich, mianowicie z porządku ludu religii greckiej obralismy z senatu:

1. Oswieconego księcia J. Mc Konstantego Ostogskiego, wojewodę Kijowskiego;

2. Oswieconego Księcia J. Mc Alexandra Ostrogskiego
województwo Wołyńskiego;

3. Księcia J. Mci Hrehora Janguszkę Koszerskiego,
kasztelana Braclawskiego; a z rycerstwa zaś:

4. J. Mśc XX. Adama i

5. Mikołaja Wiszniowieckich,

6. Księcia Joachima Koreckiego;

7. Księcia B. Rożynskiego;

8. Księcia Jeżego Horskiego;

9. Książa Bohdana i

10. Jwana Solmierskiego;

11. Pana Jana Tryznę;

12. Pana Andrzeja i

13. Alexandra Zaborowskie;

14. Pana Horskiego;

15. Pana Jeżego Kideja;

16. Pana Lubańskiego;

17. Pana Stefana Łóżkę, Marszałka Mozyrskiego;

18. Pana Lityńskiego;

19. Książa Jerzego Puzyńę.

Zasię z posrodka ludzi religii ewangelickiej mianowa-
liśmy senatory tak z korony, jako jako i z W. X. Litew-
skiego:

20. Oswieconego Księcia J. M. Krystofa Radziwiłła,
województwo Wilenskiego;

21. Jasnie W. JM. PP. Andrzeja Leszczynskiego Brzez-
komuwskiego;

22. Pana Jana Abramowicza Smolenskiego;

23. Pana Krzystofa Zienowicza Brzescinskiego;

24. Pana Fabiana Cemę Malborskiego, — wojewodow;

25. Wielmożnych Pana Jana Zorzaźewskiego Poznańskiego,

26. Pana Jana Zborowskiego gnieźnienskigo;

27. Pana Mikolaja Naruszewicza Zmudzkiego;

28. Pana Czaplica Kijowskiego;

29. Pana Jerzego Korsaka Połockiego;

30. Pana Jana Zienowicza Witebskiego;

31. Pana Piotra Dorohoštajskiego Minskigo;

32. Pana Piotra Niszczynskiego, Belzkiego,

33. Pana Andrzeja Firleja Radomskiego,

34. Pana Andrzeja Męczenienskigo, Wilenskigo,

35. Pana Jana Drohojowskiego, Sanockiego;

36. Pana Usowieckiego Chelmskiego;

37. Pana Ruszkowskiego Przemęckiego,

38. Pana Adama Balinskigo, Bydgarskiego kasztelanow i

39. Pana Krzysztofa Monwida na Dorohostajach marszałka naywyższego W. X. Litewskiego; zasię z rycerstwa z korony i wojewodzw tych, które się na Lubelskim Trybunale sądzą:

40. J. M. Pana Andrzeja Szafranka starostę Lelowskiego;

41. Pana Andrzeja Reja,

42. Pana Marcina Krezę;

43. Pana Gaspara Kępskiego;

44. Pana Waleryana Kotka;

45. Pana Krzysztofa Pawłowskiego;

46. Pana Zygmuta Palczewskiego;

47. Pana Hieronima Czyżewskiego z Czyżowa;

48. Pana Gniewosza starostę Lutowickiego;

49. Pana Piotra Gołuchowskiego;

50. P. Stanisława Stadnickiego na Łancucie
51. P. Jana Bala;
52. P. Marcina Chrzastowskiego;
53. P. Samuela Trojeckiego;
54. P. Fredra z Krakowca,
55. P. Jerzego Stona,
56. P. Czaplica sędziego ziemskiego Łuckiego;
57. Pana Jana Potockiego, starostę Kamienieckiego;
58. P. Jakuba i
59. Krzysztofa Siemińskiego, wojewodzicze Podolskie;
60. Pana Andrzeja Rzeczyckiego, — podkomorzego Lubelskiego;
61. P. Krzysztofa Reja;
62. P. P. Jana
63. Piotra i
64. Adama Gorayskie
65. P. Lipskiego, — Belzkiego;
66. Mikołaja Ostroroga;
67. Pana Jahodyńskiego sędziego Ziemskiego Belzkiego.
68. P. Kaspra Kosinskiego;
69. P. Pirocinskiego, podkomorzega Braclawskiego. Za się z tych koronnych wojewodztw, które się na trybunale piotrzkowskim sądzą:
70. P. Pana Jerzego Latalskiego;
71. Pana Wacława Leszczynskiego;
72. Pana Sędziwoja i
73. Jakuba Ostrorogi;
74. P. Andrzeja Tomickiego;
75. P. Andrzeja Zarębę z Kalenowy;
76. P. Andrzeja Grudzickiego;
77. P. Woyciecha Witosławskiego;

78. P. Stanisława Pogorszelskiego, podsędką ziemskiego Kaliskiego

79. P. Zygmunta Grudzinskiego;

80. P. Chryzostoma Marszewskiego;

81. P. Michała Białośliwskiego;

82. P. P. Jana i

83. Marcina Broniewskich

84. P. Piotra Żychlinskiego

85. P. Paleckiego;

86. P. Jana Chrystopurskiego, stolnika Sieradzkiego

87. P. Widawskiego;

88. P. Wawrzynca Niemajowskiego;

89. P. Andrzeja Krotowskiego wojewodzicza Jnowrocławskiego;

90. P. Niszczycyckiego, starostę krasnickiego;

91. P. Zalinskiego podkomorzego Rowskiego;

92. P. Stanisława Siewierskiego, starostę Ostszeszowskiego;

93. P. Rymuna Ostromęckiego;

94. P. Adryana Chelmickiego;

95. P. Woyciecha Dorpowskiego. Zasię z Wielkiego Księstwa Litewskiego:

96. J. M. Księcia Jerzego Radziwiłła, wojewodzicza Nowogrodzkiego;

97. Jana Chlebowicza, stolnika W. X. Lit.

98. P. Adama Galwasza, starostę Dynaburskiego;

99. P. Mikołaja Zienowicza, podkomorzego Oszmianskiego;

100. P. Melchiora Pietkiewicza pisarsza Wilenskiego;

101. Kniazia Jarosława Hołowczynskiego na kniazicach;

102. P. Piotra Stabrowskiego starostę Kiejdonskiego;
103. Kniazia Fiedora Druckiego Horskiego;
104. P. Fiedora Pocięja sędziego ziemskiego;
105. P. Andrzeja Jundziłła, marszałka Wołkowyskiego;
106. P. Sebastjana Parosza;
107. Pawła Wereszczakę, podstolego Brzeskiego;
108. P. Jakóba Siemaszkę;
109. P. Romana Rawta;
110. P. Romana Wasilewicza Korsaka;
111. P. Kniazia Jerzego Sokolinskiego;
112. P. Druckiego, podkomorzego Witepskiego;
113. P. Hrchorego Sapiechę podkomorzego Orszanskiego;
114. Kniazia Jana Druckiego—Horskiego;
115. P. Melchiora Szemeta;
116. P. Woyciecha Radziminskiego podkomorzego Żmudskiego;
117. P. Jana Hołownie, — pisarza ziemskiego Wołkomirskiego;
118. P. Andrzeja Stankiewicza, starostę minskiego,
119. P. Jarosra Wołczka;
120. Kniazia Zyzenskiego, starostę, Rzeczyckiego;
121. P. Jana Jundziłła.

Do Których to pomienionych prowizorow, tak wszystkich wobec, jako i do którego kolwiek z nich wedle bliżności mieszkania urażony w wolności religij i względem religij, a rady i ratunku potrzebujący uciekać się, a oni zatem i każdy z nich wedle tego, jesli i jaką potrzebę obaczą, inszych obwieszczą, a o pożytecznej a pociesznej odprawie zaciągnionej sprawy principaliter staranie czynić mają, a to staranie wprzódnie głównych sprawach, aby tem snadniej skutek swoj brać mogło, potrzebnie się być

nam zdadzą synody, które, aby tem gromadniejsze bywały, obiecujemy to sobie pod temiż pomienionemi obowiązka-
mi, że kiedy grecy synod generalny złożą, a potrzebować
tego będą, tedy ewangelicy na ten ich synod, albo samo
przez się, albo przez posły pojedą, a z drugiej strony
też gdy ewangelicy synod generalny wedle dawnego
zwyczaju składania synodów złożą, a potrzebować tego
będą, tedy greckiej religij ludzie na ich synod, lubo sami
przez się, lubo przez posły przybędą i tak spólnie jedni
drugich ciężary znosząc, z obustron radą się i pomocą
ratować, a jako ci, ktorzysmy wedlug konfederacyi ge-
neralnej zawždy sobie wiary dotrzymywali i jako jedno
ciało pod jedną głową Chrystusem Panem tę zgodę i
związek między sobą wiecznemi czasy (nigdy nieodstę-
pując, ani się albo słowy uszczypliwemi urażając) za po-
mocą Bożą zatrzymować będziemy, którą to zgodę pod
obowiązkami konfederacyi generalnej wyrażonemi między
sobą uczynioną, utwierdzając obojga tak greckiego, jako
i ewangelickiego nabożenstwa ludzie rękami swemi pod-
pisali i pieczęci swe do niej przycisnęli do lepszej istoty.
W. Wilnie we srodę pierwszą po swiátkach roku 1599.

42. Dz. kśc. Helweck. wyznania Łukaszewicza t. 1,
str. 124. — Изъ духовенства православнаго на этомъ
съѣздѣ были: грекъ Лука Митрополитъ Бѣлградскій,
Исаакъ игумень Дубенскій и Гедеонъ архидіаконъ Ду-
бинскій. Епископы Гедеонъ и Михаилъ были тоже при-
глашены, но неприѣхали.

43. Вотъ этотъ проектъ составленный протестанта-
ми. Rozumiemy iż z duchownymi greckimi nie taki, jaki
z Rzymiany będzie spor o to, ieżliż piśmø s. fundamen-
tem ma byđ i normą wiary, a sędziem kontrowersyi.

Wielki to będzie stopień do uczynienia zgody, ile gdy zaraz z stromy tego się od nich rezolucya z naszą zgodną wezmie, które księgi za *canonicos*, a które za *apocryphos* przyjmują, i gdy pokażą exemplarz greckiej biblij, który za autentyczny poczytują. Bo stosując z nim wykład nasz Brzeski, ile in novo testamento gdzie praeter Matheum, iż wszystko po grecku zaraz pisano, nie trzeba się do żydowskiego języka referować, tuszymy, że różnicę nie znajdują. Zgodziwszy się o fundamencie, a na nim stanąwszy, isć porządkiem do artykułów wszystkich wiary i nauk, w których z mimi zgodę mamy i tę zgodę sobie przyznać i oswiadczyć cum specificatione articulorum przeciw wszelakim inaczej zozumiejącym heretykom, a osobliwie przeciw papieżnikom in doctrina de unico Capite ecclesiae Christi, de Coena Domini sub utraque specie participatione, de ratione et integritate in Eucharistia rei coelestis et terrenae, de purgatorio, de matrimonio sacerdotum etc. Co żeby tym łatwiej bydz mogło, rzeklibysmy, żeby się od nich domagać confessiones aliquas fidei catholicas, z której radziej niż z pospolitej opinij myślącemu o zgodzie, religij sądzić należy. Lecz iż bez omyłek podobno w nich nie iest, które drabając, miasto ugody ad dyssidium majus non sine exarcebatione graecorum przyjsć by mogło, przeto zda nam się consultius podać im swoję konfessiją sandomirską, aby w niej zganili co, jesliż mogą słusznie, a iesliż niemogą, aby się do niej przychilili, oną podpisali, co sobie ponich w siła artykułach obiecujemy. O pochodzeniu Ducha S. kontrowersye zrobi nieco trudności. Lecz jesliż dla niej zjednoc zenie in reliquis niemogłoby bydz czynione, niech inni o tem sądzą. Widzielismy skrypty niektórych niemieckich naszych theologów,

którzy utrzymują, że kontrowersya ta niebyła dość ważna do dyzunij pomiędzy łacinskim a greckim kościołem. Co się nas tyczy, kto rzecz pilnie uważy: ledwie się tego nie domaca, że grecy lubo o słowa się z nami swarzą, jednak bez mała o rzecz z nami się niezgadają, przyznawając, że *emanat*, *profluit* Duch Święty od Syna i inszych takich terminow przykładem swych greckich doktorow używając, które *æqui pollent procedenti*, którego się chronią, w piśmie go niewidząc. Logomachia nie życzylibyśmy aby miała unioni szkodzić. Z ludzmi wyznania augsburskiego w materyi tej o sacramentach nie zewszystkiem się zgadzamy, jednak spólnymiśmy się konsensem sandomirskim zdjęli, kontrowersyom dalszym i obraźliwszym przez okресlenie terminow mowienia zabiegłszy. Azazby i tu dla nasładowania tego uczynić się nie mogło? a to tem łatwiej, że o tym dogmacie rzadziej snadź, niż o sacramentach na kazaniach mowić przychodzi. Rożnica o wzywaniu świętych — obiednia, — naywiększa ich zdaniem iest zawada do spólności nabożeństwa. Obiednią z cerkwi ich wyrzucić, to rzecz, ile tak zrazu, ledwie podobna. Otem by tedy tylko zrazu obmyslować, ażeby zostawiwszy im ceremonie, które *tolerari possunt*, mogła byđz odrzucona zabobonna w wzywaniu świętych *idolatria* i inne bardziej w oko wpadające błędy. Przeciw czemu naywięcejby teraz przed rozmową trzeba gotować swiactwa z oyców s. kościoła greckiego; ażeby niemogła byđz kontrowersya o pewność autorow, mieysca annotować w exemplarzach greckich, których jako naywięcej potrzebaby zgromadzić do Wilna podczas colloquium. Gestum artolatriæ (упеклонение), że i te myśląc de mediis przytoczymy, iż snadź trudno by zrazu znieść krom obra-

żenia pospolitego człowieka, który nagłą zmianą obrażony, do papierstwa żeby się nie udał, obawiać się trzeba. Nie wiemy, zdrożnialiby na ten czas się kontentować, aby presbiterowie greccy sami naprzód zstrony tego, dostateczną deklaracją dawszy, potem *publice* na kazaniach pospolitemu człowiekowi to, naprowiając błędy, opowiadali (jako się to w niektórych ewangelickich zborach, gdzie klęcząc sakrament biorą, zachowuje), że te klęknięcia nie mają być i nie bywają czynione przed chlebem widzialnym i w sakramenciech dawanym, ale przed samym Panem Bogiem, do którego k niebu w gurę serca podnosić trzeba, na widomych się elementach nie zasadzając. Tymże kształtem, iż grecy obrazy malowane mają, lubo rytemi się brzydzą, rozumie libyśmy, jeśli by się, coby było lepiej, zaraz znieść nie mogły, aby zwyczajem w kościołach augustyańskich konfessyi używanem przeciw adoracyi ich z pisma s. i doktorów za pokazaniem naszych, nauka od presbiterow przechowana była, a z czasem za wykorzeniem idolatrii z serc, snadniej by przyszło i same obrazy znieść. Teraz tylko w toby *per ista media* potrafić, aby przy nabożeństwie ludzi religij greckiej bez skrupułu sumnienia mógł bywać ewangelik, a to tym umysłem, aby się oni też naszym nabożeństwem niebrzydźli. Zaczem bać się nie trzeba, aby ewangelikow do nich co odstawać miało, owszem rzecz pewna, żeby siła grekow ewangelikami prawdziwymi i doskonałymi zostawało, ile gdy by już rozmowa z prezbitery ich nastąpiła poufała ministrow naszych, którzy ich nauką przewyższają. Więc i szkoły zatem mogły by być wspólne w powiatach, na które *sumtu* od nich siła by przybyła, a nauczyciele umiętni rzadko by się ich religij należeli. Więc i synody podczas

mogły by bywać z nimi wspólne in districtibus, na których in rebus minucioribus et odrophoris, gdzieby się im jeszcze podczas akkommodowali (jako test: obchodzenie z nimi w niektórych miejscach świąt wedle starego kalendarza, używanie przasnego chleba w eucharystyi i t. d.) siła by to ważyło do pozyskania ich i do zabezpieczenia apostazyom ich do papieżstwa teraz spospolitowanym, więc: do zachowywania oppressyi przez ludzkie religij rzymskiej czynionych, ile gdy przykładem naszym, który jak widać, niektórzy już sobie smakują i seniorzy świeckie, którzyby *cum ipsis consilia communicarent*, między sobą postanowione mieli. Na to wszystko respekt mając, zaradzając pokojowi i bezpieczeństwu naszych kościołów, więc tem snadniejszemu siła ludzi do prawdy poznania potargnieniu i rozszerzeniu, rozumiemy, że każdy pobożny te rzeczy wedle możności raczej promowować, niż, czego Boże uchowaj, rozpierać będzie wolał. Dz. kśc. Helw. wyzn. Lukaszewicza t. 1 str. 120—123.

44. Вотъ какое свидѣтельство объ этомъ дѣлѣ приводитъ Лукашевичъ въ Dz. kosc. Helw. wyzn. t. 1, str. 134. Jerzy Rekuć uczony minister zboru ewangelickiego w Królewcu tak o niej (konfederacyi—Виленскомъ съвѣдѣ) sądzi, w liście pisanym dnia 14 października 1719 r. do Jablonskiego: Poselał W. Panu Dobr. kopią konfederacyi Rusi z ewangelikami, którąś W. M. Pan Dobrod. sobie przysłać kazał. Wiemci ja żem ją dla W. M. Pana Dobrzeja przepisywał gdym jeszcze Berlińskie gymnasium frekwentował: natenczas i dla siebie przepisałem i ztego jeszcze ekzemplarza każdemu potrzebniejszemu kopie udzielam. Konferując tu jednak moj ekzemplarz z samym oryginałem, postrzegłem, że ta confederatio est imperfecta,

bo tylko z naszych niektórzy podpisali się, a z Rusi mało kto. Do drugich podpisow tylko są spatia zostawione i wosk do pieczęci położony, ale na onych żadne imie nie zapisane, ani pieczęć przycisniona. Mojem tedy zdaniem, jeśli można, tylko kopiami ludzi tych (?) kontentować, bo gdy do prezenty oryginału przyjdzie, wszystko razem upadnie: bo te *lacinae* «są niemylnym znakiem, iż catholicus consensus między nimi niebuł.» Другое свидѣтельство въ такомъ же смыслѣ оставлено православными. Книга о единой вѣрѣ о Юнитахъ, глава изъ сочиненія Копытенскаго Полиподія.

45. Metropolita Michał Rohoza tyle sobie pod ostatnie życia i dostojenstwa swego lata zadawał pracy, tyle hazardow dla dobra i umocnienia unij poczynił, iż śmieie twierdzić można, że trudy i *szgryoty* na które go jako naczelnika cały ten wystawił interes śmierć jego w roku 1599 przyspieszyły. Ostrow. Dz. kościoł. polsk. t. 3, str. 200. Иначе это дѣло рассказываетъ современникъ Михаила авторъ *Өриноса*—Мелетій Смотрицкій—обращаясь къ Подѣю отъ лица Восточной церкви, онъ говорить: Wspomni synu, co się nad bracią twoją mało przed tym stało, którzy na tej że słabej drodze (unij) byli. Nad przodkiem, mówię, twoim, ktorego się ty successorem Metropolskiego stolca być mianujesz i (z) inszymi jego i twemi spółbiskupami, którzy was i wiarą i uczynkami nasładowali. Jako powszystek czas żywota swego ustawicznym summienia szczypaniem zwyciężony, jawnie przed niektórymi, że są zawiedzieni wyznawali i wgłębokosc złości przyszedłszy desperowali. Ow (Михаилъ Порога) abowiem ieszcze żywym będąc, jako umarły chodził i

smierć nagłą, desperackie głosy wypuszczając, podjął....
Өринось стр. 76.

* 46) Авторъ Antigrafi (изд. 1608 г.) такъ описываетъ
состояніе уніятскаго духовенства: Powieź że mi teraz
(обращается къ сочинителю книги: Heresiæ Ignorancyo
y Polityka popow i mieszczan bratstwa wilenskiego...
книги, кажется, утраченной) czy nie jawnie się tacy
między waszą odstępłą sektą najdują duchowni, którzy
już po poświęceniu na stan presbiterski żonę nieszlubną
wziąszy y dla tego mieysca u prawowiernych utraciwszy
u was nietylko mniemane kapłaństwo przy samym waszym
starszym (którego niesłusznie mianujecie Metropolitem),
odprawują: ale ieszcze i przełożonemi duchownemi, a na-
wet i wikariami jego się postawieni (кажется несомнѣн-
но, что здѣсь указываетъ авторъ на Сенчиловича и За-
славскаго, съ которыми познакоимся вскорѣ). А że i
drudzy temu podobni (opusciwszy dalsze i grubsze kraje)
w samym stołecznym mieście Wilenskim nie najdują się
waszyż odstępni popowie, którzy... z wtóremi żonami od
podobnych sobie apostatow za dozwoleciem starszego swe-
go sluby biorą, a wziąwszy po staremu bez żadnej prze-
nazy odprawują. А со gorsza złoczyncy jawni y dekreta-
ми sądów głównych trybunalskich przekopani (указы-
вается здѣсь, безъ всякаго сомнѣнія, на протодіакона
Антонія Грековича, который за блудъ съ монахинєю
Катериною Лычанкою и бѣгство изъ монастыря брат-
скаго осужденъ былъ виленскимъ трибуналомъ на
смерть, но спасся перешедши въ унию. Это об-
ширное дѣло полное ужаснаго скандала, напеча-
тано отдѣльною брошюрой. Москва. 1860 г. Мы не
рассказываемъ его здѣсь подробно, потому-что оно

мало имѣть серьезнаго значенія въ униі: оно важно только въ томъ отношеніи, что изъ-за него потянули на судъ Поцѣя, защищавшаго Грековича, но подобныхъ случаевъ есть нѣсколько съ болѣе приличною и важною обстановкою; ихъ мы и приведемъ въ свое время). Aza u was mieysca nie maja, aza tak jako i dzudzy popi u ostarza cerkiewnego przy tymże waszym starszym nie ministruja... ta to iest wѣda, którą najwięcej ryb ustawicznie z ieziora cerkwi Chrystusowej ci odstępnі pastyrze wyciągają, iz kaźdemu wszystko, co się podoba byleby ony za starsze swoje miał i posłuszeństwo im w sprawach duchownych oddawał, czynić dopuszczają. Aby kaźdy wiedząc to, że żadnego tak wielkiego występka, tak srogiego excessu, tak brzydkiego Bogu i ludziom grzechu nie masz któryby tym dziurawym posłuszeństwa ich płaszczykiem pokryty u nich byдз niemogł do tej wszystko pozwalającej zwieszchnosci (po zbrojeniu zwłaszcza czego kolwiek y zasłuzeniu godnego zato karanja) prawie oslep się udawał czego ja tu jako rzeczy wszystkim jawnej exaggerować niehcąc do drugich twoich artykułów przystępuję. Antigrafi стр. 1—2. Конечно, бывали случаи, какъ увидимъ, что и въ православіе изъ униі возвращались люди дурные, но каждаый согласится, что тогда въ православіи дурнымъ людямъ немногѣ было радости и надеждъ на хорошее житье; поэтому немногіе и рѣшались на такое обратное превращеніе.

47). Акт. Зап. Рос. № № 142-143.

48) Жизнь Поцѣя, конечно въ панегирическомъ духѣ, написана прото-архимандритомъ, а потомъ Владимирскимъ и Брестскимъ епископомъ, Львомъ Кишкою. Жизнеописаніе это помѣщено при собраніи проповѣдей

Поцѣя изданныхъ тѣмъже Кишвою въ 1714 г. подъ Заглавіемъ: Kazania i Homilie Meża Bożego Hieracyusza Rosieja Metropolity Kijowskiego.

49) Мы увидимъ, что дѣйствительно такіе кружки образовались послѣ Виленскаго съѣзда. Особенно прочный кружокъ образовался въ Вильнѣ и въ союзѣ съ нимъ въ Волынской области подъ руководствомъ одного знаменитаго прокуратора Виленскаго съѣзда подскарбія Волынскаго—Лаврентія Древинскаго и Виленскаго братства.

50) Stebelski. Żywoty ss. Parasc. i Ewfros. m. 1. Opisanie znaczniejszych awtorow ksiąg ich подъ словомъ: Rosiej Hieracyusz. Собрание правъ западно русскихъ митрополитовъ, составленное Поцѣемъ, дополнено было и издано въ 1632 году виленскимъ троицкимъ братствомъ уніятскимъ, подъ заглавіемъ: Prawa i przywileje nadane religij greckiej w iedności z kosciołem Rzymskim będącej.

51. Эту мысль проводилъ Поцѣй въ своемъ собраніи правъ. Въ 1605 Поцѣй даже потребовалъ, чтобы судъ призналъ ее вѣрною. Известно, что въ этомъ году онъ представилъ въ Виленскій магистратъ документъ о существованіи уніи въ Запад. Р. Церк. въ 1476 г. Акт. Запад. Рос. т. 4. № 164—Что Поцѣй писалъ о разныхъ предметахъ уніи гораздо ранѣе 1605 г., это видно изъ одного мѣста Перестроги, гдѣ упоминается о литературной дѣятельности его рядомъ съ другими событіями, случившимися никакъ не позже 1600 г. Акт. Запад. Рос. т. 4. № 149 стр. 225.

52) Акт. Зап. Рос. т. 4. № 143. Въ этой грамотѣ между прочимъ говорится: Што (назначеніе Поцѣя Митрополитомъ Кіевскимъ) вамъ *всѣмъ* такъ преложоннымъ духовнымъ, яко и свѣтскимъ религїи русской людемъ

до вѣдомости черезъ сесь листъ нашъ подаючи, абы есте велебнаго отца Митрополита Ипатія за пастыря принявши и подѣ послушенствомъ Костела повшехнаго римскаго, а подѣ зверхностію его яко старшого пастыря будучи, всякое послушенство и учтивость ажъ до живота его отдавали, хочемъ мѣти и приказуемъ.

53) Вскорѣ мы увидимъ, что на этомъ основаніи онъ предалъ гражданской власти многихъ членовъ Виленскаго Магистрата.

54) Вотъ это описаніе: Drugiego (на полѣ Połocki Негман, въ мѣрѣ Григорій, бывший протонотарій митрополита Михаила Рогозы)... mało nie przednieyszego tej waszej unij forytora sprawiedliwym sądem pańskim, jeszcze za żywota, zły duch częstokroć i przy samym nabożeństwa przezeń odprawowaniu z niezmiernym wszystkich tam będących ludzi postrachem, po cerkwi tam i siam srodze, straszliwie szukał i zaczętej przezeń liturgij (авторъ Перестроги рассказываетъ, что тоже случилось при самомъ посвященіи Григорія въ санъ епископа Акт. Зап. Рос. т. 4, № 149, стр. 209, столб. 1) aż i do samej śmierci skonczyć nigdy nie dopuścił. Trzeci (Piaski Hohol) jako oculati testes powiadają, ożarszy się gorzałki, z dobrą pokutą i poprawą żywota swego szyje złamał. Czwarty (Chelmski — Діонисій Збируйскій) ieszcze przed tą apostazyą (za to, że już zostawszy władyką, przeciw swej zakonnicej regule z żoną, ale nie jak z siostrą mieszkał) w klątwę albo excommunicacją od zwierzchniego pastyrza swego będąc włożony, z takowąż, jako i wzwyż mionieni pokutą żywota swego dokonał. Piąty a ten nablížszy twój (Полцѣ) kolega, który (Łucki władyka Terlecki) z tobą w

zawołanyм poselstwie do Rzymu jezdził, mężobójstwem, wszeteczeństwem i innemi temu podobnemi swotami, o których wszystek Łucki powiat bardzo dobrze wie, nie pojednokrć siebie przyozdobiwszy i jeszcze za żywota nosa na twarzy z dworskiej choroby pozbywszy za drugimi się pospieszył. Өринось л. 76. Писано 1610 года.

55) Сочиненія и дѣйствія Поцѣя приведены въ большую извѣстность уніятскими и латинскими писателями, и мы познакомились со всѣми ими: но нигдѣ не находимъ извѣстій о сношеніяхъ Поцѣя съ подчиненными ему епископами. Всѣ его усилія теперь направлены были къ тому, чтобы приготовить уніи новыхъ людей. Такъ онъ выдвинулъ Іосифа Рутскаго, Іосафата Кунцевича и другихъ.

56) Впрочемъ, заботливость Поцѣя объ этихъ епархіяхъ находила нѣкоторую поддержку въ томъ, что онъ еще до вступленія въ званіе Митрополита получилъ немало архимандрій въ свое управленіе въ разныхъ епархіяхъ. См. прим. 7. Черезъ нихъ то онъ могъ нѣсколько содѣйствовать успѣхамъ уніи въ другихъ епархіяхъ. Кроме того, по его внушенію дѣйствовали многіе изъ низшаго духовенства этихъ епархій и свѣтская власта.

57) Королевская грамота о назначеніи Поцѣя въ Митрополиты. Акт Зап. Рос. т. 4. № 143. 1., про то и добра вси до Митрополи Киевской належачы: волѣварки, мѣщанъ въ мѣстакъ нашихъ господарскихъ, князьскихъ, паньскихъ, и земьянскихъ будущихъ, подданныхъ осѣдлыхъ, со всякою ихъ повинностью и данью, чого одно бывшыє Митрополитове въ держанью были и уживали, ничето съ тыхъ добрь невыимуючи, совсимъ на все,

велебному Отцу Ипатію даемъ и симъ Листомъ нашимъ утверждаемъ.....

58) Акт. Зап. Рос. т. 4. № 14.

59) Тамъ же № 142 и 143; 144 и 153. 1 и 11.

60) Synopsis — извѣстія подъ 1584, 1585 и 1591 г. О православныхъ церковныхъ братствахъ св. Флерава стр. 45-68.

61) Акт. Запад. Рос. т. 4. № № 92, 94. 98, 101.

62) Тамъ же № 142.

63) Собраніе древнихъ грамотъ и актовъ городовъ: Вильна, Ковна... ч. 2. № 10.

64) О дѣятельности Пареевича См. Акт. Запад. Рос. № № 41, 116.

65) Тамъ же № 116.

66) Акт. Запад. Рос. т. 4. слич. №№ 145 и 166.

67) Королевская грамота о назначеніи Поцѣя подписанная 26 Сентября 1599 г. а распоряженія Поцѣя противъ православныхъ писаны 24 сентября того же года. Тамъ же. Слич. № 143 и 142.

68) Тамъ же № 41, 94.

69) Тамъ же слич. № 149 стр. 225. стол. 1. № 142, 144, 145.

70) Тамъ же слич. №№ 159 и 146.

71) Synopsis подъ 1601 г. слич. Акт. Запад. Рос. т. 4. № 159.

72) Уніятскій писатель сочиненіи: *Relacya y uwazenie postępkow niektórych około cerkwi Ruskich Wilenskich roku 1608 y 1609 г.*, — такъ описываетъ жизнь Самуила Сенчиловича: Сенчиловичъ, по его словамъ, родился въ Вильнѣ, растратилъ полученное отъ родителей наследство, ведя жизнь роскошную и развратную: за

разныя преступленія и даже убійство былъ осужденъ на изгнаніе изъ отечества, но спасся принятіемъ монашества въ супрасльскомъ монастырѣ. Тамъ вмѣстѣ съ Архимандритомъ Массальскимъ возмущалъ иноковъ противъ Церковной власти (т. е. противъ уніи), но былъ изгнанъ оттуда патрономъ этого Монастыря (Тышневичемъ). Тогда Семчиновичъ обратился къ Митрополиту Поцѣю съ раскаяніемъ (т. принялъ унію), который три года держалъ его въ большой милости. Здѣсь Семчиновичъ, говоритъ авторъ, показывалъ такое смиреніе, что всѣ дивились такой переменѣ въ немъ. *Temi tedy, продолжаетъ авторъ, zmyslonemi postępkami swemi tak się był wkradł w łaskę wszystkich, a osobliwie oycy Metropolitę (Poцѣя), że go na stan kapłanski poświęcił, a potym Archimandrytą Wilenskim uczynił. Rozdział drugi (сочиненіе безъ означенія страницъ). Слич. Акт. Запад. Рос. т. 4, № 156. Тамъ же № 166.*

73. О Варѣломеѣ Заславскомъ тотъ же авторъ Relacyi сообщаетъ такія свѣденія, тамъ же во 2 главѣ. *Bałtromiej Zasławski jakowego był zachowania sama relacja popow przemyslskich na urzędzie grodzkim Przemyslskim uczyniona dosyć znacznie wyswiadcza, którą ja dla wiadomosci wszystkich od słowa do słowa, jako się w sobie ma, tu położę:*

Ad officium et acta przemysleń. Castrens. Capitanealia przemyslens. personaliter venientes Religiosi et Nobiles Demetrius Sidorski protopopa, alias Namiestnik, Joannes Nicolinski, Theodor Tatomir, Demetrius Burda Namiestnik Dubiensi, Petrus Juriewski et Thoma praesbiteri, atque Jgnatius Diakon vicarij alias Kryłoszanae Ecclesiae Cathedralis Przemysliens. religionis et ritus graecorum. Re-

quisiti existentes de quodam popane Bartholomeo seu Varttholomeo, qui praeteritis annis Jaroslavia ob scelera cum quodam femina perpetrata aufuglens, nunc Wilnae flagrat, tale testimonium pertribuerunt: Jż ten Bartłomiej malarczyk, będąc rodzic z Halicza ubogich rodziców, którzy i teraz wo Lwowie z zarobku żyją, schował się łazkiem (z kąd teraz zaszkwskim abo łaszkwskim nazywa się), przy szkołach ruskich po różnych miejscach, potym w Jarosławiu przy Jakowie Grzodzie namiestniku Jarosławskim lat kilka szkołą trzymając zamieszkał i za namową y przywadem tegoż Grzody namiestnika Jarosławskiego od nieboszczyka sławnej pamięci xiędza Michała Kopysten-skiego Władyki przemyskiego bezżennym posłubiwszy dziewictwo popem postawion został. Na upewnienie wiarą i rękojemstwo zań tegoż Grzody przysięgą obudwa potwierdzone przy którym to Grzedzie w Jarosławiu rok abo kilka zamieszkałszy ten Bartłomiej popem w dziewicznym stanie, a potym siostrę rodzoną tegoż Grzody popa Jarosławskiego pannę, która już była do Lwowa zamąż zmo-wiona, jedno ze wespół z nim przy bracie swym tym to namiestniku Jarosławskim mieszkała, zwiódł, że od niego brzemienia dostawszy, y dziecię stracili, zaczęm niemo-gąc tam już w Jarosławiu z nią mieszkać dłużej, uciekli oboje do Podtelicza ośm mil od Jarosławia, z diecezj władcyctwa przemyskiego i tam to u powinnych tej to zwiedzionej kryjomie pokiby ozdrowiała z zamieszkałszy, zjechali na Wołyń, a z tamąd do Wilna, o co nieboszczyk władyka przemyski, jako krzywoprzysięzcę i zbrodnika (gdż bez przysięgi pszezeń o zachowaniu dziewictwa uczynionej nie został by był popem. Aboniem po poświęceniu na kapłaństwo, małżeństwa kanony kosciołne za-

braniają) tego Bartłomieja popa zbiega wyklął y pomienio ny Jakób' Grzoda Namieśnik Jarosławski rękojmia jego długo był wnicłasce nieboszczyka oto także pędko i namiestnictwa Jarosławskiego postradał. A ten Bartłomiej bojąc się karania, które by go było nie minęło, wracać się tu i do tego czasu niosmiał. Quod sic non aliter fieri praenominati recognoscentes sub onero conscientiae fideliter et vere recognoverunt. Act. in Cartis. przemysliens. Sabbato post Dominicam exaudi proxim. Anno Dn. 1609. Этотъ Вареломей, подобно Сенчиловичу, обратился къ митрополиту Поцѣю, принялъ унию, понравился ему и былъ едѣланъ въ Вильнѣ протопопомъ. Авторъ говоритъ, что объ этомъ дѣлѣ, какъ и о жизни Сенчиловича, упоминаетъ православный писатель сочиненія — Antigraphi. Дѣйствительно, мы уже видѣли (см. примѣч. 46), что этотъ авторъ явно указываетъ на этихъ людей, хотя и не называетъ ихъ по именамъ. Это то обстоятельство и побудило насъ помѣстить здѣсь это любопытное юридическое свидѣтельство.

74) Объ этихъ попыткахъ Поцѣя примирить съ собою православныхъ и объ отказѣ ему послѣднихъ глухо упоминаетъ Несторъ Козменичъ подляшскій протоіерей въ посланія къ православному духовенству. Акт. Запад. Рос. т. 4, № 179.

75) Справа братства виленскаго. передъ судомъ трибунальнымъ 1605 г. Synopsis подъ 1605 г. Акт. Зап. Рос. т. 4, № 159. Исторію всего этого дѣла увидимъ послѣ.

76) Акт. Зап. Рос., т. 4, № 145. Изъ этого документа видно, что еще въ 1599 г., нѣкоторые изъ членовъ виленскаго магистрата стороны русской, бывшіе въ то

же время членами виленскаго православнаго братства, уже отпали и отъ православія и отъ братства, иначе они никакъ не жаловались бы Пареевичу намѣстнику уніятскаго монастыря на то, что Стефанъ Зизаній, братскій проповѣдникъ, остается въ Троицкомъ монастырѣ. Одинъ изъ жаловавшихся Пареевичу, именно — Илья Исаковичъ, находится въ спискѣ братчиковъ 1584 г. Справа виленскаго братства, стр. 30, фамилія же другаго (Григорія Θεодоровичи), очень можетъ быть родныхъ его также встрѣчается въ томъ же спискѣ.

77) Vilno Kraszewskiego. т. 2, стр. 437—439.

78) Рутскій пришелъ къ уніи почти такимъ же путемъ, какъ и Поцѣй. Онъ происходилъ отъ благороднаго православнаго рода, вышедшаго изъ Россіи и жившаго около Новогрудка. Въ юности сперва принялъ протестантство, потомъ стараніями іезуитовъ обращенъ въ латинство. Стараніями тѣхъ же іезуитовъ отправленъ былъ для окончательнаго образованія въ Римъ, въ греко-славянскую коллегію и оказалъ такія блистательныя, по взгляду латинянъ, успѣхи, что былъ названъ атласомъ Церкви. Но римская конгрегация *propagandæ fidei* разсудила, что этому атласу лучше украшать уніятскую Церковь, чѣмъ латинскую, и Рутскій противъ воли долженъ былъ перейти изъ латинства въ унію и отправленъ въ Литву къ Поцѣю. Этого-то Рутскаго Поцѣй посвятилъ въ монахи и помѣстилъ въ Троицкомъ монастырѣ для устройства уніятскаго братства. *Żywoty SS. Eufrozyny i Parascewij. Stebelski. Т. 2, стр. 181—184. Примѣч. подъ буквою т. Описаніе Кієво-Соф. собор. стр. 153. Synopsis подъ 1608 г.*

79) Вотъ какъ описываетъ все это дѣло авторъ сочиненія — Relacia... Szło im (т. е. Сенчиловичу и Заславскому, которые, по словамъ нашего автора злосливą przyjazń między sobą zawarli) tylko o to jakimby sposobem do tego przystąpić mogli (т. е. изгнать Рутскаго), Sienczyło Archimandryta udawać pokątnie poszłą przed pany Burmistrzami i innemi ludzmi, jakoby jego M. Oyciec Metropolita przemysłał o zgubie i zniszczeniu religij ich greckiej, oycia Ruckiego, którego sam wczesna postrzygał i z nim przez kilka lat żył, za łacinnika i kapłana kościoła Rzymского udawał, twierdząc, iż to przedsięwzięcie jego było, aby Cerkiew S-tej Troycy iezuitom podał i regułą S-tego Bazylego w Jezuicką obrócił, y tym zamysłem mieszkanie w Monastyrze S-tej Troycy zakonnikom murował, które aby do skutku swego nie przychodziło fortyłami różnemi przeszkadzał... z przeciwnikami naszymi już pokątne namowy i umowy czynił i ich rady i pomocy zażywał... Rzucili się teby (Сенчиловичъ и Заславский) do takowych złych sposobow dnia 10 Decembra (1608 r.) schadzkę potajomnie sobie w nocy w domu jednego mieszczanina Wilenskiego złożyli i tam się zszedłszy z drugimi popami i świeckimi ludzmi bractwa wilenskiego nowej Cerkwi (Св. Духа) postanowili to naprzod wypowiedzieć solenniter posłuszeństwo Jego Mości Oycu Metropolicie potym w sequester i possessią swoją Cerkwi i skarby pobrać. Szło im tylko o monaster S-tej Troycy, gdzie Oyciec Rucki z czerncami mieszkał, skąd niemogąc go prawnie i słusznie wyrugować, gwałtem wyrzucić takim sposobem postanowili: w Niedzielę to jest 15 Decembra mieli się wszyscy zniść na jutrznią i tam według osobliwego zwyczaju na Sławosłowie albo

ad laudes mieli soborem ubrawszy się wynieść y Oycza Ruckiego z sobą zaciagnowszy, w posrod Cerkwi stanąć, którego Archimandryta miał, porwawszy gwałtem, pospolsztwu wydać, mówiąc te słowa (które hersztom za hasło były dane) wynidz wen (won) haeretyku, niemasz tu co czynić. A te konjuracie swoje stwierdzając, szli do przeniesienia S-go Mikołaja, także na Ewangelij S-tej, popowie ubrawszy się w stufy, poprzysięgali.... Relacja rozdział 3.

80) Тамъ же.

81) Обь окружныхъ граматахъ виленскаго братства, къ сожалѣнію не сохранившихся, часто упоминаеть тотъ же авторъ въ главѣ 4 и 5. Замѣчательно, что это средство предложилъ виленскій съѣздъ 1599 г. Братство значить слѣдовало его постановленіямъ и, какъ увидимъ, не напрасно.

82) Акт. Запад. Рос. т. 4, № 159. Исторія обь униі Бавтынь-Каменскаго стр. 65—66. Synopsisъ подь 1607 годомъ... Въ Акт. Запад. Рос. т. 4, № 128 помѣщена позывная королевская грамота Цюцью и Терлецкому за введеніе униі по жалобѣ пословъ волынской земли поданной еще въ 1598 г. Но въ Перестрогѣ напечатанной въ томъ же томѣ Акт. № 149, стр. 220—221 говорится, что Цюцѣй съ Терлецкимъ сами ее составили, чтобы уклониться отъ другого позва болѣе важнаго, именно позва оубійствѣ униятами одного священника.

83) Этотъ вопросъ имѣлъ громадное значеніе въ литовско-польскомъ государствѣ и нѣкоторые даже находятъ причину паденія Польши въ томъ, что не удалось разрѣшить его справедливо. Третій и отчасти второй томъ сочиненія Koronowicza, *Słowo dziejow polskich* за-

включаютъ въ себѣ обширныя изслѣдованія вопроса о роздачѣ общественныхъ должностей или что тоже общественныхъ имуществъ, соединенныхъ съ ними.

84) Вант.-Камен. стр. 66. Примѣч. ш. Synopsis подь 1607 г. Stebalski Żywoty SS. Eufr. i Parasc. т. 2, стр. 177—178, примѣч. Ostrowski Dz. i prava Kosc. Polsk. т. 3, стр. 205—206.

85) Тамъ же.

86) Тамъ же. Стебельскій и Островскій.

87) W tym się seym przybliżał na który się on (Семчиловичъ) з pomocnikami swojmi gotował, spisy strojąc i kogo mógł za sobą fortelem zdradliwym udawaniem pociągał. Często kollekty od pospolitego człowieka pieniądze wyciągał. Uniwersały do różnych powiatow sobie i przedsięwzięciu swemu podobne rozpisywali, któremi wiele ludzi, a zwłaszcza duchownych pobuntowali. Relacja... rozdział 3. Экзархъ кievской митрополи Подляскій протопопъ Несторъ Козменичъ въ своемъ посланіи къ цинскому духовенству говоритъ, что виленскіе послы, отправалявшіеся на сеймъ въ началѣ января 1609 года, заѣзжали къ нему и что этими послами, кромѣ Семчиловича, были: священно-никомъ отецъ Павелъ, отецъ Леонтій Священникъ Воскресенскій Виленскій, іеродіаконъ отецъ Макарій Кголимонтъ; панъ Арнольдъ Вириковскій, двориникъ его короля милости, староста братства церковнаго виленскаго, панъ Иванъ Порошко, панъ Тимошей Репницкій, панъ Миколай Воронежъ, панъ Логинъ Карповичъ и другихъ немало. Акт. Зап. Рос., т. 4, № 179.

88) Вант.-Кам. стр. 66—67. Relacja rozdz. 4. Synop-

sis подъ 1609 г. Stebelski т. 3, стр. 178 прилѣч. Ostrowski Дя. Kosc. Polsk., т. 3, стр. 206.

89) Тамъ же Relacia, Synopsis, Stebelski i Ostrowski. Въ собраніи польскихъ конституцій напечатано такъ, какъ хотѣли уніаты: wolno prawem szynkiem przed Trybunałem compositi iudicij zostawujomy. Volamina legum на польскомъ языкѣ т. 2, стр. 465.

90) A przed skończeniem seymu J. M. Oyciec Mitropolit (Поцѣй), obawiając się, aby ze zbżeniem sższkzym i prawnym Sięczyła Archimandrya Wilenska z jakim niebezpieczeństwem nie wacowała, uprosił u J. K. M. przywilej na to Archimandryctwo oycu Racktomu, który zaraz ztamtąd do Wilna odjechał, mając listy J. K. M. do uszędu mieyskiego; gdzie J. K. M. rozkazował raczy, aby te cerkwie, które swawolnie popi niesłusznie z possessiej J. M. Oycu Metropolita odjęli przywroczone oному zaś były. Relacia rozdz. 4.

91) Relacia rozdział 5. Собраніе грамотъ городовъ: Вильна, Ковна... ч. 2, № 18. — Грамата Рутскому на архимандрію Троицкую. — Тамъ же. Собраніе грамотъ г. Вильна... № 19.

92) Королевскій чиновникъ отвѣчалъ собраннмси православнымъ, что во время передачи монастыря, ему никто не объявилъ протеста, что онъ свое дѣло сдѣлалъ по приказанію короля и затѣмъ уже не имѣеть никакой власти, что православные должны оставить его въ покоѣ и иснять своего дѣла законнымъ судомъ. Собраніе грамотъ городовъ—Вильна, Ковна, Трогъ... ч. 2, № 18. Замѣчательно, что громадная толпа народа, окружавшая при этомъ королевскаго чиновника, раздраженная до крайности беззаконными дѣйствіями уніатовъ и само-

го короля, спокойно выслушала объяснение этого чиновника и не сдвинула ему никакого насмешья, на которое онъ не преминулъ бы указать въ своемъ вводномъ (письмѣ) листѣ, въ которомъ самъ рассказываетъ все это дѣло.

93) А gdy Оуцес Руски з Warszawy jeszcze przed skonczaniem seymu do Wilna przyjechał y wziąwszy przez Dwórkantna J. K. M. w possessiâ M. S. Tróyce, listy one J. Kr. M. (т. е. грамоту о назначеніи Рутскаго архимандритомъ Троицкаго монастыря и о подчиненіи ему Виленскихъ церквей) на urzędzie oddał, prosząc, aby według rozkazania J. K. M. execucja bez odwłoki była czyniona, Panowie Burmistrzowie roczni Lawice Ruskiej to jest niejaki Jwan Tupieka a Jzak Kononowicz, będąc teyże хорды bratczykami lekce sobie te listy i rozkazanie J. Kr. M. poważyli, bo je nieuważnie po stole pomykając, swoje jakiesъ на pergaminie pisane (граматы на патронатство надъ Троицкимъ монастыремъ) над nie przekładali, a zatem respons na nie od dnia do dnia odkładali, praktyki stroili, przed pospolstwem je czytali, obciążając на pana (короля), iż zatem wielkie krzywды ponosili i tak lud pospolity wzruszywszy onego dnia, którego respons dawać mieli, przysć на ratusz kazali, który z wielkim tumultem przyszedł i znieważeniem urzędu mieysca J. K. M. Abowiem do izby radzieckiej cisnąć się, u drzwi zawiasy wyłamali i do niej się wdarli, gdzie okrzyk uczyniwszy, cerkwie aby niebyły w possessiâ Jego Mosci Oycy Metropolity wydawane wołali: Et ex procacitate ingenij (Tacit. libr. 11)?!, która iest jako choroba wrodzona motlochu (еще бы...) siła mowili. A panowie Burmistrzowie oto nic niedbali i owszem ім w tym pobłażali, nawet smieli to wyrzec: dał się (prawi) znać Gdansk królowi.

w Wilnie toż mu się dostać może (передъ тѣмъ было страшное возмущеніе въ Берлинѣ (Гданскѣ) противъ Сигизмунда III за его ревность къ Латинству и преслѣдованіе протестантовъ). Таки то іест (замѣчаетъ авторъ) duch pokory tej bezczesnej sekty (т. е. православныхъ)?!!
Relacia rozdział 5.

94) A Sienczyło z drużyną swoją do Wilna po seymie przyjechawszy, do buntow i sedycij się zwykłej gancili, abowiem pozwał y Jego mość oycsa Metropolitę także i oycsa Ruckiego do Tribunału głównego świeckiego przeciwko prawu w statucie (rozd. 3. artk. 32) i w konstytucij (1609 r) opisanemu, jakoby mu mieli monaster S. Tróyce gwałtem odjąć, a zatym mieli popaść w winę w konstytucij seymu niedawno przeszlego opisaną. Jnterim na jawne znieważenie starszeństwa od Boga y J. K. M. podanego, nie niedbając na kłáwę pastyrza swego publice nie z zwykłą pompą służbę Bożą y inne cerkiewne ceremoniesmiał odprawować, to іест ubrawszy się w koronę Arcybiscupią y z pastorałem processią stroił (трудно рѣшить былъ ли Сенчиловичъ просто въ облаченіи Архимандричьемъ или опъ въ самомъ дѣлѣ надѣлъ Архіепископскую митру съ дрестикомъ на верху и бралъ Архіерейскій посохъ — хранившіеся при соборѣ и, какъ видно, вмѣстѣ съ другими вещами перешедшіе тогда во владѣніе православныхъ), wszystko lekce sobie wając i owszem hardzie pogroźki krwie rozlanіem strojąc rozpolstwo pobudzał.... Relacia rozdział 5.

95) Тамъ же.

96) Тамъ же rozdział 6. Этотъ судъ и въ особенности пунктъ обвиненія Тупеки и Кононовича очень замѣчательны. Вотъ какъ описываетъ это дѣло извѣстный

namy już autorzy Relacji. Dwa rayce Jwan Tupieka i Jzak Kononowicz przed J. K. Mosć przez Justygatora byli pozwani in crimine lesae Majestatis. A punkta, na które się powinni byli sprawić te im były podane, które ja tu położę, aby każdy obaczyć mógł, iż nie dla religij (jako oni t. e. православные — zbrodnię pokrywając śmieją udawać)!!!, ale dla tych przyczyn, które swą wołą i rebelią pachną.

Punct 1. Seditiones, tumultus, rebelliones et illicita conventicula czynili.

2. Decreta, privilegia, mandata J. K. M. iedne znieważali, a drugie suprimowali.

3. Do tribunалу na zniesienie zwierzchnosci J. K. M. et privilegiorum tam et decretorum actiones moverunt et conjurationes eorum obtinerunt.

4. Fide fragos, excommunicatos et bannitos fovent et protegunt.

5. Litteras S. Regis M (ajestatis) actis civilibus publice inglossari non premiserunt Magistratumque civilem tunc temporis dishonorarunt.

6. Daninom i listom J. K. M. przyganiiali.

7. Mandaty króla J. M. po różnych niezwykłych miejscach z ratusza one wzięwszy do wykładu tumultantibus donosili.

8. Gdańsk J. K. M. exprobrowali, a zatym Wilnem grozili.... A mianowicie iż niejakiego paroszka (священника — уменьшительное отъ парох) z tamtego bractwa Wilenskiego buntownika wysłali na granice Moskiewskie, uskarżając się i kłamliwie udając, jakoby J. K. M. miał następować gwałtem na sumnienia i religią ich (обстоятельство тогда очень щекотливое, потому что Сигизмунд

мундъ въ это время хлопоталъ о престолѣ Московскомъ). По tych dowodach do Instygatora wniezionych w tajemnej radzie czytany był ow rotul zamknięty Burmistrzow Wilenskich przed J. K. M. z tych wszystkich dowodów i skrutyniei reos perduellionis et criminis lesae majestatis J. K. M. onych dwóch pomienionych Burmistrzow sprawiedliwym wyrokiem swoim osądzić raczył... rozdział 6.

97) Сперва отняли кафедральную митрополичью церковь Пречистенскую. Тамъ же rozdział 6. Odbieranie innych cerkwi na inшы czas odłożwszy dla pewnych przyczyn, a osobliwie dla tego, że znać ow Bartłomiej (Заславскій) bywszy protopopa na to się wsadził, aby jaki tumult przy odbieraniu cerkwie przeniesionia s. Mikołaja, gdzie i sam do tego czasu mieszkał i skarby cerkiewne chowane były, nie wszczął: na co się był dobrze przygotował... i tak hardzie ten bezecny człowiek przy tej cerkwi ostać myślił, że też onego cudownego obrazu panny Naswiętszej (który tam na ten czas w skarbie cshowany był) wydać panom Burmistrzom niedopuscił, aby J. K. Mość z królową jej móscią i z królewiczem u S. Troyce (gdzie był i dla przysłuchania się nabożeństwu Ruskiemu, a osobliwie dla niego przyjechać raczył) widzieć mogł?! Тамъ же roz. 7. — Какъ не благодарить автора за эту наивную откровенность, такъ дивно разясняющую дѣло, которую онъ дозволилъ себѣ, безъ сомнѣнія, въ томъ предположеніи, что читатели его — незаобивныя дѣти, которые такъ и повѣрять благочестію Сигизмунда. — Potym dnia 9 Augusta znouu J. Kr. M. zesłać zaczął tegoz dworzanina (Сенковскаго), który insze cerkwie w sequestr swój wziowszy dnia 11

Augusta Jęgo M. Oycu Matropolieci w pierwazą possessiã oddał; skarby wszystkie panom Burmistrzom rewidowaé i zrejstrowaé roskazał, króге на ten czas w cerkwi przemiesienia S. Mikołaja do czasu zmusznego schowano były.... Тамъ же. Значить и Варсоломей оттуда былъ изгнанъ и все перешло въ руки Поцѣя.

98) Мѣщанинъ этотъ назывался Иванъ Тупека. Безъ всякаго сомнѣнiя это тотъ самый Иванъ Тупека бурмистръ, котораго осудилъ королевскiй судъ. Замѣчательно, что ни одинъ изъ унiятскихъ писателей нехочетъ знать, кто былъ убiйца. — Они недаромъ скрывали это. Имъ, какъ и королевскому суду никакъ нехотѣлось видѣть въ дѣйствiяхъ людей подобныхъ Тупекѣ связи съ дѣлами религиозными — съ тѣмъ гоненiемъ, какому Поцѣй подвергъ православныхъ.

99) Relacia Rozdz. 7.

100) Тамъ же.

101) Братство начало строить Церковь Св. Духа съ цѣлю помѣститься при ней еще въ 1596 г. Акт. Запад. Рос. т. 4. № 101. Впрочемъ до 1609 года неоставляло Троицкаго Монастыря и только въ этомъ году окончательно утвердилось при Духовскомъ монастырѣ. Собр. грам. Вил. т. 2. №№ 23 и 24. Права i przywileje.... изд. 1632 г. стр. 42—50.

102) Тамъ же Собрание грамотъ г. Вильны...

103) Тамъ же.

104) Акт. Запад. Рос. т. 4. № 185 и 176.

105) Stebelski żywoty SS. Ewfroz. i Parascewij, т. 2, стр. 180 прилѣж.

106) Актъ Виленскаго съѣзда 1599 см. выше прим. 41.

107) О церковныхъ братствахъ свящ. Флерова. Въ

этомъ сочиненіи, какъ мы уже упоминали въ первомъ томѣ, собрано немало свиденій о братствахъ изъ общедоступныхъ источниковъ.

108) Особенно много было такихъ братствъ въ Галицкой области. Акт. Запад. Рос. Лѣт. Лѣв. Братст. подь 1590—1 г. Акт. Зап. Рос. т. 4, № 48.

109) Справа Виленскаго братства стр. 29-40; Памятн. Кіевск. Ком. т. 1. 1. № 1, т. 2. 1. № XII.

110) Акты Запад. Рос. т. 4. № 146.

111) Тамъже № 179.

112) Акт. Запад. Рос. т. 4. № 146. Лѣтопись Львовскаго братства. Опис. Кіев. Соѡ. Соб. стр. 152.

113) Акты Запад. Рос. т. 4. № 169.

114) Описаніе Кіев. соѡ. Собор. стр. 154.

115) Галицкій Епископъ Іеремія Тисаровскій рукоположенъ по порученію Константинопольскаго патріарха Валахскимъ Митрополитомъ. Weryfiasia niewinności стр. 15. Опреслѣдованіяхъ Тисаровскаго. Акт. Запад. Рос. т. 4. № 174, 176.

116) Wiara prawosławna... Kuleszy стр. 262—263. Dz. Kos. Polsk. Ostrowski т. 3, стр. 208.

117) Hierarchia—Dubowicza стр. 155. Żywoty SS. Ewfróz. i Parasc. т. 2, стр. 181, 184, 191.

118) Дѣло Архива бывшей униатской коллегіи № 4. Мы приведемъ этотъ памятникъ въ 3 томѣ нашихъ изслѣдованій.

119) Описаніе Кіево-Соѡ. Собор. стр. 158. Synopsis подь 1614.

120) Кулеша рассказываетъ, что когда Рутскій въ Нѣсвижской Іезуитской школѣ готовился къ принятію монашества, что могло быть никакъ не позже 1605 г. то

Богъ открылъ ему, что его преемникъ на митрополичьей кафедрѣ уніятской будетъ Рафаилъ Корсагъ. Wiąga praw. стр. 252—263. Вотъ какъ далеко простиралось предвѣденіе Рутскаго.

121) Какъ смѣло православные относились къ Рутскому это видно изъ того, что какъ только онъ объявилъ себя митрополитомъ, по выраженію автора Синописа, и въ 1614 году пріѣхалъ въ Вильно, чтобы вступить въ управление митрополичьей кафедрой, то со всѣхъ сторонъ въ Польшѣ и Литвѣ посыпались протестаціи противъ незаконнаго вступленія его на митрополию, или какъ говорить указанный нами авторъ, przesiwko niesłusznemu najazdowi J. M-ci. Synopsis подъ 1614 г.

122) Relacja i uważenie postępów... rozdział 6.

123) Уніятскіе и Латинскіе писатели, разумѣется, даютъ совсѣмъ другой видъ этому дѣлу. Представляя вездѣ унію страдающею отъ православныхъ, они говорятъ объ этомъ времени, что послѣ нападенія Тупеки на Поцѣя, король Сигизмундъ розослалъ по всему государству строжайшія предписанія, чтобы вездѣ сохранялось спокойствіе и что поѣтому Рутскій въ первое время своего правленія пользовался кой-какимъ (siakim-takim) спокойствіемъ. Steb. т. 2. стр. 184. Ostrowski т. 3. стр. 207.

124) Левъ Креуза такъ описываетъ это дѣло: Niektóre zasne osoby, pragnący zgody między nami w religij greckiej rozgóżnionemi т. е. между уніями и православными, potrzebowały po nas, żebyśmy sami z sobą w miłości braterskiej, na iedno się miejsce zszedłszy o uspokojeniu zobopólnym mówili i acz druga strona (православные) zrazu na toż przypadała, do rozmów jednak braterskich (nie z

naszej przyczyny) nieprzyszło. Lecz iż się już było na to zaniósło, chcąc, żeby tak słusznemu takich ludzi żądaniu z naszej przynajmniej strony jakkolwiek wygodziło... naznaczylismy dzień pewny, miejsce i czas, na który zaprosiliśmy ludzi zacnych w Wilnie pod ten czas będących tak z naszej strony, jako i przeciwnej, którzy widząc rzecz słuszną przybyli i łaskawie słuchali, widzieli też księgi słowiańskim językiem częścią pisane, częścią drukowane z których samych łacinskiego i greckiego języka na ten czas xiąg zaniechawszy, wszystkiegośmy dowodzili. Obrona jednosci Cerkiewnej przedmowa. Авторъ сочиненія Ехамен Оброны Weryfikacij описываетъ тоже дѣло гораздо яснѣе, онъ говоритъ: przed trzema laty (сочинение писано 1621 г. диспутъ былъ 1617 г.) за прагą i usilnym staraniem J. W. X. Biskupa Wilenskiego (т. е. Латинскаго, которымъ тогда былъ Евстаѳій Волловичъ (Wilno. Krasz т. 2. стр. 506 — 507.) już przyszło było do tego, żeście wy sami (авторъ обращается къ Виленскому православному братству) pozwolili o tych różnicach naszych mówić z nami i pewny czas już był naznaczony i ludzie zacni i przodkujący u was stanu świeckiego już się skłónili byli do słuchania nas z sobą mowiących, тамеście się ze wszystkimi trudnosциami swemi wywarli byli, które wam według zdania waszego wstręt czynili, j zatoż J. M. X. Biskup wszystko czynił, jakoscie sami chcieli, miejsce i czas jakoscie sami obrali, duchownych nabożeństwa Rzymskiego niemiałо być nikogo oprócz J. M. samego ze dwiema duchownemi i to nie jako dysputujących, albo informujących, lubo też to dyrygujących jeno mere słuchających, a w żadną się rzecz nie wstępujących, z świeckich nabożeństwa Rzymskiego żaden nie miał być,

jeno którego byście wy sami przypuszczać chcieli, by i upewnienie dać tego J. M. X. (biskup) gotow był na piśmie, sberzcie się jeno z pamięcią, a przyznaycie, jak się Boga boicie, jeśli nie tak było, zapomnieć niemogliście, bo trzy lata temu, i jużescie się ukontentowali byli, czekaliscie z nami pospołu dwóch niedziel od siebie naznaczonych, już to tam i sędziogo i o pozwolenie patryarsze koniec był. Lecz jako wy w sprawach swoich jestescie nieustawiczni i odmienni i lekkomyślni, tak i w słowach, trzema dniami przed tą dysputacją przysłaliscie do J. M. xiędza Biskupa, wymawiając się z tej zobopulnej z nami rozmowy, na którą już zjechali się byli niektórzy ludzie zacni nabożeństwa naszego. A co się tam powiedziało, o sędziogo (o którego trudność czynicie) i tu się krociuchno namieni, że dysputaciei sędziogo niepotrzebują, ieno słuchaczow, dekretow tam żadnych nie piszą, ani ich publikują, niemasz tam aktora, reum i inszych sądowi należących okolicznosci (стр. 40—41).

125) Весь этот предметъ подробно будетъ разсмотрѣнъ нами въ 3-мъ томѣ нашихъ изслѣдованій. Здѣсь мы только слегка его касаемся, на сколько это нужно для объясненія исторіи распространенія уніи.

126) Акт. Запад. Рос. т. 4, № 189. Это одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ документовъ уніятскихъ, совершенно ошибочно приписанный издателями Актowъ Зап. Россіи православнымъ. Не православные, а уніаты просятъ здѣсь Рутскаго не смѣшивать ихъ вѣры съ латинствомъ и ихъ самихъ съ латинянами. Въ этомъ убѣдится каждый, кто прочтаетъ этотъ документъ. Мы приведемъ его въ своемъ мѣстѣ.

127) Архивъ бывшей уніятской коллегіи дѣло № 4.

Здѣсь провинціалъ брестской епископіи Антоній Тупальскій, въ послѣдствіи протопресвитеръ и предсѣдатель виленской православной консисторіи, въ прошеніи на высочайшее имя (1809 г.) по дѣлу о возстановленіи литовской митрополіи прекрасно рассказываетъ исторію такъ называемыхъ каедральныхъ капитулъ первоначальныхъ, ихъ отношеній къ епископамъ и ослабленія ихъ епископами въ пользу Базилианскаго ордена, начиная со временъ Рутскаго. Къ сожалѣнію, приложенные было при этомъ прошеніи документы взяты были Тупальскимъ назадъ и куда дѣвались—незнаемъ. Этотъ замѣчательный памятникъ мы напечатать при третьемъ томѣ нашихъ изслѣдованій.

128) Stebelski т. 2, стр. 184—185. Ostrowski т. 3, стр. 207—208.

129) Stebelski тамъ же стр. 185 говоритъ: *Takowa opatrność Rutskiego nad zakonem obraziła srodze zwyczajnych nieunitow, a zwłaszcza kozakow ukrainskich z starszyną swoją...*

130) *Obraz Litwy Jaroszewicza* т. 3, стр. 62—70.

131) Тамъ же §§ 39—42. *Historya szkół w koronie i w W. X. Lit.* т. 1, стр. 232—272.

132) *Obr. Litw. Jaroszew.* т. 3, стр. 39, прим. 107.

133) Собраніе грамотъ Минскихъ № 62.

134) *Prawa i przywileje w unij będącym nadane* стр. 65.

135) Собраніе грамотъ г. Минска №№ 46, 77, 48, 55, 58, 59, 60.

136) *Weryficacia niewinności* л. 4.

137) ....przy tym tak wysokiego dostojenstwa zacnym patriarsze (Θεοφιλή) był od oycy naszego patriarchi Kon-

stantynopolskiego (Тимоѳея) legat albo exarcha mąż wielkich cnot i dostojenstwa Arseniusz wielki archimandryta wielkiej cerkwie. Weryfikatia л. 5.

138) List przewielebnego oycy Timothea patryarchi Konstantynopolskiego dany przewielebnemu oycu Theophanowi patryarsze Jerozolimskiemu gdy do Moskwyjechał (грамата эта помѣщена въ Werifikacij сперва на греческомъ языкѣ, а потомъ въ польскомъ переводѣ. Мы приводимъ послѣдній, какъ болѣе доступный читающей публикѣ). Przeoswiecomym metropolitom i hipertimom (достопочтеннымъ), Boga miłującym Archiepiskopom i Episkopom w Duchu Sw. umiłowanej Braci, których ten list nasz dójdzie, łaska wam, pokoj i miłość od Boga Wszchemogącego. Przebłogosławienszy i naswiętszy patryarcha Jerosolimski kir Theophan w Świętym Duchu miły brat i spółsłużyciel pokornosci naszej, mając potrzebę, jedzie do ziemi Moskiewskiej: zaczym do którego kolwiek z was blahocześciwych przejazdem tym przybędzie, wzywać wielebność jego i używać będziecie do odprawowania Boskiej liturgij do błogosławienia was i oświęcenia: powinni będąc z wszelką chęcią i uczciwością Wielebność jego przyjmować i wszelkimi dostatkami opatrywać nieodmównie, jak tego któremu, jako po nas kanony cerkiewne i sama przystojność mieć chciała, świętości cerkiewne i wszelkie archiereyskie Sprawy w naszych eparchiach odprawować pozwoliliśmy: i gdzie by się kto przeciwnym i nieposłusznym temu okazał jakim że kolwiek sposobem, każdy takowy pod należne karanie cerkiewne podpada. Co aby się inaczey nie działo oznajmujemy wam. Zatym łaska Pana naszego Jezusa Christusa niech będzie z wami. Amen.

Z Konstantynopola roku od Stworzenia swiata 7126 (1618) Indicta 1, miesiąca kwietnia. Werificacia л. 16.

139) Jakóba Sobieskiego pamiętnik woyny chocimskiej стр. 2—7, изд. Вольфа 1854 г.

140) Истор. уни Бант.-Каменск. стр. 70.

141) Ист. Росс. Солов. т. X, 92—93.

142) Истор. Малорос. Марк. т. 1, стр. 113.

143) Weryficacia niewinności л. 55.

144) Werificacia niewinności л. 4.

145) List do zakonnikow Monastera cerkwi s. Ducha Wilenskigo na ich przedmowę w Weryfikacij.... изд. 1621. стр- 14.

146) Miscell. rer. Eccl. Alb. Kojał. стр. 55. Wiera prawosławna Kuleszy стр. 121. пункт 2 и 3.

147) Исторія Ун. Бант.-Кам. стр. 73.

148) Тамъ же стр. 76 — 77. Miscell. Kojał. стр. 55; List do zakonnikow Monastera s. Ducha стр. 14 — 15.

149) Исторія Ун. Бан.-Кам. стр. 68.

150) Король Сигизмундъ писалъ письмо лично къ Патриарху и универсалъ къ жителямъ воеводствъ волинскаго и украинскихъ; гетманъ Жолкевскій двѣ грамоты: одну къ жителямъ Украины, другую къ войту, бурмистрамъ и радцамъ города Кіева, писали также письма къ Патриарху Теофану Епископъ Латинскій Луцкій Андрей Липскій, бывший тогда подканцлеромъ, и князь Збаражскій. Всѣ эти письма напечатаны въ Weryficatii 1621 г. и произвели сильный скандалъ для польскаго правительства и латинянъ. За это авторъ Listu do zakonnikow Monastera s. Dusha ужасно сердится на автора Weryficatij. List do zakonnikow стр. 2. Выписываемъ нѣкоторые изъ этихъ писемъ:

1. Kopia listu Króla J. M. do świętego Oycy Patriarchy Jerozolimskiego.

Wielebny w Chrystusie oycze pobożnie nam miły: gdyśmy wzięli wiadomość o przybyciu Wielebności waszej do państw królestwa naszego, nie innym przedsięwzięciem przybyła owdzie Wielebność waszą rozumieliśmy, tylko aby skromnie i spokojnie to co było jego przedsięwzięciem odprawował. Aczkolwiek różnych różne głosy o tym Wielebności waszej przybyciu do nas donoszone były, jednak wagi takiej u nas nie były, aby jakie o Wielebności waszej podeyrzenie przeciwne u nas zrodzić mogły, ale raczej tak długo czekać postanowiliśmy, abysmy co pewniejszego o przedsięwzięciu Wielebności waszej poznali. Co iż już z tistu Wielebności Waszej (къ сожалѣнію письма этого нѣтъ въ извѣстныхъ намъ источникахъ), jakośmy i mniemali, jawno wiedzieć się daje: łagodnie to znosimy, że Wielebność Wasza pod ten czas w państwach naszych mieszkał. A rozumiemy, że wszystkie Wielebności Waszej sprawy, co też i same jego powołanie wyciągać zdasię, do niczego się inszego tylko do spokojności i pokoju zaciągają. Dla czego wszystko to, o co nas Wielebność Wasza prosi, łaskawie Wielebności Waszej pozwalamy i komornikowi naszemu przez list roskazaliśmy, aby wielebność waszą przez te miejsca któremi ona drogą wziąć ma, dla bezpieczeństwa prowadził. Aczkolwiek nie od rzeczy wielebność wasza uczynić zdałbysię, jesliby też do dworu naszego wstąpił i nas przytomnością swą nawiedził. Ale jeśli się to wielebności waszej uczynić będzie zdało, sam to pilniej niech uważy. Zatym dobrze i szczęśliwie niech się ma Wielebność wasza. 1 Augusta 1620 r.

2. List hetmana koronnego Żółkiewskiego do obywatelów ukraińskich, wołyńskich i podolskich pisany.

Oznajmujemy komu wiedzieć należy, iż Jego Królewska Mść posyłać raczy p. Poczanowskiego komornika swego, dla przeprowadzenia patriarchy Jerozolimskiego, żeby go do Kamieńca, albo gdzie kolwiek przeprowadził. Przeto wiedząc o tym, kędykolwiekby Patriarchę tego prześcignął, żebyście wasza Mść pomocnemi bybi do wczesnego przeprowadzenia onego, jako uczciwego i zacnego człowieka, w poszanowaniu przystoynym wszędzie mieli, «gdyż nie mało natym» Rzeczypospolitej pod tym zwłaszcza czasem, kiedy którzy woynę przeciw Państwu Rzeczypospolitej obracają, należy: aby patriarchy ten zacny człowiek swobodny i bezpieczny przez państwa Rzeczypospolitej miał przejazd. Data z Żółkwie dnia 5 Maja roku 1620.

3. Kopia listu przewielebnego J. M. Xiędza Biscupa Luckiego Podkanclerzego koronnego do s. oycy Patriarchy pisanego.

Wziąwszy wiadomość z pisania do mnie danego o bytności wielebności waszej w panstwach J. Kr. M. cieszę się z tego, życząc, aby to było ku dobremu wszystkiego Chrzescianstwa. Czerncow ktarycheś wasza wielebność do króla J. M. wyprawił, miłosiwy przystęp i prędką u J. Kr. M. zjednałem odprawę, jako to wielebność wasza z nichże samych wyrozumiesz. A iż wtej mierze komornikowi J. K. M. dana jest dostateczna informacja, dla tego na ten czas na one referując się, zalecam się modlitwom wielebności waszej i chęciom pszyjacielskim, Pana Boga przy tym prosząc, aby On sam łaską i błogosławieństwem

swym wspierał pias intentiones wieleb. waszej i dobrym zdrowiem posilał: z Warszawy dnia 1 Augusta 1620 r.

151) Weryfic. niewin. стр. 17 — 18; Stebelski T. I. стр. 185 — 187. Описание Кіево-Соф. Собора стр. 156. Въ уніятскихъ источникахъ о посвященіи Патріархомъ Теофаномъ Западно-Русскихъ іерарховъ находится одно странное извѣстіе, именно они говорятъ, что Патріархъ посвящалъ этихъ іерарховъ (т. е. собственно перваго изъ нихъ Іова Борецкаго или кого другого изъ Епископовъ) одинъ, неимѣя при себѣ никого въ Епископскомъ санѣ. Kulesza wiera praw. стр. 223. punkt. 7. Не потому ли православные ожидали пріѣзда Іосафата Кунцевича къ Патріарху въ Кіевъ ко времени посвященія? Впрочемъ, мы ничего тутъ вѣрнаго неможемъ сказать: дѣло это совершенно темное.

152) Weryficat. л. 17.

153) Вотъ еще письмо Сигизмунда къ Патріарху писанное въ 1620 году, уже послѣ посвященія западно-русскихъ іерарховъ. Wielebny pobożnie nam miły. Przed kilka miesięcy daliśmy list nasz do wielebności waszej, przez który ochotnie żądaniu wielebności waszej złożyliśmy: i dla tej samej przyczyny komornika naszego, aby wielebność wasza tym bezpieczniej przez królestwa naszego państwa pożądaný przejazd otrzymał, do wielebności waszej posłaliśmy byli. Lecz iż inaczej zamysł wielebności waszej padł i success inszy, niż któregośmy pożąдали i na który wszystko chrześcianstwo oczekiwało, w Wołoszech woysko odniosło (тогда войско польское поражено было Турками подъ Цецорой): co woli Bożej polecamy. Naprzeciw pospolitego jednak tego, wszystkiego chrześcianstwa nieprzyjaciela, żeby się z zwycięstwa nie

nadymał, takie woysko zbierzemy, którymby za pomocą Bożą najazdom jego wstręt uczynić się mogł: jakoż i teraz zaraz wóysku naszemu zaporoskiemu naprzeciw tego popolitego nieprzyjaciela jako nayrychlej wyciągnąć i w oczymu stanąć roskazaliśmy. Zleciliśmy też posłowi naszemu, aby wielebność waszą nawiedził i to imieniem naszym przełożył, aby wielebność wasza wiedząc, że nietylko o nasze królestwa, ale i o wszystko chrzescianstwo idzie, «wóysku temu do tego przyczyną był», aby woli naszej powolnym i posłusznym się stawiło. W której sprawie obszerniej z wielebnością waszą posłowi naszemu urodzonemu Bołtromiejowi Obałkowskiemu mówić zleciliśmy. Któremu wielebność wasza wiarę zupełną dasz i w tym wszystkim do woli się naszej jako nażyczyliwiej skłonisz. 10 Listopada (ноября) 1620 г. Weryfikatia изд. 2-е л. второй вставной послѣ 28.

154) Въ граматѣ къ казакамъ Патріархъ говорить: tą ochotą y znakomitą posługą waszą (полякамъ) łasno od przenażyjśnieyszego krola pana waszego otrzymacie że tą podniesioną przez nas w S. cerkwi waszey Ruskiej hierarchią, Mitropolita mówiemy i Episkopow na mieysce od S. Konstantynopolskiej Stolice odpadłych, od nas poświęconych konsensem swym królewskim y przywilejami zmosni y obwaruje... Weryfic: 2-й вставной листъ послѣ 28.

155) Съ этою цѣлію написано: Sowita wina, Ехамен Obrony (т. е. Weryfikacji) i List do zakonnikow monastyrа S. Ducha. Все это писано въ 1621 г.

156) Miscell. Alb. Kojałow. стр. 56; Истор. Ун. Бан. Кам. стр. 74, Опис. Кіев. Соф Соб. стр. 157. Мы имѣ-

емъ нѣсколько рукописныхъ универсаловъ Сигизмунда въ этомъ родѣ.

157) Всѣ, указанные нами въ 155 примѣч. обличительныя сочиненія адресованы къ Виленскому братству. Авторъ Synopsis-а подъ 1621 г. говоритъ, что въ Вильнѣ въ этомъ году были ужасныя преслѣдованія.

158) Wilnø. Krasz. т. 1, 346—347.

159) List do zakonn. стр. 18.

160) Братство Виленское писало извѣстную уже намъ *Weryficatia niewinności*; Митрополитъ Іовъ издалъ *Justificatia niewinności* и отправилъ ее къ королю. Смотрицкій говоритъ въ своемъ *Paagenesis*, что онъ писалъ оба эти сочиненія. Сущность этихъ сочиненій прекрасно выражена въ слѣдующемъ оправданіи Мелетія Смотрицкаго, писаннаго Льву Сапѣгѣ. Вотъ оно: Starszy naszego monastera, pobożnie zesły przodek mój Archimandryt Wileński (Леонтіѣ Карповичъ) z nami bracią swą w zawartej zgodzie to miał, nić do tego męża, który patriarchą Jerozolimskim był głoszony nie pisać ani się komu z nim z naszych widzieć, ażby się o nim coby racz był, zkąd wiedzieć dało, zkąd o ludziach uznanie w oyczyźnie naszej pochodzić zwykło: y tak się działo, że od szrodopóścia roku przeszłego (1620), o którym czasie ten mąż do państw króla J. M. przybył aż do Panny Maryj Zielnej (до Успѣнія) niemal, namowiona rzecz w swym zawarciu zostawała: o którym czasie listy króla J. M. do tego męża i do obywatelów wołyńskich i ukraińskich pisane, aktykowane nas doszły, które nam jako poszanowne z wyraznym Jerozolimskiego Patriarchowstwa otytułowaniem, jazdy do niego bezpiecześnie otworzyły y przyczynę dały (których autographa przy oycu Boreckim

i teraz zostawać rozumem) gdzie żeśmy i o poświęceniu, za wielką, wielu duchownych i świeckich na znamienitą zaśnienią Panuy naswiętszej uroczystość do Kijowa zewsząd przybyłych ludzi instancją, wazyli się. Jle do osoby jego, za takiego go rozumieć, jakim go król J. M. pan nasz M. i inszy wielcy senatorowie koronni duchowni i świeccy rozumieć przez listy swe podali, uczyniliśmy to: ile zaś do osob naszych, upewniało pogłądanie na osoby duchowne Episcopy i Archiepiscopy, którzy z cudzych stron do państw króla J. M. przyby(wa)li, w Cerkwi naszej to, co ich dostojenstwo nosiło, obchodzili po wszystkie te czasy bezpiecznie, lecz żadnych głosow obrazy majestatu króla J. M. tak od nich, jako i od tych, w czyich majetnosciach żyli i podziś dzień żyją, (niebyło). Gdyżesmy i my od oycy Patriarchi to tylko wzięli, co on nam dać mogł: na jus patronatus podawania beneficij, które w zupełnej króla J. M. w władzy zostają, nie tylko dziełem, ale i myślą targnąć się, ni wazyć się, z sobą postanowiwszy i przyrzekszy, czekać chcąc cierpliwie na łaskę Boga Wszzechmogącego i na miłosciwą łaskę i obietnicę J. Kr. Mści na seymie roku 1609 uczynioną i na tym przeszłym (1620) reassumowaną, w pokoju bez żadnych buntow i sedycij na iawi, nie pokątnie w państwach J. Kr. M. żyjąc. A co się tknie praw cerkiewnych i te są w swej całości zachowane, które tegdy gwałt i łamanie w tej sprawie odnosiłyby, gdyby się to nad wiadomość i wolę zwierzchniego naszego pasterza Patriarchi Konstantynopolskiego było uczyniło. Ale ten umyślnie jemu w tym zupełną władzę swą zleciwszy i legata swego, albo exarchę męża wielkiego przy nim zesłał, aby z osoby jego w tej tu Rossyiskiej — z kanonow cerkiewnych... i

z starożytnych praw iprzywilejow od królów Jch M. przodkow króla J. M. y od samego szczęśliwie nam teraz panującego Kr. J. M. nadanych, jemu należącey Diocezii bezpieczniey ile do praw duchownych i swobodniej y z większym temu od nas wiary daniem sprawował to, co by na urządzie go należało. Co, że się za takim Konstantynopolskiego potryarchi zezwoleniem przez Patryarchę Jerozolimskiego prawidłnie stać mogło: poświęcenie terazniejszego Wielebnego w Bogu oycą Władyki Lwowskiego (Іеремія Писаровскаго) świeższym przykładem, który za zezwoleniem Patryarchi Konstantynopolskiego od Metropolita Wołoskiego (który do państw tuteyszych tak wiele prawa ma, jako Patryarcha Jerozolimski) poświęcenie wzięwszy zakonnie postanowionym Episkopem zostawa. Weryficatia стр. 13—15.

161) Опис. Кіев. Соф. Соб. и іер. стр. 159.

162) Тамъ же стр. 157.

163) Посьмо Сапѣги къ Кунцевичу. Истор. Ун. Бан. Кам. стр. 83.

164) Supplicatia do przeoswieconego y jasnie wielmożnego przezasnej korony polskiej y Wielk. X. Lit. obojego stanu swieckiego y duchownego Senatu w roku tym terazniejszym 1623 do Warszawy na seym walny przybyłego. Obywatelów koronnych y Wiel. X. Lit. wszystkich wobec y każdego zosobna: Ludzi zawołania szlacheckiego religiej starożytnej greckiej posłuszeństwa wschodniego.

165) Ист. Ун. Бан. Кам. стр. 86—87, прим. а

166) Акт. Запад. Рос. т. 4. № 224. Ехтам. Обг. х. 33—37.

167) Въ этомъ отношеніи очень замѣчательны раз-

сужденія автора *Weryficatij niewinności*—сочиненія, хотя писаннаго Мелетіемъ Смотрицкимъ, но строго пересмотрѣннаго Виленскимъ братствомъ, такъ что на мысли этого автора со всею справедливостію нужно смотрѣть какъ на мысли Виленскаго братства. Въ этомъ сочиненіи охотно допускается мысль о соединеніи церквей и даже есть похвалы флорентійской уніи стр. 63—64. Авторъ явно направляетъ свои мысли къ тому, что можно согласиться на другое какое либо соединеніе православныхъ съ латинянами, но не на Унію литовскую (стр. 61—62), что уніаты сами сознаютъ ошибку свою (предисловіе): настоящая мысль автора такая: православные готовы сдѣлать уступку, но и уніаты должны оторвать свою унію отъ латинства.

168) Важнѣйшіе источники, изъ которыхъ мы заимствуемъ наши свѣденія о Юсафатѣ Кунцевичѣ — слѣдующіе: *Relacia o zamordowanin okrutnym i osobliwej swiętobliwosci w Bodze wiel. oycza Jozephata Kuncewicza Archiepiskopa Połockiego. W Zamosciu 1624; Wurok Komissarski w sprawie pokarania zaboyców B. Jozephata Kuncewicza Arcybiskupa połockiego, widymusem wyjęty z ksiąg grodzkich wojewodstwa witebskiego. Стебельскаго: Zywooty Ss. Ewfrozyny i Parascewij T. 3. стр. 290 — 338; Phenix albo s. Jozephat.... Кульчинскаго. — Свѣдѣнія о томъ же находятся въ *Menologium Bazyliańskie* того же Кульчинскаго подъ словомъ *Jozefat. s.* и у Альб. Кояловича въ его *Miscellanea rerum Ecclesiasticarum* въ прибавленіи. *Głos krwi B. Jozafata.... 1629; Korona złota nad głową.... Jozaphata 1673.... Акты Западной Россіи T. 4. Акты Минскіе, грамоты города Вильны, Трогъ. Статья о жизни и смерти Юсафата Кун-**

цевича г. Говорскаго въ неофициальной части Витебскихъ губернскихъ вѣдомостей за 1858 г.

169) Кто о томъ не знаетъ, говоритъ Древинскій, что нынѣ именуемый Архіепископъ Полоцкій, родившійся во Владимірѣ, есть сынъ *кунца* нѣкоего сапожника, а оттуда образовавъ себѣ фамилію шляхетскую Кунцевичемъ (должно быть сначала называлъ себя Купцевичемъ) титулуетъ себя. Истор. Ун. Бан. Кам. стр. 72.

170) Stebelski T. 2. стр. 231.

171) *Głos krwie Jozafata Kuncewicza* изд. 1629. стр. 19—20. Сочиненіе латинскаго писателя, котораго свидѣтельство на этотъ разъ имѣетъ полную силу. Также рѣчь о смерти Кунцевича, сказанная въ Римѣ однимъ совратившимся грекомъ. Рукопись.

172) Stebelski т. 2. стр. 231. Слич. Витеб. губ. вѣдом. № 45, часть неофициальная, статья г. Говорскаго.

173) *Głos krwie....* стр. 20.

174) *Kulczynski Menologium Bazylianskie* стр. 185. Мы отвергаемъ мнѣніе Кульчинскаго, повторенное потомъ неразъ, что Кунцевичъ получилъ образованіе у іезуитовъ. Для этого и возрастъ Кунцевича былъ уже поздній, — въ 1604 году ему было уже 25 лѣтъ, — да извѣстно притомъ, что онъ вовсе не зналъ латинскаго языка (см. прим. 170), а это такое условіе *sine qua non* іезуитскаго образованія. Вѣроятно только то, что онъ, какъ мы выразились, забѣгалъ въ іезуитскую коллегію и учился кое-чему въ отдѣленіи этой коллегіи русскомъ, существовавшемъ для русскихъ со временъ Баторія и Антонія Поссевина.

Когда наша рукопись была уже сдана въ типографію, мы получили отъ почтеннаго отца архимандрита

Павла, ректора Могилевской семинаріи, очень давно занимающагося разработкою памятниковъ униі, слѣдующія свидѣнія объ образованіи и литературныхъ трудахъ Іосафата Кунцевича съ правомъ напечатать ихъ. Съ удовольствіемъ помѣщаемъ ихъ здѣсь. «Іосафатъ учился у іезуитовъ, именно іезуитъ Фабриціусъ преподавалъ ему богословскія науки на русскомъ языкѣ по незнанію Кунцевичемъ языка латинскаго. Кунцевичъ даже писалъ сочиненія. Отцу архимандриту Павлу извѣстны слѣдующія сочиненія Кунцевича:

1. О фальшованіи писемъ словенскихъ одъ оборонцовъ и учителей вѣре Церкви противныхъ послушенству его милости отца митрополита: и о незгодахъ ихъ въ науце, выданой з друковъ — Виленскаго Братскаго, Острожскаго и Львовскаго.

2. а) О старшенствѣ Петра святаго; б) о чистости іерейской же лепей быти безжениными; в) о законникахъ.... о шлюбахъ.... клобукахъ.... г) о крещеніи Владимера; д) ци добре Церковь Восточная чинить, посвящаючи хлѣбъ, воду, вербу и баранна.... Это родъ сборника изъ рукописей Іосафата Кунцевича. Здѣсь же, по свидѣтельству отца Павла, упоминается, что Іосафатъ Кунцевичъ въ Троицкомъ монастырѣ Виленскомъ занимался переписываніемъ житій святыхъ пролога (въ которомъ, гдѣ могъ, проводилъ латинскія мнѣнія). Отецъ Павелъ самъ видѣлъ такія житія въ Супрасльской библіотекѣ, съ замѣчаніями на полѣ позднѣйшею рукою: «это писано рукою Іосафата Кунцевича», или «рукою блаженнаго Іосафата».

3. Катехизисъ одъ слуги Божого Іосафата составленный.

4. Регулы св. Иосафата для свыхъ презбитеровъ.

Изъ этихъ извѣстій о Кунцевичѣ мы принимаемъ съ полнымъ довѣріемъ 1) то, что Кунцевичъ учился у иезуита Фабриціуса и 2) что онъ списывалъ и передѣлывалъ житія святыхъ. Оба эти факта находятъ себѣ сильное подтвержденіе въ томъ, что Кунцевичъ, несмотря на недостатокъ систематическаго образованія, дѣйствительно обладалъ большими познаніями — доказательство тому — отвѣтъ его Льву Сапѣгѣ, напечатанный нами въ нашихъ примѣчаніяхъ ниже; — кромѣ того, о списываніи Кунцевичемъ житій святыхъ упоминается и въ уніятскихъ сочиненіяхъ объ немъ, указываемыхъ нами. Но что касается до сочиненій Кунцевича, то хотя намъ извѣстно было, что ему приписываются они, напримѣръ, какая-то оброна въ-рм (Kulczynski — Menolog. 16 убра, значитъ еще одно кромѣ указанныхъ отцомъ Павломъ или которое либо изъ двухъ первыхъ съ измѣненнымъ заглавіемъ), но мы не удержались принять эти извѣстія и вотъ по какимъ причинамъ, которыя и теперь не потеряли для насъ своей силы: намъ кажется очень страннымъ, что уніятскіе писатели, такъ близко знакомые со всѣмъ, что дѣлалъ Кунцевичъ, какъ напримѣръ Суша, Кульчинскій, Стебельскій, не знаютъ подробно всѣхъ сочиненій Кунцевича, чаще всего даже вовсе не знаютъ объ ихъ существованіи; странно также и то, что эти сочиненія никогда не были изданы. Зная вниманіе уніатовъ къ Кунцевичу, можно очень и очень подозрительно смотрѣть на эту странность и тѣмъ болѣе, что въ исторіи уніи извѣстенъ другой Иосафатъ, признаваемый уніятами, хотя не официально, также святымъ, и очень образован-

ный человекъ, именно Иосафатъ Бражичъ, страждовавший по многимъ мѣстамъ Литвы, — былъ въ Минскѣ, въ Бытеню, въ Замостьѣ, въ Новогрудкѣ, — затѣмъ въ 1671 году переведенный въ Полоцкъ и бывшій тамъ (1680 г.) игуменомъ (starszym) Базиліанскаго монастыря и официаломъ Полоцкой архіепископіи (должность, равнявшаяся архіерейской епархіальной власти, только безъ права рукополагать діаконовъ и священниковъ, которыхъ официалъ, самъ избирая и назначая на мѣста, отсылалъ для посвященія къ викарному епископу своей епархіи или въ сосѣднимъ епископамъ). Colloq: Lubels. стр. 6; Kulesza p. 105—106; Steb. т. 2 стр. 351—356. Не этотъ ли Иосафатъ и есть авторъ сочиненій, приписанныхъ Кунцевичу? Отецъ архимандритъ Павелъ имѣетъ возможность разрѣшить наши недоумѣнія и мы тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ приглашаемъ печатно отца Павла разрѣшить ихъ, что почтенный наследователь памятниковъ униіи обладаетъ драгоценными свѣдѣніями, которыхъ обнародованіе было бы очень полезно и пріятно всѣмъ, интересующимся исторіею униіи. Просимъ у отца Павла извиненія, если наше приглашеніе несвоевременно прѣдупреждаетъ его собственные намѣренія.

175) Jeszcze był diakonem w Monasterzu Troycy s. w Wilnie, a już gorzał miłością do zbawienia dusz ludzkich. Wybiegiwał z domu na rynek i ubogie kmiethi namawiał i prowadził do kościoła, kapłana im jedna: z płaczem go drugdy prosił, aby wszedł w spowiednicę, a uszy podał spowiadającymi się nędznikom. Nuż kiedy sam kapłanem został, nic mu to było po szesci godzinach słuchać spowiedzi; w drodze karczmarzow samych, którzy

do tego bywają trudni, drugdy gosci samych do spowiedzi zaciągał oderwawszy ich od kufla y tak skruszonych y wycwiczonych do domów własnych odsyłał. Głos krwie....
стр. 9,

176) Stebel. т. 2. стр. 231. Витеб. губери. вѣд. № 46 ч. неофф.

177) Витеб. губери. вѣд. 1858 г. № 45 ч. неофф.

178) Supplemt: Synopsis л. 2.

179) Вотъ грамата Сигизмунда III, которая достаточ-но разъясняетъ дѣло: *My król z p. p. radami naszymi, przy boku naszym będącemi na relacjach naszych tej sprawy wysłuchawszy y dobrze ją wyrozumiawszy, a bacząc nietylko z dowodow oycа Archiepiskopa połockiego ale y z własnych wywodow mieczczan Mohilowskich, że oni, niemając na ten czas na się żadnego ni od kogo niebezpieczeństwa, ale właśnie przeciwko Archiepiskopowi połockiemu wszystko miasto zbuntowawszy, wrota do miasta zamknąć kazali, wały strzelbą i ludzmi osadzili, przeciwko oycowi władcyce połockiemu z ludzmi, strzelbą, z chorągwiemi hostiliter wyszli, broniąc mu dobrowolney drogi y niechcąc go do miasta i do zamku naszego puscіć, łajali, sromocili, zabić chcieli y odpowiedali, czym nietylko władykę połockiego, ale i naszą królewską zwierzchność zniewazyli et sub poenas legum popadli, constitutią wtem seymową, którą allegowali, zostaniać się nie mogą, bo tu nie idzie o przymuszenie wiary, gdyż ich do wiary nikt nie przymusza y owszem oni przeciw tey constitutij wykroczyli, gwałt y krzywdę wielebnemu oycu władcyce połockiemu uczynili, z tych i inszych przyczyn zka-
zujemy, aby przednieysi buntownicy, hersztowie, którzy do tych sedycij i buntow powodem y pryncypalami byli,*

gardłem jako buntownicy y wzruszycieli pokoju pospolitego pokarani byli, na co kommisarzów naszych osobliwym listem naszym zesłać mamy, aby dostateczną inquisycią uczyniwszy winniejszych y co przedniejszych buntowników kilku, którzy by się główni powodem i przyczynami do tych buntow y sedytij bydź pokazali, wynalazszy, gardłem pokarać kazali, a na wszystko miasto poenam arbitriam po dokończeniu tey kommissiej, woli y Decyziej naszej zachowujemy. Cerkwie, Monastery, tak też czerncy y popy wszystkie Mohilowskie jurisdictiony władyczney y pod jego posłuszeństwo exnnc przysądzamy, których cerkwi Monastyrow z ich aparatami, ochędostwy, funduszami, y ze wszystkim nadaniem, dochodami, prowentami, mieszczanie Mohilewscy zarazem oycowi Archiepiscopowi ustąpić y podać mają, po dacie tego dekretu naszego w sześć niedziel y potym we wszystkie cerkwie, monastery, w popy y w czerncy mieszczanie Mohilowscy wstępować się y władzy żadney nad nimi sobie przywłaszczać y mieć niemają, pod zakładem na nas y do skarbu naszego dwudziestu tysięcy złotych, toties quoties by temu dekretowi naszemu sprzeciwić się y on w czymkolwiek naruszyć ważyli się. Co dla lepszey wiary do xiąg kancellariey naszej zapisać kazaliśmy y ten dekret pod pieczęcią naszą W. X. L. wielebnemu oycu Jozefatowi Kuncewiczowi Archiepiskopowi Połockiemu jest wydan. Pisan w Warszawie dnia dwudziestego wtórego Marca, roku Panskiego tysiąc sześć set dziewietnastego. Colloquium Lubelskie str. 89 — 90; БАНТ. КАМ. стр. 70. Supplicatia.... do senatu стр. 18.

180) Тамъ же.

181) Безспорно, что я самъ, писалъ къ Кунцевичу

Левъ Сапѣга, объ уніи прилагалъ попеченіе и оставить оное былобы неблагоразумно; но мнѣ никогда и въ мысль того неприходило, чтобы Ваше Преосв. рѣшились приводить людей къ оной столь насильственными средствами. Всевышній приглашаетъ къ себѣ всѣхъ кротко: приидите ко мнѣ всѣ и пр., но насиліемъ рабовъ влекомыхъ не требуетъ и не приемлетъ. Вы же симъ неосмотрительнымъ усиліемъ подвигли и, такъ сказать, принудили народъ русскій ожесточиться и отвергнуть учиненную его королевскому величеству присягу (присягу русскихъ Владиславу во времена Самозванцевъ). Трудно вамъ въ томъ запереться, когда обличаютъ васъ въ семь взнесенныя отъ нихъ письменно чиновачальникамъ Польскимъ и великаго княжества Литовскаго жалобы... Бант, Кам. стр. 76. Жалоба, о которой здѣсь говорится, подана была въ томъ же 1623 году, въ которомъ было писано и письмо Сапѣги, и въ ней о Кунцевичѣ говорится слѣдующее: Szlachtę obywatelow wojewodstw witepskiego, mscisławskiego i połockiego z części z powiatem orszańskim bracią naszą y bractwo wilenskie, które niomal wszystkie narodu Ruskiego xiążat, paniat y szlachty familije, tak z obywatelow koronnych, jako y wielkiego xięstwa Litewskiego wcielone ma, za complices zgody jakieyś odstępcza władyka połocki który się Jozaphatem Kunciewiczem (nazywać się) raczy do xiąg Braclawia Litewskiego pod imieniem senatora zacnego, mimo wiadomość jego (?) podać ważył się.... Na Białey Rusi u Orszy y w Mohilowie od lat pięciu tenże połocki władyka cerkwi popieczętowane trzyma. W Połocku i Witepsku ni cerkwi, ni domu na nabożeństwo pozwolonego przez tegoż zabronienie mieć nie mogąc, za miasto w pole na odprawienie

naboženstwa swego w dni niedzielne i w święte wroczy-
ste wychodzić mieszczanie muszą, y to bez prezbitera, bo
i tego w miescie ni poblizu miasta chować nie wolno....
Supplicatia do korony polskiej y W. X. Lit. obojogo sta-
nu swieckiego y duchownego senatu w roku tym tera-
zniejszy 1623 do Warszawy seym walny przybyłego.
Od obywatelow koronnych y W. X. Litw. wszystkich
wobec y każdego zosobna ludzi zawołania szlacheckiego
religiey starożytney greckiey posłuszeństwa wschodniego.
Стр. 18.

182) Co okrutniejsza et ultra fidem tyrańska y besty-
alska: w Połocku tym Białoruskim tenże odstępcza wład-
ka połocki umarł, na cmyntarzu swiežo pochowane mie-
szczanom tuteyszym na przykrość odkopywać przseżłego
roku (1622) z umysłu kazał y *psom* na «zjedź» jak scierw
jaki ciała chrzescianskie z grobow wyrzucać, o impieta-
tem! o niewoley nieznosney! Тамъ же стр. 19. Незабу-
демъ, что это свидѣтельство православныхъ пословъ на
сеймъ: въ справедливости этого показанія нельзя со-
мнѣваться.

183) Объ этомъ писалъ Кунцевичъ къ Сапѣгѣ, какъ
это видно изъ отвѣта послѣдняго. Бант. Кам. слич.
стр. 76 и 78. Извѣстie это вполне педтвердилось, какъ
увидимъ, при убійствѣ Кунцевича.

184) Письмо Рутскаго намъ удалось только читать
въ рукописи, но мы не могли его списать; письмо Льва
Сапѣги, указываемое нами не разъ, напечатано въ ма-
газинѣ Туманскаго (книга III) и у Бан. Кам. стр. 75—84.

185) Письмо это въ высшей степени замѣчательное
по чудовищности іезуитскихъ взглядовъ на Церковь и
общество мы нашли въ Colloquium Lubelskie стр. 91 —

95. Выписываемъ его. List abo raczej exortatią oddano mi od W. M. M. pana, która jakom zrozumiał po większej części z udania ludzi różnych tak jest szyroce napisana o mnie, swieszczennikach moich y tey sprawie chwalebney uniey s. cerkiowney (wespoł z wiarą święto katolicką w te kraje przed sześciami set lat y «coś» (!) zawitały, a przed dwudziestą i kilką lat odnowioney), z uszanowaniem tedy ona przyjęwszy, justyfikować mi się na opaczne udanie Mm. m. m. panu godzi. Wprzod co się tycze osoby mojej, Bogiem moim swiadcę, który na serce y sprawy moje patrzy, żem żadnym nie przykładem żywota, ani jakim ostrym postępkim odrażał od siebie połączan y inszych parafian moich, pogotowiu najmniejszy się znak surowości mojej nieukaże, którym by się przykład dał do zajęcia animuszow ludzi wichrowatych, Rzeczypospolitey szkodzących y owszem władzę y potomość moją pasterską, z wola, Bożą, z wola J. Kr. Mści i dobrym Rzeczypospolitey znosić y stosować zawsze usiłowalem y usiłuję. Wyswiadczą mi wiele person nietylko katolickich ale y Heretyckich dobrych obywatelów Diecezji mojej, że tak iest, a nie inaczej: na schizmatykow referować się nie mogą; bo ci zapowstaniem przeklętego Smotryckiego prawdę s. sobie ohydziwszy, nas, którzy jej pomnożeniu usługujemy, za arcyłych luzi mają y udają. Toż się i o swieszczennikach posłuszeństwa mego rozumieć ma, tym zli zaś y nieumiejętni, że mię słuchają. Kiedy by byli powoli schizmatykom, ciż by byli dobrzy y uczeni. A jeśli że niektórzy są grubi, tych schizma narodziła, a nie unia? Niech że na schizmę narzekają, a nie na mię. Do uniey, żebym kogo gwałtem przymuszał, to się nigdy niepokaze. Praw moich cerkiownych zwykła

moja przysięga episcopska prawem bronić (gdy na mię gwałtownie następują) przymusza mię. Yte jednak skromnie y uważnie czynię, nieodstępując przykładu s. Ambrozyusza y s. Chryzostoma, krórzy (lubo z protastetią albo nie) czynili jednak potężnie prawdę Bożą. Ambrozyusz z cesarzem Theodozyuszem, iż cerkwie abo Bożnice Haeretykom, w Miescie Catholickiem Mediolanie, mieć pozwalał. A Chryzostom z Cesarzową Evdoxią o odjęcie winnice wdowie, z Cesarzem Carogrodskim Arkadiuszem, aby odszczerpienie do jedności Cerkiewney przywiódł, albo je z miasta wypędzić kazał, jakoż to Cesarz zaraz uczynił. By ciż święci na tak wielką krzywdę Bożą za żywota (ow) swych tu na świecie patrzali, na jaką ja tu teraz patrzę w Połocku, że chłopsiwo grube, tak wiele dziatek bez krzstu, tak wiele dorosłych bez spowiedzi y używania sacramentu S. do piekła posłali y posyłają. Było ich wiele co na żywy Bóg potrzebowali kapłana przy śmierci, buntownicy gromili ioh z tego y strzegli aż do śmierci, aby bez spowiedzi zdychali, więcey by oto czynili, niżeli ja. Przed urzędem byśmy za czasow Nerona, Diocleciana etc. tożby czynili, co na on czas wierni Boży czynili. Ale że mieszczan y pod panem świątobliwym Catholikiem, gorącym (któremu day Boże w niezamierzone lata szczęśliwe panowanie) ogrodzone jest zdrowie y wolność nasza prawem pospolitym, tak jako wszystkich inszych obywatelów oyczyzny tej Dla czegoż niemamy zażywać prawnych dobrodziejstw (zwłaszcza gdy inaczej bydź niemoże) ku obronie zdrowia y wolności naszych, jako insi zażywają. Więcey jest protastacyi schizmatyckich, po Trybunałach, Ziemstwach, grodach, Ratuszach na nas im ni wczym niewinnych, przecie

im tego nieganią y owszem tak im fortuna służy, że ich omylnym hałasom wszędzie wierzą, a nas, unię świętą starożytną, bez pozwu, bez sądu y prawa, na same bezdowodu za szczyrze oskarżenie opprimować y rugować usiłują, powiadając, że wszystkie wewnętrzne niezgody demowe, hałasy seymowe z nas y uniey pochodzą: czego dowieść nie mogą; skromność nasza wiadoma jest wszystkim (!?). Schizma to broi, nie mając praw starożytnych, jakie my mamy, hałasami te wystraszyć chcą, a tym bardziej, że im pobłażają. Wiem od person wiary godnych, że kozacy po skąconey expedycey z Turkami, nie myśleli popierać schizmy. Lecz pseudo Władcykowie ich, zwłaszcza Smotrycki, widząc znaczny respekt na niektórych ich Meści P. P. senatorów, pobudza ich (będąc pisarzem u nich), aby tą petitiją względem schizmy J. K. M. przydawali, jako by tym prędzey ambitia ich doskutku przyszła. Nie naydzie się tedy żadna przyczyna na nas do zajęcia ich, tylko ta żeśmy są w łodce Christusowej, pod sprawowaniem Naywyższego żeglarza Namiestnika Chrystusowego, bez szturmowania nigdy ta łodka niebyła y być nie może przy nas y bez nas. Jesli się zda komu, że te nawałności dla jakich excesfów naszych szumią, niech że nas każą porwać, prawem pokonać, potym z Jonaszem z tej łodzi wyrzucą. Bo y oni żeglarze do Tarsu nie wprzod Jonasz z łodki wyrzucili, aż tego losami doszli, że one nawałności morskie dla niego samego były. Schismatycy y biją y płaczą, a na nas krzykiem y wrzaskiem wszystkie winy kładą, Katholicy też niektórzy dla samych wrzasków ich nas tłumić pomagają. A nie jest że to przeciw miłosci bliźnich, od Christusa przykazaney, dobry jest pokoy pospolity, wszakże taki, o którym Christus pan po-

wiedział: pokoy mój zostawuję wam, a nie taki na który on woła: nie przyszedłem kłaść pokoju (takiego politycznego) na ziemię, ale miecz etc... Co za towarzystwo swiatłości z ciemnościami, jaka zgoda Christusowi z Beliafem; Catholikom z Schizmatykami albo Haeretykami: cerkwiom catholicickim z bluznierstwem schizmatyckim: «co za pokoy będzie, gdy z obrazą Bożą uczyniony bywa; gdy przywileje Boskie Piotrowi S. y następcom jego na stolice Episcopskie y na Cerkwie wszystkiego swiata dane łamać, one z jurisdictey naywyższego Pasterza (od Christusa postanowione) odeymować, a schizmatykom je przywłaszczać będą: Wołać Piotr S. będzie y wszyscy potomkowie jego Episcopowie Rzymscy na takie bezprawia o pomstę do Boga.» Nie będą milczeć oni Włodzimierzowie, Jarosławowie (?!) Jagielowie, Skirhayłowie y insi fundatorowie Metropoley y Władctw, że intentia ich zgwałcona będzie, bo oni będąc dobremi katolikami nie dla schismatyckich pewnie, ale dla Katholickich Episcopow, stolice te nabożeństwa Ruskiego nadali y fundowali. Mamy wszak niektórych ich same oryginały funduszow. Jest y to, że jeden z tych ze fundatorow, Swidrygayło, takiegoż Metropolite schizmatyka (jaki na ten czas jest Borecki) na imie Harasima ułapiwszy w Witepsku, kazał go spalić, oswiadczając gniew swoy na schizme. Instygować będą y ci, którzy w tymże nabożeństwie będąc przeszłych i terazniejszych czasow w wierze S. Katholickiej y w pokucie z tego swiata zszedszy, ciała swoje kazali położyć przy Cerkwiach Catholicickich albo uniatskich na oswiadczenie tego, że oni w teyże S. aż do końca żywota swego statecznie trwali. A nie maż się tu za co Pan Bóg gniewać: «y maż takiemu pokojowi, który się z za-

gniewaniem jego kleci, błogosławić?» Więc y oyczyzna ta, jakie sobie bezpieczeństwo obiecywać ma, gdy nad wszelaką sprawiedliwość kozakom y pseudo władynom to pozwalają, czego się oni domagają: to jest, żeby stolice nasze bezprawnie osiedli, żeby pastuchowi Carogrodzkiemu podlegali, a zatym żeby z państwem tak potężnym nieprzyjacielskim związek mieli: co jako bezpiecznie będzie oyczyźnie y sama polityka łącno uważy. Otworzą się wrota wszystkim spiegom y zdraycom z państwa Tureckiego do państw J. K. M. pana naszego miłosciwego: wolno będzie patriarsze, Metropolicie, władycy grockow ba y samemu Baszy poczerniecku się ubrawszy y exarchą się nazwawszy z tysiącem albo y kilka janczarow przyjechać y pod praetextem wizytacij duchownych szpiegować, zgdady knować: zabronić im tego nielża, bo kozacy będą się gniewać etc.. Na przymierze nie masz się na co spuszczać, wszakeśmy świeżo doznali łatwey odmiany jego; uważyli to dóbrze oni świątobliwie królowie polscy Kazimierz y Alexander że skoro opanował Turek Carograd, niechcieli mieć Metropolity inakszego, tylko żeby papierzowi podlegał (!!!), jakoż taki był Metropolita Hrehory, którego Pius S. papierz na Metropolią święcił, takiż był po nim Misael Czerczycki, potym Makary, Jozef Sołtan, aż Helena krolowa Moskiewska, wdową już będąc, wymogła to była od S. pamięci króla Zygmunta Starogo, że jej pozwolił słać po sacrę do Carogroda Metropolicie od niey praezentanemu Jonie, od tamtego czasu, aż do odnowienia jedności przez starszych naszych, ten zwyczaj trwał; wszakże ten że król świątobliwości y syn jego August na pilnym oku mieli Schizmatykow Duchownych y swieckich, sami duchownych sądzili starszych, a żadnemu gre-

wiedział: pokoy mój zostawuję wam, a nie taki na który on woła: nie przyszedłem kłaść pokoju (takiego politycznego) na ziemię, ale miecz etc... Co za towarzystwo swiatłości z ciemnościami, jaka zgoda Christusowi z Beliałem; Catholikom z Schizmatykami albo Haeretykami: cerkwiom catholicickim z bluznierstwem schizmatyckim: «co za pokoy będzie, gdy z obrazą Bożą uczyniony bywa; gdy przywileje Boskie Piotrowi S. y następcom jego na stolice Episcopskie y na Cerkwie wszystkiego swiata dane łamać, one z jurisdictioney naywyższego Pasterza (od Christusa postanowione) odeymować, a schizmatykom je przywłaszczać będą: Wołać Piotr S. będzie y wszyscy potomkowie jego Episcopowie Rzymscy na takie bezprawia o pomstę do Boga.» Nie będą milczeć oni Włodzimierzowie, Jarosławowie (?!) Jagielowie, Skirhayłowie y insi fundatorowie Metropoley y Władectw, że intentia ich zgwałcona będzie, bo oni będąc dobremi katolikami nie dla schismatyckich pewnie, ale dla Katholickich Episcopow, stolice te nabożeństwa Ruskiego nadali y fundowali. Mamy wszak niektórych ich same oryginały funduszow. Jest y to, że jeden z tych ze fundatorow, Swidrygayło, takiegoż Metropolite schizmatyka (jaki na ten czas jest Borecki) na imie Harasima ułapiwszy w Witepsku, kazał go spalić, oswiadcżając gniew swoy na schizme. Instygować będą y ci, którzy w tymże nabożeństwie będąc przeszłych i terazniejszych czasow w wierze S. Katholickiej y w pokucie z tego swiata zszedszy, ciała swoje kazali położyć przy Cerkwiach Catholicickich albo uniatskich na oswiadczenie tego, że oni w teyże S. aż do końca żywota swego statecznie trwali. A nie maż się tu za co Pan Bóg gniewać: «y maż takiemu pokojowi, który się z za-

gniewaniem jego kleci, błogosławić?» Więc y oyczyznata, jakie sobie bezpieczeństwo obiecywać ma, gdy nad wszelaką sprawiedliwość kozakom y pseudo władynom to pozwalają, czego się oni domagają: to jest, żeby stolice nasze bezprawnie osiedli, żeby pastuchowi Carogrodzkiemu podlegali, a zatym żeby z państwem tak potężnym nieprzyjacielskim związek mieli: co jako bezpiecznie będzie oyczyźnie y sama polityka łącno uważy. Otworzą się wrota wszystkim spiegom y zdraycom z państwa Tureckiego do państw J. K. M. pana naszego miłościwego: wolno będzie patryarsze, Metropolicie, władcyce greckow ba y samemu Baszy poczerniecku się ubrawszy y exarchą się nazwawszy z tysiącem albo y kilka janczarzow przyjechać y pod praetextem wizytacij duchownych szpiegować, zgłady knować: zabronić im tego nielża, bo kozacy będą się gniewać etc.. Na przymierze nie masz się na co spuszczać, wszakeśmy świeżo doznali łatwey odmiany jego; uważyli to dóbże oni świętobliwie królowie polscy Kazimierz y Alexander że skoro opanował Turek Carogrod, niechcieli mieć Metropolity inakszego, tylko żeby papierzowi podlegał (!!!), jakoż taki był Metropolita Hrehory, którego Pius S. papierz na Metropolią święcił, takiż był po nim Misael Czerczycki, potym Makary, Jozef Sołtan, aż Helena królowa Moskiewska, wdową już będąc, wymogła to była od S. pamięci króla Zygmunta Starogo, że jej pozwolił słać po sacrę do Carogroda Metropolicie od niey praezntowanemu Jonie, od tamtego czasu, aż do odnowienia jedności przez starszych naszych, ten zwyczaj trwał; wszakże ten że król świętobliwości y syn jego August na pilnym oku mieli Schizmatyków Duchownych y swieckich, sami duchownych sądzili starszych, a żadnemu gre-

kowi przychodniowi sądzić y wizytować ich nie przypuszczali, nawet cerkwie nowę budować y starey poprawiać nie wolno było schizmatykom aż za osobliwemi przywilejami królewskimi, które y do tych czasow w rękę mamy. Znał to y sam Hospodar Mockiewski, że ten związek duchowienstwa jego z Carogrodem nie jest pożyteczny panstwu jego, y dla tego przed trzydziestą i kilka lat, groźbą (!!) y prosbą wymogł na patriarsze Jeremiaszu, żeby mu patriarchę na Moskwie uczynił króry by już na wszystkie potomne czasy, bez poselstwa do Carogrodu mogł bydz stawiony na Moskwie, jakoż się y tak dzieje. Aż do tego czasu, po konfederacij nieszczęsney schizmatyckiej y Haęretyckiej (1573 r.), z sobą się bratać y swey woli cug pomału puszczając, nie pokoy w tey oyczyźnie wzniecać poczeli y teraz go pomnażają, do czego y graekowie przychodniowie im pomagali i teraz pomagają, eszcze y więcey pomagać mogą, jeśli się Rzeczpospolita nieobaczy. Wspomni jeno W. M. M. pan, co on Nikiphor Czermiec graeczyn jeszcze przed odnowieniem jedności zrobił był w Wołoszech, co y tu w panstwie J. K. M. broił przyjechawszy, do jakich confederatij hoeretykow z schizmatykami zwodził. Jakie zjazdy zawsze bywali w Ostrogu, w Lucku, w Brzesciu za powodem jego y drugich panow, którzy go za proroka mieli, tegoż mu pomagali y drudzy graekowie, którzy od confederatocy wolny tu przyjazd y wyjazd mieć poczeli aż król J. M. postrzegszy się kazał rozsyłać uniwersały, aby ich niepuszczono do panstw J. K. M., mamy te uniwersały do tych czasow. Z teyże kuźnie ich przekłętey y Nalewayko powstawszy z gromadą swą, iak wielką szkodę uczynił Rzeczypospolitey, jest to przy dobrej pamięci W.

M. M. P. y wszystkich nas: przyszło do tego, że haeretycy z schizmatykami się spisawszy, przysięgą się obwiązali jeden przy drugim stać. Wysłali haeretycy (z pewnemi condycjami) do tegoż patriarchy Jeremiasza Carogrodzkiego y z oddaniem posłuszeństwa, chcąc tym Rus do scisleyszego związku z sobą przywieść (спомения Вятромберскихъ ученыхъ съ Іереміємъ I). A to wszystko było pewnie, nie ku dobremu Rzeczypospolitey, lubo to ieszcze y jednoś nie odnowiona była, ani obwołana. Unia tedy napotym to iest roku 1596 obwołana temu wszystkiemu zabiegła; unia uspokoiła tę confederatią przekłętą y tyranstwo Nalewaykowskie; pobłogosławił Bóg początkom jey, bo skoro nasi starsi z Rzymu się z tą unią wrócili, wszystko to się uspokoiło (!?) Kozacy się uniey, jako dzieła Bożego ustraszyszy, z Nalewaykiem swoim do ord Tatarskich uchodzili, gdzie nimsię przeprawili pod Lubnami od naszych cudownie są na głowę porażeni, Nalewayko żywcem wzięto, potym y onego Nicephora authora wszystkich sedytij ułapiono y obudwuch według zasług skarano. Pobłogosławił y postępkom tey S. uniey, w kilka albowiem lat po odnowieniu jey, za pobudkę (jako na on czas pewne głosy były) Stephana Zyzania ministra schizmatyckiego, Michał w Wołoszech powstał był przeciwko oyczyźnie, lecz prędko marnie zginął. Powstało też było nie mało potentatow schizmatyckich y haeretyckich (W. M. M. P. dobrze znajomych y wiadomych) przeciwko tego dzieła Bożego sprawie, które Bóg uczynił za dni ich, ale nie nie dokazawszy, porwani są do sądu Bożego, chcieli się gromadą rokoszową insi kusić o potłumienie tey sprawy swiątobliwey, przecie ten zamysł ich, z hanbą się ich skończył (съвѣдъ Виленскій 1599) Pownisiny,

że ten że Bóg mocny y do kónca temu dziefu swemu pobłogosławi y wszelaką przeszkodę nie tylko kozacką, ale y diabelską zniesie y zwalczy bez żadney szkody y owszem z przy mnożeniem uciech jey duchownych. Jesliby też tego wszystkiego nieuważono, a kozacką posługę (którey dzielność niedawno przeszłą nie im, ale wierce świętey y nabożności y szczęściu króla J. M. Pana naszego Miłosciwego ma się słusznie przypisać (хотинская победа), nad unią świętą przełożono y onych woli (mimo wolą Bożą) dosyć uczyniono będzie, obawiać się, aby ten że Bóg sprawiedliwym sądem swoim nieskaraf tej oyczyzny miłey. «A to przez tych że kozakow jako niegdy lud Boży przez Philistymczykow że im pobłażył był y ułulgowaf y teraznieyszego ciężaru y nawalności od Turka, aza nie swowola kozacka nabawiła Rzeczpospolitą» (?!). Nad to wskrzesić się żnowu mogą one pierwsze przed unią zaczęte confederatio schizmy z sectami różnemi, a zatym obawiać się, żeby toż się niedziało w oyczyźnie naszey, co się dzieje w Ślązku y indziey. Kozacka też swowola tym się nie zwiąże, ale rozwiąże, którzy napotym, nie mając względu na Boga, Pomazańca jego y na sumnionie swoje, większych się rzeczy ważyć będą, niżeli się ważył Nalewayko. Patrz jeno W. M. M. M. Pan, jeszcze niemając takiey wolności odjęli cztery monastyry główne z czerncami się zmówiwszy, jeszcze przed odnowieniem jedności w Kijowio z podawania Królewskiego, mianowicie monastyr Michała s. Złotowierzczego, s. Nikoły Pustynskiego y s. Kiryła y Mieżyhorski monastyr y przywłaszczyły je wilczym prawem podawane Archimandryty tamecznego Pieczarskiego. Teraz świeżo pseudo patryarchę sobie z graeciey przyprowadzili nad wiadomość y pozwolenie króla J. M. y wszystkicy

Rzeczypospolitey. Władcy nad wszelką słusność mimo żywych od J. Kr. Mości uprzywilejowanych każą mu sobie stawieć, odejmując jawnie y znacznie jus patronatum królowi J. Mści. A czegoż potym nie uczynią gdy doznają, że affectacy ich we wszystkim dogadzają; głosow też onych co mowi grubianstwo — wolemy pod Turkami żyć — zniesieniem jedności nietylko nie zatłumia, ale pomnożą. Z natury to schizma ma, iż woli się bratać z haeretykami y z Turkami, niżeli z Katholikami. Cesarz Carogrodzki Emmanuel Comnenus z początku schizmy uczyniwszy przymirze z Turkami, woyska Katholickie Francuzkie, które mu chciały dopomoc do odzyskania ziemi świętey, mąkę mieszając z wapnem potruł, z którymi się był zgolał zmowił na Zacinniki, chcąc je wyniszczyć, zayrzając im, żeby jaką potęgą swoją nieodyskali Palestyny, na on czas pod Turkiem, o czym pisząc Niceta Choniata Graeczyn, wielce się skarży na tego Emmanuela; co za dziw, że i ow motloch schizmatycki z większą się przyjaznią ozywa Turkom, niżeli Panu Świętobliwemu Katholickiemu Królowi J. M. Karnością bytedy to chłopstwo od takich głosow odstraszyć, a nie wolnością, jako Moskwicinowie, jesli to kładą na nas przez listy swoje pisane do Ich Mościów P. P. Rad Koronnych y W. X. Litewskiego, abyśmy ich mieli do odstąpienia przysięgi Królowi J. M. Panu naszemu Miłosciwemu przywieść y przymusić, wielką a nie znośną nam krzywdę czynią, nigdy się to na nas naymniejszym znakiem niepokaze. Schizmatykom by raczey miano zadawać, a nie nam. Mohilowcom, przykładem Plutarcha, po odzierzeniu Decretu od J. Kr. M. niemal pułroku, dopuscilem był w cerkwiach nabożeństwo swoje odprawować chcąc ich ludzkością tą ku dobremu przy-

wieść, ale gdym obaczył, że się tym postępkim moim bardzicy się ich upor korzeni, odebrałem je y podałem swiaszczennikom Catholikom dobrym. Niech że się w nich modlą przy tych swiaszczennikach, nie są zapieczętowane, bywają y odmykane podczas nabożeństwa, niech tylko chcą być nabożnymi (!!). Pozwalać zaś im na bluźnienie Boga tych cerkwi sumnienie mi niedopuszcza. Zachcą mi ich gwałtownie bezpawnie odebrać, bronić nieprzemogę, do sądu straszliwego Bożego apellować muszę. To wszystko, jako sługa Boży niegodny y syn oyczyzny wierny, W. M. M. Panu przełożywszy, pilno uważeniu zalecam, prosząc, abyś W. M. M. Pan postaremu mnie miłosciwym panom y patronem bydź raczył, którego się ja oney zdawna zwykłej łasce, jako naypilniey oddaję. Z Połocka 22 Aprilis Anno 1622.

186) Витеб. губ. вѣд. 1856 № 46 ч. неоф. слѣдств. Дѣло о смерти Кунцевича. Stebelski т. 3, стр. 299 — 303, 308 — 310.

187) Тамъ же дѣло о смерти Кунцевича.

188) Pragnał jey (смерти) zawsze, ale mianowicie, gdy ostateczny raz z Połocka wyieźdzał, rozkazał, aby z pilnością grób dla niego był budowany co prędzey w scienie kościelney. W drodze miłszyey mowy nie miał, jako o śmierci, aż się nią drugim przykrzył. Przy stole jednego czasu z takim smakiem o niey mówił y tak długo, że go kompania prosiła — przynaumniey oycze wielebny, day się nam najest, niechay o tey śmierci mowa twoja odlogiem trochę będzie. Głos krwi стр. 26. Хотя втотъ разсказъ очень подозрителенъ, но безъ сомнѣнія сущность дѣла въ немъ т. е. фанатическое настроеніе Кунцевича — вѣрна.

189) Слѣдственное дѣло о смерти Кунцевича Stebel.

т. 3. стр. 300—303. Здѣсь указано на нѣсколько протестацій и позвовъ Кунцевича на православныхъ, которыя, хотя вызывали шумныя волненія народа, но въ слѣдствіе которыхъ все-таки церкви Витебскія переходили во власть Кунцевича. Къ сожалѣнію, мы немогли отыскать этихъ позвовъ и протестовъ и незнаемъ подробно ихъ содержанія.

190) Тамъ же.

191) Слѣдств. дѣло о смерти Кунцевича Stebel. т. 3, стр. 303—315. Примѣчанія къ нимъ самого Стебельскаго — тамъ же стр. 329—338. Suplem. Synopsis. л. 2; Витеб. губ. вѣд. 1858 г. № 46 ч. неоф.

192) Steb. т. 3 стр. 329, свидѣтельство вполнѣ оправдываемое извѣстнымъ ходомъ дѣла.

193) Вотъ наказъ Сигизмунда судной Коммисіи; *Uprzeymnie wiernie nam mili. Wzieliśmy pewną wiadomość, że Rada i mieszanie miasta naszego Witebska niedawnemi czasy uczyniwszy znaczny bunt i sedycę przeciw wielbnemu niegdys oycu Jozefatowi Kuncewiczowi władycę Witebskiemu i Połockiemu na ten czas w miescie Witebskiem w Dyecezyi swoiey i starszeństwie duchowienstwu podległym rezydującemu, namysliwszy się i namowiwszy z dawnych czasow nazły uczynek i na gwałt we dzwonek uderzywszy, przerzeczonego władykę wo dworze jego gwałtownie naszli i okrutnie na śmierć zamordowali. Zabiegając tedy, aby takowe swywolstwo i postępek nieznośny góry niebrały, ale raczej słuszne odniosły karanie, uprzejmości i wiernosci waszey, których nam wiara i w rzeczach sobie powierzonych biegłość dobrze wiadoma jest, zlecić to umysliliśmy. Jakoż i zlecamy omnimodo dając potęstatem, abyście uprzejmość i wierność wasza o czasie i*

terminie sądenia sprawy tey statecznie z sobą porozumiawszy się, do miasta przerzeczonego zjachawszy i tak srogim, buntownym, gorącym i jawnym uczynku prawem i processem inquirowali, winnych surowo karali i sprawę tą dla zatrudnienia innych Rzeczypospolitey spraw bez wszelkich zwłók, appellacyi, dylacyi, informacyi naszych dalszych, vigore executionis definitiva sententia uspokoiłi. Abusi sunt łaski naszej królewskiej i według powinności swey strzedz pokoju pospolitego nieumieli, więc na bunty sedycye rozlanie kwie niewinney kapłanskiej rozpuszcili się: dabunt poenas secundum legum severitatem. Jako najprędzey tedy na wieczną pamiątkę i przykład abyście wierność i upszeyność wasza starali się powściągać ich takim sposobem, aby już więcey wolności i praw Magdeburgskich przez antecessory nasze i nas samych łaskawie nadanych, nieużywali i pomienionych mieszczan Witebskich iako legum publicarum et auctoritatis nostrae contemptores abyscie od nich oddalili. A co kolwiek dekretem swoim ustanowicie pro rato przyjmujemy. Uczynicie to wierność i uprzeyność wasza z powinności swey i dla łaski naszej. Absencyą którego in Commissis non obstante nec actum proesentis commissionis impediante, concedimus. W. Warszawie. 1623 roku 9 Grudnia. Конечно здѣсь довольно выдержанъ юридическій тактъ, но мы имѣли въ рукахъ двѣ тетрадки писемъ объ этомъ дѣлѣ между прочимъ одно письмо папы Урбана къ Сигизмунду. Въ этомъ письмѣ говорится, что проклять тотъ человекъ, который будетъ препятствовать обмочить мечъ въ крови (православныхъ): письмо писано въ самомъ началѣ 1624 года. Замѣчательно, что еще въ 1623 году, гораздо раньше смерти Кунцевича, папа

началъ слать одно за другимъ письма въ Польшу, убѣждая польское правительство рубить схизматиковъ, въ особенности казаковъ. Въ тѣхъ же тетрадахъ мы нашли четыре письма такого рода одно къ Сигизмунду, другое къ примасу Арх. Гнѣзненскому, третье къ Еписк. Краковскому, четвертое къ Еп. Луцкому.

194) Незадолго передъ смертію Кунцевича казаки убили нѣсколько уніятскихъ монаховъ въ Кіевѣ, и Сапѣга давно уже боялся подобныхъ исторій. Эта боязнь прямо высказана въ письмѣ его къ Кунцевичу, на которое мы неразъ ссылались: Вы злоупотребленіемъ вашей власти, писагъ Сапѣга къ Кунцевичу, и поступки ваши, водимые паче тщеславіемъ, нежели любовію къ ближнему, въ противность священной волѣ даже и заprecationіа республики, были причиною и поджогою тѣхъ опасныхъ искръ, которыя угрожаютъ всѣмъ намъ или весьма пагубнымъ или всеистребительнымъ пожаромъ... Бан. Кам. стр. 77.

195) Всѣ эти свѣденія о смерти Кунцевича мы заимствовали, какъ замѣчали и выше, изъ уніятскихъ и латинскихъ сочиненій и въ особенности изъ слѣдственного дѣла, напечатанаго у Стебельскаго въ его прибавленіи къ житіямъ Св. Параскевіи и Евфросиніи Полоцкихъ. Слѣдовательно основались на источникахъ очень подозрительной достовѣрности, тѣмъ болѣе, что говорятъ, даже слѣдственное дѣло о смерти Кунцевича напечатано уніятскими писателями въ искаженномъ видѣ. Считаеьмъ поэтому необходимымъ объяснить, какимъ образомъ мы извлекали изложенныя здѣсь свѣдѣнія изъ такихъ не достовѣрныхъ источниковъ. Мы довольно знаемъ недобросовѣстность уніятскихъ и латинскихъ ис-

точниковъ уніи, но знаемъ также и средство измѣнять и изъ нихъ вѣрныя свѣденія. Средство это и простое и—мудреное, съ какой стороны посмотришь. Мы невѣримъ ни одному уніятскому или латинскому сочиненію въ одѣльности взятому, но сопоставляя и свѣряя ихъ со всѣмъ, что знаемъ объ уніи, открываемъ въ нихъ не меньше дѣльнаго содержанія, какъ и въ источникахъ не уніятскаго и не латинскаго происхожденія. Въ особенности мы здѣсь слѣдуемъ тому правилу, что стараемся узнать изъ уніятскаго или латинскаго сочиненія не то, что авторы хотятъ доказать, а что они отвергаютъ или скрываютъ. Одно уже то, — въ чемъ они невольно или наивно проговариваются, — богатый матеріалъ. Въ этомъ отношеніи мы иногда признаемъ богатымъ источникомъ нелѣпнѣйшее сочиненіе, на примѣръ, какое нибудь восторженное, фанатическое сказаніе о смерти Кунцевича въ родѣ *Głos krwio* или невѣжественнѣйшее описаніе его чудесъ въ родѣ *Kogona Złota*. Конечно, мы нескрываемъ здѣсь, что такая почва для историка очень зыбка, особенно при недостаточномъ знаніи дѣла, и насколько она у насъ тверда мы не беремся судить, но если читателямъ угодно слышать наше признаніе, то мы скажемъ, что открываемыя нами теперь богатѣйшія рукописи объ уніи убѣждаютъ насъ еще болѣе въ томъ, что критическое изученіе печатныхъ сочиненій объ уніи, кѣмъ бы они нибыли написаны, всегда можетъ привести къ важнѣйшимъ открытіямъ и что весьма несправедливо многіе уничтожаютъ всякое значеніе этихъ сочиненій, если они написаны уніятами или латинянами. Что же касается до искаженій слѣдственнаго дѣла о смерти Кунцевича,

то кромѣ общей критики его, мы имѣли еще слѣдующія пособія для возстановленія истины: нѣкоторыя свѣденія объ этой смерти, помѣщенные въ Supplementum Synopsis (сочиненіи православномъ) и тѣ части біографіи Кунцевича, написанной г. Гаворскимъ (въ Витб. Губ. Вѣд. 1858 г. ч. неоф.), которыя составлены на основаніи подлинныхъ документовъ, хранящихся въ Полоцкой теперь Витебской Консистеріи и Витебскаго Архива древн. грамотъ. На этомъ основаніи мы беремъ смѣлость даже указать, что именно искажено въ этомъ слѣдственномъ дѣлѣ. Въ немъ искажены показаніе виновныхъ или лучше сказать неискажены, а или выпущены, или сокращены. Здѣсь дѣйствительно поражаетъ читателя отсутствіе защитительной рѣчи со стороны православныхъ рядомъ съ обвинительными рѣчами (напечатанными) адвоката Кунцевича.

196) *Głos krwi* стр. 25, 26, 27; *Korona złota nad głową zranioną B. M. Jozefata Kuncewicza rozdział 1—8.*

197) *Progenitor ejus (Meletia) Erasmus Smotricki Vicecapitaneum Castri Camenescensis plurimo egit tempore... vir morum singularium nec exilis doctrinæ, quippe qui graecarum Latinarumque litterarum nec non slavonicæ linguae cumprimis peritus fuerit. Cujus rei argumento sunt perutiles toti Russiæ ejus lucubrationes; biblia scilicet e Graeco et Latino sermone in Slavonicum versa et Ostrogiæ ducis... impensis edita... Konstantinus dux ostrogiensis videns dictum Erasmus Smotriski Vicecapitaneum Camenescensem eruditionis Ruthenos inter haud spernendæ, auctoritate sua tantum apud eum perfecit, ut relicto publico honore, ejus gymnazij rectorem subjierit... Saulus et Paulus sive Meletius Smotryski transformatus* соч.

Хельскаго, уніятскаго епископа Jakóba Suszy изд. 1666 г. стр. 14—15.

О Мелетіѣ Смотрицкомъ печатается, съ іюня мѣсяца настоящаго года въ «Православномъ Обозрѣніи» прекрасная статья г. Еленевскаго. Мы рекомендуемъ ее нашимъ читателямъ. Въ ней съ большимъ знаніемъ дѣла и искусствомъ собраны свѣдѣнія объ этомъ лицѣ и сдѣлана попытка разгадать эту личность. Разгадка автора очень близка къ истинѣ и очень интересна. Г. Еленевскій шагъ за шагомъ показываетъ, какъ Смотрицкій переходилъ отъ православія къ уніи, увлекаясь планомъ примиренія православныхъ съ уніятами. Къ сожалѣнію, желаніе автора видѣть вездѣ логичность въ мысляхъ и дѣйствіяхъ Смотрицкаго, значительно повредило дѣлу. Смотрицкій представленъ имъ слишкомъ уже въ яркомъ свѣтѣ. Впрочемъ, мы соглашаемся, что автору трудно было и составить другой взглядъ на Смотрицкаго, при его добросовѣстномъ изученіи *только печатныхъ* документовъ объ этомъ лицѣ. Были бы у него рукописи, которыми мы могли пользоваться, и онъ самъ ослабилъ бы свои сужденія о Смотрицкомъ. При всемъ томъ, повторяемъ, эта статья очень замѣчательна и хотя мы знакомы были съ нею и прежде ея изданія, но читали опять съ большимъ интересомъ. Было бы у насъ побольше такихъ статей, исторія уніи быстро двинулась бы впередъ.

198) Тамъ же стр. 16. Кириллъ Лукарисъ былъ тогда протосинкеломъ Александрійскаго патріарха Мелетія и пребывалъ въ Литвѣ вмѣстѣ съ извѣстнымъ намъ ексзархомъ Никифоромъ. Было это въ девяностыхъ годахъ XVI столѣтія.

199) Suszen стр. 16.

200) Injerat tum Smotriscius singularem cum Archiepiscopo Rnssiæ Jozepho Rutschio noticiam et intima ejus usus est consvetudine. Rutschius etiam tum commoda lætus occasione de unione cum eo Catholica persequens, egit, qui ejus immoliter pectus devinciret animum et dotibus naturæ egregiis insigniti viri lucraretur salutem. Sed prævalente altius fixo pectori schismate incassum ejus cessit labor. Surza. стр. 17.

201) Suszu стр. 18.

202) Обь ѣтихъ сношеніяхъ Смотрицкаго съ уніятами и латинянами былъ большой споръ еще въ 1624—2 году. Авторъ сочиненія *Sovita Vina* рассказалъ объ нихъ печатно. Авторъ *Obrona Verificatij*, т. е. самъ Мелетій Смотрицкій, не отвергая самага факта ѣтихъ сношеній, давалъ имъ тотъ смыслъ, что онъ велъ ихъ по порученію виленскаго братства. На это авторъ соч. *Examen obronu* отвѣтилъ новыми подробностями и вызывалъ Мелетія опровергнуть ихъ. Опроверженія мы не нашли, да оно намъ и не нужно. Сами православные въ послѣдствіи доказывали, что Мелетія съ трудомъ соглашался постричь Леонтій Карповичъ, сомнѣваясь въ его достоинствѣ, т. е. они почти повторяли рассказъ объ этомъ уніятскихъ писателей.

203) Powiadał (Смотрицкій виленскимъ уніатамъ на тайныхъ свиданіяхъ) i to, że nawrócił na Wołyniu do uniy iednego, który potym (znać że w tamym koncie kapłanow dobrych unitow — niebyło) przeszedł do nabożeństwa Rzymskiego, o co mię przyszfrował pan jeden w Wilnie... Za upomnieniem jego pisałem powiada do tamtego człowieka, mówiąc, że żartowałem (ale tamtem za-

szcześnie żartem do P. Boga (т. е. до латинства, по мысли автора) serio został przy nim). Examen obrony Weryfikatij стр. 44. Фактъ этотъ подтверждаетъ и православный писатель—авторъ Antopologii, говоря, что это было до посвященія Мелетія въ санъ Епископа стр. 52.

204) Ostrze następować w Bractwie mu rozpoczęto, żeby aby habit brał, albo precz od nich ustępował, — уніатское сочинение Examen obrony... стр. 45—46. Každy to na oko widzi żeś hipokryta (обращение къ Смотряцкому) со і оyciec twój w Duchu S. pamięci błogosławionu Leontius Archimandryta cerkwi zesłania Ducha S. Wilenskiej w tobie widział dla czego і do zakonu cię przyjmować niechciał... tylko czasowi schodząc, na żądanie niektórych osob, którzy wewnętrznego wilka mało znali, rad nie rad przyjmując musiał do zakonu і ręce umywszy czyst jest od tego, spodziewając się jednak wszyscy z czasem poprawy (?) po tobie, wkładali się za toбą. Antidotum—сочинение православнаго писателя стр. 6; а писатель Antopologij, тоже православный, говоритъ даже, что Мелетій, принимая и архіерейство, думалъ объ уніи, — а przecie ten pielgrzym (Смотряцкій, путешествовавшій на Востокъ) dostojenstwo to (архіерейство) na się wziął niebędaє tego godzien, przeto że się nanim nieobchodził, «ani się obchodzić przedtym zamysłał...» стр. 17; такъ что на основаніи этого свидѣтельства можно бы подумать, что Мелетій дѣйствительно по совѣту уніатовъ принялъ монашество и остался въ виленскомъ братствѣ, какъ говоритъ объ этомъ авторъ Examen obrony (стр. 45), и что онъ, слѣдовательно, давнымъ давно готовилъ измѣну православію; но этому послѣднему заключенію

совершенно противорѣчить борьба Мелетія съ Кунцевичемъ.

205) *Saulus et Paulus sive Meletius Smotriski transformatus*. Susza стр. 18 — 19. Къ этому-то времени (1617—1620 г.) относятся филологическія труды Мелетія — его грамматика и лексиконъ. Susza тамъ же.

206) *Conclamatum... est R-sm Meletium Schismatitos parricidas tum scriptis tum dictis contra pastorem suum* (Иосафата Кунцевича) *excitasse...* Письмо Рутскаго къ папѣ объ обращеніи Смотрицкаго отъ 1627 г. рукопись.

207) Донесеніе въ Римъ Рутскаго, приводимое нами ниже.

208) См. письмо Иосафата Кунцевича къ Льву Сапѣ-гѣ, приведенное нами въ примч. 184.

209) Судебный позывъ виленскому братству 1624 г. рукопись. Выписываемъ весь этотъ интересный документъ. *Jmieniem w Bodze wielebnego Jego M. oycy Jozefa Weliamina Rutskiego Metropolity Kijowskiego, Hallickiego i wszystkiey Rusi tak teź wszystkiego Duchowienstwa y bratstwa zdawna uprzywilejowanego Wilenskiego S. Tróyce, tak narodu szlacheckiego, jako y mieszczan szlachetney Rady y pospolitego człowieka pod posłuszenstwem Jego M. Oycy Metropolity na ten czas Jozefa Weliamina Rutskiego będącego donosił do urzędu y opowiadał się (незавѣстно кто, въ рукописи оставлено пустое мѣсто) na ludzi swowolnych Duchownych y swieckich Mieszczan Wilenskich y innych wszystkich różnego stanu ludzi którzy tego swowolnego zebrania factores y do factij ich złośliwych jakim kolwiek sposobem radą y pomocą są. A mianowicie Gabriela Dudka na ten czas namiestnika Monastera Brackiego, Barlaama a pierwiew Ba-*

zylego popa wyklętego który znowo iest kaznodzieją y spowiednikiem, Jozefa Lewonowicza abo Lewoniewiczza jako się on mianuje Rectora y kaznodzieja, Dmitra dozorce Cerkwie Trockiey, Gedcona Jhumiena Bratskiego Mińskiego Cerkwi SS. Apostołów Piotra y Pawła, Sylwestra Hrehorowicza protopopowicza Nowogródzkiego y na inszych pomocnikow ich na swieckich mieszczan y kupcow Wilenskich, Siemiona Jwanowicza, Jana Kotowicza, Bogdana Borysewicza Wasila Baranowicza, Wasila Kułakowskiego, Wasila Drukowina, Krzysztofa Wasilewicza, Stefana Zahorskiego, Siemiona Kropowskiego, Bogdana Symonowicza, Jzaka Wolkowicza, Jerzego Chociewiczza, Filipa Siencyła, Estrafa Ziłowskiego, Pawła Dorofiejowicza, Pawła Fiedorowicza, Matfieja Kotowicza, Wasila Dorofiejowicza, Hrehora Stephanowicza, Alesima Maximowicza, Wasila Tworowskiego, Bogdana Eiedorowicza y innych których oni sami znają y imiona ich wiedzą przychilając się we wszystkim do processu który się stał na istantią Justigatora J. Kr. M. in hoc passu na Ratuszu Wilenskim w roku 1621 w Marcu. Jż oni wiedząc dobrze prawo y władzę J. Kr. M. tak w koronie polskiej jako y w W. X. Lit. y we wszystkich prowinciach do tych panstw należących Jus patronatus to iest podawania Arcybiskupstw, Biskupstw, Metropolitow, Władykow Episkopow y wszelakich beneficij y dostojenstw duchownych tak Rzymskiego Koscioła jako y Greckiey Cerkwie y Religiey w dobrach J. K. M-ci nikomu inszemu jedno J. K. M. należy i zwiekow nigdy żaden się tego ważyć nieśmiał aby bez nominacy y podania J. Kr. M. na Arcybiskupstwa, Biskupstwa na Metropolie, Władcyctwa Episkopstwo Rzymskie y Ruskie swięcić się miał, dopiero te osoby

wyrz pomienieni duchowni y świeccy zapomniawszy z wiary y poddaństwa swego które powinni J. Kr. M. panu swemu, wyłamawszy się z władze swowolnie y posłuszeństwa Mitropolitów y pasterzów swych własnych y prawdziwych y terazniejszego władze Wielebnego oycy J. M. Jozefa Rutskiego Metropolity Kijowskiego y wszystkicy Rusi od Króla J. M. mianowanego podanego y według porządku starożytnego Cerkiewnego na to dostojenstwo poświęconego y potwierdzonego y oderwawszy się od prawdziwego bractwa S. Trójcy zdawna uprzywilejowanego y zabrawszy skarbow niemało y aparatów tak do Cerkwie S. Trójcy jako y do Bractwa S. Trójcy należących, także fundusze y legacye Bractwu temu od różnych ludzi nadane y z domami w mieście Wileńskim y folwarkami do tego bractwa należącymi, aż y do tego czasu z nich czynsz sobie y pożytek ku wielkiej a nieznosnej szkodzi Bractwa S. Trójcy uprzywilejowanemu. A na bunt y sedita y turbowanie seymów y seymików te przychody y pożytki obracając, założyli sobie Cerkiew abo raczej synagogę na grunciech Bractwa S. Trójcy Swowolnie bez żadnego pozwolenia Je. Kr. Mości pana naszego Miłościwego y nazwali ją Bractwem Ducha S. y tam pod pretextem Bractwa S. Trójcy uprzywilejowanego starzych y starost między sobą każdorocznych obierając władze sobie nieależną ustępują. A co większa za przyjachaniem tu do państwa J. K. M. niejakiego Theophana Greczyna który mianował siebie patriarchą Jerozolimskim niebędąc im (bo na on czas był inszy żywy patriarcha Jerozolimski na imie Sophroniusz) jako wiadomość iest ale (nadto) posłany był od cesarza Tureckiego do Hospodarza Moskiewskiego aby Moskwę przeciwko J. Kr. M.

y na panstwa J. K. M. podburzył gdy cesarz Turecki z wielką nawalnością nastąpi aby też Moskiewski z drugiej strony na panstwa J. K. M. nastąpił y panstwa J. K. M. posiadał jako tego pewne są znaki,—ten iesliby był patriarchą Jerozolimskim, nieotrzeba mu było z Moszkwy na Polskę do Jeruzalem wracać się gdyż bliżey z Moszkwy do Jeruzalem niż z Polski (!) ale on zrobiwszy te robotę w Moskwie dla czego był posłany umyślnie jechał na Polskę do Konstantynopola nie do Jeruzalem aby posługi swoje zalecił Cesarzowi Tureckiemu, a będąc w Kijowie wiadomo to wszystkim było jako Rycerstwo Je. Kr. M. Kozaki nizowe strasował y gromił oto iż Kr. Je. M-ci pomagali na Moskwie y zakazował ym aby do Moskwy wojować niechodzili pod niebłogosławieniem. A mieszczanie Wilenscy wyrzey pomienieni usłyszawszy o tym impostorze że iest w Kijowie, na poświęconie do tego impastorza Theophana Greczyna wybrawszy z posrodku siebie Maxima Harasimowicza, który się przezwiał Meletiem Smotrickim, wyprawili go z wielkim kosztem y podarkami y nieuważając Authority Kr. J. M. odeymując z władzy J. Kr. M-ci Jus patronatus Ruski po wszystkim panstwie, ci Bratszczykowie swowolni (тытъ очевидно пропускъ) y przyjąwszy tu go w Wilnie za Archiepiskopa Połockiego sprawiwszy mu Aparaty Episkopskie kazali mu w Bractwie swym pontificaliter służyć(ć) przeciwko kanonow y prawil świętych, które tego zakazują y bronią, aby żaden Episkop Władyka w cudzey diecezij bez pozwolenia własnego Episcopa tey diecezij in pontificalibus służyć pogotowiu y sądow żadnych czynić sacramentami administrować nieważyl się pod kłętwą; oni nic na porządek Cerkwi S. ni(c) na prawa i canony

oyców SŚ. niedbając, wazyli się prawa cerkiewne łamać y psować y lubo J. Kr. M. dowiedziawszy się o tych factiach tych ludi swewolnych uniwersały swoje na tych pseudo władyk publikować w panstwie swym rosказаł, y o aktorach tey złośliwey factij Magistratowi Wilenskiemu inq(ue)rować y winnych karać rosказаć raczył; zaczym Magistrat Wilenski za rosказaniem Jego Kr. M. in instantią instigatora J. Kr. M. autorow nalazszy y winnieyszych do przyznania wiele rzeczy (przywiedłszy) ich samych do więzienia do dalszey nauki J. Kr. M-ci był oddał. Jednak y po procesie tym ci pomienieni Bratczykowie mimo wolą y zakaz J. Kr. M. przechowywali tego wielkiego buntownika pseudo Władykę Smotryckiego tu w Wilnie (w) Bractwie znieważając jawnie uniwersały J. Kr. M-ci y iawnie czyniąc rebellią przeciwne uniwersały tego to pseudo Władyki swego Smotryckiego (który się oraz niemając i na to od Kr. Jego M-ci żadnego prawa y daniny Archimandrytą Wilenskim nad prawo wszelakie tytułuje) do miast Ruskich a mianowicie do Rezydentij Archiepiscopstwa Połockiego na on czas jeszcze żywego y niesmiertelney pamięci godnego Archiepiscopa mając Je. M. oycą Jozaphata Kuncewicza od Je. Kr. M-ci podanego, a od Jego M-ci oycą Metropolity teraznieyszego i inszych episkopow legitime poświęconego, rozsyłali pobudzając narod ruski przeciwko nieboszczykowi oycu Władycę połockiemu, jako się to w commissiey Witepskiej dowodniczy pokazało zacynteż do tego przyszło yż Je. Msc oycą Archiepiskopa połockiego człowieka niewinnego y świętego okrutnie zamordowali, a żeby im ta functia złośliwa snadnieyszy progress miała, ciż pomienieni Bratczykowie wyuzdani na wszelką złość bez wszelakiego swstydu y bo-

jazni smieli z drukarni swey Bratskiej wydawać scripta publice derogując prawu y władzy J. Kr. M. a wszystek swój złośliwy rozsądek utwierdzając y pochwalając jas patronatus Je. Kr. M-ci na te dygnitarstwa duchowne Ruskie wyraznie w tych scriptach swych wytwornymi (должно быть—wywrotnymi) ludzi prostych do utwierdzenia sposobnymi wywodami labefactując znosić, do tego też pobudzając y animując do tych złych zamysłów y Rebelli złey ze drukarnie swey smieli wydać jakoby wszystek narod Ruski tych pseudo władzyków za pasterzow miał przyjąć, a przy Metropolicie y władzykach od Je. Kr. M-ci podanych (których oni niewstydliwie w tych paszkwilach swych apostatują y uszczypliwymi słowy, tak duchownych iako y świeckich w unii świętey będących sząc y sromocąc do ohidy ludzkiej przynosząc (wedząc) iakoby siedmiu we wszystkiej unij niezostało) y utwierdzając do konca narod Ruski wtakich buntach y rebelliach tego impastora Theophana Greczyna którego król J. M. za szpiega y zdraycę w uniwersałach swych mianował oni za świętego y błogosławionego Narodowi Ruskiemu udawszy na wielkie znieważenie Je. Kr. M-ci jawną rebellią na nogi wystawując tego impastora Theophana publice na kształt prawie chorągwi, aby wszyscy nań patrzali y w złości się bardziey uzbrojali, na murze bractwa tego swowolnego z ulicy na widok wszystkim onego za świętego wymalowawszy wystawili y w domach privatim obrazy tego impastora Theophana za świętość ludziom prostym mieć rosказali, których też to obrazow tego impastora Theophana z tych że bratczyków wyrzey pomienionych, a mianowicie Eustrati Ziałowski odrysowawszy y do niemieckiej Rzesze zawiosłszy y tam tych obrazow z napisem—Apo-

stolicæ sedis, nadrukowawszy tu do Wilna nawiozłszy publice, kram na to osobliwie w drobnym rządzie najaw-
szy, one za świętość swoim udawał y rozprzedał. Jakoż
snadż już do effectu zamysły swe złośliwe państwu temu
wielce szkodliwe przywiósć usiłując ten pseudo Władyka
Smotrycki za takimi factiami y conspiratią tego swowol-
nego Bractwa od Impostora tego Theophana poświęcony
teraz «niedawnymi czasy bez woli y wiadomości J. Kr.
M-ci pana swego do panstwa Tureckiego, a za wolą wia-
domością y radą tego swowolnego Bractwa» (które aż
do tego czasu zawsze w Cerkwi swej za niego Boga
prosiło) «puszcifsię do Constantynopola, lecz teraz to Brac-
two swowoln(i)e za także swowolnie mimo wolą y wia-
domość Je. Kr. M-ci od tegoż impostora Teofana Greczy-
na poświęconego Jowa Boreckiego pseudo Metropolita pu-
blice P. Bogą prosza (si). Przytym też opowiadał y to
iż ciż Bratczykowie swowolni fundując się na swych
zamysłach swowolnych mimo wszelaką wiadomość y po-
zwolenie J. Kr. M. y przeciwko starodawnym przywi-
lejom Jch M. Królów Polskich Cerkiew murowaną budo-
wać zamyslają y już bacz wiele materji kamienia cegły
y wapny do bractwa na cmyntarz swoj nawozili co wszystko
yż *super crimen perduellionis lesae majestatis et seditio-
nis* prosil aby to opowiadanie przyjęte bylo.

210) Донесеніе въ Римъ о дѣлахъ уніатской Церкви,
приводимое нами ниже.

211) Antidotum стр. 5. Antopologia 42—43.

212) Тамъ же.

213) Смотрицкій прямо говорить: rozgniewany na
mnie przeszył Archimadryta pieczarski (Захарія Копыс-

тенскій) на to się był usadził, abym w żadnym monasteru Kijowskim pomieszkanie nie miał Paraenesis стр. 22.

214) Вотъ донесеніе къ папѣ, которое прекрасно разъясняетъ дѣло. *Relatio eorum quæ gesta sunt in Russia ex parte Unionis. An. 1622... P-mo. Unione sancta in partibus Liturniæ et albæ Russiæ per hos 20 annos solide radicata Revd-smus Metropolita animum adjecit ad eandem in ulteriori Russia propagandam: quem quidem affectam ab aliquod annis praeconceptus anno proxime elapso ad effectum deducere conatus (conatus) est. Atque ita, cum forte fortuna Episcopus Chelmensis Catholicus nomine Theodorus Melescho A-o 1626 in Festo ss. Petri et Pauli Apostolorum cum Episcopo Smolenscense consecratus morbo invalescente, quo etiam ante conflictabatur eodem sub consecrationis die et eadem hora mortus fuisset, Rnd-smus Metropolita ad Curiam Regalem misit et Administratorem Episcopi Chelmensis in Volhinia sedi pro se obtinuit. Tandemque absoluta synodo nostra provinciali eodem anno, in Volhyniam venit. Omnibus interim Metropolicis bonis in Lituania uni Religioso oeconomico relictis et toto fructa pro seminario resignato a spiritualium cura suo coadjutari demandata.*

S-ecdo. Illic volens panem otiosus comedere absolutis Luceoriensia. natalibus festia, instituit in principio Januarii visitationem episcopatum Volhinensium id est Vlodimiriensis et Luccoriensis. Et cum optimo sciret virorum principum Catholicorum favorem in utramque partem hoc est Unionis et Schismatis, plurimum volere illos adire instituit. Ac primo adiit Ill-smes Duces ab Ostrog Zaslowski (quorum unus Janussius nomine palatinatus est Volhinensis, alter Filius ipsius Alexander Palatinus item Braslawiensis) se-

cundo itaque loco convenit ducem Alexandrum, Dubnæ tunc agentem, virum doctrina et prudentia pæstantissimum vere bello et pace senatorem: et cum primis in Ritu latino Catholicum precuratissimum (qui tamen Parentes Ritus Græcum professos habuerat: licet jam suus etiam Ill-smus pater sit Ritus Latini) cum eodemque Rens-mis Metropolita notitiam contraxerat ante annos circiter 30, agens in exteris nationibus. Itaque nunc literas S. D. N. scribit.

T-tio. Habita ergo apud eundem audientia explicuit illi obligatum quo tenetur ad propagandam fidem Catholicam in Ritu græco Catholico. Tum quia ad illum prolemque illius summa rerum devoluta domus Ducum ab Ostrog olim primorum Regni Poloniæ Principum qui primi fuerunt Schismatis promotores in Russia quod etiam per illos stetit. Unde ne censeatur ambulare in via patrum suorum, pro salute sua promotionem S. Unionis serio curare tenetur. Tum quia magna pars bonorum ritus græci Ecclesiasticorum fundata est in bonis illius a suis antecessoribus: tenetur providere bono Morum usui, ne fundatores fraudentur bono spirituali. Tum quia tot in illius ditione sunt amicorum Ritus græci, ut vix alter in Regno Poloniæ sit qui plures Ruthenos Schismaticos in suo statu habeat: homines nostri Ritus Latini vix centesimam partem attingunt: horum itaque omnium animas Deus de manibus illius requisiturus est. Haec et plura alia in eandem materiam eidem insinuata, quo factum est ut promiserit bona principaliora Ecclesiæ Ruthenæ sui status non se daturus nisi Catholicis.

Quarto. Fuit sub id tempus Ihumenus Monasteriorum Dubnensium duorum Monachus Schismaticus nomine Casianus Sacowicz vir alias insignite eruditus et vitæ in-

culpatae: Huic regimen dictorum Monasteriorum (commisus) est propter solam doctrinam licet nullos in se haberet adhuc ordines. Praedictus itaque Ill-smus Dux Palatinus Braslaviensis induxit Cassianum ut conferret cum R-mo Metropolita. Et quoniam fides est ex auditu, iterata hac aliquoties conferentia, mutatus est in aliumque et S. Unioni manum dedit. R-smo Metropolitæ confessus et ab excommunicatione absolutus et tantem ordines suscepit ibidem. Ut fusius in literis ad Illsmum Cardinalem Bandinum datis.

Quinto. His veluti principiis Volhiniae Deo oblatis tractari caeptum de Monasterio Dermonensi Dubna 4 leucis distante et anno reditu 2000 scudorom adæquante. Ill-smus Dux dicit suum parentem Ill-smum Palatinum Volhiniensem scripsisse sibi literas commendatitias ad rem præfati monasterii pro Meletio Smotriscio nuncupato apud Schismaticos Archiepiscopo Polocensi. His auditis Rnd-smus Metropolita subiecit: In conscientia obligatum esse Ill-smum Ducem ad negandum. Cum probe sciret illum esse schismaticum et schismaticorum principem: hominem quidem acris ingenii, lectionis multæ, eruditionis magnæ in scriptura et SS. patribus versatissimum: sed tamen his omnibus in perniciem S. Unionis instructum. Deinde illum esse «nominatim excommunicatum per me legitimum Ruthenæ Ecclesiae pastorem, praeviacitatione et omnibus solennitatibus in talibus observari solitis»: ut proinde cum illo conversari Catholico principi certe sine aliqua et quidem justissima nota sit impossibile. Denique omnes pseudo—Eppi sunt Rei Criminis læsæ S. R. majestatis quia in illius praejudicium titulos sibi asciverunt illorum, qui privilegiis et tunc gaudebant et nunc legitime gaudent Epprum: Senator pro Regni Poloniae pro honore Sern-ssmi

regis cum illius inimicis non praticare omnino tenetur. «His et aliis id effecit Rud-smus Metropolita ut non prius Smotriscio Monasterium Dermonense confere promiserit quam ea, quæ unitum decerent, præstaret.

Sexto. Sciendum porro est prædictum Meletium Smotriscium natum fuisse in schismate; Hic cum studia apud P-res Societatis Vilnæ cœpisset in externis nationibus apud Hæreticos eadem finivit: unde Vilnam rediens contracta cum præsentē Rnd-smo Metropolita notitia de Unione sæpius contulit, sed propter pertinaciam hæreticam in eodem luto ita hæsit; ut monachus schismaticus factus, acerimum in S: unionem stylum converterit et ut suam consummaret temeritatem Anno 1620 a pseudo-Patriarcha Hierosolimitano pseudo-Episcopas Russicos consecrante, in Pseudo-Archiepiscopum polocensem est consecratus. Sed a me, ut dixi prævia citatione, cum suis pseudoepiscopis et Pseudo-Metropolita soleniter excommunicatus. In hoc Archiepiscopatum ita tam scriptis tum dictis populum concitavit ut in necem pastoris sui S. patris Josaphat conspirarint et eundem occiderint! Occiso antem Josaphat «timens sibi» in Graeciam accessit atque inibi tr(i)ennio exacto, rediit: «et visis miseriis non tantum corporalibus, sed etiam spiritualibus», ut patet ex ipsius postulatis tepescere in schismata coepit Anno suae ætatis suique schismatis quinquagesimo. Haec de Smotricio.

7. Sed ad rem. Revrd-smus Metropolita hoc data Ill-smo Duci Instructione reversus est Chelmam. Ynterim venit Dubnam Meletius pro Monasterio Dermonensi supplicando. Sed Ill-smus Dux respondit se non prius illi daturum Derman quam ille se unitum protestaretur. In cumque finem obtulit illi quiddam scriptum, docens, dilectans,

movens, quo Smotriscium ad unionem invitabat, errores illius confutando: Jdemque brevi Romam mittemus ad perpetuam tanti principis memoriam. His literis Smotricius acceptis et tota nocte lectis in crastinum ad Jll-smum Duce[m] venit et dixit se jam velle esse unitum cum efficaci aliquo signo. Rogat tamen ut videat Revad-smum Metropolitanam suæ salutis a multis annis cupidum. Ipse vero discedit chijoviam; rediturus post festum B. Trinitatis.

8. Redit Smotriscius Chijovia: Rud-smus Metropolita evocatur Dubnam ex Tribunali Lublinensi: Jtaque Julii 6 matutino tempore evocat Jll-smus Dux conclave Rnd-smum Metropolitanam. Supervenit Smotricius excondicto ita tamen ut nullus ex familia advenæ illius sciret inibi jam fuisse Rnd-smus. Et more Christiano salutatus non permissus est ad illas propositiones accedere priusquam professionem fidei Gregorianam pro Graecis editam faceret. Smotricius aliquibus dubiis objectis, et piramento præmisso, quod fuerit consecratus vere epps et a vero licet non legitimo Pastore, Episcopo dictam fidei professionem absolvit. Postmodum confessus generali confessione Rnd-smó Metropolitanæ, ab eodem absolutus a peccatis et censuris Ecclesiasticis consecutus est.

9. His peractis ad propositiones utrinque processum. Et imprimis impositum est illi ut professionem suam, quam fecit, propria manu describeret et subscriberet: post aliquod dies eandem tulit et Jll-smo Duci dedit in perpetuo ejusdem archivo asservendam. Deinde ut ad S. D. M. literas scriberet in signum obedientiæ. Jtemque ad s. officium cum suis postulatis hoc etiam fecit.

10. Propter ipsius petitionem et petitionum rationes ad s. officium expressos Rnd-smus Metropolita concessit illi

occultare Catholicismum donec, a s. officio responderetur. Ad eundemque finem, ut utatur titulo Archiepiscopali in schismate obtento; donec rescribatur Roma quo titulo donandus sit. Praeterea cum in multis actibus more graeco facienda sit mentio Patriarhæ Hierosolimitani, indultum est illi ut illam faciat mutata tunc (tantummodo) intentione, ut hoc faciat non tanquam patriarcham agnoscat in superiorem, sed ut petat ei gratiam Divinam ad resipiscentiam. Et ut hoc occultet Catholicismum. Denique data est illi facultas consecrandi sacerdotes schismaticos pro tribus Episcopis. Ut latius in postulatis Smotriscii ad s. officium directis.

11. Rnd-smuş itaque Metropolita supplicat S. congregationi, ut illa mediante confirmetur Praxis haec, scilicet, quod possit concedere, ut pseudo-eppus ad unionem conversus aliquo tempore lateat sub pallio schismatis: si haec pro honore Dei expedire iudicat.

12. Ut decidať S. congregatio an possit tolerare titulos illorum in schismate obtentas, an vero in alios commutare et quos? Utrum in suffraganeos Eppr-m, quorum iniuste gaudebant constituendo. Utrum vero aliquo alio titulo in partibus infidelium donando: Nam plurimi episcopatus olim dependebant a Metropolita immediate et in particulari omnes totius Moscoviae et Tartaricæ Episcopatus, qui plusquam vigesimum munera confeciunt.

13. Ut possit dare illi sub pallio schismatis latenti facultatem consecrandi sacerdotes proprium Pastorem non agnoscentes et Pseudo-Episcopos quaerentes. Cujus ratio est. Quia nunc illi sacerdotes, qui non agnoscant suos ordinarios pastores, consecrantur interdum a Vagabandis Erronibus Graecis Psundo—episcopis vel Ruthenis in fide

et ceremoniis non instructi. Ex duobus quorum malis minus eligendo expedire videtur, ut detur Catholicis occultis haec facultas, qua habita ad se confugientes instruent in fide et aliis ad Ritis docentiam pertinentibus: Et jam valetur... si revocabunt, ut possit in ceremoniis Ritus graeci facere mentionem Patriarchae, supposita praefata intentione. Alias enim nullomodo possent occultare Catholicismum.

In omnibus his punctis Rnd-smus Metropolita se totaliter submittit Judicio J. K. E. modos et media promovendae unionis S. paratus comodo procedere.. Между этимъ донесеніемъ и письмами Рутскаго и Папскаго нунція въ римѣ о Смотрицкомъ есть нѣкоторыя разности. Мы выбрали изъ нихъ то, что казалось болѣе сообразнымъ съ другими свидѣтельствами и съ общимъ ходомъ дѣла.

215) Protestatia przeciwko soborowi w tym roku 1628 wedni Augusta miesiaca w Kijowie obchodzonemu. стр. 4—5, 21; Antopologia Diplic предисловіе.

216) Вотъ письмо Смотрицкаго къ Рутскому, хорошо объясняющее дѣла того времени.

Julistrissime ac Reverendissime Pater et Pastor meus Dignissime.

Dnia 29 Februaryj listy Wiel. Twey od X-cia Jego M-ci przesłane pospołu z ośmią sextermionow katechismowych, doszły mię; przy nich y annotationes censoriae: w których odsyła mię Wiel. twoja dópism R. Thomae Aqu. a ja ich niemam: piszę do X. J. M-ci, aby mi ich do tey potrzeby użyzyć rozkazał jesli się w Bibliotece Dubien-skiej. Dialogum de processione Spiritus S. secundum mentem annotationum Wielebn. Twey poprawiłem. Tegoż katechismu posyłam teraz do Wieln. Twey sexternionow siedmi przymnie zostało ieszcze nieskorygowanych dwa-

naście: y te za okkazią pewną przeszłą. Z którymi pospieszyc się z cenzurą, nie bez wielkiej prace, w nadziejejednak niebieskiej odpłaty, Wiel. Twey przychodzi. Listy z Rzymu do Wiel. Twey pisane ucieszyły mię w sytość. Bóg Wszeczmogący Wiel. Twey pomagać niech raczy, siły y chęc ci dodawać, aby to Duszezbawienne Dzieło, w którym się Wiel. Twoja wszystek najduje; przez które y mnie grzesznika pozyskać Wiel. Twey dopuścić raczył: skutki swe zbawienne z pomnożeniem chwały jego świętey w zawiedzionych nieszczęsną schismą duszach ludzkich, dzień od dnia od godziny w godzinę brało. Po mnie, poki z woli Bożey dusza moja w ciele moim zostawa, to sobie Wiel. Twoja obiecuy bezpiecznie, że ultro citroque na namnieysze skinienie Wielebnosci Twey etiam ad impossibile u mnie, gotowym się stawić chęc: ufając Bogu Wszeczmocnemu, że za świętymi modlitwami y oycowskim błogosławienstwem Wiel. Twey, possibile mnie z łaski jego s. staniesię y to przy woli oycy świętego, s. kongregationis de propaganda fide y Wiel. Twey zostawuję, póki mię tajonym mieć zachęc: nie kuwoli mnie, ale ku woli skutecznieyszey zawziętey s. sprawie Wiel. Twey. Bo y teraz niedawno w wielkich gomonach od braci zakonnikow Monastera mego Dermonskiego byłem, którzy wzięwszy wiadomość o tym, że się z Wieleb. Twoją w Dubnie widział (chłopięta Wiel. Twey memu Helizeuszowi Jlkowskiemu powiedzieli, a on inszey braci), oraz niemal wsycy odbiegli mię byli, y po wszytskim Wołyniu rossławili. Złemu temu za łaską Bożą teraz już zabiegł, że podawszy to im za rzecz niepewną, uczyniłem ich temu niewierzyć: którzy zaś się do mnie z Lucka (bo się ich tam udało było pięć) nawrocili, między którymi

y ten Helizeusz spiewak. J to się już tu na Wołyniu przez ich do mnie nawrocenie się przykluczyło. Wiele tedy tego Wiel. oycze postrzegać potrzeba y wiele temu świętemu dziełu, w którym tak dawno pracujesz na tym należy, abym był tajon. Bo skorom był się teraz dowódnie im ogłosił, znieważony y odbieżony byłbym, y od wszystkich tak opuszczony jak inszj, abo y bardziey strony naszej przełożeni duchowni. Mnie też nie inszego powodniey podać do wiadomości wszystkiemu narodowi naszemu Ruskiemu niemoże, tylko ten mój katechizm. Przed którym uczyni celibanem Apologia peregrinaty moiey z considerationi dissensionis dogmatum inter Ecclesiam orientalem et occidentalem: jeśli mnie ją zaczęta ss. modlitwami Wiel. Twey Pan Bóg skonczyć dopomoże. A między tym czasem, abym miał u tey strony integram existimationem y nie podeżywaną confidentią, którą mam w Bratstwie Wilenskim, z oycem Boreckim, z ojcem Archimandrytą pieczarskim y z inszemi: wyjąwszy niektóre namnieyszey wagi ludzie, którym wiara dodawana niebywa. Zaczyn y do tego, abym się powtore z Wieleb. Twoją temi czasy po Wielką noc, abo y potym rychło widzieć mógł, bardzo przytem trudno zwłaszcza secreto. Przy stole lub na miejscu takim, gdzieby nie mowiącego z Wiel. Twoją y widziano y sryszeno być może. Sprawując swoje rzeczy, jeśli by które zachodziły przez samego X. J. M-ci abo przez J. M. P. Bojarskiego. Posyłam Wieleb. Twey do przeczytania, co już o tym pierwszym moim z Wiel. Twoją widzenia się (iednak z powiesci bez rzeczywistego dowodu) Homo iste superbus Jzajas (Копянский) po wszystkiey Rusi temi niedawnymi dniami rozpisał y rozsiał, y poki mu rogi do żywego utarte przez odjęcie tych Monasterow y

tego co z Moskwy przynabył, niebędę; puły on tak szaleć nieprzestanie. Ma Xiążę J. M-sć Wiszniewiecki do ruszenia go z Monasterow tych swoich przytsep bardzo słuszny; który Wielebności Twey pokazują. Pisze do mnie ojciec Borecki, de data Februarij 9-ego że za te takie jego uniwersały pisał do X. J. Wiszniowieckiego skarżąc się mu. Za czym y Wieleb. Twey do Xcia J. M. y Jego Xięciu M. do ruszenia jego sporszy być może przystęp. Od. p. Jzaka Wołkowicza tey zimy dwoje pisanie miałem, który mi oznajmuje otey swey na pisarstwo Wil(enskie) vocathey. Odpisałem do niego po oba razy, aby to uczynił sine ullo conscientiae scrupulo, J. M. Oyciec Archimandryta pieczarki dwiema niedzielami przed mięsopustem, jadąc do maiętności swey w powiat przemyski był u mnie w Dermoniu dwa dni. Po którym pokoju cerkiewnego *dobra nadsieja*. Jest człówiek czysty, pobożny, pokorny, rozumny: z którym ieszcze swieckim, w domie jego będąc latem o Pietrze s. o tym się już dowolnie rozmawiało, y otworzyłem mu coincidentiam sensus in controversis dogmatibus quae intersunt inter orientalem et occidentalem Ecclesiam. Mieszkałem u niego dni dziesięć; miałem go przez dni kilka bardzo tęgim, nie z uporu jednak (już się widzieć z mowy y następujących dubitatiy: które gdy miał odemnie colrowaną y istotę rzeczy envolvowaną rzekł: quid est propter summum Deum, quod nos in tantum a Romanis disternat? (bo y polacinie y pogrecku uczył się) y od tego czasu jest bardzo łagodnieyszym w mowie o Rzym skim Kossiele y o tey dogmatum różności. Obiecał mi się jednak nazad nieminować mię. Bo iest ieszcze w Domu. Co iesli się zisci nie zaniecham za Bożą pomocą ss. modłitwami Wiel. Twey wspomózony do rozmowy | z

nim o tym umyslny wstęp uszynić najedyńie. Z umysłu chciał był Xcia J. M. w Dubnie nawiedzić: ale X. J. M. natenczas odjechał był ku Lokaszom do X. J. M. Woiewody Wołyńskiego. Wielką by rzecz Xże J. M. z tym y z oycem Boreckim wtey sprawie powagą y mędrością swoją sprawić mogli: by się mogły wynaleść sposoby, jakoby oni do widzenia się z J. X. M. przyść mogli. Bo są męże oba dobrze ochoczy y o Rzymskiej Religiey rozumiejące. A że Wiel. Twoja y strony funduszu Monasterza Boskołobowskiego z Je. M. P. Charążym Słonimskim conferować raczył, znak y to pałającego serca Wieb. Twey w rozmnożeniu chwały imienia Boga Wszcehmogącego w cerkwi narodu naszego Ruskiego. Postępek tego nie równo spieszniejszy y pomyslnejszy nam będzie gdy się protestatia zaniesie o wybicie z spokojnego dzierżenia y na urząd grodzki orszanski o nie przyjęcie protestathey. W czym mi przyobiecał był posłużyć J. M. Oyciec Koadjutor Wiel. Twey: rozumiem y uczynił. Bo tak miększemi być muszą Jch MM. PP. Fundatorowie. Co mi nakoniec Wiel. Twoja suggerować raczysz *ex literis Romani sedis de querendi modis et rationibus quibus juvari possit misera Graecia. Utinam per s. preces Illustrissimi Beatitudinis Vestrae tanto de me in s. Curia Romana habito conspectui respondeam: ad quod si vires defuerint: alias Deo juvante nunc fuerant defuturos.* Na ten czas cobym w sprawie tey rozumiał, ile mi godzina do skorey odprawy posłańca pozwoliła, przekładam: y Wielebności Twey pod rozsądek poddaję. Wiem naród grecki częścią: złym rozumieniem o wierze Rzymskiej, częścią ieszcze onymi w przodkach swoich dawnymi wojennymi Latinorum abo raczey Francorum incursiami ku Rzymianom... tak bardzo

zajątrzonych y zagniewanych, że nieladajako sposob wy-
należć się może ku zgodzie tym daleko od siebie rozró-
żnionym w sercu y jako oni rozumieją w wierze Naro-
dom Greckiemu y Rzymskiemu. Czego doznali sami ci
zacni mężowie, którzy się czasow swych o zgodę tych
dwu narodow kusili. Nawidoku Michał y Jan Paleologowie
Cesarzowie Konst. klórzy swoi u swych; a ieszcze y Pa-
tryarchow miawszy po sobie, ow Jozefa a on pierwszy
Joannesa Bekka, nie jednak niesprawili; teraz o to kusić
się komu: zda się kusić się o rzecz juz zgoła niepodobną.
A to przytym y z tych trzech przyczyn: 1-szey unionem
Graecorum cum Romanis Turcy wykładają być konjuratio-
nem omnium Chistianorum contra Turcam. 2-ey że patry-
archa dzisieyszy iest dissensissimus PP. R (zymianom)
imo Haereticus est: nisi resipuerit. 3-ciey że lud wszystkiek
grecki duchowni y swieccy Rzymian mają za sprosne hae-
retyki, a nabardziey (czegom ja dobrze wiadom) święto-
horcy. y aczkolwiek virtus rei in infirmitate humana per-
ficitar, zaczym nieradbym y tam ile do sprawy tey, w
łasce Bożey desperować, nierad bym y inszemu komu de-
sperować w tym perswadował: dawać to abowiem często-
kroć, za wolą Bożą zwykło jedna godzina, czego denegują
lata mnogie. Bo jako mnie grzesznego człowieka y ciężkie-
go schismatyka, a twardego Rzymianom nieprzyjaciela
Bóg moy z łaski swey s- do jedności s. cerkiewney ja-
kowemi on sam wie srod(k)ami, pociągnąć raczył: co ja
mam desperować, że tąż łaską swoją S. tymże swym nie-
ogarnionym miłosierdziem ku miłości, zgodzie y jedności
S. pociągnie całe narody? Wszakże według człowieka mó-
wiąc y postępując: poki przez nas za pomocą Bożą Ruska
nasza Cerkiew do jedności świętey przyciągniona niebę-

dzie, poty nam Rusi o grecki, o świętą gurą, o Moskwę y o insze greckiego nabożeństwa narody kusić się próżno. Bo nietylko, że się rozdwoimy w siłach y osłabiemy y nie tą razą nie sprawimy ni tu ni tam. Co więkza? jakoby przestrogę, tylko uczynimy świętohorcom (od nich początek uczynić chciawszy) że sobie napotym do nich y do wszystkiey Greciey przystęp trudniejszy sprawimy. Moje tedy miałkiego dowcipu podłe zdanie, doma pierwey całe wszystkiemi siłami nie roszdzielając się siam y tam (ponieważ nam y w jedeny oyczyźnie naszey nieladajako sporo, przewysz pomienioną przyczyną, że y nasz narod Ruski Rzymian ma za sprosne pięciu Haerezij Haeretyki) robić: P. Boga na pomoc wzywając y pracować. Potym kiedy P. Bóg zdarzy nam, że stanie narod Ruski w S. Jedności, łączniejszy, bo ten że już utarty sposob będzie do pozyskania inszych greckiego nabożeństwa narodow. A bez Rusi w S. Gurze nic zgoła inszy narod ku jedności sprawić niemoże. Bo oni wielkie cudowne sprawy w swoich monasterzach dziejące się naprzeciw uniey nstawują, y są podobni Moskwie, że y mieysce te w Cerkwi wypalają, na którym by łacinnik siedział. Ktorem poki się y te cuda niezganią: y to rzetelnie y dowodnie nie pokoże (się), że Rzymianie nie są Haeretykami y niebyli nigdy, póty trudna z nimi w ugodzie sprawa: Turkami raczey być pozwolą, niż łacinnikami. Czego y z samey naszey Rusi doznawamy ktorych głosy, że wolą zawsze być. . . . . Haeretykami, niż Papieżnikami. Zaczym y pod ten nasz ciężki y z samym narodem naszym trudny czas Wiel. Twey tym trudem obciążać się niezdami się. Pisalem ja teraz do oycy Patryarchi Konstant. (Listu tego kopię ma X-że J. M. Wielebność Twoja jesli go usądzi

godnym być uszu ludzi... y mądrych kazawszy przepisać, przesłać do Rzymu woli Wiel. Twey poruczam): nieodpisał nań pszez tego Grammotophora nic, rzekszy, że te szeczy potrzebują dłuższego, niż ten odjazdu Twego czas rnosi, uwazenia: obiecał jednak odpisać. Gdy wyda za pomocą Bożą considerations y ten Katechizm przez druk, a stanie się to za wolą Bożą w narodzie Ruskim, czego pragniemy, wyda się tuż y Sławiańskim dla Russian y Greckim dla grekow: Wten czas możesz wynaleść sposob pszesłania Braci do Monasterzow świętohowskich z temi pismy, jako z gotową y nie od nich szukaną y Wynaydowaną do rozmowy materją. Natym to pisanie moje koncząc, pieczołowanie sprawy Wiel. Twey, P. Bogu poruczywszy w opiekę, siebie y uniżone powolności moje łasce, miłości y błogosławienstwu Wiel. Twey oddawan. Bóga Wszechmogącego prosząc, aby nam Wieleb. Twoje wielalietnie dobrze zdrowego ku prawemu słowa prawdy iego sprawieniu w Cerkwi naszey Ruskiej chować raczył. Z Dermonia Anni 1628 Martii 2 dnia.

Wieleb. Twey wszelkiego dobra życzliwy

Brat y

Sługa najnizszy

M. Smotricki.

217) Apologia peregrynacyi do stron Wschodnich изд. 1628 г. на Польскомъ языкѣ.

218) Protestatia стр. 6 Вотъ отрывокъ письма, которое при этомъ писалъ Мелетій къ Іову Борецкому. То со ми Wielebność twoja y inszy Bracia w pobudkę spiącego z nieczułości narodu napisac roskazać raczył napisane Wielebnosci Twey, owdzie drucarnie mieć nie

mogłszy posyłam y mam za to, że za niedziel trzy na dwu prasach wycisnąć się może y pusić w narod: aby każdy z nas przed pszyszłym da Bóg soborem jaśnie oboznaczyć mógł, na co to my wszystkim norodem chorujemy y już się z tey choroby uleczyć możemy, pobudki tey moy pszewielebny panie nie sądz według człowieka, ale Bożym sądz ją sądem. Тамъ же стр. 6.

219) Объ этомъ разсказывается въ ннѣющейся у насъ копии письма Рутскаго къ Львовскому Латинскому Епископу.

220) Saulus et Paulus Suszy стр. 94 — 95. Письмо Мелетія къ Рутскому приведенное выше.

221) Protestatia Смотрицкаго стр. 8.

222) Письмо Рутскаго къ Львовскому Епископу рукопись.

223) Pszeoswiecony mój Paniel (Писалъ Смотрицкій къ Іову Борецкому). Spodziewałem się ja zwykłej przytomney usty k ustom z przewielebnością Twoją i z inszą mnie namilszą bracią w Chrystusie, w sprawach Cerkiewnych namowy, anie przez trzecie osoby, dla czego w ten kraj na czas naznaczony od przewielebności Twojej przybyłem, abym co z siebie samego w Cerkwi nierzkąc preciw Cerkwi stanowił, ale ani myśląc: bo nie w tey, krórey urodziłem się Cerkwi Christusowej umrzeć nigym sobie nierzyczył i nie rzyczę y pewen po łasce Boga mego iestem, że mię wschodnia S. Cerkiew grobnymi pieluchami powije, która mię z wody y ducha urodziła. Zaczyn proszę synowsko przebaczenia oycowskiego cięższego karania niż jest wina moja, niech nie ponoszę tak od Wielebności Twey, jako y od innych Boga miłujących y w Bogu Wielebnych, bo to niebędzie ranę (iesli jest jaka) leczyc, ale ją rozczesywać y jątrzyć.

Bo co się już stało przez druk rozstać się niemoże: wszakże iżby się to po wszystkich tym państwie nie rozleciało, może się temu ieszcze zabierzeć za spólną o tym namową y radą, naszą, nie szerzyć tych rzeczy owdzie, tam im zabierzeć, skąd one szyrszymi stać się mogą. Dla czego przez posłanych od przewiel. Twey y innych Boga miłujących y Wieleb. w Bogu oycow y w Christusie braci domnie przysłanych, będąc upewniony o wszelki temu wszystkiemu, coby tu zamieszaniu cerkiewnemu być miało, chcąc zabierzeć proszę przewielebności Twey y innych wszystkich obok przewiel. Twey siedzących przezacnych mi PP. najmilszych mi oycow i braci, abym do wspolney o tym rady miłosei waszych dopuszczony był y o srodku zabierzenia namowiwszy się, to abym dziś (niepuszczając w dalszy czas przez odległość mieysca, na którym się drukuje) uczynił coby przez mnie za spólną wszystkich do tey rady należących radą, bez żadnych dowodow dysputacyi, uczyniono bydź należało. Bo gdziebyście mię w tym razie takowym przewiel. Twoja y inni bracia w Christusie odbiegli y opuscili y od siebie odtrąciłj za odbiezanego y ostawionego y odtrąconego, a nie za odbiegającego y ostawującego sobie sądzić musiał bym y byłby to we mnie ledwo do uleczenia podobny uraz od przewiel. Twoiey zadany, którego wezwania dzieło iest chorego na swe bydle brać, a nie przezyrać y omijać. Zatem zwykłej miłosci y łasce przewielebn. Twojej y innych Boga miłujących y w Bogu Wielebnych panow y Oycow siebie oddaję. 1628 r. 14 Augusta. Antidotum I. 40.

224) Protestatia стр. 15—21. Отречение Смотрицкаго было такого рода: Ja Meletiusz Smotrycki, z miłosierdzia

Bożego Archiepiscop Połocki, będąc wzięty od wszystkicy Cerkwi naszey Rossyjskicy w podeyrzenie odstępstwa od wiary prawosławney greckicy powszechney Cerkwie wschodnicy: a wysciem pod imieniem moim z druku wydancy Apologią otytułowaney xiązki jeszcze bardzicy w tegoż odstępstwa podeyrzenie podany przez to moje ogłoszenie wszystkicy Cerkwi moicy Ruskiej przez łask waszych przytomnych na ten czas w Monasterzu pieczarskim i w Cerkwi tey świętey Zaśnienia przeczystey Panny Bogarodzice dedykowaney do wiadomości donoszę: że po części takowemu od prawosławnych dogmat pobłędzeniu sam podlegam, z większey jednak części to pobłędzenie przyznawam bydź z swowolnego domysłu osoby tey, którey ta Apologia językiem polskim z druku być wydana była odemnie powierzona: mianowicie z złego umysłu Kassiana Sakowicza w Monasterzu Dubińskim Przemienienia Panskiego przełożonego, które nie ostróżne pobłędzenie się, tak ile do samego mego grzechu, jak i ile szkodliwego powierzenia przeciw prawosławnym wschodnicy Cerkwi dogmatom być poznawszy i Wyznawszy: aby miłosiernym był Pan Bóg grzechu mojemu, proszę, a wszystkicy Cerkwi moicy Ruskiej tegoż Dobrotliwego Boga mego dobrowolnie obiecuję, że już na potym wszystką duszą moją wystrzegać się tego chcę. Dajac w tey Cerkwi S. Wiadomość tego mego żalu przez znak owy, że przed oczyma miłosci waszey wszystkich, ten moj Apologią nazwany skript znieważam, szarpam i pod nogi me podmiotam, pod klątwą, którą uczynił Panu Rogu w ten czas, gdym był przy przeoswieconym panu moim i innych Cerkwi naszey Ruskiej Archierejach na Archiepiscopstwo od naswiętszego patryarchi Jerozolimskiego pana

s. Oycа Theophana pod posłuszenstwo naswiętszego patryarchi Konstantynopolskiego poświęcony i ręką położony. Roku 1628 Augusta 14 dnia (Подпись Мелетія и печать). Antidotum л. 41.

225) Въ описаніи Кієво-Софійскаго Собора помѣщена пригласительная на Кіевскій Соборъ 1629 г. грамота митрополита Іова Борецкаго. Соборъ этотъ созванъ по согласію короля. Цѣль его митрополитъ Іовъ такъ опредѣляетъ: яко бысемы конечно мѣли и могли успокоены быти въ нашихъ великихъ доткливостяхъ, которыя терпимо черезъ отступство въ нѣкоторыхъ щегульныхъ особъ (особахъ) отъ благочестія нашего.... (Опис. Кіев.-Соф. соб. пригл. стр. 79—80). Соборъ происходилъ 29 Іюня 1629 г., а уніятскій соборъ во Львовѣ назначенъ былъ на 28 Октября тогоже 1629 г. Безъ всякаго сомнѣнія между этими двумя Соборами была связь, потому что православные депутаты, прибывшіе на Львовскій Соборъ просили уніятвъ, чтобы они невооружали на нихъ короля Сигизмунда за то, что здѣсь нѣтъ духовныхъ депутатовъ православныхъ. Очевидное дѣло, Сигизмундъ надѣялся, что православные на своемъ Кіевскомъ Соборѣ подготовятся къ соединенію съ уніятами и на Львовскомъ Соборѣ соединятся съ ними. Другой связи между этими двумя событіями, такъ объединенными распоряженіемъ короля быть не можетъ. Это соображеніе наше вполне подтверждаетъ Зубрицкій въ своей лѣтописи Львовскаго братства подъ 1629 г. Говорятъ есть въ Архивахъ Кіевскихъ дѣяніе Собора Кіевскаго какъ 1628, такъ 1629 г. Очень жаль, что Кіевская Коммиссія, взявшаяся недавно за полемику съ польскими утопіями, уклонилась отъ первоначальнаго

своего плана и не издала ни одного документа, относящагося въ этому бурному и запутанному времени. Неужели въ самомъ дѣлѣ въ рукахъ Коммиссiи нѣтъ ничего подобнаго? А Аполлія Апологіи, которая, по описанію митроп. Евгенія, находится въ Киево-Софійской бібліотекѣ и насчетъ которой всѣ наши просьбы и порученія остаются безъ всякаго успѣха.

226) Supplement. ad histor. Russiæ mont. № 199. Въ универсалѣ Сигизмунда о сѣздѣ на этотъ соборъ говорится: Za spólnym do zgody oboiey Rusi taz zuniowaneu jako niezuniowaneu nakłoniem i żądaniem nas o naznaczenie sobie na to generalnego synodu złożyliśmy go onym dnia 28 miesiąca Oktobra roku teraznieyszego (1629) w mieście naszym Lwowie. Въ этомъ же собраніи древнихъ документовъ помѣщенъ дневникъ неизвѣстнаго лица объ этомъ сѣздѣ. Выписываемъ изъ него болѣе замѣчательную часть.... Теу же niedzieli (28 Октября 1629 г.) po obiedzie wszyscy uniaci w mantyach szli ordine do zamku, protestując się na prawowiernych (православныхъ) wszystkich, tak duchownych jako i swieckich, że się na rozkazanie Króla Imci na sobor niestawili; a Xiążę Zasławski (Александръ тотъ самый, который такъ ревностно содѣйствовалъ обращенію Смотрицкаго въ унию) posyłał do bractwa mieyskiego, aby szli do zamku do uniatow; y wysyłałi dwóch braciey, opowiadając się, że to nie na nich dależy, ale na starszych duchownych. W poniedziałek skarżyli się unijaci na kucharki Ruskie i Ormianskie, że ich poganami po ulicach nazywali i przeklinali, których urzędownie, serio obiecali karać i wsadzono było ich w zamku kilka. We wtorek czerncy z Wilna prawowierni do Lwowa przy-

jechali i książę Puzyna i pan Drewiński cześnik Wołyński (оба православные)... Też srody po obiedzie Metropolita ze wszystkimi Władykami, czerncami i śpiewakami do cerkwi mieyskiej nowomurowanej (православной) przychodzili, przeciwko którym wychodzili oyciec Bojarski presbiter mieyski z bractwem i przed cerkwią przywitali, naprzód oyciec Bojarski Metropolita Winszowaniem, potem Pan Roman i P. Gabriel Longisz, p. Mikołaj Dobrzanski i p. Stefan Laskonski. A gdy ich tak wprowadzili do cerkwi nowej, przyszedł z gospody p. Drzewiński i książę Puzyna i przywitali się z Metropolitem, umowiając się z niemi.... A potym gdy miał z cerkwi wychodzić Metropolita i wszyscy uniaci, obrociwszy się na wschód słońca zaspiewali głośno: Podayże utiszenije swoim rabom, wsenieporocznaja. A polacy, którzy z niemi przyszli, krzyknęli: chwala Bogu, zgoda, zgoda, nnija, unija! A gdy wychodzili z cerkwi, presbiter mieyski zaprosił Metropolitę z Władykami do domu swego popowskiego, gdzie i bractwo było. A gdy usiedli częstowali winem. Ozwał się smotricki mówiąc: dobrzeby oycowie, żebyście wy my, a my wy byli i drogą nami utorowaną chobzili. Odpowiedział pan Drewiński: co nam iest postanowiono na siedmiu uniwersalnych synodach Świętych oycow, tego się trzymać mamy, a nie terazniejszych neoteryzniow; ależ waszmościom potrzeba to wiedzieć, iż diabeł nie tak bardzo straszny, jak go malują. Zaraz ozwał się oyciec Bojarski i zagasił te rzecz między niemi, mówiąc: dobrze oyciec Smetricki mówi, aby wy my, a nie my wy; i począł ich częstować. J tak troche posiedziawszy, poroschodzili się do gospod swoich.... Wpiątek Wilnianie i książę Puzyna i pan Drewiński byli u uniatow dosyć czyniąc uniwersa-

łowowi króla Jm-ci, prosząc ich, aby się przyczynili do króla Jm-ci za niemi, druga, aby prosili króla Jm-ci Patriarsze Carogrodskiemu o paszport, żeby mu wolno było przyjechać, a co by Patryarcha postanowił, na to wszyscy pozwolimy. Na to unijaci nie pozwolili, mówiąc: kiedy już teraz nie chcecie do unij, niech każdy, co chce, czyni, dopinając swego jako może; my papieża słuchamy, a nie patryarchi. J z tym się rozeszli. Supplemt. № 66. Susza: Saulus et Paulus стр. 125 — 126.

227) Synopsis подъ 1631 г.

228) Co się zaś tknie tych wszystkich skrybentow (сочиненій написанныхъ въ началѣ униі противъ униатовъ и латинянъ) to cerkiew onych za swoje tak mieć może, jak oni (писатели) od niey odrodzeni będąc przez krzest s. żadną herezją pomazani niezostawali do śmierci, a jeżeliby w herezji pomarli, albo co heretycko pisali, tedy w tej wierze za syny swe mieć nie może. Zatem poydzie, że wczymkolwiek pobiłdzili, cerkwi to przypisować się nie może. Ale rzekiesz, czemuż się żaden na nich nieodezwał i czemu dopuszczono ich scripta drukować, na to snadnie mogą odpowiedzieć, naprzod, iż cerkiew nasza zaturlbowana będąc przez apostatow i dla zgorszoney hierarchiey cerkiewney, do tego przyść nie mogła, aby bez cenzury xięgi nie wychodziły, zatem co kto chciał, to i pisał; teraz zaś, iż za zrządzeniem Bożym hierarchia in suo esse paczęła być, już takowe skrypta wychodzić nie będą, «jakoż i na soborze blisko przeszłym (1628) to warowano iest, aby żaden o dogmatach wiary ed cerkwi wschodniej w narodzie Ruskim bez cenzury nie wydawał», na którym soborze i twoja Apologia (Смо-трицкаго) jako cerkwi wschodniej przeciwna, szarpana

i palona była od przewielebnego w Bogu oycza Metropolity, Archiepiscopow i Episcopow i od ciebie samego. Antidotum ж. 39.

229) Protestatia стр. 22 — 25.

230) Paraenesis abo napomnienie od w Bogu Wielebnego Meletiusza Smotryskiego .. do przezacnego Bractwa Wilenskiego cerkwie s. Duchowa, a w osobie jego do wszystkiego tey strony narodu ruskiego uczynione; Anno 1628 написано, — напечатано 1629 г.

231) Таковы инструкция дворянъ Волинскихъ посламъ, на Варшавскій конвокаціонный сеймъ: постановление тѣхъ же дворянъ передъ избирательнымъ сеймомъ. Архивъ Югозап. Россіи 2-я ч. 1-го т. № XVI и XVII. Особенно замѣчательно въ этихъ инструкціяхъ то, что въ нихъ приказывается депутатамъ Волинскимъ снестись съ православными депутатами другихъ областей и дѣйствовать съ ними за одно.

232) Syronsis albo krótkie spisanie praw, przywilejow, swiebody, wolności od najjasniejszych królów polskich narodowi Ruskiemu nadanych... przeoswieconemu... korp. y W. X. L. Senatowi... tudzież jasnie oswieconym, wielmożnym, a nam wielce miłosciwym P. P. posłom z wojewodstw y Powiatow koronnych y W. X. L. na generalną konwokatią Warszawską w tym roku 1632 przybyłym y zgromadzonym.

233) Мысль эта довольно открыто высказывается въ слѣдующихъ словахъ инструкции Волинскихъ пословъ: панowie bracia naszymy, wiary y nabożeństwa greckiego starożytnego, będąc pod posłuszenstwen zwierzchnego pasterza swego, Konstantynopolskiego patriarchy, uskarżają przez czas niemały od roku tysiącznego pięćsetnego dziewię-

dziesiątego szóstego, że cierpią oppressią w prawach swych starożytnych przywilejami królów polskich y Wielkiego Xięstwa Litewskiego, także też confederatiami, pod interregnami poczynionemi, a pokój w wierze rozróżnionemi z kościołem Rzymskim utwierdzony, także «rozdawanie beneficij na Metropolią Kijowską, Władystwa i Archimandryctwa, że nie ludziom wedle praw ich y przywilegia uniey» т. е. Люблинској гражданской униі 1569 г., когда Литва окончательно присоединена къ Польшѣ), «ale extraneis y tym co już poddali się pod posłuszenstwo kościoła Rzymskiego, a nie ich własnych pasterzow pod posłuszenstwem patriarchy Konstantynopolskiego będącym», więc zatym wielkie krzywdy ludzie.... cierpią.... co szyrzey panowie posłowie naszymy z różnych skarg, które tam na convocatiey proponowane będą zrozumieją, poruczamy, aby ante omnia, o to się starali, aby uspokojeni byli gruntownie, to iest, «aby beneficia Metropolie, który iest pod posłuszenstwem patriarchy Konstantynopolskiego y Władyką (om) od niego poświęconym rozdawane byli,» y napotym tak, a nie inaczey zawsze dawano «w każdym» Wojewodstwie, «gdzie Władystwo albo Metropolia wakować będzie», ludziom godnym obywatelom tych tam wojewodstw wedle przywileju uniey (т. е. опять Люблинској гражданской) oddawano, «y to co s kluby swey wypadło z nowu wprawiono y obwarowano», aby in posterum do takiego zamieszania żadna okazija nie podawała się, ale w pokoju przy prawach swych zostawali.... Арх. Югоз. Рос. т. 1. ч. 2. стр. 188 — 189.

234) Проекту этому или пунктамъ примирения народа Русской Греческой вѣры, очень поспчастливилось въ

литературѣ; онъ напечатанъ Бантышъ-Каменскимъ на русскомъ языкѣ (стр. 95—101), въ Supplementum ad histor. Russiae monumenta на польскомъ языкѣ (№ 67) и наконецъ недавно на томъ же польскомъ языкѣ во 2-й ч. 1-го тома Архива Югозапад. Россіи № XVIII. Извлеченіе изъ нихъ сдѣлано еще митрополитомъ Евгеніемъ въ его описаніи Кіевской іерархіи и Собора стр. 167-168.

235) Епископство Луцкое должно было быть возвращено православнымъ немедленно, Епископія Перемышльская по смерти тогдашняго Епископа уніятскаго Крупецкаго; учреждена православная Епископія Могилевская въ части Архіепископіи Полоцкой; возвращены: пустыня подъ Гроднею для пребыванія православнаго Митрополита или его коадьютора въ Литвѣ; назначены православными Церкви: въ Мстиславѣ Троицкая и Опасская, въ Могилевѣ Спасскій Монастырь; Церкви Успенская, Троицкая, Воскресенская, Вознесенская; въ Оршѣ Ильинская и Вознесенская, возвращены имѣнія Кіево-Софійскаго Собора и Кіевонечерскаго Монастыря (Тамъ же).

236) Опис. Кіев. Іерар. стр. 168. Dzieje Kości Polsk. Ostrowskiego т. 3, стр. 223—230.

237) Ostrowski. Тамъ же.

Supplement. ad historica Russiae monum. № LXVIII.

238) Бант. Кам. стр. 102 — 104. Арх. Югоз. Рос. ч. т. 1. стр. 233 — 238.

239) Тамъ же. Слич. слѣдующее примѣч.

240) Собраніе Граматъ Вильна, ч. 2 №№ 93 и 94. Особенно сильныя смуты по этому случаю были въ Минскѣ. Собр. Мин. Граматъ №№ 95, 99, 100, 101. Былъ даже такой случай (въ Вильскѣ), что у православныхъ

отняли двѣ церкви для уніатовъ числомъ не болѣе 15.
Supplem. ad hist. Russ. monument. № 70—71.

241) Собраніе грамотъ Минск. № 93. Мы имѣемъ одинъ рукописный документъ — *Informatia strogu punktow na Elekții otrzymanych*, въ которомъ изложено очень любопытный взглядъ уніатовъ на права, представленныя православнымъ. Punkt piąty: To z' ostatnią uniy S. w Litwie zgubą być by musiało, gdzie z Łaski Najwyższego «milionem» niemal unitów liczymy. Za czym choć by po jednej Cerkwi w każdym miescie Kr. J. M-ci dla nie unitów, gdzie ich nie masz (!), naznaczono, danoby taką okazyą do schizmy, jako i złodziejowi, ktorego takim okazyą pospolicie czyni. Rzućmy okiem po wszystkiej Rzeszy Niemieckiej, gdzie tak potężnie wiara katolicka pluży, gdyby w tych miastach, gdzie teraz nie ma herezyi, po jednym kościele heretyków ustąpiono y liberum exercytium Pseudolatriæ dozwolono, w jednym roku milionem pewnieby Apostatas zliczono. Czemu (?) bo zepsowana natura semper in deterius fuit, jako u Philozophów conclusium sequitur debiliorem partem. A to ząd-pochodzi, że według Arystotelesia omnis peccans est ignorans, a za tym się tylko udaje, co sensus jego zepsowane onemu podają, uprzedzając omnem intellectum. Słyszą, młodzi od starszych, pospółstwo od rady, Świeccy od duchownych, że unia—«ladaszto, my prawosławni, my chrześcianie, jak y Rzymianie, a unitami orthodoxi niebyli». Tak xięgi swe drukują... pospółstwo głupie to słysząc, a nic nie rozumiejąc, a brzydząc się nieprawosławiem, niechrześciantwem, od unitów ubogich tak biega, jako i od łacianników. Puszczamy tu mimo, że ta commissia (назначенная для распредѣленія церквей между право-

славными и униятами) у Appellacyi do Kr. Jeg. M-ci у Rzecz-pospolitey senatu nie dopuszcza. A gdzie podczas przystąpi *privatum commodum juvenile consilium mutuuum odium*, což to ubogi wskura unit? Иажеженныя нами событія однако показываютъ, что униаты очень много wskurali и имѣли къ тому много средствъ.

242) Вотъ письмо Папы къ Рутскому. Urbanus Papa 8. Wielebny Bracie zdrowia у Apostolskiego błogosławienstwa. Słyszeliśmy, o co schismatycy przeciwko wam na blisko przeszłym seymie starali się у nie bez wielkiego żalu poznaliśmy, że się to jawnie na waszey unij zgubę у zniszczenie zanosіło. Która to unia jak na Brzeskim soborze za Klemensa 8. papieża od przodka Twego świętobliwie stanęła; tak przez nas у przez ciebie, którzyśmy po nich nastąpili wszelaką pracą у pilnością ma być zachowana у warowana. My żebyśmy się popospolityм оцем być pokazali Arcybiskupowi Larissenskiemu legatowi naszemu zleciliśmy, aby żadnego sposobu nieopuscił, przez który by króla mógł powabić, aby tak niesłuszney proźby «Punkta» constytucij seymowych «wygładził. albo też do skutku ich nie przywoził, nie bez nadzieje, że to od wielkiej jego pobożności у przeciwko wierze Katolickiej życzliwosci otrzyma. Miło nam będzie, jeśli z legatem naszym we wszystkim się zniesiesz co kolwiek potrzebego być będziesz rozumiał. Tak bowiem będzie, że on ciebie, у ty wzajem onego w tych rzeczach które do sprawy do tey należą mieć będziesz pomocnika. Wielebnosci Twey Apostolskie Błogosławienstwo mile dajemy. Data w Rzymie u s. Piotra pod pieczęcią Rybiową 1 Januaryj A-o 1633. Papieżstwa naszego dziesiątego. Рукопись.

243) Dz. Kośc. Polsk. Ostrow. т. 3, стр. 230—237.

Volumina legum изд. 1860 на польскомъ языкѣ, т. 3 стр. 407.

244) Вотъ универсалъ короля по этому случаю: Władysław IV z Bożej łaski król polski, Wielki Xiążę Litewski... Urodzeni, szlachetni, sławni, wiernie nam mili! Uspokoiwszy za łaską Bożą od postronnych nieprzyjaciół państwo nasze szczęśliwie, życzylibyśmy na przyszłym walnym szescioniedzielnym seymie to wszystko, cokolwiek vel ipsa temporum iniquitate exorbitaret i konsultacye in futurum trudnić miało seymowe tempestive poleczyć i do swoiey wprawić kluby. A że różnica między Rusią, zuniowaną i dyzuniowaną, nie małe na Rzeczpospolitą zaciągając inconvenientią, siła na seymach czasu brać zwykła, lubo to już i media uspokojenia na szczęśliwoy elekcyi naszej mianowane były: doznaliśmy jednak na przeszłym seymie, jako exekucya ich trudniła, a snąc i daley Rzeczpospolitą trudnić nie przestanie. Zaczem w tey materyi rozsyłając listy nasze do starszenstwa duchownego i niektórych świeckiego stanu obydwóch stron, ponieważ i na Bractwach Wierności waszych nie mała część religij waszey zawisła, życzymy, aby wierność wasza, przed terminem seymu tego ze wszystkiemi temi współ znieść się i sposobow cheicli poszukać takowych, przez któreby jedność i stateczna zgoda między wiernościami waszemi obydwóch stron dążyć szczęśliwie mogła: gdyż dopoki wierności wasze przez pewne media w swoich się nie złączycie dismembracyach, poty strona stroną gabać, prawem uciążać i różnie impeditować będzie. Wiemy, iż naygłówniejsza kwestya między wiernościami waszemi i onymy będzie o posłuszeństwo, które oddawacie patryarsze Konstantynopolskiemu: ale gdy wierności

wasze uważają, co się z tamtą stolicą działo i teraz szczie, snadnie w to potrafią, że *salvis juribus patriarchalibus*, mogą to wiernosci wasze, przykładem Moskwy i i innych państw mieć doma, czego zkad inąd zaciągacie. Uczynią wiernosci wasze rzecz Bogu miłą, Rzeczypospolitey pożyteczną, narodowi Ruskiemu zwłaszcza w unii będącemu potrzebną, a nam w podających się okazjach pamiętą. Dan w Wilnie dnia 5 Wrzesnia roku Pańskiego 1636... Supplin. ad histor. Russ. monument. № 72.

245) Мнѣніе наше о такомъ направленіи указанныхъ лицъ мы основываемъ главнымъ образомъ на ихъ сочиненіяхъ — Полиподіи Захаріи Копыстенскаго и Антидотъ Мужиловскаго.

246) Свѣденія о передвиженіяхъ Исаіи можно читать въ Словарѣ митрополита Евгенія и въ его Описан. Кіев. Собора стр. 165-166.

247) Это фактъ, до сихъ поръ неизвѣстный въ нашей литературѣ. Мы нашли его въ сочиненіи Суши Saulus et Paulus стр. 94-95, гдѣ говорится, что Исаія своими посланіями волновалъ противъ Мелетія всѣхъ православныхъ, и тѣмъ болѣе признали его вѣрнымъ, что тоже самое извѣстіе нашли и въ письмѣ Рутскаго къ папѣ 1627 года. Рукопись приведенная нами въ свое время.

248) О томъ, что Исаія съ согласія короля занялъ митрополичью кафедру говорить, впрочемъ не прямо, Іерличъ. Вотъ его слова (Могила...) *uczyniwszy podstęp pod drugim Metropolitą, pierwszym który mieszkał w Monasterze Michała świętego Zolotowerchim Kijowskim, J. M-ó Oyciec Isajia Kopenski za konsensem J. K. M-ci Zygmonta III т. 1, стр. 56.*

249) Памятн. Кіевск. Комм. т. 2, №№ VIII, IX и X.

250) Po śmierci którego (Сигизмунда III) gdy następował Władysław przy koronacyi na seymie pierwszego seymu królewskiego, a mając Mohila w powierzeniu od całego duchowienstwa plenipotencję i od oycy Metropolitę Kopinskiego, który dla choroby i niesposobnego zdrowia nie iechał na koronacyę, ale jemu wszystkie sprawy powierzając wyprawiał... Jerlicz t. 1, str. 56.

151) Архивъ Югозападн. Рос. ч. 2. т. 1. №№ XVI и XVII.

152. Въ 1633 году на коронаціонномъ сеймѣ православные и уніаты спорили жестоко, было ли внесено въ рачта conventa, на которыхъ вѣдлся король, въ статью о греческой вѣрѣ: *salvis juribus Romanæ Ecclesiae*, или нѣтъ. Православные и между ними, вѣроятно особенно рѣзко посолъ Крапивницкій, закричали: *nie było tey mentem Jego królewskiej Mości, ani panow arbitrow* (т. е. членовъ Комисіи). Уніаты стали также съ крикомъ отвергать это. Ту jegomość pan Kropiwnicki podsędek Braclawski ledwie nie *cum lacrimis* exaggerował się, iż on w tych słowach: «nie było tego» nie zadawa, ani (uchoway Boże) Jego Królewskiej M-ci panu swemu miłosciwemu, ani jego M-ci panu podskarbiemu (Осолинскому) *dobrodziejowi swemu wielce miłosciwemu*, jaką niewiarę, ale to rzekł i mówi, iż nie słyzał tego od Jego Kr. M-ci i od panow arbitrow aby tę transakcją miano *cautellis de juribus Ecclesiae Romanae* obkładać... Затѣмъ послѣ другихъ споровъ: *Zu zaś pan podsędek Braclawski deprecatur culpam et petit veniam*, aby jego mość pan podskarbi o to słowo «nie było tego» nie przywiódł onego o nie łaskę Jego Kr. M-ci jako i o niechęć swoją, ale raczej zjednał miłosciwą Jego Kr.

M-ci onemu łaskę i sam był miłościwym panem. Nie odpowiedziano mu na to. Sypplem. ad histor. Russ. monumen. № LXVIII str. 160.

253) Dz. Kosc. Polsk. Ostrowski t. 3. str. 223.

254) Опис. Кіевософ. Собор. стр. 170. Іерличъ т. 1, стр. 56.

255) Тамъ же. Опис. Кіев. Соф. Соб.

256) Іерличъ, писатель православный и неотвергавший, какъ сейчасъ увидимъ, дѣйствительныхъ заслугъ Петра Могилы, описываетъ вступленіе его на митрополичью кафедру слѣдующими красками.... który (Могила) żyjąc na tym swiecie i urzędzie (митрополичьемъ) sprawował się pobożnie, dobrze, trzeźwō, w pracach nabożnych, zawsze dbając około całości Cerkwi Bożej, przestrzegając trzody swej: który też nie bez tego, aby i sławy tego swiata nie był chciwy... Ogłosiwszy się (Митрополитомъ) odbiera dobro, majątnosci należące do Metropolij Sofizkiej i onego (Копинскаго) degradowe z urzędu Metropolitanskiego, anie tylko jego, ale i jego poświęconych popow; który nie kontentując się i tym i samego Metropolitę Kijowskiego z Monasterya ruguje, wszystko mu od mała do wieliu, nasławszy na ubezpieczonego sług i Wołoszy, zabrał i w niwecz go obrócił i samego będącego w leciech podeszłego starca, schorzałego od Kijowa w jedney włosiennicy, przeżuciwszy przez konia, jak wor jaki, prowadził ku Monasteryzowi Pieczarskiemu, mało nie pół mili, a to dla tego, aby go nie turbował prawem duchownem i swieckiem i aby nie miał za czem dochodzić. Który potem od wielkiego ubóstwa i zniszczenia misernie żywot swój prowadzić musiał w niedostatkach wielkich... т 1. стр. 56—57.

257) Niektórych też czernców Monastera Pieczarskiego... okowawszy w kajdany odsyłał do kozaków, «Udając za uniatą» (y)... Jerlicz т. 1, стр. 58.

258) Тамъ же стр. 56 слѣд. опис. Кіев. Собора стр. 170.

259) Вотъ, мысли самаго Петра Могилы высказанныя имъ въ началѣ и въ концѣ его общественнаго служенія западно-русской наукѣ.... видячи въ церкви православной для неумѣстности духовныхъ и для нещеченья молодежи великую утрату на душахъ людскихъ, за ласкою и помощію Божіею и тежъ за поводомъ власной воли моею хотячи забѣчп такъ великой утраты и хотячи отъ православія заблудшихъ позыскать, умыслилємъ фундовать школы для того, абы молодежь во обычаехъ добрыхъ и въ наукахъ вызволенныхъ цвѣчена была.... Памят. Кіевс. Ком. т. 2, стр. 93—94. Это Петръ Могила писалъ въ 1631 г.... Skoro tylko pozwolił mi Pan Bóg z łaski swej świętej y z łaski Jego Kr. M-ci pana mojego Miłosciwego być stolicy Metropoliey Kijowskiej pasterzem, a przedtem ieszcze świętej ławy Pieczarskiej Archimandritą, natychmiast widząc nie przez co inszego upadek w narodzie Ruskim świętobliwego nabożństwa, jako przez to, że żadnego cwiczenia y nauk nie mieli, to wctum moje poszłubiłem Bogu mojemu wszystkie moje i rodziców pozostałe dostatki... obracać na ufundowanie szkół w Kijowie... Завѣщаніе Петра Могилы писанное 1647 г. Тамъ же стр. 151—153.

260) У насъ чрезвычайно распространено мнѣніе о низкомъ уровнѣ просвѣщенія въ западной Россіи до времени Могилы. Мы думаемъ, что такое мнѣніе основывается на очень шаткомъ знаніи исторіи этого края. Ко-

нечно князь Острожскій и Львовское братство и Петръ Могила очень жаловались на недостатокъ просвѣщенія въ западно-русской церкви, но вѣдь и Англичане теперь жалуются на недостатокъ своего образованія. Между тѣмъ, за десять лѣтъ до того времени, какъ князь Острожскій горько оплакивалъ недостатокъ просвѣщенія у православныхъ, у него въ Острогѣ нашлись люди способные сдѣлать новый переводъ Св. Писанія на славинскій языкъ, а въ года самой жалобы у него же въ Острогѣ писались такія книги, какъ исторія флорентійскаго собора или опроверженіе книги Скарги «О единой вѣрѣ.» Жаловалось Львовское братство на тотъ же недостатокъ образованія, а между тѣмъ въ то же время въ его школахъ были люди способные на Брестскомъ Соборѣ передавать на русскій языкъ греческую рѣчь Экзарха Никифора, были люди способные написать такое сочиненіе, какъ Эктезисъ, или, тѣмъ болѣе, Перестрогу. Жаловался на то же, какъ мы сейчасъ видѣли, Петръ Могила, между тѣмъ тогда же писались такія сочиненія, какъ Поливодія, Аполлія и др. Конечно, просвѣщеніе Западной Россіи окажется очень ничтожнымъ, если судить объ немъ по названію Западно-русскихъ училищъ, по количеству изданныхъ учебниковъ и потому съ какими степенями выходили оттуда ученики, а не по литературнымъ памятникамъ и той зрѣлости и крѣпости мысли, какія открываются нѣрѣдко въ какойнибудь ничтожной юридической жалобѣ или маловажномъ письмѣ какогонибудь простаго члена братства. Важно было въ этомъ, повидимому, скудномъ образованіи то, что въ немъ была живая, личная мѣна мыслей и убѣжденій наставника съ учениками, постоянно поддерживавшая

ся самыми животрепещущими вопросами жизни. При такой обстановкѣ наставникъ и за букваремъ передавалъ больше дѣльныхъ знаній, чѣмъ въ послѣдствіи какой нибудь докторъ схоластики.

261) Въ числѣ ихъ были Сильвестръ Коссовъ, Тарасій Земка, Исаія Трофимовичъ, Софроній Початскій, Инокентій Гизель.

262) Подробности о Кіевской Академіи можно читать въ Опис. Кіев. Соф. Собора стр. 208 — 235; и въ Исторіи Кіевской Академіи Булгакова. Краткая, но очень богатая свѣжими извѣстіями статья объ этомъ есть въ вышедшемъ 2 т. Энциклопедическаго Словаря подъ Словомъ Академія, — Православныя Академіи. Кіевская Академія.

263) Объ этомъ предмете мы имѣли уже случай писать. См. Христ. Чт. Ноябрь 1859 г. статья: разборъ любопытныхъ свидѣтельствъ о непорочномъ зачатіи изданныхъ г. Гагаринымъ, вышедшей тогда же и отдѣльною брошюрою. Впрочемъ, мы должны сказать, что тамъ есть нѣкоторые приемы и взгляды не намъ принадлежащіе.

264). Exegesis to iest danie sprawy o szkołach Kijowskich... przez... Oycę Sylwestra Kossowa... 1635 г.

265) Письмо Домецкаго, указанное въ Опис. Кіев. Соб. стр 194 прим. 103 и 104.

266) Свѣденія о трудахъ кіевскихъ ученыхъ можно находить въ Опис. Кіев. Соб. и въ Словарѣ писат. духовнаго чина Митр. Евгенія и Арх. Филарета, въ Исторіи Кіевской Академіи Булгакова, въ каталогѣ Сильвестра Медвѣдева.

267) Теперь выступили на поприще видной дѣятель-

пости кромѣ Киевскаго Братства: Минское, Луцкое и Могилевское.

268) Volumina Legum т. 4, № 8. Бант.-Камен. стр. 108—109 примѣчаніе. Объ этомъ дѣлѣ Островскій замѣчаетъ: zgoła zdawało się, iż już żaden nie pozostawał szrodek do wstrzymania gorującej nie unitow przemocy, że żadney nie było dla unitow nadziei, aby przy swoich prawach utrzymać się mogli... т. 3, стр. 238.

269) Въ такомъ духѣ написаны: Записки Георгія Ко-внесскаго о Руссахъ или Роксолянахъ, Исторія Малорос-сіи Миркевича и въ особенности — Запорожская Сѣчь Скальковскаго.

270) Извѣстная Энеида Котляревскаго на Малорос-сійскомъ языкѣ.

271) Исторія Россіи т. 8 и первая глава т. X. Впро-чемъ, въ этой главѣ г. Соловьевъ нѣсколько смягчаетъ свои сужденія о казакахъ.

272) Этотъ взглядъ развитъ и уясненъ, какъ нельзя болѣе, въ новѣйшемъ сочиненіи по Исторіи Польской—*Słowo dziejow polskich* во 2 томѣ.

273) Уясненію этого взгляда больше всѣхъ содѣйство-валъ г. Костомаровъ своимъ сочиненіямъ: Богданъ Хмѣльницкій и особенно своими статьями въ журналѣ, выражающемъ это направленіе — Основѣ, папр. Двѣ русскія народности въ III книжкѣ Основы.

274) Какъ ни далекими будутъ казаться нижеслѣ-дующія наши разсужденія отъ прямаго нашего предме-та, но мы немогли ихъ оставить, потому что, по наше-му убѣжденію, нельзя понять исторіи уніи временъ ка-зацкихъ смуть безъ близкаго знакомства съ казаче-ствомъ.

175) Полное собр. лѣтоп. т. 2. стр. 184—185.

276) Извѣстно, что эти князья часто соединялись съ татарами для борьбы съ Россією.

277) Это было въ самомъ началѣ XVI столѣтія. Подробности объ этой корпораціи въ соч. Богданъ Хмѣльницкій Костомарова т. 1. стр. 4 — 5.

278) Смутное время самозванцевъ въ Россіи имѣло весьма важное значеніе въ исторіи казачества. Оно страшно развило у нихъ ремесло биться съ кѣмъ бы-то нибыло, разнуздадо ихъ совершенно. Но понятно само собою, что въ этой деморализаціи казаковъ не слѣдуетъ искать причинъ, образовавшихъ казачество, какъ это дѣлаеть г. Соловьевъ.

279) Истор. Малор. Маркевича т. 1. стр. 81—133. Богданъ Хмѣльницкій Костомарова т. 1. стр. 33—39. Истор. Россіи Соловьева т. 10 стр. 91—112.

280) *Volumina Legum* въ польскомъ переводѣ т. III. стр. 440. *Ordynacya woyska Zaporozkiego*. Истор. Малор. Маркевича т. 1. стр. 133—135.

281) Богданъ Хмѣльницкій Костомарова т. 1. стр. 42 — 86.

282) Памят. Кіев. Комм. т. 1. 3. стр. 126—130. Слич. тамъ же стр. 372—376 и 377—382.

283) Акт. Запад. Рос. т. 5. № 23.

284) Богданъ Хмѣльницкій Костомарова т. 1. стр. 206—216, 307—328.

285) *Dz. Kosc. Pols. Ostrowski* т. 3. стр. 245 Богданъ Хмѣльницкій Костомарова т. 1. стр. 299—305,

- 286) Костомаровъ тамъ же стр. 152—194.

287) Собр. Госуд. грамотъ и догов. т. 3. № 143.

Бант. Кам. 112—117 прим. Истор. Малор. Маркевича т. 1. стр. 244 — 248.

288) Богд. Хмѣльн. Костомарова т. 2. стр. 1—14; Dz. Kosc Polsk. Ostrowski т. 3. стр. 246—247.

289) Богд. Хмѣль. Кост—ва т. 2. стр. 253—258 примѣч.

290) Истор. Рос. Соловьева т. 10 стр. 92—93.

291) Тамъ же стр. 95—96.

292) Бант.-Кам. стр. 119—120. Богд. Хмѣль. Костом. т. 2. стр. 271—276.

293) О присоединеніи Малороссіи къ Россіи можно читать въ Ист. Малор. Маркевича т. 1. гл. XX. Богд. Хмѣльн. Костомарова т. 2. гл. XI. О войнѣ Россіи съ Польшею изъ-за Малороссіи въ истор. Россіи Соловьева т. 10. г. IV.

294) Памят. Киев. Комм. т. 1. 2. №№ IX, X и XI. Богд. Хмѣльн. Кост. т. 1. стр. 70—72.

295) Стебольшій (т. 2. стр. 284—285) такъ описываетъ бѣдствія уніатовъ и латинянъ отъ казаковъ: Jego (Хмѣльницкаго) nieprzyjacielskie najazdy i łupiestwo kosciołow, klasztorow, domow o raz niesłychane morderstwa nie tylko nad żywemi, ale też nad umarłemi ludzmi, a co niezbożniejsza duchownemi osobami Rzymskiej religij, z skury ich odzierając z żydami i psami na jednej szubienicy wieszając i bestyalski się nad onemi z nie ludzkim naygrawaniem pastwiąc, po wielu mieyscach czynione, którego okrucienstwa nawet i insze (Литовскіе) Bazyljanskie doznały, klasztory i osoby, jako to między innemi Żyrowiec 1655 spalone, Byteń zrabowany.... Brześć Litewski krwią niewinnego zakonnika i kapłана Symeona

Rupartowicza srodze od kozakow zabitego oblamy . . . .
opisali....

296) Богд. Хмѣльн. Костом. т. 1. г. II.

297) Вотъ, какъ увіяты жаловались на это 1648 г. Оyciec Metropolita unit wielce boleje nad owym utrapieniem, że mimo wyrazne punktow wyrażenie dobra Kijewskie onemu odjęte y on samъ już z pasteriey będąc wypędzony niema żadney recompensy z ostatnią mędzą, którą i teraz cierpi, że zgoła żebrząc musi się gwarować jako nayubożey może z posmiewiskiem nieprzyjaciół kościoła Bożego. A przecie panowie nieunici powiadają, że unitom idzie o wioski, choć wszystkie wioski od unitow pobrali. Nieunit Metropolita trzyma dobra Metropolice Kijowskie starowieczne Archimandryctwo pieczarskie, Michała Złotowieszchiego, Nikoły Pustynskiego y Diesiatynnego (?). Ktorych wszystkich beneficij intrata niemal stem tysięcy pachnie, oprócz wotum wszystkich miast koronnych y Litewskich y Mockiewskich dorocznych. Metropolita unit w Litwie zbiwszy w mozdierz, jako mówią, wszystkie oraz dochody Metropole, trzech tysięcy nie ma y mieć niemoże.... (Jnformatia między unitami y nieunitami. Рукопись). Послѣ 1648 г. разумѣется было еще хуже.

298) Dz. Kosc. Pol. Ostr. т. 3. стр. 237. Stebelski т. 2. стр. 285, 448 примѣч.

299) Богд. Хмѣльн. Костом. т. 1. стр. 156—157.

300) Митрополитъ Сильвестръ Коссовъ имѣлъ тайное свиданіе съ Киселемъ, когда тотъ отправлялся къ Хмѣльницкоту для переговоровъ въ 1648 г. (збію ратиѣтн. о dawney Polsce т. IV стр. 262. Какого рода были эти сношенія, это видно изъ донесенія тѣхъ же

польскихъ комиссаровъ, которые писали, что по ихъ просьбѣ Митрополитъ ѿдѣлѣ къ Хмѣльницкому и убождалъ его къ миру съ поляками. Памят. Кіев. Ком. т. 1. 3. стр. 261—262.

301) Бюхд. Хмѣльн. Костом. т. 2. стр. 410—411. Опис. Кіев. соб. приб. стр. 80—82.—

302) Истор. Малор. Марк. т. 2 стр. 1—32.

303) Тамъ же стр. 29—31. Вагт.-Кам. стр. 123—126, примѣч. ч.

304) Вотъ эта присяга и списокъ лицъ присягавшихъ. Na utwierdzenie kommissyj między Najiasnieyszym Janem Kazimierzem z łaski Bożey Królem Polskim, Szwedzkim, Wielkim Xiążęciem Litewskim, Ruskim, Pruskim, Mazowieckim, etc.... y Rzeczpospolitą z iedney, a Wielkim Hetmanem, y Woyskiem Zaporoskim z drugiey strony, pod Hadiaczem, w roku 1658 *Septembris* 16 etc. według Rzymskiego kalendarza, a według Ruskiego 6 die tegoż miesiąca postanowioney, a odprawioney w roku ninieyszym 1659 w dzień w Niebowstąpienia Pańskiego przez J. Kr. M6 y Jch Mciow PP. Senatorow nihey mianowanych w Izbie senatorskiey, na seymie Walnym Warszawskim, przy bytności wszystkiego Senatu y posłów ziemskich, także posłów woyska Zaporoskiego, y wielu kozaków, takim opisaniem wykonana.

Ja Jan Kazimierz z Bożey łaski, Król Polski, Wielki X: Litew. Ruskie, Pruskie, Mazowieckie, Kijowskie, Żmudzkie, Wołyńskie, Inflantskie, Smoleńskie, Czerniechowskie, a Szwedzki, Gotski, Wandalski, dziedziczny Krol. Przysięgam P. Bogu Wszochmogącemu w Troycy Świętey Jedynomu, przed tą świętą Ewangelią P. Chrystusową. Jż kommissyą, która się odprawowała, pod Ha-

diaczem, dnia szóstego *Septembra*, roku 1658 z woyakiem Zaporoskim naszym y Rzeczyposp. imieniem, we wszystkich tey kommissyi punktach, paragrafach, klauzulach przyjmuję, utwierdzam, y tey kommissyi we wszystkim dosyć czynić, y onę zachowywać, wypełnić, y przestrzegać obiecuję, nic nie umniejszać, ale owszem icy bronić będę. Którey kommissyi, y wszystkim icy punktom, a w nich prawom, prerogatiwom, wolnościom religij Greckiej W. X. Ruskiego, y wolnościom pospolitym, żadne wynalaski dowcipow ludzkich szkodzić niebędą, także ani przywileje dawne, y świeże, ani żadne statuta, konstytucye seymowe przeszłe, y przyszłe, nie mogą, ani będą mogły szkodzić, y niwczym ubliżać wiecznymi czasy, owszem Ja sam oney wniwczym nie naruszoney pod przysięgą Moją królewską, pilnie strzedz y dzierżeć obiecuję, y powinien będę, y następcy Moi królowie Polscy niwczym nienaruszenie, trzymać y przestrzegać będą wiecznymi czasy, y onę poprzysięgać, sprawiadiwość przytym obywatelom Wielkiego X. Ruskiego czynić bez żadnych odwłok, y względu na osoby, wedle praw ich, y zwyczajow będę. A iczelibym, strzeż Boże w czym tey przysięgi Moy naruszył, żadnego poddaństwa mnie narod Ruski oddawać nie będzie powinien, y owszem tym samym z posłuszeństwa y wiary królowi powinney, uwalniam, żadnego rozgrzeszenia z tey przysięgi Moy ni cd kogo nie potrzebując, ani icy przyjmując. Tak mi Panie Boże pomóż, y ta święta Ewangelia Pana Chrystasowa.

Przysięga Jmci X. Arcybiskupa Gnieźnieńskiego. Ja Wacław z Leszna, z Bożej łaski Arcybiskup Gnieźnieński, Primas Królestwa Polskiego, przysięgam P. Bogu Wszechmogącemu w Troycy s. iedynemu imieniem swym,

y wszystkiego duchowienstwa korony Polskiej. Jż kommissyi która się pod Hadziaczem dnia szostego *Septemb.* roku 1658 imieniem J. Kr. Mci, y wszystkiew Rzeczyposp. z woyskiem Zaporoskim, całym narodem W. X. Ruskiego odprawowała, we wszystkim przestrzegać będę y successorowie moi Arcy-Biskupi oney dosyć czynić będą, niezym iey nie naruszając, ani naruszać dopuszczając, tak samemu J. K. Mci, iako *sub Interregna* iakieykolwiek iurysdykeji ludziom, ani iawnemi, ani potajemnemi manifestacyami, protestacyami, exkommunikacyami, nie invalidując. Które tą przysięgą kassuję y annihiluję, żadnego rozgrzeszenia ani sam nie dam, względem naruszenia tey kommissyi nikomu, ani przyjmować ni od kogo nie będę. Tak mi Panie Boże pomóż, y ta s. Ewangelia Pana Chrystusowa.

Przysięga Jmci X. Biskupa Wileńskiego. Ja Jan Zawisza Biskup Wileński, przysięgam P. Bogu w Trojcy Świętey Jedynemu, imieniem swym, y wszystkiego duchowienstwa W. X. Lit. y Prowincyj do niego należących. Jż kommissyi która się pod Hadziaczem dnia szostego *Septemb.* roku 1658 imieniem J. K. Mci y wszystkiew Rzeczyposp. z woyskiem Zaporoskim, y całym narodem W. X. Litew. Ruskiego odprawowała, we wszystkim przestrzegać będę, y successorowie moi Biskupi, oney dosyć czynić będą, niezym iey nie naruszając, ani naruszać dopuszczając, tak samemu J. K. Mci, iako y *sub Interregno* iakieykolwiek iurysdykeji ludziom, ani iawnemi, ani potajemnemi manifestacyami, protestacyami, exkommunikacyami, nie invalidując. Które tą przysięgą kassuję y annihiluję: żadnego rozgrzeszenia ani sam nie dam, względem naruszenia tey kommissyi nikomu, ani

przyjmować ni od kogo nie będę. Tak mi Panie Boże pomóż, i ta święta Ewangelia Pana Chrystusowa.

Przysięga Jch Mciow PP. Hetmanow. My Stanisław z Potoka Patocki, Woiewoda Krakowski, Wielki Hetman. Jerzy Lubomirski, Marszałok Wielki, Hetman, Koronny. Paweł Sapieha Woiewoda Wileuski, Hetman Wielki W. X. Lit. przysięgamy Pana Bogu Wszechmogącemu w Troycy s. iedynemu. Jż kommissyi, która się pod Hadiaczem *die 6 Septemb.* roku 1658 imieniem J. Kr. Mci y wszystkiey Rzeczyposp. z woyskiem Zaporoskim y całym narodem W. X. Ruskiego odprawowała, we wszystkim przestrzegać będziemy, y oney dosyć czynić obowięzujemy się niczym icy nie naruszając, ani naruszać niedopuszczając ani radą moją, ani woyskiem. Owszem ktoby to, co tam postanowiono naruszać chiał, iako nieprzyziaciela Rzeczyposp: zność będziemy, żadnego rozgrzeszenia ni od kogo z tej przysięgi mey nie potrzebując ani przyjmując. Tak nam Panie Boże dopomóż, y ta święta Ewangelia P. Chrystusowa.

Przysięga Jch Mciow PP. Poczętarzow. My Nikołąy Prażmowski, Kanclerz Wielki, Bogusław na Lesznie Podkanclerzy Koronny Krzysztof Pac, Kanclerz Wielki. Alexander Naruszewicz, Podkanclerzy W. X. Lit. Przysięgamy P. Bogu Wszechmogącemu, w Troycy s. iedynemu iż kommissyi, która się pod Hadiaczem dnia szostego *Septemb:* roku 1658 imieniem J. K. Mci, y wszystkiey Rzeczyposp: z woyskiem Zaporoskim, y całym narodem W. X. Ruskiego odprawowała, we wszystkim przestrzegać będziemy, y oney dosyć czynić obowięzujemy się, żadnych listow, przywilejow, interdyktow, dyplomatow *quoquo nomine* tej kommissyi abo któremukulwiek icy pun-

ktowi przeciwnych, z Kancellaryi wychodzić nie pozwolimy, radzić przeciwko tej kommissyi J. K. Mci y Rzeczyposp: nie przeciwnego nie będziemy, cwszem radom przeciwnym zastawiać się powinni będziemy, żadnego rozgrzeszenia ni od kogo z tej przysięgi naszej nie potrzebując ani przyjmując. Tak nam Panie Boże pomóż, y Święta Ewangelia P. Chrystusowa.

Przysięga J. Mci. P. Marszałka Poselskiej Jzby. Ja Jan Gniński, Podkomorzy Pomorski, Marszałek Jzby Poselskiej imieniem Koła Poselskiego, y wszystkiego stanu rycerskiego, wszystkich Woiewodzw Korony Polskiej y W. X. Lit: y Prowincyj do nich należonych. Przysięgam Panu Bogu Wszchemogącemu, w Trojcy Świętej iedynemu, iż kommissyi która się pod Hadiaczem *die 6 Septemb. 1658* imieniem J. K. Mci y wszystkicy Rzeczyposp: z woyskiem Zaporoskim y całym narodem W. X. Ruskiego odprawowała, we wszystkim przestrzegać będziemy, y potomkowie nasi oney dósyc czynić będą: niwczym-iej nie-naruszając, ani naruszać dopuszczając, wiecznymi czasy żadnego rozgreszenia ni odkogo z tej przysięgi moiey nie potrzebując, ani przyjmując. Tak nam Panie Boże pomóż, y ta Święta Ewangelia Pana Chrystusowa. Ktore przysięgi, iż się tak prędko wydrukować nie mogły, one ręką naszą podpisawszy, y pieczęcią Koronną wydać roskazaliśmy. Działo się w Warszawie, *die 10 Junij 1659 roku.*

Jurament Posłów W. X. Ruskiego, y woysk Zaporoskich. Także osobliwie na to od J. Wiel. Hetmana, y wszystkiego woyska Zaporoskiego, Tymosza Nosacza Oboźnego; y po dwa Setnicy, z każdego połku przysłanych roku 1659 w dzień w Niebewstąpienia, przy bytnosci

Krola J. Mci, y wielu Jchmościow PP. Senatorow, y posłów ziemskich na seymie Walnym Warszawskim, w Jzbie Senatorskiej, na wierne y wieczne posłuszeństwo J. K. Mci y Rzeczyosp: przez osob niżej podpisanych się, takim opisaniem wykonany.

Przysięgamy P. Bogu Wszchemogącemu w Troycy Świętey iedynemu, na tey świętey Ewangelij, swoim, y Jana Wychowskiego Hetmana terażnieyszego, y po nim następujących Hetmanow Zaporoskich, także Assawułow, Sędziow, Pułkownikow, Setnikow, Atamanow terażnieyszych, y ich następcow, y wszystkiego woyska Zaporoskiego Starszych, y mnieszch imieniem na to. Jż my Nayiasnieyszemu Janowi Kazimierzowi Krolowi Polskiemu, y Szwedzkemu, Wielkiemu Xiężęciu Litewskiemu, Ruskiemu y następcom J. K. M-ci Krolom Polskim, y Wielkim Xiążętom Litewskim, Ruskiemu, y następcom J. K. Mci Krolom Polskim, y Wielkim Xiążętom Litewskim, y Ruskim y wszystkiey Rzeczyosp: Koronie, y Wielkiemu X. Litewskiemu, wiernymi y posłusznemi będziemy, y Hetman ze wszystkim woiskiem Zaporoskim od Starzych do najmnieyszych, szczerą, prawdziwą, y wieczną wiernością y posłuszeństwem będzie, y będą, wszelakich protekeyi postronnych Panow, iako osobliwie Cara J. Mci Moskiewskiego, y innych wszystkich odstępujemy y odstupują, y onych się zrzekamy, wiecznie zrzekają, ręce na J. K. M. Pana N. M. y Następcow Krolow Polskich, y Wielkich X. Litew: y wszystkę Rzeczyosp: Koronę, y Wielkie X. Lit: nigdy podnosić, z postronnymi żadnego porozumienia mieć, poselstw przyjmować, ani odprawiać, ani posyłać, bez wiadomości J. K. Mci, y Rzeczyosp: nie będziemy, y nie będą, pod czas bez Krola, rozruchow nie

czynić, ale spólnie z Rzeczposp: na Elekcyi według zwyczaju obierania Krolow Polskich, obierać na Państwo bez pozwolenia Rzeczyposp: nikogo prowadzić nie będziemy, y nie będą, nad to przeciwko wszelakim nieprzyjaciołom J. K. Mci y następcow Krolow Polskich, tudzież Koronę Polską, y Wielkiego X. Lit: y Ruskiego, ochotnie y odważnie zdrowie swoje nieść mamy, mają, będziemy, będą. Jż tę przysięgę Pułkownicy, Sędziowie, Assawułowie, Setnicy; Atamani według porządku starszeństwa swego, y wszystka czerń przed Kommissarzami wykonają, a ieslibyśmy z Hetmanem y woyskiem Zaporoskim tey przysiędze y kommissyi Hadyackiey pierwszej przeciwko uczynić mieli, okrom buntownikow, których spólnymi siłami znosić obiecujemy, tedy wzajem też prawa y wolności nam nadane wagi mieć nie będą. Tak nam Panie Boże dopomóż, y Męka Chrystusowa jako sprawiedliwie przysięgamy.

Konstanty Wyhowski, Pułkownik Turowski, Tymosz Nosacz, Oboźny woyska J. K. M. Zaporoskiego. Teodor Wyhowski. Ostań Feckowicz. Jasko Tarunczenko, Setnik Kryłowski. Michajło Burmaka, Setnik Smialeński, z pułku Czyhyryńskiego. Jędrzey Jedyniec, Assawuła. Semen Dzałaręka z pułku C(z)erkaskiego. Jędrzey Butenko, Wasko, Mitczenko, Setnicy pułku Kaniewskiego. Micleszko Tyronenko, Setnik. Jwan Połowczenko, z pułku Korszuńskiego. Stefan Sulima, Jędrzey Romanenko, Sędzia z pułku Percasławskiego. Krysko Łukaszewicz, imieniem wszystkiego towarzystwa Koszowego, iako pisarz. Jan Hrusza, pisarz generalny woyska J. K. M. Zaporoskiego. Jwan Bohatyrenko Setnik Korosteszowzki. Kalin Sokołowzki, Setnik Żytomirski. Wasili Piotrowski, Set-

nik Chodoskowski. Jerzy Nemiryecz, Podkomorzy Kijowski. Hrehory Leśnicki, Pułkownik wojska J. K. Mci Zaporoskiego, Mirhorodzkiego. Ppokop Wereszczaka, Komornik Graniczny, Czerniechowski. Somen Łabaszenko, Setnik Stawiski. Jędrzey Rudyka, Setnik Nastaski, y pułku Białocerkiewskiego. Kiryłło Andryeńko Pułkownik Koszu Zaporoskiego. Jwan Kosiński Setnik Werkijowski Jakob Hulaniccki, z pułku Niżyńskiego. Onisko Towstewicz Setnik Piaskowski. Wasil Skrybecz Setnik Lochwicki. Jwan Zarudny Asawuł, z pułku Mirhorowskiego. Maxim Bułyha, Setnik Ziatkowski. Hrehory Biłohrod, Setnik Babiński, z pułku Umańskiego. Jwan Hryciuta, Setnik Bahacki. Hrehory Zarudny Setnik Sandzarowski. Tymosz Mihodicz, Lachowicki Pisarz. Niczypor Hryhorowicz, Setnik Sedniowski, z pułku Czerniechowskiego.

- Fedor Dulski, z pułku Kalnickiego. Jwan Chelezenko, setnik Torczycki. Wolum. Leg. т. 4 стр. 305—307.

305) **Вотъ эта коммиссія:** Chcąc iako naybardziej w Panstwach naszych, zgodę y miłość «inter concives nutrire» a przywodząc do exekucyi kommissią Hadyacką nazywamy Kommissarzow w Koronie, z Senatu, Wielobnych, Wielmożnych Urodzonych X. Thomasza z Rupuniewa Uieyskiego, Kijowskiego, Czerniechowskiego, Opata Płockiego. X. Zygmunta na Czyżewie Czyżewskiego Lacedemonskiego, Suffragana y Dziekana Płockiego, Biskupow. Stanisława Kazimierza Bieniewskiego, Wołyńskiego. Jana Franciszka Lubowieckiego Chełmskiego, Kasztellanow. A z koła Poselskiego, Jana Sobieskiego Chorążego. Mikołaiia z Zurowa Daniłowicza Podstolego koronnych. Janusza Weszła Cześnika Koronnego, Remiana Jelca Chorążego. Ludwika Woroszyła Podczaszego, Kijowskich. Woyciecha Bieniew-

skiego Podczaszego Halickiego. Stanisława Rzewuskiego, Sędziego Ziemskiego Lwowskich. Adama Burkackiego Cześnika. Alexandra Wielhorskiego Podstolego Czerniechowskich. Jana Woiakowskiego Podstolego Przemyskiego. Sylwestra Cyrlenkowskiego Pisarza Ziemskiego Braclawskiego. Alexandra Piruskiego, Podstarosciego Luckiego. Thomasza Kazimirskiego. Jana Wężyka, Sieradzkiego. Woyciecha Tholibowskiego, Bobrownickiego. Macieja Mielżyńskiego, Kcyńskiego. Mikołaja z Radzanowa Zabickiego, Gzermienskiego, Starostw. Jana Duczymińskiego, Łowczego Ciechanowskiego. Władysława Mycielskiego, Miecznika Kaliskiego. Stefana Niemierczyca, Chorążego Kijowskiego... Rysińskiego. A. w. W. X. Lit: z Sonatu, Jerzego Białozora, Biskupa Smolenskigo, Ludwika Kazimierza Jewłaszewskiego, Woiewodę Brzeskiego. Księdza Alexandra Kotowicza, Kanonika Wilensk: Sekretarza nasz. A z Koła Poselskiego, Hilarego Czyża Wileńskiego. Jana Korsaka Połockiego, Podkomorzych. Mikołaja Ciechanowskiego, Starostę Mscisławskiego. Jana Kiersnowskiego, Nowogrodskiego. Jana Wołodkowicza, Mińskiego, Sędziow. Alexandra Lenkiewicza, Możyńskiego. Macieja Olszewskiego, Lidzkiego. Stanisława Zienowicza Wilkomierskiego, Podsędkow. Piotra Kosciuszkę, Pisarza Ziemskiego, Brzeskiego. Ktorzy przychilając się do tej że kommissyi, y trzymując się oncy we wszystkim «in locum cathedr: cerkiew, monasterow, dobr cerkiewnych, Koronni w Koronie, a Litewscy w W. X. Lit. porozumiawszy się z sobą o czasie, który według dyspozycyi kommissyi Hadyackiej miarkowany, y przez Nas intimowany bydz ma, zjachać mają, y dobra cerkiewne «pro jure et justitia», iako komu należą, oddawać. Ktorem to Kommissarzom

у «partibus» до тей же комиссйи належачым варujemy «securitatem», так jako Sądom Trybunalskim. Chcąc to mieć, aby «violatores securitatis iudicio» tychże Kommissarzów sążeni byli. A ktoby тей комиссйи «refractarius» był у оней «contravenire» chciał, taki iako «violator pactorum poenis legum» ma «subesse.» Wolum. Leg. т. 4., стр. 301.

306) Въ гадячскомъ договорѣ постоянно ставятся православіе и латинство какъ единственныя вѣроисповѣданія, получающія всѣ права свободнаго существованія. Съ другой стороны, унию запрещается поддерживать какимъ бы то ни было образомъ латинянамъ, а православные обязываются не допускать къ себѣ протестантовъ. Приводимъ все это постановленіе о вѣрѣ по очень вѣрному переводу Бантышъ-Каменскаго. Древняя Греческая вѣра, съ кою древній русскій народъ къ Польшѣ присоединился, да пребываетъ при своихъ преимуществахъ и свободномъ молитвъ употребленіи, куда только достигаетъ языкъ русскаго народа, во всѣхъ городахъ, мѣстечкахъ и деревняхъ какъ въ Коронѣ польской, такъ и въ Вел. Кн. Литовскомъ; также на Сеймахъ, въ войскѣ, въ Трибуналахъ нетоко въ церквахъ, но и въ публичныхъ сходахъ и процессіяхъ, въ посѣщеніи больныхъ съ Святыми дарами, въ погребеніи мертвыхъ и во всемъ да будетъ равная подобно римлянамъ свобода. — Томуужъ народу вѣры Греческой дается право свободно вновь созидать церкви и монастыри, старые же обновлять и починивать. — Касательно Церквей и монастырей, изстари для греческой вѣры построенныхъ, при оныхъ пребывать имѣють греки древніе православные; и сіи церкви публичную присягу въ

вѣрности сдѣлають своими полковниками и Старшиною войска Запоржскаго въ полгода чрезъ Коммисаровъ, къ тому съ обѣихъ сторонъ назначенныхъ. Но изъ людей той вѣры, которая противна вѣрѣ греческой православной, и которая между народомъ Римскую вѣру, и народомъ Греческую вѣру исповѣдующимъ, разгласіе умножаетъ (т. е. уніа) никто изъ духовнаго и мірскаго, Сенаторскаго и Шляхетскаго чина церквей, монастырей и усадьбы созидать, строить и умножать, какъ въ маестностяхъ духовныхъ, такъ и въ королевскихъ и въ своихъ наслѣдственныхъ собственныхъ не имѣть, и по силѣ сей комиссіи не надлежитъ ему сего чинить въ вѣчное время. Но Римской вѣры жителямъ въ воеводствахъ, Браславскомъ, Кіевскомъ и Черниговскомъ свободное оной употребленіе позволяется. Дворяне же свѣтскіе какъ природные, такъ пожалованные отъ Его Кор. Величества, въ Римской вѣрѣ обращающіеся никакой власти и права имѣть небудутъ надъ духовенствомъ бѣлымъ и монахами вѣры греческой, кромѣ настоящаго ихъ своего пастыря. А поелику общему отечеству общія надлежитъ имѣть преимущества и украшенія на обѣ стороны; того ради Митрополитъ Кіевскій, который нынѣ есть и впредь будетъ, съ четырьмя Епископами *Луцкимъ, Львовскимъ, Перемышльскимъ, Хельмскимъ* и пятымъ въ Кн. Литовскомъ, *Мстиславскимъ* по ихъ собственному порядку въ Сенатѣ засѣдать будетъ съ такимъ преимуществомъ и свободнымъ голоса употребленіемъ, каковое въ Сенатѣ имѣють всѣ духовные вѣры Римской. Однако Митрополитъ *Русской* будетъ сидѣть за Архіепископомъ Львовскимъ, а Епископы Русскіе за Епископами Римскими по ихъ уѣз-

дамъ. — Въ Киевскомъ воеводствѣ достоинства Сенаторскія раздаваемы будутъ одному только дворянству вѣры греческой, оное заслуживающему: въ воеводствахъ же Браславскомъ и Черниговскомъ, тѣже достоинства Сенаторскія попеременно будутъ раздаваемы; то есть по смерти Сенатора вѣры греческой, заступитъ оное мѣсто Сенаторъ вѣры Римской; однако во всѣхъ помянутыхъ трехъ воеводствахъ благоурожденнымъ и нарочитыя маетности имѣющимъ начальства и чины даваны быть имѣютъ, и не отнимая сей чести у настоящихъ нынѣшнихъ Архіереевъ. — А дабы любовь съ обѣихъ сторонъ распространялась, то въ городахъ коронныхъ и Великаго Княжества Литовскаго, гдѣ ни есть мѣщане вѣры греческой, оныѣ равно съ мѣщанами вѣры Римской взаимныя и такіяжъ свободы и вольности имѣть будутъ; и вѣра греческая къ полученію начальства гражданскаго препятствіемъ не будетъ. — Академію въ Киевѣ воздвигнуть позволяетъ Его Кор. Величество и чины коронныя съ такимижъ преимуществами и вольностями каковы имѣетъ Академія Краковская; съ симъ однако условіемъ, дабы въ той Академіи никакихъ иныхъ вѣръ, Аріанской, Кальвинской и Лютерской профессоровъ, учителей и студентовъ, небыло, дабы между студентами и учениками никакого не подать случая къ ссорѣ; прочія же всѣ нынѣшныя школы, которыя прежде въ Киевѣ были, въ другое мѣсто Его Кор. Величество перенести повелитъ; другую такъже Академію позволяетъ Король и чины коронныя Вел. Кн. Литовскаго построить тамъ, гдѣ ей мѣсто способное усмотрится, которая подобно Киевской будетъ имѣть права и свободы и съ таковымъ же какъ въ Киевѣ условіемъ

дабы въ оной ереси Аріанской, Кальвинской и Лютерской Профессоровъ, учителей и студентовъ небыло; и гдѣ ни воздвигнута будетъ оная Академія, тамъ уже никакія школы никогда строены небудутъ. — Гимназій училища, школы и типографіи, сколько потребно будетъ, свободно безъ всякаго труда заводить, науки преподавать, книги печатать всякія, неоскорбля однако ниже насмѣхаясь во оныхъ Королевскому Величеству, и проч. Бан.-Кам. стр. 123—126 прим. ч. Маркевичъ въ своей Исторіи Малороссіи (т. 2 стр. 29) приводитъ изъ Фроловской лѣтописи 1-й пунктъ Гадячскаго договора въ такомъ видѣ: «Уніи въ Малороссіи небывать: поляки при своей вѣрѣ, малороссіане при своей останутся»; а Стебельскій, имѣвшій подъ руками многочисленныя источники этого дѣла, излагаетъ этотъ пунктъ въ такомъ видѣ: *Unia czyli jedność ma być zniesiona, ani cierpieć «wiary inney oprócz Rzymsko-Katolickiey i ich greckiey Nieunitskiey» abo odszczepieńskiey. Chronologia... т. 2, стр. 319.* За Стебельскимъ говоритъ тоже и Островскій. *Dz. Kosc. Polsk. т. 3, стр. 254.*

307) Считаемъ не лишнимъ указать, кто главнымъ образомъ устроилъ это дѣло. Это — Станиславъ Бѣневскій каштелянъ волынской, Людвигъ Іевлашевскій каштелянъ смоленскій и особенно Георгій Немиричъ подкоморій кievскій.

308) *Steb. Chronolog. т. 2. стр. 323 прим.; Ostrowski Dz. Kosc. Polsk. т. 3. стр. 255—256.*

309) *Steb. тамъже стр. 323—324 прим.* Уніаты послали отъ себя къ папѣ съ жалобою на Гадячскій договоръ Пахомія Огилевича, совѣтника Вазиліанскаго ордена.

310) Все это дѣло происходило такимъ образомъ. Въ 1660 году поляки опять помирились съ казаками и заключили снова договоръ съ ними подъ Чудновымъ или лучше сказать подтвердили гадячскій договоръ. (Памят. Киев. Ком. т. 4. № III, IV) Сеймъ 1661 года подтвердилъ этотъ Чудновскій договоръ, но уже безъ прежней торжественности (Volum. Leg. т. 4. стр. 357—359) и, что для насъ особенно важно, далъ согласіе гнѣзненскому архіепископу внести въ государственный архивъ декларацію (тамъ же стр. 323 № 3), которая заключала въ себѣ указанное нами объясненіе правъ православныхъ (Dz. Kscf. Polsk. Ostrow. т. 3, стр. 256). Гавриилъ Коленда постарался, чтобы эта декларація подтверждена была на сеймѣ 1662 г. (Ostrg. тамъ же стр. 257; Volum. Leg. т. 4, стр. 490—7). На сеймѣ 1667 г. она снова подтверждена. Тамъ же стр. 430. 5—6. Декларация эта безъ всякаго сомнѣнія та, которую мы приводимъ ниже въ примѣч. 322.

311) Дипломъ этотъ мы приводимъ ниже въ общемъ сводѣ привилегій уніятскихъ, подтвержденныхъ Яномъ Собѣскимъ. Правда, въ этомъ дипломѣ говорится о временномъ замѣщеніи вакансій по распоряженію митрополита до окончательныхъ назначеній отъ короля. Но уніятскіе и латинскіе писатели (напр. Kulesza Wiąga prawosławna стр. 325) умалчиваютъ объ этой особенностях и не напрасно: на дѣлѣ, временное распоряженіе митрополита было окончательнымъ.

312) Чтобы видѣть всю важность этого новаго права уніи, нужно припомнить, что въ литовско-польскомъ королевствѣ избраніе и назначеніе на духовныя мѣста сильно были ограничены участіемъ общества и прави-

тельственной власти. Намъ уже извѣстно, сколько отсюда выходило зла; но неоспоримо, что эти ограниченія смѣло стѣсняли также и уніятскую церковную власть: теперь же это стѣсненіе было снято съ нея совершенно.

313) *Korona Złota nad głową...* В. М. Josefata стр. 108; *Steb.* т. 3, стр. 311—312 прим. h.

314) Дѣло это, о которомъ мы не говорили прежде, потому что во время беатификаціи Кунцевича смуты государства и расположеніе къ православнымъ короля Владислава не давали уніатамъ возможности развернуть полный эффектъ по этому случаю, происходило слѣдующимъ образомъ. По распоряженію Рутскаго отправился въ Римъ еще въ тридцатыхъ годахъ XVII столѣтія Рафанъ Корсакъ хлопотать о беатификаціи Кунцевича. Тогдашній папа Урбанъ долго несоглашался, и вотъ какимъ образомъ убѣдился въ святости Кунцевича, по расказу книги чудесъ Иосафата. Какіе-то чернокожники разсердились на папу Урбана VIII, и сдѣлавъ восковое его изображеніе, стали надъ нимъ глумиться — щелкать и колотъ. И какъ щелкнуть или кольнуть восковую статую, такъ папа Урбанъ и хватится у себя за то или другое мѣсто: въ это мгновеніе и ему больно въ той части тѣла, надъ какою глумились чернокожники въ восковомъ его изображеніи. Бѣдный Урбанъ рѣшительно изнемогъ и отчаялся въ жизни. Тогда является ему Иосафатъ Кунцевичъ и говоритъ: беатификуй (признай святымъ) меня, и будешь здоровъ. Папа поспѣшилъ покончить скорѣе дѣло (прогосес) о Кунцевичѣ, призналъ его святымъ и послалъ въ Литву объ этомъ бреве. (*korona złota...* чудо 109. Бреве мы теперь не имѣемъ подъ руками, но вотъ

опредѣленіе римской конгрегаціи для распространенія вѣры. *Decretum s. congregationis ritum in causa Beatiificationis, et canonisationis Beati Martyris Josaphat, Archiepiscopi Polocen: Ordinis, Sancti Basilii Magni.*

Commissa dudum a Sanctissimo Domino Nostro, Urbano, divina providentia Papa VIII. Sacrae Rituum Congregationi, ad instantiam serenissimorum Poloniae et Suecia Regum, Sigismundi III et Vlaslai IV. Nec non ad supplicationem Metropolitanorum, Archiepiscoporum, Episcoporum, Palatinorum, Principum ac universi Cleri, et populi Catholici Regni Poloniae Magni Ducatus Lithuaniae, ac totius Russiae, nec non venerabilis Ordini Monachorum S. Basilii Magni in causa Servi Dei Josaphati, Archiepiscopi Polocensis ejusdem Ordinis S. Basilii, pro Christi nomine, et fide Catholici, et pro sancta potissimum Unione, cum Ecclesia Romana, Vitebsci in Russia Alba, 13 Novembris 1613 a schismaticis trucidati illaq; deinde per plures annos, per eandem Sacram Congregationem, servatis servandis, discussa, et examinata; auditis de super etiam Theologis, consultoribus, et sanctae fidei Promotore. Post obtentam prius ab eodem Sanctissimo Domino Nostro, sub die 17 Januarii 1639 specialem derogationem, decreti Sanctitatis suae; de non procedendo, in causis servorum Dei, ad effectum Canonisationis Beatiificationis, aut declarationis Martyrii nisi lapsis quinquaginta annis ab obitu illorum. Et praevia sub die 2 Martii 1641 ejusdem Sanctissimi licentia, ad ulteriora in hujusmodi, causa, in congregationibus ordinariis, procedendi, referente Eminentissimo et Reverendissimo D-no Joanne Baptista, tituli Sancti Eusebii S. R. E. Presbitero Cardinali, Pamfilio nuncupato, proposita: eadem Sacra Ri-

tuam Congregatio de 2 Martii 1641 censuit constare, de validitate Processuum. Die 13 Septemb. 1642 constare de Martyrio, et causa Martirii. Dei demum 22 Novembris ejusdem anni, constare etiam de miraculis. Ideoque Sacræ Congregationi videtur, si sanctissimo Domino N. placuerit, posse dictum servum Die Josaphatum Beatorum Martyrum Cathalogo adscribi, et ad solennem ipsius Canonizationem quandocunque deveniri, interim vero, donec ad ipsam Canonizationem deveniatur, visum pariter fuit, facultatem concedi posse, ut de eodem Martire, ab omnibus Monachis Ordinis S. Basilii, ubique terrarum existentibus, nec non in omnibus Ecclesiis, Diocesis et Provinciæ Polocnsis, ac totius Metropolis Russiæ, a quibuscunque sacerdotibus, tam secularibus, quam Regularibus. Die Natalis ipsius 12 videlicet Novembris, Officium et Missa, de communi unius Martiris Pontificis, recitari respectui, ac celebrari valeat, juxta Rubricas Breviarii, et Missalis Romani, nec non Graeci, seu Rutheni, ab Apostolica Sede approbati. Quam Sacræ Congregationis sententiam Sanctissimus Dominus N. per me Secretarium ad se relatam præsentem ibidem Sanctæ Fidei Promotore, die 14 Decembr. 1642, laudavit et approbavit et Breve de super in forma expediri mandavit. Colloq. Lub. стр. 52—53.

315) Stebel. т. 2, стр. 312. Kor. złota... чудо 108. Cursus vitæ et certamen Martirii... т. 100.

316) Stebel. т. 2, стр. 289—291.

317) Korona złota... чудеса 111—116.

318) Zbiór pamiętnikow o dawney Polsce т. 5, стр. 86—110.

319) Volum. Leg. т. 4, стр. 484.

320) Stebel. т. 2, стр. 358—363 текстъ и примѣча-

ніе. Привилегія уніатамъ Михаила приводится нами ниже.

321) Прекрасная характеристика Собѣскаго сдѣлана Короновичемъ въ его — *Słowie dziejow polskich* т. 3, стр. 285—290, — Обширнѣе — все царствованіе Собѣскаго стр. 167—296; также — Шайнохе — *Opowiadanie o Królu Janie III, opowiadanie I.* стр. 99—164.

322) Приводимъ одинъ изъ этихъ дипломовъ на польскомъ языкѣ. *Joannes III. Dei Gratia Rex Poloniae....* Oznajmujemy, tym listem naszym, komu to wiedzieć należy. Wdzięczni będąc łaski Bożey, z którego wolej, y cudowney dispositocy na tronie Korony Polskiej wolnemi głosami obudwa wolnych narodow posadzeni jesteśmy, do tego nasze Studia, y conatus applicujemy, jakoby majestat jego S. y rządow nam powierzonych, Boskie swoje miał ukontentowanie, y wszystkie prawa, przywileje, y wolności *in suo robore, cujuscunque status et conditionis* ludziom Panstw naszych, *in Pactis Conventis* zachowane zostawały, *et iuramento nostro* to utwierdzono było, Wielbnego w Bogu Xdza Cypryana Żochowskiego, Kijowskiego, Halickiego, y wszystkiey Rusi, metropolity, w iedności S. z kościołom Rzymskim zostającego, przy instanciey PP. Rad, y urzędnikow naszych dwornych *benigne annuendo votis, et desideriiis justis*, Naiasniejszego S. p. K. J. M. Michała antecessora naszego *Confirmatiam Immunitatum et Jurium* duchowienstwa Religiey, Greckiey, w Unij S. będących, ręką podpisaną, z przycisnieniem mniejszych, Koronney, y W. X. Lit. pieczęci, w Dacie, w Krakowie na Seymie Coronatjalnym, Antecessora Naszego, dnia XX Mca Oktobra Roku MDCLXIX, całą, nienaruszoną, y żadney suspiciey w sobie nie mającą,

zmocnili, stwierdzili, corroborowali, którą słowo w słowo, wpisać roskazalismy, *et talis tenor sequitur* oney.

Michał, z Bożej łaski, Król Polski. Oznajmujemy tym listem Maszym, komu o tym wiedzieć należy. Jż lubośmy przy szczęśliwey inauguraciy naszej; wszystkie prava, privilegia, in suo esse, każdego stanu conditiei, ludziom Panstw naszych poddannym, in Pactis Conventis zachować przyobiecali, y przysięgą naszą to utwierdzili, iednak, iż *specialia* nas, Wielebnego w Bogu Xdza Gabryela Kolendy, Metropoty Kijowskiego Halickiego, y wszystkiey Rusi, w iedności S. z Kosciółem Rzymskim zostającego, przy instanciy PP. Rad naszych, y urzędników Dwornych, zaszła proźba, abyśmy onemu, y wszystkiey pomienioney Religiy Greckiej, Dwa Przywileje: — (ieden) Confirmatią *Immunitatum et Jurium* Duchowieństwa Religiy Graeckiej, w Jedności S. z Kosciółem Rzymskim, będący, drugi — Administracie dobr Cerkiewnych w Unij będących, Naiasnieyszego Jana Kazimierza Krola J. M. Polskiego y Wiel. X. Lit: antecessora naszego ręką podpisane, z przycisnieniem mnieyszych koronnych, y W. X. Lit: Pieczęci, w dacie iedney, w Warszawie, dnia XXIX Miesiąca Augusta Roku P. MDCLXVIII całe, nienaruszone y żadnego podeyrzenia w sobie nie mające stwierdzili, zmocnili, y approbowali; doczegośmy chętnie się skłonili, słowe do słowa wpisać do Confirmathey naszej roskazali, co wpisując, tak się w sobie ma. W Jmie Panskie Am. Na wieczną rzeczy pamiątkę. My Jan Kazimierz, z Bożej łaski Krol Polski W. X. Lit... Oznajmujemy tym listem, przywilejem wszem wobec, y każdemu zosobna, komu to wiedzić będzie należało, teraznieyszym, y w potomne wieki następującym ludziom. Przekładane były

przed nami przez PP. rady y urzędniki Dworne, na ten czas przy boku naszym będące, imieniem przewielebnego w Bogu oycy X. Gabryela Kołedy, wszystkiey Rusi Metropolitoy, w Jedności s. z Kościołem Rzymskim ostającego, różne privilegia, od s. pam. Najasn. antecessorow Kr. Jch Mśców, Przewielebnym OO. Metropolitom, Archiepiscopom, Wielebnym Episcopom, Wielebnym Archimandrytom, y wszystkim Cerkwiom *Ritus Graeci Uniti* nadane: przywilej od Najasn. Kr. J. M. Alexandra, pod datą w Wilnie roku 1499 mśca Marca 20 dnia, w którym, Przewielebnym, Metropolitom, Archiepiscopom, Wielebnym Episcopom, y Archimandrytom administrationem, jurisdictionem nad mieszczany w zamkach, miastach y miasteczkach, na placach Cerkiewnych mieszkającymi zleca *cum ea conditione*, żeby prawu magdeburskiemu nie podlegali, ale do sądow Duchownych należeli. Przytym dispositią collacyi cerkwi wszystkich podług dawnych zwyczajow, niekomu inszemu, tylko Przewielebnemu w Bogu X. Jozefhowi Episcopowi Smolenskiemu, Kijowskiemu, y wszystkiey Rusi Metropolicie, y po nim następującym successorom daje. Co wszystko potym Najasn. Krol. Jmśc Zygmnt I. w Brzesciu na seymie walnym Koronnym, pod datą roku od stworzenia Swiata, siedmtysięcznego dziewiętnastego, mśca Julij, 2 dnia, osobiwym swoim przywilejem confirmować raczył, a ponim obadwa ich przywileje, Najasn. Krol J. M. Stephan pod datą na seymie walnym w Warszawie, — także in Senatu frequenti, roku tysięcznego, pięćsetnego, osmdziesiątego, piątego, msca Februarij 25 dnia, stwierdził. A co większa, y Najasn. K. J. M. Zygmunt III, Pan, ociec nasz, reasslumując wyżej mianowane priwilegia, od Najasn. ieyszych antecessorow

swoich, tak Wielkich Xiążąt Lit: iako y Krolow Polskih *ante, et post unionem* duchowienstwu Religiey Graeckiey nadane, osobliwym przywilejem swoim confirmować raczył, pod datą w Warszawie, roku 1606 msca February, 22 dnia. Między inszemi przywilejami *in magno numero* będącymi, praesentowane nam były różne *rescripta* Najasnieyszych Antecessorow Naszych iako to Zygmunta I. Zygmunta Augusta y Zygmunta III. Pana oycy naszego Królów Polskich, także Gasztolda Woiewody na tenczas Wilenskiego, y Kanclerza W. X. Lit: różnemi czasy do Mieszczan Wilenskich, y Nowogrodzkich wydane, ażeby w sądy y rządy duchowne nad poddanemi po miastach, y zamkach Metropolitom, Archiepiscopom, Episcopom, y Archimandrytom należące, nie wtrącali się: *specialeter* przekładana przed nami była confirmatia Najasn. Króla Jmsci Zygmunta III Pana oycy naszego wszystkich przywilejow y listow *antedecenter* wydanych, pod datą w Warszawie, roku 1617 miesiąca Februarij, 27 dnia, z strony mieszczan Wilenskich, na gruntach cerkiewnych mieszkających którzy powinni byli mieć dependentią od sądow Metropolitanskich, a nie od urzędu tegoż mieyskiego Wilenskiego. A nad to, gdy Jedność s. przeszłego wieku z Kosciołem Rzymskim Przewieleb: niegdy w Bogu X. Michał Rahoza Metropolita na on czas Kijowski przyjmował, przywilej od pomienionego Najasn: Zygmunta III Pana oycy naszego, pod datą w Krakowie Roku 1595, miesiąca Julij 30 dnia, na wolności duchowienstwu, y przełożonym Unitom, ktorych aequiparuje z stanami duchownemi Rzymckiego Nabożeństwa był nadany. Tenza znowu Najasn: krol Jmsc Zygmunt III *circa immunitates* duchowienstwo Graeckie w Uniey s. będące, podług przywilejow Najasn:

antecessorow swoich, osobliwym przywilejem swoim pod datą w Warszawie dnia V miesiąca Septembra roku 1621 wydanym zachowuje. Y supplikowano nam przez PP. Rady y urzędniki nasze, przy boku naszym na ten czas będące, imieniem tegoż wzwysz mianowanego, Przewielebnego w Bodu X. Gabryela Kolendy, wszystkiew Rusi Metropolity, abyśmy te wszystkie przywileje y rescripta wyżey specificowane, przez które od Najasn: praedecessorow naszych, *Ecclesiae Ritus Graeci Uniti immunitates et libertates* świętobliwie są nadane, stwierdzili umocnili, y powagą naszą approbowali. My tedy do pomienoney supliki, jako słuszney chętnie y łaskawie się skłoniwszy, niemnicy też usilując, aby się Jedność s. krzewiła, y w niey chwala Boża, co raz większe, a większe pomnożenie brała, te wszystkie wyżey mianowane przywileje, y rescripta, od wzwysz mianowanych antecessorow naszych krolów Polskich, Cerkwiom in Unione będącym, pro tempore nadane, stwierdzić y umocnić umyliliśmy. Jakoż powagą naszą, przez to Diploma nasze stwierdzamy, umaniamy, approbujemy, y ratificujemy, y przy swobodach, wolnościach, praerogatiwach, władzach, jurisdycjach, y obrzędach Cerkiewnych, ante, et post unionem, duchowienstwu Religiew Gracckiew Unitom służących, Przewielebn. Metropolitę teraznieyszego, y na potym będących, cale y nienaruszenie zostawujemy, y zachowujemy. Warując to naszym, y Najasn: następcow naszych imieniem, żeby w niczym, niodkogo *immunitatibus, libertatibus, praerogativisque Ecclesiasticis ritus Graeci Uniti, derogatum* niebyło, y w naymnieyszey rzeczy disminutia się nie działa, ktorey *in casu contraventionis, huic diplomati nostro*, Przewiel: w Bogu X. Gabryel Kolenda, wszystkiew Rusi Me-

tropolita, y ponim następujący Successorowie dochodzić, prawnie będą powinni. Naco dla lepszey wiary y pewności to Diploma confirmationis, ręką naszą podpisałismy, y pieczęć W. X. L. przycisnąć roskazalismy. Dan w Warszawie, na Seymie walnym dnia 29 mśca Augusta roku P. MDCLVIII. Panowania Krolewstw naszych Polskiego XX a Szwedzkiego XXI Roku. Przy obecności Naywielebniejszego, Wielbnych, Jaśnie Wielmożnych, Wielmożnych, y Urodzonych p.p. (далѣ имена подписавшихся чиновъ) Cypryana Żochowskiego z B. S. Th. D. Auditora Metropolitanskiego *cujus cura et sollicitudine, hoc Diploma procuratum*, y innych wielu szlachty, obywatelów Koronnych y W. X. Lit. na niniejszy Seym walny Koronny w Warszawie zgromadzonych. Jan Kazimierz Krol. Drugi przywiley-Administratia, — po tytule Kr. Imści: Oznajmujemy tym listem naszym, komu o tym wiedzieć należy, teraz y na potomne czasy będącym ludziom, iż przełożono nam iest przez PP. Rad, y urzędników naszych dwornych, przy boku naszym na ten czas będących, imieniem duchowienstwa *in genere* wszystkiego *ritus Graeci*, w Uniej S. będącego, Reguły Bazylego S. Jż po zesciu Archiepiskopow, Episkopow, y Archimandrytow wszelkie ich dobra wacujące, od różnych tak dysunitow, iako też y ludzi świeckich *per violentias indebite occupantur*, przez co Uniey S. a pogotowiu chwale Bożey nie małe umniejszenie dzieje się. Takowym tedy *inconvenientijs* wczesnie zabiegając, a oraz życząc, aby chwała Boża nie ustawała y owszem coraz pomnożenie brała, teraznieyszemu Przewieleb. w Bogu Xdzu Gabrielowi Kolendzie wczystkiej Rusi Metropolitacie, y ponim następującym Metropolitom, Uniom, podług praw y dawnych zwyczajow, ieszsze za ży-

antecessorow swoich, osobliwym przywilejem swoim pod datą w Warszawie dnia V miesiąca Septembra roku 1621 wydanym zachowuje. Y supplikowano nam przez PP. Rady y urzędniki nasze, przy boku naszym na ten czas będące, imieniem tegoż wzwysz mianowanego, Przewielebnego w Bodu X. Gabryela Kolendy, wszystkiej Rusi Metropolity, abyśmy te wszystkie przywileje y rescripta wyżej specificowane, przez które od Najasn: praedecessorow naszych, Ecclesiae Ritus Graeci Uniti immunitates et libertates swiętobliwie są nadane, stwierdzili umocnili, y powagą naszą approbowali. My tedy do pomienoney supliki, jako słuszney chętnie y łaskawie się skłoniwszy, niemnicy też usiluiąc, aby się Jedność s. krzewiła, y w niej chwała Boża, co raz większe, a większe pomnożenie brała, te wszystkie wyżej mianowane przywileje, y rescripta, od wzwysz mianowanych antecessorow naszych krolów Polskich, Cerkwiom in Unione będącym, pro tempore nadane, stwierdzić y umocnić umyliliśmy. Jakoż powagą naszą, przez to Diploma nasze stwierdzamy, umieniamy, approbujemy, y ratificujemy, y przy swobodach, wolnościach, praerogatiwach, władzach, jurisdicyach, y obrzędach Cerkiewnych, ante, et post unionem, duchowienstwu Religiey Graeckiey Unitom służących, Przewielebn. Metropolitę terazniejszego, y na potym będących, cale y nienaruszenie zostawujemy, y zachowujemy. Warując to naszym, y Najasn: następcow naszych imieniem, żeby w niczym, niodkogo *immunitatibus, libertatibus, praerogativisque Ecclesiasticis ritus Graeci Uniti, derogatum* niebyło, y w naymniejszey rzeczy disminutia się nie działała, ktorey *in casu contraventionis, huic diplomati nostro*, Przewiel: w Bogu X. Gabryel Kolenda, wszystkiej Rusi Me-

tropolita, y ponim następujący Successorowie dochodzić, prawnie będą powinni. Naco dla lepszey wiary y pewności to Diploma confirmationis, ręką naszą podpisałismy, y pieczęć W. X. L. przycisnąć roskazalismy. Dan w Warszawie, na Seymie walnym dnia 29 mśca Augusta roku P. MDCLVIII. Panowania Krolewstw naszych Polskiego XX a Szwedzkiego XXI Roku. Przy obecności Naywielebniejszego, Wielbnych, Jaśnie Wielmożnych, Wielmożnych, y Urodzonych p.p. (далѣ имена подписавшихся чиновъ) Cypryana Żochowskiego z B. S. Th. D. Auditora Metropolitanskiego *cujus cura et sollicitudine, hoc Diploma procuratum*, y innych wielu szlachty, obywatelów Koronnych y W. X. Lit. na niniejszy Seym walny Koronny w Warszawie zgromadzonych. Jan Kazimierz Krol. Drugi przywiley-Administratia, — po tytule Kr. Imści: Oznajmujemy tym listem naszym, komu o tym wiedzieć należy, teraz y na potomne czasy będącym ludziom, iż przełożono nam iest przez PP. Rad, y urzędników naszych dwornych, przy boku naszym na ten czas będących, imieniem duchowienstwa *in genere* wszystkiego *ritus Graeci*, w Uniej S. będącego, Reguły Bazylego S. Jż po zesciu Archiepiskopow, Episkopow, y Archimandrytow wszelkie ich dobra wacujące, od różnych tak dysunitow, iako też y ludzi świeckich *per violentias indebite occupantur*, przez co Uniej S. a pogotowiu chwale Bożey nie małe umniejszenie dzieje się. Takowym tedy *inconvenientijs* wczesnie zabiegając, a oraz życząc, aby chwała Boża nie ustawała y owszem coraz pomnożenie brała, terazniejszemu Przewieleb. w Bogu Xdzu Gabrielowi Kolendzie wczystkiej Rusi Metropocie, y ponim następującym Metropolitom, Uniom, podług praw y dawnych zwyczajow, ieszsze za ży-

wota Jozepha Welamina Metropol: Kijowskiego obserwowanych, moc zupełną dajemy, y de facto pozwolamy w panstwach naszych Korony Polskiej, y W. X. L. *vacantia beneficia* Cerkiewne Religiey Graeckiey administrować, y onemi władać, poty, aż do nas, abo *successorow* naszych inclusive na vacującą godność mianowany y od Metropolity *consecrowany* będzie. Co naszym, y Najasn: *successorow* naszych imieniem warując, daliśmy ten *tist* nasz, do którego dla większey wiary, pieczęć W. X. L. przycisnąć roskzaliśmy. Dan w Warszawie, dnia 19 miesiąca Augusta Roku Panskiego MDCLXVIII, panowania Krolestw naszych, Polskiego, y Szwedzkiego XXI Roku. Jan Kazimierz Krol. My tedy Krol do proźby Wieleb. Xdza Metropolity Kijowskiego, Halickiego y wszystkiey Rusi, łaskawie się skłoniwszy, wyżey specificowane przywileja *confirmatiewy Immunitatum et Jurium* duchowienstwa Religiey Graeckiey, w iednosci S. z Kosciółem Rzymskim będącey, y administratią dobr Cerkewnych w niey będących, we wszystkich punctach, *clausulach*, *paragraphach*, y *conditiach*, *inquantum juris est, usura ejus habetur*, approbujemy, *zmacniamy* y *confirmujemy* tym listem naszym, chcąc mieć, aby na wieczne czasy, przy zupełney mocy trwały. Na co dla lepszey wiary, ręką się naszą podpisawszy, pieczęci, Koronną, y W. X. L. przycisnąć roskzaliśmy. Dan w Krakowie, na Seymie szczęśliwey Coronatiewy naszej, dnia 19 m-śca Octobra Roku Panskiego MDCLXIX, panowania naszego Polskiego 1 Roku. Michał Rex. My tedy Krol, do proźby pomienionego Wielebn. Xdza Cypryana Żochowskiego, wszystkiey Rusi Metropolity, iako słuszney, łaskawie się nakłoniwszy, wyżey *referowaną* Najasn. S. p. K. J. M. Michała *Confirmatią*

Immunitatum et Jurium duchowienstwa, Religiey Graekiey, w Uniey S. z Kosciołem Rzymskim będącey, tudziesz y Administratią Dobr Cerkiownych w niey będących, we wszystkich punctach, paragraphach, artykułach, condy-tiach, y clausulach, inquantum juris est, usurae jus habe-tur, stwierdzamy, zmacniamy, y ratificujemy, tym listem naszym confirmacyjnym y przy zupełney, a wieczney mocy y wadze, cale y nienaruszenie nie odzownemi czasy, za-chowujemy. Na co dla lepszey wiary ręką się naszą pod-pisawszy, pieczęci Koronną y W. X. L. przycisnąć ros-kazalismy. Dan w Krakowie na Seymie szczęśliwey Ko-ronacyey naszej, dnia III Miesiąca Marca. Roku Pan: MDCLXXVI Panowania Naszego Polskiego II Roku. Jan Krol. Pieczęci dwie wielkie, Koronna y W. X. L. Stani-slaus Buzenski, Gn. Canc: Regens Cancel: Regni, Maioris. Jan Władysław Brzostowski, Pisarz W. X. L. Colloqu. Lub. стр. 79—82. Другой дипломъ заключаетъ въ себѣ тоже подтвержденіе правъ уніатовъ на латинскомъ языкѣ, особенность въ немъ—грамата Владислава уніа-тамъ 1635, указанная нами выше.

323) Еще въ 1661 году вскорѣ послѣ смерти Силь-вестра Коссова, русское правительство приказало быть блюстителемъ Киевской митрополіи посвященному въ Москвѣ мстиславскому епископу Мееодію, несмотря на то, что въ Киевѣ былъ избранъ и посвященъ въ митро-полита Діонисій Балабанъ. Таже исторія повторена и послѣ 1663 года, когда умеръ Діонисій. Опис. Кіев. Соф. Соб. стр. 186—187; 192—193.

324) Такъ это случилось въ 1664 году. Одна сторона избрала митрополитомъ могилевскаго епископа Іосифа Нелюбовича Тукальскаго, а другая подъ руковод-

ствомъ гетмана Тетери, преданнаго Польшѣ, избрала Перемышльскаго епископа Антонія Винницкаго. Тамъ же стр. 190—193; Steb. т. 2, стр. 342—343.

325) Шумлянскій въ нашей литературѣ считается православнымъ до 1700 г., т. е. ему прибавлено цѣлыхъ двадцать три года православной жизни. Въ уніятскомъ архивѣ, хранящемся при Св. Синодѣ, находится письмо Шумлянскаго (по всему видно) къ папскому нунцію отъ 1677 года съ изъявленіемъ желанія принять унію, и отвѣтъ на это письмо отъ того-же года съ полнымъ согласіемъ нунція и папы на это дѣло.

326) Вотъ этотъ оригинальный проектъ съ разными приписками другою рукою: *Punkta, które mogą prywatnie za powagą Jego Mści X-a Nunciusza między nami sami, a Jch M. M. xieżą dawnieyszą w zgodzie z Kosciółem S. zostającą Bracią naszą: tak y te punkta, które może Sam Jego Mśc Xdz Nuntiusz powagą stolice s. Apostolskiej uspokoić et in desideriiis nostris nas ukontentować.*

1-mo *Metropolia Kijowska (далѣе другою рукою) (voluit Szumlanski, ut omnia bona sub Kiovia cedant adhuc parum haberet quod etiam Diecesim Metropolitanam... et krylos possideret, quamvis nunquam fuerit antea Episcopatus Leopoliensis in rerum...)*

2-do *Episkopia Przemyska (voluit Jnnocentius Vinnicki Schismaticus et Premyslensis, ut omnia, quae possidet Episcopus unitus Joannes Małachowski, illi cedat).*

3-o *Beneficia Koronne, aby przy koronnych zostawały, a Litewskie przy litewskich (quatenus et Vladimirią et Chelmam schismatici possideant, et Brestam penes unitis,*

sine ullis bonis reliquant cum et Tyczynum pertineat ad epptum Vlodimiriensem.)

4-to. Episkopia Lwowska tak iest uboga, że i iednego poddanego niema: prosimy tedy za tą Episcopią y samym Jego Mscią oycem Episkopem, ażeby promotione stolicy S. Apostolskiewy lub dobra odpadłe tey Episkopiewy były przywrócone, lub particularz tey Episcopiewy Grodek y Hosisza z Archimandryą iakową był przydany; ponieważż by dla tego ta Episkopia upaść miała. A tym czasem o respekt jakowy na osobę jego Msci prosimy y o «pensyą» z łaski Oycy Świętego.

5-to. Za Jego Mscią Oycem Twarowskim jako zasłużonym w Cerkwi S. y człowiekiem uczonym do tego szlachekiewy condyciewy Bratem naszym instamus o respekt jakowy y Archimandryą tym czasem wakującą Owrócką, aby na osobę Jego Msci ta była z łaski Jego Krol. Msci za instantią Jego Msci Xdza Nuntiusza oddana.

6-to. Declaratiom naszym czas y mieysce za Universałami Jego Krol. Msci pana naszego Miłościwego na Rusi naznaczyć, aby tamże y ci zjachali, którzy Konstytuciewy y listowney declaraciewy Jego Krol. Msci teraz nieusłuchali, żeby diffugiis niewiadomości pretendowaney ardua ingenia nie narabiały.

7-mo. Po declaracyach naszych Jch Msc Xża Ritus Romani, aby nie zaraz do Cerkwiewy Ruskich z nabożeństwem swoim wchodzili aż się dobrze z naszą porozumiemy Rusią, y ztąd, że też omne principium grave y żeby zatym niebył aliquis tumultus et turbatio in populo, o co na Rusi nie trudno.

8-vo. A poniewarż bez naruszenia żadnego praw y starożytnych zwyczajow naszych wschodniewy cerkwiewy do zgo-

dy przystępujemy; przetoż y to sobie cavemus, aby ad loci ordinarios (ad loca ordinaria) zakonnicy wszyscy w w Episkopiach ich zostający secundum jus antiquum in sacris canonibus w tey mierze expressam immediate należeli. (Отсюда можно видѣть, что тогда многимъ не нравилась самостоятельность Базилианскаго ордена, управляемаго собственнымъ протоархимандритомъ, независимо отъ епархіального начальства.)

9-no. A żeby in populo indisciplinato bardziey się za opinią, a niżeli za samą słusznoscią ciągnącym, nie była ex occasione oddalenia kapłanow, irregularite bigamiae trzających, jaka confusia ex re fore videtur onych by teraz przy dostojenstwie kapłanskim zachować się zwykło, a uczynić in posterum cautią, żeby takowi ad ordines non convolent.

10-mo. Niesłuszny interes Jego Mści Xdza Arcybiskupa Lwowskiego w podawaniu Episkopa Lwowskiego znieść ponieważ sublata causa tollitur effectus. (Это давнее право, о которомъ мы говорили въ 1 т.)

11-mo. Coadjutoria Chelmnæsis Szeptitio.

12-mo. Korendowiczowi szlachectwo, że promowuje unią (прибавлено послѣ) y Żurakowskiemu.

13. Administratia Peczerska Jego Mści Xdzu Lwowskiemu, co trzyma Jego Mści Xiądz Biskup Smolenski.

14. Xiądz Archimandryta Uniowski (Авраамъ Шептицькій) aby zaraz był ukontentowany, nim, przystąpi do uniey.

327) Jan Trzeci z Bożey łaski Król Polski... Wielebnym nabożnym, Metropolitom, Episkopom, Archimandrytom, Jhumenom, Przełożonym y wszystkiemu duchowienstwu, także szlachetnym obywatelom, różnych wojewoctw, Bracstwom

Stauropigianom y wszystkim in genere w miastach naszych y szlacheckich Religiey Græckiey Unitom y Dyzzunitom w Koronie y w W. X. Lit: y prowincyach do nich należących będącym, wiernie nam miłym, łaska nasza krolewska. Wielebni, nabożni, wiernie nam mili. Nieustające o Panstwach naszych mając pieczołowania, tego życzymy, żeby w nich pożądaný pokoy y chrzescianska miłość, która za sobą Boskie pociąga błogosławienstwo, iako naybardziej kwitnęła. Do tego zaś wszystkiego, gdy wielką przeszkodą iest zawzięta y zastarzała w narodzie Ruskim niezgoda, która iedność obywatelow Panstw naszych rozrywa, pokoju s. fundamenda wzrusza, braterską znosi miłość, a niechęć y wzajemne w sercach roznieca zajątrzenia, przetoż, chcąc temu wszystkiemu oycowskiemu dozorem naszym y affectem zabezpieć, chcąc do należytego uspokojenia, rozroznione Wierności waszych sprowadzić animusze, inhaerendo Constitutiey naszej, na seymie w Warszawie postanowionej, która na Grodzińskim Seymie do exekuciey przysć nie mogła, także skłaniając się do usilney proźby obojey strony, ninieyszym unwersałem W. W. W. W. żądamy, y po nich tak koniecznic mieć chcemy, abyście wszystkie insze na stronę uchiliwszy zawody, ze wszystkimi ab utrinque przywilejami, decretami, y pravami, w mieście naszym Lubelskim na dzien 24 miesiąca stycznia; a podług starego kalendarza na dzien 14 roku przyszłego 1680, przybywali: y tam od Pana Boga wszelkiego pokoju y wzajemney miłości nieprzebranego zrzodła posileni, za przyczyną błogosławionej y Nayswiętszey Panny, przy bytności Wielmożnych commissarzow naszych, których do tego aktu, z Senatu naszego mianować będziemy, z sobą w miłości Chrześcianskiey pewną uczynili

rozmowę, iak ciż Wielmożni commisarze nasi Wierni: W. W. do zgody, uspokojenia, y do uprzątnienia prawnych zawodow, na mieyscu naszym, tam zasiadający, pobudzać będą. Co gdy się da Pan Bog nada, tak jako zyczemy, nietylko swiat cały Chrzescianski cieszyć się, będzie, ale y Niebo samo, Bog zgody, Bog iedności, Bog pokoju błogosławić Wier. W. W. y Panstwu temu będzie, y pohanbi nieprzyiaciołow krzyża S., którzy nie tak na sile y mocy swojej, iako na niezgodzie y rozerwaniu Chrzescianstwa nadzieję zguby naszej założyli. A ktoby zaś Wielebnosci y Nabożnosi W. W., kochając się w niezgodzie y w rostyrku, Bogu y Ludziom niemiłym, na ten tak pobożny y pożądany akt nie przybył y przybyć niechciał, taki każdy, jako woli naszej nieposłuszny y zgody s. przeciwnik, a beneficiis, ktore trzyma, odpadać będzie, y komu inszemu te beneficia przez nas oddane będą. Zaś unwersał nasz, aby do wiadomości przyszedł wszystkich, Wielebni Mełropolitowie, Episkopi y inni przełożeni, aby go publikować kazali, mieć chcemy. Ktory my, dla większey wagi ręką naszą podpisawszy, pieczęcią koronną stwierdzić y zmocnić roskazalismy. Dan w Jaworowie dnia IX miesiąca Octobr. roku Panskiego MDCLXXIX panowauia naszego VI. Jan Krol. (Coll. Lub. crp. 3—4).

328) Jan Trzeci z Bożey łaski, Krol Polski,.... Wielebny wiernie Nam miły. Stosując się do constytyticy ostatniego Seymu Warszawskiego; a chcąc wszystkie differentie Ritus Graeci, skutecznie ku pomnożeniu Wiary S. uspokoić y szczęśliwym, day Boże, zaterminować koncem, wydalismy unwersały nasze, do całego duchowienstwa Ritus cujusdem, aby się wszyscy, quocunque nomine,

Starsi y Przełożeni nazwać mogą, że wszystkich Panstw naszych na dzien dwudziesty czwarty, miesiąca Stycznia, a podług starego kalendarza na dzien czternasty, tegoż msca, w roku, da Bog, przyszłym 1680 do Lublina zgromadziwszy y tam wezwawszy Ducha S., dawcę wszelkich darow, przy obecności commisarzow od nas naznaczonych; między sobą zupełne postanowienie y ziednoczenie, namowili. Lubo tedy niewątpiemy że z pomienionych universałow, wierność twoja będziesz należycie o tym wszystkim informowany, ale nadto y tym listem naszym zagrzewany, aby wierność twoja naznaczonego mieysca y terminu nieuchybiając, do powszechnego Colloquium y zgromadzenia strawił się, y tam do generalney zgody stosował się. Jnaczyey nie szyniąc dla łaski naszej. Dobrego zatym wielebnosci twojej od Pana Boga zyczymy zdrowia. Dan w Jaworowie dnia 10 miesiąca Octobra roku MDCLXXIX panowania naszego VI. Jan Krol. Coll. Subel. Ctp. 4—5.

329) Wam tedy zebrany na głos Najasnieyszego Monarchy Naszego, Jana Trzeciego, Pana a Pana Naszego Miłosciwego, błogosławi dusza moja, говорить Жюхов. кнѣзь, y kładzie was tu, prosząc naywyższego, niewidomego Pasterza, aby wpisał imiona wasze do Xięgi swey *praedestinatorum*, ktorzyście w oczach pasterza waszego niegodnego, stawili się do Lublina, iako to: Jasnje Przewielebny w Bogu, J. M. Xiądz Leo Załęski, Prothotroni Metropolci Włodzimirski y Brzeski Epp.; J. M. Xiądz Mitrophan Drucki Sokolinski, Archiepiskop Smolenski, J. M. Xdz Jakób Susza Epp. Chelmski y Belski; Jm. Xdz Marcyan Białożor, Epp. Pinski y Turowski; Jm. Xdz Jan Małachowski Epp. Przemyski y Samborski; Nay-

wielebnieysi: w Bogu, Jm. Xdz Stefan Martyszkiewicz Buzinski zakonu Bazylego S. Proto-Archimandryta, albo General, Theolog Rzymiski; Jm. Xdz. Jozaphat Michuiewicz Archimandryta Supraski, Theolog Rzymiski; Przewielebni w Bogu Jch Mość Xięza: Pachomius Ochilewicz Zakonu Bazylego S. Consultor et sac. Theol. Doctor Romanus; Symeon Cypryanowicz Consultor Ord., Starszy Minski y Theolog Rzymiski; Jerzy Malejewski, Consultor Ord. Starszy Żyrowicki y Czercyski Archimandryta, Theolog Rzymiski; Jozeph Piotkiewicz Sesretarz Zakonu, starszy Bythenski Theolog Rzymiski; Bonifacy Puczkowski Proconsultor Zakonu y Teolog, Starszy Rożanski; Jozaphat Braźyc Starszy Połocki, Official Archiepiskopiey Połockiey, Theolog; Benedykt Michniewicz Kaznodzieja Żyrowicki, Theolog Rzymiski; Symon Koziol Theolog Rzymiski y Kaznodziga; Stephan Sieluzinski Archimandryta Brasławski; Samuel Pilichowski Theolog Rzymiski y Official Diocezey Chelmskiey; Bartłomiej Miniewski, Monastyrów Wołyńskich Metropoley Namiestnik. Zakonu Bazylego Świętego; Daniel Korytyński Z. S. B. kaznodzieja Metropolitanski, Theolog; Hieronim Hryszkiewicz Z. S. B. Theolog Moralis; Prokopiusz Mon. Z. S. B. Spowiednik Żyrowicki; Marcin Straszkiwicz Z. S. B., Archidiakon Metropolitanski; Samson Boreysza Z. S. B. Starszy Włodzimierski; Warsonofiusz Kobylanski Z. S. B. Starszy Nowogrodzki, exorcista z daru Bożego, y posłuszenstwa starszych; Ephrem Mieczkowski, Z. S. B. Starszy Wolnenski y Kaznodzieja; Bonifacy Paszkiewicz Zakonu Bazylego S. w słowięszczyźnie doświadczony. Tyleż albo więcey było zakonników dla assystentey, przy tey wyżey specyfikowanej starszynie Zakonu. Zas ich Mość Xza Biskupi, żeby

się niezagęszczając osobami, abo raczej niezwoływając kapłanow swych diecezey, ktorych byłby numerus innumerus, mieli przy sobie po czterech y więcey archiprezbiterow sensatów. Z Bractwa głównego y stołeczego, Wilenskiego, nomine śawicy Ruskiey, która iest per legem et decreta unjacka, comparuit szlachetny Jego Mość Pan Jerzy Pawłowicz, Burmistrz Miasta J. K. M. Wilna, człowiek de unione s. meritissimus. Przytomni aderant, e. medio Duchowienstwa nie Uinitow, Wysłani: Ociec Wołczacki, Namiesnik Monastyra Mochilowskiego z drugimi Jhumenami, deklarując się z tym że adsunt vocati., Stycznia 25, przybył Jasnje Wielmożny Jego Mość Pan Jan Karol Kopeć, Kasztelan Trocki, commisarz do tego dzieła S. od J. K. M. naznaczony, ktorego zelum Catholicum et operationes sollicitas około zbawienia tego narodu y pod czas tey okazyey, pagina haec non capiet, sed aeternitas beata zapewnie nagrodzi J. Mości zato. Debitum także podziękowania, cała Jedność święta, persolvit Jasnje Wielmożnemu J. M. Panu Jerzemu Wielohorskiemu, Kasztelanowi Bracławskiemu commisarzowi J. K. M. praesentis actus, że przytomnością swoją et activitate, qua pollet activissima, prowadził do zgody powszechney rozroznioną Bracią, sed in magnis et voluisse sat est. Coll. Lubel. str. 5—7.

330) Тамъ же стр. 7—8.

331) Wielebni Wiernie nam mili. Przybyli tu do nas od Bractwa Łuckiego Religiey Grockiey posłani z tą supliką, abysmy to Colloquium Lubelskie do dalszego odłożyli czasu, pretextem tym, aby się z Patryarchami Wschodniemi znieść wprzod mogli. Zaczym, lubo im tego samo zabrania prawo, iako każdej z postronnemi krajami Kor-

respondentiey; my iednak tak dłuŕo na tę supplikę żadney dać deklaratiey z wielu przyczyn niemożemy y posłanych tu zatrzymamy, abysmy wprzod Wiernosciom waszym żądanie nasze ex Senatus consilio, teraznieyszym listem obwiescili. Które takie iest, aby Wiernosci WW. ten zjazd swoy z Lublina tu do Warszawy przeniesli. Co że z większym wszystkich trudności będzie ułaczeniem, z wygodą y snadnieyszym desideriorum doniesieniem, niewątpiemy że się wtym do Woli naszej sklonicie. Jle pewnemi będąc że tu wolność y zdanie każdego tak będzie bezpieczne, iak dobrą mamy intentią dobrowolnie do zgody y zjednoczenia powszeshnego prowadzić wszystkich, pokoy y iedność Chrzescianską kochających. Jeżeliby zaś zdało się to impracticabile; tedy słusznie Wiernosci waszych zważywszy Rację iak paypilniey do Lublina, Wielebnych w Bogu y Wielmożnych commissarzow naszych zeszlemy. Jnterim, y powtornie Wierności waszey reguirimus, abys y swoję y innych wolą do naszego skłoniając zdania, tu do Warszawy z całym zjechał zgromadzeniem. Zdrowia przytym dobrego Wiernosci waszey od Pana Boga Życzemy. Dan w Warszawie dnia 19 miesiąca Stycznia roku Panskiego 1680. panowauia naszego szostego roku. Jan Krol. Coll. Lubel. ctp. 8.

332) In nomine, sanctissimae et individuae Trinitatis, Amen. Universis, et singulis, praesens hoc nostrum protestationis et declarationis Instrumentum visuris, lecturis, et auditoris, salutem in Domino sempiternam. Ex quo nobis innotuit, quod in civitate Lublinensi, habendum esset Colloquium, publice indictum, cum Ruthenis, a sancta Apostolica sede, ejusque Unione dissidentibus, prima data opportunitate et oretenus, et respective, per literas Illmo

et R-ndo. D. Episcopo praesidenti, ad idem Colloquium Deputato, nec non Illmo et Rndmo. Dno, Metropolitaе Kijoviensi et totius Russiae etc. Proposuimus, teneri ipsos ex sui muneris et status debito omnino inhibere, ne in eodem Colloquio deveniatur ad disputationes, super dogmatibus, ut pote, quas, Oecumenica Concilia et Sacri Canones districte prohibeant, sed solummodo paternis adhortationibus permovendos esse eosdem, ut, abjectis disceptationibus et controversiis, sanctam unionem, juxta sacrosantae Florentinae Synodi, decreta, amplectantur et fidei professionem, ad praescriptum formae per sanctae memoriae Urbanum VIII. editae, emittant. Idem nunc praesenti, publico actu ac declaratione et protestatione nostra opportune et ubicunque ac, quoties opus sit, exhibenda, producenda et intimanda, voluimus insinuare, et manifestare. Ad effectum, ne tales disputationes ullatenus assumantur aut assumi permittantur, magisque notorium evadat, easdem esse Esclesiasticis sanctionibus vetitas et inhibitas protestantes in simul, de dissensu et contradictione nostra, si secus attentaretur et de nullitate ac invaliditate omnium et singulorum, quae quocunque titulo, aut praetextu, directe vel indirecte, fierent in contrarium. Et reservato jure, tam per nos, quam per alios, oretenus et inscriptis plenius et quoties opportunum videatur, protestandi. In quorum fidem etc. praesentes, subscriptione, ac Sigillo Nostro, Communivimus. Dat: Varsaviae, ex Aedibus nostris, hac die, decima octava, Januarii, Millesimo, Sexcentesimo, Octuagesimo. Francisus, Archiepiscopus Corynthis, Nuntius Apostolicus. Coll. Lub. ctp. 13.

333) Coll. ctp. 14.

334) Najasniewszy Miłosciwy Krolu Panie a panie moy

Miłościwy. List Waszey Krolewskiej Mści Pana mego Miłościwego, dnia wczorayszego o południu venerabundus, odebrałem, w którym wołą Panską y Przeswietney Rady tego widzę inclinantem przenieść Colloquim, już tu per primam acclamationem zaczęte, do Warszawy. Tegom ja był rozumienia, że to opus saeculorum, nigdzie felicius, iako ad radios przytomney Maiestatis maturescere może y dla tegoż staralismy się, aby było w Warszawie. Aleśmy zrozóżnionych Braci naszych uznali przeciwnych temu y owszem Lublin (w którym mają nidum, cerkiew nam przez pacta Hadiackie wziętą) antepontes. My zaś lubo tu żadney cerkwie mieć mamy y tylko precario w kosciółach Ritus Romani z naszemi nabożenstwymy mieścimy się y w tym dla zgody s. condescendimus, alisci znowu od Bractwa Łuckiego urasta petitio principij przeciwko submissiey wszystkich Disunitow, etiam ab extremis finibus Panst W. K. Msci zgromadzonych już actu do Lublina, a drugich z drogi cum eadem submissione ozywających się, y tylko incommoda pomieszzaney drogi excusantium. Toć iezeli do Lublina in vicinia będącego evocari niechcieli, iakosz do Warszawy, odlegleyszey evocari będą mogli, i tu przytomni, tak się doclarują, że, ne latum quidem unguem, recedent od Lublina. Recurs do Patryarchi, z którym się waszey Krolewskiej Mści manifestują, meritissimo jure damnavit W. K. M., a nawet y tu przytomni P. P. Disunici, tego niewspominają, lubo ich tu większa daleko liczba. Non restat tedy, tylko Majestatowi W. K. Mn. supplikować, abyś pospiech. Jm. Xdza prezydenta y Jch Mosejów panow commissarzow, a zwłaszcza koronnych (gdyż z Litwy P. M. Jm. P. Pisarz Litewski na sam początek tu przybył, a Jm. P. Kasztelan Trocki,

za godzinę speratur, iako z listu Jm. patebit, który na ręce Jm Xdza Regenta Litewskiego posyłam) powagą y munificentią Pańską maturare raczył. Co do nas Unitow (lubo exinaniti iestesmy)by pieszo, gotowibyśmy, migrare do Warszawy, iako posłuszni mandato W. K. M., ale widzę to na oko, że to opus, tot laboribus et sumptibus inchoatum, na samey Panow Disunitow renitenticy rozbić by się musiało. Wszakże to wszystko cokolwiek się tu namowić może spiritum vitabem nie skąd inąd, tylko a Majestate W. Km. odbierze. Całując zatym jako naysposobniey panującą rękę W. K. m. Pana mego Miłosciwego, Jego się Panskiej protectiëy y całym zgromadzeniem naszym subjicio. Dan w Lublinie 26 Msca Stycznia Anno 1680. Coll. Lubel. стр. 9—10.

335) Тамъ же стр. 16.

336) Тамъ же стр. 20.

337) Тамъ же стр. 9.

338) Wielebni, Urodzeni, wiernie nam mili. Lubosmy termin kommissiëy Lubelskiej, universałami naszemi naznaczony, manutenere życzyli y Wielebnych, Wielmożnych kommisarzow naszych posłać do Lublina umyslili byli, iednak że, poniewasz consilium grande, ktore tu w Warszawie continuamus, obecności Wielmożnych senatorow potrzebuje, a Wiernosci Wasze, listownie do nas wnosicie instantią, że gdy dla niestateczney zimy y złych drog, nie podobno się wszystkim do Lublina ziechać, abyśmy ten ziazd na inszy czas odłożyli: tedy communicato P. P. Radami Naszemi consilio indulgemus w tym Wiernosciom Waszym desiderio, odkładając ten ziazd ad 24 Junij w roku terazniejszym. Na który wiernosci wasze vigore tey prorogatiëy terminu abyscie ziechali, mieć chcemy, sub

vinculis, w universałach naszych expressis. Zdrowia przy-
tym dobrego Wiernosciom Waszym od Pana Boga życze-
my. Dan w Warszawie dnia XXIX miesiąca Stycznia roku
Pnnskiego MDCLXXX. Panowania naszego szostego roku.
Jan Krol. Coll. Kubel. ctp. 16.

339) Najasnieyszy Krolu, Panie a Panie moy Miłosciwy.
Przybywszy do Lublina wespoł z Jch Mosciami P. P.
kommisarzami, od waszey Krolewskiej Mosci P. N. M.
naznaczonemi, ktorych tylko trzech w tey scisłosci czasu
y drogi variathey sama przeciwko Rptey y Religiey s.
pobożność tu sprowadziła, pierwszą pocztą doniesliśmy, że
z obu stron do zaczęcia tak s. dzieła affugere zdała się
nadzieja, wyjowszy Bractwa Luckiego, ktore differri to
negotium pragnęło y z tą proźbą do Waszey, Krolew-
skiej M. P. N. M. recursum uczynieło. Bośmy się wdali
byli in personalem z obu stron comparitionem et mutuam
actu tego diligentiam. Ale kiedy woła J. K. M. P. N. M.
aliter disposuit, obsequimur roszakom Majestatis: oto tylko,
iako naypokorniey, supplikujemy, abys W. K. M. z. Pan-
skiej protectiey swojej niewypuszczał Jednosci s. (ktora
nie burzy y owszem firmat). In obsequio Majestatu. W.
K. M. poddanych Jego, a niedopuszczał (stante limitatione
actus praesentis) affugere nowey potentiey anti Metro-
politanae y consecratią J. M. X. Winnickiego na Władyctwo
Przemyskie differre panskim swym roszakaniem raczył.
Wielkie ztąd accedet momentum rebus ex voto W. K.
M. agendis, gdy przynamniey dla pewnieyszey benefi-
ciorum nadzieje, ieżeli nie dla Chrystusa, inclinari mogą
do zgody y Jednosci s., dalszego zaś congressu z Jch
Mosciami, nieracz W. K. M. P. N. M. oddalać od boku
swojego, bo widzę rzecz niepodobną, abyśmy inaczey z

sobą coalescere, mogli, chyba radiis przytomnego Majestatu W. K. M. zagrzani y po Bogu iego spirita principali Confirmati. Panującą zatym rękę W. K. M. P. N. M. iako najpokorniey całujemy. Warszey Krolewskiej M. Pana, Pana Naszego Miłosciwego wierni naynizsi służy:

Cypryan Żochowski, Archiepiskop Metropolita wszystkiey Rusi, Archiepiskop Połocki;

Leo Załęski Protothroni Metropolcy Włodzimierskiy y Brzeski Episkop;

Mitrophan Drucki Sokolenski.

Jakub Susza Episkop Chelmski.

Marcyan Białożor Epp. Pinski y Turowski.

Jan Małachowski Epp. Przemycki y Samborski.

Stephan Martyszkiwicz Businski, zakonu Bazylego s. Protoarohimandryta imieniem całego zakonu.

Jozaphat Michniewicz Z. S. B. W. Archimandryta Supraski. Coll. Lubel. стр. 17—18.

340) Въ уніятскомъ архивѣ, хранящемся при св. Синодѣ, находится эта присяга на унію Іосита Шумлянскаго, Иннокентія Винницкаго, Барлаама Шептицкаго архимандрита Уневскаго и Сильвестра Творовскаго архимандрита Овручскаго. Мы не приводимъ ее, потому что она сходна съ присягою Поцѣя и Терлецкаго, напечатанною Бантышъ-Каменскимъ и указанною нами въ 1-мъ томѣ. Особенность въ ней только та, что принимавшіе унію теперъ клялись прилагать къ символу filioque. Рукопись № 329.

341) Modi concordiae Ecclesiarum, id est Ecclesiae Orientalis cum Ecclesia Occidentali, in Regno Poloniae sub felicissimis Jago Krolewskiej Msci Pana naszego

Młwego auspiciis existentium z ukontentowaniem całego narodu Ruskiego.

1-mo Ritus aby był zachowany, tak w nabożeństwie, jako też zwyczajach, nigdy nieodmienny zostawał.

2-do. Beneficia Ruskie Rusi mere zgodney za zgodą duchowienstwa Ruskiego każdej Diocezey albo Monasterow aby były podług praw rozdawane, prosiemy.

3-tio. Duchowienstwo Ruskie mianowicie swieccy duchowni gaudeant omnibus libertatibus y żeby do iedney tylko jurysdyctey Episkopa swego należeli y w krzywdach wszelkich od possessorow cujusvis tituli forum competens aby naznaczone było.

4-do. Bractwa szozycące się prawem patryarszym, ponieważ są przeciwko prawom Episkopskim zafundowane, pod posłuszeństwo każdego Episkopa Diocezey one poddać.

5-to. Pensie (?) w Trybunale Lubelskim wymyślone (?) non sine opressione osob tak Episkopow Ruskich, jako y ubogich Monasterow znieść prosiemy.

6-to. A ponieważ dobrowolnie w zgodę wchodziemy y starego posłuszeństwa oycy świętego powrocamy, że nie tylko tak documentis et privilegiis senatim upewnieni; ale że też i ratio charitatis sama et soliditas amicitiae verae (która) non nisi inter pares bywa, exigit abyśmy z duchowienstwem Rzymskim in omnibus praerogativis porównani byli y przeto in senatu dla lepszey desideriorum suorum promocyey zostawali.

7-mo. W Trybunale deputatow aby o medio E-ppow y Archimandrytow obranych swoich mieli dla wielu poważnych respektow et meliorem Jurium Ecclesiasticorum tuitionem. A Electia aby in loco certo była — nam ko-

ronnym w Koronie, a Litewskim Jch M. M. w W. X. Lit. opisana.

8-o. Na seymikach abyśmy mogli mieysce pierwsze mieć po senatorach y activitatem, prosimy.

9-no. Na tych którzy podług konstitutiey y listowney Jego Krl. M-sci Pana naszego Miłosciwego niezjechali tu do Warszawy na seym declaratiey, penas naznaczyć y znowu mieysce gdziebyśmy się zjachali raczył assignare, ato pod utratą każdego beneficiorum y na samych personach animadversią.

10-mo. Privilegia przeciwko prawom Episkopskim nadane poddanym w Episkopskich dobrach, aby zniesione były; a super injurijs in foro competenti, żeby bez żadney przeszkody salve possessorum była zachowano actio.

11-mo. Prosimy też abysmy byli konservovani circa privilegia s. pamięci Krola Zygmunta Trzeciego, który indulsit, abyśmy naybliższemi byli boku króla Jego M-sci y inter praelatos Ritus Romani swoje autoritates.

342) Stebel. т. 3, стр. 231.

343) Уніятскій архивъ при Св. Синодѣ рукоп. подъ № 537. П. О Инокентіѣ Винницкомъ мы только знаемъ, что онъ вступилъ въ управление перемышльскою епископіею не раньше 1694 года, когда умеръ тамошній уніятскій епископъ Іоаннъ Малаховскій; но едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что послѣ принятія имъ уніи въ 1681 году уніаты ублаготворили и его архимандріями и помѣстіями.

344) Тогда же Польша обязалась навсегда сохранить православными епископіи — Луцкую и Могилевскую. Бан.-Камен. стр. 141—144.

345) Читатели могли замѣтить, что въ провѣтъ уніи

1677 года говорится и о Луцкой епископiи, какъ о православной. Имя ея епископа неупоминается, но имъ былъ тогда Гедeonъ Четвертынскій (Опис. Киев. Соф. Соб. стр. 197, Stebel. . т. 2, стр. 411 примѣч.), и въ припискѣ къ этому документу позднѣйшею рукою сказано, что это проэктъ униі схизматическихъ епископовъ Львовскаго, Перемышльскаго и Луцкаго. Впрочемъ мы должны сознаться, что въ нашихъ документахъ это дѣло темное.

346) Все это дѣло описано въ рукописи публичной библиотеки, находящейся также и въ библиотекѣ Академіи Наукъ — «Икона» — сочиненіе Варлаама Яснскаго. Г. Устряловъ выписалъ оттуда нѣкоторые документы и очень осуждаетъ тогдашнее московское правительство гражданское и церковное за неумѣстныя, опасныя усилія отнять у константинопольскаго патріарха управленіе западно-русскою митрополіею (Истор. Петра I, т. 1. стр. 139—151) Мы думаемъ, что и на этой части труда г. Устрялова отразилась общая его манера унижать все, что сдѣлано не Петромъ. Конечно, съ этой точки зрѣнія дурно въ Москвѣ дѣлали, что желали подчиненія московскому патріарху Киевскаго митрополита. Дурно это покажется также и съ идеальной точки зрѣнія, съ точки зрѣнія непритязательности, необходимой для всякой церковной власти. Дурно наконецъ это покажется и въ томъ отношеніи, если имѣть въ виду опасность раздора изъ-за этого между русскою Церковію и Константинопольскою, котораго однако неслучилось. Но ненадобно забывать, что тогда въ Россіи гражданскіе и религіозные интересы слиты были въ одно и по тогдашнимъ всеобщимъ

русскимъ воззрѣніямъ странно было, что область православная подчинена русскому царю, а іерархія ея не подчинена московскому патріарху. Странность эту тогда уничтожили бы не только царица Софія и патріархъ Іоакимъ, но всякое русское правительство церковное и гражданское. Вѣдь старались же объ этомъ Алексѣй Михайловичъ и патріархъ Никонъ и другіе патріархи русскіе до Іоакима, а Петръ 1 основательнѣе сдѣлалъ уничтоживъ вѣковой титулъ митрополита Кіевской? Что же касается до Кіевского митрополита, то какъ скоро онъ очутился въ границахъ Россіи, для него уже теряла прежнее значеніе зависимость отъ константинопольскаго патріарха. Прежде это важно было, пока Кіевъ находился подъ властію Польши; западно-русская Церковь, завися отъ Константинопольскаго патріарха, меньше возбуждала въ Польшѣ подозрѣній въ своихъ симпатіяхъ къ Россіи, а теперь средоточіе іерархіи западно-русской оказалось въ предѣлахъ Россіи; теперь Польша смотрѣла подозрительно на сношенія съ этимъ средоточіемъ польскихъ православныхъ, все равно зависѣло-ли это средоточіе отъ константинопольской или московской церковной власти; между тѣмъ, вся западно-русская іерархія, неимѣя рѣшительнаго положенія, колебалась между Россіею и Польшею: Гедеонъ Четвертинскій и поставилъ ее въ это рѣшительное положеніе, которое конечно не принесло пользы западно-русскимъ православнымъ оставшимся подъ властію Польши; но они равно не могли извлечь пользы и изъ того, что ихъ митрополитъ, подданный Россіи, зависѣлъ отъ константинопольскаго патріарха, а для областей подчиненныхъ Россіи шагъ Гедеона былъ вполнѣ логиченъ и

очень полезенъ, потому что уничтожалъ подозрѣнія народа, что іерархія имѣетъ симпатіи къ Польшѣ.

347) Объ этомъ мы заключаемъ потому, что присягу на унію Шумлянскаго и Винницкаго 1681 г. нужно было подтверждать въ судѣ въ 1697 году, какъ дѣйствительно вѣрную, какъ несомнѣнно данную въ 1681 году, значить до 1697 года она небыла заявлена никакимъ общественнымъ актомъ и легко могла быть скрываема.

348) Опис. Киев. Соб. стр. 206—207.

349) Вант. Кам. стр. 147 пунктъ 8; стр. 143—144; 154—155.

350) Жур. Мин. Нар. Просв. 1856 г. Отд. II стр. 138—139.

351) Вант. Кам. стр. 159—163; Stebel. стр. 411—412 текстъ и примѣч.

352) Даже Бантышъ-Каменскій введенъ былъ въ заблужденіе обиліемъ документовъ о распространеніи уніи въ эти времена и не показалъ ихъ дѣйствительнаго значенія, хотя самъ-же въ двухъ мѣстахъ указываетъ безсиліе уніи, говоря объ упомянутомъ нами проэктѣ уничтоженія уніи и о признаніи передъ Георгіемъ Конисскимъ уніятскаго митрополита, что уніаты спасаются только за плечами православныхъ, что когда небудетъ православныхъ, то поляки съѣдятъ и ихъ. Впрочемъ и то нужно сказать въ оправданіе Бантышъ-Каменскаго и другихъ нашихъ писателей: всѣ они, говоря объ уніи, занимаются собственно процессомъ борьбы православныхъ съ уніятами, а не изложеніемъ *дѣйствительныхъ* силъ и *дѣйствительнаго* успѣха или неуспѣха тѣхъ и другихъ.

353) Бант. Кам. стр. 156—158; Stebel. т. 2, стр. 404—409.

354) Петръ такъ принялся за уніатовъ, что самъ папа и король Августъ просили его оставить уніатовъ въ покоѣ; но и послѣ того, замѣчаетъ Стебельскій, Петръ 1 прощая меньшимъ и низшимъ изъ уніатскаго духовенства, никогда непросталъ высшимъ т. е. епископамъ и безъ сомнѣнія Базиліанамъ. Steb. т. 2. стр. 409—410.

355) Бант. Кам. стр. 131—133; 141—142.

356) Вотъ достойные исторической памяти имена:

1. Канцлеръ князь Вишневецкій, выдававшій въ Пинскѣ замужъ двухъ дочерей;

2. Русскій воевода Яблонскій;

3. Киевскій воевода Потоцкій;

4. Два Замоискихъ;

5. Латинскій Луцкій епископъ Стефанъ Рупіевскій.

6. Уніатскій пинскій епископъ Гodeбскій, съ множествомъ шляхтичей, слугъ, былъ даже цѣлый отрядъ войска — regimentъ Замоискихъ, — опорочившихъ теперь славное имя Яна Замоискаго, у котораго въ свое время находилъ защиту всякой иновѣрецъ. Обращено было такимъ образомъ около Пинска 20.000 народа; происходило это въ 1722 г. Бант. Кам. стр. 195; тамъ же далѣе посланіе папскаго нунція, подтверждающее расказъ Бантышъ-Каменскаго.

357) Это происходило около Орши въ 1723 г. Отличался этою изобрѣтательностію кухмистшъ Вел. Кн. Литовскаго Залусскій. Тамъ-же стр. 241—242, примѣч.

358) Тамъ-же стр. 199—204; 219—222.

359) Намъ извѣстно, что этотъ результатъ уніи понимается многими не въ томъ смыслѣ, какой мы здѣсь

ему дали, и наши слова могут подвергать насъ разнымъ нарѣканіямъ; но мы увѣрены, что возобновимъ этотъ смыслъ тѣмъ-же путемъ науки, какимъ слѣдовали до сихъ поръ, и снимемъ съ себя всякое подозрѣніе въ предзанятыхъ мысляхъ, когда въ слѣдующемъ томѣ обнародуемъ доступные намъ многочисленнѣйшіе объ этомъ предметѣ документы *уніятскаго* происхожденія съ *очень давнихъ* временъ, на пространства очень *многихъ* лѣтъ. Съ слѣдующимъ томомъ нашихъ изслѣдованій мы поспѣшимъ ознакомить нашихъ читателей, если имъ будетъ угодно, рядомъ журнальныхъ статей, о которыхъ будетъ объявлено въ непродолжительномъ времени. Впрочемъ, съ сущностію нашихъ будущихъ изслѣдованій читатели могутъ ознакомиться и теперь, а можетъ быть нѣкоторые уже знакомы, изъ нашей статьи, напечатанной въ прошедшемъ году въ Христіанскомъ Чтеніи подъ заглавіемъ: Возможно-ли соединеніе Церквей?

ОПЕЧАТКИ.

<i>Стран.</i>	<i>Строк.</i>	<i>Напечатако.</i>	<i>Должно быть.</i>
1.	9	сверху распространяться	распространиться
5.	2	сверху разрушить	разрушать
19.	5	снизу заглялось	закалялось
35.	9	сверху мумную	мутную
42.	5	сверху представленіями	преступленіями
55.	9	сверху шаринѣ	широтѣ
106.	3	снизу поредѣли	рѣдѣли
125.	11	снизу вигакріемъ	викаріемъ
137.	8	сверху пластическое	эластическое
141.	5	сверху переворотъ	поворотъ
180.	2	сверху даетъ	дасть
187.	4	снизу намъ	какъ намъ